Эндрю Харман

Дело «Труба»

Святой десант

Дело «Труба»

Святой десант

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Эндрю Харман

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ANDREW

HARMAN

The Tome Tunnel

The Deity Dozen

ЭНДРЮ

ХАРМАН

Дело «Труба»

Святой десант

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРАНЗИТКНИГА
Москва
2005

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Х20

Серия «Золотая серия фэнтези» основана в 1999 году

Andrew Harman
THE TOME TUNNEL
THE DEITY DOZEN

Перевод с английского М. Кондратьева

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художник М. Калинкин

Компьютерный дизайн А. Сергеева

Печатается с разрешения издательства Time Warner Books UK
и литературного агентства Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 25.07.05. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 32,76. Тираж 3000 экз. Заказ № 1978.

Харман, Э.

Х20 Дело «Труба». Святой десант : [фантаст. романы] / Эндрю Харман; пер. с англ. М. Кондратьева. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005. — 621, [3] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-024751-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9713-0495-X (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
ISBN 5-9578-2008-3 (ООО «Транзиткнига»)

Нет ничего хуже демона-яппи, выбившегося в адское начальство и незамедлительно принявшегося наводить в администрации города Мортрополиса «новые порядки».

Его любимые слова — «эффективность» и «автоматизация» — стали поистине КОШМАРОМ для бедных обитателей преисподней!

Иммиграция «автоматизирована для пущей эффективности».

Перевозчики через адские реки вот-вот будут заменены... тоннелями.

А компьютеризация? А эта... как ее... модернизация?

Жизнь в аду стала для демонов... гм... адом.

За помощью — ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ! — пришлось обращаться к ОППОЗИЦИИ!..

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Andrew Harman, 1998 (first print — 1994), 1996
© Перевод. М. Кондратьев, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2005

Дело «Труба»

ПОСВЯЩЕНИЕ

Большие пальцы кверху, в порядке совершенно абстрактном, зато исключительно победном: Марии, Гарету, Крису, Ивонне и Энди — самым славным редакторам-дилетантам, какие только на свете есть! И не менее победный кукиш — Кери!

ПРОРОЧЕСТВО СМЕХА РАДИ

Напрочь игнорируя отчаянные вопли хорошенькой секретарши, бурно выражавшей изумленный протест, специальные молитвенные сапоги (ровно тринадцать застежек в ряд), а также их владелец-первосвященник с грохотом проложили себе дорогу в главную контору ООО «Вильчатые и Трубчатые Солнечные Часы» и потопали дальше. Размахивая руками столь неистово, что все жесты слились в один, для нормального человека решительно неразборчивый, и при этом ловко увернувшись от захлопнувшейся входной двери, фигура в индиговой рясе могучей поступью приблизилась к своей очередной трусливо съежившейся жертве.

— А вы готовы к загробной жизни? — потребовала ответа грозная фигура, скользя на высокой волне веры, устремляя вперед покатые плечи, точно серфингист, удирающий от шустрой акулы. Очи первосвященника дымились страстью человека предельно одержимого. Он затормозил перед столом, воздев к потолку руки и приняв традиционную позу Святого Жмота — нечто среднее между распятием и челобитием.

— Н-нет. Еще нет. Вы рановато пришли! — слабо запротестовал жалкий человечек, чье перо вдруг выдало на пергаменте в высшей степени неуместный крендель.

— Сверяется ли Смерть с солнечными часами? Заполняют ли Демоны ежедневники? — риторически вопросил первосвященник, размахивая длинным пальцем у самого носа жертвы. — Пунктуальность — не суть забота тех, кто по ту сторону. Или вы распо-

лагаете надежным предсказанием того, когда наступят ваши личные кранты? А, Мондовошинг? Не слышу!

— Я... я... — силился выдавить из себя Мондовошинг. Его бледно-голубые глаза метались, точно стая пиявок перед сачком опытного ловца.

— Приготовились ли вы к Отбытию? — вопросил первосвященник, чьи зубы вызывающе торчали вперед, напоминая только что вскрытые кладбищенскими мародерами надгробия.

— Н... Н-нет.

— Ваше загробное будущее застраховано? — воскликнул его преосвященство Спирохет Ревностно Восторженный, вольный религиозный советник и координатор будущих посмертных дел. Его белая борода так и тряслась от религиозного пыла, пока он подавался вперед над столом и тыкал пальцем прямиком в до смерти перепуганное сердце своей последней жертвы.

— Упаковали вы чемоданы для величайшего путешествия за все ваше никчемное существование? — неистово прорычал он, раздувая ноздри от страстного возбуждения. Спирохет нюхом чуял растущий страх жалкого человечка; видел внезапный приступ теологической агорафобии, пока ничтожная душонка управляющего компании озирала широкие просторы равнин Вечного Проклятия. Первосвященник дико завопил, хлопая в ладоши, когда Мондовошинг узрел себя именно тем, кем хотел лицезреть его Спирохет, — в виде досадной крупинки перхоти на роскошном наряде Бесконечности.

Впрочем, Мондовошинг был не совсем обычной крупинкой перхоти.

У него имелись деньги. Целые горшки денег!

Ибо Мондовошинг был известным изобретателем наиболее успешно продаваемых солнечных часов марки «Ноктюрн» и основателем ООО «Вильчатые и Трубчатые Солнечные Часы». А подобным человеком так просто не становятся! Однако солнечные часы все-таки одно дело; душа же, в особенности твоя собственная, — совсем другое.

— Если вы умрете сегодня, станете ли вы счастливым призраком? — трелью выводил его лучезарность Херсним Самый Превозносимый, ухмыляясь, словно маньяк, поверх красочно отделанного плеча Спирохета. Мондовошинг попытался ответить, но лишь что-то жалко и невнятно забулькал.

— Задумывались вы когда-нибудь о том, сколько времени вам потребуется, чтобы забронировать себе билет у Харона? — осве-

домился его преосвященство Спирохет, складывая руки и опуская бородатый подбородок на ладони, а одним пальцем как бы невзначай указывая в сторону ада.

Глазные яблоки управляющего заелозили, а лоб его сморщился подобно потрепанной и из рук вон плохо набитой бархатной подушке.

— Будет ли арендованная в Аиде жилплощадь дешевле, если вас уже кремируют? — поинтересовался третий первосвященник, его мягчительство Клистир Самый Скользкий, маслянисто потирая ладони. — И где окажутся там самые славные ночные ресторанчики, если вам случится стать летающим демоном?

— Как видите, Мондовошинг, — начал Спирохет, заставляя эту фразу звучать скорее как приказание, а сам тем временем впиваясь взором опытного ловца в дергающихся пиявок в глазницах жалкого человечка и подтягивая к себе кресло, — существуют сотни, нет, даже тысячи вопросов, которые будут вам адресованы сразу же после вашей кончины. Я имею в виду, к примеру, такой вопрос: слышали вы когда-нибудь о недавно скончавшейся персоне, которая сбивается с ног, переводя свои денежные сбережения в оболы, только бы расплатиться с Хароном? Вы просто не поверите, какой он консерватор, этот Харон! Или обол — или ничего! А, позвольте мне вам напомнить, никакого иного пути через Стикс просто не существует. И еще — только между нами — курс обмена для тех, чьи души были недавно востребованы, просто шокирует! Поймите, Мондовошинг, шокирует. И никаких вам там телохранителей, понимаете? Скверный кредитный риск.

Херсним с энтузиазмом кивнул, а его физиономия выразила живейшее участие и пододвинулась на угрожающий дюйм ближе к до смерти перепуганному управляющему. Клистир елейно лыбился.

— Вот почему все больше и больше людей обращаются к нам, прося помочь им в том, что в конечном итоге неизбежно. — Облаченная в индиго рука протянулась над обтянутым лучшим пергаментом столом в сторону Мондовошинга и сунула карточку прямо под его тут же завибрировавший нос. — В жизни каждой персоны есть только три совершенно определенных вещи — рождение, смерть и насущная необходимость делать предварительные заказы.

Мондовошинг пожал предельно озадаченными плечами. В понедельник утром такие разговоры вести просто не следовало.

— Давайте откровенно, — продолжил первосвященник Спирохет, постукивая уголком карточки по носу управляющего до тех пор,

пока тот ее не взял. — Смерть представляет собой оказию, которая и в лучшие времена не была избавлена от всевозможных стрессов. Всегда приходится беспокоиться о таких деталях, как предварительные заказы, обмен валюты, разрешение на дополнительный багаж...

— Как? — вскричали паникующие глаза Мондовошинга, отрывая взгляд от белого прямоугольничка в своей руке.

— Ага! Так вы еще не слышали? А я думал, все об этом знают! Взять хоть Рамсекса Девятова. Вы его знаете, умер пару лет тому назад. Да, я вам доложу, вот кто по-настоящему цеплялся за дополнительный багаж. Там были и кони, и слуги, и жены. И большая их часть еще даже умереть не сподобилась! Это особый случай — когда вы хотите попасть в Аид, но не прошло полных трех суток с момента вашей смерти. Карантин, знаете ли. Там этим сильно озабочены.

— Что?.. — сумел выдавить из себя Мондовошинг, медленно открывая и закрывая рот.

— И тем не менее. Что, если вы прямо сейчас застрахуетесь от всех этих неприятностей, а? — продолжил Спирохет, облизывая корявые зубы.

— Застрах...

— Важнейшая штука, скажу я вам. Без страховки никак нельзя отбросить копыта.

— Но что там?..

— ...может пойти не так? — перебил Спирохет, ухмыляясь, как средних размеров акула. — Вы просто не поверите!

— Дублированный заказ, — намекнул Херсним поверх индигового плеча первосвященника.

Брови Мондовошинга подскочили чуть не до затылка.

— Дублированный?..

— Случается чаще, чем вы можете себе представить, — заверил управляющего Спирохет, складывая руки под подбородком в попытке обрести невинный вид мальчика-певчего и отбиваясь от побуждения вскинуть брови для вящего эффекта. — С полдюжины демонов слегли больными в Иммиграционном отделе, а сюда добавился еще внезапный энтузиазм Мора. И старая добрая Война просто наслаждается, когда заказанное вами сиденье у окна вдруг исчезает. Заодно с вашей платой за проезд и багажом, если его вообще погрузили. Жаловаться бессмысленно. Тут ничего поделать нельзя — только ждать следующего свободного места.

— А сколько...

— Кто его знает? Если повезет, будет следующая переправа, — но могут пройти недели или столетия! Вот в чем загвоздка с Вечным Проклятием. Никакой спешки, чтобы разобраться со всеми проблемами, там себе не позволяют. Но без страховки вашу жилплощадь никто не станет придерживать. А, позвольте мне вас заверить, вам не захочется оставаться бездомным в аду даже на миллисекунду дольше положенного. Но если вы думаете, что после того, как вы умрете, с вами не сможет приключиться ничего более скверного, тогда... ну что ж, тогда вас ждет весьма пренеприятный сюрприз.

— Но как...

— ...может быть еще хуже? Ха-ха! Уверяю вас, вам не захочется об этом узнать! — перебил Херсним, корчась так, точно он воочию представлял себе ряд неприятных событий в самом ультрафиолетовом конце радуги стигийского мучения. Для вящего эффекта он дико закатил глаза.

— Поймите, вовсе не требуется тела, чтобы причинить вам боль, — склизко засочился елеем Клистир, корча торжествующие рожи над плечом Спирохета. — Вы же слышали о тех случаях, когда люди теряли конечности в результате несчастных случаев, но по-прежнему чувствовали в них боль? Как эти люди испытывали многолетние душераздирающие страдания?

Мондовошинг кивнул и от всей души пожелал, чтобы с ним ничего такого не произошло.

— А теперь представьте, что по всему вашему телу, по каждому его чувствительному кусочку... э-э... по всей этой мягкой и деликатной, хрупкой и нежной плоти...

— Клистир, я бы вас настоятельно попросил! Мой Самый Скользкий брат порой не на шутку отвлекается. Прошу прощения, если он вас расстроил. Этого вовсе не требовалось.

Бурно передернувшись, Мондовошинг приобрел цвет трехнедельной давности шпината, посыпанного голубым сыром.

— Всех этих ненужных неприятностей вполне можно избежать! Нет никакой нужды подвергать себя такому риску! — Спирохет ухмыльнулся, подаваясь ближе к клиенту. — Как бы вам понравилась наша Наисчастливейшая Загробная Жизнь в специально построенном, абсолютно новом Жилищном Кооперативе для Кремированных, который является совершенно новым словом относительно жилплощади в Аиде! Да, безусловно, вы окажетесь в

аду, — но уверяю вас, во всех других отношениях покажется, будто вы в Раю! Ну как, заинтересовались? Присоединяйтесь к нам сегодня же, и мы сможем предложить существенные дополнительные скидки для вас и для всех членов вашей семьи.

— Но как я смогу?..

— Присоединиться к Наивозвышенной церкви святого Жмота Неумытого? Нет ничего проще. Просто уверуйте! — ответил его преосвященство Спирохет Ревностно Восторженный.

— Во что?

— Уверуйте! — продолжал настаивать Спирохет.

— Да. Но во что?

— В абсолютное и неколебимое осознание того, что путем подписания вот этого клочка пергамента вы заключаете самую надежную сделку касательно вашей загробной жизни. Что вы таким образом железно обеспечиваете себе безопасный и лишенный всяких проблем доступ в место вашего последнего упокоения, — сказал Спирохет, доставая солидный, весьма щедро украшенный цветными рисунками документ и разворачивая его перед Мондовошингом. — Брат Херсним, будьте любезны, Священное Перо...

— Что это?.. — начал Мондовошинг, глазея на пергамент.

— Это просто подтверждение того, что вы слышали послание первосвященников Высочайшей из Наивозвышенных церквей и что у вас... гм... ну, в общем не имеется вопросов.

— Э-э... — заколебался управляющий, вглядываясь в микроскопические буквы.

— Простая формальность, — засочился елеем Клистир.

— Это не значит, будто вы уже расписываетесь за всю вашу жизнь, — заверил клиента Херсним.

Спирохет аккуратно вжал перо в руку Мондовошинга, улыбаясь как крокодил и наблюдая за тем, как последний уломанный новообращенный царапает свое имя рядом с крестом внизу пергамента. Тут же оно было засвидетельствовано, подписано другой стороной, насухо высушено и очищено.

— Вам следует очень гордиться собой, — сказал Херсним, улыбаясь слишком уж многими зубами. — Поистине великий момент.

И три священника, Спирохет, Херсним и Клистир, повернулись, чтобы уйти.

— Как? — спросил их последний новообращенный. — И это все? Вы не собираетесь за меня помолиться или еще что-то в таком духе?

— Э-э... гм нет. Сейчас нам этого делать необязательно. Как-нибудь потом, — отозвался Спирохет поверх индигового плеча.

— Ах, — откликнулся Мондовошинг, выглядя совершенно убитым. — И даже никаких слов одобрения или благословения? Ведь я вроде как впервые снова рождаюсь, понимаете?

Клистир сглотнул слюну и нервно взглянул на Спирохета. Столь трудных вопросов новообращенным задавать просто не полагалось. Раньше, по крайней мере, никто их не задавал.

— Ага. Очень хорошо, — сказал первосвященник, протягивая руки в жесте притворно-набожного благословения. — Пусть же того, что нам причитается, нам не придется заждаться.

Показалось это Мондовошингу — или в самом конце Спирохет действительно подмигнул своим коллегам?

Шесть тяжелых ног в специальных молитвенных сапогах решительно загрохотали прочь, а управляющий тем временем чесал лысеющую макушку, задумчиво прислушиваясь к радостным распевам священников. Он чуть ли им не завидовал. Их песня звучала так весело... Будь у Мондовошинга немного больше воображения, он бы явственно почувствовал, что святые отцы отчаянно стараются не показать, что помирают со смеху.

Худая черно-белая свинья с трудом пробиралась по длинной и грязной канаве, именуемой Крилевой улицей, что в Ширме. Ее движение сопровождалось взрывами столь ребяческого гогота, какой просто невозможно принять за взрослый смех. Особенно если взрослые эти принадлежат к духовенству. Правда, день выдался на редкость славный, и три первосвященника Наивозвышенной Церкви святого Жмота Неумытого развалились на заднем сиденье свиновозки с исключительно неблагочестивыми выражениями полнейшего самодовольства на физиономиях — причем к немалому замешательству и подозрительной неловкости кучера.

— Того, что нам причитается, — захлебывался слюной Клистир.

Херсним хлопнул себя по ляжке, разражаясь сдерживаемым дотоле восторгом.

— А харю его вы видели? — завопил он. — Нет, блин, я тащусь с этого! Просто тащусь! Этот мудозвон в натуре тебе поверил!

— Брат Херсним, — произнес Спирохет, стараясь сохранять серьезный вид. — Не думаю, что нам следует обсуждать фунда-

ментальнейшие религиозные материи в подобной манере. — Он незаметно указал на развешенные по сторонам уши кучера, явно старавшиеся ухватить хоть какие-то из бросаемых в их сторону перлов духовного красноречия.

К счастью для кучера, он не ухватил никаких деталей касательно семян зла, привольно рассеянных по сочному и богатому финансовому центру Ширма. И, что еще более удачно, — не уловил ни малейшего намека на то, каким хаосом неизбежно обернется прорастание этих семян.

Заподозри только Спирохет, что кучер уловил что-либо инкриминирующее, этот несчастный стал бы кандидатом в клиенты блаженного лейтенанта Садомаха. Несколько кратких и предельно мучительных часов спустя настоящий священник уже проводил бы все необходимые ритуалы над поблескивающей грудой его основных органов — весьма интригующей, но, увы, совершенно несовместимой с жизнью.

Спирохет облизнул похожие на могильные камни зубы, ухмыляясь от удовольствия при воспоминании о лучших работах Садомаха — человек этот был признанным мастером в работе с шилом и ножовкой.

За пределами узкого круга лиц, ограниченного задыхающейся свиньей, кучером и тремя пассажирами свиновозки, население Ширма находилось в блаженном неведении относительно своего финансового и теологического кошмара. И объяснялось это главным образом тем фактом, что большинство обитателей Ширма было совершенно нецивилизованно и проводило всю свою жизнь физиономией вниз в солоноватой талой ложбине реки Гамнотечки. А большинство более образованных обитателей городка старательно пыталось вытянуть их оттуда объемистыми сетями.

Двустворчатые моллюски и брюхоногие радостно насыщались со свойственным всем моллюскам восторгом — к несказанному счастью людей с сетями, что работали на торговую компанию «Моллюски Большие и Малые». Лучшие из известных в мире ракообразных экспортировались с полей брюхоногих или, уловленные в сети, дрейфовали с обширных открытых плантаций блюдечек Ширма.

Однако трех первосвященников Наивозвышенной Церкви святого Жмота Неумытого притягивал к Ширму вовсе не колоссальный интерес к такому изобилию моллюсков. А скорее эгоистический интерес к вещи еще более колоссальной. Если более конкретно — к прибыли торговой компании «Моллюски Большие и Малые».

Бросив водителю свиновозки три мрота[1] за славную поездку и поочередно потрепав по холке изрядно вспотевшую свинью, трое пассажиров направились прямиком в бар постоялого двора «Шик-Блеск».

— Три кварты «кувалды», хозяин.

Через считанные мгновения три кожаные кружки появились перед страждущими священниками, пока они устраивались в темном и уединенном уголке постоялого двора.

— Ваше здоровье, братья! — сказал Спирохет, поднимая кружку с выпивкой. — Чертовски славный денек, не правда ли? Ха-ха-ха! Еще больше этих долбаных агнцев принято в наше все расширяющееся стадо новообращенных! Стадо это растет изо дня в день. Скольких еще овечек мы вскоре собираемся остричь, а, братья пастыри?

— Сегодня пятнадцать высококлассных клиентов, — радостно сообщил Херсним, с трудом пересчитывая пачку пергаментов в полумраке. — Все клиенты первый сорт. С чудесным наваром, тяжелые от груза славных прибылей — для нашего же блага.

— Отлично, отлично! — порадовался Клистир перед очередным глотком «кувалды».

— Пусть наши клиенты еще немного понаслаждаются новой посвященностью. Еще неделя дополнительных прибылей нам не повредит, — заметил Спирохет, мысленно вглядываясь в блистательно-яркое будущее, окруженное аурой роскошной состоятельности. — Выпьем, господа! Еще одна неделя — и начнется вторая фаза!

Пока последние несколько кружек «кувалды» взлетали вверх этим ничем более не примечательным пьяным вечером в конце года

---

[1] До того времени, которое в королевстве Фрола впоследствии прозвали Лихой Годиной, состояние каждой отдельной персоны измерялось числом моллюсков, которыми оная персона владела. Однако, пережив ныне легендарные восемь месяцев палящей жары и запредельных температур, даже самые нечувствительные к зловонию коммерсанты возмущенно загрохотали кулаками по столам и потребовали введения валюты, менее подверженной спонтанному разложению.

Таким образом был изобретен в высшей степени драгоценный мрот. Он представлял собой маленький диск высушенной на солнце грязи с проштемпелеванным на нем профилем одного из трех оставшихся в живых Чередующихся Королей Фрола. Причем профилем весьма сомнительного сходства.

2526[1], согбенное и усталое ископаемое в человеческом облике взбиралось по крошечной винтовой лесенке на дальнем конце Ширма. Колокольчики на носках багряных шлепанцев старика радостно позвякивали, то и дело норовя поймать полы его выцветшего пестрого халата, пока он поднимался ради еще одной регулярной ночи с ТВ.

«Интересно, будет ли сегодня ночью триллер? — задумался старик. — Или дадут какие-нибудь новости — скорее всего, скверные? Или, быть может, выйдет детектив?» Имея дело с этими Телехронологическими Видениями, ничего нельзя было знать заранее. Более того, там просто не имелось чего-либо, что таило в себе будущее.

Старик откусил еще один кусок бутерброда с сыром и снова потащился вперед. Эту битву он вел каждую ночь, вооруженный всего лишь измятой медной миской с водой, оплывшей восковой свечой, своей пророческой лицензией и веточкой лавра — а также твердым намерением узнать, что ТВ ночью покажет ему сегодня ночью.

Пока щелчки подагрических коленей старика соперничали по уровню шума со скрипом все еще не доеденной жуками лестницы, его древняя грудная клетка отчаянно хрипела и кашляла. Удушаемое сырным духом, пламя свечи сперва поперхнулось, замирая и пытаясь восстановиться, а затем совсем скончалось. Изрыгая обильные проклятия и неверно сосчитав в кромешном мраке ступеньки, старик наконец-то ввалился в комнату. Там он зацепился за сосновый гроб и плюхнулся на пол грудой запятнанных чернилами одежд, сопровождая свое падение роскошной россыпью проклятий. Годы еженощных занятий превосходно отточили этот традиционный выплеск сквернословия, обеспечивая максимальную непристойность путем минимальных усилий. Миска с водой, как это обычно бывало каждую ночь, странным образом сумела перескочить на маленький

[1] Задолго до тех времен, которые помнит любой из ныне живущих, два высших эшелона фролианского общества состояли из императора и всего лишь тринадцати королей — по одному для каждого государства. После безвременной кончины императора, случившейся вслед за тем, как он нечаянно проколол себя ножом в пяти местах (император в то время чистил свой любимый охотничий нож, и нож этот в итоге опять же совершенно случайно застрял у него между лопаток), простонародье вынуждено было провести голосование. После бесчисленных, безуспешных и жутко кровавых попыток выбрать очередную жертву из соперничающего «тредецима» полных надежды и агрессии королей было решено, что как ради сохранения гражданского мира, так и ради сокращения расходов на медицинское обслуживание каждый король будет править

трехногий табурет, недоеденный бутерброд полетел в другой угол, где смешался с другим подобным мусором. Несколько миллионов молекул гемоглобина, подобно косяку отчаянно задыхающихся китов в кровавой ванне, выхватывали кислород из работающих на полную катушку легких Нострómо Казеина.

Нострómо бросил гневный взгляд на гроб. Это изделие из сосны стояло здесь уже многие годы. Его даже хоронили в этом гробу. Шесть раз. Нострómо стал подлинным посмешищем Гильдии похоронных дел мастеров. Всякий раз, проходя мимо похоронного зала, он слышал, как они хихикают, видел, как они тычут в него пальцами сквозь дымчатое стекло. Новых работников то и дело подсылали, чтобы снять с него мерку или совершить какие-либо запутанные обряды. Какая наглость! Какая бесцеремонность! Что ж, в один прекрасный день он назло им наконец-то по-настоящему умрет, и тогда они пожалеют.

«Хорошо смеется тот, кто смеется последним», — пробормотал Нострómо себе под нос сквозь серые нити усов и окропил себе ноги водой, исполняя некий подготовительный ритуал, смысла которого он никогда не понимал. В процессе подготовительного курса «Пророчество смеха ради» тебе никогда не рассказывали, почему надо делать то или это. Точно так же тебе не говорили, что ты не можешь предсказать часа собственной смерти — если только у тебя под рукой нет огроменного утеса и сильнейшего желания с него прыгнуть... но это уже чистой воды жульничество.

«Пророчество смеха ради»! Тьфу! Весьма дешевый трюк, чтобы отложить опубликование результатов до 3005 года. Стало быть, смеха ради? Для потехи? Если бы они бросили хоть один взгляд на то, что ему удалось подсмотреть, они бы не назвали это потехой. Три года наблюдений за тем, как все взрывается и рушится в бушующем

один месяц каждого года. Неудобство возникшего при этом календаря, который никак не совпадал с календарем всего остального мира, было с лихвой компенсировано мгновенным прекращением открытых военных действий и закрытием нескольких больниц.

Таким образом, мир среди Чередующихся Королей Фрола царил многие и многие годы, однако...

...однако ввиду целого ряда загадочных смертей, межгосударственных войн и внутренних бунтов, всевозможных мелких вторжений и актов кровной мести число королей стремительно упало до трех.

Ныне фролианский календарь находился на тысячу сто восемьдесят лет впереди всего остального мира. И уходил все дальше и дальше.

миазмическом вихре, как мир внутри твоего черепа ночь за ночью красочно разлетается на куски, никто потехой бы не назвал.

Ворча и роскошно матерясь, пока его колени дико и возмущенно трещали, Нострómo сунул в миску длинный и узловатый указательный палец, после чего уставился внутрь посудины, точно унылая цапля, поджидающая беспечную стайку сбившихся с пути головастиков.

Однако прошло еще очень долгое время, прежде чем вода затуманилась, и вихрящиеся образы затопили глаза Нострómo, проникая прямиком в его подсознание.

Рука Нострómo тут же метнулась в сторону, резко раскрыла большую книгу, смахнула крышку с чернильницы, подергалась, точно в судороге, затем схватила павлинье перо и принялась лихорадочно корябать по чистой пергаментной странице открытой книги. Глаза его, сосредоточенные на миске, так от нее и не отрывались, не ведая об отчаянных усилиях руки справа от них.

Как долго длилось выцарапывание этих каракулей, Нострómo так никогда и не узнал. Но была уже глубокая ночь, когда образ в миске вспыхнул статическим электричеством и сжался в крошечную точечку в самом ее центре. Задыхаясь, Нострómo рухнул на стол, мотая лысым шаром головы и проклиная резкий свист в ушах, да и вообще все на свете.

Наконец Нострómo уставился на отчаянно заляпанную чернилами книгу, выплевывая сквозь обломки зубов очередную матерщину. Он попытался расшифровать каллиграфический кошмар искореженных согласных и измочаленных гласных. Внятных слов, если брать среднее число, получалось три из двадцати. Сегодняшнее послание с той стороны должно было потребовать массы критического анализа и головоломной работы с догадками.

Так-так, посмотрим:

«Когда козопас наткнется [клякса] *на ключ в горшке, то попадет он* [жирная клякса] *под истинный град бури песчаной, а глаза мертвецов* [вот еще кляксина] *древний иероглиф узреют* [клякса] *и кроткие очи свои прикроют* [ух, кляксища!] *перед ху... перед ху... перед худым лицом облаченного в мантию».*

Или вот еще:

«За плавучим зеленым островом [клякса] *красная сфера бесконечно будет крутиться* [клякса] *и в небе жо... жо... желтый*

Орион вспыхнет, силу давая [целая струя чернил] *спустить бешеных псов из конур* [клякса] *и раздастся глас с небес: спиз... спиз... спи, Земля, в покое и благополучии».*

Нострómо почесал в затылке и озабоченно посмотрел на триста двадцать пять строк, бегущих по мятому пергаменту.

«Ух, проклятая тайна! — горестно ругнулся он. — Ненавижу тайны. Особенно туманные. Ведь эта ерундистика может означать все, что угодно! Так чего ради тревожиться? Целая неделя долбаных тайн! Тащился сюда как дурак — и ради чего? Ради вот этой чернильной мазни? Моему артриту от этого лучше не станет. Что общего, черт побери, козопасы и плавучие острова могут иметь с будущим? Тьфу! Интересно, все ли в порядке было с теми моллюсками, которых ел я на прошлой неделе? Да, я знаю, я немного пожадничал и самую малость переел, но все же... Нет! Нет! Конечно. Это наверняка из-за сырного соуса! Я как объемся сырного соуса, так потом всякий раз долбаные кошмары вижу. Да, это точно тот сырный соус...»

Нострómо рассеянно перелистнул пергаментные страницы на несколько недель назад, ненадолго взглянул на знакомые чернильные каракули и испустил крик. Затем перелистнул страницы обратно к самой последней, еще влажной записи, снова испустил крик, уже громче, и хлопнул себя по лбу. «Это же повтор! — мысленно завопил он. — Тайна, причем та, которую я уже видел!» Вот в чем была загвоздка с ТВ — оно вечно повторяло эти чертовы тайны!

Испуская обильные ругательства и шумно подсасывая вставные челюсти, Нострómо пнул подвернувшийся ему под горячую ногу гроб. Затем он зашаркал прочь из комнаты и со скрипом потащился вниз по винтовой лестнице.

— Нипочем лицензионную пошлину не заплачу, если они не станут держать ушки на макушке! — прорычал он.

Последний период хотя бы приблизительно точных предсказаний, которые выходили из-под пера Нострómо Казеина, находился в таком далеком прошлом, что никто, включая его самого, этого прошлого вспомнить просто не мог. Однако это вовсе не означало, что Нострómо уже не обладал способностью смотреть ТВ.

Нострómо первым охотно признал бы, что если человек шесть раз публично объявлял о собственной неминуемой смерти в совер-

шенно отдельных друг от друга случаях, это вряд ли особо укрепляло его репутацию как безошибочно точного предсказателя. Тем не менее спросите любого пророка, и он согласится — предсказать время собственной кончины с достаточной долей уверенности исключительно трудно для любого, не считая, разумеется, того психа, который с закатанными рукавами и бритвой в руке стоит перед зеркалом в ванной комнате.

К несчастью, ввиду преклонного возраста, изнурительного труда, а также предрасположенности к регулярному курению специально подобранных составов из листьев и трав, коренным образом изменявших его сознание, ТВ-прием Нострómо был весьма далек от высокой степени определенности. Ему становилось все труднее отбирать подлинные жемчужины пророческой мудрости из хрюкающих, точно целое стадо свиней, более чем сомнительных вывертов одурманенного наркотиками разума, близкого вдобавок к маразму.

Данная проблема во всей своей красочности впервые проявилась три года тому назад. Нострómо Казеин не мог выбрать более подходящего времени для ослабления своей хватки за материнский фартук реальности, чем послеобеденный спич на девяносто третьем ежегодном Гала-благотворительном обеде пророков, мистиков и экстрасенсов в 2523 году. Хотя, с другой стороны, с душевным здоровьем так обычно и получается. Все эти долбаные годы ты всячески о нем заботишься; самоотверженно защищаешь его от мучительных логических головоломок; оберегаешь его от Великих Неразрешимых Вопросов; опрометью несешься в противоположном направлении, как только кто-то протягивает тебе разноцветный кубик и просит так его покрутить, чтобы на всех гранях составились одни и те же цвета... И что же душевное здоровье в итоге делает? Без всяких «только после вас» и «если вы не против» оно просто берет и нагло сваливает из твоей головы, оставляя тебя стоять с разинутым ртом в помещении, где полным-полно людей, глазеющих на тебя так, как будто ты только что предсказал конец света.

По крайней мере, так это запечатлелось у Нострómо в памяти.

Он аж передернулся, живо все это припоминая.

— ...трудно предвидеть то место, которое то или иное пророчество займет в глазах широкой общественности обозримого будущего, — сказал он тогда поверх нежного позвякиванья бокалов с бренди, и голос его отдался гулкой дрожью в темном интерьере

похожего на пещеру зала. — Но я уверен, что один из вас безусловно сможет поспособствовать в данном вопросе...

Нострómо сделал паузу и подождал смеха в ответ на подобную бредятину, но его не последовало. Вместо этого от пола было брошено несколько крупных кирпичей твердокаменной тишины. Нострómо пошуршал шпаргалкой, с трудом сглотнул и отважно рванул дальше. «Прикинься, что ты и не думал шутить, — неубедительно велел он себе. — Это единственный выход!»

— Разумеется, единственными наиболее важными факторами являются... э-э... факторы... — («На помощь!» — мысленно взмолился Нострómо) — ...связанные со способностью налаживать эффективное сообщение с широкой общественностью...

«Проклятье! — выругался Нострómо про себя. — Мне эта игра больше не по вкусу».

— ...налаживать эти связи ради достижения большего взаимопонимания. Да, гм... взаимопонимания. В отношении пророчества.

Тут-то все это реально и началось. В уголке его зрения появилась зеленая точка, словно кто-то пытался привлечь его внимание, размахивая палкой со светляком на конце. Затем появились и другие точки, равномерно поблескивая.

«Ох ты боже мой! — мысленно запаниковал Нострómо, припоминая, что же он такое в последнее время ел. — Сыр, чеснок, кофе, красное вино и... шоколад! О господи, что за мигрень!»

Он уставился на шпаргалку, но вспыхивающие огоньки прочерчивали изумрудные борозды по всему полю его зрения, формируя на сетчатке зеленые сияющие буквы, произнося слова — точно некий пророческий суфлер...

— Последняя информация о Конце Света. Точка. Третьего августа, два сорок. Точка, — в полном обалдении выпалил Нострómо.

Церемониймейстер в тревоге оторвал взгляд от своего бокала с бренди. В речи этого не было. Нострómо Казеину не позволялось ничего добавлять от себя. Другие гости-пророки также оторвали взгляды от своих послеобеденных десертов.

— Вода неудержимо поднимается. Точка. Каменные тролли на рынке. Точка...

Смятение и тревога боролись в голове у Нострómо, пока светящиеся слова вспыхивали перед ним.

— Громадный пожар распространяется в атмосфере. Точка. Мор. Точка...

Внезапно церемониймейстер понял, что происходит. Это было предсказание! Видение — причем звучало оно очень скверно.

— Голод. Точка.

Конец Света, как мы его знаем! Стул церемониймейстера полетел назад, когда он вскочил на ноги, подаваясь вперед, к пророчествующей голове Нострómo. Третьего августа! А ведь следующим месяцем был как раз август.

— Белый кролик в панике. Точка. Тревога в поздний час. Точка.

Церемониймейстер схватил Нострómo за плечо, резко разворачивая его к себе, и уставился в расфокусированные глаза пророка.

— Когда? — заверещал он.

— Третьего августа. Точка.

— Какого года? Какого года, черт побери? — рявкнул церемониймейстер. — Этого? 2523? — Лицо его побелело от паники, а в животе медленно, но верно стал подниматься вверх земляничный мусс.

— Подтвердить год. Запрос сделан. Точка, — неуверенно промямлил Нострómo.

— Да, черт возьми! Подтвердить год!

— Третье августа...

— Это я уже знаю! Год, род!

— ...Точка. Тысяча тридцать девятый. Точка.

— Это год?

— Время два сорок. Точка. Год тысяча тридцать девятый. Точка.

Церемониймейстер бесцеремонно потряс Нострómo за грудки и цветисто выругался. Земляничный мусс у него внутри оседал назад для более деликатного переваривания.

Некоторые из более пьяных членов аудитории, слушая все это, истерически хохотали. Год тысяча тридцать девятый! Да это же было тысячу четыреста лет тому назад. Во что этот парень тут, черт побери, играется? Предсказывает конец света, который уже тысячу четыреста лет как наступил? Паника внезапно испарилась, преобразовавшись в облако праведного гнева, обращенное на того негодяя, который устроил все это надувательство.

Зрение Нострómo возвращалось в норму, пока он усиленно тер глаза и мучительно пытался припомнить, где он и что ему полагается здесь делать. Только тогда он заприметил на лицах толпы злобное выражение, переводимое как «нечего нас тут за идиотов держать».

Нострómо повернулся и побежал...

Трясясь тремя годами позже в холодном поту, он резко сел на кровати, держась за живот.

— Какие скверные сны! — захныкал Нострómо. — Нет, это как пить дать сырный соус.

Жучки в крыше сыроварни вполне могли нести ответственность за приступ острого, невыносимого метеоризма. Было, однако, в высшей степени невероятно, чтобы некий сгусток буйных кишечных палочек, как бы неистово ни хлопали они своими жгутиками, мог иметь хоть какое-то отношение к тому, что произошло дальше.

Внезапно и совершенно неожиданно — именно так, как обычно происходит в романах, — достопамятный фрагмент того самого обеда выстрелил прямиком в череп Нострómо. Миновав его гипофиз, фрагмент зарылся в комке жилистых нейронов, которые представляли собой почти атрофированный логический центр колдуна. Стоило только Нострómо почесать скудную растительность на голове, как его тут же одолело совершенно особенное чувство. Ощущение того, что после всех этих лет свинского упущения в высшей степени недвусмысленных подсказок и исключительно четко подчеркнутых намеков нечто наконец не то насытилось, не то истомилось. Тогда это нечто гаркнуло ему в ухо ответ, сопровождая все это безобразие целыми наборами ревущих сирен и мучительно ярких неоновых вспышек.

Нострómо Казеина вдруг охватило предельное смятение. Он слышал, что ТВ отупляет разум, но чтобы вот так... Ужас сорвал с колдуна постельное белье, пока он спрыгивал с кровати и выхватывал с ближайшей полки большую книгу. Лихорадочно ее пролистывая, Нострómо наконец добрался до введения во фролианскую календарную систему. Подавив крик отчаяния, он закатил глаза под лоб и принялся считать на пальцах. Закончив подсчет, Нострómо схватился руками за голову и дико завопил.

Именно в подобные моменты привилегированный дар пророчества внезапно становился в высшей степени волнующим, фантастически действенным, с наибольшей вероятностью вызывая язву желудка, нездоровое сердцебиение, приступ лихорадки и пятнадцать других связанных со стрессом недугов. Причем всех сразу.

Нострómо трясся, непристойно ругаясь. Было два часа ночи, и кругом царила жуткая темень. Нострómо с полной уверенностью знал точное время конца цивилизации — а на нем все еще болталась пижама.

* * *

У самого берега речки Гамнотечки, в холодной предрассветной тени горы Поскудняк, уютно устроился небольшой лагерь. Конечно, если восемьдесят пять пахучих и бородатых поднимателей тяжестей, которые добрую неделю практиковались в своем спорте, а под конец до отказа накачались пивом, могли где-либо уютно устроиться. Лагерь был разбит вчера, поздно вечером, и это сразу бросалось в глаза. Вконец вымотавшись после круглосуточного марша по загадочно размеченному бездорожью, изнуренная банда, следуя руководству первосвященников, разбила свои палатки прямо на склоне холма, поставила самую что ни на есть минимальную охрану и рухнула на землю громко храпящей грудой.

Если кто-то обладал достаточно безудержной храбростью и достаточно нечувствительным обонянием, чтобы войти в лагерь и заглянуть под беспорядочный набор покрывал, он узрел бы весьма интересное зрелище. Коробки с цветными, роскошно отпечатанными пергаментами лежали рядом с мешками золота, свечи в изящных канделябрах терлись фитилями об отделанные жемчугом подсвечники, а резные ониксовые наборы из далекого Муддака соседствовали со склеенными из редких ракушек затейливыми фигурками животных. Все это вместе составляло типичные недельные пожертвования приверженцев Наивозвышенной церкви Святого Жмота Неумытого.

Считанные часы спустя, следуя железному кулаку блаженного лейтенанта Садомаха, этот храпящий лагерь превратится в гудящий улей всевозможной активности — когда пергаментные печатные станки снова будут приведены в действие, бесперебойно выдавая Сертификаты Неоспоримой Веры, снаряжая посланников для Великого Обращения Ширма.

Змеясь и поблескивая, точно хищная розовая мурена, готовая к немедленному убийству, язык лорд-мэра шевелился все более сосредоточенно — по мере того, как представитель власти концентрировался на маленькой, изрытой ямками сфере, что лежала прямо перед ним. В голове у лорд-мэра медленно проплывала всякая математическая муть, пока он, неловко переступая с ноги на ногу, пытался вычислить траекторию полета шара. Когда его большие

пальцы сомкнулись на рукоятке биты, лорд-мэр вызывающе уперся гневным взглядом в далекое ведро. Затем, вернув свой взор к шару и словно бы стараясь пришпилить его к полу, он замахнулся битой по такой ровной дуге, какая только была ему доступна.

В этот самый момент дверь распахнулась и туда задом наперед впорхнула похожая на аиста фигура секретаря. Преследуемая по пятам охваченным паникой пророком, фигура споткнулась о порог, после чего рухнула прямиком на специально выложенный на полу участок зеленого дерна. Развернувшись в самой середине удара, лорд-мэр потерял всякое сосредоточение и отчаянно завопил, когда контрапунктом к неприятному шуршанию дерна последовал шипящий посвист летящего крокетного шара — прямо через пупок херувима на витраже.

— Моя тренировка! — взвыл его милость Верт о'Прах, восемьдесят седьмой лорд-мэр Ширма.

— Ваша милость, я... гм... — пропищал секретарь с пола.

— Сколько раз я велел вам стучать! — выкрикнул тучный гражданский руководитель города, пока его физиономия стремительно наливалась кровью.

— Я ни в чем не виноват. Я... — взмолился секретарь, когда мэр, угрожающе помахивая крокетным молотком, стал на него наступать.

— Вас совсем не волнует моя тренировка! — прорычал Верт о'Прах. — Теперь две недели всех этих дополнительных занятий коту под хвост! Назад, к первым воротам! Вы хоть понимаете, что до открытого чемпионата Гленперегрина по крокету остался всего только месяц?...

— Понимаю, ваша милость, но...

— ...и что Саплями Смаркнулли непременно там будет? Понимаете вы это? Понимаете?

— Да, ваша милость...

— Тогда почему вы не ознакомились с директивой Совета Ширма за номером три пять восемь дробь шесть?

— Сэр?..

— Мне что, всякий раз необходимо напоминать вам об этом? Стучите!

— Но, ваша милость...

— Кхе-кхе. — Нестромо раздраженно топнул ногой и откашлялся.

— Это все из-за него! — воскликнул секретарь, в отчаянии указывая на пророка.

— Вот это ваше гнусное насекомое сказало мне подождать! — рявкнул Нострómo, топая вперед и указывая скрюченным от артрита большим пальцем за свое костлявое плечо. — Подождать! Подождать! Как будто на это есть время!

— В директиве Совета Ширма за номером два пять шесть дробь восемь часть «а» ясно говорится, что... — начал было мэр о'Прах, стараясь втереть в свои растрепанные нервы малость целебного бальзама основ местного управления.

— Прекратите мне рассказывать про эти чертовы директивы Совета! — возопил разгневанный пророк. — Если только у вас там нет хотя бы одной, указывающей, как следует вести себя в Конце Света. Есть там такая?

Секретарь, который как раз стряхивал с переда своего плаща пыльные отпечатки ступней, всем телом вздрогнул.

— Послушайте, мистер Казеин, — принялся урезонивать его мэр. — Вспышками гнева еще никто ничего не достигал.

— Да? А как же тогда войны выигрывались?

— Войны? Ну, это совсем другое дело... здесь есть... эта, как ее...

— Стратегия, — вмешался секретарь, удаляя со своего весьма деликатного места еще один отпечаток пыльной ступни.

— Да-да! — согласился рыхлый чиновник. — Но мы пока что не в состоянии войны ни с кем...

— Скоро будем, если только вы не прекратите болтать чепуху и не начнете слушать! — рявкнул Нострómo, отчаянно размахивая руками. — Я здесь пекусь не о своем здоровье! Это дело колоссальной важности и срочности!

— Уверен, что так оно и есть, но разве вам необходимо вести себя столь... столь несносно?

— Если бы я так себя не вел, вы бы меня и слушать не стали. Что, разве не так?

— Разумеется, стал бы. Ваши мнения всегда с готовностью выслушиваются в данной канцелярии. Директива Совета Ширма за номером шесть три три, — сквозь сжатые зубы соврал мэр. Рот секретаря потрясенно раскрылся от столь откровенной лжи. «Ну погоди, — подумал он, — пусть только министр культуры об этом услышит».

— Тогда какого черта меня вечно вышвыривают отсюда два здоровенных амбала?..

— Ах что вы, что вы, — промурлыкал мэр о'Прах, жмурясь точно кот, ухвативший особенно мягкий моток пряжи. — Просто недоразумение. Этого больше не повторится.

— Обещаете?

— Обещаю, — залебезил Верт, уже предвкушая победу.

Секретарь неловко переступил с ноги на ногу. Чувствовал он себя примерно как солдат, отчаянно желающий заткнуть пальцами уши на тот случай, если бомба, которую он держит в руках, внезапно рванет.

— Ну и о чем же вы так спешили нам рассказать? — поинтересовался мэр.

Нострómo взглянул в его свинячьи глазки и просто сказал:

— Никакого чемпионата по крокету в следующем месяце не будет.

— Как? Почему?

— Все очень просто. Следующего месяца вообще не будет...

— Да ну!

— Не будет даже следующей недели.

— Ха! Ха-ха! Ха-ха-ха! Очень хорошо. Вы чуть было и впрямь меня не разыграли. Ведь это опять очередная ваша ерундистика с Концом Света, верно? И когда он состоится на сей раз? Тысячу четыреста восемьдесят семь лет тому назад?

— Завтра! — прорычал Нострómo, буквально корчась от возбуждения. — Мне это прошлой ночью явилось.

— Еще одно видение?

— Сон! Он прояснил мое пророчество!

— Это еще хуже, — запротестовал мэр. — Мне даже не хочется спрашивать, что он вам там такое прояснил.

— Тысяча тридцать девятый — действительно верный год! — выкрикнул Нострómo. — Год 1039-й по КОТу[1]!

---

[1] КОТ — Календарь Оригинального Тяготения. Довольно грубая система счисления времени. Хорошо известно, что Вечность очень велика. Достаточно велика, чтобы ее нельзя было проглотить одним глотком, — это точно. Но если разрубить ее на множество мелких кусочков, то все в порядке. Тогда вполне можно справиться.

Для разрубания Вечности на кусочки ученые стали полагаться на абсолютно эмпирические методы. К примеру, философ-математик О. Х. Ламон вычислил, сколько в солнечные дни кирпичам требуется времени, чтобы выпасть из окна на мостовую. Растратив множество чужих стипендий, он, к немалому восторгу большинства молодых исследователей мужского пола, опубликовал свой Календарь

— Ну-ну, бросьте. Мы к этому календарю не привыкли... — Внезапно физиономия Верта о'Праха посерела. — Почти полторы тысячи...

— Тысяча четыреста восемьдесят семь лет, — перебил Нострómo. — Я совершенно прав. Конец Света наступит в два сорок третьего августа тысяча тридцать девятого года. Завтра!

— Чушь. Просто дешевый рекламный трюк. — Подойдя к стене, мэр дернул за длинный красный шнур.

— Что вы делаете? — запротестовал Нострómo. — Вы же сказали, что прислушáетесь!..

— К *разумному* мнению! — властно гаркнул Верт о'Прах. — А не к безумным воплям изголодавшегося по вниманию общественности бессильного пророка...

— Вот-вот, — поддакнул секретарь.

— ...особенно в то самое время, когда я должен посвятить себя наиважнейшему занятию, — закончил мэр, ступая на растрепанный по краям участок дерна и высматривая себе новый шар.

— Это бессмысленно! Вам не суждено будет сыграть! — истерически завопил Нострómo.

Все было безнадежно. Мгновение спустя дверь распахнулась и в помещение ввалились два громадных стражника. Костяшки их пальцев болтались в считанных сантиметрах от пола.

— Звали, хозяин?

— Да-да. Вот его. Вон отсюда.

Вышибалы помедлили, пока сложная инструкция просачивалась сквозь их толстые черепа, после чего дружно кивнули, крякнули и двинулись вперед. Увы, параллельная обработка информации на-

---

Оригинального Тяготения. Несмотря на небольшие недостатки в виде предельной архаичности, основанности на самых сомнительных положениях уклончивой логики, а также фундаментальной неспособности синхронизироваться с солнечными часами или с законами лицензирования пивнушек, данный календарь по-прежнему используется весьма широко. Причем, по мнению большинства,— благодаря роскошным цветным изображениям похотливо-обнаженных дев на пустынных пляжах.

Другие календари, однако, были куда менее красочны. Подсчитав число раз, которое знаменитая священная гремящая скала Сунь-Вынь успевала вибрировать за то время, на которое ему удавалось задержать дыхание, удвоив это число, добавив его к более крупному целому числу, возведя полученный результат в шестизначную случайную степень и разделив полученное таким образом

ходилась несколькими поколениями выше них на эволюционном древе.

— Вы пожалеете! — запротестовал пророк, пока два неандертальца бесцеремонно выволакивали его из палат Совета.

— Эй, стража! — крикнул мэр, прежде чем дверь закрылась. — Наподдайте ему как следует.

— В два тридцать три, — как бы сама собой выкрикнула хриплая глотка Нострómо. — Вот увидите. Попомните мои слова. Именно так все и случится. Завтра станет последним... Эй, зачем это вы останавливаетесь? Нет-нет. Не-ет! В-в! У-у! Зачем вы это делаете... Это злостное нарушение прав человека... ой-й... я завтра же повидаюсь со своим адвокатом, если решу, что дело того стоит... у-у... в-в!

Розовый змееподобный язык Верта о'Праха снова принялся корчиться в уголке влажного рта, пока мэр нацеливался на очередную белую сферу.

«Некоторые люди, — подумал Верт, — на все пойдут, лишь бы испоганить мне тренировку. Интересно, с чем он в следующий раз заявится?» И лорд-мэр замахнулся битой.

Мимолетная волна сладостного удовлетворения прокатилась по измученному телу Нострómо Казеина, когда вслед за кратким душем стеклянных осколков последовал вопль, стук кулаков по столу, после чего стало слышно, как физиономией секретаря с особым цинизмом возят о специальный зеленый настил в палатах Совета.

Выбравшись из груды ящиков, бочек и впечатляющей кучи рыбьих внутренностей, Нострómо Казеин для начала смачно сплюнул.

число на размер своих ботинок, ученый по имени Аммоний Деканат обнаружил, что может с точностью определить период времени. Будучи пионером в своей области, Деканат назвал этот период «первичным» и опубликовал множество статей (которым прискорбным образом недоставало красочных изображений различных деталей женской анатомии), объясняя, что посредством связывания цепочки «первичных» периодов воедино человек может произвести весь ряд других, более крупных периодов.

Только после того, как Деканат, к ужасу своему, обнаружил, что день в среднем состоит из пятисот двенадцати часов, он перепроверил свои вычисления, изменил шестизначную степень и разделил сумму на пятнадцать целых и одну восьмую, получая таким образом новый, пересмотренный временной период. Этот период Деканат, как бы оправдываясь, назвал «вторичным».

— Идиоты! — завопил он затем, адресуясь к удаляющимся спинам муниципальных вышибал Ширма. — Это же последний день! Вы что, не понимаете? Конец цивилизации! — От досады Нострómо с размаху пнул дырявую бочку и больно ушиб себе палец.

Вышибалы исчезли в конце проулка.

«Конец цивилизации! — злобно подумал Нострómо. — Да знают ли вообще эти бараны, что такое цивилизация?»

И в ту же секунду он поклялся себе, что, пока весь мир будет пылать, он дурака валять не будет. Он, Нострómо Казеин, хныкать не станет, и с расстéгнутой ширинкой конец света его не застукает... если только... гм. Оставалась ведь и та роскошная блондиночка в конце Крилевой улицы. «Ха! — мысленно воскликнул он. — Умирать — так с музыкой! Пусть она думает, что это благодаря мне вертится Земля. И к черту мой возраст!»

«Да, — размышлял Нострómо, — если мне суждено забвение, то от него все равно никуда не уйти». Он буквально слышал, как по нему плачут несколько неоткупоренных бутылок «бормовермута». А если перспектива умереть завтра утром и имела безошибочное свойство отточить что-то до абсолютного идеала, так это способность напиться к свиньям собачьим.

— Ну как, вам все понятно? — прошептал Спирохет, буквально подергиваясь от возбуждения в коридоре перед последним поворотом ко входу в кабинет управляющего торговой компании «Моллюски Большие и Малые». Два других первосвященника с энтузиазмом кивнули.

— Клистир, ты со своим «видением» готов?

Елейная физиономия ухмыльнулась, закатила зрачки под самые веки и неистово закивала.

— Тьфу! Ну у тебя и рожа! Впрочем, именно это нам и требуется, — пробурчал Ревностно Восторженный. — Идем!

Не обращая внимания на протесты застигнутой врасплох секретарши, которая вдобавок была занята особенно тонкой деталью своего маникюра, трое первосвященников ворвались в кабинет Бео Гумуса.

— А вы готовы к загробной жизни? — грозно вопросила одна из индиговых ряс.

— Что?

— Позаботились вы о вашем будущем после смерти?

— Мисс Миньетс, эти господа записаны для приема? — крикнул управляющий.

— Разве потусторонним силам надо куда-то записываться? — рявкнул Спирохет.

— Ну, полагаю...

— В ежедневнике, сэр, я их найти не могу, — пропищала мисс Миньетс, чьи бестелесные оправдания выплыли из-за дверного косяка. — Должно быть, сэр, произошла какая-то ошибка.

— Я вам не за ошибки жалованье плачу.

— Проявление человеческой слабости, — вмешался Спирохет. — Черточка, общая для нас всех.

— Что ж, я... немного от всех отличаюсь, — возразил Бео Гумус из-за стола.

— Весьма достойный, но недалекий ответ, — самодовольно улыбнулся Спирохет.

— Да как вы смеете — вторгаться в мой кабинет и прямо здесь меня оскорблять?

— Нет-нет, сэр. Ваш ответ и впрямь был весьма достоин, весьма уместен.

— В каком смысле уместен? И почему недалек? О чем вы вообще говорите?

Херсним с трудом сдержал усмешку.

Спирохет перевел дух и мысленно разгладил измятые боксерские трусы своего сосредоточения.

— О загробной жизни, — ответил он. — Вот я о чем говорю. Знаете ли вы о том, что случается после Конца Света? Признайтесь, готовы ли вы наслаждаться благами бессмертия во всей их полноте? И задумывались ли вы о том, как вам придется за них расплачиваться?

— Расплачиваться? Я за них не расплачиваюсь! Я руковожу пенсионной программой! А расплачивается пусть кто-то другой!

— Неправда! — загремел Спирохет. — Слышали вы когда-нибудь о Внутреннем Рынке НОУХАУ[1]? А как насчет топливных чеков для Мук Огненных? Как насчет жилплощади? Да, и въездную визу не забудьте!

— То есть вы говорите, что, если хочешь копыта отбросить, надо деньги платить?

---

[1] Носфератианское Общее Управление Хозяйством Адских Услуг. Иерархическая система самостоятельных единиц, разработанных, смонтированных и обеспеченных соответствующим персоналом для срочного вызывания максимально возможной боли и неудобств у обитателей Аида.

— Что касается этого конкретного события, то нет. Реальное прекращение нормальных аниматорных, когнитивных и двигательных способностей ровным счетом ничего не требует. Сама смерть совершенно бесплатна. А вот то, что бывает после, стоит немалых денежек. Особенно когда имеется дефицит мест. — Спирохет чувствовал, как интерес Бео Гумуса растет. И как созревает долгожданный вопрос клиента.

— Гхм-м?

Спирохет ожидал чего-то более развернутого, но для начала и это годилось.

— Несоответствие спроса и предложения! Во времена наивысшего спроса, таких как холокост, мор, конец света и тому подобное, — объяснял Спирохет, разворачивая стул и складывая руки на его спинке, пока он садился лицом к управляющему, — цены имеют несчастливую тенденцию резко подниматься. Тогда в выигрыше остаются лишь те, кто, обладая хорошим предвидением, связали себя с теми церквями, чьи инвестиции были сделаны наиболее расчетливо. Вот эти люди и впрямь смогут насладиться всей полнотой вновь обретенных возможностей и опытов, которые в изобилии открывает данная ситуация. — Подавшись чуть назад, он подождал очередного вопросительного толчка..

— Но...

Спирохет затаил дыхание. Он точно знал, что там таилось нечто большее.

— ...но какое отношение это имеет ко мне? — спросил Бео.

Есть контакт!

— Я так рад, что вы об этом спросили. — Спирохет и впрямь был этому рад. — Вы совершенно убеждены в том, что время вашего отбытия не совпадет с таковым у великого множества остальных? С точки зрения статистики, куда более вероятно, что совпадет. И в таком случае тот, кто имеет в своем распоряжении любезно предоставленный ему Сертификат Неоспоримой Веры, пожнет все выгоды в плане предварительного заказа посадочных мест, выбора конкретной зоны проживания, а также более качественного посмертного обслуживания. Да! Уверуйте вместе с Наивозвышенной Церковью Святого Жмота Неумытого, и ваши мирские пожитки будут поддерживать вас и после вашей окончательной отставки. Присоединяйтесь сегодня же. Теперь вы знаете, что это имеет смысл.

— Что ж, это определенно звучит неплохо, — начал Бео. — Однако...

Тут Спирохет кивнул и слегка щелкнул пальцами у себя за спиной.

По данному сигналу его мягчительство Клистир Самый Скользкий удалился в дальний угол кабинета и негромко захныкал, слегка раскачиваясь и прикладывая ладонь к потеющему лбу. Бео Гумус в тревоге поднял взгляд.

— С ним все хорошо? — спросил он у Спирохета.

— О да.

Клистир закатил зрачки куда-то под брови и раз-другой для вящего реализма передернулся.

— Что с ним такое?

— Нижайшим образом извиняюсь, но у нашего брата порой бывают эти припадки. Это скоро пройдет, уверяю вас.

— Но что с ним? Это судороги? — спросил Бео, пока Херсним ослаблял рясу на целлюлитной шее Клистира.

— Нет-нет. Это просто видение, только и всего.

— Что?..

— Он подходит! — вдруг возопил Клистир, обрывая вопрос Бео. — Конец. Конец близок!

— Настала пора! — благоговейным голосом воскликнул Спирохет.

— Пора? Пора для чего? — запаниковал Бео, сам не понимая почему.

— Для его видения о Конце Света, — объяснил Спирохет, пристально разглядывая встревоженное лицо Бео и оценивая его реакцию. — У всех у нас есть одно видение о Конце.

Глаза Клистира лихорадочно вращались.

— Нет! — вскричал он. — Не так скоро. Нам нужно еще время, чтобы их подготовить. Дайте нам время!

— Сколько? — спросил Херсним, тряся Клистира в совершенно неподдельной на вид заботе.

— Недостаточно, — простонал Клистир. — Совсем мало.

Тут Спирохет выудил из внутреннего кармана своей рясы большой пергаментный документ и выложил его на стол перед Бео Гумусом. Глаза управляющего лезли на лоб от тревоги, пока он наблюдал за жирным первосвященником, который корчился в муках от своего «видения». Затем в руке Бео загадочным образом

появилось только что обмакнутое в чернила и готовое к использованию перо.

— Сколько еще? — завопил управляющий. — Скажите, сколько мне осталось! Мне нужно отдать распоряжения!

Тут глаза Спирохета вспыхнули. Слово «распоряжения» означало «деньги».

— Сорок... — червем извивался Клистир.

Спирохет аккуратно поместил руку Бео над пунктирной линией на пергаменте.

— Лет? — жалобно спросил Гумус.

— Сорок две...

— Недели? — Рука управляющего дрожала.

— Сорок две минуты третьего, завтра, — выпалил Клистир, бешено содрогаясь, прежде чем рухнуть на пол. Не успел он удариться о мягкий ковер, как рука Бео уже корябала неровную подпись на пергаменте Сертификата Неоспоримой Веры. Секунду спустя управляющий обеими руками схватил ладонь Спирохета и с такой энергичной серьезностью ее затряс, словно завтрашнего дня вовсе не существовало. Впрочем, именно в этот факт он теперь и верил.

— Вы спасли меня! — возопил Гумус. — Спасли от вечных мук! Благодарю вас, благодарю! — И с этими словами он вылетел из кабинета, желая как можно скорее поведать новости о неизбежной катастрофе остальному Ширму, остальному Фролу, остальному миру — пока еще существовал мир, способный его выслушать.

Спирохет ухмыльнулся и положил в карман своей рясы пухлую книгу заказов торговой компании «Моллюски Большие и Малые».

Вслед за неистово-апостольским выходом со сцены Бео Гумуса, к немалому смущению мисс Миньетс, немедленно раздался раскат хриплого смеха и гром энергичных аплодисментов.

Бикфордов шнур второй фазы был подожжен и теперь громко шипел по пути к пороховой бочке победы.

Нострómо Казеин находился уже в середине второй бутылки «бормовермута» и далеко на курсе к полному забытью, когда сквозь густой алкогольный туман до него донеслись какие-то вопли. Отчаянно размахивая руками и по кривой подобравшись к окну, он различил на улице какого-то психа с плакатом.

— Пшшел прочь! — невнятно выкрикнул Нострómо, поднимая бутылку.

Мужчина резко развернулся и проорал пророку что-то невразумительное о каком-то конце.

— Они тебе не поверят! — проревел Нострómо. — Они не поверили даже мне!

Но мужчина продолжал надрываться насчет Конца.

— Заткнись и пшел отсюда! — выкрикнул пророк, опустошив вторую бутылку и швыряя ее из окна.

На улице перед домом Нострómо Казеина тщедушный бывший управляющий торговой компании «Моллюски Большие и Малые» бешено носился взад-вперед с торопливо намалеванным плакатом, на котором крупными буквами значилось:

КОНЕЦ СВЕТА БЛИЗОК!

Если, как кто-то когда-то предположил, язык и впрямь являлся вирусом, то вирулентный штамм, выпущенный тем вечером на свободу первосвященниками Наивозвышенной церкви Святого Жмота Неумытого, оказался неимоверно заразным. Демонстрируя все свойства особенно гнусной формы герпеса, он поселялся на старухах, торговках и сплетницах, которые тут же начинали трепать языками, заражая легковерных. Слегка изменяя наружную маску лжи с каждым новым заражением, высвечивая режущие уши факты, вводя подтверждающие слухи в общий набор вымыслов, этот штамм набирал силу. Умело избегая направленных в его сторону вакцин категорического отрицания, упомянутый вирус экспоненциально распространял вести о Конце Света.

И соответственно увеличивал темпы обращения наивных горожан в приверженцев Наивозвышенной церкви, которые тут же обеспечивали свои ручательства и передавали все свои земные блага для надежного хранения Спирохету, Херсниму и Клистиру. Как первосвященники и рассчитывали.

Пока последний, как предполагалось, в истории закат разгорался в черноте ночи, полдюжины муниципальных вышибал протопали перед волнующейся толпой у здания Городского Совета, аккуратно ее разделили и позволили пройти отчаянно потеющей фигуре мэра о'Праха.

Что-то происходило. И Верт о'Прах непременно должен был знать, что именно. Любое событие, сумевшее собрать вместе такое

число избирателей, заслуживало того, чтобы о нем узнать. Примкнуть к стороне, имеющей шансы на успех? Подавить бунт? Мэру было все едино, если это давало ему голоса избирателей! Держаться на глазах у широкой общественности — вот что было самое главное!

Верт о'Прах поприветствовал странствующих священников, прислушался к новостям, побледнел, довольно быстро оправился и с важным взмахом пера присоединился к потоку общественного мнения, мгновенно подписывая свой Сертификат Неоспоримой Веры. Хотя внутренне мэр был не на шутку уязвлен. Еще бы — никакого открытого первенства Гленперегрина по крокету! И это после всех дополнительных тренировок!

Злое сердце Спирохета восторженно запрыгало вокруг стен Ширма, делая кувырки и победно размахивая артериями, когда мэр о'Прах подписал Сертификат — не удосужившись, как и все прочие до него, прочесть Пункт №7. Что, впрочем, было вовсе неудивительно, ибо данный Пункт был отпечатан самыми что ни на есть мельчайшими бежевыми буковками на обороте Сертификата.

Впервые за всю его общественную жизнь действия мэра о'Праха действительно вселили в простонародье чувство уверенности. Несколько секунд спустя муниципальные вышибалы Ширма проставили отпечатки своих больших пальцев на пунктирных линиях. За считанные часы целых восемнадцать сотен фазаньих перьев были истерты до основания размашистыми росчерками ширмачей, отчаянно несущихся к своему крайнему сроку. Все они лихорадочно выхватывали красочные пергаменты из стремительно уменьшающихся кип и истерически благодарили первосвященников. Те отвечали им поистине крокодильими улыбками.

И все это время Спирохет, Херсним и Клистир потирали жадные ладони, самодовольно торжествуя при виде очередной победы Наивозвышенной церкви Святого Жмота Неумытого.

Завтрашнему дню предстояло засвидетельствовать красные борозды острой финансовой катастрофы, которую должен был произвести на свет седьмой Пункт первосвященников.

Этому завтрашнему дню лучше было иметь крепкие нервы.

Когда солнце еще только выходило из-за горизонта в день Конца Света, простонародье уже стояло на улицах, глазея в небо. Все были поражены немотой при виде метеорологической лебеди-

ной песни погоды. Гряды оранжевых облаков простреливали извивающиеся алые жилки. Обширные гневные синяки рокочущих грозовых туч выплевывали росчерки молний и волокли за собой занавеси отвратного серого дождя. Смертоносные змеиные языки целой армии крутящихся вихрей и смерчей неуклонно маршировали вперед, вырывая леса со склонов холмов, высасывая озера из их лож каскадами ливней грязи... короче говоря, было все это, а также многое другое.

Принесенный с северо-запада дождичек меланхолично покрапал, затем налетел краткий шквал, роняя давление еще на несколько миллибар дальше в депрессию. Затем, словно бы одна гигантская глотка одновременно высказала мысли всех и каждого, последовал общий выдох полнейшего разочарования. Со стихиями творился какой-то капитальный непорядок, совершенно не соответствующий духу оказии.

Все недавние, еще сырые новообращенные в Наивозвышенную церковь чувствовали себя метеорологически одураченными. Вот они явились сюда, готовые засвидетельствовать конец света, каким они его знали, испытывая предельное самодовольство по поводу того, как ловко они обеспечили свое непосредственное посмертное будущее, распорядившись насчет транзита, жилплощади, финансов, виз, паспортов и тому подобной всячины, — а выглядело все так, как будто возможность Конца Света, что исполнялась на фоне ошеломляющих панорамных декораций ослепительной удали стихий и о которой герольдом трубила трескучая пиротехническая демонстрация сверхъестественных сил, казалась не убедительней пиявки, без посторонней помощи учащейся летать. Причем задом наперед.

На протяжении всего дня это настроение росло, пока активность земных сил достигала лихорадочной кромки. По всему Ширму с неистовой апатией толпились группы людей, буквально источавших сдерживаемую бесцельность. К чему пожинать завтрашних моллюсков для завтрашних пирогов, к чему мыть тележки и заниматься тысячами других вещей, когда завтра здесь уже никого не будет?

И тем не менее все чувствовали уверенность, что чуть позже что-то все-таки произойдет. То есть Конец Света должен иметь в себе что-то достойное последующего припоминания. Разве нет?

По сути это «что-то» случилось вскоре после того, как часы на городской башне пробили два. На главной рыночной площади Ширма загадочным образом вырос небольшой пьедестал. Три фигуры в непроницаемых капюшонах принялись сновать вокруг него,

запаливая свечи, брызгая священными составами, поджигая горшки, из которых тут же начинал валить густой, пахучий дым. Короче говоря, вели они себя таким образом, чтобы одновременно показаться и жутко религиозными, и дьявольски предприимчивыми. Странным образом три фигуры производили недвусмысленное впечатление, будто они изо всех сил стараются сделать последние приготовления к некой схеме, способной предотвратить какое-то гнусное и в высшей степени окончательное событие. Ровно в десять минут третьего, за полчаса до того как время должно было сделаться понятием неуместным, самая высокая из трех фигур принялась яростно трезвонить в большой ручной колокол и что было мочи орать.

— Народ мой, мои приверженцы! — возопила фигура, мысленно добавив про себя: «Дебилы и мудозвоны доверчивые!» — Собирайтесь вокруг меня! Да-да, немедленно становитесь рядом со мной! У меня есть новости, способные хоть немного согреть ваши вконец заледеневшие сердца! Не впадайте в отчаяние!

Медленно, словно бы с неохотой, народ стал подходить. Так или иначе, делать ему все равно было нечего. Через несколько минут вокруг взобравшегося на пьедестал триумвирата собралась любопытная толпа.

Центральная фигура чересчур театральным жестом откинула капюшон, выступила вперед и явила себя всем как его преосвященство Спирохета Ревностно Восторженного. Под боком у него стояли брат Херсним и брат Клистир. Властно подняв руки, чтобы принять свою любимую позу невинно распятого, Спирохет объявил:

— О мой народ. Мой прекрасный народ. Сердце мое сейчас суть поле боя гордости и страха, чести и ужаса. — Смахнув с глаз воображаемую слезинку, Спирохет бросил ее в толпу. — Я молился, противодействуя силам разрушения, молился за вас, мои преданные приверженцы, молился, чтобы вы были спасены.

«Умасли их, — сказал себе Спирохет. — Смажь жиром ладони их эмоций. И они станут есть с твоих рук».

— Сейчас еще слишком рано для Конца Света. Слишком рано, чтобы все прекратилось, когда есть еще столько вас, моих приверженцев, чтобы... чтобы видеть вас и вами наслаждаться. Именно поэтому я и мои братья всю эту ночь держали бессонную стражу, лихорадочно просматривали древние тома, отчаянно стараясь предпринять некое последнее усилие и спасти все окружающее от страш-

ного разрушения. Однако, боюсь признаться, задача эта может оказаться слишком велика для трех наших жалких и ничтожных голосов. — Спирохет погромче шмыгнул носом, словно был уже не в силах совладать с обуревавшими его эмоциями. — Только с вашей помощью нам, быть может, удастся избегнуть Конца! Так вы с нами? Вы попытаетесь?

Несколько голосов что-то слабо промямлили в знак согласия.

— Я вас не слышу. Я спросил — вы попытаетесь? — На сей раз он повернул ухо к толпе и приложил к нему чашечку ладони, словно бы напряженно прислушиваясь.

Несколько десятков человек выкрикнули утвердительный ответ.

— Что? — крикнул Спирохет и снова повернул к ним свое ухо.

Еще крики в поддержку и несколько кивков.

— Я вас не слышу! А теперь погромче. Вы с нами?

С полдюжины выкриков и утвердительный рокот.

— Ну давайте же. Вы способны на большее. Кричите. Громче!

Наконец, к великому облегчению Спирохета, последовал оглушительный отклик.

— Отлично! Итак, времени у нас немного, а потому послушайте, чего я от вас хочу.

Спирохет вытянул руку прямо перед собой, деля толпу ровно напополам, после чего махнул рукой влево.

— Вот вы, — заорал он. — Вы — силы мира, и я хочу, чтобы вы как можно громче кричали слово «спасем». — Затем Спирохет указал направо: — А вы — силы разрушения. — Некоторые из «сил мира» при этом громко зашикали. Все шло отлично. — Итак, силы разрушения, я хочу, чтобы вы как можно громче кричали слово «разрушим». Ну что, порядок? Все знают, что делать?

Толпа проревела в знак одобрения.

— Тот, кто будет орать громче, решит судьбу мира. Проще пареной репы. Ну, вперед!

Весь Ширм принялся буквально выворачиваться наизнанку, силясь сам себя перекричать. Крики «разрушим» боролись с ответными воплями «спасем», силы разрушения получали достойный отпор от сил мира, сжатия и разрежения сталкивались, боролись и выстреливали прочь по диким касательным. Звуковые волны встречались лоб в лоб, отвоевывали себе как можно больше воздушного пространства, поднимаясь все выше и выше, где разбивались на легкую взвесь белоснежно-туманных букв. А пока война слов бу-

шевала, три первосвященника Наивозвышенной церкви соскользнули на землю с задней части пьедестала, подобрали свои чемоданы с Сертификатами Неоспоримой Веры и направились прочь из Ширма, прочь из Фрола — к другой поживе.

Судя по всему, прошло всего лишь несколько минут, прежде чем кричащая толпа поняла, что Конца Света удалось избежать. Дальше непременно должно было последовать грандиозное празднество, включавшее в себя уличные пляски, обильную еду и еще более обильную выпивку. Прошло еще по меньшей мере два часа, прежде чем появились первые намеки на то чувство, что, быть может — только быть может! — заявления о реальности предсказанных событий были слегка преувеличены. Еще через несколько часов некоторые люди могли начать подозревать, что что-то в этих священниках было не так — а также что им, пожалуй, следовало бы задать пару-другую тактичных вопросов. И только тогда — как уже случалось во многих городах и странах, что остались в кильватере у движущихся на восток священников, — только тогда горожане должны были начать понимать, что же они потеряли.

И когда горожане, рука об руку пробиравшиеся сквозь заросли маргариток отчаяния, наконец-то выбрались на широкое поле надежды, у них стало зарождаться тошнотворное чувство, подсказывающее, что их неким образом обвели вокруг пальца.

Насколько далеко завел их этот поход по зловредно ухабистой дорожке ужасных невзгод и полнейшей бедности, с живописнейшими подробностями будет описано через три дня — когда посланцы Спирохета, Херснима и Клистира явятся, дабы призвать Ширм выполнить действия, продиктованные Пунктом №7, — действия, которые ширмачи, к ужасу своему, были в высшей степени готовы и обязаны выполнить.

Потребовалось целых трое суток, чтобы Нострómo Казеин наконец-то смирился с тем фактом, что его пророчество насчет Конца Света, слава Господу, оказалось ложным. С трудом разлепив в первое утро измученные глаза, вздрагивая от боли, пока слепящий белый свет впивался в его нежную сетчатку, и переваливаясь в куда более удобное горизонтальное положение, Нострómo по-прежнему вынужден был убедиться в том, что это все-таки еще не конец света. Пусть даже он определенно чувствовал себя ближе к смерти, чем к какой-либо отдаленной жизни. И все-таки эта отдаленная жизнь сулила ему провести нешуточно скверный денек.

Жалобно стеная, Нестромо закрыл глаза и опять впал в состояние особенно глубокого оцепенения, за которое самый медлительный из ленивцев отдал бы свой лучший глазной зуб.

На следующий день Нестромо снова открыл глаза. Только благодаря тому факту, что пять пустых бутылок «бормовермута» ни на дюйм не сдвинулись оттуда, куда они упали, — а также тому, что его голова по-прежнему чувствовала себя так, как будто самые отчаянные садисты из Полиции Мыслей по-прежнему немилосердно пытались в нее вломиться, — он получил намек на то, что мир никуда не делся. Если бы Конец Света настал, раздумывал Нестромо, ощущая самое убийственное похмелье за всю свою долгую жизнь, то, как бы тихо и мирно это ни случилось, он никоим образом не находился бы уже в прежних пространственных взаимоотношениях со своей постелью, стенами комнаты и пятью пустыми бутылками «бормовермута». Следовательно, его пророчество было ошибочным.

Измученные светом этой медленно тлеющей мысли, веки страдальца плотно сомкнулись, а мозг вырубился еще на один день и одну ночь.

В то самое время, пока Нестромо Казеин силился вскарабкаться по склизкому склону холма понимания и в третий раз выбраться из сна, группа здоровенных мужчин с предельно острым оружием в руках уже подъезжала к предместьям Ширма. Челюсти их были тяжелы, нравы буйны, а мешки пусты. Посланцы Наивозвышенной церкви святого Жмота Неумытого неуклонно приближались к городу, дабы востребовать свои долги. Которые причитались им согласно Пункту №7.

С твердой уверенностью в том, что теперь-то он все-таки будет участвовать в открытом первенстве Гленперегрина по крокету, железно вмонтированной в его скудные мозги, его милость Верт о'Прах, лорд-мэр Ширма, не на шутку вознамерился возместить пропущенное время необходимых тренировок. Белые шары были рассыпаны по всему участку зеленого дерна, однако от каждого из них мэра отвлекал досадный шум его избирателей. Поэтому Верт о'Прах плотно свернул два клочка пергамента и покрепче засунул их в уши, предотвращая таким образом все попытки возмущенных простолюдинов помешать его тренировкам.

Поразительным образом этот прием сработал идеально. Мэру удалось совершенно не расслышать тяжелый грохот конских копыт в наружном дворе — а также тревожные крики, когда десять здоровенных мужчин в пурпурных одеяниях протолкнулись мимо муниципальных вышибал Ширма. Ну и тошнотворный хруст костей во время краткой схватки, когда эти самые вышибалы безуспешно попытались пурпурным здоровилам помешать.

Впервые за двадцать лет возглавления им местного правительства Верт о'Прах оказался совершенно глух к тому, что в его дверь врезалось крутящееся тело отчаянно орущего секретаря. Мэрская бита была точно нацелена на белый шар, который уже готов был влететь прямо в разверстый зев ведра. В первый раз за все это время!

Молнией неслышного ужаса секретарь по дуге перелетел через плечо мэра, опередил шар и вместе с ведром отправился к дальней стене Палат Совета. Маленький витражный херувим испустил вздох облегчения и, расправив плечи, перестал прикрывать свое причинное место.

Какую-то секунду мэр стоял в полной неподвижности, глаза его сделались круглыми от шока. Затем он нахмурился, помрачнел и ловкой обезьяной стал прыгать вверх-вниз, топча свою крокетную биту и выкрикивая грязные оскорбления в адрес скрючившегося перед ним секретаря.

Только когда здоровенная ручища в пурпурной перчатке внезапно упала на плечо о'Праха, развернув его на сто восемьдесят градусов и нежно, но твердо удалив из его ушей пергаментные затычки, мэр резко прекратил свое обезьянничанье.

— Привет! — ухмыльнулась облаченная в пурпур фигура блаженного лейтенанта Садомаха. — Пожертвования! — потребовал он затем таким тоном, который получения отрицательного никак не подразумевал.

— Пожертвования? Какие еще пожертвования? — принялся брызгать слюной Верт, глазея на фигуру, помахивающую у него перед носом большой латунной тарелкой.

Секретарь издал глухое бульканье, которое, как он отчаянно надеялся, должно было прозвучать оправдательно.

— Для Наивозвышенной церкви святого Жмота Неумытого, — прорычал Садомах.

— Н-никогда ни о чем таком не слышал...

— Те священники, ваша милость, — захлюпал секретарь, робко отделяя себя от ведра.

— Что?

— Ваша подпись? — вопросил Садомах, подсовывая под нос взволнованному лорд-мэру красочный пергамент.

— М-может быть...

— Тогда настало время пожертвований! — Девять мощных голов кивнули в знак согласия.

— Но я...

Указав на тарелку, Садомах нахмурился.

— Пункт №7 Сертификата Неоспоримой Веры Наивозвышенной церкви святого Жмота Неумытого гласит следующее: «В том случае, если события Конца Света (см. Пункт №6) удалось избежать посредством божественного вмешательства, происходящего из акта поклонения, вызванного любым из первосвященников Наивозвышенной церкви святого Жмота Неумытого, а также членом любых побочных церквей, общественных клубов или разведывательных отрядов, входящих в состав вышеупомянутой Наивозвышенной церкви, все предметы, объявленные первосвященниками используемыми (согласно Пункту №6) для обеспечения Прибыльного и Безопасного Будущего нижеподписавшегося в Загробном Мире, расцениваются как пожертвования Наивозвышенной церкви и могут быть востребованы в любой момент». — Садомах мило улыбнулся лорд-мэру. — Иначе говоря, прямо сейчас!

— Что? Что? — заверещал Верт. — Это просто нелепо! Что это еще за Пункт №6?

Садомах перевернул Сертификат Неоспоримой Веры и объяснил:

— Пункт №6 гласит следующее: «Я, нижеподписавшийся, сим передоверяю все мои пожитки бренного мира, все сбережения, недвижимость, имущество, пакеты акций, бизнес, деловые помещения и все прочее, имеющее еще более отдаленную ценность, Имущественной Канцелярии Наивозвышенной церкви Жмота Неумытого для неотложной цели извлечения прибыли из данных пунктов ради учреждения управляемого фонда для использования в Загробном Мире. Все упомянутое включает в себя Конец Света». Теперь понятно? — осведомился Садомах.

— Но как же... как же.. — принялся заикаться Верт о'Прах, ясно осознавая, что очень скоро к его должности мэра почти наверняка будет прибавлена приставка «экс».

— Никаких «но», приятель. И точка. Все это барахло теперь наше. Порядок, парни, грузите.

По команде Садомаха девять других посланцев дружно достали большие мешки и принялись изымать из Палат Совета все самое ценное. В тот же самый момент аналогичная процедура проделывалась по всему Ширму в различных жилых и деловых помещениях. Любое сопротивление подавлялось посредством острых кинжалов, и предметы продолжали изыматься в полном согласии с Пунктом №6.

После нескольких кратких, но в высшей степени прибыльных часов посланцы Наивозвышенной церкви святого Жмота Неумытого загрузили свою добро на несколько телег, специально реквизированных для этой цели, и поскакали прочь из капитально обедневшего Ширма. Направлялись они на восток, дабы продолжить потрясающе прибыльный процесс обращения в приверженцы Наивозвышенной церкви.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

Опытным движением увернувшись от знакомо поблескивающего корня сорняка, резко метнувшись вправо и выполнив изящный вираж (просто так, дьявола ради), порождение ночи, хлопая крыльями, продолжило свой путь сквозь затхлый воздух тайных подземных проходов. Тоннели и соединительные отрезки, что змеились и корчились под Императорской Дворцовой Крепостью Кранахана, оно знало не хуже складок своего черного кожистого крыла. И каждый день проделывало этот маршрут. А порой дважды — если ожидался славный заголовок.

Сегодня твари, похоже, предстояло слетать как минимум дважды.

Летучая мышь по дуге метнулась влево, выполнила полубочку и резкий правый поворот, неверно оценила угол, врезалась в далекую, покрытую плесенью стену и выронила из пасти пергаментную газету. Пронзительно крича и плюясь от острой досады, она плюхнулась в желто-зеленую лужу, точно замшевая туфля в жидкую манную кашу-размазню. Затем летучая мышь завопила тревожным фальцетом, увидев, что аккуратно свернутый пергамент балансирует на самом краю лужи. Отчаянно хлопая крыльями, она устремилась вперед, успевая избавить последний номер «Кранаханского вестника» от ужасно липкой кончины...

Далеко отсюда, погребенные в самых недрах Тальпийских гор, четыре костлявых пальца нетерпеливо барабанили военные марши на подлокотнике отполированного бронзового трона. Стук разлетался по всей пещере, отражаясь от небрежно сваленных в груды

ворованных произведений искусства и неведомо как пропавших фамильных драгоценностей, проскальзывая мимо шедевров мирового искусства и затухая в остальной массе накопленных Экспроприатором сокровищ, — пока теперешний хозяин всего этого богатства раздраженно ерзал, дожидаясь сегодняшней пергаментной газеты.

Летучая мышь аккуратно отчистила свои крылья, снова подхватила в пасть «Кранаханский вестник» и с изяществом порхающего кухонного полотенца взмыла вверх.

Экспроприатор хмуро взглянул на недавно уворованную картину с изображением каких-то аляповатых подсолнухов и еще раз подивился ее внезапному скачку в цене. «Стоить только художнику ухо себе отрезать, — раздраженно подумал он, — и любая его мазня на ура идет!»

У самых дверей главной залы летучая мышь приземлилась, за несколько мгновений хорошенько отдышалась, а затем принялась неистово корчиться на каменном полу, производя такие звуки, будто ее выворачивало наизнанку. Впрочем, это было не так уж далеко от истины. Крылья летучей мыши лихорадочно хлопали, дергаясь и соскальзывая; ее короткие лапки бились и изгибались, отращивая колени и выпуская невесть откуда сальные на вид брюки. Голова нетопыря из пушисто-черной превратилась в бледно-голубую, лысую и продолговатую; два передних зуба вытянулись, и между ними злобно засвистело хриплое дыхание. Еще несколько хлюпающих мгновений — и крылан исчез.

Влад Лонгшвайн, вампир[1], подобрал свиток пергаментной газеты, стряхнул с лысой головы несколько последних капель мутной воды и с достоинством зашагал в тронную залу Экспроприатора.

---

[1] К сожалению, лишь немногим специалистам известно о том, что существуют различные виды вампиров. Произнесите слово «оборотень» — и вы мгновенно подумаете о темной фигуре, что воет на фоне полной луны, обращаясь в громадного волка-людоеда, бесчинствующего в сельской местности и рвущего на куски невинных путников в диком припадке неуправляемого бешенства. Увы, спешу сообщить вам, что дело обстоит совсем не так. Или, по крайней мере, не совсем так. Видите ли, на каждого вервольфа приходится приблизительно дюжина верспаниелей, пять верлабрадоров, от двадцати до тридцати вертерьеров и по меньшей мере сотня верчихуахуа. Просто о них никто не слышит. Да, эти чудовища каждую ночь нападают на людей — но те никогда не сообщают об этом. Признаетесь ли вы, к примеру, что по пути

— Где тебя носило? — завопил Экспроприатор, спрыгивая со своего бронзового пьедестала. — Ты сам, что ли, печатал эти чертовы заголовки? — Он жадно выхватил «Кранаханский вестник» из когтистой хватки вампира и тут же скорчил рожу. — Проклятье! Опять напускал слюней! Сколько раз я тебе велел в пасти газет не носить?

— По воззздухху быссстрее! — прошипел Влад.

— Просто омерзительно! Даже элементарных правил гигиены не можешь соблюсти!

— Как вы ххотите?? Быссстро или ччиссто?

Экспроприатор повернул к Владу злобную физиономию с черной кожаной повязкой через глаз, и его единственное око буквально впилось в вампира.

— Только никогда возле меня не летай. Ненавижу летучих тварей. Ненавижу тех, что с когтями и клювом... а больше всего ненавижу голубей! — Он аж передернулся, вытер пергаментную газету о пиджак Влада, после чего развернул ее.

Но гнусная физиономия Экспроприатора зажглась ослепительным оскалом восторга, стоило ему только увидеть заголовки.

ТРАГЕДИЯ В ПРАЧЕЧНОЙ! ЖУТКАЯ СМЕРТЬ С КРАСНЫМИ ТРУСАМИ ВО РТУ!

Бич Кранахана, ужасный Экспроприатор, прошлой ночью снова нанес удар!..

Экспроприатор вскрикнул от радости, читая о своих последних ночных проделках, ухмыляясь до ушей при воспоминании о том, как он прицепил работника прачечной к самому концу бельевой верев-

---

домой из пивнушки вашу лодыжку истерзал слегка посвечивающий зеленью чихуахуа?

То же самое и с вампирами. Только по-настоящему гнусные преступники и еретики, теряя человеческий облик, обращаются в летучих мышей. Лишь серийные убийцы, насильники, сборщики налогов и, в особенности, торговые агенты, обретая свое ночное обличье, пьют кровь у спящих девственниц, влетают в удобно распахнутые окна, чтобы погрузить свои клыки в фарфоровую гладь шеи подростка. Большинству же из них приходится довольствоваться фруктами и кефиром. Что, не верите? Тогда объясните мне, пожалуйста, каким таким загадочным образом ссохлось вон то яблоко в вазе на столе?

ки, как этот работник силился вытащить изо рта красные боксерские трусы, пока веревка медленно опускала его в чан с сорокаградусной водой для отмачивания цветного белья.

— Нечего было мне перечить! — воскликнул Экспроприатор. — Когда мне нужны чистые подштанники, я иду и беру их! Разве люди больше не понимают угроз?

— Дейсствия говорят луччшше ссловв! — залебезил Влад.

— А уж я, что касается действий, настоящий знаток!

— Ххорошшо жжелает тот, кто жжелает посследним!

— Вот-вот! — рявкнул Экспроприатор. — Доставь мне второй выпуск этой жалкой газетенки! — проорал он, размахивая «Вестником». — Я должен знать, что думает обо мне мой народ!

Влад повернулся и поспешил прочь.

— Да, Лонгшвайн! — крикнула ему вдогонку облаченная в черную кожу фигура. — Ходи, а не летай!

— Три шпрота[1] на Криллера в десять пятнадцать, — прорычал голос, больше похожий на скрежет смерзшихся ледяных глыб.

— Окстись, приятель, — донесся ответ букмекера. — Живоглот стрескает его в две секунды, даже сам не заметишь. Он сейчас по-настоящему в классной форме. Ты бы лучше посмотрел, что он вчера в «пятнашках» сразу с тремя вытворил.

— Я сказал «три шпрота на Криллера в десять пятнадцать», и это все, чего я хочу, — прорычал голос в крошечном дворике одного из задних проулков Кранахана. — Если бы я хотел втолковать тебе какое-то другое понятие или если бы меня хоть как-то интересовала любая форма так называемой оппозиции, я бы не выразился столь ясно: «три шпрота на Криллера в десять пятнадцать». Рубишь?

Несмотря на тот факт, что слова эти были произнесены шепотом на вполне внятном кранаханском, вокруг них лучилась аура угрозы — куда более тяжелая, чем у целого океана мурен. Несколько более осторожных игроков опасливо отодвинулись от громадной темной фигуры с вокальными данными гранитной плиты.

— Д-да, хе-хе... Понял вас, господин. Три шпрота, — выдавил из себя букмекер, вглядываясь в фигуру в тени у края арены.

[1] Денежная единица, более крупная, чем мрот, и имеющая другой цвет.

— И еще три в одиннадцать тридцать, против Кулачины.

Собравшаяся толпа разом сделала глубокий вдох. В последние недели Кулачина не оставлял живых противников.

— Просто чтобы не прогадать, — спокойно добавил темный незнакомец. Последовала еще одна волна шелеста глубоких вдохов и незаданных вопросов. Кто эта темная фигура? Имела ли она какую-то внутреннюю информацию о нынешней форме Криллера? Не последовать ли ее примеру?

— Да, чтобы не прогадать, — тупо повторил букмекер. — Ставки здесь почти триста против одного, смею заметить. Не могу ли я порекомендовать вам...

— Двести восемьдесят семь с половиной против одного, — произнес сейсмический шепот. — И вы ничего не можете мне порекомендовать. Вот вам пять шпротов и еще шпрот. — Рука в черной перчатке, инкрустированной заклепками и колпачками для костяшек, вплыла в свет единственной свечи, а за ней последовала мрачно ухмыляющаяся физиономия командира Эбенита по кличке «Черный», начальника Императорской Черной Стражи, чей язык зловеще поблескивал за особым образом татуированными зубами.

Внезапный вакуум стремительно образовался вокруг, когда собравшаяся толпа простолюдинов Кранахана, узнав этого человека, быстро рассеялась по сторонам. Репутация Эбенита Черного как предводителя Кранаханской Черной Стражи была поистине легендарной. Именно он сформулировал официальный девиз Стражи: «Возрази — и сдохни». Именно он ввел официальную татуировку зубов типа ЗАДРОЧ[1]. И именно он был единственным челове-

[1] Зубные Авторитетные Демонстрации Ранга, Отваги и Чести (ЗАДРОЧ) служили многим полезным целям. Они сразу же отметали необходимость пришивания затейливо раскрашенных квадратиков ткани к специальным наплечниками — ту самую практику, которую командир Ебенит находил предельно вредоносной для работы сил безопасности. С его точки зрения она не только разрушала предельно угрожающую замогильную наружность Черных Стражников, но и требовала от его людей всяких сомнительных умений вроде продевания ниток в иголки и вышивания крестиком. Ебенит неизменно настаивал: «Есть мужчины и есть те, кто любит носить цветные ленты».

Внутриротовое Обозначение Ранга также являлось средством укрепления дисциплины. Понижение Черного Стражника в должности могло стать для него предельно мучительным переживанием. И таких переживаний легко не забывали — особенно те, кто испытывал врожденный страх перед клещами и раскаленной иглой во рту.

ком, остававшимся абсолютным кранаханским чемпионом по короводранию пять лет подряд.

— Результата я подожду вон там, — прорычал Эбенит, указывая на небольшое сиденье в углу.

— Как пожелаете, господин. Удачи вам с вашей ставкой.

— Удача тут ни при чем. Я Криллера видел в деле, — ответил Эбенит, топая в угол и усаживаясь в ожидании назначенного боксерского поединка. Толпа зевак осторожно вернула свое внимание к бою, который как раз разворачивался.

Внизу, на арене, два противника занесли свои здоровенные боевые дубинки и кружили друг вокруг друга. Кулачина уже успел повредить противнику левый глаз, разрубил панцирь на правом плече и отсек большой кусок плавника. Тонкая струйка крови сочилась из задыхающихся жабр обреченного оппонента.

Открытие шестидюймовой «боксерской креветки» в Восточных Тепловатых морях четыре года тому назад произвело подлинную революцию в азартных играх на задних дворах деловой части Кранахана. Боксерские поединки креветок давным-давно заняли место схваток бойцовых ящериц как национального вида кровавого спорта. Шло предельно напряженное соперничество между сотнями неофициальных лиг, тысячами ферм по выкармливанию креветок и колоссальным числом импортеров креветок на черный рынок, предлагающих нелегальные услуги крутых ракообразных самцов.

Внезапно бурные аплодисменты оповестили об очередной победе Кулачины. Татуированные зубы Черного Эбенита блеснули в сумерках, когда ставки на победу Криллера добрались до трехсот шестидесяти восьми против одного.

Эбенит любил креветочный бокс, наслаждаясь бесчувственным насилием, которому подвергались два ракообразных, перемалывая друг друга на крабовые палочки к вящему удовольствию собравшейся публики. Это необыкновенно освежало.

А через несколько мгновений должна была настать пора для центрального поединка. Могучими толчками прокладывая себе дорогу сквозь жалких хлюпиков, мгновенно выводя из строя тех, кто не успевал убраться с его дороги, Черный Эбенит обеспечил себе центральное сиденье и устроился понаблюдать за поединком «Криллер против Живоглота».

Очень скоро все было кончено.

После стремительной двойки в бок кератинового панциря противника, зубодробительного удара хвостом, чтобы его опрокинуть, и финального глубокого пореза в щель между второй и третьей пластинами с Живоглотом было покончено. Криллер победил. Черный Эбенит прорычал от удовольствия при виде столь мастеровитых действий, демонстрируя неподдельный восторг, когда клешни Криллера глубоко погрузились в бок его противника. Именно тогда он понял, что смотрит на достойного оппонента для призовой креветки короля. Эбенит просто обязан был заполучить это смертоносное десятиногое.

— Прочтите все подробности! Экспроприатор снова нанес удар! Кража художественных ценностей подтверждена публично! Прочтите, непременно прочтите! — голосил торговец газетными пергаментами, размахивая утренним выпуском «Кранаханского вестника». — Результаты последних креветочных поединков! Полный отчет!

В стене позади продавца газет появилось крошечное, размером с кулак, отверстие. Секция стены отодвинулась назад, исчезая в тени на бесшумных шарнирах. В следующее мгновение оттуда высунулась рука в перчатке, схватила экземпляр газеты и снова исчезла в стене. Затем потайной люк снова закрылся с едва слышным щелчком.

Хлопая крыльями, точно черное кожаное бикини, из которого вытряхивают полгаллона томатного кетчупа, Влад Лангшвайн в очередной раз принялся прокладывать себе дорогу по темным коридорам царства Экспроприатора. При этом крылан твердо сжимал в челюстях новый номер «Кранаханского вестника».

Только два ума на свете знали об этом мире тайных проходов и каменных залов с сокровищами, находящихся за задвижными дверями, о тоннелях, идущих от потайных входов, что открывались при нажатии на определенную последовательность камней, о зеркалах, за которыми открывались двери в подземный мир...

Влад без особой элегантности хлопал крыльями мимо обширных залежей сокровищ, оружия, денег и картин, безжалостно экспроприированных за последние тринадцать лет беззастенчивого грабежа. Человеческая щедрость всегда поражала его. Люди почему-то неизменно стремились пожертвовать бесценными фамильными сокровищами в обмен на возврат в целости и сохранности непонятно

за что ценимых ими домашних любимцев или отпрысков. Влад никогда не был способен понять, как люди могут предпочитать животных и детей бесценным произведениям искусства.

Облаченная в черную кожу фигура Экспроприатора сидела на золотом троне восемнадцатого столетия. Одна кожаная рукавица поддерживала остроконечный подбородок, пока Экспроприатор самодовольно скалился на свое последнее, загадочно улыбающееся приобретение под названием «Монгалеза». В дальней стороне холодного обширного зала небольшой крылан неловко пробивал себе путь вперед, бессильно хлопая крыльями и опускаясь все ниже и ниже. Наконец летучая мышь совершила аварийную посадку на брюхо посреди сияющего обсидианового пола, после чего проскользила до весьма жесткой остановки у ног Экспроприатора.

— Сколько сейчас, по-твоему, времени? — рявкнула фигура на троне, бросая огненный взор из-под черной повязки.

— Прросстите, ссэр, — сумел прошипеть Влад, обращаясь в человекоподобную форму, вынимая газетный пергамент изо рта и вручая его хозяину.

— Тьфу! — сплюнул коротышка на троне, и его кожаные доспехи раздраженно заскрипели. — Сколько раз я тебе говорил про твою вонючую слюну! Ты слишком много ее пускаешь!

— Прросстите, но я подумал, что сскоррость важжнее, — просвистел вампир меж пары острых как иглы зубов.

— Проклятье! — донесся ответ, когда Экспроприатор обратил свой взор на пергамент и начал читать. Внезапно он буквально взорвался яростью, колотя кулаком по подлокотнику трона, резко багровея и гневно указывая на одну из строк:

— Вот это ты видел? Видел? Вот, посмотри! Какое свинство... нет, ты послушай! Только послушай! «В заявлении для прессы Хар Пыхчино, многоопытный импортер креветок и владелец нынешнего чемпиона Кулачины, сказал об утрате своей картины „Монгалеза“ буквально следующее: „Эта угроза зашла слишком далеко. Наказание невинных животных в форме шантажа выдает почерк настоящего труса...“ Труса! Труса? То животное проявляло откровенную злобность! И как он смеет называть меня угрозой? Что он вообще знает о шантаже? Это же настоящее искусство. Требует определенного навыка...

Внимая развитию этой тирады, Влад невесть как умудрился стать еще бледнее.

— ...он этого просто не понимает! Ничего, я ему покажу! Я и впрямь «зашел слишком далеко». Хотя и не знаю, что это значит. Ничего-ничего, сегодня ночью Хар Пыхчино непременно выяснит, как Экспроприатор по-настоящему наказывает невинных животных!

На физиономию Экспроприатора наполз оскал злобного предвкушения, пока он мял в руках пергамент. Разорвав на куски рисунок изображенного там человека, он принялся острыми каблуками ботинок топтать процитированную выше статью.

Стоя высоко на галерее, над сочным, цветастым хаосом пиршества, менестрель опустил глаза, яростно дергая струны своей лютни. Скучающим взором он наблюдал за смеющимися лицами, красными от веселья и эля, пока его пальцы шустрыми пауками бегали вверх-вниз по грифу в ошеломляющих гаммах и дьявольски сложных аккордах. «В один прекрасный день, — лениво подумал менестрель, — они все-таки уделят мне внимание. Эта гальярда станет настоящим хитом, если они к ней только хорошенько прислушаются. В ней есть все, что нужно идеальной лютневой песне, — и любовь, и ненависть, и дьявольски славная смена тональности в середине. Даже в сравнение не идет со всей современной лабудой! Бармагорны! Тьфу! Синкопированные клавикорды! Сиюминутная прихоть! Нет уж, дайте мне славную гальярду и графин меда. Вот что такое настоящая музыка, вот что на самом деле нужно...»

Под менестрелем четырнадцать пестро разодетых жонглеров крайне рискованно раскачивались в наспех выстроенной пирамиде. Из-под королевского стола на покачивающуюся массу с острым собачьим презрением смотрели три здоровенных волкодава. Вот в сторону крыши метнулся широкий язык пламени, лишь на какой-то дюйм миновав колоссальных размеров знамя, — это одного из огнеглотателей в самый неподходящий момент вдруг одолела неудержимая икота.

На протяжении всего этого феодального увеселения собравшиеся пообедать продолжали насыщаться до состояния полного бесчувствия. Происходило типичное вечернее пиршество при дворе короля Объединенного королевства Рингилла и Кранахана. Обширные акры мяса, леса кабанов, виноградники вин и целые озера уток ежевечерне по-волчьи пожирались приглашенными гостями. Здесь всегда находились все фавориты короля, все важные землевладельцы, все жирные сливки богатейших горожан. Представлены

были все наиболее уважаемые королем персоны — бессердечные, развращенные и до омерзения богатые.

Пирамида жонглеров дала еще один не слишком хореографичный крен вперед, заставляя обслуживающих девок волной рассыпаться по сторонам в поисках укрытия. Король поднял взгляд. В зубах у него была крепко зажата окровавленная кабанья нога. Острый нос генерала Баттáлье тревожно раздулся, когда башня снова накренилась. Бокал вина застыл в дюйме от его раскрытого рта. Генерал отставил бокал и стал смотреть, как нижний ряд силится удержать верхние ярусы на пристойной границе общего равновесия. Еще один неверный шажок — и вся пирамида жонглеров потерпела позорный крах.

Менестрель наблюдал за тем, как неискренне-широкие ухмылки профессиональных жонглеров исчезают быстрее опороченной репутации дворовой девки, в беспорядочном бегстве прыгая за борт. Паника рекой полилась вниз по всей башне жонглеров, увлажняя воздух аэрозолью тревоги, когда верхний жонглер, испустив последний отчаянный вопль, поддался силам гравитации. Затем он устремился в сторону монарха — руки распростерты, ноги раздвинуты. Жонглер испытывал идиотское желание, чтобы рукава его камзола были так же широки, как у придворных дам. Тогда, если поэнергичней ими махать, может статься...

Это желание весьма бесцеремонно оборвалось на твердом дубовом столе — в добром галлоне соуса, бок о бок с громадным жареным кабаном. Чудесным образом жонглер остался в живых. В пиршественной зале повисло гробовое молчание, когда жонглер оторвал лицо от тарелки с соусом и уставился в черную от злобы физиономию предельно разгневанного короля. Жонглер попытался в самой что ни на есть обезоруживающей манере улыбнуться, но его лицевые мышцы почему-то даже не шевельнулись. «Ну вот, — подумал он, с трудом сглатывая комок в горле, — теперь и меня приготовили».

Король мрачно взирал на нежданно-негаданно возникшего перед ним на столе жонглера, совершенно неподвижного, если не считать стекающей по его носу большой блямбы соуса — которая уже угрожала плюхнуться на королевские колени. Плечи жонглера затряслись, словно где-то в районе его печени вдруг началось невероятно мощное и в высшей степени локальное землетрясение.

— Прошу прощения, ваше королевское величество, ваша милость, сир... — вздрагивая, пробормотал он, одновременно стара-

ясь удалить жареную кабанью ногу с одного своего предельно деликатного органа.

Лицо короля как бы задымилось, корона зловеще завибрировала у него на голове. Вокруг по-прежнему царила полная тишина. Даже камин ревел как-то приглушенно, словно бы благоразумно сдерживая дыхание.

— ...я самым ужасным образом...

Неожиданная тень улыбки пробежала по царственной физиономии.

— ...я лично позабочусь о том, чтобы...

Король поглазел на то, как жонглер трогательно корчится в медленно застывающей луже соуса, до отказа раскрыл рот и разразился зловещим хохотом. Звук оказался совершенно неожиданным. Толпа была просто поражена. Жонглер тоже был поражен — похоже, каким-то чудесным образом все должно было кончиться хорошо. Король явно пришел в очень славное настроение.

— Все в порядке, — объявил король, чьи плечи стали подрагивать, стоило ему только увидеть забавную сторону ситуации. — Эта оказия должна быть немедленно забыта.

Жонглер с трудом встал на столе. Его камзол побурел, смялся и одервенел от загустевшего соуса. Долго и низко кланяясь и при этом роняя на стол несколько отборных овощей, жонглер лепетал:

— Благодарю вас, сир... даже сказать не могу, как...

— Ну-ну, полноте! — прохрипел король, внимательно исследуя свои ногти. — Просто расскажи обо всем случившемся палачу, когда пойдешь отсюда. Увидишь, он веселый малый. Стража, голову этого человека снимите, пожалуйста, для меня. Заранее благодарю.

Руки жонглера взметнулись к шее, когда он безуспешно попытался закричать.

— Но, сир, это же был несчастный случай... здесь вовсе нет моей вины! — принялся умолять он.

— Ладно-ладно, для одного вечера ты уже достаточно нас развлек, — махнул рукой король. — Теперь будь любезен убраться отсюда. Огнеглотатели уже ждут своей очереди. А за ними еще танцовщицы намечаются.

— Вам ее подать на серебряном блюде, ваше величество? — спросил один из черных стражников, оценивающе глядя на голову жонглера.

— Нет-нет. Одного из шпилей замка будет вполне достаточно.

— Но, сир, там уже нет свободных!

— В самом деле? Какая жалость. Ну, тогда просто бросьте ее росомахам. Они соус любят. Все, с этим закончено. Так-так, и где же танцовщицы?

Черные стражники уволокли громко вопящего жонглера в одну из боковых дверец, немилосердно его пиная. Позади него оставался след все еще застывающего соуса.

— Служанки! — крикнул король. — А ну-ка разделайте мне вот этого индюка!

С этими словами правитель Объединенного королевства Рингилла и Кранахана осел в кресле. Жонглер уже остался для него какой-то мелочью в далеком прошлом. Король приготовился понаблюдать за терпсихорианскими восторгами его любимой труппы из пятнадцати красоток. Это зрелище в высшей степени способствовало пищеварению.

По другую сторону Тальпийских гор царила тишина. И в ней был прекрасно слышен треск — тот, что производит очень даже живой и самый что ни на есть дикий кабан, бросаясь на основание дерева, — к отчаянному страху трех подростков, которые несколько часов тому назад туда вскарабкались.

— Говорила же я тебе, что идти надо в другую сторону, а ты не слушал! — пищала девочка, гневным взором впиваясь в шею своего старшего брата.

— Это верный путь. Рингилльский замок вон там, и дорога здесь самая прямая.

— Ага, очень прямая! — глухо съязвила девочка. — Мы тут всю ночь проторчим!

— Я в этом не виноват!

— Да, не виноват! Тебя как понесло...

— Так ты хочешь сказать, что лучше бы мы остались там? Пузына, ну скажи ты ей, что не могли мы там оставаться, — взмолился Фиркин, до отвала сытый беспрестанным нытьем Донны. — Эй, Пузына!

Восемью футами ниже пухлый парнишка, руками и ногами обвивая толстую ветвь, издевательски низко болтался над вконец озверевшим кабаном. Глаза Пузыны были плотно зажмурены, его мысли метались в равностороннем треугольнике ужаса, смятения и истерики. Все остальное уже не имело смысла.

Белые клыки вспыхнули внизу, когда взбешенный кабан в очередной раз врезался в ствол, силясь стряхнуть подростков вниз.

Из-под смятых обломков разума Пузыны вдруг высунулся сломанный палец здравого смысла. Память сражалась со слепой паникой, пока колеса сознания крутились, перемалывая мысли. Рот парня дернулся.

Сто пятьдесят фунтов злобного бекона еще раз врезались в дерево, и Пузына обрел голос.

— Ка... ка... кабан! — завопил он и еще плотнее прилип к ветви.

Это было первое слово, которое молодой человек произнес за последние четырнадцать лет. В этот миг мешки с песком сорвались с дамбы памяти и потоки воспоминаний хлынули наружу. В несущейся впереди пене вспыхивали образы, самые недавние — первыми: стремительное бегство от бросающихся к ним клыков дикого кабана; материализация в четырех футах над окутанными дымом останками спаленного Миддина, татуированного отпечатками конских копыт, растоптанного и уничтоженного; затем крутящийся, жужжащий хаос мух времени, срывающих их с поля боя четырнадцать лет тому назад, вытягивая, переписывая... заменяя.

— Скажи ей! — рявкнул Фиркин сверху.

— Кургетта! — всхлипнул Пузына, прижимаясь к дереву, когда память взорвалась воспоминаниями о рыжеволосой девушке.

— При чем тут Кургетта? — заорал Фиркин. — Ты моей тупоголовой сестренке все объясни!

Кабан с разбегу врезался в дерево, и Пузына потрясенно сообразил, что для древесного существования его пухлое тело приспособлено очень скверно.

— Донне? — прохрипел он, пока пальцы соскальзывали.

— Кому же еще? — рявкнул Фиркин. — Скажи ей, что мы не могли...

— Я вспомнил! — завопил Пузына.

— ...оставаться в Миддине! — закончил Фиркин, когда дерево задрожало от последнего кабаньего наскока. — А то она будто бы и не заметила, что от Миддина лишь горка пепла осталась. Его сожгли. Спалили до основания!

— И нечего таким голосом трендеть! — взвизгнула Донна.

— Но это правда. И в этом виноват Клайт! — бушевал Фиркин, уже не обращая внимания ни на сестру, ни на кабана. Выхватив

из-под камзола обгорелый клочок пергамента, он гневно им замахал. — Ему еще придется дать массу объяснений! Какого дьявола он спалил Миддин?

— Это же просто бессмысленно, — запротестовала Донна, мысленно возвращаясь к тем временам, которые они провели в Рингильском замке, играя в окрестных лесах с королем Клайтом. — Всему этому должен найтись достойный ответ!

Кабан порыл копытами землю, злобно хрюкнул и бросился снова. Пальцы Пузыны уже совсем онемели.

— Ага! И у Клайта этот ответ наверняка есть! — продолжил Фиркин. — Я намерен его выяснить!

— В самом деле? И как? Пробежать по подъемному мосту с воплями: «Простите, ваше величество, но не будете ли вы так добры объяснить, зачем вы приказали сжечь Миддин? Миддин, нашу родную деревушку?»

— Он не сможет этого отрицать! Вот доказательство! — уперся Фиркин, указывая на клочок пергамента, который Донна нашла пришпиленным к дорожному столбу у Миддина. — Королевский указ, черт побери! — выкрикнул он.

Донна содрогнулась, Кажется, он опять собирался его читать.

— «Поелику вы почли за благо выразить несогласие с соглашениями о взыскивании десятины, установленными на предыдущих переговорах, — пробормотал Фиркин, — и поелику время ныне прошло зенит условленного пункта, будет предпринято определенное возмездие. Все жилища в пределах одной мили от местонахождения настоящего указа будут сровнены с землей посредством поджога. Пусть же сие станет предупреждением на будущее. Вечно любимый вами монарх».

Кабан снова загрохотал вперед, и на сей раз свинячьи глазки твердо вознамерились кое-что кое-откуда сместить.

— Вот, смотри! — принялся в сотый раз настаивать Фиркин. — Клайт действительно это подписал. — Он помахал пергаментом. Тот край был слегка обуглен, и все же там безошибочно значилось:

Вечно любимый вами монар...
Король...

Толстый череп кабана врезался в ствол, посылая злобные вибрации по всему дереву. Пузына издал сдавленный вопль. Хватка его

окончательно ослабла. Какой-то миг он отчаянно цеплялся за воздух, а затем ухнул на восемнадцать футов вниз. Впрочем, кабану уже было не до него. Он пострадал от тяжелого сотрясения мозга, сломал себе ребро и порвал клыком губу.

Внезапно шесть могучих, облачённых в черное стражников возникли из окружающего подлеска, на мгновение словно бы воспарили, после чего обрушились на землю, пригвождая к ней Пузыну и кабана еще надежней, чем горная лавина в ее особенно мстительном настроении. Самый здоровый и гнусный на вид стражник воскликнул:

— Браконьеры! Арестовать их! Свинью захватим в качестве доказательства!

Когда Фиркина и Донну умело стряхнули с дерева, они тут же вскочили на ноги и протестующе завопили.

— Никаких браконьеров здесь не допускается! — проревел главный стражник, злобно поглядывая на Фиркина.

— Здесь какая-то ошибка! — запротестовал тот. — Мы друзья короля!

— Да? В самом деле? Тогда я королева Ширма! — заржал главный стражник с изяществом тяжелой дорожной аварии. — Друг короля? Хорош, нечего сказать! Запомни, пацан, у короля вообще нет никаких друзей! Особливо таких недорослей! Все, вяжите их, парни!

— Что вы такое делаете? Поставьте меня на землю! — завопил Фиркин, червем извиваясь в железной хватке стражников. — Здесь наверняка какая-то ошибка! — продолжал протестовать он, когда его вместе с Пузыной и Донной привязали к шестам и понесли к замковой темнице. — Когда король об этом узнает, вам здорово нагорит.

— Ох нагорит. А как он об этом узнает? — злорадствовал главный стражник. — Ты сам собираешься его величеству рассказать?

— Да, как только его увижу! — завопил Фиркин.

— Кроме веревочной петли через пару дней, ты уже ничего не увидишь.

— Как? За что?

— За вытаптывание королевских маргариток — вот за что. А это, знаешь ли, не иначе как ЗФГ...

— ЗФГ?

— Ага, карается повешением.

— Но я не...

— Брось, пацан, ты это делал. Мы сами видели — верно, Урик? Самый что ни на есть Злостный Физический Гербицид. Стоит только на все эти поврежденные стебли и помятые листья посмотреть.

Урик радостно качнул шест с Пузыной и энергично закивал.

— Но вы наносите гораздо больше повреждений, чем мы, — заспорил Фиркин, глядя на проносящуюся под ним траву, пока он, точно пойманный кабан, покачивался на шесте. — У вас ноги больше.

— На то, чтобы здесь находиться, у нас имеется специальное разрешение короля. Так, Урик?

— Ага! Не валяй дурака, пацан! Речь идет о безопасности королевства!

Радостно кивая друг другу и покачивая своих пленников, шестеро черных стражников несли их в направлении будущего, которое вдруг сделалось еще более неопределенным.

В полутьме сидели четыре фигуры. В тяжелом сумраке, в скудном свете и глубоком-глубоком молчании, нарушаемом только неровным дыханием Кенара, недавно назначенного канцлера Объединенного королевства Рингилла и Кранахана. Все ожидали прибытия своего господина, победоносного правителя, Его царственного Королевского Величества.

Кенар нервно потянул за воротник официального камзола, припоминая слишком уж недавнее удавление последнего канцлера. Робер де Неро по прозвищу «Честный» был найден виновным в избыточном снисхождении к должникам, безошибочном ведении книг, а также в том, что он не являлся близким приятелем разводчика боксерских креветок и главы кранаханской «семьи» Хара Пыхчино.

Настороженный взор Кенара с некоторой нервозностью обвел затейливый набор доспехов и другого оружия, расставленный вдоль стен Залы Совета. Он изучил ряды алебард и копий; опасливо оглядел ряды мечей и связки топоров, а также изобилие пик, сияющее приглушенной угрозой. За считанные секунды канцлер прикинул их точную цену в килерах, шпротах и труппенсах.

Внезапно двустворчатые двери Залы Совета резко распахнулись и туда властно прошествовала фигура короля. Царственный алый плащ хлопал за спиной у монарха, пока он стремительно направлялся к большому, аспидного цвета трону по ту сторону стола. Не успев еще толком усесться, король уже прорявкал свои

вопросы из-под бешено дергающихся усов в форме велосипедного руля.

— Минуты со времени последнего совещания в году 1039 по КОТу прошли следующим образом... — начал было Кенар.

— Сколько раз вам говорить? — проревел король, грубо обрывая канцлера. — Минуты — это дело минувшее. Я же хочу знать о прогрессе, о будущем. Оставьте день вчерашний поэтам и историкам, а мне дайте день завтрашний! Сообщите мне что-то новое, что-то славное!

— Десятины поддерживаются на постоянной величине в восемьдесят три процента, ваше величество, — произнес Кенар под бритвенно-острым взором монарха.

— И что?..

— И сборы по преимуществу идут исправно, сир.

— По преимуществу исправно. А я находился под тем впечатлением, что некая «побудительная причина» была применена для достижения полного... гм... содействия, — прорычал король, злобно улыбнувшись черной задумчивой фигуре командира Эбенита, прежде чем пристально взглянуть на Кенара.

— Гм... да, сир. Но теперь уже все в порядке, — вяло закончил канцлер.

— И что?.. — опять прорычал король.

— Простите, сир, вы о чем? — прохныкал Кенар, нервно оглаживая шею.

— О цене! О цене, приятель! Во что обошлась отправка черных стражников и как вы собираетесь восполнить эту потерю? Самую суть, приятель. Опустите подробности и дайте мне самую суть.

— Шестьдесят четыре стражника на три дня, по три шпрота в день.

— Самую суть! — буквально задымился король, грохая кулаком по столу, поднимая облако пыли и вызывая ухмылку Эбенита.

— Четыреста двадцать восемь шпротов, сир, — ответил Кенар.

— Вы слишком много запрашиваете, Эбенит, — самодовольно произнес король, ухмыляясь начальнику стражи, почти невидному в полумраке. Изнутри иссиня-черных доспехов командира так и сочилась злонамеренность. Его шлем лежал рядом на столе, источая едва ли не большую угрозу, нежели голова, к которой он должен был точно подходить. Атмосфера задумчиво-воинственной угрозы плавала над его коротко стриженными волосами, пока Эбенит

лениво суммировал колоссальный разрушительный потенциал стенных украшений. Ему всегда хотелось в точности знать эту сумму.

— На внутреннем рынке цены постоянно растут, сир. Больший участок охвата — более высокая цена. — Голос Эбенита можно было проигнорировать с той же легкостью, что и летящую на тебя лавину.

— Уместное замечание, — согласился король. Затем, повернувшись к Кенару, он гневно вскричал: — Так что же вы собираетесь со всем этим поделать?

— У нас есть достаточные фонды в сокровищнице, чтобы возместить понесенные трудовые убытки, поэтому я...

— НЕТ! НЕТ! НЕТ! — взорвался король, так яростно молотя по столу, словно и его стараясь принудить к повиновению. — В корне неверный ответ! Подумайте, приятель! Попробуйте использовать свою голову — или вы вскоре ее потеряете!

— Гм. Поскольку простонародье передало нам недостаточную десятину, — с запинкой начал канцлер, — и вынудило нас понести избыточные траты... э-э... связанные с возмездием, в таком случае... — он с трудом сглотнул, — эти убытки следует возместить, изъяв их у населения.

— Каким образом?

Плечи Кенара обвисли.

— Поднять десятину, сир?

— Ну наконец-то! Да. Поднять десятину! Назовите это ответственностью администрации, если желаете, но опять поднимите эту чертову десятину. Я не понимаю, почему мы должны платить за все эти беспорядки из наших же собственных карманов. И так достаточно тяжело собирать всю эту ерунду нормально, без того, чтобы эта вшивая, блохастая горная деревенщина не тормозила процесс. Теперь же издайте указ. Немедленно поднять десятину! Или нет! Еще лучше — издайте указ задним числом. На двенадцать месяцев раньше! И отмените день святого Мошеннинга!

— Да, сир. Как пожелаете, — ответил канцлер, отчаянно потея.

— Именно так я и желаю, — отозвался король, после чего немедленно выбросил канцлера из головы. Повернувшись к Черному Эбениту, он настойчиво вопросил: — Расскажите-ка про ваши последние подвиги. Между прочим, где вас носило вчера вечером?

— Я слышал, сир, что пропустил очень интересное выступление жонглеров.

— На мой вкус, было слишком много участников. Они немного увлеклись и, так сказать, потеряли головы.

— Действительно, сир, — усмехнулся Эбенит. Звук этот был не столь уж отличен от соития двух каменных плит. — Боюсь, меня задержали дела.

— Неужели я заставляю вас работать так напряженно?

— О нет, сир. Полагаю, я нашел соперника вашему Живоглоту. Собственно говоря, не могу ли я предложить вам встретиться немного попозже?

— Соперника? Ха-ха! Вот это уже интересно. Хотел бы я на этого соперника посмотреть. Завтра утром в моих палатах. И пораньше!

Затем совещание перешло к более обычным темам, вызывавшим восторг и возбуждение, которыми король обычно наслаждался. Сейсмический голос Черного Эбенита с колоссальным удовольствием поведал о разгоне селян горной деревушки Миддин, о сожжении хижин, роскошно смакуя кровавые детали. Уши короля жадно впитывали все подробности тиранических действ, омывались бальзамом злорадного снисхождения при описании пляшущего отраженного света от горящих лачуг, а его злое сердце согревалось теплом лагерных костров варварства. Он заметно трепетал, слушая тирады о безжалостных деяниях «установления необходимого закона и порядка», проведенных железным кулаком его Черной Стражи. Там упоминались и воры, протащенные по деревенским улицам бешено несущимися вперед жеребцами, и тела селян, в клочья разорванные дикими шакалами перед отчаянно орущими толпами зевак за отсутствие собачьих лицензий, и публичное потрошение возчиков за мелкие нарушения парковки телег.

«Вот! — восторгался монарх, размышляя. — Вот что значит быть королем! И как же славно быть королем! Обращаться с людским несчастьем и презренной нуждой, первым делом имея на уме благополучие монархии!» Среди всех невзгод королевства людям прежде всего требовалось видеть абсолютно счастливого короля!

Подобное наслаждение предельной подлостью закаляло его жилы, укрепляя готовность ко всем остальным повседневным делам. Будущие стратегические планы обсуждали, о них дико орали и в конце концов улаживали и организовывали. О еще одной черной дате похода за десятиной уговорились на основе размера в восемьдесят восемь процентов. Далее согласились на общем числе в триста

четыре различных налога, причем налог на чтение[1], налог на сообщество[2], налог на отшельничество[3], налог на большие пальцы[4] и налог на ковры[5] были либо резко повышены, либо заново введены.

Некоторое время спустя, с довольным видом хлопая себя ладонями по ляжкам, король и командир Эбенит покинули Залу Совета, чтобы славно отметить карательную экспедицию в Пиршественной Зале.

---

[1] Налог на чтение.

а) Персонам, планирующим читать, начислялся налог в размере двух третей шпрота за сотню слов, прочтенных за минуту, или в семнадцать с половиной шпротов за книгу (что выходило дороже).

б) персонам, не способным читать, назначалось шесть шпротов в год в порядке образовательного налога, чтобы все-таки попытаться научить их читать. Информация касательно расписания занятий вывешивалась на видном месте в Дворцовой Библиотеке (плата за вход — шестьдесят один шпрот).

[2] Налог на сообщество. Всякий живущий в сообществе двух или более человек обязан был платить налог на сообщество. Величина налога произвольным образом устанавливалась посредством умножения суммы пяти брошенных костей на расстояние в лигах, на котором сообщество находилось от Рингилльского замка.

[3] Налог на отшельничество. Всякий живущий один в целях религиозного одиночества, тайного лечения или будучи просто не способен выдерживать тот кишащий блохами и крысами водоворот безнравственности, коим является цивилизация, должен был платить налог на отшельничество. Величина налога произвольным образом устанавливалась посредством умножения суммы восьми брошенных костей на расстояние в футах, на котором отшельник проживал от центра Рингилльского замка. Выплата данного конкретного налога производилась немедленно, по первому требованию, причем в наличных. Поскольку невыплата налога на отшельничество каралась немедленной мучительной казнью, не было ничего удивительного в том, что отшельников в Объединенном королевстве Рингилла и Кранахана проживало совсем мало.

[4] Налог на большие пальцы. Всякая персона, найденная живой и обладающая одним или большим числом больших пальцев, обязана была уплатить налог в пять шпротов за один большой палец в год. Всякая персона, уличенная в умышленном удалении одного из своих больших пальцев или нанявшая для этого другую персону с единственной целью наглого уклонения от выплаты налога, обязана была уплатить пятьсот шпротов налога для лжецов, а также подвергнуться удалению другого большого пальца. Всякую персону, уличенную в неимении ни одного большого пальца, подвергали немедленной мучительной казни.

[5] Налог на ковры. Всякая персона, уличенная в обладании ковром или ковровым покрытием, отличным от грязи, обязана была уплатить налог в три шпрота за квадратный фут.

Монарх долго и громко смеялся, топая по коридорам и с презрительной насмешкой глядя на почтительно склоненные перед ним головы. Король испытывал настоящее счастье, когда люди видели и признавали могучую руку его абсолютного правления.

Правление, с его точки зрения, читалось как В-Л-А-С-Т-Ь.

Пока солнце все выше ползло в небо, два облаченных во внушительные панцири противника осторожно кружили друг вокруг друга. Прошли уже три раунда боя, и кровь текла вовсю. Меж двух грудных пластин королевского чемпиона бросался в глаза скверный порез. Хладнокровно глядя выдвинутыми на стеблях глазами, хлеща щупальцами сырой и соленый воздух, Живоглот наступал на Криллера. Королевское десятиногое уже получило славную трепку. По сути, в настоящее время более точным определением было бы «королевское девятиногое».

Криллер хлестнул левой клешней, хватая щупальце Живоглота за сочленение, вынуждая королевского чемпиона беспомощно царапать днище бочонка. Дальше последовал мощный, размашистый удар хвостом. Одновременно раздались яростный крик короля и тошнотворный треск, когда щупальце Живоглота сломалось.

Эбенит внимательно смотрел в бочонок.

— Эх! Люблю запах морепродуктов по утрам! — Криллер еще раз злобно хлестнул Живоглота. — Боюсь, дни Живоглота сочтены. И их число уже не вырастет, — сострил Эбенит, сверкая татуированный ухмылкой, к немалому неудовольствию короля.

— Удачная пауза, — прорычал монарх.

— Только не для Живоглота, можете мне поверить.

Король пронзительно вскрикнул от шока, наблюдая за тем, как Криллер с подлинно ракообразной злобностью отхватил еще одну ногу Живоглота, после чего резко развернулся, готовясь к окончательному удару.

Секунду спустя все было кончено. Королевского чемпиона можно было подавать на стол.

— Откуда взялся этот зверь? — сквозь красный туман гнева прорычал король. — Почему меня не проинформировали? Он мог попасть в плохие руки. Чемпион должен быть у меня!

— Он поступил извне, сир.

— Извне! Вы хотите сказать, их уже и вовне выкармливают?

— Да, сир. И так уже не один год. Но лишь недавно удалось получить улики.

Король подобрал победителя и сжал его в ладони, пристально изучая нового чемпиона.

— Да, он совсем неплох, — любовно произнес он. — Так кто, вы говорите, выкормил этого зверюгу?

— Арни Шварц. В деловой части живет...

— Личные детали меня не интересуют. Просто пошлите ему завтра вечером приглашение на пиршество. Мне бы очень хотелось с ним познакомиться.

Вид у Эбенита сделался крайне подозрительный. Король никогда не позволял людям из народа сидеть с ним за одним пиршественным столом.

— Вы рассматриваете его как нового королевского поставщика?

— Нет-нет. Даже и не думайте, — отозвался монарх, глазея на победоносное ракообразное. — Панцирь у него слишком тонок. — И, словно желая эту мысль доказать, король прямо на глазах у Эбенита сжал облаченный в прочную рукавицу кулак. Сжимая его, он улыбался, и на монаршей руке гордо выступали мышцы и сухожилия.

Мгновением позже, вытирая руки, король посмотрел Эбениту прямо в глаза:

— Будьте добры проинформировать Хара Пыхчино о том, что мне нужны самые лучшие боксерские креветки, причем как можно скорее. Мне нужен импортированный запас. Он гораздо качественней, а кроме того, он позволяет мне тратить больше чужих денег. — Ухмыльнувшись, король резко развернулся и направился прочь из Боевой Залы.

Эбенит же скорбно уставился на смятую креветку.

«Проклятье! — подумал он. — Этот Криллер обошелся мне в двадцать пять шпротов!»

Глубоко в уютной темноте кармана камзола Пузыны (который в данный момент располагался в куда менее уютной темноте предназначенной для браконьеров тюрьмы Рингилльского замка) лежал предмет, который для любого беглого взгляда показался бы самым обычным безвредным любовным романом. Однако при более внимательном обследовании стало бы очевидно, что страницы с три-

дцать пятой по сто восемнадцатую включительно подверглись вдумчивой обработке парой предельно хорошо приспособленных для этого жвал. Эти крупные изогнутые штуковины сформировались за миллионы предшествующих поколений с исключительной целью прожевывания лигниновых волокон пергамента, используемого в книгах.

Еще глубже, внутри уютного пространства, которое сформировали эти самые жвалы, таилось нечто. На данный момент это нечто особого довольства не испытывало.

Обладай оно бровями, они сходились бы теперь под углом в знакомом любому человеку выражении боли, рассчитанном на получение максимального сочувствия от максимального числа персон. Обладай оно губами, эти губы дрожали бы теперь, силясь удержаться от самого что ни на есть недостойного хныканья. А будь оно снабжено парой рук, они бы теперь вовсю потирали бы самый низ животика.

Да, Хитрин, книжный червь, испытывал отчаянную боль в животе.

Там у него что-то предельно остро пульсировало, доводя его едва ли не до судорог и вызывая поистине страшные страдания. Причем это ощущение все нарастало.

Корчась внутри книги, Хитрин жалобно пищал. У него и раньше бывали расстройства желудка. Как-то раз он съел несколько захудалых газет. Еще был случай, когда он поглотил целую кучу частично разложившихся квитанций. А однажды наступил для него момент голодного безумия, когда Хитрина угораздило сунуться в стопку агитационных листовок для выборов в органы местного самоуправления. Некоторые из предвыборных обещаний, казалось, до сих пор стояли у него в глотке.

Но такой боли в животе Хитрин еще никогда не испытывал. Или, быть может, испытывал только раз в жизни. Но тогда было совсем другое дело. К тому же тогда Хитрина мучили кошмарные видения.

Корчась и нервничая, Хитрин припомнил тот последний раз — голоса, кружащиеся фрагменты строчек рассказа, высвободившиеся у него в голове, когда он внедрился в Приложение III-Б «Древнего альманаха колдовства, магии и тому подобного». Откуда ему, невинному книжному червю, было знать, что книги с магическими текстами не печатаются чернилами, а их тексты волшебным образом вставляются в пергамент посредством чудотворных красителей.

Никто вам о таких вещах не рассказывает. Никто вас об этом не предупреждает!

Хитрин вздрогнул, когда еще один укол несварения пронзил его нижний желудок. Неким образом этот укол показался книжному червю до жути знакомым.

Но это было невозможно. Или возможно?

Регулярный воздушный хор очередного рассвета чирикал, пищал и каркал, разливая свои однотонные таланты по храпящим просторам Кранахана, безжалостно вторгаясь в решительно не желающие никаких подобных звуков уши спящих жителей, пробуждая их до состояния полного бодрствования со всей тактичностью пневматической дрели. Клин гусей изогнулся вниз, разошелся и сел на свое излюбленное местечко. За многие годы успешные поколения гусей-плакальщиков обнаружили, что именно здесь, меж возносящихся вверх стен Императорской Дворцовой Крепости и выгнутой скальной стены утеса, расположена самая сказочная акустическая труба. Звук, который получался, когда четверо-пятеро гусей по-настоящему заходились в синхронных воплях, был поистине легендарным. Особенно когда им удавалось подстроить ритм, усиливая каждый новый крик отражением предыдущего, транслируя какофонический шум предельно нерасположенным выслушивать сволочных птиц кранаханским засоням.

Хар Пыхчино испустил непристойную серию избранных проклятий, сунул голову под розовые нехилоновые[1] простыни, в голос простонал и перевернулся на другой бок. Смутно, сквозь туман слишком многих литров местного красного вина, он вдруг осознал, что в спальне он не один. На самом деле для Хара Пыхчино данный факт был не так уж и необычен. То, что он был самым могущественным и удачливым производителем креветок в Кранаха-

[1] Нехилон — нежная ткань, сотканная из волокон, произведенных путем сополимеризации двух соединений, полученных из разложившихся трупов скончавшихся естественной смертью червей, тлей и широкого разнообразия давно умерших морских улиток. Нехилон был представлен на рынок вскоре после окончания ныне легендарной Двух-с-половиной-минутной войны и мгновенно произвел фурор среди кранаханских дам, которые с радостью впрыгнули в чулки из нехилона, с презрением отбрасывая тут же вышедший из моды шелк. В конце концов, кому охота носить нечто выдавленное из нижнего отверстия гусеницы?

не, а также располагал правом засовывать пальцы в куда менее законные куски общественного пирога, делало утешительно-настойчивое присутствие в его спальне прекрасных дев чем-то очень далеким от необычного. И то, как далеко дочери множества не столь успешных креветочников могли зайти, чтобы обеспечить лучшую цену для очередного призового бойца их отцов, или то, насколько отчаянными могли стать попытки немалого числа жен отбить несколько шпротов от целых гор долгов своих неудачливых супругов, постоянно служило Хару Пыхчино источником сладострастного удовольствия. Пожалуй, это был самый приятный способ торговаться.

Однако затем в памяти возникло несколько вещей, которые мигом пробудили остро отточенную подозрительность Хара Пыхчино. Во-первых, он не помнил, чтобы вчера вечером кого-нибудь к себе приглашал; во-вторых, окно спальни было широко распахнуто; в-третьих, простыни были влажными. И наконец — от его предполагаемой любовницы страшно воняло рыбой.

В животе у Хара Пыхчино тут же взбурлило, стоило ему только оттянуть нехилоновые простыни. Глаза его в ужасе выпучились, как только он близоруко сосредоточился на открывшейся ему сцене. Там, рядом со всеми десятью зловредно отрубленными и цинично разложенными вокруг головы ножками, стояла изящная соусница с соусом «чили», лежали два ломтика лимона, а также славно обжаренное тельце Кулачины — его лучшей боксерской креветки.

Мало того, к спинке кровати был приколот клочок пергамента, где, написанные рыбным соусом, сверкали слова:

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!
ЭКСПРОПРИАТОР

КОЕ-ЧТО О МЕЧАХ И О БОЛИ В ЖИВОТЕ

Сидя под большой липой в славный солнечный денек (как это всегда бывало), юная принцесса играла с маленьким золотым шариком. Каждый день она гуляла по желтой тропке вдоль розовых и зеленых пастельных стен замка, насвистывая один и тот же мотивчик, — точно так же как она это делала и сейчас. Всякий раз, когда солнце озаряло своими искорками очень миленький кустик, принцесса испытывала желание подпрыгнуть — но никогда себе этого не позволяла. Юная принцесса была самой прекрасной из трех доче-

рей короля и отлично об этом знала. В конце концов, это было написано громадными черными буквами — в небе, на самом верху.

«Жила-была самая прекрасная из дочерей короля, и пошла она в лесок прогуляться...»

Скажем так — маленькое разоблачение.

Несколько абзацев принцесса играла с маленьким золотым шариком — знаете, несколько таких до смерти скучных абзацев, в которых подробно описываются лесок, небольшой склон и маленький фонтанчик, а также колодец, который слишком глубок, чтобы увидеть дно. И тут... вот так сюрприз! Принцесса роняет легонький шарик и со скучающим ужасом наблюдает, как тот отскакивает прочь и ныряет в колодец. Причем, самым возмутительным образом нарушая законы физики, шарик действительно тонет!

Тогда принцесса начинает жаловаться.

Всякий раз, жалуясь насчет этого дурацкого шарика, принцесса чувствует себя ужасно глупо. Стоит только мило попросить папочку-короля, и он с легкостью добудет ей другой. Пожалуй, она даже смогла бы сладенько уговорить одного из продавцов игрушек — если, конечно, бы попыталась. Предполагается, что прекрасным принцессам все по плечу. Какой смысл быть дочерью короля, если ты время от времени не можешь получить что-нибудь на халяву?

И все же в книге историй огромными черными буквами написано — жаловаться и всхлипывать. Стало быть, жаловаться и всхлипывать она и должна.

— Ах! Мой миленький шарик! Потерялся в колодце! — И несколько слезинок сбегают по розовым щечкам принцессы.

Ох, она даже съежилась.

«О чем плачешь ты, о королевская дщерь?..»

Принцесса стала ждать, пока знакомый голос амфибии забулькает из колодца.

«...слезы твои даже гранит растопят...»

Принцесса все ждала.

И ждала.

И ждала.

Наконец ее жалоба начала выглядеть немного натужно. Сколько же это безобразие должно было продолжаться?

— Эй ты, лягушка! — прошептала принцесса между очередными всхлипами. — Ну давай, вылезай!

Поверхность колодца осталась идеально гладкой.

— Эй! Да поторопись же ты!

Еще один равнодушно-эмоциональный выплеск горя.

— Слушай, я больше так не могу. Отдавай мне шарик!

Опять безмятежная водная гладь.

Прекрасная принцесса злобно вскочила, подобрала юбку и подбежала вплотную к колодцу.

— Эй! Ну ты! Тварь зеленая! Вылазь оттуда и делай, что от тебя требуется. Ну давай же: «О чем плачешь ты, о королевская дщерь?..» — заорала она в бездонную яму.

Затем умолкла и перевела дыхание.

— Послушай, отдай мне шарик, и мы забудем об этом твоем свинстве! А, понятно! Ты опять недоволен условиями труда? Опять ломаешься? Да, я знаю, ты получаешь скудные кусочки. А я? Я должна вечно скакать по этим холодным мраморным ступенькам. Тогда вот что. Отдай мне шарик, и я не швырну тебя так крепко об стенку во время тихого часа. А? Ну как, идет? Что скажешь?

Гробовое молчание.

— Хорошо же! Считай, что ты допрыгался! — запищала прекрасная принцесса, топнув ножкой и разбивая стеклянный башмачок. — У, блин! Теперь мне от бутафоров нагорит! — выругалась она себе под нос.

— Пять секунд тебе, чтобы появиться!... Пять! А потом я сразу же иду говорить с Редактором. Принц ты там, не Принц — но с этими жабьими замашками я мириться не желаю!

Резко развернувшись на неповрежденном стеклянном каблучке, принцесса быстро заковыляла прочь, злобно ворча себе под нос.

Арни Шварц, известный узкому кругу своих друзей под прозвищем Термит, едва смог поверить своим глазам, когда перед ним поставили целое деревянное блюдо дымящихся брюхоногих. Настоящие брюхоногие, импортированные из самого Ширма! Причем король Объединенного королевства Рингилла и Кранахана не понес за них никаких расходов. Его пиршества были просто легендарны. Все, что считалось деликатесом, роскошью, афродизиаком или всеми тремя этими вещами, вместе взятыми, непременно должно было появиться в пиршественном меню короля. И если для того, чтобы за это расплатиться, следовало поднять десятину, то это была цена, которую люди платили за счастливого монарха.

А как этот самый монарх не уставал им напоминать: «Счастливый король значит то, что вы сами живете дольше!»

Огнеглотатели, облаченные в яркие костюмы, глотали дурно пахнущую жидкость и что было сил старались жарить мух, выпуская широкие языки оранжевой смерти. Жонглеры, теперь отчаянно не желающие проходить в вертикальном направлении больше нескольких дюймов (что было вовсе неудивительно), швыряли вверх свои дубинки, ножи и пылающие факелы, время от времени бросая преувеличенно настороженные взгляды на короля и Совет. Черный Эбенит глодал колоссальное бедро кабана, а сзади него пускали слюни два могучих волкодава. Пятнистые акробаты радостно прыгали и кувыркались, щедро поколачивая невинных обжор надутыми мочевыми пузырями свиней. Короче говоря, шла еще одна мирная трапеза.

— Давно боксеров выкармливаешь? — крикнул король, с чьих усов в форме велосипедного руля капал кабаний жир.

Шварц Термит оторвал взор от брюхоногих и указал на свою грудь.

— Я? — одними губами спросил он.

— А кто еще в этой зале выкармливает креветок? Так как давно?

— Примерно два года, ваше величество, — ответил Шварц, его надетое на вилку брюхоногое замерло в воздухе.

— И скольких по-настоящему смертоносных креветок ты за это время выкормил? — проорал король.

— В смысле с чемпионским характером?

Король кивнул, глаза его как-то странно осветились.

— Боюсь, сир, только одну. Только Криллера. А он уже продан.

Черный Эбенит взглянул на правую руку короля и с сожалением вспомнил о креветке.

— Ладно, — сказал король. — Очень хорошо. Так и должно было быть. Можешь наслаждаться трапезой.

Возможно, так получилось просто потому, что Хардин был королем, но Черный Эбенит почему-то не сомневался, что в этой фразе прозвучал некий обертон властного завершения темы.

Разводчик креветок разоблачил еще одно брюхоногое и сунул его себе в рот, наслаждаясь вкусом густого чесночного масла, буквально взорвавшегося на его нёбе. Невероятное изобилие пир-

шественных увеселителей вокруг него продолжало палить, жонглировать и бренчать своим реквизитом.

Внезапно Шварц закашлялся и побледнел. Нож выпал из его руки и воткнулся в доску для резки хлеба, пригвождая ее к столу. Руки креветочника сжались на горле, он вначале побагровел, затем пожелтел, а потом лицо его приобрело странный красновато-коричневый оттенок. Какое-то время бедняга задыхался, обильно потея, после чего весь затрясся, с трудом встал, повернулся — и рухнул на пол подрагивающей грудой, утянув вместе с собой блюдо с брюхоногими.

— Ах, какое несчастье, — произнес король Хардин, хмурым взглядом проводив славную закуску, исчезнувшую с горизонта стола. — Какая бездарная растрата хорошей еды!

Черный Эбенит уставился на стоящее перед ним блюдо с такими же брюхоногими и нервно сглотнул.

— Очень удачная мысль — использовать брюхоногих, чтобы кого-нибудь отравить! — добавил король. — Кто-то должен был по-настоящему его ненавидеть. Стража, уберите его отсюда! Служанки, разделайте мне вон того кролика! И танцовщиц сюда! Немедленно!

Эбенит высматривал следы сострадания на лице короля, пока труп Шварца выволакивали из зала. Он знал, что король ненавидит конкуренцию — но это было уж слишком круто.

В дальнем конце залы приземистая фигура с гладко прилизанными назад волосами самодовольно ухмыльнулась и удовлетворенно подмигнула королю. Хар Пыхчино превзошел самого себя. Такое мастерское отравление ему еще никогда не удавалось. Поскольку это было заказное убийство со стороны Короны, оно не только было свободно от всякого риска каких-то дальнейших преследований, но и очень славно оплачивалось. Помимо того, это избавляло бизнесмена от всякой конкуренции на фронте борьбы за боксерских креветок.

А конкуренция была именно тем, без чего Хар Пыхчино прямо сейчас прекрасно мог обойтись. Он в очередной раз сжался от ужаса и омерзения, подумав о трупе Кулачины в своей спальне.

И вот долгое время стояло царство в великой опасности — для каждого лорда, коий лелеял поистине желанные мысли о законном короле. И все лорды царства, все господа при оружии были посланы присутствовать у Столицы при боли проклятия. И духовенство со-

бралось на молитву о неком чудесном знамении, кое определило бы, кому стать Королем. А когда прошли слухи о том, что заутреня и первая служба уже закончились, вдруг возник громадный камень, идеально квадратный и вторгнувшийся в высокий алтарь. На верху же того мраморного камня, точно посреди церковного двора, находилась наковальня в локоть вышиной, и втолкнут под нее был меч обнаженный. А на ней золотым шрифтом, твердым по почерку и ясным по смыслу, начертаны были следующие слова: «Кто сей меч, названием Эксбенедикт, из сего камня и наковальни вытащит, тот суть подлинный Король, кому сие царство суждено».

И все до смерти потрясены были.

Тогда десять рыцарей могучих поставлены были там с быстротой необычайной, и дополнительное покрывало было наброшено, дабы подобающим образом святыню защитить и окутать. И когда пришел день Сахарной Мессы, сладчайшее из времен оных, полчище золоченых сандалий вошло в священное место, пылающее рвением, ожиданием озаренное. И сквозь собравшуюся толпу босоногий юнец прошел. О да, юный Гальва, горячо лелеемый оруженосец сэра Гея, твердо настроенный войти под красно-зеленый покров и вытащить Эксбенедикт. И, разметав по сторонам покровы, нырнул он внутрь. И голос благородного Гальвы был всем слышен, когда добрался он до камня и наковальни и вскричал: «Ха, блин, ну и ну! Какой же такой шутник этот долбаный меч сюда засадил? А? Я вас спрашиваю! Где этот гад позорный? Как же я королем стану, если кто-то этот паскудный меч на добрый дюйм глубже, чем нужно, заелдонил?»

И все лишь плечами могучими пожали.

— Эй вы, обормоты! Ведь только мне положено эту долбаную ерундовину вытащить! Так в истории значится!.. Нет, блин! Нет! Ведь тут не может же появиться еще одна паскудная переписка! Хотя, должно быть, именно она тут, падла, и есть! Ну и дела! Короче, пойду я с Редактором повидаюсь. Вот тебе и «Смерть Гальвы»! Нет, это у нас «Смерть Редактора» получится, если только он мне опять переписку устроил! В конце концов, у меня контракт долбаный имеется...

Одинокий безумный вопль рвался из женской глотки, мечась по всем нижним уровням тюремного блока Рингилльского замка, отскакивая от стен на своем паническом пути в глубокий кромешный мрак.

Она стояла там в кромешной тьме и... гм... просто там стояла. Это было очень странно. Ведь всего минуту тому назад она делала... то, что она делала, а потом... вдруг перестала. И теперь она для начала просто не могла вспомнить, что же она такое делала.

Нет, не так. Не то чтобы она забыла... она с самого начала этого не знала, а теперь проделывала что-то, чего никогда не делала раньше.

— Ну давай же, милочка. Нечего тут в игрушки играть.

Голос прозвучал в густой тьме. Мрачный голос буквально сочился гнилыми зубами и столь же гнилым вероломством.

— Ну, давай же его мне! Ты же знаешь, зачем пришла!

С оглушительным грохотом и еще одним перепуганным воплем, рассыпая повсюду сухари и проливая воду, она уронила поднос. Только теперь она поняла, что все время держала его в руках.

— Эхма! Зачем же ты это сделала, прелесть моя? Мне он был нужен здесь. Я так его поджидал. Чудесные корочки, просто вкуснятина!

Она уставилась на железные прутья решетки, пока фигура вплывала в поле зрения наконец-то приноровившихся к темноте глаз.

Не обладая классическим парачудотворным образованием на предмет явления Темпоральной Переустановки, Кургетта потратила бы дьявольски много времени, обшаривая содержимое своего черепа в поисках какого-либо озарения о происхождении, названии и таксономии существ, ответственных за перемещение ее из той долины в центре Тальпийских гор на четырнадцать лет в прошлое — причем без всякого уведомления.

Трясясь от ужаса и отчаянно скребя свою огненно-рыжую прическу, Кургетта попыталась припомнить, что она делала пятнадцать секунд тому назад. Она тогда смотрела вниз в долину, радуясь тому, что могучая кранаханская армия терпит позорное поражение от небольшой группки юнцов и весьма энергичного маленького коричневого сумчатого.

Кургетта огляделась во тьме на предмет любых признаков ее спутников — Фиркина, Донны и Пузыны. Особенно Пузыны. Куда они могли деться?

Затем Кургетта смутно припомнила ряд вспыхивающих огней, какие-то кружащиеся образы и целое полчище загребущих рук, что хватали ее, оттаскивая от остальных. Нет, не рук. Сильнее... и меньше. И почему-то жужжащих.

Мухи времени, квазиразумные рои крылатых посланников, известные в обиходе как «темпус фугис», не упоминаются ни в одной энциклопедии, словаре или справочнике вне Центральной ссылочной библиотеки стражей Темпоральной безопасности и операторов Искоренения опечаток последовательности. И даже там, в этом наиболее ответственном и хронологически освященном храме знания, имеется лишь один-единственный экземпляр, который может быть прочитан постепенно, только малыми дозами, под внимательным наблюдением нескольких бдительных библиотекарей. Безопасность в данном случае крайне важна! Попади подобная книга в плохие руки — и это навлечет катастрофу на всю торговлю антиквариатом. За одну ночь рынок будет наводнен дрянными гобеленами, импортированными из тех столетий, когда ручной труд был сказочно дешев. Это также станет концом рынка акций и предприимчивых капиталистов — ну, я имею в виду тех, кто станет вкладывать деньги в сверкающие цепочки компаний, не углядев ни прибыли, ни убыточных крахов в течение как минимум ближайших десяти лет.

Единственным же крахом, какой в ближайшие несколько минут могла потерпеть Кургетта, был крах чисто умственного порядка. Окажись какой-либо случайно проходящий мимо незнакомец достаточно добр, чтобы предложить ей полное и чудотворно-верное объяснение важности ее действий четырнадцать лет тому назад при переписывании победителей Двух-с-половиной-минутной войны как рингилльцев, она превратилась бы в небольшую, пускающую слезы и слюни груду на полу.

Однако поскольку никакого подобного объяснения не ожидалось, Кургетта справилась с ситуацией лучшим способом, какой был ей только доступен. А именно: она, обхватив руками совсем обалделую голову, хорошенько наполнила воздухом легкие и что было мочи заорала во тьму Рингилльских тюремных помещений.

Замахнувшись колоссальным деревянным молотком по широкой дуге, фигура на массивном коне сосредоточилась на шаре. Жеребец пускал пену и пар, пока его копыта выбивали комья из поля, быстро снашиваясь от непрестанного стремительного виляния.

Далеко слева фигура в черном крикнула, и голос ее гулко пронесся через все поле для игры в поло:

— Мор! Ну давай же! Сюда! Давай, приятель, пасуй!

Наблюдающая за игрой толпа неистовствовала.

Преодолев линию в пятьдесят лиг, всадник под именем Война повернулся, покрепче пришпорил своего жеребца, рассыпая по сторонам дерн и оглядывая сдерживаемых пока Рыцарей Храма. А Мор тем временем пасовал Смерти. Фигура в черном плаще с прославленной аккуратностью перехватила шар, изобразила бесплотную улыбку и во всю мощь загрохотала к воротам, хлопая полами плаща.

Мор прокричал отчаянные инструкции Голоду, когда один из храмовников прорвался сквозь защиту Войны, направляясь прямиком к несущейся вперед Смерти. Несколько апокалиптических мгновений казалось, что Храмовник все-таки сумеет срубить мрачному жнецу костяную голову. Тогда Мор дернул за поводья, заложил резкий, вовсю рассыпающий комья почвы вираж и ринулся к Рыцарю. Волна машущих рук пронеслась по всему стадиону.

В заключительные мгновения последнего тайма финала Открытого чемпионата Измерения Глав по игре в поло, когда Четверка Апокалипсиса проигрывала всего одно очко Рыцарям Храма, никто не заметил черное облачко, растущее над Голодом.

Отбросив щит с красным крестом и распластавшись на потной холке своего коня, отчаянный рыцарь увернулся в считанных дюймах от морды коня Мора. Проревев целый ряд особенно непристойных проклятий, Война удостоилась огненного взора рефери.

Смерть стремительно мчалась дальше, удерживая шар у грохочущих копыт коня, отчаянно рвалась к воротам. Огромная толпа издавала хриплые возгласы одобрения. Могла ли Четверка Апокалипсиса все-таки вырвать победу?

Черное кучевое облако кружилось и густело над Голодом, пока он бешеным галопом мчался следом за Смертью.

Внезапно еще двум храмовникам удалось прорваться, проскользнув мимо Войны и бросаясь вперед по полю. Молотки так и гудели у них над головами. Толпа пришла в подлинное бешенство. Голод дернул за поводья и устремился на перехват. В это самое мгновение широкая гряда черных облаков словно бы затвердела, окутала Голода и исчезла.

Вместе с Голодом.

Смерть отчаянно орала, ища поддержки. Если бы она ее не получила, то оказалась бы в офсайде, и гол не был бы засчитан. Война тоже вопила благим матом, беснуясь на центральном участке поля в финальные моменты игры, пока рефери уже облизывал

кончик свистка, отсчитывая последние мгновения. Смерть ударила по шару метров с восьмидесяти, пытаясь по затейливой кривой послать его в самый угол ворот. Мимо!

Толпа окончательно взбесилась. Четверка Апокалипсиса проиграла! А ведь она еще не проигрывала никогда!

Смерть развернулась к партнерам, ее лысый череп аж морщился от гнева:

— Где этот Голод, дьявол его побери? Я бы забила гол, если бы Голод оказался на месте. Где он? Эй, Голод!

И действительно — где же был Голод?

Кургетта самым жалким образом ссутулилась в самых нижних коридорах густо населенного тюремного блока Рингилльского замка. Течение времени здесь отмечала лишь вода, что капала с потолка. Вопросы суетились в ее голове, как тараканы на полу, и каждый требовал специального внимания. Память Кургетты скакала, вытягивая червей прошлого, что прятались в зеленых лужайках истории, пытаясь отрыть там хоть какое-то объяснение.

Пока Кургетта выполняла обязанности, которые, как ей невесть откуда было известно, она должна была выполнять, видения прошлого проплывали сквозь ее разум, точно сонные рыбы, ускользающие из пределов досягаемости, скрываясь в мутных водах, что текут под мостом прошедших дней. Всякий раз эти видения казались еще более отдаленными. Кургетта знала, что она работает в тюремном блоке и кормит заключенных водой и сухарями, приготовленными ее отцом, Саном Тишином. Отцом, которого ей никогда не позволено было видеть. И Кургетта знала, что так было последние восемь или девять лет. Каждый день.

Почему же она помнила целое полчище приключений? Пузына, Фиркин, Донна, Клайт. Кургетта точно знала, что там был Клайт. Он был принцем Объединенного королевства Рингилла и Кранахана. Почему она думала, что была с ним знакома? Почему была уверена, что не раз с ним играла? Кургетта припоминала разные далекие места: Форт-Менгеле, Лоса-Ламос, чудотворных врачей, библиотеки Рингилльского замка, — все это было так живо! Почему она была так озадачена всем, что видела вокруг?

И почему в голове у Кургетты то и дело выскакивало странное слово «психоаналитик»?

Внезапно полчище воплей, звона ключей и топанья ног ворвалось в ее разум, когда тяжелая деревянная дверь внезапно распахнулась. Шестерка черных стражников втолкнула каких-то новых пленников во мрак этого подземного мира.

— Прекратить сопротивление! — прогремел могучий мускулистый голос.

— Здесь какая-то ошибка! — пискнул в ответ более слабый голосок.

— В сотый раз вам говорю — она ваша!

— Ффу! Ну здесь и запашок! — пропищал тонкий девичий голосок. — Просто ужас!

Этот голос задел какие-то струны воспоминаний в мозгу у Кургетты.

— Не волнуйся, милочка. Ты здесь надолго не задержишься. Ха! Правда, Урик?

Мрачный зловредный смешок прозвучал во мраке.

— Ффу! Все-таки мне не очень-то удается сдерживать здесь дыхание, — отозвалась девушка, зажимая нос.

— Мне страшно жаль, что вы проведете здесь какое-то время, но...

— И я точно так же думаю! — запротестовал слабый голосок. — Король прежде всего захочет узнать, почему нас сюда притащили. Это просто возмутительно!

— Если вы все-таки позволите мне закончить, — прорычал мускулистый голос, — то проведете вы здесь каких-то несколько дней. Палач, знаете ли, малость простыл. Просто поразительно, как несколько чихов могут нарушить равновесие люков виселице. Видели бы вы, как он пытался задействовать четыре люка зараз. Это и впрямь было сущее расстройство. Он настоящий артист в своем деле, понимаете? Обожает, чтобы все качались синхронно. Эй, Урик, помнишь тот раз, когда он одним махом вздернул десятерых? Вот это роскошно! Все было идеально отмерено по времени, пять пар качались к центру, и каждая запускалась ногами предыдущей... нет, просто поэзия, чистая поэзия! Толпа от восторга просто взбесилась! Но для такого рода вещей требуются волосяные тросы, а вы никак не можете установить все как надо, постоянно чихаете, сморкаетесь и сбиваете настройку.

— И что будет?

— Что будет? Ах, я тут малость отвлекся. Будет вот что. Тут накопился целый воз работы, понятно? Но вам чертовски повезет.

Вы просто запрыгаете от восторга, когда я скажу вам, что он задумал. Как думаешь, сказать им, Урик?

— А почему бы и нет? — ответствовал Урик. — Это ведь не иначе как привилегия.

— Только смотрите не разболтайте... Прошу прощения за небольшие сложности с объяснением, но он планирует пяти- триплетное синхронизированное повешение, организованное в треугольнике на стороне пирамиды. Эх, вот будет красотища! Но я могу весь день стоять тут и трепаться, а мне перед ленчем предстоит выполнить еще несколько актов бесчувственного насилия. Короче, забирайтесь туда! И быстрее!

Последовала краткая борьба, несколько пронзительных воплей, грохот захлопывающейся двери и торопливые шаги шести громадных черных стражников наружу.

— Надеюсь, погода специально для палача постоит хорошая, а то, когда сыро, веревки становятся малость липкими, — заметил главный стражник, когда дверь наглухо захлопнулась. — Если хоть один мерзавец повиснет не как надо, симметрия будет капитально подпорчена.

— Вот ведь истинная правда, — согласился Урик. — До жути будет печально.

С жестом яростного разочарования и соответствующим ему злобным оскалом облаченная в черное фигура Экспроприатора испустила красочный взрыв ругани. Экспроприатор смял в руке только что доставленную пергаментную газету и швырнул ее в другой конец громадного темного зала под Кранаханом.

— Ох уж мне эти репортеры! — завопил он, сочась гневом и метая искры из-под кожаной наглазной повязки. — Что они вообще знают?

— Опять вашше ззвание неправильно написсали? — нервно осведомился Влад.

— Они думают, что это проделал один из его конкурентов! — проорал Экспроприатор, грохая кулаком по подлокотнику отполированного бронзового трона. — Это не иначе как сокрытие истины. Они пытаются спустить это дело на тормозах. Я прикончил их национального героя, а они пытаются это дело замять! Что я должен сделать, чтобы доказать им, что не шучу? Да! Настала пора для еще одного убийства! Только на сей раз без соуса «чили»!

— Кто жже на ссей разз? — прошипел Влад сквозь искрящиеся зубы, влажные от предвкушения.

— Хар Пыхчино, по-моему, слишком толстокож. Думаю, стальной кинжал в его почках научит его уму-разуму — хотя бы в последние десять секунд его жалкбй и ничтожной жизни!

— Да, исстинная правда!

— Когда этот убогий имбецил уберется с дороги, между мной и по праву принадлежащим мне положением очень мало что останется! — Экспроприатор соскочил с трона и выбежал из пещеры, по дороге еще раз пнув комок пергаментной газеты.

Его разум несся сквозь прошлое так же быстро, как его ноги по залам и потайным коридорам. Он припоминал времена, когда был министром внутренних дел Кранахана. Теперь это казалось таким далеким! А все война, это двух-с-половиной-минутное фиаско! До года 1025-го по КОТу все шло так хорошо. Он, Фиск, с поистине необычайной легкостью взбирался по лестнице власти, причем всегда только вверх. Через считанные месяцы он должен был оказаться вторым лицом после самого короля. Все было так идеально организовано. Просто безупречно! А потом... Война с этим братством ржавой кастрюли за фермерские права на леммингов. И она оказалась проиграна! Это было уже слишком. Последние четырнадцать лет Фиску пришлось провести в укрытии, строя свое собственное королевство, свою собственную силовую базу, еще выше вознося свою легендарную репутацию. И теперь она оказалась опорочена! Он должен был срочно сделать свой ход.

И ходом этим должно было стать убийство!

Темные облака собрались над рыночной площадью Кранахана.

— Креветочная война вот-вот разгорится. Битва верховных разводчиков за чемпионов, — выкрикнул продавец пергаментных газет. — В «Кранаханском вестнике» есть все подробности, а также полный список рецептов приготовления креветок. Вкус убийства! Да, господа! Вот чем вас можно заинтересовать...

Последовала вспышка молнии, и облако отчаянно закрутилось подобно взбесившемуся шару в кегельбане, после чего ударилось оземь.

— Ах, мамочка! Вот несчастье! Должно быть, я опоздал! — донеслись взволнованные сетования от небольшой фигурки, вытаскивающей из короткой куртки карманные часы.

— Прошу прощения, сэр. Экземпляр не так долго купить!

— Ах, ушки мои и усики, становится уже совсем поздно, — промямлил бледный джентльмен и бросился прочь, как-то странно подпрыгивая.

Продавец пергаментных газет протер глаза и снова в изумлении уставился на то, как белый кролик заворачивает за угол и исчезает в дыре.

— Я определенно перетрудился. Нельзя работать так напряженно. Мне необходимо передохнуть! А то уже белые кролики с карманными часами мерещиться начинают! Чушь какая! Откуда у кролика карманные часы?

— Прошу прощения, мой добрый друг. — Кролик внезапно вернулся.

— Быть может, карманные солнечные часы, если он всю жизнь на морковке экономил, — продолжал продавец вслух, не обращая внимания на кролика. — Но механические карманные часы? Нет, никаких шансов!

— Прошу прощения, мой добрый друг, — донеслось до него повторное высказывание, слегка шепелявое, ведь звуку приходилось пробивать себе дорогу мимо двух громадных передних зубов. — Я просто подумал, не сможете ли вы направить меня прямо к реке. А то я немного сбился с пути.

Продавец пергаментных газет с разинутым ртом таращился прямо в ясные розовые глаза белого кролика.

— Определенная живость в вашем отклике будет весьма высоко оценена, ибо Герцогиня не на шутку сердится, когда кто-то опаздывает... Простите... Простите?

Продавец за прилавком сделался еще белее кролика, закатил глаза и бесформенной грудой исчез за стопкой пергаментов.

— Ах, несчастье! Теперь я точно опоздаю! — заволновался белый кролик и поспешил в противоположном направлении.

Далеко-далеко, за краем ведомой Вселенной, по ту сторону крутящегося вихря, известного как Пространственно-Литературный Континуум, лежит Измерение Глав.

Несколько миллионов лет тому назад жизнь зародилась здесь самым обычным образом. Ну, как везде: медленно охлаждающаяся планета, наделенная вулканической активностью, колоссальные гро-

зы, электризующие атмосферу, уже содержащую все элементы, необходимые для плодородного производства гласных, согласных, фонем и слогов, — чтобы все это сливалось и смешивалось в густой буквенный суп. Ах да, и еще пара жизненно важных ингредиентов, обнаруживаемых лишь в нескольких очень редких точках. Переходные металлы изумительной неясности повсюду, фикция и литераниум в поразительном изобилии сочились из скал и расщелин, почти неизбежно вызывая рост множества форм жизни, основанных на литературе. Этот многозначный элемент мог тысячью различных способов сочетаться с другими элементами окружающей географии, вызывая рост разветвленных сюжетных форм, различных подтекстов и, самое главное, сложных и многообразных экосистем сюжетных линий. Каждый член Измерения Глав имел свое собственное место, свою библиографическую классификацию, свою эссело-гическую нишу. Принцы-лягушки выуживали шарики из колодцев, магические мечи чудесным образом вырастали из каменных наковален, а Смерть, Мор, Голод и Война регулярно громили всех подряд в поло.

По крайней мере, раньше так происходило всегда.

Именно из-за того факта, что все упомянутое, а также многое другое отчего-то вдруг перестало происходить, солидная толпа злобных персонажей собралась под мраморными сводами Редакторского дворца. Ведомая страшно раздраженным недокоролем Гальвой, сэром Геем и до предела разозленной Трехдюймовочкой, сочащаяся злобой толпа струилась по желтой асфальтовой дороге, желая славы и требуя ответов. Десять плоских прямоугольных стражей у ворот, пусть даже снабженных дубинками и выглядящих авторитетно, судя по всему, не имели ни малейшего шанса ее удержать. Особенно когда им угрожали дымящиеся ноздри дракона.

— Ах-ах! Все по очереди, пожалуйста! — произнесла круглая бородатая физиономия Редактора, добродушно улыбаясь с трона, водруженного на письменный стол. — Всех сразу мне не услышать!

— Я сказал: «Кто-то на лишних полдюйма дальше запихнул мой долбаный меч!» — как можно громче повторил Гальва. — Кранты моему Эксбенедикту!

— Что ж... — начал было Редактор.

— ...а моя лягушка исчезла, — разбушевалась прекрасная принцесса. — Нигде ее не найти! Ни шкуры, ни ласт!

— Что ж... — повторил Редактор.

— ...а у меня десять тысяч мужчин сидят в настоящем дерьме — ни вниз, ни вверх — с тех пор, как Великий Старый Герцог напортачил в своем полуприказе! — выкрикнул крупный мужчина в военной форме.

— ...но я... — пробормотал Редактор.

— Никто моей ложки не видел? — вскричала голубая тарелочка с ивовым рисунком, покачиваясь в приступе предельной скорби. — Она сказала, что мы должны сбежать вместе! Я всегда хотела куда-нибудь скрыться!

— ...но...

— Я требую переигровки! — прорычала Война.

Перечень жалоб рос. И все это время лоб высокой худой фигуры с длинной белоснежной бородой, в остроконечной шляпе и саксафрановой мантии участливо морщился. И морщился он все сильнее и сильнее. Что-то самым что ни на есть капитальным образом шло совершенно не так.

Более чудотворно-чувствительные волоски внутри его длинного носа внезапно затрепетали, когда несколько нитей начали разделяться в восьмисотколотунном экране Пространственно-Литературного Континуума.

Спустившаяся петля зазмеилась вниз по чулкам Реальности.

Примостившись на бледно-серой гранитной челюсти Тальпийских гор, точно совсем уж источенный кариесом коренной зуб, готовящийся отразить очередной ортодонтический натиск, груда камней, именовавшаяся Кранаханом, стыла под легким моросящим дождичком, что порывами налетал с северо-запада. Придержав поводья коня, когда тот добрался до вершины перевала, фигура в индиговой рясе подождала, пока два ее спутника к ней присоединятся. С ухмылкой человека, который по-настоящему наслаждается своей работой, Спирохет внимательно оглядел грубые горы. Дождь ровным счетом ничего для него не значил, а затрапезная плесневелая наружность Кранахана его не обманула. Спирохет был уверен, что рядам последователей Жмота Неумытого предстоит здесь серьезно пополниться. Не было ни малейшей тени сомнения, что здесь в изобилии есть чудесные хули глесисы, только и ожидающие того момента, когда им можно будет запрыгнуть в теперь еще более объемистую казну святых отцов. Кранахан уже некоторое время

находился под его евангелическим взором. Это происходило с тех самых пор, как Спирохет услышал призыв душ, страждущих того, чтобы их освободили от бремени грязных мирских пожитков, отчаянно желающих поделиться своим богатством, за всякими границами ревностного энтузиазма готовых сделать немыслимо изобильные приношения святому Жмоту Неумытому и его первосвященникам — Спирохету, Херсниму и Клистиру.

Но как же он, его преосвященство Спирохет Ревностно Восторженный, узнал обо всем этом потенциале для финансового поклонения и о страстном желании посвящения Наивозвышенной церкви святого Жмота Неумытого, существующем в пределах Кранахана? А очень даже просто! Книга заказов компании «Моллюски Большие и Малые» из Ширма покоилась у него в кармане. И месячный заказ на общую сумму в пять тысяч мротов для доставки по суше в Кранахан брюхоногих и блюдечек говорил о многом. Любое место, которое тратило столько мротов на ракушечные удовольствия, должно было отчаянно нуждаться в спасительном визите представителей Наивозвышенной церкви.

И через несколько кратких часов они будут там. Готовые снова начать свою игру с еще одной ничего не подозревающей кучкой недоумков, страстно желающих поверить в их конкретную фирменную марку с загробной жизнью.

— Ах, брат Херсним, брат Клистир, — произнес Спирохет, когда двое коллег к нему присоединились. — Вот наш очередной порт захода. — Указав на занавешенные дождем горы, он предложил прочесть небольшую молитву. — За то, что мы собираемся получить, пусть не придется нам слишком тяжело потрудиться!

По-прежнему желая обладать пусть даже самой ничтожной парой рук, которыми можно было бы потереть бурлящий, рокочущий котел своего живота, Хитрин слабо простонал внутри складок «Чиновника леди Люттерлей». Как ни печально, вовсе не поразительная типографская ошибка в названии книги обеспечивала режущую сердечную боль, а нечто гораздо, гораздо худшее...

И голоса опять вернулись.

Во тьме они пришли к нему снова. Те же самые, но странным образом другие по сравнению с прошлым разом. Вовсе не рубленые, случайные фразы полной чепухи, словно бы выхваченные из

радиоэфира каким-то хамом с интервалом внимания максимум в пятьдесят пять миллисекунд, а настоящие предложения, целые параграфы, почти как если бы внутри крошечной головы червя читалась подлинная лекция.

— А задумывались вы когда-нибудь о том, откуда берутся эти истории? Каково происхождение легенд, кладезя фольклора, кто издавал сказки, прежде чем братья Гримм объединили свое коллективное перо? Что, если бы Ганс Христиан Андерсен был атеистом? Да? Ты, сынок, там, на галерке, с розово-пурпурной перевязью?.. нет-нет, «с коленки вашей матери» — неверный ответ. Да, дорогуша, я знаю, что она тебе рассказала, но это все равно неверно... да? Прелестная девушка в восхитительно-оранжевом головном платке?.. да... гм... Нет-нет! Ха-ха! Прошу прощения за игру слов, но это самое старое недоразумение в этой книге неразумия. Еще раз нет. Хотя я рад, что вы вытащили это на свет. Поднимите руки все, кто думает, что истории выдумывают люди.

Хитрин корчился в желудочных коликах, пока голова его гудела от лекции.

— Вот видите, дорогуши, вы не одни-единственные. Почти все остальные думают точно так же. Вы были введены в заблуждение всеми этими авторами, эссеистами и романистами. Сейчас они лгут об этом еще более вдохновенно. Гм. Вот ты, сынок... да-да, именно ты. Ты тогда руку не поднял. Это потому, что ты не думаешь, что эти истории выдумывают люди? Это действительно так! Не желаешь ли поделиться с нами своим мнением насчет того, откуда берутся эти истории... гм... н-да... О нет, нет-нет! Я знаю, что тебе так рассказывали, но если посадить бесконечно большое число обезьян за бесконечно большое число пишущих машинок, причем на бесконечно длинный период, ты получишь только сплошь измазанных чернилами приматов! И колоссальный счет из химчистки!

Усики Хитрина аж завязались узлом от досады, когда голос продолжил:

— Итак, я могу видеть, что ни у кого из вас нет верного представления на сей счет, а потому я просто должен вам все объяснить. Погодите немного, я только сейчас вон там сяду и приглушу свет, чтобы все выглядело чуть более таинственно. Тогда будет совсем славно. Ну как, вам нравится? Удобно ли вы сидите?..

— Хитрин!

— Видите ли, никаких историй здесь на самом деле быть не должно. Они слишком опасны, недостаточно устойчивы, чтобы им можно было позволить смешиваться с этим измерением...

— Хитрин!

— ...по каковой причине у них есть собственная зона, Измерение Глав, чтобы держать их подальше...

— Хитрин!

— ...не давая им смешиваться с местной Реальностью и...

— Эй! Хитрин, с тобой все в порядке? — спросил Пузына, извлекая книгу из кармана и разворачивая ее.

— ...по-настоящему ее запутывать!

Хитрин внезапно очнулся и сел прямо — насколько это было для него возможно, учитывая капитальную нехватку у червя ягодиц.

— Ты тут настоящий гам устроил, — сказал Пузына, пока Хитрин принялся недоуменно оглядывать внутренности камеры. — Хныкал и стонал так, словно завтра уже никогда не настанет. Что, скверный сон приснился?

Книжный червь кивнул.

— У меня животик болит, — жалобно добавил он свистящим голоском.

— Так тебе и надо, — буркнула Донна. — В другой раз обжираться не будешь.

Хитрин с несчастным видом нахмурился, захныкал и снова свернулся в книге.

— Ну вот, посмотри, что ты наделала, — рявкнул Пузына на Донну. — Совсем его расстроила!

— Но... почему? — Донна тупо глазела на «Чиновника леди Люттерлей». С Хитином определенно было что-то не так. Раньше он никогда не позволял ей оставлять за собой последнего слова без нешуточных препирательств.

— Не знаю, — признался Пузына. — Я всерьез озабочен.

— Озабочен? Состоянием червя? — откликнулся Фиркин, без малейшего толка колошматя по двери камеры. — А как же мы? А? Ты еще не забыл, что мы тут сидим?

— И что с нами будет? — прохныкала Донна.

Фиркин обернулся и выразительно обвел пальцем вокруг своей шеи.

— Но за что? За то, что мы на какие-то там растения наступили? — возмутился Пузына.

— Так сказал стражник! Ты что, совсем не слушал? ЭФГ! Злостный Физический Гербицид! Да прекрати ты реветь! — рявкнул Фиркин Донне.

— Не прекращу! — огрызнулась та, топая ножкой. — Я маленькая девочка! У меня права имеются! Жизни мне осталось только два дня, и я хочу получить честно причитающуюся мне долю воя, визга и хныканья!

— А тихо ты это делать не можешь?

— Тихо? Тихо? Да не можешь же ты тихо вопить! Тогда это как надо не работает. Нет уж! Чего ты от меня хочешь — чтобы я жалобно шмыгала носом и аккуратненько глаза маленьким платочком промакивала? Фу! Ерунда! Пустая трата времени! Оставь меня в покое. Я тут вовсю работаю, стараюсь набрать по-настоящему славную мощь, а ты мне мешаешь. Ты мальчик, тебе этого не понять!

— Ох пожалуйста! Вряд ли я смогу это выдержать! — заныл Пузына, присоединившись к безнадежному эксперименту по стучанию в дверь камеры.

— А почему бы тебе самому не попробовать? Немного бурной истерики как пить дать принесет тебе массу пользы! — с багровеющим лицом рявкнула Донна. — Я хочу сказать — а что еще ты собираешься сделать? Прорыть тоннель за два дня? А как насчет постройки планера? Или ты намерен отметелить стражников? Или вот еще — попробуй зубами прогрызть путь наружу. Раньше ты думал, что это классная мысль! Верный шанс! Пойми: потребуется чудо, чтобы вызволить нас отсюда! Мы обречены, обречены!

— Брось, не говори так, — Фиркин трогательно кинулся утешать младшую сестренку. — С нами будет полный порядок. Мы непременно найдем путь наружу...

Внутренне Фиркин понимал, как банально это звучит. И вообще — не был он утешителем. Это была работа трусов и подлецов, а он считал себя героем. Пузына с такими делами справлялся куда лучше. Он знал, что сказать.

— Не мели чушь! — хлюпнула носом Донна. — Мы в ловушке. А через два дня нам предстоит составить одну пятую зрелища синхронизированного повешения. И ничего тебе с этим не поделать. А теперь, если ты будешь так любезен оставить меня в покое, я собираюсь начать кое-какой серьезный рев. Я буду бесстыдно мяукать и бешено брызгать слюной, чтобы довести себя до настоящих слез!

И с этими словами, словно бы по заказу, лицо ее сделалось еще краснее, глаза закатились. Точно какой-то новый и особенный экзотический фрукт, немилосердно сжимаемый сильными руками, Донна принялась доводить себя до нужной кондиции, щедро пуская во все стороны струи всего подряд.

— Ох, прекрати! Тс-с, успокойся. Пузына! Да сделай же с ней что-нибудь! — воскликнул Фиркин, внезапно почувствовав себя сантехником-любителем, который после халтурной починки слишком рано пустил воду..

Громкий и звучный голос донесся из другой камеры:

— Эй! Прекрати вопить, милочка! Здесь тебе не отель для истеричек с кровоточащими сердцами!

— Мне очень даже позволено быть истеричкой, если я того хочу! — как можно громче проорала Донна. — Меня здесь вообще быть не должно! — И она испустила несколько еще более оглушительных воплей.

— Меня тоже, но ведь я не реву, — ответил голос. — Если бы я, черт побери, вовремя позаботился избавиться от своего напарника, он бы так по-свински меня не кинул! Я просто был слишком доверчив.

— Слишком глуп! — выкрикнул другой голос.

— Кто тут еще? Кто это меня дураком назвал?

Донна продолжала вопить дальше.

— Я! И неспроста!

— Нобби? Это ты, Нобби? Что ты здесь делаешь?

— Меня сюда вчера сам Эбенит притащил! — ответил бесплотный голос Нобби, отчаянно силящийся быть услышанным поверх мяукающего гама.

— За что?.. А ну-ка скажи! Нет, дай я сам догадаюсь. Он на тебя побоище в день святого Мошеннинга повесил?

— Блин, Гарри, не так громко! Я по-прежнему открещиваюсь от всей этой ерунды!

— Что? Так ты и впрямь это провернул? Вот черт! А я не знал!

— Да-да, только заткнись!

Глаза Донны расширились во тьме камеры, когда она поняла, что: а) никто ее не слушает, б) единственное сочувствие, на какое она могла рассчитывать, исходило от Фиркина, а также в) в других камерах происходило что-то куда более интересное.

— Так ты их всех пятнадцать заделал? — продолжил Гарри.

— Заткнись!

Остальная часть тюрьмы погрузилась в мертвую тишину, лихорадочно подслушивая. Донна, прислушиваясь, шмыгала носом.

— За один раз?

— Заткнись!

— Как же ты от всей той крови избавился? Там же этой ерунды должны были пролиться целые галлоны!

— Думаю, мне просто повезло. А теперь в последний раз — заткнись! Хочешь, чтобы я из-за тебя в беду попал?

— О нет! Ни за что бы я этого не хотел. Ты же знаменитость, настоящая звезда!

Донна задрожала, когда до нее внезапно дошло, что ее окружают действительно виновные преступники, ответственные за целые серии уголовных проделок. Включая массового убийцу. И он звался Нобби.

Первый мрачный голос начал снова, но на сей раз он звучал не так настойчиво, почти оправдываясь.

— Гм. Эй, Нобби! Насчет того, что я раньше сказал. Ну, насчет того, чтобы тебя порешить. Знаешь, я это не всерьез. Просто шутил, ничего такого...

Во мраке Донна шмыгнула носом, перевела дух и возобновила свои терапевтические вопли.

Красно-белые торговые вывески привлекли внимание каменной троллихи, пока она проталкивалась по крупнейшему из подземных торговых центров в Измерении Глав. Внезапно желто-зеленый пеньюар из эластичного лишайника случайно качнулся в витрине фирмы братьев Моxx. Едва ли не раньше, чем она его заметила, троллиха уже свернула к магазину, таща за собой своего сына Чипа, и тут же нырнула в дверь. Она просто должна была заполучить этот пеньюар!

Схватив пеньюар с витрины, троллиха протопала к кабинке для переодевания, строго-настрого наказав Чипу подождать снаружи, и начала раздеваться.

А тем временем над магазином росло, слипалось, густело громадиое черное облако.

Чип скучающе слонялся возле кабинки для переодевания, так же блаженно не ведая про облако, как и его мама-троллиха. Тем временем она, сбросив с себя последнюю одежду, самодовольно

улыбнулась и ступила в пеньюар из эластичного лишайника. В это самое мгновение черное облако задрожало и нырнуло в кабинку для переодевания, рассыпая по всем сторонам наряды и обломки плечиков, после чего объяло ошарашенную каменную троллиху в момент ее наивысшего экстаза — нижнее белье из эластичного лишайника, да еще и за половинную цену!

Потом облако исчезло — прямо на глазах у потрясенного Чипа.

Затем, словно бы по волшебству, исчез и весь магазин.

Уделяя отчаянно протестующим воплям секретарши примерно столько же внимания, сколько полностью вооруженный рыцарь уделил бы его раздраженному тявканью беззубого чихуахуа, его преосвященство Спирохет Ревностно Восторженный открыл дверь в кабинет управляющего ООО «Полуавтоматическое Искоренение Вредителей», единственного производителя и поставщика по всему Кранахану знаменитого патентованного избавителя от грызунов «Хлюп — и готово» [1], после чего бодро прошагал внутрь.

Сопровождаемый акрами впечатляющей индиговой рясы, развевающейся позади него, Спирохет протопал к столу и, указывая прямо на сидящего за столом мужчину, настойчиво вопросил:

— А вы полностью довольны вашими приготовлениями к жизни на другой стороне?

— На другой стороне чего?

— На другой стороне бренного мира, к которому мы ныне прикованы.

— Не понял, — буркнул управляющий.

— Готовы вы к смерти?

— А, конечно. Каждый день. Чем дальше, тем это дело веселее.

---

[1] Патентованный избавитель от грызунов «Хлюп — и готово» состоит из двух блоков специально обработанного камня, добываемых в местных каменоломнях и помеченных как «А» и «Б». Инструкции для использования являлись следующими:

1) Поместите блок, помеченный как «А», на поверхность самой твердой консистенции и соответствующей плотности.

2) Хорошенько ухватите правой рукой блок, помеченный как «Б».

3) Поместите преступного грызуна в центральное положение на блоке, помеченном как «А».

4) Аккуратно приведите блок, помеченный как «Б», в соприкосновение с блоком, помеченным как «А», для быстрого и надежного избавления от указанного грызуна.

— Нет, вы, должно быть, меня недослышали. Я сказал «к смерти», — повторил Спирохет, выглядя несколько озадаченным.

— Ага. А я сказал: «чем дальше, тем это дело веселее». Обожаю славный убой. А это что — проверка памяти? Уверяю вас — до маразма мне еще далеко.

— Позвольте, я по-другому это сформулирую. Со счастливым ли сердцем вы ожидаете смерти?

— Да, вполне, — отозвался управляющий, сложив руки на груди.

— Что? — брызгая слюной, спросил Спирохет. — Вы не можете быть счастливы относительно смерти! Никто не может! Ведь вся наша жизнь на этом строится!

— Что ж, а я счастлив. Честно говоря, я состою членом Общества воинствующих монахов церкви Отравленной Мыши. Посвященным и рукоположенным.

— Чего?

— Да! Мы встречаемся каждый вторник. Это крупное и постоянно растущее объединение схожих по образу мыслей последователей, чьей исключительной целью в жизни является облегчить прохождение вредителей на другую сторону.

— Ага! Теперь понятно! Вы производите и распространяете инструменты несомненно превосходного и эффективного грызуноцида, но останавливались ли вы когда-нибудь и задумывались ли о том, что случится с вам самим, когда придет пора вашего безвременного выхода из этой громадной и бренной сырной лавки? — ухмыльнулся Спирохет с дьявольски голодным выражением на физиономии.

— Со мной?

— Да! — ответствовал Спирохет. — Все ли вы организовали для этого последнего дня? Вы в особенности должны понимать и ценить муки и тяготы этого перехода, обеспечив столь многим нашим пушистым собратьям быстрый конец.

— Что ж, это одна из тех вещей, о которых я никогда по-настоящему не задумывался. Я хочу сказать, это просто случается с другими людьми, разве не так?

— До сего времени да. Однако в один прекрасный день, не столь далекий, вы вдруг обнаружите себя в очереди, ожидающей переправы через известную реку. И вот тогда вы пожалеете о том, что не встретились с нами раньше.

— В самом деле?

— Посредством простого приобщения к Наивозвышенной церкви Жмота Неумытого ваше прохождение в загробный мир может стать намного легче. — И Спирохет открыл глянцевую брошюру, озаглавленную: «Смерть. Целый ад возможностей».

— Если бы я только смог проиллюстрировать евангелический информационный доклад, который мы можем предложить, уверен, вы бы сразу увидели, почему инвестирование вашей веры в святого Жмота Неумытого пожнет вам несказанные выгоды в загробной жизни.

И со смутно поднятой бровью невинного любопытства еще одна жертва ступила на эскалатор, который неизбежно вел только в одну сторону, причем совершенно определенную.

— Ваша любовная жизнь слабеет? Пропускаете первую свежую искорку славной похоти? Вернитесь в нужный настрой, употребив полфунта подлинных афродизиаков-анчоусов! — проорал один голос.

— Вы встретили гостей, вы их напоили, вы их накормили, а теперь дайте им что-то, что они запомнят по-настоящему! Патентованный пудинг страсти Алекса Пита! Десерт, с которым шутки не шути! — достойно ответил другой.

Рыночным торговцам полагалось иметь голос что надо, пока они орали и выкрикивали свои предложения через всю площадь, стараясь обставить друг друга предложениями и встречными предложениями. Пока они возвращали отмашки тыльной стороной ладони или отзывались едкими оскорблениями, когда торговля оказывалась проиграна. Пока они безжалостно накидывались на любой невинный взгляд интереса и буквально вытягивали из него желание хоть что-то купить.

— Новая лимонно-свежая оконная утка! Убивает всех известных микробов, даже под балконом. Храните чистоту вашей улицы, используйте утку в вашем ведре!

Неофиту могло показаться, что здесь продавалось решительно все.

— Напряжение, нервные головные боли? Примите совершенно новую ивовую кору и прожуйте все ваши печали!

— Заячий помет, самый свежий заячий помет! Натуральное, экологически чистое возбуждающее средство!

Люди проталкивались или пихались, пробивая себе дорогу между прилавков, боролись, чтобы двигаться дальше, или бились, чтобы

стоять там, где их заинтересовал конкретный прилавок. Казалось, каждый день их здесь становилось все больше и больше, пока другие торговцы вразнос вносили свой вклад по наружному периметру площади, увеличивая плотность торгового пространства подобно некому растущему организму, упаковывая туда все больше людей.

Пока утро тянулось все дальше, сотни людей роями врывались на площадь, надеясь совершить сделки или найти что-нибудь интересное, поднимая уровень шума и температуру.

По-настоящему же интересные вещи начинали происходить у них над головами. Черное облако собиралось, стягиваясь в небе из других облаков и изливаясь вниз, подобно потоку, бьющему из дыры в туалетной раковине. Вместе с облаком приходило липкое ощущение наэлектризованности, пока воздух опасливо трепетал, словно бы вибрируя от нервозности, после чего трясся от фрикции фикции. Все это ощущалось так, как будто надвигалась сильная грозовая буря, тяжелая и густая, точно весь кислород вдруг обратился в патоку. На самом же деле никто, даже в самых буйных своих фантазиях, не смог бы догадаться, что на самом деле вскоре произойдет.

Электрические разряды шли сверху, ненадолго вспыхивая позади громадного черного шара грозового облака, прежде чем внезапно метнуться в сторону рынка. Первый прилавок, в который угодил разряд, вспыхнул огненным шаром шипящих анчоусов, подбрасывая искрящуюся рыбу на сотни футов в воздух. Считанными мгновениями позже разгоняя толпу по сторонам, когда все это закончилось мощным рыбным ливнем. Облако росло, становясь все крупнее и плотнее, расширяясь, точно вырвавшийся из сосуда джинн. Наконец внезапно, как будто оно было живым, это облако метнулось к земле, одним ударом уничтожив еще несколько дюжин прилавков, вдавливая их на многие футы в землю, дробя каменные плиты на мириады кусочков и швыряя камни высоко в воздух. Затем оно немного постояло — гигантская газообразная колонна, воспаряющая в небо, крутящаяся, пульсирующая, будто яйцеклад какого-то чудовищного насекомого. А потом столь же стремительно удалилось, исчезая через дыру, которую оно же само и проделало в других облаках.

Вот так все и получилось.

Пожалуй, впервые за сотни лет тишина окутала рыночную площадь, пока ошметья брезента медленно дрейфовали к земле, а

потрясенная толпа глазела на остатки прилавков. Непроданные товары были как попало разбросаны меж разоренных навесов, всюду валялись обломки морковок и давленые помидоры, из-за чего все это сильно напоминало недавний дорожный инцидент, а несколько шипящих рыбин плевались и скользили, постепенно охлаждаясь.

Если не считать этого, все было в относительном порядке. Но как все может остаться в относительном порядке на людном рынке, когда на него только что наступило громадное зловредное облако? Кстати, облако это умудрилось оставить посреди рынка девяностофутовую каменную троллиху, по лодыжки погребенную в ту самую мостовую, на которой считанными мгновениями раньше шла оживленная торговля.

Гаргантюанская троллиха стояла совершенно неподвижно, не имея на себе ничего, кроме весьма деликатно сработанного желто-зеленого пеньюара из эластичного лишайника. На лице у нее застыло выражение невероятного изумления.

ЗА ПРАВА ЖЕНЩИН!

— Отряды «В» и «Г» — налево и направо. «А» и «Б» — вперед и назад. Я хочу, чтобы никто к этой ерундовине не приближался и далеко от нее не отходил, пока я все про нее не выясню. Всем все понятно?

— Так точно, сэр.

— Я спросил: «всем все понятно»?

— ТАК ТОЧНО, СЭР!

— Так-то лучше. Тогда начнем.

Мгновение спустя каскад громогласно-отрывистых приказов загрохотал из центра черных стражников и тяжело-мускулистые группы мужчин бросились на предназначенные им позиции. Разбитые и сцепленные рыночные лотки были срочно убраны с дороги, пока зона расчищалась от всего, что могло предложить хоть малейший намек на укрытие. Целые лиги ограды из колючей проволоки были предельно умело воздвигнуты буквально за несколько стремительных минут, изгибаясь вокруг гигантских гранитных лодыжек, подобно шипастому скелету засушенного песчаного червя. Через считанные секунды конусы пик засияли в полдневном солнце, гарроты и копья боролись за преобладание с катапультами и котлами с

горячим маслом, а цепи с ядрами смыкались в тихом стальном самодовольстве рядом с выпуклой защитой щитов и шлемов.

Короче, они были готовы ко всему.

— Все черные стражники в полной боевой готовности на своих позициях, сэр! — крикнул капитан Барак, возвращаясь под бок к Черному Эбениту.

— Хорошо! Теперь мы подождем!

Внутренне Барак гордо улыбался, стоя рядом с командиром Эбенитом. Внешне же он носил надменный командный полуоскал, которому выучился у того же Эбенита, — уголок верхней губы приподнят настолько, чтобы продемонстрировать дентальную эмблему, объявляющую о его ранге, веки полузакрыты, так что подчиненные не могли видеть, куда он смотрел, а ноздри его слегка подрагивали в заученной готовности. Если бы его спросили, Барак вынужден был бы признать, что не знает, зачем он подергивает ноздрями, но выглядело это весьма впечатляюще. Однажды Барак наблюдал, как Эбенит понижал вице-капитана с восемью годами безупречной службы — за считанные секунды обратив его в истекающий слезами мешок посредством одного лишь немигающего взора прямо в глаза и этого злобного подергивания ноздрями.

Несмотря на свое кранаханское происхождение, под рингилльским флагом Барак очень славно продвинулся по всем рангам Черной Стражи, неся службу с восхитительным рвением, не чураясь тяжелой работы и обладая просто сверхъестественной способностью оказываться в нужном месте в нужное время. Он яростно отрицал давно ходившие слухи о том, что его столь фанатичная приверженность неким образом связана с давно нависшей угрозой над несколькими самыми любимыми частями его анатомии.

— Весьма дерзкий план боя, а, Барак?

— Действительно, сэр, — уклончиво ответил капитан. Он уже *очень многого достиг, постоянно поддерживая внешность не слишком* пылающей энтузиазмом, но весьма серьезной обеспокоенности. Одной из вещей, которые Барак открыл для себя еще на ранних стадиях своей военной карьеры, было то поразительное количество отраженной вверх энергии, которой можно было осиять любого вождя и позволить ему продвинуть тебя в то властное положение, которого, в чем эти вожди были абсолютно уверены, ты не жаждал и на котором попросту не способен был удержаться. В таких приемах Барак был особенно искусен.

— Как же вы так легко разгадали их уловку, сэр?

— Для человека с моим военным опытом, Барак, это довольно просто, — ответил Черный Эбенит, вовсю глазея на громадное каменное изваяние, совсем недавно невесть как появившееся на рыночной площади. — Я и сам подумывал о такой же схеме как о весьма тонком ударном маневре, сочетающем в себе скрытность, своеобразие и немалое изящество для ошеломляющего финального акта гарантированной победы! Но только не сегодня. Эта атака у них не пройдет! Еще не кончится ночь, как здесь будет кровавая баня! Кроме того, моя схема была куда более красивой! Я хочу сказать, ты только на нее посмотри, — Черный Эбенит с презрением указал на девяностофутовую каменную троллиху. — Ведь эта штуковина должна весть сотни тонн. А вот если бы они использовали мою идею деревянного козла, чтобы провести в нем войско, они бы сэкономили столько лишнего веса! Приладить к нему колеса — и враг даже сам бы смог его к себе привезти. Однако должен признать, что я по-настоящему бы желал увидеть, так это катапульту, которая запулила сюда через стену эту хреновину!

Голова Барака шла кругом, пока он пытался вообразить себе весь смысл этой сцены. Вот стояла девяностофутовая каменная троллиха, содержащая в себе штурмовую группу войск, — причем предполагая, что эта штурмовая группа пережила столь кошмарный пролет на территорию Кранахана. Под покровом темноты, когда все будут спать, эта группа выскользнет из своего убежища, перебьет стражников у ворот и позволит главным атакующим силам спокойно войти в стены города. План действительно был неглуп — пусть даже в нем не имелось своеобразия, изящества и определенной стильности. Зато в избытке имелся идиотизм.

Однако враг оставался врагом, и Барака еще кое-что тревожило.

— Сэр? Простите мое невежество, если сможете... — осторожно начал капитан.

— Гм? — отозвался командир Эбенит. Глаза его внимательно изучали каждый контур каменной троллихи на предмет возможных выходов.

— Я проследил за всеми текущими взаимоотношениями с окружающими королевствами, ибо это мой долг, и выяснил, что стою здесь на грани очередной победы Черной Стражи, опоясывая свои чресла доблестью, отвагой и... гм... признаюсь, немалым смущением, сэр!

— Негоже вступать в бой со смущенными чреслами, капитан Барак! Откуда это смущение?

Если это был новый способ упаковать острый сарказм внутрь сахарно-сладкой оболочки, вдобавок обмазанной кислотой, которому Эбенит недавно научился, то он казался весьма эффективен. Барак сделал крошечный шажок назад, внимательно наблюдая за руками командира на предмет их броска в сторону оружия, и нервно поинтересовался:

— Сэр, но кто же хочет к нам вторгнуться?

— Ага! Интересный вопрос, Барак. Причем такой, который сделает предстоящую драку более захватывающей...

— Сэр?..

Только теперь Эбенит отвел взгляд от монолитного изваяния и посмотрел на Барака. Было это лишь игрой воображения — или троллиха и впрямь стала выглядеть... гм... чуть менее смущенной, когда ее покинул воинственный взор Эбенита?

— Вы знаете, Барак, — прошептал командир голосом, очень похожим на спаривание двух могильных холмов, — я не имею ни малейшего понятия, с кем нам предстоит сражаться!

С дальнего восточного конца рыночной площади донесся крик, а потом в небо оттуда стал указывать чей-то палец.

— Что там такое? — вскричал Эбенит, внимательно глазея в поисках информации.

Стражники ему указали. Толпа зевак по ту сторону изгороди из колючей проволоки слегка задрожала, когда в небе стало формироваться еще одно черное облако.

— Облако? Ну, облако! — прорычал Эбенит. — Смирно! — заорал он затем. — Тут не метеорологические учения!

— Сэр, — прошептал Барак, прекрасно сознавая, что девиз Черной Стражи «Возрази и подохни» имел близнеца, столь же зловещего и столь же готового к использованию. Пока афоризм «Поперечь и захрипи» звенел у него в ушах, Барак продолжил: — Большое черное облако предшествовало появлению вот этого первого предмета.

Атмосферное возмущение продолжало нарастать, заметно разбухая и распространяясь куда быстрее любого нормального облака. Пока внезапно, подобно своему предшественнику, не метнулось вниз, преодолевая тысячи футов за считанные секунды. Дальше оно врезалось в землю, взметая вверх клубы дыма и кучи камней.

— Ха! Мимо! — самодовольно прорычал Эбенит.

Раскаты грома достигли самого основания Тальпийских гор, пока на чулках Реальности незримо и неслышно спустились еще несколько петель.

— Да нет же, приятель! Этот конец проходит вот сюда! — ворчал бородатый наставник, пока светловолосый принц Объединенного королевства Рингилла и Кранахана пытался снарядить своего сокола для охоты. — Если ты здесь плотно не затянешь, он мигом взлетит. У-ух — и готово!

— Вы сами посмотрите! Эта чертова тварь не может ноги спокойно держать! — запротестовал Клайт.

— Ах ты боже мой! Это же сокол, и у него лапы! И что это за узел ты тут завязал?

— Проклятье, да не знаю я, как их вязать! А кролик должен сперва вокруг дерева в нору забежать или наоборот?

— Ты хочешь сказать, что после всех этих лет обучения ты не знаешь, как толком приладить перчатку?

— Ага! И вот этот кусок ремешка...

— Привязь? — вздохнул наставник.

— Ну да. Не могу вспомнить, как эту самую привязь к пабам привязывать...

— К путам! Они называются путами!

— Один черт... ох-х! Ты, дурацкая птица, прекрати хлопать своими паскудными крыльями.

— Парусами! — поправил наставник, возбужденно хватаясь за голову.

— Вы серьезно? Они здесь зовутся парусами? А где тогда руль и уключины?

— Ха-ха-ха! Как смешно! Мне это даже в голову не приходило. Ну давай же, а то он у нас вообще не полетит. Ты вон на те облака взгляни.

Пока наставник боролся с ворохом кожи и перьев, Клайт поднял взгляд и неодобрительно цокнул языком в адрес гряды черных туч, собравшихся почти прямо над головой.

— Так нам теперь удастся что-нибудь изловить? — энергично поинтересовался принц.

— Надеюсь, да. Я покажу тебе, на что способен славный сокол!

Рука Клайта внезапно взметнулась и указала в сторону деревьев.

— А вон таких он может брать? Пошлите его вон за тем!

Принц указывал на жалкое и неуклюжее подобие птицы, что элегантно парило среди деревьев с аэродинамическим щегольством дырявого матраса.

— Что такое? Нет! Поверить не могу... — силился выдавить из себя наставник.

— А что? — поинтересовался Клайт. — Что такое?

— Я ведь сегодня не пил, правда?

— Я, по крайней мере, не видел...

— Это же зелюк...

Внезапно тварь, немного напоминающая барсука, но не так уж несхожая и с ящерицей, а также носящая предельно близкое сходство со штопором, выскочила из подлеска, крутясь как гироскоп, и кувырком покатилась к циферблату солнечных часов.

— Бежим! — завопил наставник. — Это шорек. И к тому же дьявольски хливкий!

Секунду спустя за шорьком последовал ревуще-свистящий звук с чем-то вроде чиха посередине.

— А это что? — взвизгнул Клайт, когда удар молнии выгнулся у него над головой. Сокол пронзительно крикнул.

Словно бы отвечая на вопрос принца, стадо зеленых свиней выскочило из подлеска, вовсю мовуя.

— Назад в Замок! — заорал наставник. — Это мюмзики, и они явно голодные! Просто не верится. Еще даже четырех часов нет!

Считанные мгновения спустя поляна стала исключительным обиталищем стада радостно мовующих мюмзиков, хливких шорьков, а также крокочущей стаи длинноногих зелюков.

Большая узловатая ладонь, лишь самую малость подрагивая, аккуратно положила последнюю крошечную палочку на самый верх пирамиды из остальных таких же. Пятнадцать крошечных статуй рискованно стояли на пятнадцати крошечных люках над пятнадцатью смертоносными провалами. Сдерживая дыхание и стараясь не допустить ни малейшей дрожи, могучий мужчина затянул последнюю нитку со скользящим узлом, приладил две другие нитки и наконец откинулся на спинку стула, чтобы полюбоваться своей работой. Испустив вздох облегчения, он едва не закричал, когда вся его деликатно отбалансированная, полностью работающая модель

задрожала и затряслась, словно пытаясь свалить хотя бы одну крошечную статую из палочек. Впрочем, вскоре она милостиво успокоилась, оседая назад в деликатное равновесие, удерживая пятнадцать воплощений смерти, сгруппированных в три ряда по пять штук, ярусами выстроенных вдоль боков большой пирамидальной сцены. Картинка выглядела славно, и если Холостец по прозвищу Висельчак знал свою публику, особенно королевскую, этот номер, как ему казалось, должен был стать настоящей сенсацией.

Зловредно ухмыляясь, пока он наливал себе большой стакан «бормовермута», Холостец сел поудобней и восхитился своей гениальностью. Никто во всей истории столичных казней еще не вешал пятнадцать человек разом. Особенно с подобной иерархической приводной системой.

Потянувшись к небольшому колышку позади себя, Холостец снял оттуда большой кожаный подшлемник и напялил его себе на голову. Запах животной кожи сработал мгновенно, магическим образом превращая его в Холостеца, официального королевского палача.

— Ваше величество, дамы, господа, дети и другие учащиеся искусству Творческой Казни, добро пожаловать! — выкрикнул он, репетируя свою роль. — Сегодня я установил здесь конструкцию, способную порадовать вас всех, страстных любителей множественного повешения, создал схему, могущую привести в восторг всех фанатиков параллельных маятников. Да-да, нас ждет роскошный цикл синхронизированного раскачивания, подлинный праздник радостного вздергивания, грандиозная банда славных приятелей будет сегодня изящно болтаться на виселице.

Холостец сделал еще один глоток.

— Барабанную дробь, пожалуйста! — Его рука потянулась к значительно уменьшенной рукоятке, присоединенной к трем ниткам. Именно в этом месте толпа начнет считать вместе с ним. Живое участие публики всегда было чрезвычайно важным при памятном повешении.

А затем, когда три последние цифры были оглашены, Холостец сжал рукоятку, расставил ноги и наконец привел ее в действие!

Нитки натянулись, передавая напряжение трем колышкам первых жертв, выдергивая их из люков и позволяя силе тяжести сделать свое дело. Три крошечных тельца упали в три квадратные дыры, запуская тягу на три следующих колышка — и так далее. С каждой

падающей тройкой сердце Холостеца вспархивало от радости. Все это было так трогательно.

Завтрашний день увидит это представление в реальности! Причем оно пройдет перед восхищенным взором короля Хардина.

Холостец просто не мог дождаться радостного момента!

— А ты уверен, что это и впрямь был зелюк? — спросил Сюрпляс на одной из кранаханских кухонь, наливая перепуганному наставнику еще одну порцию чая.

— Ты еще спрашиваешь? Конечно, уверен!

— Но что он там делал? Я думал, они выдуманные.

— Ясное дело, они выдуманные! А также мюмзики и шорьки. Это же волшебная сказка!

Подслушанный разговор снова и снова прогонялся сквозь бурлящий разум Фиска. Он пытался его понять, старался выделить скрытую тему изо всей этой болтовни. Она упрямо от него ускользала.

Полтора часа тому назад его уши подергивались в остром любопытстве, пока он корчился в крошечном проходе за стеной кухни. Фиск напрягал слух, желая уловить каждое сказанное слово. Он почти час прислушивался к повседневной болтовне, прежде чем разговор перешел к утренней соколиной охоте наставника с Клайтом — и скука тут же сменилась удивленным недоверием. Фиск всегда подслушивал здесь после утренних занятий. Здесь он ближе всего мог подобраться к настоящему отчету о том обучении, которое получал Клайт, следующий король Объединенного королевства Рингилла и Кранахана. За многие годы Фиск выучился распознавать и игнорировать все периодические вспышки фантазии, которыми наставник имел обыкновение приправлять свои в иных отношениях тусклые и бесцветные рассказы.

Поначалу Фиск расценил охотничью экспедицию как еще один полет фантазии. Затем с рыночной площади донесся какой-то шум.

Облаченные в черные перчатки руки Фиска в предельном нетерпении захлопали по подлокотникам трона восемнадцатого столетия, пока он дожидался возвращения Влада.

Не каждый день такие внезапные и необъяснимые отголоски взрывов прокатывались по самым фибрам замка. Вряд ли должно было уйти много времени на то, чтобы выяснить, что вызвало эти.

Фиск кипел злобой. Он ненавидел слово «необъяснимые», особенно когда оно присоединялось к таким словам, как «взрывы», «смерть» или «ограбление».

Там что-то такое происходило, что-то очень странное. И Фиск также ненавидел тот факт, что он, бывший министр внутренних дел, а теперь, со времен изгнания короля Грымзина и его подручных, самый могущественный осколок некогда непобедимой Кранаханской империи, вынужден таиться под землей, крадучись пробираясь по всем этим проходам и тоннелям, не способный выяснить даже самые простые вещи. Например, в чем причина столь мощных и необъяснимых взрывов где-то в самой середине рыночной площади.

Что ж, все это переменится. И очень скоро. Стоит только Фиску выяснить, как можно использовать эту диверсию себе во благо, он окажется там. Его время снова придет. Начнется новый подъем. Новая эра...

Буквально топорщась от возбуждения, небольшой крылан стремительно влетел в тронную залу, закладывая плотный вираж и выдавая аж три «жэ» в высокоскоростном перевороте с крыла на крыло. Жадно хватая воздух, нетопырь метнулся дальше, пронесся вокруг задней части трона и с верещанием затормозил перед буквально дымящейся фигурой Фиска.

Под сопровождение отвратительного хлюпанья основные конечности крылана вытянулись, крылья растаяли, пух переплавился в черный костюм — и летучая мышь претерпела метаморфозу в слегка потрепанную фигуру Влада Лангшвайна.

— Я бы предпочел, чтобы ты делал это снаружи! — рявкнул Фиск. — Это так омерзительно!

— Просстите, ссир, но у меня ессть кое-какие новоссти!

— Самое время, кстати. Тебя уже так долго не было. Я не мог дождаться «Кранаханского вестника»!

— Новоссти будут опубликованы только ззавтра. Это ссслучилоссь лишшь мгновения тому наззад.

Дальше Влад принялся в красочных деталях обрисовывать появление на рыночной площади троллихи и второй удар черных туч далеко в стороне Тальпийских гор.

— Как думаете, ччто это оззначчает?

Фиск уставился на пол, его подбородок утонул в черной рукавице, когда он задумчиво оскалился.

— Продолжай следить за всем, что там будет происходить, и докладывай о любых дальнейших событиях. Я хочу знать все! — наконец рявкнул Фиск. — А теперь иди!

— Ессть, — отозвался Влад, вставая и закутывая свое тощее тело в плащ, готовясь к очередной метаморфозе.

— Снаружи!

— Ахх, просстите, совссем ззабыл!

— Черт побери, не знаю, как тебе, а мне это точно требуется! — проворчал его лучезарность Херсним Самый Превозносимый, не обращая внимания на подозрительные взгляды, когда он за считанные секунды ополовинил первую кружку эля. После чего его верхняя губа получила украшение в виде широкой веранды пены. Жадно глотнув воздух, Херсним так же стремительно убрал себе в брюхо вторую половину, а затем грохнул кружку на стойку «Каналы» и потребовал: — Того же самого, мисс! Меня мучит жажда!

— Полегче, Херсним, — буркнул его преосвященство Спирохет Ревностно Восторженный. — Представителю духовенства такое поведение не подобает.

— Послушай, мне перепал по-настоящему тяжелый денек со всем этим наду... гм... со всеми этими проповедями, и я испытываю просто скотскую жажду! Самое время малую часть моей доли потратить!

— Этого я не отрицаю. Просто будь чуть более скрытен и сдержан. Нам еще долгий путь надо пройти.

— Ага! И я точно знаю, где бы мне побывать хотелось, — осклабился Херсним, когда барменша нагнулась, чтобы достать порцию свиной требухи для постоянного посетителя.

— Где Клистир? — прорычал Спирохет, хмуро наклоняя свои наручные солнечные часы, чтобы поймать любой доступный свет в мрачном интерьере бара. — Он опаздывает!

— А он всегда так! С самого начала, как только ты его зафрахтовал, я...

— Прекрати! Люди слушают!

— Наплевать! — отмахнулся Херсним, опустошая вторую кружку и ловя взгляд барменши насчет третьей. Пока она ставила пенную чашу на стойку, Херсним подался вперед и самым что ни на есть подобающим тоном прошептал: — Эй, милашка, ты что сегодня делаешь попозже? Знаешь, у меня есть так роскошно иллюстри-

рованные манускрипты. По-моему, они бы тебе точно по вкусу пришлись.

— Ну вот! Вы, монахи, все одинаковы! — в притворном возмущении воскликнула барменша, хлопая Херснима по плечу. — Манускрипты, говоришь? Ну что ж, это хоть какая-то перемена по сравнению с «Могильными камнями, которые я так любил» или со «Знаменитыми душами, которые я спас».

В этот самый момент краснорожий бочонок в человеческом облике, хлопая полами рясы, ворвался в «Канаву» и, отчаянно задыхаясь, метнулся к Спирохету.

— Ты почти вовремя... — начал было Спирохет, но тут его заглушила неистовая тирада Клистира.

— Тебе лучше добраться до рыночной площади, и как можно быстрее! Ты просто не поверишь, что там творится! Идем!

— Что такое? Погоди, я тут пью, — запротестовал Херсним, подмигивая барменше.

— Нет времени! — забрызгал слюной Клистир. — Это просто чудо...

— Да о чем ты? — рявкнул Спирохет. — Что происходит?

— Пойдем — и сам посмотришь. Я это увидел и своим глазам не поверил. Просто колоссально! — Он настойчиво потянул Спирохета за рукав. — Идем же!

Его преосвященство встал и последовал за поистине взбесившимся Клистиром.

— Н-да, увидимся позже, милашка, — успел прошептать Херсним, прежде чем его силой оторвали от стойки. Выбежав из «Канавы», Клистир схватил небольшую грифельную доску, что висела у двери, сунул ее под мышку и рванул в сторону рыночной площади. Спирохет и Херсним постарались от него не отстать.

Несколько минут Клистир несся во весь опор, проныривая сквозь толпы людей, ловко огибая острые углы, нетерпеливо подпрыгивал, дожидаясь, пока двое остальных его догонят, крутился, точно пес за своим хвостом. Спирохет был просто поражен. Он никогда не видел, чтобы Клистир двигался так быстро и так долго, если только речь не шла о еде. Однако в данный конкретный момент времени Спирохет находился в слишком большой спешке, чтобы понять, чем именно был вызван этот внезапный приступ бешеной активности. Хотя даже если бы ему дали несколько тысяч разных догадок и несколько кило расширяющих сознание наркоти-

ков, все равно было бы в высшей степени сомнительно, чтобы Спирохет сумел докопаться до истины, которая вот-вот собиралась ему открыться.

В нескольких футах впереди Спирохета Клистир внезапно исчез за углом ветхого здания, которое, очевидно, было построено архитектором, никогда не имевшим ни малейшего понятия ни о прямой линии, ни о прямом угле. Тогда Спирохет последовал дальше и почти тут же столкнулся с одним из самых захватывающих дух зрелищ в своей богатой на события жизни.

Не иначе как сотни людей неподвижно стояли на рыночной площади, глазея на девяностофутового роста статую жутко смущенной на вид каменной троллихи. Если не считать нетерпеливого топтания с ноги на ногу особенно крупного мужчины во впечатляющей черной форме, никто вокруг не двигался. Казалось, все ожидали, что вот-вот что-то произойдет. Троллиха явно хотела, чтобы все перестали так на нее таращиться. Облаченная в один лишь скудный пеньюар из эластичного лишайника, она определенно чувствовала себя голой. А потому стояла, согнувшись, как будто обычная женщина, внезапно застигнутая в душевой кабинке. Похоже было, что если бы только все разом от нее отвернулись, она бы тут же сбежала.

Какое-то раздражающие поскребывание донеслось до ушей Спирохета, он обернулся на скрежет и увидел, что Клистир что-то корябает на уворованной письменной доске куском подобранного им тут же камня, вырезая свое сообщение на выкрашенной черной краской древесине.

— Что происходит? — осведомился Спирохет. — Ты оторвал меня от тихой кружки эля, чтобы показать новенькую статую троллихи? Между прочим, раз уж на то пошло, вид у нее не очень-то и жизненный. Реализма недостает.

— Это не статуя, — прошептал Клистир, упорно продолжая корябать по доске. — По крайней мере, я так не думаю! Никогда не видел, чтобы статую доставляли таким странным образом.

— А? Что? Прекратил бы ты загадками говорить! Меня там славное свидание ожидает! — прорычал Херсним.

— Она просто с неба свалилась.

— Что?

— Налетели черные облака, кружились, кружились, а потом — плюх. Вот и она! Вам это не кажется волшебным? Вроде того

места, куда мы ходили несколько месяцев тому назад. Ну, оно еще в самой середине болотистой местности, и там огроменные камни как-то по-особому стоят... как же оно называется? А, Стоунхендж — вот как! Клянусь, здесь примерно то же самое получилось! Это великая возможность!

Спирохет задумчиво поглаживал подбородок, оглядывая лица вокруг себя. На всех было одно и то же выражение — смесь страха, удивления и раздражения от того, что они не могут получить свой уик-эндный косяк, потому что рынок закрылся!

Потребовалось бы немного убеждения, и они стали бы новыми верующими.

А кто лучше годился для убеждения, чем их троица?

Клистир встал и показал им свою доску.

Напуганы Троллями?
Боитесь Призрачных Статуй?
Встревожены Загробной Жизнью?
Тогда обратитесь ко МНЕ!
Или к Нему!
И к Нему тоже!

Наивозвышенная церковь святого Жмота Неумытого готова была извлечь прибыль из этой волшебной оказии в плане нескольких сотен душ и всех их земных богатств!

— Братья! Сестры! Не бойтесь этого монстра! — воскликнул Спирохет. — Ибо он всего лишь предвещает Конец Света. Лично я не напуган, ибо я могу пойти с гордо поднятой головой и сказать: «Иди за мной, статуя!» Но я могу слышать, как все вы спрашиваете: «Да как он может такое говорить?» или «Почему у него нет страха?» А я вам говорю: «Это потому, что я знаю многое про загробную жизнь». Да, у меня сделаны предварительные заказы на той стороне. У меня есть паспорт, виза, и мой билет проштемпелеван. Братья, сестры! Поговорите со мной, обратитесь ко мне, и я дам вам то, в чем вы так нуждаетесь!

Клистир восхищенно улыбнулся и подумал: «Дать этому Спирохету публику и запах денег — и ничто его не остановит!»

— Сядь! — скомандовал Фиркин во тьме камеры.

— Нет! Пока я не удостоверюсь, что пути наружу действительно не существует! — рявкнул в ответ Пузына, продолжая скрести дверь.

— Ты уже много часов этим занимаешься! — буркнул Фиркин. — А пути наружу так и нет!

— А ты просто сдаться готов?

— Но что еще можно сделать?

— Попытаться путь наружу найти! — огрызнулся Пузына, царапая другую панель.

— И ты тоже никак не можешь заткнуться? — рявкнул Фиркин, злобно глядя на камзол Пузыны. — Меня твое хныканье уже до смерти достало!

В темном и теплом интерьере камзола Пузыны дела развивались совсем скверно.

Пищеварительная система Хитрина завязывалась узлами и корчилась в сильнейшем припадке метеоризма. Все, что мог делать несчастный книжный червь, — это лежать, свернувшись клубочком, и жалобно стенать себе под нос. Ему становилось все хуже, и временами Хитрин чувствовал, будто его тело парит где-то между реальностью и небытием, словно он растворялся на миллион частей, а потом снова слипался. И все это время он лежал там и хныкал.

Пузына гневно повернулся к Фиркину:

— Оставь его в покое! Ему плохо!

— А что с ним такое?

— Не знаю. По-моему, у него болит живот.

Донна вытащила книгу из кармана и вгляделась внутрь. Зеленый книжный червячишко стенал и жалобно корчился.

— По-моему, его нужно кое-кому показать, — с готовностью предложила Донна. — Цвет у него какой-то странный.

— Он всегда странного цвета, — с несчастным видом простонал Фиркин.

— Ты знаешь, что я имею в виду...

Внезапно, захватив всех врасплох, небольшое деревянное окошко в двери камеры резко раскрылось, и туда протолкнули ломоть сухого хлеба и кружку воды.

Действуя больше по наитию и сама себе удивляясь, Донна подпрыгнула и ухватилась за ладонь, прежде чем окошко закрылось.

— Подождите, подождите! — вскричала она. — Нам нужна помощь. Срочно найдите доктора! Здесь кое-кто умирает!

Ладонь боролась, корчась и стараясь высвободиться. Донна крепко держала ее обеими руками, не отпуская.

— У него чума... — самозабвенно врала Донна, — и если вы не согласитесь нам помочь, я буду вас держать, пока вы тоже чуму не подхватите! — Такая стратегия шантажа казалась не слишком удачной, но Донна пребывала в отчаянном положении и особенно не задумывалась.

Рука по-прежнему тянула и боролась.

— А ну тихо — или я тебе сейчас пальцы оттяпаю! — рявкнула Донна. Это, похоже, больше помогло.

— Нет! Не кусай меня! — донесся голос из-за двери. Челюсть Пузыны отвисла. Это был голос юной девушки. — Кто у вас заболел? — спросила она.

— Э-э... — начала Донна.

— Кургетта! — выпалил Пузына. И тут же об этом пожалел. Вот он слышит первый же девичий голос после прибытия назад в нужное время, не считая голоса Донны, и тут же думает о Кургетте. «Как же можно так отчаяться?» — мысленно посетовал он.

— Вообще-то да... — донесся голос.

— Кургетта? — повторил Пузына. — Это ты...

Рука внезапно исчезла из хватки ошарашенной Донны, и в окошке ее тут же сменили зеленые глаза и ярко-рыжие волосы.

— Пузына? Что ты...

— А ты как...

— ...здесь делаешь?

— ...поживаешь?

Они одновременно выпалили свои вопросы, напряженно переглядываясь через окошко.

— А кто болен? — спросила Кургетта, очухиваясь быстрее.

— По-моему, я, — простонал Фиркин, наблюдая за смазливым личиком, глазеющим из окошка.

— Хитрин, он... Ты должна вызволить нас отсюда! — взмолился Пузына.

— Как? Я, знаешь ли, не могу...

— Ты должна! Кургетта, ты наша единственная надежда!

— Выдержки им не занимать, это я признаю, — согласился командир Эбенит, хмуро глазея на громадную каменную троллиху. — Но скоро стемнеет. И тогда они вылезут! Вот увидишь!

Капитан Барак почему-то в этом сомневался.

Он не смог бы поставить на это свой большой палец, но пока время текло, капитан все больше и больше сомневался в том, что внутри находящегося перед ним существа таится штурмовой отряд, готовый присоединиться к сражению. Это ощущение могло возникнуть из-за решительного отсутствия каких-либо очевидных выходов наружу или из-за определенного чувства разумности монолита. Временами Барак определенно бывал убежден в том, что статуя на него глазеет, сжимая ноги, чтобы прикрыть свой обширный срам — почти как если бы она была удивлена своим появлением здесь куда больше, нежели он. Еще оно могло происходить из-за того, что глубоко внутри себя Барак считал идею вторгнуться на вражескую территорию внутри каменной троллихи такой дурацкой, что никто даже не стал бы ее пробовать. Или это чувство возникло из-за внезапного и неистового сейсмического рокота, который стал доноситься издалека, со стороны Тальпийских гор.

Причем эпицентр этого рокота поначалу находился именно в той точке, куда ударило второе взбесившееся облако. И с тех пор начался регулярный целенаправленный стук. Вскоре этот стук стал двигаться. Двигаться к ним.

— Вы это чувствуете? — крикнул Спирохет с дальнего конца рыночной площади. — Конец приближается! Здесь! Сейчас! Застрахуйте свой безопасный проход на другую сторону, зарезервируйте себе место на Трансстиксском экспрессе, присоединитесь к Наивозвышенной церкви сегодня — и наслаждайтесь облегчением, которое дает вера!

— Что это? — прошептал Клистир, пряча тревогу от всех, кроме своих криминальных коллег.

— А хрен его знает! — признался Спирохет. — Зато сработало все как нельзя лучше! Опустите глаза — к нам сейчас все козыри прибудут, — добавил он, когда новая волна предполагаемых верующих устремилась к ним, обнажая свои души, открывая свои сердца и, хотя о том и не ведая, выворачивая свои карманы, вскрывая сейфы со сбережениями и демонстрируя представляющие немалый интерес оценки будущих деловых возможностей.

— Имя? — спросил Спирохет, выхватывая из пачки идеальный Сертификат Неоспоримой Веры.

— Сюрпляс, — ответил первосвященнику до смерти перепуганный на вид мужчина.

— Адрес?

— Третья койка слева, общежитие номер 4, дворцовые кухни, Кранахан.

При упоминании о дворце уши Спирохета встали торчком, подрагивая, точно ветки в руках лозоходца, который только что обнаружил в считанных лигах у себя под ногами обширное подземное озеро, простирающееся во всех направлениях.

— Занятие?

— Э-э?

— Работа?

— Есть, спасибо.

— Да нет же! Чем вы занимаетесь? На дворцовых кухнях?

— А, понимаю. Я шеф-повар по сдобе.

— И как давно?

— Очень давно! — ответил Сюрпляс, подаваясь поближе к Спирохету. — Так давно, что уже слишком. Сегодня четырнадцать лет как я там. И даже перерывчика на кофе не выпадало. Ноги меня просто убивают. Ощущение такое, словно кто-то простоял на них четырнадцать лет без перерыва.

— Ах, как это ужасно. А как насчет загробной жизни?

— ...и еще этот Дристан Мотобол. Он королевский рыбный шеф-повар. Просто сидит там на пятой точке и круглый день потрошит рыбу!

— Да, надо же! Но как насчет другой стороны? — еще раз спросил Спирохет. Надежды выудить какую-либо пользу из Сюрпляса пропадали с продолжением гневной диатрибы шеф-повара по сдобе.

— ...кромсает там морскую собачку, меч-рыбу рубит...

— Все это ужасно, но это жизнь. А как насчет...

— ...и еще все эти жуткие штуки, которые он проделывает с брюхоногими! Просто кошмар! Этого никак нельзя позволять...

— Послушайте, мистер... э-э... Сюрпляс, есть и другие люди...

— А знаете, ведь именно я должен был получить эту работу, — вдруг выпалил Сюрпляс. Огонь в его глазах вспыхнул снова, когда он с гневной отвагой ткнул себя в грудь. — Это я должен был потрошить королевскую рыбу, делать филе из королевской плотвы, варить монаршую камбалу!

«Ну почему мне, — горестно подумал Спирохет, — почему именно мне всегда достаются самые последиие психи?»

— Да, уверен, им должны были быть именно вы, — пробормотал священник с уклончиво-отработанным благодушием. — Однако,

видите ли, вам стоит взглянуть и на светлую сторону. Скоро настанет Конец Света, все закончится, и вы сможете расслабиться в одном из наших специальных заказных жилищных кооперативов для недавно усопших. Если вы готовы уверовать, подпишите вот здесь!

— Я могу приготовить блюдо миног вдвое быстрее этого шута горохового... — рокотал Сюрпляс, пока Спирохет осторожно вкладывал в его руку перо, окунал это перо в чернила и приставлял его к пунктирной линии в самом низу сертификата.

— Подпишите. Вот здесь, — прошептал первосвященник, нежно подталкивая Сюрпляса локтем.

— Э-э... да-да... и уж конечно, я не стал бы касаться боксерских креветок, — продолжил шеф-повар, пока его рука рассеянно ползала по пергаменту. — Я их, знаете ли, боюсь. Просто до ужаса!

— Да-да, очень хорошо. Сундуки святого Жмота Неумытого будут приветствовать ваши пожертвования. Следующий! — выкрикнул Спирохет в волнующуюся толпу, которая еще активнее устремлялась вперед, пока стук становился все громче.

— Общая боевая готовность! — выкрикнул Эбенит с другого конца рыночной площади. Голос его возбужденно дрожал, чуя приближение неведомого врага. — Всем следить за их наступлением! Мы им покажем!

Барак удивленно протер глаза и снова удивленно воззрился на гигантскую троллиху. Пусть даже только уголком глаза, но он как пить дать только что заметил взволнованное облегчение, промелькнувшее по гранитной наружности.

Дальше к горам стук нарастал в громкости и интенсивности, сопровождаясь огромным облаком пыли, разбухающим так, точно какой-то колоссальный смерч пробивал себе дорогу к Кранахану.

— Гм... сэр, вы только не подумайте, что я излишне придирчив, но вам не кажется, что они движутся чуть быстрее, чем полностью снаряженная армия, пусть даже настроенная атаковать? — осторожно спросил Барак. — Я хочу сказать, если они продолжат в таком же темпе, то выдохнутся раньше, чем доберутся сюда, — предположил он, нервно наблюдая за набухающим облаком и растущим раздражением Эбенита.

— Чепуха. Это просто ветер пыль за ними несет!

Барак уставился на вяло болтающиеся флаги над Имперским Дворцом. «Какой ветер?» — подумал он. — Да за обожравшимся и страдающим от метеоризма леммингом бывает больше движения

газов, чем сегодня в атмосфере». Он собрался было указать командиру на это, но тут его мысли были отброшены в сторону приказом, который оглушительно рявкнул Эбенит:

— Удвоить стражу у Восточных ворот, Барак! Кто бы они ни были, они сюда не войдут!

Краткая тень тревоги промелькнула по лбу троллихи.

— Сэр? Разве это не задача для Объединенной Армии? Мы силы безопасности, а не тактическое армейское подразделение!

— Чепуха. Я прекрасно сознаю о нашей официальной роли. Но мы здесь, мы готовы, и нас ждет успех!

— Так точно, сэр, — согласился Барак, неохотно настраиваясь организовывать удвоение стражи. Внутренне он чувствовал уверенность, что источником стука и пыли вовсе не была находящаяся на марше армия. Оглянувшись на громадную статую позади себя, капитан озадаченно покачал головой и стремительно побежал к Восточной стене.

Вспышка беспорядка разразилась вокруг трех первосвященников, когда Сюрпляс о чем-то таком подумал и снова протолкнулся в первый ряд.

Спирохет аж съежился, завидев приближающегося шеф-повара по сдобе, и лихорадочно постарался придать себе предельно занятой вид.

— Теперь, когда я верующий, — сказал Сюрпляс, глядя на профиль Спирохета, — могу я кое о чем помолиться?

— Да-да! О чем хотите.

— Ах, как славно! Я, знаете ли, всегда думал о том, как бы мне избавиться от Дристана Мотобола! Спасибо вам огромное!

— Нет-нет, погодите, вам не полагается молиться о... — закричал было Спирохет, но шеф-повар уже ушел.

«Псих, — подумал Ревностно Восторженный, — и никогда не вылечится!»

Черный Эбенит сложил руки в тяжелых рукавицах у себя за спиной и уставился на пыльный шар приближающейся угрозы. Восторг сражения нарастал в его сердце, вымарывая все вопросы, все подозрения, которые к этому миру отношения не имели.

Считанные мгновения спустя капитан Барак уже направлял черных стражников во всех направлениях и несся к Восточным воротам, чтобы взобраться на стену.

Добравшись до верха стены, он встал там и принялся ждать. Облако пыли и вибраций было уже куда ближе, чем он ожидал.

Для какого-то организованного сопротивления времени совсем не оставалось. Тогда Барак проорал полудюжине лучников, которые тяжело дышали по обе стороны от него:

— Не стреляйте, пока не увидите белки их глаз, а уж потом задайте им жару!

Облако неслось вперед, земля так тряслась, словно небольшой остров решил выйти на утренний моцион.

— Держитесь, люди! — приказал Барак. — Спокойствие. Скоро мы их увидим!

Источник облака пыли капитан увидел раньше, чем ожидал.

Несясь так, как будто весь мир сидел у нее на хвосте, там оказалась колоссальная фигура. И, приближаясь к воротам, тормозить она явно не собиралась.

— Огонь! — завопил Барак, не способный поверить своим глазам. — Пли!

Прежде чем катапульты на осадных башнях могли быть приведены в движение, фигура достигла ворот. Точно спринтер, разрывающий финишную ленточку, она запросто проникла сквозь запертые ворота из трехслойного дуба, сорвав их с петель и отбросив в сторону, заодно сметя и две сторожевые башни. При этом тварь даже глазом не моргнула.

— Я же велел стрелять! — заорал Барак. — Почему вы не стреляли?

— Вы сказали про «белки глаз», сэр. А про сплошь серые глаза, сэр, вы ничего не говорили.

Тридцатифутовый тролленок топал дальше к рыночной площади. Руки его были распростерты, волоча за собой останки ворот и осадных башен, он разравнивал все, что оказывалось на его пути — прямом, как стрела. Девяностофутовая троллиха повернулась к нему — и улыбнулась, вдруг позабыв про свою почти полную наготу.

— Магма! Магма! — орал ребенок, разливая слезы лавы во всех направлениях. — Магма!

В столкновении тектонических пропорций юнец врезался в голени своей мамочки и, испытывая острое сейсмическое облегчение, крепко их обнял.

— Чип! — крикнула троллиха, заставляя землю неистово сотрясаться. — Где ты был, постреленок? Я страшно беспокоилась!

В ста десяти футах над разрушенной булыжной мостовой Кранаханской рыночной площади громадная плита каменной ладони

начала стремительный спуск к гранитному виску Чипа. Наблюдающая публика съежилась, пока шелест усиливался, а карающая ладонь, перемещая многие литры воздуха, мчалась все дальше. Внезапно хлопок, который вызвал такие ощущения и прозвучал так, точно некие боги взялись практиковаться в метании континентов, исторгся из уха Чипа и эхом разнесся по площади.

— Это научит тебя, как теряться! Больше никогда так не делай! А теперь идем! Тебе давно пора спать!

Мамаша схватила руку тролленка мертвой хваткой и потащила юнца прочь с рыночной площади.

— Я мою магму нашел! — воскликнул Чип, пока его ухо вовсю пульсировало красным.

Эбенит стоял и смотрел, как две громадные фигуры грохочут по груде обломков, которая прежде была Восточными воротами.

— Просто поверить не могу. Ведь такой вещи, как тролли, в природе не существует. Мне тут не хватило бы и целой армии... — пробормотал он.

— Прекрати ныть! — прорычала тем временем троллиха, грозя башенным шпилем пальца своему отпрыску. — А то я тебе и правда устрою славную трепку!

И в это самое время на спине загнанного коня на рыночную площадь галопом ворвалась никем не замеченная призрачная фигура. При этом фигура размахивала громадным молотком для игры в поло.

Сладко дремлющая туша тюремного стражника храпела в блаженном неведении о присутствии Кургетты, пока та подкрадывалась все ближе и ближе. Как ее бешеный пульс, громоподобно стучащий в перепуганных артериях, стражника не разбудил, Кургетта понятия не имела. Быть может, существовала в конце концов и такая вещь, как добрая удача.

Оставив свои кожаные сапожки в конце коридора и украдкой пробираясь вперед, Кургетта добилась того, что ее метафорически замерзшие ноги теперь оказались замерзшими вполне реально. Она уже находилась в считанных футах от своей цели, и каждая мышца Кургетты отчаянно ныла, угрожая порваться, если напряжение и впрямь проявится.

И вот теперь в каких-то дюймах от ее ладони лежало тяжелое железное кольцо, на котором имелись ключи от всех камер. Все, что

теперь Кургетте требовалось проделать, — это поднять его от пояса стражника...

Она подобралась еще на шаг, едва отваживаясь дышать, едва отваживаясь двигаться.

Внезапно, словно огромный, выброшенный на берег тюлень, стражник закашлялся, зашмыгал носом и беспокойно заворочался в неглубоком сне. Ключи забренчали у него на поясе, вдребезги разбивая тишину подобно набору колоколов, чей вес определяет целая орава буйных специалистов по их отливке. Руки Кургетты разом сами собой пришлепнули ее рот, тело мгновенно сжалось и оцепенело, глаза превратились в зеленые лужицы ужаса. Тыльная сторона ладони стражника шумно потерла удивительно похожий на картошку нос, он еще раз гулко им шмыгнул, после чего опять угомонился. Длилось это минуты или часы, Кургетта сказать не могла, но простояла она, как ей показалось, целые века, прежде чем рискнула сделать еще движение, наконец-то набравшись отваги, — движение, необходимое для того, чтобы ухватить застежку ремня стражника и начать ее расстегивать. Жесткая кожа скрипела, пока Кургетта высвобождала язычок, отчаянно стараясь поддерживать ровное давление на брюхо стражника. Теперь пути назад уже не было. Мгновение спустя петля все-таки разделилась, ремень стражника заметно расслабился под ее хваткой, и рука Кургетты змеей потянулась к драгоценному кольцу.

— Привет, милашка, — вдруг прошептала в темноте бородатая физиономия стражника.

— Ах-х!.. — воскликнула Кургетта. Ее руки по-прежнему виновато сжимали ремень.

— А я все думал-гадал, когда же ты наконец придешь. Я видел, как ты строила мне глазки.

— Ах-х!..

— Всегда одно и то же. Все равно рано или поздно это случается, — распутно осклабился стражник.

— Ах-х?..

— Ну-у, не будь же такой стыдливой, деточка. Могла бы просто об этом попросить! Я всегда пожалуйста. Тут, по-моему, форма виновата. Знаешь, ничего не могу поделать, раз во всей этой коже я такой неотразимый!

— Ах-х!.. — прохрипела Кургетта, наконец-то отпуская ремень и позволяя ему свободно болтаться на объемистом брюхе стражника...

— Ничего, не волнуйся. Для таких вещей у меня имеется специальная маленькая камера. Идем туда, она уединенная, никто нас там не застукает!

Удивительно быстро для своих размеров стражник вскочил, схватил Кургетту под мышку и протащил ее по коридору мимо трех дверей, а затем в открытую камеру справа.

Страстно поджимая губы, слуга закона бросил девушку на хорошо оборудованную кровать и похотливо ухмыльнулся. Пригладив волосы и проверив аромат своих подмышек, стражник решил, что для Кургетты он готов.

— Ну вот, милашка, давай поцелуемся!

Жуткая паника охватила ее сердце, адреналин бешено заструился по жилам, пока черный стражник приближался, затмевая собой все. Кургетта не могла придумать никого менее достойного поцелуя. Волна острого лукового запаха бесцеремонно вторглась в ее ноздри.

Этого не должно было случиться. Должна была выйти простая операция спасения. Внутрь, украсть ключи, наружу. Проще пареной репы!

— Ну-у, давай же, лапочка. Мы с тобой отлично поладим...

Нет! Нет! Помогите! За долю секунды Кургетта развернулась к стражнику спиной и резко толкнулась от кровати, пронырнув прямо под стремительно приближающимся складчатым брюхом, скатываясь с кровати и бросаясь на пол. Выскочив в коридор, она схватила дверь за край и что было силы ее захлопнула. Потоки невероятного облегчения так и заструились по ее телу, когда Кургетта поняла, что механизм с грохотом сработал.

— Эй, милашка, вернись! Открой дверь! Эй, да выпусти же меня отсюда! Ты что, уже меня разлюбила?

Кургетта стрелой понеслась по коридору. Итак, миссия обернулась катастрофой. Ключи были заперты в камере — еще более недоступные, чем раньше.

Ей требовалось выбраться наружу и хорошенько подумать.

Как она собиралась все это объяснить?

«Кургетта, — вспомнила она, — ты наша единственная надежда!»

Нет, так было просто нечестно!

За свою бытность странствующим колдуном Винц видел множество самых странных событий. Многие из них он сам инициро-

вал, а потому знал, что даже то, что казалось дико невозможным и находящимся в нескольких эскадрильонах генсеков за границами вероятности, по сути имело очень простое объяснение — зеркала, ловкость рук и тому подобное.

Именно с этой посылкой, твердо засевшей у него в голове, развалившись в луже в ничем особенно не примечательной лесополосе, Винц пытался убедить себя, что вовсе не находится на грани приступа совершенно дикой паранойи. Снова и снова он твердил себе, что оса, чьи останки теперь были расплесканы по всей длине его черного плаща, никоим образом не слетела прямо с неба и самым злонамеренным образом его не ужалила. Винц также пытался убедить себя в том, что корень дерева, к которому он теперь прижимался физиономией, а также лужа, где валялось все его остальное тело, на самом деле не сработали тандемом, чтобы поставить ему подножку и привести в такое прискорбное положение. Но все это Винцу не удавалось. Ни в какую.

Особенно не удавалось Винцу убедить себя в том, что древняя книга в кожаном переплете, которая теперь валялась на земле в трех футах от него, не выпрыгнула из мешка, хлопая страницами, точно какой-то сбрендивший мотылек, и дважды не облетела вокруг его головы, прежде чем намеренно долбануть его прямиком в левый висок электрическим разрядом в несколько тысяч вольт.

Вообще-то с этим все более-менее было в порядке, ибо Винц знал, что книга эта — волшебная. Но раньше она никаких подобных пакостей не проделывала. Он хорошо с ней обращался, никогда не раскрывал дальше корешка, никогда не мусолил и не загибал верхние уголки страниц и никогда-никогда ничего на нее не проливал. Так почему же она вдруг захотела вытворить с ним что-то подобное?

Винц не без труда выбрался из лужи, настороженно посмотрел на корень дерева и сел, прислонившись спиной к другому стволу.

«Дурковать начинаешь! — укорил он себя. — Теперь смотри внимательно! Когда начинаешь деревьям не доверять, знаешь, где это обычно кончается?»

Винц смахнул несколько галлонов мутной воды с полумесяцев, звезд, эффектных молний и клейких эмалированных знаков Зодиака, что украшали его помятую черную шляпу и плащ, после чего выудил из мешка пять-шесть пригоршней сырой гнилой листвы. К счастью, ни одна из многих колбочек и бутылочек со странной

окраски зельями, которые Винц повсюду носил с собой, не разбилась. Вот это почти определенно стало бы самой адской досадой, если бы хоть что-то разбилось.

В мешке у Винца был всего один-единственный сосуд с приворотным зельем, содержимое которого не воняло так, словно там много лет томился по меньшей мере один демон с дурным запахом изо рта, явившийся туда с той стороны могилы. Зато эффект, который это конкретное приворотное зелье оказывало на либидо любого коня, был просто легендарным. Бизнесу Винца не принесло бы совсем ничего хорошего, если бы он появился где-нибудь, воняя как дьявол, у которого проблемы с кишечником. Или как кобыла после жаркой погони за ней целого стада обезумевших от страсти жеребцов. Вообще прием, какой оказывали странствующему колдуну, всегда становился чем-то вроде азартной игры — взять хотя бы одно заклинание встречного огня, оставшееся после предыдущего визита. И было более чем вероятно, что тебя, связанного, с кляпом во рту, подвесят над местным утиным прудом даже раньше, чем ты успеешь сказать: «Вы мне, пожалуйста, ваши ножницы покажите».

Наконец Винц, до предела озадаченный тем, как же он все-таки так ударил лицом в лужу, встал и подошел к большой книге в кожаном переплете. «Древний альманах колдовства, магии и тому подобнаго» безвредно лежал в листве. Казалось решительно невозможным, чтобы он оказался способен пропустить через твое ухо несколько тысяч вольт. Винц взял палку и осторожно потыкал корешок книги. Никакого эффекта. Даже ни намека на искры. Он потыкал еще. Опять ничего. Чувствуя определенную уверенность, Винц протянул руку и коснулся обложки. Не ощутив ничего необычного, он взял книгу, бросил ее в свой мешок и направился в сторону самого широко разрекламированного повешения года.

Толпа должна была ожидаться на одновременном вздергивании пятнадцати висельников, проводимом Холостецом по прозвищу Висельчак. А там, где хотя бы несколько человек собираются ради развлечения, странствующий колдун просто обязан попытаться предложить свои услуги.

Поскольку она располагалась у него сзади, рядом с заплечным мешком, Винц оказался совершенно не способен заметить сверкающую ауру, что потрескивала и металась по поверхности книги.

Точно так же в пятнадцати милях оттуда, в мрачной и гнусной тюремной камере, Пузына оказался совершенно не способен заме-

тить мерцающее голубоватым светом поле крошечных искорок, что носились по поверхности одного конкретного книжного червя, корчащегося в жутком дискомфорте глубоко внутри его кармана.

Неудивительно, что оба также не сумели заметить того, что по мере уменьшения расстояния между книгой и червем данный эффект возрастал квадратично.

Не так много людей в Рингилле или Кранахане знали о законе обратной квадратичной пропорции.

На дальней стороне Тальпийских гор пыль оседала над руинами рыночной площади Кранахана вслед за стремительным выходом оттуда нескольких сотен тонн пары каменных троллей. Массивные структурные починки, несомненно, должны были потребоваться, прежде чем Кранахан мог вернуться к чему-то близкому к безопасности — как к своему удовольствию обнаруживала туманная фигура в плаще с капюшоном, сидящая верхом на полупрозрачной лошадке для игры в поло.

Почему Голод оказался на рыночной площади Кранахана, когда ему полагалось приближаться к последнему свистку Открытого чемпионата Измерения Глав по игре в поло, у него не было даже самого туманного представления. Но он находил это очень даже забавным! Его окружали люди, настоящие люди из плоти и крови, а не романные игроки с эпизодическими ролями. Существа с подлинными аппетитами, чтобы с ними поиграть!

Здесь одним взмахом ладони или молотка для поло Голод мог создавать обширные волны урчащих желудков, страдающих от жуткого пептидного голодания. И через считанные минуты буйные орды изливались на площадь, образуя длиннющие очереди к лоткам с шавермой. И Голоду это страшно нравилось! Он ржал, щекоча спящие аппетиты и отправляя людей в бешеные атаки на прилавки со съестным, он беспомощно вопил от восторга, пока толпы пускали слюни почище бешеных псов на празднике звонарей...

Если бы ему теперь только заключить сделку с владельцем местной шашлычной!..

«Что за чудный денек!» — думал крошечный воробушек, наполняя свои микроскопические легкие для еще одного взрыва чириканья в Рингилльском лесу. Прекрасная супруга и три яйца, превосходное новое гнездо на лучшем дереве в округе, важное положе-

ние в жилищном комитете «Воробьи, синицы и прочие певчие», а также восхитительно здоровенная гусеница, переваривающаяся в желудке. Чего еще мог пожелать молодой и весьма перспективный воробей? Разве что славной песни!

К несчастью для всех заинтересованных лиц, включая юную девушку внизу, яростно пытающуюся утопиться в бурном море жалости к своей горькой судьбине, славная песня едва не стала последним, на что данный конкретный воробей оказался способен.

Не принимая во внимание это легкое неудобство, грудная клетка воробья раздулась еще на несколько долей дюйма, пока туда впускались последние, может статься, миллилитры воздуха, сужденные ему в этой жизни, а затем воробей, буквально раздираемый на части радостью, отвагой и полупереваренными гусеницами, испустил трель. Получилось что-то вроде птичьего эквивалента буйства разочарованной оперной звезды в ванной комнате. Чудовищный объем звука, галлоны напыщенности, а также скудное, если вообще какое-то внимание к лирической тонкости, дикционной фразеологии и, хуже того, к микротональным восторгам точечного исполнения. Скорее всего, записать это следовало примерно так: «Сквок-скворрк-чирик. Чиппи-чаппи-твитч-скворрк-чирик!»

Радостно издавая безответственно-какофоничное верещание, крошечное существо не ведало о кипящем под ним котле безумного гнева. Воробей чирикал себе дальше, окутанный покрывалом блаженного неведения, полностью не сознавая о том факте, что злобная рука целенаправленно тянется сквозь ворохи гнилой листвы, дабы подыскать себе небольшой, твердый и по возможности увесистый снаряд. Через несколько коротких секунд пернатому горну радости и безответственности предстояло гарантированно лишиться сознания.

Глаза Кургетты горели зеленым гневом, когда она с убийственной точностью запускала свой метательный снаряд в досадное существо. Просвистев в воздухе, снаряд ударил воробья точно в висок, сшибая его с ветки и посылая его лететь по дуге писклявой брани. В то самое мгновение, как камень соприкоснулся с перьями птицы, Кургетта вдруг ощутила тошноту, дрожа от смешанного чувства гнева, разочарования и смятения. Она поверить не могла в то, что только что совершила. Кургетта лишь на мгновение захотела, чтобы тот воробей умолк, — и ничто другое значения уже не имело. Она никогда не чувствовала такой злобы — по крайней мере, с тех пор, как... как...

Образ громадных слюнявых зубов, клацающих вслед за бегущим мальчиком по ту сторону реки, вспыхнул в ее ошалелом мозгу. Кургетта ощутила, как сама бежит, орет, швыряет полено...

Тем временем из воздуха над ней слепилось небольшое черное облачко.

В ныне безмолвном лесу, рядом с ее любимым колодцем, Кургетта завопила то же самое, что и тогда: «Прочь от него, ты, сука!» Руки ее вовсю работали, инерция несла ее вперед, и мгновение спустя Кургетта ударила речную нидду...

Облачко росло, набухая и раздуваясь, становясь все шире и темнее.

Голова Кургетты рухнула на ладони, когда она все вспомнила. Тогда, рискуя своей жизнью, она преуспела и спасла его от сорокафутовой речной нидды — только за тем, чтобы так позорно провалиться сейчас. Как же она теперь им расскажет, что потерпела такую кошмарную неудачу...

Совершенно внезапно, с самым тишайшим шелестом, серебряное копье вырвалось из облака и помчалось вниз. Прорезая воздух в своем нырке, оно ослепительно сверкало, направляясь прямиком к ярко-рыжей растрепанной голове в тысячах футов внизу.

Кургетта снова попыталась все обдумать. Ей следовало быть сильной, следовало использовать свою женственность — ведь она так долго страдала...

Словно бы в качестве ответа на ее невысказанные молитвы холодный стальной клинок со звоном впился в землю как раз между ее коленей и замер, подрагивая почти так же, как и сама Кургетта. Не веря своим глазам, она уставилась на металлический крест, который вибрировал так, что выглядел размазанной тенью. Руны древнего языка сияли на рукояти Эксбенедикта — те самые руны, которым, если бы все шло как надо, следовало находиться в руке короля Гальвы, короля из королей по праву рождения.

Кургетта все глазела. Меч только что упал с неба и в буквальном смысле приземлился у ее ног — в то самое время, когда ей требовалось руководство, когда она отчаянно искала верного направления! Это наверняка был знак! Четырехфутовая металлическая указка, чтобы направлять все ее действия. Кишки Кургетты затряслись, борясь сами с собой, чтобы оставаться в покое. Затем эти самые кишки сдались. «Что за черт! — прохлюпали они. — Мечи не каждый день с неба падают. Давайте-ка возбудимся!»

Тыльной стороной ладони вытирая глаза, Кургетта встала и ухватилась за рукоять, а внутренности ее принялись корчиться в кишечном ободрении.

В массе ветвей под высоким деревом крошечный воробушек замотал головой в потрясенном смятении.

Когда ее пальцы сомкнулись на рукояти, Кургетта испытала очень-очень странное чувство. С чего оно взялось, она так никогда и не узнала, но тайная сила внезапно высвободилась откуда-то изнутри, струясь наружу из вымышленного меча, после чего в потрясенном сознании Кургетты буквально взорвались слова вроде «бей», «коли» и «руби на куски». Лицо ее зажглось точно так же, как зажглось бы лицо твоей бабушки, если бы ты дал ей суперсовременное плазменное ружье с лазерным прицелом, направленное на компанию мелких сопляков, которые несколько последних месяцев вытаптывали ее палисадник и регулярно воровали яблоки в саду, — вручили ружье и сказали: «Вот спусковой крючок. Давай, бабуля!»

Кургетта вырвала меч из земли и, борясь с его весом, взметнула Эксбенедикт кверху, указывая сияющим клинком в небо. Солнце тут же услужливо послало сквозь высокую публику белых облаков луч света, осветив стоящую среди деревьев стройную фигуру, которая вдруг сделалась необычайно сильной, невероятно гордой и чрезвычайно важной. Затем душ золотых лучей окатил ошеломляющую сцену преображения на лесной поляне. Лучи поблескивали на подбородке Кургетты, пока он целеустремленно выдвигался вперед, отражались от ее плеч, пока они распрямлялись и укреплялись изнутри, отскакивали от внезапно отвердевших пары мускулистых, идеальной формы бедер.

— Да, поистине! Это именно знак! — вскричала Кургетта, причем голос ее упал на добрую октаву. — Раз так, я беру сей клинок.

На мгновение она задумалась: «Я несу клинок. Я должна быть рыцарем. Да, истинно, я буду первым Рыцарем-Женщиной!»

— Я, Кургетта, по праву держу сие оружие. Я должна основать движение! — воскликнула она. — Цвета его... — Кургетта оглядела растущие на поляне цветы глазами, оживленными новым, яростным духом и отчаянным вызовом. Пусть только кто-то встанет у нее на пути, и она... гм... она прикует себя к какой-нибудь там ограде... Нет, не то... Ладно-ладно, посмотрим, что она сделает.

— Итак, цвета мои должны быть лилово-бело-зелеными, а вдохновляющий клич его должен быть... — продолжила она и принялась крутить Эксбенедикт над головой еще более широкими кругами, сила так и струилась из меча. — О да! За права женщин! — вскричала она.

Трогательный мак, которым была Кургетта, обратился в убийственный героин.

«За права женщин!»

Тихо прокравшись через небольшой вход на Двор Повешения Рингилльского замка и попытавшись проверить, не будет ли здесь каких-то враждебных проявлений в отношении странствующих колдунов, Винц принялся устанавливать свой лоток. Он вставил шесты в щели, подрегулировал положение полки и установил сверху большой красочный плакат, оповещавший о его несравненных способностях и навыках в паракосмическом восстановлении каблуков, магической заточке ножниц и чудотворном удалении бородавок. «Все зелья лицензированы, все применяемые лечебные средства имеют гарантию». Затем Винц аккуратно расставил вдоль полки лотка все свои бутылочки, колбочки и горшочки. И стал ждать.

Не должно было пройти много времени, прежде чем ожидаемые людские толпы начнут вплывать на недавно по-новому обустроенную площадку. Винц взглянул в небо. Чувство у него возникло такое, как будто собиралась гроза, как если бы все небо было затянуто тяжелыми тучами, висящими там в готовности затопить все и вся внизу. Колдун почесал в затылке, глазея в ясное голубое небо, затем почесал тыльную сторону ладони. Вся его кожа так и зудела — от головы и до пальцев ног.

В полумиле оттуда, глубоко в недрах тюремного подземелья Рингилльского замка, трое подростков тоже испытывали страшную чесотку. Они сидели и рассеянно чесались, предполагая, что раздражение объясняется мерзкой средой влажной, кишащей насекомыми камеры. А также тем фактом, что вот-вот им предстояло ощутить финальную хватку веревок на своих шеях.

Если бы Пузына вгляделся внутрь наполовину выеденной книги, засунутой в карман камзола, он, пожалуй, смог бы понять, что близкое повешение было для них еще не самой худшей возможностью.

С тех пор как Винц установил свой лоток перед аккуратно расставленными виселицами, еще восемь петель на черных чулках Реальности лопнули, добавляя свое число к стремительно расширяющейся дорожке, что пробивала себе дорогу к элегантно развернутой лодыжке Судьбы.

В крошечной, тускло освещенной комнатенке Кранахана, затянутой плотными клубами дыма, три фигуры буквально пробуривали взглядами целый ряд пергаментов и карт. Головы их склонялись в глубоком сосредоточении, а разговаривали они в приглушенных тонах, обсуждая свой текущий прогресс.

— Но что мы имеем вот тут? — спросил самый высокий, указывая на зону под тенью Дворцовой Крепости. — Сколько у нас здесь?

— Всего двенадцать, — ответил самый толстый и низенький.

— Зато это именно те, которые нужны нам больше всего! Именно там все деньги!

— Нет, не совсем так, — не согласился его мягчительство Клистир Самый Скользкий. — Я тебе скажу, где все деньги! Мы должны...

Раздался внезапный стук в дверь.

Его преосвященство Спирохет Ревностно Восторженный сверкнул злобным взглядом в другую сторону крошечной меблированной комнатенки. Паника мелькнула на физиономии первосвященника, прежде чем его пристальный взор переметнулся к кипе Сертификатов Неоспоримой Веры, затем снова к двери.

— Спрячь их! Живо! — рявкнул он, подталкивая стопку пергаментов к Херсниму. — Никто не должен их здесь видеть!

— Один момент! — крикнул он затем в адрес двери голосом самым что ни на есть благочестивым. Брови Спирохета соткали испуганное покрывало дурных предчувствий, пока мысли отчаянно требовали ответов.

— Зажги вот это! — шепнул он затем, швыряя большую пахучую палочку Клистиру. — Быстро! И подушечку на колени положи!

Костяшки чьих-то пальцев снова соприкоснулись с дверной панелью.

— Одну минуту, пожалуйста! — отозвался Спирохет, гася торопливо скатанный косяк и пряча карту Кранахана.

— Спички?! Спирохет?! — настойчиво прошептал Клистир.

— Нету. Они же у тебя...

— Херсним?..

— Что? — рявкнул тот, отрывая взгляд от пачки Сертификатов, энергично засовываемой в чемодан.

В дверь постучали еще раз.

— Можно? — донесся снаружи слегка дрожащий голос.

— Спички... — прошептал Клистир, близкий к панике.

— Нету, — прохрипел Херсним.

Дверная ручка медленно поворачивалась.

— Хорал! — подстегнул Спирохет. — Живо! — Участвуй его брови в состязании нахмуренных, они одной левой побили бы самых опытных игроков. Херсним, не думая больше ни о чем, кроме того, куда бы спрятать свой косяк, сунул его в рот и затаил дыхание.

— Оххммммыннамоххх... — заныл Клистир, сжимая китайскую палочку в руке, закрыв глаза и слегка покачиваясь.

— Ммм... — добавил Херсним.

Дверь со скрипом отворилась.

— Извините, что я вот так к вам вторгаюсь, — произнесло крошечное ожившее ископаемое (по виду — женского рода), вовсю напрягающееся под подносом с бисквитами на голубых тарелочках, — но я услышала, как вы молились, и подумала, не захочется ли вам по славной чашечке чая!

— Ввводттввамхххху... ах, миссис Серветт! Как это мило с вашей стороны, — отозвался Спирохет, источая искреннюю благодарность и пряча острое раздражение, а заодно скрывая последние секунды припрятывания Херснимом Сертификатов. — Как заботливо. Молитва порой способна вызвать такую жажду!

— Хотите, я вам налью? — каркнула миссис Серветт, чья костлявая рука застыла над чайником подобно страдающему артритом падальщику. Херсним уже побагровел, а из уголков его рта начал выходить дым.

— Нет-нет, спасибо. Хотя мы лица духовные, мы и сами вполне способны...

— И пока я здесь, не желаете ли чудный ломтик пирожного, ваше преосвященство? Оно только что из духовки. Я знаю, как вы, лица духовные, любите пирожные.

— Нет-нет, спасибо. Хотя ваши бисквиты просто чудесны, — ответствовал Спирохет, направляя хрупкую старушку к открытой

двери. Его сочащееся последними каплями терпение совсем ослабевало. — А теперь, если вы не против, у нас еще есть много о чем помолиться.

Багровая физиономия Херснима приобрела зеленоватый оттенок, точно впавший в замешательство светофор.

— Конечно-конечно. Тогда я просто оставлю их здесь. Но если вам что-то понадобится...

— Да-да, благодарю вас, миссис Серветт, — закончил Спирохет, наконец-то закрывая дверь, вытирая лоб и испуская огромный вздох облегчения.

Херсним развалился на столе в приступе кашля, окутанный облаком внезапно выдохнутого дыма.

— Так-так, и на чем мы закончили? — рявкнул Спирохет, выдергивая карту из-под полы индиговой рясы и снова раскладывая ее на столе.

— Клистир собирался сказать, что мы должны делать дальше, — между очередными двумя плевками саркастически пробурчал Херсним.

— Да-да! А ну-ка расскажи, — подстегнул брата Спирохет.

— Ну, мне кажется, мы не так здорово продвигаемся в этой области, как могли бы, потому что у нас нет...

В дверь снова постучали.

— Можно?

Херсним ухватился за кипу Сертификатов, лавиной обрушивая их на пол под столом.

— И что теперь? — одними губами произнес он.

— Одну минуту! — отозвался на стук Спирохет, безнадежно пожимая плечами.

— Оххннамммбыхху... — опять завел Клистир.

Ручка повернулась, и миссис Серветт снова проковыляла в комнатенку.

— Я просто подумала, что стоит принести вам вот это, — прокаркала старушка, помахивая коробком спичек. — Я как увидела, что ваши свечи не горят, так и подумала: «Пожалуй, им бы не помешал свет». Вот так я и подумала, а потом принесла эти спички. Просто чтобы посмотреть, нужны они вам вообще-то или нет.

— Благодарю вас, миссис Серветт. Это очень трогательно. Нельзя получить нужную атмосферу, если все у вас не горит. Мы непременно ими воспользуемся, а теперь спасибо, но мы очень

заняты. — Спирохет схватил коробок и вытолкал хозяйку из комнатенки.

— Вы уверены, что не хотели бы чудный кусочек пирожного? Я специально его пекла, — закудахтала миссис Серветт в закрывающуюся дверь.

— Нет-нет! Оставьте нас в покое. Мы очень заняты! Нам... э-э... еще предстоит спасти массу душ!

— Ах-ах, а меня вы бы хоть чуточку не спасли? — спросила миссис Серветт, исчезая внизу на лестнице.

— Да-да, непременно, а теперь до свидания! — Спирохет захлопнул дверь и снова повернулся к Клистиру. — Так что ты пытался сказать?

— Нам тут недостает одного важнейшего ингредиента. Одной вещи, которая, если бы она у нас имелась, разом дала бы нам единогласную поддержку всего кранаханского народа, — ответил Клистир.

В дверь опять постучали и на сей раз мгновенно ее распахнули, заставая всех трех священников врасплох. Миссис Серветт стояла на пороге с чашей и губкой в руках.

— Э-э... я тут просто достала свой набор для помазания и подумала, не хотели бы вы, чтобы вам ноги маслицем обработали?

— Что? — рявкнул Спирохет.

— Тьфу! — скривился Херсним. — Это омерзительно!

— Прочь отсюда! — прорычал Клистир. — Оставьте нас в покое! Прекратите нам досаждать!

— Я так понимаю, вы отказываетесь? — прокудахтала миссис Серветт.

— Точно! — подтвердил Спирохет.

— Э-э... знаете, я просто подумала, есть некоторые духовные лица, которые любят это дело, когда молятся!

— Уверен, есть и такие! — Херсним захлопнул дверь и надежно припер ее стулом.

— Клистир, продолжай, — буркнул Спирохет.

— Гм, да. Итак, взгляните на карту. Вот здесь у нас массивное пятно поддержки в бедных секторах, — указывал он по мере того, как Клистир говорил. — Но с финансовой точки зрения они бесполезны. У нас есть очень много последователей в этой среде и очень мало вот здесь, где поддержка нам требуется больше всего. В до омерзения богатом квартале. В самом центре, который нуждается в наибольшем очищении!

— Это мы и без тебя знаем! — огрызнулся Херсним. — Каков твой план?

— И вот сюда посмотрите, — Клистир указал на Имперскую Дворцовую Крепость, притаившуюся внутри городских стен Кранахана. — Совсем ничего!

— Да. И что...

— Ну, чтобы начать катать шары, нужна чья-то поддержка. Поддержка некого важного лица. Лучше всего — того, что решение окончательно и обжалованию не подлежит...

— Да... — согласился Спирохет, чьи глаза внимательно сосредоточивались на карте крепости.

— ...чьему мнению все следуют независимо от того, согласны они с ним или нет...

— Вижу, куда ты клонишь. Нам нужно увидеться...

— С королем, — триумфально закончил Клистир. — Если мы возьмем его, то всех остальных получим запросто.

Херсним кивнул.

— В таком случае я предлагаю, — торжественно произнес Спирохет, — сделать движение в сторону королевского визита, дабы убедить его величество короля Объединенного королевства Рингилла и Кранахана Хардина в том, что его преданная вера в Наивозвышенную церковь святого Жмота Неумытого на всю оставшуюся жизнь — это самое лучшее, что он в своей жизни делал!

— Движение поддержано! — согласился Клистир.

— И будет выполнено, — заключил его преосвященство Спирохет, жадно глазея на небольшой прямоугольник пергамента, который представлял собой личную сокровищницу короля, и подло при этом ухмыляясь.

— Кто-нибудь желает чашку чая? — добавил он. — А то у меня от всей этой алчности всегда такая жажда разгорается!

Создавалось впечатление, что пятнадцать обнаженных садовых пугал, связанные вместе в три ряда по пять штук, маршируют вверх-вниз по деревянной пирамиде, возведенной во Дворе Повешения Рингилльского замка. Веревки стягивали вместе сложные ряды шестов и опор в предельно запутанном раскладе пыточной оснастки, соединяющей один люк с отпускным механизмом соседней виселицы.

Сердце Холостеца по прозвищу Висельчак буквально раздувалось от гордости, пока он оглядывал мастерски сработанные сценические декорации для его палаческой экстраваганцы, украшенные рядами террас и клумб. Наконец он протопал вперед к главной отпускной рукоятке, поднятой повыше на своем собственном подиуме. Именно отсюда Холостец начнет все свое представление. Как только королевские гости разобьют бутылку о нос длинной лодки, обеспечивая дополнительный момент инерции, чтобы запустить ее вниз по скользкому склону неизбежности, Холостец тут же отпустит рычаг перед лицом огромной толпы, жаждущей увидеть столь эффектное отправление правосудия. Он уже почти слышал крики восхищения, восторженную сумятицу, пока еще пятнадцать душ будут проходить великую грань. И все это через несколько кратких часов...

Пора было подстегнуть стражников.

Еще многое оставалось проделать... подготовить действующих лиц, одеть их в Зеленой комнате[1], аккуратно их взвесить — и непременно помолиться о том, чтобы погода осталась ясной.

Внезапно что-то привлекло внимание орлиного ока Холостеца — некая перемена в его плане. Так не пойдет! Позади трех последних виселиц были воздвигнуты три высоких столба со свернутым флагом на верху каждого.

Кровь Холостеца мгновенно взбурлила. Что все это значило? В ярости он спрыгнул с отпускного подиума и ринулся вперед, пылая гневом.

— Эй, человек! — что было мочи крикнул он работнику на верху одного из столбов. — Да-да, ты! Что значит вся эта ерунда? В первоначальном плане ничего такого нет. Что ты там делаешь?

— Э-э... прошу прощения, папаша, не знаю. Я просто поставил эти штуки, — ответил мужчина с верха столба.

— Раз так, ты их теперь и убери. Немедленно! Или еще скорее!

— Прошу прощения, папаша, но у меня приказ...

---

[1] Зеленая комната — комната ожидания высшей секретности, специально оборудованная для сбора действующих лиц множественных казней Холостеца. Ее название, как считалось, произошло от часто наблюдавшейся зеленоватой бледности, которую принимали лица некоторых наиболее чувствительных обитателей данной комнаты в последние несколько секунд перед финальным отбытием. Скорее всего, это было вызвано особенно острой разновидностью страха перед публикой.

— Добрый день, — вмешался коротышка, вдруг появившийся у могучего локтя Холостеца. — Могу я чем-то помочь?

— А кто вы такой? — вопросил палач.

— Димон, местный распорядитель, — ответил коротышка, потирая ладони.

— Ага! Тогда я хочу знать, что те три штуковины делают вон там, сзади!

— Полагаю, что они оснащаются. Простите, а вы кто такой?

— Меня зовут Холостец. Ручаюсь, вы обо мне слышали.

Местный распорядитель крепко задумался.

— Холостец... Холостец... гм... я...

— Вот вам намек! — прорычал палач. — Я убиваю людей!

— Холо... ах! Мать моя женщина! Тот самый Холостец. Ха! Гм-м... — Димон с трудом сглотнул. — Я вас без маски не узнал! Так чем могу служить, сэр?

— Что это там за дьявольщина, третий раз спрашиваю!

— Ах! Это! Это... гм... мое собственное маленькое добавление. Сейчас я... э-э... вам покажу.

Распорядитель повернулся, делая яростные жесты в адрес мужчины на столбе:

— Я хочу, чтобы ты по моей команде устроил мистеру Холостецу демонстрацию. Понятно?

Мужчина кивнул, спускаясь со столба. А Димон взял Холостеца под локоть и осторожно повел его прочь, с ужасом сознавая, что в следующие несколько секунд вполне мог присоединиться к другим пятнадцати жертвам.

— Вот это будет соединено с ногами последних... гм... особых гостей, — объяснял местный распорядитель, — тем же самым образом, как будут соединены остальные. Теперь, обрисовывая сцену, все идет прелестно, они падают один за другим, бух, бух, бух, девять уже внизу. Мы подходим к шести оставшимся, толпа приходит в неистовство, и — бух, бух, бух — последние трое одновременно тянут за флаги и... — Он повернулся и махнул рукой. — Флаги, соответственно, разворачиваются...

Три флага медленно упали, порхая на ветерке. Все это сопровождалось тошнотворным молчанием Холостеца. Палач хмурился, по складам читая каждое из слов, отпечатанных на флагах. Затем по его физиономии медленно расползлась улыбка, и волна острого облегчения окатила Димона.

Палачу придумка понравилась.

Холостец похлопал местного распорядителя по маленькой голове и побрел прочь в сторону замка. Он лишь раз обернулся. Все должно было выйти как нельзя более удачно. Славный способ все закончить. Чудесная деталь. Королю наверняка очень понравится.

Три флага порхали, гордо объявляя: «Концерт окончен, ребята!»

Тайком пробираясь по темному тюремному коридору походкой столь же крутой, что и ее бедра, с целеустремленно выдвинутым вперед подбородком и крепко зажатым в руке Эксбенедиктом, Кургетта приближалась к той камере, в которой были заключены Фиркин, Пузына и Донна. Без единого звука открыв деревянное окошко, она, настороженно оглядывая всю длину коридора, шепнула туда:

— Привет вам и доброго здравия! Это я, мои славные товарищи! Боюсь, я не смогу долго здесь оставаться, а посему слушайте со вниманием, ибо лишь раз я сие произнесу. Ключи ныне недоступны, но держитесь стойко. Свободу я вам добуду с неколебимой уверенностью. План ныне вынашивается. Будьте настороже и всегда наготове. Поняли?.. Поняли?.. Эй?..

Лоб Кургетты вопросительно наморщился, когда она нагнулась пониже и заглянула в окошко:

— Привет вам!.. Есть там кто-нибудь?..

Зеленый глаз озирал темный интерьер холодной сырой камеры, осматривая каждую деталь, заглядывая в каждый угол. Все там было на месте, в точности как она это помнила, — не считая Пузыны, Фиркина и Донны.

Вспышка паники ледяными сосульками пальцев пробежала вверх-вниз по ксилофону ее позвоночника, когда до Кургетты дошла страшная правда. Уже могло оказаться слишком поздно!

На дальней стороне Пространственно-Литературного Континуума, в маленьком южном регионе высоких остроконечных гор и темных долин сквозь облака парило некое существо. Крыла его хлопали по могучим дугам, лениво перемещая тысячи литров воздуха с каждым мощным махом вниз, запуская само существо и его пассажира вперед сквозь недвижно-голубую пустоту. Его длинные лапы и острый как копье кончик сорокафутового хвоста небрежно дергались

в заразительном ритме сальсы, не слышном из-под мха-сфагнума, прикрывающего его наушники. Просто по минутной прихоти, следуя одной дьявольски хитроумной перемене тональности, существо сложило одну чешуйчатую секцию крыла, мгновенно засовывая ее за змеиную шею, переворачиваясь на спину и спокойно планируя дальше сквозь голубизну неба, пока солнце искрилось на покрытой золотистой коркой коже его змеиного брюха.

— О-ох! — выдохнул ездок, внезапно приходя в состояние предельной бдительности и обнаруживая, что отчаянно цепляется за крошечные рожки, торчащие из массивной головы. — Во что это ты тут играешься? А ну перевернись обратно! Ты что, убить меня хочешь? Я сейчас соскользну! А ну перевернись!

Это орал принц Кивинн, чье лицо уже стало белее костяшек его пальцев. Дракон, широко ухмыляясь себе под нос, пока он одними губами произносил древние слова песни, что ревела у него в ушах, курсировал дальше брюхом кверху, явно не обращая ни малейшего внимания на отчаянные вопли своего седока.

— Перевернись! Мне больше не удержаться! — завопил Кивинн, с обостренным от ужаса вниманием глазея на крошечные серебристые змейки рек, что поблескивали меж его болтающихся ног. Страх буквально пронзал его тело, пока Кивинн чувствовал, как его хватка слабеет на гладких как слоновая кость рожках, смазанных к тому же его потом, что выступил на пораженных ужасом ладонях. Он цеплялся из последних сил, кровь отливала от его рук, а лишенные кислорода пальцы уже ничего не чувствовали. Еще одна унция пота на ладонях и...

— Перевернись! — по-прежнему не слышимый драконом, заорал принц, пока внизу в своей немыслимой красоте проходили модельные горы. — Перевернись, и получишь добавочной морковки! — пронзительно завопил он, и истерика добавила правдивость его словам. — Двойной рацион керосина! — И, уже в приступе безумной паники: — Доппаек масла на целый месяц! На два месяца! На целый год! Ну что я такого сделал? Чем я все это заслужил? — Кивинн терял над собой контроль в то же самое время, что и хватку за рожки. Наконец хватка ослабла, и принц полетел прочь от дракона в самом что ни на есть свободном падении.

Принц Кивинн вопил еще три тысячи футов, затем перевел дыхание, после чего пищал еще тысячи полторы. Наконец он прекратил звуковые потуги и решил, что настала пора насладиться

своим последним фильмом — «Принц Кивинн из Перта: моя жизнь в последние секунды».

А тем временем в пяти тысячах футов над беспомощно кувыркающимся принцем медленная драконская мысль проползла через обширный мозг ящера. Три минуты тому назад крошечные нервы на его змеиной шее подметили тот факт, что давление, оказываемое на шейные позвонки дракона, ослабло, что указывало на снижение переносимой массы. Потеря этой самой массы в точности соответствовала весу принца Кивинна и... вот те на! Дракон открыл один поблескивающий глаз, снял наушники из сфагнума и хорошенько огляделся.

В пяти тысячах трехстах футов внизу маленькая крапинка в форме принца стремительно кувыркалась к земле. И она уже почти ускользала.

Огромный золотистый дракон перевернулся в нормальное положение и нырнул вниз, укоряя себя за то, что позволил себе так увлечься музыкой. Но все получилось из-за ритма. Такой четкий, черт побери! Колоссальные крылья-спинакеры бросили тело золотистой рептилии в отчаянный нырок, а коготь его тем временем щелкнул по ручке управления громкостью. В своей погоне дракон желал послушать какой-нибудь быстрый и неистовый рок-н-ролл. Несколько визжащих электромандолин, мощный пульс басов под общий грохот ударных — это было бы просто роскошно!

Разум принца, уже прокрутив сцену с серебряной ложкой во рту и гордыми родителями, теперь услаждал его игрой на сцене в дворцовом саду. Земля плыла ему навстречу. «Поспеши, — подумал Кивинн, — надо бы успеть добраться до самых интересных моментов. А то еще недолго осталось».

Стофутовая золотистая полоска летучей рептилии метнулась в сторону принца, бесстрашно пронырнувая сквозь хлопковые облака, обращая полетные планы и управление воздушным транспортом всего лишь в дурные слухи.

Скучный крокетный матч тащился сквозь разум Кивинна. «Неужели такова общая сумма всех радостей моей жизни?» — жалобно думал принц, пока ускорение свистело у него в ушах. И тут над ним навис сарай с велосипедами. «Нет! Память! — взмолился Кивинн. — Прошу тебя! Только избавь меня от первого поцелуя!» Он содрогнулся, с острым смущением вспоминая, как маленькая принцесса с соседнего двора сморщила губки, изображая, как ей казалось, в высшей степени соблазнительное поведение.

Вот дракон был уже в считанных ярдах от него, затем в футах, а затем промелькнул снизу, подхватывая принца, прежде чем снова воспарить ввысь.

— Во что ты тут, черт побери, играешься, ящерица безмозглая? — завопил принц Перта, трясясь от ярости. — Я уже намереваюсь вообще отменить все твои рационы на месяц! Нет, на год!

Громадный жеребец принца с предельно виноватым видом обратил поблескивающие глаза на своего хозяина и принял при этом настолько смущенный вид, насколько это вообще было возможно для стофутового огнедышащего монстра. Для вящего эффекта он добавил что-то вроде слабого мяуканья — просто чтобы показать, как сильно он сожалеет о случившемся. Затем он захлопал крыльями дальше, не обращая внимания на крошечную морщинку в небе впереди.

Морщинка эта выглядела так, как если бы в центре громадного телевизионного экрана поместили магнит, оттягивающий электроны с нужного курса, до бесформенности искривляющий нормальные линии. И она все росла.

— Я должен забрать у тебя наушники! — принялся угрожать принц и был приятно обрадован, когда уши дракона от тревоги встали торчком.

Сбой в реальности еще больше расширился.

— Да! Вот что я сделаю! Я просто конфискую у тебя наушники! Это научит тебя осторожности!

Дракон захныкал.

— Да-да, — настаивал принц Кивинн. — А ну давай их сюда. Я больше не намерен так рисковать.

Картина впереди сделалась странной, когда вертикальная хватка в той небольшой зоне совсем отказала.

Дракон повернул голову к принцу и снова попробовал взор невинного кролика.

— Нет. Я принял решение. Давай их сюда. Ты был скверным драконом! Это должно преподать тебе урок, — твердо отчитывал рептилию принц Кивинн. — Прекрати так смотреть! Ты меня не проведешь! Прекрати сейчас же! Я серьезно! Немедленно передай мне наушники!

В это самое мгновение хвост дракона махнул по зоне нестабильности. Ящер пронзительно вскрикнул, какое-то время неуверенно померцал, то входя в фазу с реальностью, то выходя из нее, — а затем исчез.

Принц заверещал и опять полетел к земле.

— Послушай... про наушники... я ведь не всерьез! — кричал он. — Можешь их оставить! Вернись! Наоборот, я раздобуду тебе новые, более современные!

Но дракон оказался буквально высосан из Измерения Глав чем-то вроде гигантского смерча. А разум принца Кивинна опять сосредоточился на покровах реальности. Он поставил на кинопроектор другую бобину. В темноте памяти вспыхнул ослепительный луч и на экране появились титры нового фильма: «Принц Кивинн из Перта: Последние секунды моей жизни — II».

— Ох нет! — завопил принц, снова принимаясь ускоряться. Серебряные змеистые реки стали еще толще, чем раньше, вершины гор уже высились над ним, а окутанная лесами земля со свистом приближалась. — Только не римейк!

— Все просто замечательно, моя черная малышка! Пора идти! — орал Холостец, ухмыляясь в своем излюбленном кожаном подшлемнике. — Послушай! Это они за тебя радуются! Они пришли на тебя посмотреть! Ну разве это не сущий восторг?

И действительно, слышались дрожащие и беспорядочные отголоски криков восхищения, эхом разносящиеся по Двору Повешения, пока труппа кукловодов разогревала толпу перед главным зрелищем. Люди восторженно вопили, завороженно, пока крокодил хватал ребенка и пожирал цепочку колбас, пока горбун с большим красным носом объявлял: «Вот как это делается!» Затем он весьма охотно избивал дубинкой полицейского, а заодно и легавую собаку. Что такое было «это» и как многочисленные круги избиения полицейского помогали его работе, оставалось загадкой, однако толпа это обожала. И когда упал занавес, все были в превосходном и самом подходящем настроении для славного повешения.

Шокированная Донна затряслась от ужаса, когда до нее наконец дошло, что это и впрямь должно случиться. Осознание того, что время ее пребывания в этом мире стремительно подходит к концу, пришло к юной девушке только в самые последние минуты, когда ее рост, вес и охват шеи были измерены самим Холостецом по прозвищу Висельчак. А затем она присоединилась к очереди, чтобы ее обмерил мужчина в длинном черном плаще и высокой, сияющей черной шляпе, который сыпал обильными извинениями, объясняя:

— Я только делаю сосновые ящики вашего размера, дорогуша. Но когда вы не дотягиваете до шести футов, это на самом деле не вносит никакой разницы. Хотя, запишись вы заранее, вы бы могли получить красное дерево или тик. И, собственно говоря, если бы вы все вместе сложились, я бы предоставил вам славную скидку. Знаете ли, коллективный заказ! Бесплатная латунная фурнитура!

— Холостец по прозвищу Висельчак! — крикнул голос, явно читающий имя по пергаменту.

— Да, это я! — откликнулся Холостец. В сумраке он выглядел предельно угрожающе, облаченный в свой специальный черный плащ и неизменный черный же подшлемник. — Что там такое? У меня день короткий. Там уже ждет толпа.

— Срочное сообщение. Воздушная почта! — Почтальон заржал собственной дурацкой шутке. Иной здесь не имелось, сообщение со всем, что находилось вне стен Кранахана, производилось посредством воздушной почты. Голуби вообще-то пешком особо далеко не ходили.

Холостец протиснулся сквозь бурлящую массу своих «действующих лиц» и встал, возвышаясь над почтальоном.

— Давайте его сюда! Живо! — рявкнул он. Рот палача подчеркивался черным подшлемником. — Нельзя заставлять короля ждать!

В дальнем углу «Зеленой комнаты» пара ушей встала торчком при упоминании слова «король». Фиркин внезапно пожелал услышать обо всем, что происходит. Если Клайт был там, в публике, тогда, может статься, еще не все было потеряно.

Холостец безуспешно повозился с крошечной трубочкой, в которой переносилось сообщение, затем снял свои огромные перчатки и попытался снова. Мгновение спустя ему удалось сорвать колпачок трубочки, после чего палач стал напрягаться, чтобы прочесть буквы, нацарапанные на грубой поверхности пергамента. Сердце его подскочило, когда он увидел красный воск и голубую ленту королевской Печати. Записка от самого короля, ему! Какая честь! Фиркин тоже немедленно заметил печать и узнал ее.

Физиономия Холостеца расползлась в широкую, полную гордости ухмылку, пока массивный кончик его указательного пальца двигался по словам. Все это сопровождалось ревом нетерпеливо ожидающей снаружи толпы.

Фиркин внимательно наблюдал, сосредоточенный на том, чтобы уловить любой намек на реакцию палача. Это оказалось проще простого.

Когда кончик указательного пальца Холостеца достиг конца сообщения, его плечи поникли, придавленные разочарованием.

— Скверные новости? — поинтересовался почтальон. — Желаете ответить? — добавил он, вытаскивая из своего мешка перо и пергаментный блокнот.

— Тролли! — прорычал Холостец. — Это просто предлог, чтобы остаться в Кранахане! Ладно, в следующий раз я ему покажу!..

— Таков ваш ответ?

— Двадцать одного за один раз! Вот это его проймет — с троллями или без троллей!

— Что-то еще? — осведомился почтальон, отрывая взгляд от пергаментного блокнота. — «Ваш верный слуга»? Или «всегда ваш»? А как насчет «преданный вам»? С королями это всегда удачно проходит!

— Что? — прорычал Холостец, очухиваясь от разочарования и снова сознавая присутствие почтальона.

— Ваш ответ, — отозвался почтальон.

— Какой ответ? А ну дай сюда! — Холостец схватил блокнот, прочел верхнюю пергаментную страничку и в шокированном удивлении ее порвал. — Прочь отсюда, — рявкнул он почтальону, — или я в последнюю минуту кого-нибудь тобой подменю!

Голова у Фиркина шла кругом. Итак, король здесь быть не собирался. В этом он был уверен наверняка. Но почему Клайт был в Кранахане, да еще с троллями? Фиркин не имел об этом ни малейшего представления.

— Поднять занавес! — крикнул палач Холостец двум стражникам, снова натягивая перчатки. Если король не собирался здесь быть, ему же хуже. Он очень многое потеряет. Публика ждала снаружи, действующие лица находились здесь, сцена была установлена. — Представление должно продолжаться! — воскликнул он, когда стражники принялись тянуть за пару толстенных канатов. В растущей внизу щели, пока она расширялась, появился резкий холодный свет, ловя крутящиеся пылинки и заставая врасплох поспешно разбегающихся пауков.

Снаружи возбуждение все нарастало, пока панель в полу медленно поднималась меж двумя первыми виселицами в среднем ряду. Солидная толпа силилась увидеть, как первые жертвы выступят из

угольно-черного отверстия на вечернее солнце. Когда панель достигла своей максимальной высоты, здоровенная и до боли знакомая фигура палача выступила на наклонную платформу, ухмыляясь под черной кожаной маской.

— Привет, Рингилл! — выкрикнул Висельчак, молотя руками по воздуху от волнения. Толпа откликнулась громким ревом.

— Готовы мы покачаться? Или мы готовы упасть? Позвольте мне вам сказать, сегодня вечером я приготовил для вас великое представление! У нас есть убийцы!

Толпа заверещала.

— Насильники!

Бурные аплодисменты.

— И прочие ответчики!

Три молодые женщины в первом ряду хлопнулись в обморок.

Холостец повернулся к открытому входу.

— Выводите их в загоны! — проорал он. — Идущие на повешение приветствуют вас!

— Дамы, господа, дети, физиономия нашего первого гостя, уверен, окажется хорошо вам знакома. Он многие недели украшал наши стены плакатами о розыске, уклонялся от множества розыскных мер Черной Стражи, пока наконец не был пойман в конце длившейся четверо суток осады заброшенного амбара. Так что приготовьте ваши ладони и удостойте славных аплодисментов человека, которого вы все обожаете ненавидеть, — уничтожителя посевов и зернового убийцу Жоржа Бушера. Прошу его сюда!

Эскортируемая двумя стражниками, первая жертва была выведена из загона и не без труда поставлена на люк под первой петлей. Когда веревочное кольцо было надето Жоржу Бушеру на шею, толпа взорвалась криками одобрения.

— Спасибо! Спасибо! А теперь горд представить вам преступника, которого лично я рад буду увидеть повешенным.

Оказавшись в задних рядах публики, рыжеволосая фигура наконец-то проползла в то положение, откуда ей было все видно. Кургетта стала внимательно оглядывать расположение стульев, проходов, виселиц и отпускного механизма, пытаясь прикинуть наилучший способ атаки.

— А теперь, — продолжил палач, — уверен, вы не будете против, если я выведу сюда еще одного убийцу. Мы этого милого приятеля содержим в нашей тюрьме уже несколько недель...

Кургетта ежилась, слушая банальную болтовню Холостеца, представлявшего свои жертвы, но все это время ее гнев и ненависть нарастали.

Неведомый Кургетте и всей толпе, этот гнев был отнюдь не единственной вещью, которая стремительно нарастала и ширилась. Высоко над сценой маленькое черное облачко распространялось от скромного стратосферного начала, выталкивая паровые щупальца в небо от своего источника далеко за Пространственно-Литературным Континуумом...

— ...и наконец, для собравшихся здесь детишек у меня есть особое развлечение! Три чудесных маленьких монстра были застигнуты за разрушением природного мира, порчей биосферы и злонамеренным искоренением собственности короля. Да, в наши дни выращивают и таких вандалов! Так или иначе, я хочу, чтобы вы отдали должное трем нашим последним гостям! Аплодисменты сей малолетней троице, ведь она прибыла от самых Тальпийских гор, чтобы у нас тут напакостить! Поприветствуем бывших жителей бывшей деревушки Миддин Третий — Фиркина, Пузыну и Донну! Прошу их сюда!

Кургетта напряглась еще сильнее, фигурки ее знакомых бесцеремонно выволокли на прохладный вечерний воздух и не без усилий поставили на люки. Новые крики восторга раздались, когда веревочные кольца были надеты на шеи трех последних жертв, а маленькие петельки обвязаны вокруг их лодыжек, крепя их к трем флагштокам, готовым развернуть свое прощальное сообщение.

Все было готово.

Облако еще больше расширилось.

Холостец медленно и гордо прошествовал к своему возвышенному подиуму, используя эти несколько последних мгновений для достижения максимального эффекта. Через считанные секунды ему предстояло запустить самое крупное синхронизированное повешение в истории. Одно нажатие на рычаг, что соединял три веревки с тремя отпускными колышками люков, и место в учебниках по истории будет ему обеспечено.

Нужный момент настал. Кургетта вырвалась из укрытия позади молодой женщины, что уплетала пушистый белый поп-корн их здоровенной коробки, и во весь опор бросилась к подиуму. Она крутила Эксбенедикт вокруг своей головы с таким неистовством, точно укушенный коброй и обожравшийся ЛСД метатель молота.

Одежда Кургетты тоже разительным образом изменилась — лиловый плащ хлопал вокруг нее, словно крылья правосудия, белая блуза ясно говорила о чистоте помыслов, а обтянутые зелеными лосинами ноги стремительно грохотали вверх по тем ступенькам, что вели к истине.

— За права женщин! — завопила она, одолевая по три ступеньки кряду. Обширное облако у нее над головой тем временем выплюнуло в небо золотистого дракона.

— Не смей на него давить, вместилище скверны! — завизжала Кургетта, несясь к Холостецу, пока он хватался за отпускной рычаг.

Дикое потрясение отразилось на физиономии палача — правда, скрытое черным подшлемником. Этого не должно было случиться. Его великий день, быть может, главный момент его жизни...

Из публики стали высовываться указующие персты, пока Кургетта проносилась мимо. Стофутовый золотистый дракон понесся из неба прямиком к толпе.

Рука Холостеца сомкнулась на отпускном рычаге, три веревки натянулись.

Кто-то в толпе дико завопил, когда дракон распустил свои крылья-спинакеры, чтобы лучше проконтролировать спуск, и исторг трехсотфутовый язык палящего пламени.

— Только надави на этот рычаг, и почуешь в своих мерзких кишках холодную сталь! — заорала Кургетта.

Толпа буквально изверглась паникой, когда дракон воспарил позади Кургетты, приземляясь на стену замка. Люди начали разбегаться.

«Никогда бы не подумала, что во мне столько силы!» — самодовольно подумала Кургетта, наблюдая за тем эффектом, какой она, как ей казалось, оказывала на толпу.

— Сойди с сего подиума, негодяй! — воскликнула она.

— Никогда! — крикнул в ответ палач.

— Тогда будь готов к смерти! — пронзительно закричала Кургетта, наотмашь рубя Эксбенедиктом, пока дракон исторг еще один язык палящего пламени.

Толпа пришла в настоящую истерику. Люди стали карабкаться по спинам друг друга, пытаясь спастись.

«Ух ты! — подумала Кургетта. — Вот я, оказывается, какова».

Мерцая и вспыхивая, Эксбенедикт понесся по смертоносной дуге, в конце которой должен был вспороть брюхо палача точно

промеж селезенки и желчного пузыря. Если бы Висельчак стоял в четырех футах над землей, на полпути от подиума до виселиц, так бы и получилось.

Веревки натянулись. Холостец затаил дыхание. Все пятнадцать жертв дружно завопили, а Эксбенедикт огненной вспышкой пронесся по регулировочным талям, закрутился винтом и вонзился в дальнюю виселицу. Ни один из люков не раскрылся. Кургетта бросилась за мечом, вытягивая его из дерева, а дракон тем временем запустил еще одну волну горячей паники нестись по всей арене.

Холостец вопил в бессильном гневе, лихорадочно пытаясь снова стянуть веревки, а ведьма в лиловом плаще бросилась к дальним виселицам — пока Эксбенедикт металлической смертью продолжал крутиться у нее над головой. После трех вспышек бритвенно-острой стали Фиркин, Пузына и Донна были освобождены, а затем вся троица помчалась к Рингилльскому лесу в компании вновь обретенной свободы и невыносимо самодовольной Кургетты.

СВЯТОЙ МАРАЗМ, РЕГУЛЯРНО ЗАБЫВАЕМЫЙ

В самом низу кишечника Императорской Дворцовой Крепости Кранахана один человек буквально гудел от возбуждения. Сердце его отчаянно колотилось, пока он возжигал очередную свечу и принимался полировать очередную скамью. Басовый стон рокотал по всему помещению, случайным образом усиливаясь и ослабевая в зависимости от настроения его производителя, по мере того как он напевал себе под нос и накладывал завершающие штрихи на скромный интерьер часовенки.

Через несколько кратких часов Общественной церкви святого Маразма Регулярно Забываемого предстояло принять свое очередное благословение от короля. Один раз в каждые два года король Хардин отваживался войти в подземный лабиринт, что вел в часовню, являлся туда, бормотал несколько пустых слов священной поддержки и не омрачал это место своим появлением до следующего благословения. Долг этот король ненавидел по той простой причине, что он казался ему настолько же бессмысленным, насколько и архаичным. В жизни Хардина не было места религии. У него просто не находилось времени для сентиментального поклонения давно умершим болтунам, которые считали, что мир и любовь представляют собой величайшие награды. Которые даже готовы

были стоять на высоких голых горах, объявляя об этом, кормить народ хлебом и рыбой — причем на халяву!

Хардин прекрасно знал, что путь к сердцу любого человека лежит через его карман. Эти маленькие круглые жетончики с его профилем на них имели поразительную власть над народными массами. Чем больше была разница между тем их количеством, которое имел король, и тем, которым обладала голытьба, тем больше было уважение, которое эта самая голытьба жаждала проявлять к королю. Хотя, конечно, это могло иметь какое-то отношение к тому факту, что более высокие налоги означали возможность для короля позволить себе более крупные копья, более острые мечи и более славно оснащенные камеры пыток. Кому нужны райские восторги религии, когда ты можешь сладостно погрязнуть в предельно популярной честной преступности, занимаясь вымогательством с применением насилия? К счастью для всех, кто жил в королевствах, обладавших хоть малейшей общей границей с Объединенным королевством Рингилла и Кранахана, король Хардин совершенно не замечал беспредельного военного потенциала, предлагаемого твердым и непоколебимым религиозным несогласием.

Помедлив ненадолго с книгой псалмов в руке, его добродетельность, его высокопреподобие Елеус Третий, гортанно откашлявшись, покатал накопившуюся слизь по задней части своего горла, после чего обильно сплюнул на свечу у себя в руке. Затем, удалив накопившуюся копоть и свечное сало с не использовавшейся два года свечи посредством еще дольше не использовавшихся дырявых подштанников, Елеус возобновил смутно-монотонное пение псалма. Еще три скамьи — и все будет готово.

По мере того как он тер и плевал, его высокопреподобие Елеус вдруг стал сознавать о ряде резких щелчков, то входящих в фазу, то из нее выходящих, медленно набирающих громкость. Этот звук был неким образом ему знаком, неким образом узнаваем. Нечто подобное он последний раз слышал, эхма, два года тому назад. Вот оно, прямо на кончике языка вертится... ну да, шаги. Точно, шаги! Сюда идут!

В резком приступе паники Елеус вдруг понял, что идут... слишком рано!

Три набора целеустремленно звучащих шагов маршировали к двери часовни. Каблуки громко стучали по холодному камню. Его высокопреподобие Елеус, внезапно охваченный дурными предчувствиями, быстро схватил оставшиеся три свечи со скамей, засунул

их за еще долженствующую быть подновленной купель для крещения, вытер руки и встал в проходе, ожидая королевского стука. Только в то мгновение, когда шаги с военной точностью остановились за дверью, Елеус вдруг понял, что его руки все еще сжимают ветхие, дырявые подштанники. Сдерживая потрясенный вскрик, он отбросил их куда-то вбок и выдавил нервную смущенную улыбку, когда дверь отворилась и туда проследовали три господина в длинных индиговых одеяниях.

При виде незнакомцев его высокопреподобие Елеус поколебался, а затем отвесил им низкий плавный поклон.

— Ваше величество! От имени святого Маразма...

Фигура в центре никак не соответствовала его воспоминаниям о короле. Там было куда меньше усов в форме велосипедного руля, чем Елеус помнил, — но, с другой стороны, король мог сильно измениться за те два года, что священник его не видел. За это время могло случиться очень многое — скажем, могло войти в привычку бритье или вообще мог появиться новый король. Новости так далеко вниз просто не доходили. По правде говоря, люди обычно тоже. Одной из многих вещей, о которых его высокопреподобие Елеус регулярно молился, была конгрегация. Даже один-два агнца, время от времени сюда заглядывающие, — это было бы очень славно.

— ...Регулярно Забываемого я хотел бы протянуть руку приветствия...

— Кхе-кхе, — кашлянула высокая фигура в индиговом облачении. — Это вовсе не обязательно...

Его высокопреподобие Елеус, по-прежнему согнутый пополам, поднял взгляд:

— Простите? Но я всегда приветствовал вас именно так.

— Не думаю.

— Зато я думаю. Вы входите, и я говорю: «Ваше величество! От имени...»

— Я никогда раньше здесь не бывал! — признался высокий незнакомец Елеусу, ухмыляясь двум своим спутникам и одними губами произнося: «Дело тут плевое».

— А! Понимаю! В таком случае, ваше новое величество, от имени...

— Встаньте, ваше высокопреподобие. Пресмыкаться совсем ни к чему. Видите ли, тут произошла некая путаница. Я ни в малейшей степени не являюсь и никогда не являлся, если только не

считать правдой то, что говорят о реинкарнациях, персоной королевской крови.

— Но что вы тогда здесь делаете? Неужели вы пришли меня навестить? — вымолвил его высокопреподобие, становясь немного розовым — по примеру своего воротничка, после того как он прекратил полировать Спирохету ботинки.

Его преосвященство кивнул в самой что ни на есть заученно-благочестивой манере.

— Меня? Ах какой день! Гости! — с энтузиазмом воскликнул его высокопреподобие. — А я в любую минуту ожидаю короля!

— В самом деле? Это уже интересно становится. Ха! Оцените это, приятели! Сюда идет сам король!

Спирохет двинулся вперед и, использовав самый ловкий маневр по эту сторону от магазина подержанных вещей Скользкого Ника, обвил рукой плечи его высокопреподобия Елеуса Третьего, после чего повел его по проходу, шепча:

— В таком случае скажу вам как лицо духовное лицу духовному. Думаю, вы вполне могли бы немало помочь нам в нашей миссии. Поскольку король к вам прислушивается...

Тут его мягчительство Клистир Самый Скользкий поднял взор на его лучезарность Херснима Самого Превозносимого и откровенно ухмыльнулся. Так приятно было видеть и слышать настоящего профессионала за работой. Судя по выражению лица его высокопреподобия, должно было пройти очень недолгое время, прежде чем будет организована незапланированная аудиенция с ничего не подозревающим королем. Вот ведь какие дела!

А в зале нарастал гам.

Персонажи со всех троп Измерения Глав вовсю кричали и напрягались, стараясь быть услышанными поверх кого-то еще, страстно желая поведать свою историю. Или, есть соблюдать точность, рассказать, в какой мере их история развивалась не так, как обычно.

Лоб Редактора покрывался все более глубокими морщинами, пока тяжеловозы участия тянули плуги предельной тревоги по всей его ширине. Кипы повествований об отсутствии наличия громоздились все выше, складываясь в монбланы. Девицы из множества карет расстраивались сверх всякой меры ввиду внезапного недо-

статка героев, которые предположительно должны были бросаться на их спасение. Гневно раскачивались плакаты, требующие возмещения за перенесенные тяготы. Другие герои (особенно в высшей степени уязвленный святой Георгий, который специально наточил свой меч, детально изучил анатомию дракона и провел всю ночь, полируя свои доспехи, чтобы как можно больше понравиться Иллюстратору) буквально дымились от гнева, ибо вынуждены были оставаться в ожидании своих пропавших противников.

Хаос поднял свою уродливую голову, дико захохотал, и чуть ли не все в Измерении Глав вдруг захотели узнать, почему все так выходит. Среди жаждущих была и потрепанная на вид фигура, которая только что проковыляла сквозь громадную мраморную арку и подошла к трехкомнатным апартаментам Редактора.

Толпа разделилась. Персонажи медленно расступались по сторонам, пропуская хромающего юношу, чьи одежды были изодраны в клочья почти до пределов неприличия. Как именно они все еще на нем держались, оставалось определенной загадкой.

— Вы просто не поверите, что случилось со мной сегодня по пути домой! — прохрипел принц Кивинн из Перта, плетясь все дальше к апартаментам Редактора. Голос его казался совсем больным от острого изнурения и немалой доли актерства.

— А ты попробуй рассказать! — хором крикнула толпа.

— Позвольте мне самому догадаться, — пробурчал Редактор, качая головой в усталом смирении и ерзая на диване. — Ваш дракон внезапно исчез в самой середине полета...

Кивинн показался донельзя удивленным.

— ...после чего вы несколько тысяч футов пролетели по воздуху до земли...

Челюсть принца вяло отвисла.

— ...где вас спасло лишь чудесное приземление на покрытый плотным лесом склон, где сотни ветвей прервали ваше падение, — закончил Редактор, подавая измочаленному принцу тканую салфеточку с цветочным рисунком, чтобы тот хоть как-то прикрыл ею свой зад.

Глаза Кивинна расширились от удивления.

— К... к-как вы узнали?

— Просто догадался, — ответил Редактор, разглядывая несколько еловых веточек, что торчали из рваных ошметков летного камзола принца.

— Редактор просто знал! Это гнусная переписка! — крикнул кто-то из толпы.

— Нет! Нет, я... — начал было Редактор.

— Он продает нас на продолжения! — бушевал Черный король.

— Нет!

— ...и комиксы!

— Я бы не стал...

— ...и к тому же хапнул себе все права на наш показ в проекционном фонаре!

Бурлящая толпа замахала своими плакатами, едва заслышав о том, как Черный король кричит:

— Мы все слышали ваши воззрения на предмет представлений уличных театров и фантастических льгот для мимов и шутников. Итак, это уже началось. Идет буквальная распродажа. Вы нагло торгуете сценариями! — бросил он свое обвинение в лицо Редактору.

Внезапно высокий худой волшебник с белоснежной бородой, остроконечной шляпой, в саксафранной мантии и с совой на плече выступил из угла, откуда он до той поры с растущей тревогой прислушивался.

— Друзья мои, братья по литературе, — воскликнул он, подняв руки, словно желая успокоить бушующее море, — поймите, эти события гораздо более серьезны, нежели простая эксплуатация! Куда более важны, нежели всего лишь переписка сюжетов и искажение фабул!

— Что? А вас когда-нибудь переписывали? Знаете вы, каково бывает, когда весь ваш мир переворачивается вверх дном, все правила меняются, все перепутывается и начинается снова? — крикнул ему в ответ Пиноккио. — Вот когда вам становится по-настоящему худо!

— Уверен, что это так. Но все еще хуже! Поверьте мне! — отозвался волшебник Мерлот (ибо это был именно он). — Это может означать конец фантазии, как мы ее знаем! Если мы срочно чего-нибудь не предпримем, ничто уже никогда снова не придет в аномальность!

— О чем вы болтаете? Вы что, опять на те грибы подсели? — гневно крикнул алхимик.

— Все, о чем вы сказали, сводится к одному. Персонажи не просто ведут себя как-то не так, отказываясь появляться там, где

они появиться обязаны, сбегая с уже организованных сражений и тем самым спасаясь, — сказал Мерлот, с хмурым гневом оглядывая сомневающихся. Этот его взгляд поддерживала добавочная энергия совы Арбутуса, скорчившейся у него на плече. — Обратитесь же к этому лицом! Персонажи исчезают!

— Верно! — согласился Арбутус.

Рябь недоумения пробежала по залу.

— Что вы имеете в виду, говоря «исчезают»? — спросил Редактор, в полном смятении дергая себя за бороду и подаваясь вперед на софе.

— Пропадают! Есть — и нету! Пшик — и все! — ответил Мерлот, недоумевая, чего тут такого непонятного.

— Куда?

— На другую сторону, — ответил волшебник, загадочно куда-то указывая.

— На другую сторону чего? — осведомился Редактор, начиная страдать дикой головной болью.

— Пространственно-Литературного Континуума.

Толпа взорвалась истерикой. Это никак не могло быть правдой. Или могло? Не существовало никакой возможности, что этот старый миф и впрямь был верен. Или такая возможность все-таки существовала? Персонажи просто не могли исчезать в... в «реальности»! Или могли?

— Есть только одно объяснение! Дыра в Пространственно-Литературном Континууме! — проорал Мерлот поверх тревожного протеста и заградительного огня откровенного неприятия.

— Туфту гонишь, волшебник! — выкрикнула из толпы Черная королева. — Доказательство, приятель, доказательство! Или тебя у меня живо казнят!

— Я дам вам доказательство! Кто исчез первым? Маленькие существа, лягушки, кролики...

— Ложки! — громко пропищала голубая тарелочка с ивовым узором.

— Да, и ложки. А теперь дело до стофутовых драконов дошло!

— И каменных троллей! — проорал другой голос.

— Следующими станут люди, — настаивал Мерлот. — Попомните мои слова.

— Но все знают, что реальности не существует! — промычал большой белый бычок. — Это все равно что сказать, что Земля

круглая и вращается вокруг Солнца. Или что Луна сделана не из зеленого сыра! Чушь собачья!

— Реальность действительно существует! Я там был! — воскликнул Мерлот.

— И я тоже! — поддержал его Арбутус.

— Нет, он точно каких-то грибов объелся! — продолжал настаивать алхимик.

— Да-да, о вашем прелестном залете невесть куда на грибах мы все прекрасно наслышаны! — выкрикнул Черный король. — Только вы нам не выслали оттуда никакой открытки и никаких сувениров не привезли! Где каменные палочки с печатью «Сувенир из Реальности»? Мы вам тогда не поверили и сейчас не верим!

Некоторые особенно впечатлительные животные заплодировали. Особенно морские свинки.

— Короче, волшебник, — продолжил Черный король после быстрого тычка от его супруги, — вы и впрямь компостируете нам мозги. Все это имеет отношение к эксплуатации персонажей из финансовых побуждений. Здесь вина Редактора. Я намерен казнить всех подряд, пока не получу доказательств, а вот когда я их получу...

— Отрубить ему голову! — завизжала Черная королева, полностью теряя то сходство с царственной особой, какое у нее еще могло оставаться.

Черный король развернулся и вышел из залы под энергичное размахивание плакатами. Через считанные мгновения зала опустела, если не считать предельно озабоченного Редактора, глухо ворчащего Мерлота и Арбутуса, пытающегося извлечь мышку из-под шляпы волшебника.

— Вы серьезно насчет этой теории дыры? — спросил Редактор, оглаживая бороду.

— Не продашь ему этот «Сувенир из Реальности»... — пробормотал Мерлот себе под нос.

— Мерлот... — произнес Редактор.

Арбутус поднял взгляд от мышки.

— ...и он ни за что тебе не поверит. Он ведь там никогда не бывал, дурила картонный... — продолжал ворчать волшебник.

— Мерлот! — крикнул Редактор.

Арбутус наклонился и куснул волшебника за ухо.

— Ой! Да ты что!..

— Это правда?.. — настаивал Редактор.

— А? Что? — заволновался Мерлот.

— Вся эта история с дырой.

— Правда.

— И что мы можем с этим поделать?

— Хороший вопрос, — отозвался Мерлот и умолк.

— Да-да, хороший, не правда ли? Итак?.. — допытывался Редактор.

— Боюсь, я бы солгал, если бы сказал, что имею хоть малейшее представление о том, что мы можем с этим поделать. Однако если все так и пойдет, то скоро в Измерении Глав совсем никого не останется...

Внезапно послышался оглушительных грохот бешеных копыт, и три всадника ворвались под арку, размахивая молотками для игры в поло и что-то крича.

— Куда он делся? — вопрошал Мор. — Остается тридцать секунд до свистка, и он просто исчезает! Мы чемпионат продули! Первый раз за восемьсот лет!..

Редактор хлопнул себя ладонью по лбу и устало простонал.

— Голод? — отважился спросить он под убийственными взорами Войны и Смерти.

Мор кивнул.

— Чертовски верно! Лучший наш нападающий, и он просто взял и...

— Это вроде как долгая история, — признался Редактор. — Быть может, выпьете, а Мерлот тем временем объяснит?

Смерть слезла с коня, пока Редактор вынимал из-под стола две бутылки.

— Белое или красное? — спросил он, демонстрируя этикетки и нервно улыбаясь. — Только ваших коней и молотки у дверей оставьте.

Мерлот скорбно покачал головой. «Ну почему я? — в панике спросил он себя. — Чего ради я так проболтался?»

— Слушайте! — вскричал страстно возбужденный голос его высокопреподобия Елеуса Третьего, пока он прикладывал к своему уху сложенную чашечкой ладонь.

— Что такое? — осведомился Спирохет.

— Шаги!

— Отлично! Как раз вовремя. Точность — именно то, что я люблю видеть в монархе, — сказал его преосвященство Ревностно Восторженный. — Все по местам!

Считанные мгновения спустя три первосвященника Наивозвышенной церкви святого Жмота Неумытого выстроились плечом к индиговому плечу рядом с его высокопреподобием Елеусом в крошечной часовенке размером с кладовку святого Маразма Регулярно Забываемого.

Причина, почему эта часовня была в точности того же размера, что и кладовка, где могли бы храниться пятнадцать с лишним сотен гусиных перьев, пятьдесят пять дюжин стопок качественного пергамента и три современных переносных печатных станка, целиком и полностью определялась тем фактом, что не далее как за десять минут до того, как первые перья должны были быть туда уложены, ей и впрямь предстояло стать кладовкой для хранения пятнадцати с лишним сотен гусиных перьев, пятидесяти пяти дюжин стоп качественного пергамента и трех современных переносных печатных станков.

Потребовалось много низкопоклонства, очень большой объем денег на счет в заграничном банке и новехонькая ярко-красная спортивная телега марки «фраерри» для каждого из трех архитекторов (мессиров Хаппугера, Богохуллера и Лицемира), — но в конце концов страшно разоренному его высокопреподобию Елеусу Третьему все-таки удалось закрепить за собой собственное место поклонения. Посвятив часовню среди вспышки лихорадочной публичной апатии и широко распахнув двери приливу буйного безразличия, его высокопреподобие Елеус Третий стал задумываться о том, что, может статься, он попросту выбрал не того святого.

Сорок четыре года спустя он по-прежнему об этому задумывался и по-прежнему ожидал своего первого подлинного поклонника. Елеус попытался утешиться тем фактом, что население Кранахана, по всей видимости, находилось в таком мире с самим собой, что ему просто не требовался согревающий комфорт одеяла безопасности и религиозного утешения.

Да, пожалуй. Или, быть может, стоило просто раздобыть латунные колокола?

«А, ладно, — подумал его высокопреподобие. — Король, по крайней мере, регулярно заходит с визитами. Ничего-ничего». Пусть даже это случалось раз в два года и Елеус ожидал этого визита примерно с такой же радостью, что и приступа подагры, но все же это происходило регулярно.

И теперь это ожидалось в любую минуту.

Шаги стали громче. Две пары. Одна — более уверенная, пышущая силой, другая — опасливая, старающаяся не отставать. Вне-

запно шаги прекратились и резкий стук церемониального жезла, забарабанившего по дубу, огласил маленькую часовенку.

Его высокопреподобие Елеус Третий задержал дыхание, расправил рясу и с опаской открыл дверь, одновременно долго и низко кланяясь.

— Ваше величество! От имени святого Маразма...

— Да-да-да! Вся эта чепуха нам известна! — рявкнул король Хардин, врываясь в узенький проход. Его вплотную преследовал сильно озабоченный на вид человечек с небольшим позвякивающим чемоданчиком в одной руке и большой книгой в другой. Книгу он держал так, словно это был щит.

Спирохет улыбнулся с паучьим самодовольством, пока сочная трупная муха его королевского величества приближалась к расставленной им тугой паутине. Херсним и Клистир обменялись крокодильими ухмылками.

Король Хардин протопал к алтарю, рассеянно плеснул на него несколько капель воды с маленькой кисточки, предложенной ему его высокопреподобием Елеусом, и бегло пробормотал:

— От имени королевского лица в Кранахане я сим... черт, забыл. Как там, приятель?

— Э-э... обновляю указ... — забормотал нервный человечек. Лоб его при этом подобающим образом наморщился.

— Да-да. Обновляю указ позволения святому Маразму оставаться Регулярно Забываемым и... еще всякие там тары-бары, растабары... короче, оставаться ему таким же, что и в прошлый раз. Верно? Вот и все, что следует сказать.

Лоб его высокопреподобия Елеуса сморщился, пока он лихорадочно пытался вспомнить, отчего это прозвучало как-то не так.

Король повернулся к человечку, прячущемуся за книгой.

— Канцлер! — гаркнул он.

Уши, глаза и разум Спирохета подскочили при этом слове, загоняя его как свора бешеных псов. Канцлер! Запомнить это лицо!

— Канцлер! Чемодан! — прорычал Хардин, глядя на суму с золотом в руке у Кенара. — Давайте в темпе, у нас не весь день впереди! В два будет порка! И опоздать на нее я не хочу. Первый удар бича всегда самый лучший!

Кенар опасливо отдал королю чемоданчик и аккуратно раскрыл книгу.

— Как знак продолжающегося уважения Монархии, — скучающим тоном начал король, — для религиозной практики часовни...

гм. Послушайте, не могу я справляться со всей этой теологической чепухой, видя с самого начала, что не имею к ней никакого отношения. Вот ваш дар — как обычно. Пятьсот... и сколько там еще? — Хардин злобно щелкнул пальцами, требуя отклика от перепуганного канцлера. — Пятьсот?..

— П-пятьсот девяносто пять золотых монет, — отозвался Кенар, сверяясь с книгой. Голос его дрожал, отражаясь от стен холодной, темной часовни.

Спирохет алчно облизнулся. Золото и канцлер! Дела явно шли в гору!

— Ну вот, ваш-преп, — прорычал король, оглаживая свои усы в форме велосипедного руля и бросая львиный взор на внезапно сделавшегося совсем хрупким на вид члена духовенства. — Там, снаружи, тяжелая жизнь. Мир жесток. Вы это знаете?

Его высокопреподобие Елеус кивнул.

— О да, ваше вели...

— Цены, знаете ли, просто на глазах растут. Все выше и выше, без конца так вверх и тянутся. Необходимость поддержания мира с нашими соседями растет почти ежедневно. А расходы на грандиозные пиршества, чтобы постоянно их улещивать...

— О да, сир.

— ...и на колоссальные турниры с лучшими рыцарями, чтобы их потом развлекать...

— Я согла...

— Еще приданое надо покупать, чтобы... э-э... на их дочерях жениться.

— О да, сир. — Вспышка недоверия пробежала по лицу его высокопреподобия. Спирохет с живейшим интересом прислушивался к потоку лжи. Он в точности знал, что последует дальше. Так приятно было прислушиваться к собрату-профессионалу!

— А что уж говорить о собственном доме, — продолжил король, идеально поддерживая шутливый, но неким образом завораживающий тон. — Постоянно имеется нужда в новых вложениях.

— Да, сир, я совершенно согласен.

— Строительные надобности...

Его высокопреподобие кивнул.

— Новые образовательные программы... Знаете, просто поразительно, насколько прискорбно нынешней молодежи недостает знания существенно важных дисциплин военного дела.

Лицо его высокопреподобия вытянулось.

Король принял исповедально-грустный вид.

— Образование нынче не то что прежде. Знаете, преп, дети сегодня запросто заявляют, что котопульты... ой, то есть катапульты, — это такие клетки для котов, где их удобнее кастрировать! Лук у них теперь только на огородах растет! А кольчуга — это просто калека, который стал пьянчугой! Поразительно!

— Да, сир, я очень хорошо понимаю...

Спирохет молча расплылся в ухмылке восхищения. Король Объединенного королевства Рингилла и Кранахана был законченным, совершенно беззастенчивым лжецом. Ждать соли этого анекдота уже оставалось недолго.

— А как вы, преп, всегда мне говорили, благотворительность начинается во дворце. — Король аккуратно хлопнул священника по плечу, чтобы все это не показалось откровенно угрожающим. — Уверен, вы не станете брать в голову, если я скажу вам, что мне пришлось одобрить крупное увеличение дворцовой арендной платы. Просто необходимо расплатиться за все эти жуткие пиршества, новое образование и прочую ерунду.

— Уверен, вы тщательно все обдумали, ваше ве...

— О да. Очень тщательно. Были проведены многие часы духовных исканий. Вот почему, уже через пять лет я предоставлю вам особую десятипроцентную скидку на эту арендную плату.

— Ох-х, — прокряхтел его высокопреподобие Елеус, и лицо его обвисло от острого финансового разочарования.

— Как бы вы это назвали? Благородством? — прорычал король, уплотняя свою хватку на шее священника. — Да, я благороден! — Слова Хардина полностью расходились с тем безжалостно-хмурым выражением, которое наползло на монаршью физиономию.

— Да, ваше величество, ох-х, это очень...

— Я так рад, что вы это одобряете! В таком случае, по новой схеме изъятия налогов вы задолжали арендной платы в королевском дворце... э-э... — Хардин опять щелкнул пальцами.

— Пятьсот девяносто три золотые монеты, — услужливо подсказал канцлер Кенар.

Король тут же выхватил маленькую суму из рук ошарашенного его высокопреподобия и швырнул в него две монетки, которые отскочили от старческого лба.

— Вот ваша сдача! И смотрите сразу же ее не растранжирьте! Ха-ха-ха!

Канцлер отметил совершенную операцию в книге, повернулся и последовал за королем, пока тот направлялся к выходу. Его высокопреподобие Елеус принялся скрести по полу, выискивая две золотые монетки, на которые ему теперь предстояло тянуть целых два года.

Именно в этот момент Спирохет и сделал свой ход, внезапно появляясь из теней и буквально растекаясь елеем, пока он приветствовал короля.

— Ах, ваше величество. Это столь утешительно — видеть Вождя Королевства таким счастливым в своих жизненных трудах...

— Вы кто? — рявкнул Хардин.

— Столь многие другие монархи непомерно обременены тяготами и заботами правления...

— Чего вам надо?

Спирохет твердо воззрился на короля и продолжил игнорировать все его вопросы, прекрасно сознавая, что, как и при общении со всеми прочими обезумевшими от власти царственными особами по всему миру, это был единственный способ удержать его внимание[1].

---

[1] Этот урок Спирохет твердо усвоил после особенно напряженной «аудиенции» с принцессой Совокупулой, дочерью правительницы Южного Гедона.

Некоторые страны управляются как монархии, законами королей или королев; некоторые являются теократиями, управляемыми религиозными законами; Южный Гедон представлял собой оргиархию, управлявшуюся посредством законов похоти.

Руководя страной в полном согласии со строгими Дисциплинарными оргиархическими директивами, королева Затрахалла Ненасытная решила настаивать на том, что немедленное введение плотского наказания остановит поднимающуюся волну уличной преступности. Недолго думая, она самоотверженно провела целый ряд напряженных личных исследований, чтобы это доказать.

Бесчисленные «преступники» (выбиравшиеся исключительно на основе формы и размера определенного физического атрибута) приговаривались ко многим часам чувственного раздражения с использованием губок и детского масла или к длительным периодам плотского наказания в ароматных вулканических источниках.

Не сумев обратить принцессу Совокупулу в Наивозвышенную церковь святого Жмота Неумытого и едва избегнув телесных повреждений, Спирохет с безрассудной храбростью приблизился к королеве Затрахалле с тем же самым сосудом ароматного телесного растирания. Сомнительной чести стать одним из великого множества лабораторных образцов королевы он избег лишь посредством последовательного игнорирования ее вопросов, уклонения от ее похотливого взгляда и невероятно стремительного бегства. К счастью для

— Столь много глав государств напугано тем, что может таить в себе будущее, — продолжил Спирохет. — Но только не вы. Я прав? — спросил он, шлепая варенье лести на спину хардиновского самолюбия и крепко обнимая это самолюбие за плечи.

— Э-э...

— Они так трясутся перед судьбой, как будто это змий, готовый к последнему удару. Но не вы! — Самолюбие Хардина расслабилось на массажном столе.

— Продолжайте...

— Они цепляются за хрупкие и обветшалые лямки фартука прошлого, тогда как вы продолжаете ковать и ковать... — Спирохет продолжал разминать узловатые мышцы вокруг шеи самолюбия, постепенно спускаясь все ниже.

— Можно и так сказать...

— Они живут в страхе перед неизбежным. Но не вы, сир!

Грудь Хардина раздулась от гордости, пока его самолюбие все плотнее прижималось к массажному столу.

— Вы просто выше по классу всех этих жалких хлюпиков. Вы сияете как звезда над убогими свечками их чести. Вы подлинный правитель! — А теперь растереть спинку как можно сильнее.

— Гм, да. Конечно! — ответил король Хардин, полируя ногти на горностаевом воротнике своей мантии.

Его высокопреподобие Елеус прищурился из-под скамьи, в полном недоумении разглядывая Спирохета. Он никогда не слышал,

---

Спирохета, вся стража Затрахаллы была так или иначе вовлечена в ее исследования.

Именно после своего чудесного спасения от королевы Затрахаллы Спирохет решил удостоивать всех королевских особ того презрения, какого они заслуживают.

Он также запомнил для себя несколько целебных рецептов на будущее:

1) Никогда не входи в королевский дворец Южного Гедона, не имея на себе особых предохранительных доспехов с гульфиком из кованой стали. Причем надежно запертым.

2) Никогда не соглашайся на купание нагишом с любой особой женского пола из королевской семьи Южного Гедона.

3) Будучи в Южном Гедоне, никогда не оставайся в комнате с более чем одной особой женского пола из королевской семьи, особенно если на лицах у них присутствует особое исследовательское выражение.

Любопытно, что вслед за введением в Южном Гедоне плотских наказаний статистика преступности и арестованных молодых людей резко поднялась.

чтобы кто-то с такой откровенной наглостью разговаривал с королем. Сам он на такое и за миллион лет отваги бы не набрался.

— А вы когда-нибудь задумывались о том, почему у вас есть вся эта власть? — вкрадчиво спросил Спирохет, убежденный в том, что самолюбие Хардина уже достаточно обработано. Он практически не сомневался, что теперь король будет достаточно податлив, чтобы просочиться в теплые коричневые контуры сдобной булочки веры в Наивозвышенную церковь.

— Потому что я король! — рявкнул Хардин, и плечи его самолюбия напряглись в неподвижные канаты. — А теперь я действительно очень занят...

— Я скажу вам, почему у вас есть вся эта власть! — торопливо выпалил Спирохет, чувствуя, как инициатива ускользает, и ежась, пока нож его убеждения тыкался в засохшую лепешку королевской души.

— Я только что вам сказал! — прорычал монарх, стремительно продвигаясь к двери. — Я король. А теперь вперед!

— Это потому, что вы веруете в загробную жизнь! — выкрикнул Спирохет — и тут же об этом пожалел.

— В загробную жизнь? В загробную жизнь! Да, вот это круто! Вы, лица духовные, все одинаковы. Могу поклясться, это все из-за ладана. Он вам до полного умопомрачения мозги коптит!

— Но ваше ве...

— Загробная жизнь — это миф, распространяемый вами и другими из великого множества вам подобных только за тем, чтобы увеличить число членов в ваших компашках! Никакой загробной жизни не существует! И если я еще раз услышу, как вы в моем присутствии о ней упоминаете, я лично позабочусь о том, чтобы вы выяснили всю правду гораздо раньше, чем вы рассчитываете. Я и сам, знаете ли, очень ловко обращаюсь с некоторыми средствами расправы.

Спирохет схватился за шею и с трудом сглотнул.

А Хардин повернулся и поспешил наружу.

— Идемте, Кенар. Нам еще в этой жизни надо посетить порку! Загробная жизнь... — проворчал он. — А завтра они мне начнут про ангелов, фей и гоблинов толковать!

— Ну вот, надеюсь, ты доволен, — рявкнул Херсним, когда дверь часовенки наглухо закрылась. — Вот это было по-настоящему убедительно! Тут ты и впрямь нового верующего заполучил! Сдаешь ты, Спирохет. Теряешь хватку. Эй, Спирохет! Ты меня слушаешь?

Голос из недавнего прошлого порхал и эхом отражался по злым тайникам разума Спирохета. «Т... т... теперь, когда я верующий... ий... ий, — говорил он, — м... м... могу я кое о чем помолиться... иться... иться?»

«Д... д... да-да! О чем хотите... ите... ите», — услышал Спирохет свой собственный искаженный ответ на рыночной площади.

«А... а... ах как славно! Я, знаете ли, всегда думал, как бы мне от Дристана Мотобола избавиться... иться... иться!» — эхом отражался в памяти Спирохета голос шеф-повара по сдобе.

— Имей, по крайней мере, приличие выслушать меня, когда я тебя оскорбляю! — прорычал настоящий голос Херснима в самом что ни на есть непосредственном настоящем. — Я сказал, что ты теряешь хватку!

— Да? В самом деле? Теряю? Ну, очень скоро мы посмотрим, как я ее теряю, — пробормотал Спирохет, и его глаза зажглись целеустремленным огнем. — Мы еще посмотрим! Пора привести в действие вариант номер два! Идем!

Спирохет вихрем вынесся из часовенки во всплеске индиго и стремительно зашагал к дворцовым кухням, а два его предельно озадаченных сообщника старались от него не отстать.

Теперь это снова была заброшенная часовня святого Маразма Регулярно Забываемого, где его высокопреподобие Елеус Третий выполз из-под скамьи и потерянно уставился на две золотые монетки у себя на ладони. Лоб его все еще ныл там, где об него ударились монетки. Затем он встал и зашаркал к маленькой деревянной коробочке для пожертвований, гвоздем прибитой к стене.

Испустив длинный вздох, Елеус уронил две монетки в щель, еще не ведая о том, что через три месяца данный конкретный денежный знак будет изъят из финансового обращения, когда король Хардин решит настоять на том, что там демонстрируется не лучший его профиль.

А кроме того, это была прекрасная возможность для уменьшения размера находящихся в обращении монет — и тем самым обеспечения притока дополнительного золота в личный королевский карман.

По мере того как облаченный в саксафранную мантию волшебник мелодично ею шуршал и старался как можно лучше описать

жизнь по ту сторону Пространственно-Литературного Континуума трем всадникам Апокалипсиса, лицо Редактора постепенно серело.

— Нет-нет, — помотал он головой, морщась от досады. — Как они все это выдерживают? — спросил он затем. — И вы, Мерлот, мне говорите, что никаких фей в реальности не существует?

— Ну-у...

— ...и что никто там не может летать?

— Через несколько лет смогут. Аэропла...

— И там нет никаких драконов?

Мерлот бросил попытки отвечать. Он молча кивнул.

— Никаких счастливых концовок? — Весь дрожа, Редактор оторвал взгляд от собственных ладоней. — Мы никак не можем позволить, чтобы такое происходило здесь! Это чудовищно, когда люди распоряжаются собственными жизнями! Ведь тогда не остается никакой дисциплины! Вы должны что-то с этим поделать! — Мор и Война кивнули.

— Я? Но по... поделать? — внезапно начал заикаться Мерлот.

— Да, вы!

— Почему я? Я всего лишь маленький несчастный волшеб...

— Вы знаете о Реальности больше любого другого. Поэтому именно вы! — настаивал Редактор, подаваясь вперед на своей софе.

— Мне всегда казалось, что в нем есть что-то странное! — прорычала Война.

— Никаких лесных фей! — всхлипнула Смерть. — Как же они это выдерживают?

— Я рассказал вам все, что знал, — умолял Мерлот.

— Бросьте отговорки! Послушайте, вы там бывали. Так возвращайтесь туда и выясните, что происходит!

— Но я... я...

— Это приказ! — выкрикнул Редактор.

— Я... гм...

— Если вы этого не сделаете, я пущу вас на сериал! — пригрозил Редактор. — Каждую неделю про вас будет выходить приключенческий роман с продолжением!

— Нет! Нет! Только не это! Ладно, я с удовольствием, в чем проблемы? — принялся раболепствовать Мерлот. Мгновенно сдаваясь, он резко развернулся и вытряхнулся из апартаментов Редактора.

«Ведь и впрямь на сериал пустит!» — думал волшебник, нервно сглатывая комок в горле при мысли о том, каково бывает, когда тебя дробят на бесчисленные эпизоды по тридцать минут каждый.

Кроме того, могло быть не так уж скверно вернуться назад в Реальность. Не то чтобы он там провел время так уж неприятно. Мерлот почти с любовью оглянулся на свои прошлые приключения. Интересно, как там чувствует себя маленький книжный червь? Как же его звали? А, Хитрин. Возможно, он знает, что происходит.

Мерлот уселся на одну из скамей, что стояли вдоль желтой асфальтовой дороги, устраиваясь подальше от резиденции Редактора, закрыл глаза и припомнил крошечного зеленого книжного червя. Волшебник позволил своему разуму блуждать по огромным расстояниям, что отделяли Реальность от фантазии, пытаясь вступить в контакт.

Хитрин был его лучшим шансом. Если наблюдать мир реальности сквозь чудотворные воображаемые очки, Хитрин должен был вспыхнуть как маяк неотъемлемо-магической червячности — яркий огонь на лестнице в Реальность. Именно этого Мерлот теперь искал, отцепляя свой разум от нудной работы повседневной фантазии, отстегивая сбрую и сбрасывая ее вниз болтаться над щетками копыт в качестве последней опоры. «Иди вперед, — думал он, — ищи Хитрина! Выручай!»

Лишь раз оглянувшись, разум Мерлота понесся прочь. Клубы сюрреальности летели у него из-под пяток, пока он мчался к навстречу неведомому, прежде чем обратиться в крошечную искорку и исчезнуть, торопливо проделывая пассы, которые направили бы его и Арбутуса через бездорожные пустоши Пространственно-Литературного Континуума.

Мысль, точно медлительный моллюск, проползла по извилинам громадного мозга массивного золотистого дракона, пока тот наблюдал, как горят пятнадцать виселиц.

Что-то здесь было другим. Совсем, совсем другим.

Оглушительный треск разнесся по Двору Повешения Рингильского замка, когда одна из виселиц выгнулась, покачалась и рухнула в сопровождении багрового душа искр. Трехфутовым загнутым когтем дракон почесал в затылке своей неимоверной сверкающей головы, наблюдая за тем, как виселицы одна за другой поглощаются ненасытным огнем.

«Такого еще никогда не случалось, — подумал дракон. — Как странно!» За все столетия существования огнедышащих существ, испускающих языки палящего пламени, это был первый раз, когда что-то и впрямь сгорело.

Дракон наблюдал, как золотисто-желтое пламя пляшет, пытаясь вырваться в небо, точно причудливо раскрашенные вуали безумных дев на вечерней оргии; восторгался тому, как теплый свет поблескивает на отполированной золотистой шкуре; ревел от драконьего восторга, когда котлы со смолой вскипали и взрывались пепельными фонтанами.

«Какая красота!» — думал дракон.

Делая глоток кислорода, воспламеняя свою зажигательную железу и заряжая нагревательные спирали, ящер рыгнул, выталкивая из себя громадную массу органических продуктов сгорания. Затем, небрежно вытерев лапой огромную пасть, он выпустил еще один язык палящего пламени на ряды кресел. Дюжины скамей, сотни сидений и солидный участок деревянной ограды мгновенно вспыхнули, посылая в недвижный воздух клубы дыма. Пока фонтаны черного пепла щекотали ему ноздри, дракон с довольным видом хихикал. «Как же все это славно, — думал он. — Просто восхитительно!»

Впервые в жизни дракон ощутил сильнейшую, всеподавляющую страсть к поджиганию. Внезапно все в поле его зрения стало кормом для пламени — и ряды сидений обратились в стопы голубой, медленно горящей бумаги.

Никогда ничего подобного не случалось. Настоящему огню в Измерении Глав недоставало именно этого жизненно важного ингредиента — разрушения! Все прилагательные в самом толстенном тезаурусе недостойны были даже держать свечу перед хлещущими языками пылающих углеводородов! Не важно, что там говорили — буквальная Реальность вовсе не была реальной вещью.

Дракон с наслаждением вобрал в себя весь шипящий пейзаж, спрыгнул с каменной кладки к восходящим потокам теплого воздуха, им же самим сотворенным, и пустился в неуправляемое буйство горючего хаоса, пылающих зданий, горящих башен, цветастых флагов.

С выражением на морде еще более зловещим, чем мрачная усмешка игуаны, еще более пугающим, чем невеселая ухмылка крокодила, дракон запрокинул голову, выбросил в небо еще один язык пламени (поджарив целый клин гусей, трех воробьев и до-

нельзя озадаченную сову), после чего в совершенно буквальном смысле взревел от смеха.

Пиромания вырвалась на волю.

Звучный безошибочный шлепок влажной рыбины, силящейся выхватить последние глотки кислорода из каменной плиты, огласил заброшенные полночные просторы кухонь Императорского Дворца Кранахана. Как ни прискорбно, но этому хлопанью хвостом и плавниками стремящегося на свободу лосося сегодня суждено было закончиться еще одной рыбьей трагедией.

Дристан Мотобол, королевский рыбный шеф-повар, схватил задыхающуюся рыбину, пухлыми белыми пальцами крепко сжимая ей хвост, и с размаху опустил голову лосося на заляпанную кровью плиту. Хлопнуть. Разрезать. Выпотрошить. Приготовить филе!

Повсюду вокруг Дристана тысячи ракообразных, моллюсков и рыбин забулькали вздохами облегчения в своих баках, в очередной раз избегнув тарелки.

Мотобол вытер руки и пробежал пальцем по списку справа от себя. Полдюжины крупных омаров. Обернувшись к большому баку у себя за спиной, он ухмыльнулся:

— Так-так, омарчики, пожалуйте-ка к дядюшке Дристану! Шесть добровольцев прошу сделать один шаг вперед!

Ракообразные колокольчики тревоги зазвенели по всему баку, пока повар подбрасывал топливо в огонь под кипящим кухонным котлом, закатывал рукава, проходил вдоль края низко подвешенного бака с улитками и двигался к омарам. Те метнулись в поисках укрытия, сражаясь за то, чтобы спрятаться один под другого. Тем временем крабы, креветки и улитки в соседних баках выстраивались рядами, чтобы понаблюдать за потехой. Дристан тоже наблюдал. Его стареющая туша выгягивалась, пока он наслаждался процессом вылавливания омаров, водя руками по баку и хватая перепуганных десятиногих, которые отчаянно старались убраться из пределов досягаемости.

— Идите-ка сюда, мои маленькие паразиты! Разве вам не хочется чудесной теплой баньки? А потом вы будете выглядеть просто очаровательно — все такие розовенькие и деликатесные!

Огромный самец ухватился за короткие пальцы, что болтались перед его клешнями, передавливая пухлую розовую плоть, радостно сопровождаемый булькающими пузырями ракообразной поддержки.

Мотобол дико заверещал, выдергивая руку из бака и вытаскивая омара на поверхность. Отпустив свою хватку за считанные миллисекунды до того, как его бы схватила другая рука повара, омар плюхнулся обратно в бак под восхищенное щелканье десятиногих аплодисментов, а также под кокетливое помахивание бесчисленных дамских глазных стеблей. Этот омар мгновенно стал народным героем.

Мотобол, обретая тот самый багровый оттенок, возможности обрести который омар на какое-то время лишился, с жалобным повизгиванием принялся сосать тяпнутый палец.

— Дристан Мотобол? — в вежливой, но твердой манере спросил голос от двери.

— М-м... угу. В-вам чво? — донесся сдавленный отклик от пульсирующего болью мизинца.

— Мы с коллегами представляем ежемесячник «Советы моллюсководам», — солгала облаченная в индиго фигура. — Простите, не могли бы мы обменяться несколькими словами?

— М-м... пжалста.

— Э-э, а без пальца будьте добры!

— Ах, извините. С радостью! Вот видите, какова одна из опасностей быть шеф-поваром по приготовлению омаров? — сказал Мотобол, вынуждая себя на веселость и потирая палец, после чего он обошел вокруг края обширной зоны хранения улиток. Баки в этой зоне были расставлены на ряде идущих вниз ступенек, так что вода перетекала из одного в другой, а последний буквально кишел улитками и был установлен прямо на полу. — Что это еще за грохот? — спросил Мотобол, когда от коленей другого репортера стал доноситься жуткий лязг.

— А, это! Не обращайте внимания. Он просто сразу же регистрирует все происходящее на современном переносном печатном станке. Итак, вот что нам хотелось бы сделать. Нам бы хотелось рассмотреть один день в жизни Дристана Мотобола с особенным вниманием к обращению с морскими улитками и их хранению.

— Отлично, отлично!

— Вот и хорошо. А теперь не смог бы я провести с вами интервью, стоя у бака с улитками, чтобы вот этот наш иллюстратор смог делать зарисовки, пока мы будем разговаривать?

— Конечно! А где мне лучше встать?

— Чуть-чуть назад, — сказал иллюстратор в индиговом одеянии. — Еще немного, — добавил он, устанавливая мольберт. — Нет, прошу прощения. Мне вас не охватить. Еще чуть-чуть назад.

— Но теперь я уже у самого края бака.

— Да, будьте особенно осторожны. Так-так, самую малость назад. Почти то, что нужно. Еще чуть-чуть.

— По-моему, я соскаль...

— Вот, идеально!

Целую вечность, как показалось трем репортерам из еженедельника «Советы моллюсководам», туша Дристана Мотобола качалась на краю катастрофы. Руки его махали точно ветряные мельницы, пока он хватался за воздух, пытаясь избежать неизбежного. Однако, получив самый что ни на есть легчайший толчок от Спирохета, Дристан переступил наконец через грань равновесия и рухнул назад, мгновенно исчезая под бурлящей массой черных раковин. Голова повара лишь раз вырвалась на поверхность, но Спирохет тут же подступил к нему, чтобы оказать небольшую помощь несметной своре улиток. Свора эта внезапно получила редкостную возможность свершить возмездие над убийцей многих поколений ее отцов и дедов, братьев и сестер, двоюродных и троюродных родственников...

Подошва ботинка Спирохета несколько нелегких мгновений покоилась на самом верху блестящей лысины Дристана Мотобола, готовящегося стать бывшим рыбным шеф-поваром Кранахана. Дождавшись, пока бульканье прекратится, Ревностно Восторженный окончательно удостоверился в том, что улитки отлично преуспеют в своем массовом удушении.

— Думал, он никогда не утонет, — проворчал Клистир, убирая свой мольберт.

— А я полагаю, на этой кухне скоро состоится повышение, — самодовольно заявил Спирохет, прикалывая небольшой кусок пергамента к баку с омарами. — Ха-ха! Еще одно чудо! Все и впрямь очень загадочно порой выходит.

Трое мужчин тихо выскользнули из помещения, оставляя за собой одну жизненно важную улику.

Надпись на пергаменте гласила:

Он сам упал?
Или его подтолкнули?
С любовью и поцелуями,
Экспроприатор

— Но ведь в Рингилле нет никаких драконов! — выдохнул Пузына, все еще не отдышавшись после руководимого Кур-

геттой лихорадочного марш-броска к ее излюбленной тайной поляне.

— Тогда как бы ты назвал такую тварь? — рявкнул Фиркин, указывая на золотистого ящера, парящего и исторгающего языки пламени в клубах дыма, что поднимались от Двора Повешения Рингилльского замка. — Может, эльфом? Или безумной феей?

— Если я закрою глаза, он исчезнет? — умоляюще спрашивала Донна из-за большого дерева.

— Но драконов не существует!

— Не существует, — согласился Фиркин, игнорируя Донну. — Может статься, это просто светлячок-переросток или... ну, скажем, слишком большой василиск.

— Се ящер огнедышащий, — настаивала Кургетта, сжимая Эксбенедикт. — Великий, летучий! Се дракон!

— Но драконов не существует! — повторил Пузына, а голова у него тем временем шла кругом. Причем прежде всего он недоумевал, что такое стряслось с Кургеттой.

— Послушай, я знаю, что драконов не существует, и ты знаешь, что драконов не существует. Подожди здесь, пока я пойду и спрошу самого дракона, говорил ему об этом кто-нибудь или нет! — съязвил Фиркин.

— Не валяй дурака! — рявкнул Пузына.

— Да посмотри же ты правде в глаза! — разбушевался Фиркин. — Ты что, думаешь, весь этот огонь, дым и прочая ерунда просто от того, что где-то у кого-то подгорела сковорода? Это сделал дракон. Д-р-а-к...

— Но откуда? — взмолился Пузына.

— Откуда? — стал насмехаться Фиркин. — Знаешь, бывают папы-драконы и мамы-драконы. И вот они иногда...

— Коли не способен ты с толком речь вести, уста свои сомкни! — гаркнула Кургетта.

— Да все вы тут чушь несете! Вот ты, Кургетта, например. Что у тебя за выражения? Ты что, головой о мусорный бак ударилась? — взвыл Фиркин, бросая гневный взор на рыжеволосую девушку, яростно размахивающую мечом.

— Ты чушь речешь! — окрысилась Кургетта, и в ее бурлящем мозгу тут же возник образ Фиркина, прикованного цепями к ограде и с кляпом во рту. — Темница разуму твоему урон нанесла.

— Мусор из башки вытряхни! — отозвался Фиркин.

Последовал краткий звериный рык, вспышка бешено крутящегося меча, и Фиркин вдруг понял, что лежит на спине, а в четверти дюйма от кончика его носа покачивается жуткое острие Эксбенедикта.

— Сим интересуюсь, что за речи ты вел? — небрежно осведомилась Кургетта, небрежно раздувая трицепсы.

— Мм... э-э... я говорил про мусор... в общем и целом... в тюрьме этого мусора навалом было, — захныкал Фиркин. — Эту тюрьму не мешало бы почистить.

— А больше в речах твоих ничто не таилось? — поинтересовалась Кургетта, пылая зелеными глазами.

— Н... н-нет. Совсем! — залебезил Фиркин. — Все отлично. Просто валяй дальше. Как хочешь, так и говори. А на меня внимания не обращай.

Прикусив губу, Кургетта сняла высокий сапог с груди Фиркина.

— Но если они существуют, откуда они взялись? — спросила Донна, указывая на стофутового золотистого дракона, что парил над Рингиллом.

Фиркин неловко топтался, стряхивая отметку грязной подошвы со своей груди.

— А чего ради мы вообще тратим время на всякие рассуждения о том, откуда берутся драконы, когда нам просто надо пойти и поговорить с Клайтом о сожжении Миддина? — стал настаивать он.

— Может статься, это сделал дракон, — неохотно проворчал Пузына.

Незримое ни для кого микроскопическое помигивание вдруг возникло в пятнадцати футах над головой Пузыны. Искорка покачивалась, ориентируясь в странном новом окружении и борясь с воздействием силы тяжести.

— Так ты хочешь сказать, что намерен вернуться туда? — с дрожью выговорила Донна, отмечая слова Фиркина и нервно поглаживая шею. — Если дракон тебя не спалит, то Холостец точно повесит!

— Клайт не там, — самодовольно ответил Фиркин.

— Тоже удачное замечание, — отозвалась Донна. — Будь он там, его бы малость поджарило.

— Драконы — вымысел! — заявил Пузына словно бы самому себе, цепляясь за что-то на задворках своего разума. Крошечная световая искорка метнулась вниз к карману Пузыны, юркнула в темноту и червем проделала свой освещенный путь в темные недра книги, которую она там нашла.

— Мы должны пойти и увидеться с Клайтом! — бушевал Фиркин. — Мне от него нужны кое-какие ответы!

— Драконы — действительно вымысел! — повторил Пузына, тщетно пытаясь подтвердить для себя тот факт, что он неподвижно глазеет на стофутового пироманьяка, сжигавшего все, что попадало в поле его зрения.

Освещая почти опорожненную книгу подобно заляпанному грязью археологу, вторгающемуся в египетскую гробницу, световая точечка затаила дыхание, уставившись на то, чему предполагалось быть Хитрином. Затем искорка испустила вопль в малую долю децибела, словно ей открылось некое жуткое зрелище. Она помнила, что Хитрин был уродлив, но таким ужасным он никогда не был. Хватаясь за то, что походило на ее крошечный невесомый живот, световая точечка метнулась отсюда в искрящемся ужасе.

— Он должен дать кое-какие объяснения по поводу Миддина! — продолжил Фиркин.

Кургетта нахмурилась. Ладони ее были скрещены на рукояти меча.

Искрящийся центр сознания Мерлота ворвался в бок гиганта Пузыны и забарабанил в дверь его мозга. Вопя и колошматя со все нарастающей тревогой, пока микроскопические огоньки отлетали с ее поверхности, искорка все же оказалась совершенно неспособна оповестить о своем присутствии. Выскочив из затылка Пузыны и невольно приняв несколько смутно заметных положений, она метнулась вперед в искристом эквиваленте полновесного удара в плечо.

— Драконы — вымысел! — выкрикнул Пузына, хлопая себя по загривку. — Ох-х! — простонал он. И тут у него в затылке все-таки произошло соединение. Соединение, о котором ему, скорее всего, лучше было не думать.

— Да-да! Это мы выяснили уже столетия тому назад! — раздраженно проворчал Фиркин. — Если помнишь, мы сейчас говорим о Миддине, пепле и о том, где найти Клайта.

Пузына оторвал свое внимание от дракона и уставился на Кургетту.

— Где ты взяла этот меч? — внезапно спросил он.

— Там. — Кургетта со значением указала в сторону деревьев.

— Хочет ли кто-нибудь из вас узнать, где Клайт? — пожаловался Фиркин трем парам глухих к нему ушей.

— И он просто там лежал, тебя дожидаясь? — продолжил расспрос Пузына, видя вещи в странно ином свете. В холодном рассветном свете новой идеи.

— Нет. Вышло так, что не иначе как добрая удача от смерти лютой меня избавила! От того, чтобы напополам меня разрубило! Он на меня упал!

— С дерева? — осведомился Пузына.

— С меч-дерева? — начал иронизировать Фиркин. — Слышал я о меченосцах, о меч-рыбе, а вот о меч-дереве я ничего не слышал! Так как насчет Клайта?

— Нет, — ответила Кургетта, игнорируя замечание Фиркина. — Сей меч упал с неба!

— И ты честно пытаешься мне сказать, что этот меч просто с неба свалился? — недоверчиво спросил Пузына. Корона новой идеи сияла желтизной, пока она проделывала свой путь по его умственному горизонту. Лучи вдохновения озаряли темный ландшафт загадочной неизвестности.

Кургетта молча кивнула и почти любовно похлопала по кожаной рукояти.

— И ты ждешь, что мы в это поверим?

Кургетта снова кивнула:

— Да. Суть правда истинная.

— А бирки с именем случайно на нем нет? — осведомился Фиркин. — Наверняка кто-то его обронил! Слышал я, что с неба громадные воющие камни валятся, даже рыбы, но никогда не слышал, чтобы падали четырехфутовые, усыпанные самоцветами палаши! Мы попусту тратим время. Клайт...

— Се знак! — вероятно, в сотый раз принялась настаивать Кургетта. — Судьба ведет, а я следую!

— Не болтай чепухи! — рявкнул Фиркин. — Ты подбираешь меч в середине леса и вдруг — трах-тибидох! — начинаешь думать, что ты спасительница Вселенной.

— Сей меч сверху упал!

— И, надо думать, тебя по башке приложил! — проворчал Фиркин.

— Не приложил!

— Приложил!

— Нет!

— Да-да-да...

— Да заткнись! — рявкнул Пузына.

— Не приложил, — прошептала Кургетта.

— Вы оба заткнитесь! — прорычал Пузына, хмурясь на спорщиков. — Дайте мне на все это толком взглянуть!

— Этим ты позже сможешь заняться! — рявкнул Фиркин. — Мы тратим время! Нам Клайта надо увидеть!

Пузына повернулся, пригвождая Фиркина к месту той самой разновидностью предельно твердого взгляда, которой в один прекрасный день предстояло сделать неуклюжего медвежонка очень знаменитым.

— Если мои подозрения верны, никакого позже может уже не быть! — Фиркин, несмотря на иное и более совершенное, как ему казалось, суждение, побледнел и заткнулся. Здесь явно происходило что-то неладное — ОНИ говорили ЕМУ, что делать.

Взор Пузыны заскользил вверх-вниз по оружию, изучая эфес, разглядывая надписи, выгравированные на рукояти и лишенные всякого ключа к их смыслу, восхищаясь превосходной работой. Кроме того, Пузыну преследовало странное ощущение, что этот меч ему знаком. Он протер ладонью всю длину клинка и внезапно испустил вопль.

Кургетта в страхе уставилась на его руку.

— Вот! Смотрите, смотрите!!! — орал Пузына.

Фиркин вгляделся поверх его плеча:

— Что? Я ничего не вижу.

— Вон там! Это именно то, о чем я подумал!

— Кроме каких-то кусочков камней, я ничего там не вижу, — проворчал Фиркин. — Брось ты эту ерунду. Идем.

— А откуда взялись эти кусочки камней? — спросил Пузына. — Из куска большого камня! — ответил он сам себе, не делая паузы для очередного иронического замечания Фиркина насчет взаимоотношений камней-пап и камней-мам. Теперь, когда у него было ощутимое свидетельство, его разум буквально летел. Задыхаясь от усилия, объяснительное сознание Мерлота пыталось напомнить Пузыне о книжном черве у него в кармане.

— Ну и что? — осведомился Фиркин, крайне обиженный тем, что его в очередной раз проигнорировали.

— А то! Этот меч был помещен в камень. И, если я не ошибаюсь, еще и в наковальню! — закончил Пузына.

— Ты судишь неверно, — защищалась Кургетта. — Сим мечом я токмо дерево и канаты рубила!

— Нет-нет! Я не о тебе. Я имею в виду то время и место, где он был, прежде чем ты его нашла, — горячо возразил Пузына. Правда буквально бурлила внутри него, готовая выплеснуться.

— Сей меч в сыру землю вошел, — упорствовала Кургетта.

— Пузына, ты неправ! — рявкнул Фиркин, чье терпение уже лопалось. — Нам надо поговорить с Клайтом, а не какое-то оружие изучать. Давайте пойдем в Кра...

— Не понимаю, — призналась Донна, начиная понимать, что здесь что-то капитально не так.

— Зато я понимаю! — заявил Фиркин. — Он спятил. Совсем свихнулся!

— Послушайте, мне что, нужно это напрямую, вслух произнести? — взорвался Пузына. Для него закоулки и трещинки загадки омывались вдохновляющим светом.

— Да!

— Этот меч был в камне и наковальне! Как, знакомо звучит?

— Ты речешь о том, что сей меч в моей длани... — начала Кургетта, пораженная благоговейным ужасом.

— Да! Этот меч у тебя в руке — Эксбенедикт!

— А, брось! Тот только в сказках и существует, — отмахнулся Фиркин.

— Вот именно! — отозвался Пузына. — А драконы откуда берутся?

— Ах! Ч-черт...

— Но разве это не дьявольщина? — спросила внезапно озабоченная Кургетта, разглядывая оружие уже совсем в другом свете.

— На самом деле я не знаю, — признался Пузына, тряся головой так, словно глубоко внутри нее что-то отчаянно чесалось, — хотя... хотя... — запинался он, закрывая глаза, чтобы сосредоточиться. Искрящееся сознание Мерлота вспыхивало, колошматило и на чем свет стоит проклинало медлительность нейронов Пузыны. — Пожалуй, я знаю одного книжного червя, который может что-то об этом знать, — наконец-то закончил он.

— Конечно! — прошептала Донна.

Осторожно, почти благоговейно Пузына вынул из кармана измочаленный экземпляр «Чиновника леди Люттерлей» и раскрыл его.

— Хитрин, Хитрин, — нежно позвал он, прекрасно памятуя о том раздражении, которое может охватить книжного червя длиной в три четверти дюйма, если он проснется не на той стороне лис-

та. — Хитрин! — воскликнул Пузына затем, глазея в книгу с широко разинутым ртом. Вместо знакомого нежно-зеленого тельца с большими глазами, корчащегося на странице и хитровато на него поглядывающего, он узрел тот тип уродливого бурого объекта, который страдающая запором амморе́ттанская ящерица-убийца вполне могла долго и упорно стараться извергнуть. Объект скорчился в углу книги, так поблескивая, словно бы даже затвердел.

— Ну что, можем мы теперь идти в Кранахан? — бессердечно спросил Фиркин.

— Заткнись! — одновременно рявкнули ему Пузына, Кургетта и Донна.

Никем не замеченная, крошечная белая точечка сознания Мерлота стрелой вылетела из левой ноздри Пузыны, понеслась вверх и исчезла.

Все это было очень скверно. Мерлоту предстояло порядком запачкать руки в реальности.

Быстрые беспорядочные шаги слышались в черной пустыне Двора Повешения Рингилльского замка, где двенадцать не верящих своим глазам осужденных преступников дружно ухмылялись Свободе, прижимали омытые слезами лица к ее материнскому фартуку, после чего разворачивались и уносились во всех возможных направлениях, исчезая раньше, чем тяжелые рукавицы черных стражников получали шанс их задержать.

Здоровенная туша Холостеца по прозвищу Висельчак безутешно рыдала и рвала воображаемые волосы на кожаном подшлемнике, пока палач дико верещал при виде обугленного пустыря. Он намеревался произвести фурор, но не кто иной, как дракон, его бесцеремонно обставил!

Внезапно, подобно киту-убийце, извергающемуся из черного моря, из-под груды сажи вырвался Винц. Поднимающиеся вокруг него черные облака соперничали с предельно непристойными проклятиями. Вокруг колдуна в лужицах перекипевших зелий валялись осколки стекла. Одна из лужиц содержала последние остатки всего его запаса уникального средства для удаления бородавок!

Винц испустил дикий вопль ужаса, когда вдруг понял, что его магический жезл пропал. А также его книга — громадный том в кожаном переплете, «Древний альманах колдовства, магии и тому подобнаго».

Паника заструилась внутри Винца, и считанные мгновения спустя на месте высокого, сильно закопченного человека возник дикий смерч летающих обломков горелого дерева, черных облаков сажи, пока он ломал ногти и напрягал мышцы в лихорадочном поиске. Фонтаны черных скелетных балок взлетали над головой Винца по мере того, как он, подобно бешеному моржу, пропахивался сквозь разрушения, готовый встретить любой тупик, опрокидывая опоры и поднимая все новые облака сажи.

Затем, совершенно внезапно, Винц остановился. Прямо перед ним, отрытая из-под земли подобно древнему зубу какого-то давно вымершего ископаемого, лежала книга. Фонтаны облегчения потушили пожары паники, когда колдун увидел, что фолиант по-прежнему практически не поврежден. Древний кожаный переплет был целехонек, если не считать легкой отметинки ожога на корешке, а также того, что немного сажи втерлось в золотое тиснение.

Винц протянул руку к книге. И дико завопил.

Прежде чем его рука успела дотронуться до тома, тот буквально взорвался огнем. Пламя взметнулось к небу, по дороге хватая Винца за бороду.

— Моя книга! — заорал он, дикими глазами упираясь в крошечное инферно и стягивая с себя плащ, чтобы потушить пламя. Когда Винц с развернутым плащом прыгнул вперед, точно какой-то стигийский тореадор, готовый к убийству, дикий писк вдруг вылетел из огней. Затем наружу высунулся клюв, захлопали золотистые крылья — и обтекающая влагой птица по восходящему тепловому потоку воспарила ввысь. С резким пшиком пламя само собой улеглось, оставляя на земле небольшую кучу лечебных трав и специй. Тогда птица снова села на книгу.

Феникс распростер свои реинкарнированные крылья, щелкнул клювом и зевнул, левым указательным когтем почесывая брюшко. Винц застыл в неподвижности, не способный поверить в то, на чем его потрясенные глаза отчаянно настаивали как на правде. Перед ним сидел феникс. Настоящий, живой, всамделишный феникс, готовый к новой печи. Пять тысяч лет проживший на полке, обязанный саморазрушиться и воскреснуть на собственном погребальном костре под аккомпанемент мелодичной панихиды. Чистый, прелестный и приученный не гадить в храме, ваш всего за...

Винц нагнулся и выхватил книгу из-под зевающей птицы, пока та изучала свое вновь возрожденное тело, выпячивая грудь и при-

нимая различные позы, подобно смазанному свежим жиром бодибилдеру, наслаждающемуся самолюбованием. Феникс возмущенно вскричал, когда его так нагло потревожили, и взлетел. Винц баюкал «Древний альманах колдовства, магии и тому подобнаго», гладя его и воркуя, точно это был какой-то маленький пушистик, которого он только что лично вытащил из мешка с камнями в бурной реке.

Винц не мог всего этого осмыслить. Книга по-прежнему оставалась неповрежденной и так же готовой к использованию, как и всегда.

Феникс похлопал крыльями в сторону, затем поймал под каждое крыло по восходящему тепловому потоку и воспарил ввысь, чтобы досаждать там немногим голубям.

А на поляне Рингилльского леса, размещаясь в книге, что была засунута в карман камзола (от главы 5-й по 76-ю включительно), маленькая коричневая куколка корчилась, словно восстанавливаясь от очень тяжелого приступа лихорадки.

«Все нормально, — сказал себе Хитрин, — не о чем беспокоиться. Приступы лихорадки во времена перемен — самое обычное дело».

В восьмидесяти пяти футах под осыпающимся пиком башни Мартелло две фигуры были глубоко поглощены своими тайными операциями. Никто не знал, что они там. Собственно говоря, со времен введения в действие королевского указа за номером 538, который запрещал простолюдинам Кранахана глазеть на что-либо выше лица короля, никто вообще не знал, что эта башня там есть. Не считая обитавшей в ней стаи сов.

— Я подумал, что вам и впрямь сстоит на это взглянуть! — уже в третий раз за этот вечер сказал Влад, указывая поверх телескопа на вершины Тальпийских гор.

— Что может быть важнее вот этого? — вскричал Фиск, хлопая рукавицей по недавно уворованному экземпляру «Кранаханского вестника» (вечерний выпуск).

— Именно об этом я и пытаюсь вам сс...

— Кто-то воспользовался моим именем! Да как они посмели?

— Я подумал, что вы найдете это ещще более интересным, ччем убийсство! — прошипел Влад, возвращая свой водянистый глаз к окуляру телескопа и вглядываясь с верха дозорной башни.

— Меня и рядом с этим рыбным поваром не было! Я к этому никакого отношения не имею! — заорал Фиск. При этом его сильно озадачивало уникальное чувство протеста в связи с невиновностью в преступлении, которого он не совершал.

— Раззве атмоссффера там не горячча? — прошипел Влад, сосредоточиваясь на новом языке пламени, извергнувшемся в темнеющее небо.

— Кто-то пытается нагло меня подставить! — прорычал Фиск, сминая пергаментную газету меж скрипящих рукавиц. — Но кто? Чего они добиваются? Кроме смерти! — возмущенно заорал он, барабаня по подлокотнику кресла, так что грохот заметался по круглому наблюдательному залу. Уже прислушавшись к этому, легко было определить, что Фиск не пребывает в своем обычном состоянии холодной расчетливости. Внезапное усиление скрипа кожаных рукавиц, удвоение темпа резких постукиваний стальными колпачками на пальцах ног и более резкие выдохи меж скрежещущих зубов, а также слишком широко разведенные в злобном оскале губы составляли что-то вроде подсказки.

— Что там происходит? — риторически проревел Фиск. Многие годы опоры на похищенные пергаментные газеты, выхваченные обрывки разговоров и на краткие взгляды сквозь дыры в картинах или через односторонние зеркала в конечном итоге скверно его подводили. Происходили вещи, о которых Фиск ничего не знал, — если не считать возмутительных слухов и едва слышных шепотков. Его железная хватка за народ Кранахана соскальзывала. Фиск это чувствовал. Люди уже не так его страшились. Они уже не уделяли ему того уважения, которого он заслуживал. А теперь кто-то воспользовался его именем для убийства! Это уже было предельное оскорбление!

— Что происходит? — снова прорычал Фиск сквозь скрипящие зубы. Просто удивительно было, что на них все еще оставалась эмаль.

— Яззыки пламени! — прошепелявил Влад сквозь два передних резца.

— Какого такого «пламени»? — рявкнул Фиск, внезапно услышав слова вампира.

— Ну, горяччие шштуки, горят там, горят...

— Что? Где? Дай сюда! — заорал Фиск, отшвыривая уже порванный на куски «Кранаханский вестник» в другой конец зала и выхватывая телескоп из бледных, холодных рук Влада.

— Никакого пожара я там не вижу! — тут же пожаловался он, внимательно вглядываясь в небольшой окуляр.

— Э-э, а как нассчет наглаззной повяззки? — напомнил Влад.

— Проклятье! Не будь таким занудой! — завизжал Фиск, меняя глаза на окуляре и недоверчиво моргая. Далеко за Тальпийскими горами, в нескольких сотнях футов над тем местом, где должен был находиться Рингилльский замок, висела стремительно расширяющаяся пелена плотного черного дыма.

— Поверить не могу! Что происходит? — Не отрывая глаза от окуляра, Фиск повторил свой вопрос: — Что происходит?

— Быть можжет, ежжегодный праззднык с приготовлением шшашшлыков? — охотно предположил Влад.

— Нет... скорее похоже на бунт... или на осаду... Или... — Фиск внезапно оторвался от телескопа, поморгал, потер глаза и стал смотреть снова, качая головой в полнейшем недоумении.

— Я мог бы поклясться, что только что видел... Нет! Не может быть! — вдруг вскричал он. — Один из языков пламени. Его выпустил...

— Кто, ччто?

— Нет! Я слишком много работал... да, это он!

— Кто?

Качая головой и выглядя бледнее обычного, Фиск схватил Влада за голову, приставляя его глаз к телескопу.

— Что ты там видишь? Перечисли мне все, что ты там видишь! — Возбужденная настойчивость в голосе Фиска заставила Влада тут же повиноваться; такого тона он еще никогда не слышал.

— Сстолбы пламени выссстреливают в небо... и дым... и... э-э...

— Что? Что?

— ...э-э... много гор...

— И больше ничего? Там, в воздухе? — умолял Фиск.

— ...найн, абер... ох-х!..

— Ты его видишь? Видишь?

Влад отвернулся от сцены огненного разрушения.

— Это... это... — силился выдавить он. — Это же дракон.

— Но в Рингилле нет никаких драконов!

— Поххожже, от Рингилла вообщще не так много осталоссь, ччтобы там были ещще какие-то драконы!

— Что он там делает? — завопил Фиск, не обращая внимания на Влада.

— Ж... ж... жжет, по-моему! — с энтузиазмом прошипел Влад, глазея на большой пожар через телескоп. — Сжжигает Рингилльсский ззамок дотла...

— Верно, верно!

— Уничччтожжает вссе... выжжигает зземлю... ссеет ххаосс...

Взор Фиска сделался холодным и твердым, пока он слушал Влада и думал о будущем. Внезапно он смог это будущее увидеть. Здесь был выход из его потаенного существования. За какое-то мгновение Фиск сумел увидеть путь вперед. Дракон предлагал тропу к новому и совершенно чудесному будущему — такому, в котором страх перед королем Хардином останется чем-то в туманном и далеком прошлом. И в котором люди воздадут ему, Фиску, даже больше уважения, чем он заслужил, — или они умрут!

— Вот он! — прорычал Фиск, ломая руки в симфонии скрипящей кожи. Его физиономия буквально расцветала злобным оскалом, к которому она за последние несколько месяцев разочарований уже стала непривычной. — Вот! Это он!

— Кто? — прошипел Влад, совершенно озадаченный.

— Мой шанс. Моя возможность. Это идеально. Просто идеально. Пора двигаться! — Выбежав из дозорной башни, Фиск бросился вниз по спиральной лестнице к своей подземной тронной зале для того, что, как он вдруг почувствовал, могло стать одним из последних его там пребываний. Если вообще не последним. Он помедлил только за тем, чтобы забрать из маленькой кладовки пузатую глиняную бутыль, большую плетеную корзину и банку белил.

Фигура в саксафранной мантии и соответствующей остроконечной шляпе, дремавшая на небольшой скамье — одной из сотен, расставленных вдоль желтой асфальтовой дороги, — внезапно села прямо, вскочила и бросилась бежать к своей хижине. Коричневая сова, что наблюдала с ближайшего дерева, удивленно и не слишком благородно запищала, после чего бросила останки недавно пойманной полевки и захлопала крыльями вслед за стремительно удаляющимся волшебником.

— Я голодна, — пожаловалась Донна. Она произнесла это, пожалуй, уже в пятнадцатый раз примерно за столько же минут.

— Заткнись и следуй за мной! — рявкнул Фиркин, бросая огненный взор на сестренку, пока они пробирались по лесу вокруг пылающей громады Рингилльского замка.

Мелькающие силуэты людей разбегались в миллионах разных направлений, швыряя через стену ведра с водой из рва в жалкой попытке сдержать пламя.

Телеги, овцы, кони и все разновидности охваченных паникой рингилльцев мощным потоком изливáлись в главные ворота и устремлялись через подвесной мост. И все это время дракон-пироманьяк ревел от смеха, снова и снова налетая и испепеляя все, что было хоть отдаленно воспламенимо.

— Ты уверен, что нам следует идти в Кранахан? — нервно спросил Пузына.

— Конечно! Разве ты не слышал, что говорил Холостец? Клайт в Кранахане, — уверенно заявил Фиркин, которому не терпелось двигаться дальше. — Вот почему его не было на повешении!

— Но это многие мили! — заныла Донна. — А я голодна!

Стараясь не обращать внимания на Донну, Фиркин взял еще немного вбок и направился в сторону стремительно приближающегося вечернего неба и темнеющей громады Тальпийских гор.

Сквозь постоянный треск пламени, непрестанное бурление котлов с водой, плюющееся шипение жарящихся трупов, три фигуры продвигались неслышно и почти незримо.

Персонал кухонь Императорского Дворца Кранахана был слишком занят лихорадочными приготовлениями, чтобы уделять хоть малейшее внимание трем визитерам. Пусть даже визитеры эти тащили на себе целые акры ярких индиговых одеяний и имели смутно-религиозную внешность.

Три первосвященника Наивозвышенной церкви святого Жмота Неумытого почти по прямой линии шагали через истекающую потом кулинарную сауну, стремясь к одному человеку и нескольким дюжинам угреподобных рыбин, которые содержали в себе ключ к успешному обиранию всего-всего Кранахана.

Сюрпляс, недавно получивший повышение королевский рыбный шеф-повар, ополоснул свой нож для потрошения и атаковал первую связку миног ради приготовления королевского блюда. После внезапной и совершенно неожиданной перемены в его судьбе Сюрпляс стал совершенно счастливым человеком. Радость от занятия положения, которого ему всегда хотелось, буквально его переполняла. И все это потребовало одной-единственной короткой молитвы! Хотя, конечно, все, что произошло с Дристаном Мотоболом, было сущим кошмаром. Какая жалость!

Что именно Мотобол сделал, чтобы навлечь на себя гнев Экспроприатора, не знал никто. «Кранаханский вестник» размышлял, публика строила догадки, но даже малейшей уверенности не было ни у кого. Не считая, разумеется, Спирохета, Херснима и Клистира. И самого Дристана Мотобола. Однако его комментарий по известным причинам был недоступен.

— Благословляю вас, ученик Сюрпляс, — произнес его преосвященство Спирохет Ревностно Восторженный, бодро подходя к лихорадочно потрошащему миног рыбному шеф-повару. — И полагаю, поздравления также будут уместны!

— Ваше преосвященство! — удивленно выдохнул Сюрпляс. — Гм... э-э... простите, что не могу поприветствовать вас со всем должным почтением, но в данный момент я... — он кивнул на свои заляпанные кровью ладони, которые как раз сейчас потрошили не так давно упокоенную миногу.

— Все совершенно понятно, — благосклонно ухмыльнулся Спирохет. — Обустраиваетесь в новом положении?

— Да-да! Знаете, я просто не мог поверить, когда про старину Мотобола услышал, — сказал Сюрпляс, возбужденно избавляя от внутренностей еще одну рыбину.

— Не сомневайтесь в силах судьбы, — наставительно заметил Спирохет, возводя глаза к потолку. — Порой ее пути совершенно неисповедимы!

— Честно говоря, когда я сказал, что «не мог поверить», я просто имел в виду, что был до смерти удивлен...

— Не так до смерти и не так удивлен, как Дристан Мотобол, гарантирую, — шепнул Клистир Херсниму, подталкивая того под ребра.

— Вам следует остерегаться, когда вы говорите о вере, — нахмурился Спирохет, глядя на Сюрпляса и отпуская резкий и точный пинок Клистиру по левой щиколотке.

— Да-да, — забормотал Сюрпляс. — Отныне я буду более осторожен.

— Надменный обормот! — негромко пробормотал Клистир, глазея Спирохету в затылок со злобностью цепного пса, которого ни за что ни про что лягнул проходивший мимо жеребец, и потирая левую ногу правой.

— Итак, не сомневаюсь, что несчастливое отбытие Дристана Мотобола из этого мира окончательно убедит вас в том, что обуст-

роенная загробная жизнь действительно окупается, — елейно произнес Спирохет.

— О да, да. Очень с вами согласен. Я много рассказывал о вас Дристану в тот самый день, когда он... когда его... ну, вы знаете.

— И он заинтересовался?

— О нет! Он вас назвал бандой наглых проходимцев! Сказал, такие в два счета кого угодно обуют. Остерегаться вас посоветовал. Сказал, что такие запросто вытянут из тебя каждый шпрот, который ты даже еще заработать не успел.

Спирохет сильно побледнел.

— Ага! Так-так! Гм. Очень интересно, откуда у него такие нелепые и вздорные представления.

— Понятия не имею, ваше преосвященство, — отозвался Сюрпляс, ловким взмахом поблескивающего ножа небрежно врезаясь в нежное подбрюшье еще одной миноги. — Даже никакого намека. Но он, знаете ли, был сильно не в себе.

— Гм, правда?

— О да! Все об этом знали. Псих, каких мало. Обычно с улитками разговаривал.

— В самом деле? Что ж, я этого никогда не знал.

Сюрпляс обработал еще одну миногу, затем повернулся и посмотрел на Спирохета. С его рук обильно стекала кровь.

— Ну вот. Очень славно было с вами увидеться, ваше преосвященство, и все такое прочее... Но, как вы сами можете видеть, мне еще кое-какую работенку проделать требуется, — рука его обвела поблескивающую трясину рыбного производства. — Могу я вам чем-то помочь?

Следующие несколько дней стали бы куда проще, если бы Спирохет смог мило улыбнуться, обнять Сюрпляса за плечи и сказать:

— На самом деле именно мы позаботились о том, чтобы вы получили эту работу. Мы обвели вокруг пальца Дристана Мотобола и утопили его в баке с улитками. Мы позаботились о том, чтобы никто не увидел объявления в «Кранаханском вестнике», потому что подкупили почтальона, и он его просто туда не доставил. Имея все это в голове, не думаете ли вы, что сейчас вам, так сказать, самое время вернуть нам эту услугу?

Тогда Сюрпляс безусловно бы ответил:

— Вы все это проделали для меня? Ах, как я польщен. Пожалуйста, скажите, что я могу для вас сделать.

Тогда Спирохет нацепил бы на физиономию улыбку горячо любимого дядюшки, вытащил из кармана интересную на вид небольшую бутылочку с белым порошком[1] и вручил бы ее Сюрплясу со словами:

— Позаботьтесь о том, чтобы две чайные ложки этого состава каждый день попадали в еду короля.

К несчастью, реальный разговор пошел совсем иначе, а именно:

— Ах нет-нет! Я... гм-м... то есть мы просто сюда заскочили, чтобы сказать вам, что вы славно продвинулись, и посмотреть, как вы тут обустраиваетесь. Нам всегда приятно слышать, когда наши ученики славно продвигаются в этом мире. Так, ребята?

Херсним и Клистир с огромным интересом кивнули.

— Что ж, спасибо, но...

— А это для самого короля? — вдруг выпалил Спирохет, указывая на миног.

— Да. Все, что я делаю, — для него. Вот что значит быть королевским рыбным шеф-поваром по назначению его величества короля Хардина, правителя Объединенного королевства Рингилла и Кранахана, вождя Единых Кланов, держателя Ежовой Рукавицы и хранителя Факела Тлеющего Возмездия!

— Потрясающе! — прошептал Спирохет в очень профессиональном выражении завороженного интереса. — А что еще влечет за собой должность рыбного шеф-повара?

— На данный момент мое любимое время — это когда поступает целый осетр, и я должен...

Пока Спирохет обеспечивал Сюрплясу идеальную публику, интеллигентную, сообразительную и пытливую, Херсним осторожно подобрался к связке выпотрошенных миног, чьи бесчелюстные колечки ртов разевались в безмолвной пародии на королевское хлебало, которому вскоре предстояло их поглотить. Никем не замеченный, Херсним достал из потайного кармана интересную на вид небольшую бутылочку

[1] Интересную главным образом тем, что бутылочка эта была украшена весьма аппетитной картинкой, где имелся черный череп со скрещенным под ним костями, могильным камнем и гробом в самом низу, а также словами: ЯД — ДРЯНЬ ПРИЛИЧНАЯ.

(см. выше) и небрежно рассыпал ее содержимое по внутренностям и наружностям своих ничего не подозревающих рыбьих сообщников.

Мерлот встал, потер ноющую спину и отступил на шаг, любуясь своей ручной работой. Сложный комплекс прямых, кривых, окружностей и просто каких-то каракулей белого цвета был нанесен на полу его хижины. Затем он взглянул на книгу у себя в руке и негромко хмыкнул.

— Близко, довольно близко! — пробурчал волшебник, нервно потягивая себя за белоснежную бороду и возвращая кусок мела в один из сотен карманов, что таились внутри его мантии. — Немного неровно вокруг дальней магической фигуры, а некоторые линии довольно корявые, но ничего. Сойдет! По крайней мере, я на это надеюсь.

— Я тоже! — поддержал его Арбутус, сглатывая остатки полевки и распушая перья на грудке.

Мерлот схватил с полки большую бутыль, швырнул на пиктограмму пригоршню розового порошка, после чего принялся дико крутиться и визжать, точно безумный дервиш с пляской святого Витта.

Арбутус неугомонно топтался у него на плече. Он уже сотни раз видел, как Мерлот что-то проделывает подобное. Один раз, правда, после употребления слишком большого количества красного вина.

Довольно скоро перышки на лодыжках у Арбутуса зачесались, пока завихряющиеся заклинания Мерлота становились все громче, и холодный, влажный ветер заворошил его маховые перья. Сова внимательно воззрилась на центральную магическую фигуру. Если что-то должно было случиться, то именно там.

Голый деревянный пол немного померцал. Затем без всякого объявления войны стал совершенно черным. Мерлот сделал шаг вперед и исчез. Арбутус заухал, в гневном всплеске бурых перьев поднялся в воздух и метнулся в самый центр пола. Там он закрыл глаза, собираясь с духом для внезапного столкновения с несколькими весьма твердыми половицами. Раздался такой звук, с каким золотая рыбка лопается в микроволновой печи, — и сперва Арбутус, а затем черная дыра в полу исчезли.

— Но это правда, отец! Я действительно видел зелюка! — протестовал Клайт, излагая свое приключение в лесу на еженедельном свидании с королем Хардином.

— Ну, раз тебе так это понравилось... — пробормотал король. На уме у него уже вертелось название для налога, которому предстояло возместить урон, причиненный троллями. «Налог на укрепление рынка?» Нет! Старо...

— ...и там были еще четыре мюмзика, отец! Можешь спросить у моего наставника!

— Ага, ага... — «Налог на послетроллевую реконструкцию рыночной площади»? Гм-м.

— Нам пришлось оттуда бежать!

— Хорошо, хорошо. Бегать полезно. В здоровом теле здоровый дух. Очень хорошо... — Просто «Тролльский налог»? А, чепуха. Хрен с ним, с названием. Сколько он примерно должен составлять? Еще пять шпротов?..

— Раньше я никогда не видел настоящего мюмзика.

Итак, решено — двадцать один шпрот. С каждого.

Внезапно дверь распахнулась и туда влетел Черный Эбенит, потея и задыхаясь как человек, который только что пробежал четырнадцать пролетов спиральной лестницы, выдал спринт на три четверти мили по коридорам, промчался восемь лиг по полевым укреплениям и попытался затормозить на скользких каменных плитах коридора, чтобы принести королю неотложные дурные вести. Собственно говоря, именно так все и было.

— С-сир... я... я... фрр... — задыхался Эбенит, жадно хватая воздух и панически размахивая руками.

— Что случилось, приятель? Почему без стука? — проревел король, оторванный от приятных мыслей о дополнительном налогообложении.

— Ну и ну, папа! Это такая игра? — спросил Клайт.

Король Хардин гневно развернулся к сыну.

— «Сир» или «ваше величество», будь любезен! — прорычал он. — Мы не одни! — Затем он повернулся обратно к задыхающемуся Эбениту. — Давай, приятель. Шевели языком!

— Пхх... ффу... — задыхался Эбенит.

— Может, буква «л»? — спросил Клайт. — Или «к»?

— Пхх... — продолжил раскрасневшийся Эбенит, болтая пальцами в воздухе и указывая на Тальпийские горы в сторону Рингилла.

— Может, «ф»? — предложил Клайт.

— Молчать! Это важно! — рявкнул Хардин, пытаясь постичь природу выдыхаемого Эбенитом донесения.

Командир бросил попытки совладать со своей речью и принялся лихорадочно указывать из окна.

— Что за черт! — заорал Хардин, увидев на отдалении дым. — Нас атакуют? — рявкнул он на Эбенита.

— Х-ху...

— Вызови стражников! Подними армию! Прикажи отразить атаку... Что?

Эбенит мотал головой.

— Армию не надо?.. Так нас не атакуют?

Эбенит, по-прежнему задыхаясь, кивнул.

— Тогда ладно. Все на боевые посты. Объявить тревогу!.. Слушай, так атакуют нас или нет? — гаркнул король, увидев, что Эбенит дико мотает головой. — Атакуют? Тогда почему не надо поднимать армию?

Вместо ответа Эбенит снова указал из окна. Он хлопал руками, закатывал глаза и раздувал ноздри.

— Ага. Пожар. Понимаю...

Эбенит ребром ладони ткнул себе в горло.

— Тебя тошнит? Тебе плохо? Что, чума?

Внезапно Клайт завопил от изумления, внимательно проследив за жестами Эбенита.

— Смотри, там дракон. Дракон!

— Не перебивай! Это дело государственной важности! — рявкнул Хардин.

— Но ведь я принц! — отозвался Клайт.

Голова Эбенита за спиной у короля энергично кивала.

— Да, гм-м... Тогда это взрослое дело государственной важности... что ты сказал? Дракон?.. — Король чуть не вырвал окно из рамы, когда высунул в него голову и уставил до смерти перепуганный взгляд в сторону гор. — Это др-р... драк...

Эбенит кивнул, развел руками и понесся прочь из комнаты на пятках у Хардина, пока дракон ревел от смеха, пыхал огнем и парил над Рингиллом.

Маленький бурый воробушек украдкой попрыгал по беспорядочной куче мертвой листвы на поляне Рингилльского леса, заприметив добычу. Его диета в тот день, следует заметить, была далеко не самой лучшей: нижняя половина неделю тому назад скончавшей-

ся многоножки и пригоршня прошлогодних зерен. Воробушек медленно втянул в себя дыхание, облизывая клюв, любуясь корчащимся впереди червяком и готовясь к финальному броску... Досчитать до трех... Один... Он раздул крошечную грудку, готовясь к грядущей борьбе... Два... Последняя проверка на предмет любых препятствий... Три! Червь был у него на прицеле! Вперед!

Воробушек прыгнул, мгновенно набирая скорость, опровергавшую его хлипкое телосложение, стремительно проносясь последние несколько дюймов. И врезаясь в твердую стену из синего полотна...

— Чертчертчертчертчерт! — яростно запищал маленький бурый воробушек, беспомощно развалившись на колоссальном полотнище и наблюдая за тем, как червяк исчезает под листвой. — Вернись! Трус! Ты должен был пойти мне на обед!

Над головой у него что-то звенело. Нежное такое позвякиванье на большом пальце громадной туфли. Воробушек удивленно зачирикал, отпрыгнул назад и поднял взгляд. Там, где секунду назад ничего не было, теперь находилась пара шерстяных ног в бело-розовую полоску, они тянулись вертикально почти до бесконечности, исчезая в безбрежных просторах колоссальной саксафранной мантии.

— Полный порядок! — прогудел голос над головой у воробушка. — Никакой паники! Я здесь, чтобы...

Внезапно прутики и листва разлетелись по сторонам, когда предельно обиженная на вид коричневая сова вылетела из подлеска и пушечным ядром метнулась к волшебнику, что высился над крошечным перепуганным воробушком.

— Значит, намеревался меня там оставить? Да? — гневно заухал Арбутус, кружа вокруг остроконечной шляпы Мерлота. — Даже видеть меня здесь не хотел? А я-то думал, мы друзья! Должен тебе сказать, потребуется масса мышей, чтобы это дело уладить. Личное оскорбление — вот как это называется!

Мерлот уже начинал испытывать головокружение, пытаясь уследить за вихрем выболтанных замечаний, пока Арбутус кружил у него над головой.

— Ладно! Так зачем мы здесь? — каркнула сова, небрежно щелкнув несколькими маховыми перьями, непринужденно пригладив профиль крыла и выполнив аккуратный разворот, чтобы совершить идеальную посадку на плечо волшебнику.

Тот лишь хмыкнул в ответ и, погруженный в глубокие раздумья, стал рассеянно разминать пальцы.

— Так что мы здесь делаем? — раздраженно повторил Арбутус.

— Ха! Дурака валяем! — проворчал Мерлот.

— Я просто спросил, — пожаловался Арбутус, готовясь надуться, если только ему в срочном порядке не будут представлены какие-либо ответы.

— Слишком поздно! — пробормотал Мерлот, поднимая сухой лист бука и ухмыляясь обалделому воробушку у своих ног. Он понюхал лист, бросил его в воздух и стал смотреть, куда он упадет. Затем принял решение и указал влево.

— Туда! — объявил волшебник и нырнул в подлесок направо.

Воробушек развалился на лесном полу, выдал трель ошеломленного рыдания и зарыл голову в крылья.

«Совы, волшебники и мечи? — мысленно застонал он. — Я слишком напряженно работал! Пора брать отпуск. В какой тут стороне юг?»

Сумев спасти из Рингилльского пожара столько своих товаров, сколько было возможно, Магнус Возчик нагрузил их на караван из семи сцепленных вместе фургонов и пустился в свой еженедельный вояж в Кранахан. После хорошо заученного взмаха кисти его кнут щелкнул по спинам шести здоровенных вьючных животных. Те медленно двинулись вперед, кожаные упряжи заскрипели на их массивных боках, и фургонный состав загрохотал в свое безостановочное всенощное транстальпийское путешествие.

Все, что произошло несколько часов тому назад, а также равномерный, монотонный темп фургонного состава быстро укачали Магнуса до состояния глубокой апатии, пока животные направлялись вперед по длинному тягуну Фор-Варда. Внезапно передний фургон наехал на большой камень, обеспечивая Магнусу внезапное и неприятное пробуждение. С бешено участившимся пульсом он мгновенно и машинально обнажил короткий кинжал, после чего стал оглядываться, высматривая бандитов. Тут фургон опять резко качнуло, когда на камень наехало заднее колесо. Краткая волна острого смущения охватила Магнуса. Быстро сунув кинжал обратно в ножны, он пощелкал кнутом по спинам своих животных — просто чтобы дать им знать, что он здесь.

— Эй! Тойфель, Доннер, Веттер! — крикнул он и был полностью проигнорирован медленно плетущейся шестеркой громадных носорогов.

Тойфель лишь откатил черную губу, мотнул рогом, фыркнул в мягком толстокожем раздражении и поплелся дальше по длинному изогнутому подъему.

В нескольких сотнях локтей впереди, как раз за резким поворотом, группа из четырех подростков устало тащилась вверх по тому же невыразительному склону.

— Уже скоро? — в сотый раз поинтересовалась Донна.

— Сама догадайся, — простонал Фиркин. — Оглянись вокруг и честно скажи мне, что думаешь!

Донна уставилась на громадные горы, что высились по обе стороны от тропы, нахмурилась на заходящее солнце, энергично проделывавшее свой путь к горизонту, что-то проворчала, сплюнула и пнула один из камней на неровной тропе. Было просто поразительно, как могло проявляться влияние старшего брата.

— Ну что? — спросил Фиркин.

— Тьфу! — еще раз сплюнула Донна.

— Негоже нам в долине сей медлить, — сказала Кургетта, вглядываясь вперед и поглаживая рукоять Эксбенедикта. — Никакого укрытия здесь нам не предложат.

— Не надо нам никакого укрытия, — устало отозвался Пузына. — Сомневаюсь, что пойдет дождь.

— Превратно ты меня понял. Коли враг по нашим следам устремится, — неодобрительно объяснила Кургетта. — На засады оказию...

— И что, мы тогда спрятаться сможем? — спросил Пузына.

— О нет! — возмутилась Кургетта. — Мы врага в засаду заманим! — добавила она, похлопывая по рукояти Эксбенедикта.

— Ха! Конечно! Какой же я идиот! — буркнул Пузына, качая головой. — Но это все равно не имеет никакого значения, — продолжил он, — потому что в этих горах мы одни. И никакой враг за нами не идет...

— Негоже тебе такие речи вести... — начала Кургетта, усмехаясь. — Чу!

Раньше звук был слишком тихим, чтобы его расслышать, но теперь, когда Кургетта на него указала, Пузына с волнением осознал, что слышит низкий рокот, доносящийся позади из-за угла, со стороны Рингилла. Затем прозвучал ряд резких щелчков и послышался далекий крик.

— Что это? — нервно прошептал Пузына.

— Большое оно, — ответила Кургетта. — И все ближе.

— Ох нет, — простонала Донна, надувая губки. — Нам ведь не придется опять убегать? Мои ноги просто не ходят.

— О нет, — сказала Кургетта, ухмыляясь от радостного предвкушения. — Зело твердо мы будем стоять и биться. За права женщин!

Что-то вызывающее стало расти у нее в сердце. Ей страшно хотелось сражаться. Ну а если сражаться она бы не смогла, Кургетта обязательно нашла бы возможность приковать себя цепью к какой-нибудь ограде. Великая несправедливость была в том, что мужчины могли...

— Кургетта! — крикнул Пузына, тряся ее за плечи. — Кургетта! А ну убери свой меч!

— Трус! — Она кряхтела и боролась.

— Мы не знаем, что это! — настаивал Пузына.

— Или сколько их там, — добавил Фиркин.

— Пожалуй, я бы лучше побежала, — совсем слабым голосом пожаловалась Донна.

— Трусы вы суть! — рявкнула Кургетта.

— Давай найдем укрытие, соберемся с силами, а потом решим, задавать им трепку или нет, а? — умолял Пузына, пока рокот становился все громче, усиленный многократным отражением от стен прохода.

— Бежать? — прорычала Кургетта. — Се позорно! — Ее руки железной хваткой сжимали рукоять Эксбенедикта.

— Послушай, так безопаснее! Это называется тактическим отступлением, — продолжил свои уговоры Пузына, уже почти ожидая, что Кургетта вот-вот совсем взбесится и бросится в атаку независимо от того, что там к ним приближалось. От перспективы увидеть ее в яростно-боевом настроении у него снова сделалась слабость в коленках. Пузына еще не вполне очухался от спасения в Рингилле. С острым шоком и смущением он вдруг понял, что начинает распускать слюни. Опять.

Внезапно из-за угла показалось здоровенное серое рыло с большим изогнутым рогом, за которым тут же последовало другое, когда появились два первых носорога.

Челюсть Кургетты мгновенно отвисла. Одно дело — поднять оружие против большой приближающейся армии мужчин, еще лучше — против несправедливостей, причиняемых правам человека. Но носороги?..

Донна сдержала тревожный визг.

— Бежим? — спросила она.

А Фиркин и Пузына уже вскарабкались вверх по склону долины, отчаянно стараясь растянуть по сторонам один маленький кустик, чтобы он спрятал их обоих.

Еще одна пара носорогов протащилась за угол, наполняя проход несколькими тоннами толстокожей тяги.

Кургетта отступила назад, развернулась и стала карабкаться по склону следом за отчаянно пыхтящей Донной.

— Ты сбежала! — взвизгнула Донна, ныряя за крошечный пучок травы.

— Я помыслила, может статься, нам и в самом деле подобает применить тактический отход! — смущенно отозвалась Кургетта.

— Да-да! — принялась дразнить ее Донна. — Ты просто деру дала! Драпанула!

Под ними, управляемые вновь задремавшей фигурой Магнуса Возчика, прошли семь фургонов, влекомые потеющей громадой шести носорогов.

Внезапно у Кургетты возникла идея.

— Вперед, — позвала она остальных над рокочущим фургонным составом, — следуйте по следам моим и повинуйтесь!

— Но я не хочу устраивать им засаду, — стал отнекиваться Пузына.

— Вперед! — повторила Кургетта, стремительно сбегая вниз по склону и устремляясь за седьмым фургоном. Через считанные секунды она ухватилась за веревки, стягивавшие покрытие фургона, на бегу их развязывая. — Скорыми будьте, не медлите!

Три шага, прыжок — и Кургетта уже оказалась внутри фургона, отчаянными жестами маня к себе остальных. Донна мгновенно сообразила и слетела вниз по склону, визжа:

— Ур-ра! Поездка на халяву! Ур-ра!

Фиркин выдал такой спринт, что мигом обогнал Донну и в темпе запрыгнул в фургон. За ним последовал изрядно запыхавшийся Пузына, который с трудом вкатился поверх мешков.

Донна из последних сил неслась дальше, ободряемая манящими руками Кургетты. Она уже не столько бежала, сколько, перебирая ногами, падала вперед, мучительно медленно сокращая дистанцию и чувствуя себя так, как будто пробивается сквозь густой сироп.

— Помедленней! — прохрипела Донна. — Вернитесь!

Три пассажира фургона одновременно поняли, что ей туда не добраться.

Если только...

Пузына заметил рычаг над колесом. Во всех телегах имелись такие. В тот самый миг, когда он сообразил, что это такое, он встал и хорошенько за него потянул. В передней части фургонного состава нагрузка на носорогов увеличилась. Тойфель фыркнул и еще крепче вложился в сбрую. Пузына изо всех сил тянул за тормозной рычаг. Кусочки дерева и металла сыпались веером, пока он силился противостоять шестерке носорогов. Фургон замедлился, громким скрипом словно бы выражая злобный протест.

Донна с огромным трудом, но все же бежала дальше, приближаясь еще на несколько футов.

Фиркин потянул за другой рычаг. Доннер фыркнул. А Магнус храпел, понятия не имея об отчаянном перетягивании каната, которое происходило вокруг него.

Руки Пузыны заныли от анаэробной агонии, их стали прихватывать судороги, вызванные переизбытком молочной кислоты. Тормозные колодки, предназначенные, чтобы притормаживать повозки во время длинного спуска на другой стороне, дымились и стремительно истирались.

То же самое происходило и с Донной. Совсем лишаясь энергии, она уже едва ковыляла.

Внезапно одно из колес застряло, наткнувшись на грязную рытвину. Повозка дернулась, в последнем отчаянном порыве Донна устремилась вперед и была втянута в фургон руками Кургетты.

Давая облегчение страшно ноющим рукам, Пузына с Фиркином отпустили рычаги, и состав устремился вперед.

Впереди Магнус проснулся от толчка, щелкнул кнутом по спине Глоцера, испустил вопль сонных оскорблений в адрес Жаккара и снова задремал, блаженно не сознавая о присутствии четырех безбилетных пассажиров, которых он только что приобрел.

Усики муравья покачивались, безошибочно ловя запах самки. Ее феромоны плыли на легком вечернем ветерке точно сотни ароматических приглашений на обед. Мозг муравья мгновенно оказался захвачен соблазнительными сигналами. Он напрочь забыл о таких вещах, как опасность, физические тяготы или работа, пока волны

женского либидо сводили его с ума от насекомьего желания. Не осталось ничего, кроме безумной страсти.

Мгновение спустя муравей бросил кусок листа, с которым он до той поры упорно боролся, развернулся на всех шести лапках и засеменил в нужном направлении. Мысли о распутной чувственности царили в его мозгу. В порыве целеустремленности муравей вброд перешел яростно бурлящий горный поток, вскарабкался вверх по отвесному склону и подтянулся, обтекая влагой, к краю тропы, подгоняемый всеподавляющей силой неистребимой похоти.

Внезапно муравей увидел ее стоящей на дальнем крае тропы. Разум его наполнился сотнями совокупных образов ее совершенной черной красоты, сияющей в закатном солнце. Ох, силы небесные! Вот это так грудка! А вот это так брюшко! Одного его достаточно, чтобы свести с ума целый муравейник! Самка грациозно повернулась на шести тонких пяточках и соблазнительно помахала ротовыми органами.

Он ее хотел. Она его завлекала. Теперь ничто на свете не могло его остановить...

И тем не менее.

Бывают времена, когда Совпадение, появляясь зловредно-назойливым чертенком с садистскими наклонностями, имеет свои планы, отличные от чьих-либо еще. К несчастью, на усиках храброго муравьиного жиголо, надо полагать, лежало особое проклятие — достаточное, чтобы устроить сокрушительное фиаско ему и немалую забаву тому самому Совпадению.

Внезапно над головой насекомого возникла пара синих полотняных туфель, долю секунды там повисела, позвякала колокольцами, а затем опустилась на несколько дюймов, твердо соприкоснувшись с сухой горной почвой.

— Полный порядок! — прогудел голос, который принадлежал хозяину пары ног и всего остального. — Никакой паники! Я здесь, чтобы... ох, проклятье! Ну вот, опять!

Стоя на Фор-Варде, Мерлот хмуро оглядывался.

Темная фигура воспарила от яростного шара закатного солнца и полетела прямиком к волшебнику. Все небо стало крыльями, уханьем и когтями, когда Арбутус в сумятице перьев и укоризны приземлился к нему на плечо.

— Мне бы очень хотелось, чтобы ты находил в себе достаточно такта и говорил мне, когда ты собираешься просто исчезнуть! —

гаркнул он, раздраженно постукивая когтем по саксафранному плечу Мерлота. — Это меня в высшей степени выводит из себя!

Подняв взгляд от цепочки следов и рытвины от застрявшего колеса, Мерлот воззрился на Арбутуса.

— Они вон туда направились! В Кранахан, вот куда! — сказал он, вытянул правую руку, досчитал до трех и исчез, приберегая клуб голубого дыма для другой оказии. Арбутус проухал уйму раздраженных проклятий в манере, принесшей совиному роду весьма двусмысленную славу, сплюнул с досады и злобно замахал крыльями в сторону заходящего солнца и Кранахана.

Когда крошечный, вконец обезумевший от похоти муравей извлек себя из впадины, имеющей очертания человеческой ступни, помотал ошалелой головой и наконец-то направился к объекту внушенного феромонами насекомьего желания, Совпадение положило ладони себе на бедра и принялось громко хохотать. Хохотало оно долго. А затем тоже исчезло.

Причем исчезло Совпадение для того, чтобы проверить результаты одного экспериментика, который оно провело чуть ранее. Экспериментик этот включал в себя большую охапку соломы, несколько банок керосина и огненную ящерицу с очень скверным случаем сенной лихорадки.

ЗАГАДКИ ВО МРАКЕ

Вместо нежного позвякиванья, какое обычно производил королевский колокольчик, когда в него звонили, чтобы заказать пищу, он вдруг забился, зарычал и принялся брызгать слюной по всей кухне, красноречиво передавая дикий гнев и ярость, с какой его дергали.

На том конце колокольного шнура король Хардин сидел в своих спальных покоях, обильно потея и грязно ругаясь, мысленно обозревая прошедший день. Было уже поздно, он страшно устал и хотел поужинать — прямо сейчас! Невесть каким образом Хардин сумел передать все это тем, как он заставил колокольчик звенеть далеко внизу, в кухне. Красный шнур, передающий эти эмоции, ныне тянулся среди груд гипсовой пыли, каменных осколков, сломанных шкивов и изогнутых скоб. Еще одна неприятность вдобавок к драконам, троллям, пожару и прочему...

Снаружи послышался топот ног, их обладатель несся по коридору так, словно хотел избежать немедленного обезглавливания. За-

тем раздался скрип подошв и боязливый, но настойчивый стук, после чего дверь открылась.

— Ваш ужин, ваше величество, — прошептал Сюрпляс, ставя блюдо жареных миног[1] на прикроватный столик, резко разворачиваясь и быстро, но без излишней спешки направляясь на выход.

День начался довольно скверно, еще когда королю пришлось навестить часовню святого Маразма Регулярно Забываемого и встретиться с теми священниками.

— Разве они не знают, что загробной жизни не существует? — прорычал Хардин, прожевывая миногу. — Надо было казнить их за богохульство!

Тут королю пришла в голову более плодотворная мысль.

— Надо бы вообще всех их казнить! — возопил он, грохая кулаком по столу. — Все они бесполезны, просто бесполезны! Задай им простой вопрос — и они лишь с дурацкими мордами беспомощно разводят руками!

Бурлящий разум Хардина переметнулся на совещание, где недавние события обсуждались в расчете на получение каких-то ответов.

— С таким же успехом можно разговаривать с попугаями! — кипел король, передразнивая обмен репликами на совещании: — Откуда взялся дракон? «Не знаем, сир». Кто его послал? «Не знаем, сир». Почему он здесь? «Не знаем, сир». Как нам от него избавиться? «Не знаем, сир».

---

[1] До воцарения короля Хардина на троне Объединенного королевства Рингилла и Кранахана миног ели лишь как гарнир, причем с предельным отвращением и истерической тошнотой. Да и то одни лишь несчастные чужеземцы, которые не знали ничего лучшего. Традиционный фольклор настаивал на том, что угреподобная рыба происходит прямиком из кишок самого дьявола и, будучи поглощенной, магическим образом воссоединяется с прародителем и пожирает свою жертву изнутри. Это, вероятно, имело какое-то отношение к несчастной способности миног порой вызывать острый, взрывной и зачастую фатальный метеоризм.

Якобы за тем, чтобы удостоиться заслуги перед новым королем в первую ночь его царствования (а на самом деле чтобы обеспечить его самым что ни на есть убийственным ботулизмом), кранаханский шпион напоил Хардина вином и накормил его миногами. Однако, отвлекшись на поджаренную на вертеле аммореттанскую ящерицу-убийцу, ботулизм куда-то потерялся.

Позднее Хардин перешел к экспериментам с лечебными травами и специями, в результате чего обнаружил, что хорошо прожаренные миноги в чесночном соусе — его любимое блюдо.

Единственный ответ, который Хардину удалось получить от совокупного разума командира Эбенита, генерала Батталье, полковника Паукера и коннетабля Лаппета, был дан на вопрос «Что это за твари раскурочили всю рыночную площадь?» Все военные явно прониклись жутким самодовольством, когда хором ответили: «Тролли, сир!»

— Вот так сообразительность! — Еще одна минога Сюрпляса была поглощена. — Идиоты! Дебилы!

Несколько мгновений спустя блюдо было очищено, и король погрузился в очень беспокойный сон.

— Но ччто вы ссобираетесс сс ним сделать? — шипел Влад, спеша вслед за Фиском через проход за дождевым стоком, направляясь в восточный конец Императорской Дворцовой Крепости Кранахана.

— Погоди и увидишь! — злорадствовал Фиск, не без труда волоча недавно покрашенную белилами пузатую глиняную бутыль, покоящуюся в большой плетеной корзине на охапке соломы.

— Куда? — спросил вампир, озираясь и пытаясь определить их нынешнее местоположение.

— Вторая лестница справа, прямиком к Хардину! — Фиск дрожал, стараясь сдержать растущее внутри возбуждение. Сейчас было три утра, и если все пойдет, как он запланировал, завтра на рассвете он уже будет во главе, свободный от всякой секретности и теней. Станет свободным человеком, обладающим всей властью, какой ему только захочется. Скоро он, Фиск, будет иметь и Рингилл, и Кранахан. Скоро он будет во власти!

Фиск отсчитал потайные двери налево.

Первая — в гостиную короля.

Вторая — в залу для королевских омовений.

Третья — прямо впереди — в королевские спальные покои. Туда-то им и надо!

С едва слышным хлопком крошечная затычка была удалена из левого глаза портрета короля Стигга. Фиск плотно прижал свою ноздрю к задней части картины, скалясь на стремительно подергивающиеся глаза спящего монарха. Хардин видел сон! Значит, он был сейчас в самом что ни на есть уязвимом положении. Просто идеально!

Фиск мгновенно отпер крошечную потайную дверцу и исчез в королевских спальных покоях, затягивая вслед за собой выбеленную бутыль в плетеной корзине.

Король Хардин застонал во сне и перекатился на другой бок. Его потный лоб сморщился, словно мысли его бурлили в гневном замешательстве и кошмарной озадаченности. Так оно и было.

Все недавние события плясали и кувыркались, кривили рожи под масками смерти в дикой издевательской насмешке — тролли уничтожали рыночную площадь громадными сейсмическими шагами, после чего разносили королевский дворец с маниакальным наслаждением обезумевших от вечного боя монгольских орд; драконы парили в небе и носились повсюду, сжигая Рингилльский замок, обугливая стены чудовищными, всепоглощающими полотнами огня, поджаривали всех подряд во вновь и вновь поднимающихся приливах неудержимой страсти к разрушению. Вся его империя пылала и дико визжала, горела и рушилась прямо у него на глазах в цветном широкоэкранном фильме с полнообъемным стереозвуком — в режиссерском варианте конца мира Хардина. И не было ни малейшего перерыва даже на попкорн и мороженое.

Фиск поставил плетеную корзину с бутылью в ногах кровати и нагнулся к судорожно бьющемуся, охваченному кошмарными снами монарху, злобно скалясь и холодно просчитывая дальнейшие действия.

Влад вглядывался сквозь левую глазницу короля Стигга, пока Фиск наклонялся все ближе, шепча в самое ухо Хардину.

Сквозь дым и пламя почерневшего Рингилла, над кошмарными облаками пыли Кранахана зловеще всплыла гигантская темная рожа. Затем она повернулась и воззрилась на Хардина. Черная кожаная повязка закрывала один глаз, космы угольно-черных волос сливались с клубами такого же черного дыма позади. Свет от скачущих багряных огней сиял на подобном косе смерти изгибе носа и поблескивающей дуге верхней губы. Большой рот раскрылся, вдохнул, затем выплюнул в Хардина слова:

— Ах, ах, как скверно! Так вот кто здесь жалкий королишко!

В своем кошмарном мире Хардин заверещал, его корону и плащ сдуло с него дыханием демонической рожи.

— Все, что ты до сих пор видел, это только цветочки! — снова проревела рожа. — Я управляю драконами! Они станут делать все, что я им скажу!

Хардин судорожно передернулся, крупные капли пота сияли на его лбу, пока он прерывисто бился.

— Делай все так, как я скажу, и сможешь сохранить то, что еще осталось от твоей драгоценной империи. Не станешь делать, и влас-

тительной матери того яйца, что покоится в ногах твоей кровати, будет сказано, кто его похитил, где оно и как туда добраться. Усек?

Еще раз содрогнувшись, Хардин кивнул.

— Итак, я хочу вот чего...

Влад в полном изумлении наблюдал, как Фиск перечисляет свои требования прямо в ухо охваченному кошмарами королю, закончив все строгим предостережением:

— Даже думать не смей о том, чтобы шевелить это яйцо или даже его касаться. Человечий запах остается надолго, а у драконов очень тонкий нюх и предельно долгая память! Особенно в том, что касается мести!

Умолкнув и потирая руки от этой злой победы, Фиск исчез из-под бока до смерти напуганного короля, едва сдерживая возгласы восторга.

Очень скоро все будет кончено. Это просто вопрос времени...

Тайком пробираясь по залитым лунным светом террасам и проходам Императорской Дворцовой Крепости, Херсним буквально разрывался от вопросов.

— Спирохет! — прошептал он, ковыляя под крылом шестифутового пергаментного херувима, которого он тащил. — Куда мы, черт побери, идем?

— Терпение, брат Херсним, терпение. Скоро все станет ясно, — ответил Спирохет, аккуратно маневрируя со схожего размера ангелом мимо большого темно-зеленого куста.

— Меня уже тошнит от этого терпения! Я хочу знать, что я с этим чертовым херувимом делаю!

— Он для короля, если тебе уж так нужно знать, — рявкнул Спирохет.

— Ох, классно! Ты, видать, совсем выжил из своего крошечного умишки! — прорычал Херсним. — Я не за тем сюда явился, чтобы рождественские пьески разыгрывать!

— Я тоже, — согласился Спирохет и проскользнул сквозь крошечный дверной проход налево. Поцарапав своего ангела и поставив ему грязную отметину на нимб, он раздраженно выругался. Клистир недовольно заворчал, продираясь в ту же дверцу со своим ангелом.

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался Херсним минутой позже, когда ему удалось протиснуться в проход со своим самодельным херувимом.

— Они не для рождественских пьесок, — ответил Спирохет. — В любом случае, сейчас не то время года. Ты как-то мне говорил, что хотел бы переработать «Религиозные праздники».

— Да... то есть я там кое-что придумал, — заволновался Херсним. — Но это не должно иметь ничего общего с этой ерундой! — добавил он, немилосердно тряся своего херувима.

— Верно, — прошептал Спирохет, делая крутой поворот налево. Со значением приложив палец к губам, он остановился, поднял взгляд и добавил: — Вот мы и на месте!

— Что? — выдохнул потрясенный Херсним, оглядывая крошечный пустынный дворик под голой отвесной стеной, в которой имелось одно-единственное окно.

— Время должно идеально совпасть, — прошептал Спирохет, сверяясь со своими новенькими солнечными часиками фирмы «Ноктюрн», которые он походя прикарманил в Ширме. — Он должен как раз быть готов!

— Кто? Готов к чему? — Херсним уже впадал в отчаяние. — Давай же. Объясняй.

— Король, — проворчал Спирохет. — Слушал ты меня или нет?

— Да, но я по-прежнему не...

— Ладно, ладно, я объясню, — согласился Спирохет. — У нас не так много времени. Мне придется очень быстро объяснять. Итак, чего ты не понимаешь? — спросил он, шаря в кустах у основания стены.

— Да ничего! — простонал Херсним.

— Ну, так уж и ничего! — отозвался Спирохет, доставая несколько длинных отрезков прямых веток и небольшой моток веревки. — Связывайте их вместе, пока я буду объяснять, — сказал он и по-турецки сел на землю. Палки были у него в одной руке, веревка в другой. Клистир в полном недоумении посмотрел на Херснима и последовал примеру Спирохета.

— Вон там, — прошептал Спирохет, указывая на окно, — спит король. И прямо сейчас, как раз после трех утра, он должен находиться в самом уязвимом состоянии...

Опытным движением он так соединил две палки, чтобы одна удлиняла другую.

— А мы собираемся его атаковать, да? — с энтузиазмом прохрипел Клистир. — Но как мы до него доберемся?

— Вот зачем нам эти палки, идиот! — рявкнул Херсним, и узел, который он пытался завязать, тут же у него развязался.

— Но дотуда целые мили... — запротестовал Клистир. — Эти палки меня не выдержат.

— Нет-нет! Заткнись и слушай! — рявкнул Спирохет. — Мы не станем туда забираться. Мы пошлем туда наших крылатых вестников!

— Да? Ты имеешь в виду голубей?

— Да нет! Вот этих! — прорычал Ревностно Восторженный, жестоко тряся своего ангела.

Клистир, чей язык так и остался сосредоточенно свисать из уголка рта, уставился на Спирохета с еще меньшим пониманием, чем до начала объяснения.

— Послушайте, — устало промолвил Спирохет. — Пять часов тому назад, если Сюрпляс поспел вовремя, наш дорогой король, который сейчас вон там, закончил свой ужин и лег спать.

— Мне тоже именно это следовало бы сделать, — проворчал Херсним.

— Ну и что дальше? — спросил Клистир, хмурясь над очень халтурно срощенными веревками.

— А на ужин у него были миноги, — прошептал Спирохет. Его шепот буквально сочился важностью.

— И что? — поднажал Херсним, по-прежнему в том же недоумении, что и Клистир.

— Миноги, — со значением повторил Спирохет. — Ми-ноги. Те самые, которых мы как следует обработали, помните?

— А, да. Какой это ерундой я их тогда посыпал? — спросил Херсним. — Я все собирался спросить, но со всеми этими херувимами и прочей ерундистикой у меня это совершенно выпало из головы! Так чем все-таки? — Он смущенно ухмыльнулся в лунном свете.

— Достославным нерегистрируемым непахнущим галлюциногенным порошком Месс Калины[1], — гордо ответил Спирохет.

---

[1] «Месс Калина», иначе — «Пестец-Тарчок», а также «Болт святого Мента», «Кизди-Пиздя» и тому подобное. Названий данного препарата имеется столько же, сколько есть королевств, в которых он востребован (как законом, так и сотнями страстных потребителей, всегда готовыми к очередной понюшке, глотку или вмазке всевозможных его форм).

Следует особо отметить две вещи. Во-первых, королевств, где данный препарат не потребляется, в природе не существует. А во-вторых, сама Месс

— Так ты его Месс Калиной накормил? — выпалил Херсним, и его узел от потрясения опять развязался.

— Ничего подобного. Это ты его накормил.

— Но зачем? — хором вопросили Клистир и Херсним.

— В порядке ободрения. Чтобы сделать его ум более податливым к принятию представления о вере в загробную жизнь.

— Не понял.

— Послушайте, король этого славного местечка — самый упертый материалист, какого я когда-либо встречал, — объяснил Спирохет, привязывая еще одну палку на конец все растущего шеста. — Он понятия не имеет о реальности загробного мира, не сознает о всех радостях рая, не знает ни шиша о хтонических ужасах ада... Если ему продемонстрируют, что вся эта бредятина действительно существует...

— Но ведь мы сами смастрячили всю эту ерунду! — запротестовал Херсним.

— Я это знаю, ты это знаешь. Но я не понимаю, почему мы должны быть до конца откровенны со всеми нашими последователями, — рассудительно ответил Спирохет. Клистир заговорщицки хихикнул.

Калина была попросту бесчестной алхимичкой. Поняв, что размеры прибыли от превращения свинца в золото весьма далеки от тех, которые можно получить от превращения растений в наркотики, Месс Калина прежде всего связалась с возглавляемым Галло Перидолом ООО «Церусситовые рудники» и отменила свой регулярный ежемесячный заказ на пять тонн свинцовой руды. Затем она загнала свой философский камень первому же подвернувшемуся покупателю и пустилась на поиски мифического Золотоносного треугольника (участка в Бермуцких горах, знаменитого постоянным исчезновением там тысяч одуревших от наркотиков путешественников, в число которых входили как направляемое туда турфирмой «Хип-Трип» множество верующих в «свободную любовь для всех», так и направляемое туда компетентными органами чуть меньшее множество специалистов по борьбе с наркотиками и проституцией).

Месс Калина не один год провела в Золотоносном треугольнике, пожиная, перегоняя, экстрагируя и обрабатывая столько ботанических образцов, сколько под ее алхимическую руку только попадало, и опробуя получавшиеся порошки, растворы и бальзамы на великом множестве горящих энтузиазмом добровольцев.

Через сравнительно короткое время Месс Калина уже знала почти все об определенных маках, различных грибах и кактусах, а также экстрактах из сотен ягод. Самым знаменитым ее препаратом стал «Достославный нерегистрируемый непахнущий галлюциногенный порошок», для краткости известный просто как «Месс Калина».

— Как только этот королишка, — продолжил Спирохет, — станет убежден в том, что так замечательно предсказуемый материализм этого мира теряется при переходе в другой, что боль, страдания...

— Очень-очень много страданий, — подхватил Клистир.

— ...и всевозможные мучения ожидают тех, кто не имеет веры, он у нас в темпе вальса начнет веровать! Так заверует, что потом никакими силами не отговоришь! Проще пареной репы! — ухмыльнулся Спирохет. — Может потребоваться равномерная доза Месс Калины и постоянный нажим в течение нескольких ночей от вот этих вот наших крылатых дружков, но в конце концов он сломается. А когда он сломается, он будет готов для пожертвований!

С огнем, горящим в его глазах почти так же ярко, как тот, что все еще бушевал в Рингилле, Спирохет закончил привязывать своего ангела к длинному шесту, хмуро взглянул на успехи Херснима и Клистира — или, вернее, на явный недостаток этих успехов — и начал приподнимать своего крылатого вестника к окну.

Высоко наверху, в бурлящей сумятице охваченного кошмарами разума Хардина, языки пламени, что пожирали Рингилл, уже застилали все небо, подпитываемые непрерывно кружащим золотистым драконом. В его внутричерепном мире тролли неистово радовались разрушению Кранахана, а рожа с наглазной повязкой из самого ада бранила его со все нарастающей кровожадностью, отрывая все более ощутимые полоски от его гордости и тыча в него все растущими и растущими пальцами презрения и насмешки.

Пожалуй, это была самая отвратительная ночь в жизни Хардина.

Но ей предстояло стать еще хуже.

За окном, покачиваясь и порхая точно изголодавшиеся по люменам мотыльки, что жадно хватают фотоны от оплывающей свечки, появились два ангела и херувим.

Сонный глаз короля Хардина на мгновение распахнулся, подмечая райских визитеров, что стучались к нему в окно. А остальная часть его разума тем временем продолжала бурлить, до предела завороженная кошмарными образами, которые вспыхивали перед ней и плясали.

Внезапно из воображаемого пламени Рингилла вылетели три крошечные белые фигурки. В плотном боевом построении они подлетели к неистовствующей роже в наглазной повязке, несмотря на мириады восходящих тепловых потоков, что подталкивали их снизу.

Два вырезанных из плотного пергамента ангела и аналогичный херувим продолжали колошматить в окно, пока их воображаемые двойники не воспарили дальше аккуратным серафическим треугольником.

— Долго же это тянется, — прохрипел Спирохет, начиная желать, чтобы своего ангела он сделал поменьше. — Впрочем, когда начнется, мы об этом узнаем.

— Когда что начнется?

— Королевское обращение, — хрюкнул Спирохет и грязно выругался, когда легкий порыв ветерка швырнул его ангела о каменную кладку, совсем сбивая с него нимб.

Хардин попеременно метался, хныкал, трясся, а затем внезапно очнулся, буквально плавая в тревожном поту. Его большой палец был плотно втиснут в рот. Ухватившись за подушку, король червем пополз к изголовью, сворачиваясь там в позе зародыша, пока призрачные фигуры все кружили у окна. Ангел Спирохета снова настойчиво постучал. Хардин пронзительно завопил и нырнул под одеяла.

— Достаточно! — прошептал Спирохет, мало-помалу опуская своего ангела к земле.

Разум Хардина бурлил жутким смятением, пока действие Месс Калины замутняло грань между кошмаром и реальностью — убойная алкалоидная дрянь напрочь стирала смутную черту, что отделяла действительное от воображаемого. Он видел ангелов! Они порхали у его окна. Отважится ли он посмотреть снова? Не следует ли ему выглянуть из-под безопасного прикрытия одеял?

Жуткий страх струйками стекал по и без того потному лбу Хардина, пока образы стойкого кошмара угрожающе таились с выпущенными когтями, сверкающими зубами, безгубые в лунном свете. Схватив себя в двойной нельсон, король чуть-чуть отодвинул одеяла.

Громадная скалящаяся рожа, которая временами мрачнела и выплевывала угрозы на фоне вселенского разрушения, больше на него не глазела. Легкие короля бешено заработали. Он уставился на окно, страшась армии ангелов, барабанящих и требующих прохода. Ничего. Ни даже странствующего херувима. Спустив боязливую ногу с кровати, Хардин подполз к окну и с дрожью выглянул оттуда на теперь уже пустой дворик внизу. Он был в безопасности. Вся эта жуть закончилась. Просто обычный ночной кошмар.

Внезапно сердце его на мгновение захолонуло. В ногах кровати Хардин заметил гигантское драконье яйцо. Тут дыхание короля прорвало двойной нельсон и вырвалось из легких, мчась по охваченной ужасом трахее, сбегая из его трясущегося тела в хриплом вопле дикого ужаса лишь на долю мгновения раньше, чем сам он сбежал из собственных покоев.

Пузына заметил это первым.

Отдаленные голоса просачивались под брезент и попадали в уши подростков, присоединяясь к поскрипывающему рокоту фургонного состава.

Вглядываясь из-под покрытия, Пузына не смог разглядеть ничего необычного — конец Фор-Варда, Тальпийские горы удаляются, отпечатки носорожьих следов, — но внезапно вся панорама оказалась перекрыта просторным непрерывным пространством наружной стены Кранахана. Впрочем, не таким уж непрерывным. Сказалось недавнее вмешательство двух очень больших каменных троллей. Пузына охнул, когда сцена разрушений, причиненных троллями, развернулась у него перед глазами. Мгновение спустя к нему присоединились трое остальных. Их головы синхронно поворачивались и кивали в задней части повозки.

— Кранахан ведь так скверно не выглядел, правда? — прошептал Пузына, пока в поле их зрения проплывали сплющенные останки одного бывшего рыночного лотка поверх других таких же. Переезжая следы огромных каменных ступней, фургон резко подпрыгнул. Глоцер жалобно фыркнул, а Магнус Возчик хлестнул его по толстокожей спине.

— Сие воистину поле боя суть, — произнесла Кургетта, глазея на развалины и чувствуя, как внутри у нее шевелятся воинственные эмоции.

— Не думаю, что все так просто... — загадочно произнес Пузына, чей разум пытался сложить из миллиона кусочков противоречивой информации составную картинку. Это было все равно что пытаться погонять огромное стадо очень упрямых амеб.

Внезапно фургон резко остановился. Послышались громкие выкрики. Донна бросила тревожно-вопросительный взгляд на Кургетту, когда внутрь фургона тайком начал вплывать приглушенный разговор.

— Все в порядке, Магнус? Поездка удачная? — спросил Ронни Рейг, сороковой бывший президент КОЗЛа[1] и актер-любитель Кранаханского театра пантомимы, подходя к фургонному составу с блокнотом в руке.

— Да в общем ничего, — прохрипел Магнус, потягиваясь и выбираясь из своей повозки. Отстегнув от ног носорогов толстомеры[2], он передал их Ронни, подавляя зевок.

— Здесь указывается, что ты ехал всю ночь напролет! — рявкнул Ронни, хмуро разглядывая распечатку пергамента и неодобрительно качая головой. Магнус стыдливо ухмыльнулся, пошарил в кармане камзола и вручил мужчине с блокнотом несколько блестящих золотых жетонов. — Должно быть, опять техника барахлит, — пожаловался Ронни, отмечая на листке хронометража остановку на двухчасовой отдых. — Ох уж эта техника! — вздохнул он, сминая остатки пергамента и швыряя их в пылающую жаровню у стены. Затем Ронни повернулся и крикнул здоровенной фигуре в желтой куртке: — Эй, Джейси, будь славным парнем и все это разгрузи, ага?

Паника прошуршала по седьмому фургону, когда там услышали последнюю фразу.

— Они все разгрузят! И нас найдут!

---

[1] Кранаханское Общество Законных Лицензий. Организация, учрежденная, в частности, для того, чтобы расследовать бесчисленные случаи сомнительных рабочих практик, обманов и подлостей, совершаемых транстальпийскими возчиками. Потребовалось два года подпольных взяток, несколько месяцев совместного почесывания в затылке и очень крупный гонорар за юридическую консультацию, однако в конце концов общие правила КОЗЛа были очерчены.

В результате еженощный объем пергаментной работы, требующейся для выполнения до погрузки, увеличился в сотню раз. Информация, которая должна была быть записана и представлена в трех экземплярах, касалась токсичности, горючести и взрывчатости каждого из перевозимых материалов, а также его способности вызывать болезненное пристрастие. И все это должно было иметь перекрестные ссылки со свойствами всех прочих материалов, перевозимых вместе с данным конкретным грузом.

А под дымовой завесой увеличившейся пергаментной работы начал воплощаться в жизнь подлинный шедевр финансового фокусничества. Пока внимание потребителей удерживалось взмахами неустанно корябающих перьев, их карманы и кошельки чудесным образом опустошались в рукава сотрудников КОЗЛа.

[2] Толстомер — устройство, предназначенное для предотвращения так называемого подрезывания — внешне незаметного и незарегистрированного удлинения ногтей на пальцах ног, совершаемого недобросовестными торговцами, чтобы увеличить цену перепродажи высокомильных толстокожих.

Кургетта соскользнула в тень от колеса, оглядывая штабели ящиков и груды мешков, рассеянные повсюду. Здоровенный мужчина занялся разгрузкой повозки, а Магнус и Ронни тем временем повели носорогов в специальные стойла для хорошо оплаченной грязевой ванны. Мгновение спустя Кургетта незримо метнулась за стену из мешков, маня к себе остальных.

— И я должен такое проделывать, — проворчал Фиркин. — Я, герой!

Донна сдержала смешок и последовала указаниям Кургетты, исчезая за стеной муки.

— Ладно, что дальше? — обидчиво спросил Фиркин несколько мгновений спустя, когда все четверо неудобно скрючились в темноте за мешками.

Прежде чем Кургетта ответила, официально звучащий голос проревел по всей погрузочно-разгрузочной зоне:

— Ладно, парни, начните вон с той груды, и в темпе. Все это дело должно было уйти еще прошлой ночью!

Подростки в панике переглянулись, услышав, как два тяжелых ботинка топают к ним, после чего один мешок был схвачен и перегружен на поджидавшую его телегу. В тревожном испуге Донна аж затаила дыхание.

— Отлично, — заметил Фиркин, хмуро поглядывая на Кургетту. — Из огня да в полымя! Мы с таким же успехом могли и там оставаться!

— Но куда... куда нам деваться теперь? — захныкал Пузына, сделав краткую паузу, пока забирали еще один мешок.

— Проще простого, — уверенно прошептал Фиркин. — Когда все отвернутся... — Еще один мешок. — ...мы делаем краткую перебежку... — Кряхтение, и еще один мешок. — ...вон туда, к другой груде! — указал он.

— Давай поспешай! — крикнул официальный голос, когда еще один мешок был убран.

— Но нас увидят! — запротестовал Пузына.

— Нет, если... — Мешок. — ...мы быстро!

— Не успеем.

— Все зависит от... — Мешок. — ...выбора времени. — Фиркин повернулся и изучил окрестности через небольшую дыру в стене муки, пока ее мешок за мешком разбирали. — Прямиком к луку, вокруг репы, через вон ту кипу ящиков, и мы свободны. Запросто!

— Ну да!

— Короче, давай, когда будешь готов! — прошептал Фиркин вслед за еще одним исчезающим мешком. Он повернулся и увидел отчаянно машущего ему Пузыну, который исчезал в дыре на миллиметр шире его объема.

— Сюда! — одними губами произнес Пузына.

— А как насчет моего способа?

— Слишком рискованно! — ответили голова и плечи Пузыны. — Так сказала Кургетта!

Фиркин весь задымился, когда на него обрушился фонтан муки из рвущегося мешка.

Тогда он заторопился вперед и полез следом за Пузыной в дыру.

— Кургетта еще сказала: «Не забудьте вернуть на место решетку», — прошептал Пузына из канализационной трубы.

«Ну и ну! — подумал Фиркин. — Да кем она себя возомнила?»

Как раз когда несколько последних мешков муки были перегружены на ожидавшую их телегу, металлическая решетка неслышно скользнула на то место в канализационной трубе, где ей следовало находиться.

Панически размахивая конечностями, король Хардин в одной ночной рубашке ворвался в спальные покои Черного Эбенита. Метнувшись по комнате, он схватил начальника Черной Стражи за плечи и бешеной тряской принялся его пробуждать.

Лоб Хардина истекал потом от ужаса, пока он диким взором упирался в пару все еще затянутых сном глаз.

— Драконы... здесь! — завопил король.

— Сколько времени? — пробормотал Эбенит сквозь плотные покровы страшной усталости.

— Яйца... у меня яйца... там, у кровати! — завизжал Хардин, бешено тряся Эбенита.

— А? Ох-х... не так резко... моя голова...

— ...и ангелы...

— И розовые слоны? — пробурчал Эбенит.

— ...херувимы... дьяволы... драконы!

— Прекратите меня трясти! Когда меня трясут, я ни о чем не могу думать! — простонал Эбенит, пока ошалелый король мотал его туда-сюда как тряпичную куклу.

Внезапно Хардин прекратил и с диким видом огляделся.

— Они здесь! Ты их слышишь?

— Нет, я...

Король круто развернулся и подбежал к гардеробу Эбенита, что-то там высматривая.

— Здесь драконы! Я знаю, что они здесь! Они повсюду! Не трогал я ваши яйца... это не я... — заорал Хардин, с опаской поглядывая на потолок и чувствуя себя загнанным в угол.

— Да что такое? Что происходит? — в полном недоумении спросил Эбенит, по-прежнему неохотно пытаясь вытянуть себя из такого приятного сна, полного похотливых видений, от которого его так грубо оторвали. Командиру отчаянно хотелось узнать, что та страстно пыхтящая дева намеревалась проделать с куском шелковой веревки и перчаткой из шкурки лемминга...

— Драконы... драконы! — завопил король Хардин, так сжимая руками голову, точно она вот-вот должна была лопнуть. Затем он повернулся и бросился прочь из спальных покоев Эбенита. Его вопли и шлепки голых пяток эхом разносились по пустым коридорам дворца.

Эбенит решил последовать за ним. Пошатываясь и скользя, он натянул другой шлепанец и сумел совладать со своим высокобезопасным кожаным халатом (дополненным кинжалом в кармане). Командир понесся вперед, ориентируясь на королевские вопли. Однако стоило ему только завернуть за угол в королевские покои, как полный ужаса вой внезапно оборвался.

Ожидая самого худшего, Эбенит бочком вошел в спальные покои монарха и с разинутым ртом уставился на открывшуюся ему сцену.

Выглядело все так, будто некий безумный демон извергся из центра королевской постели. Простыни и одеяла были разбросаны по всему пути от кровати к окну, подушки как попало валялись повсюду. Эбенит самодовольно ухмыльнулся, заметив бурую лапку плюшевого медвежонка, торчащую из-под одной из растерзанных подушек. «Вот те на! — подумал он. — Даже представить себе не мог...»

— Нет! Нет-нет! — внезапно завопил Хардин, трясясь от ужаса и замешательства. — Оно пропало! — дико вскричал он, бросаясь на кипу одеял и лихорадочно ища там драконье яйцо. — Как она узнала, что оно было здесь?

— Что у вас пропало, сир? — осведомился Эбенит.

— Она его забрала... — всхлипывал тот.

— Гм... возможно, вот это вам как-то поможет? — спросил Эбенит, вручая королю кусок пергамента, который он только что нашел на полу.

— Его здесь нет... — отозвался король, рассеянно забирая пергамент, гулко в него сморкаясь и возвращая его командиру.

Эбенит сморщился от отвращения и снова отдал пергамент Хардину.

— Думаю, вам предполагается его прочесть. Он адресован вам, сир, — сказал он, исподтишка вытирая большой и указательный палец о королевские простыни.

Физиономия короля Хардина внезапно переменилась от скисшего молока презренного страха до дымящей азотной кислоты яростного гнева.

— Что это? — выдохнул он. — Что это? — Эбенит приглядел поверх плеча короля в ночной рубашке. То, что он там увидел, привело его в еще большее замешательство. Как раз перед тем, как Хардин в бессильном приливе зубодробительной ярости, которая разом прочистила последние миллиграммы Достославного нерегистрируемого непахнущего галлюциногенного порошка Месс Калины, смял пергамент, Эбенит разобрал слова.

«...а если вы не повинуетесь, я расскажу мамаше, где ее яйцо! Сладких вам снов. Экспроприатор».

Едва сумев подавить уже поднимавшийся у него внутри раскат зловредного смеха, Фиск радостно ухмыльнулся и отвернулся от задней стороны портрета короля Стигга. Затем, прихватив с собой пузатую выбеленную бутыль «яйца», он направился дальше по проходу. Все тело его буквально бурлило самодовольными злыми мыслями.

«Идеально, — скалился он, — просто идеально!!!»

— И что нам теперь делать? — проворчал Фиркин, чей голос странно приглушался мхом на стенах канализационной трубы. — Вообще-то я не думаю, что мы можем где-то здесь наткнуться на Клайта! Обстановочка здесь не слишком-то королевская, верно? — С его языка капало не меньше сарказма, чем со стен — воды.

Кургетта нахмурилась в темноте.

— Услышь меня, ты, пора настала твои полномочия прояснить, — сказала она, и ее зеленые глаза гневно задымились. — Препоручаем мы тебе нашу преданность или нет? Воевода ли ты нам? — добавила она, волчицей глядя на Фиркина.

Ответом ей было молчаливое и синхронное мотание голов.

— Воистину, — заключила Кургетта. — Се демократия.

— Думаю, да, — согласился Фиркин.

— Как я и мнила, — отозвалась Кургетта. — Отрада, что сей вопрос прояснен. А теперь чу! Зело чу! Вот что нам теперь делать след! — Она склонила голову набок и внимательно прислушалась. — Наверху чисто, и сие позволяет нам головы высунуть, дабы найти Клайта. После тебя, Фиркин. — Она указала на решетку у него над головой.

Фиркин, что-то ворча себе под нос и пытаясь сообразить, как это у Кургетты опять получилось сказать ему, что следует делать, встал и толкнул решетку.

Затем он толкнул еще раз, посильнее.

Решетка упорно отказывалась сдвинуться с места.

Если бы электросварка уже была изобретена и если бы Фиркин хоть что-то знал об использовании высокоэнергетичного электричества для капитального сплавления отдельных секций металла в единые куски крепости просто необычайной, он категорично поклялся бы, что решетка была наглухо приварена!

— Не валяй дурака! — доставала его Донна. — Ведь именно здесь мы и влезли.

— Я знаю, — прохрипел Фиркин, снова надавив на решетку и побагровев от усилия, но ни на дюйм ее не сдвинув.

— Теперь она не откроется! Ее заклинило!

— Приналяг, ты просто не... — начала было Кургетта.

— Ее заклинило. ЗА-КЛИ-НИ-ЛО. Заклинило!

— Гм, очень не хочется об этом говорить, — начал Пузына. — Но если ее заклинило, то тут мы и останемся.

— Классно! — пробурчал Фиркин, потирая плечо и прислоняясь к мшистой стене. — Вот если бы мы рванули, как я предлагал, — к луку, вокруг репы... короче, все было бы как надо!

— Нас бы узрели! — возразила Кургетта.

— Ты ведь бегать умеешь, разве нет?

— О, зело умею!

— Ну, тогда...

— Да заткнитесь! — рявкнул Пузына, слова его были зримо окантованы тревогой. — Послушайте, я слышу голоса! — прошептал он затем.

— Да это грузчики там, наверху... — начал Фиркин, прежде чем его оборвал очень тяжелый взгляд Пузыны.

— Нет, — нервно вымолвил он. — Вон там! — Пузына указал дальше в чернильную черноту трубы — туда, где она открывалась в более широкий проход, идущий слева направо.

Остальные тоже медленно осознали, что слышат резкие щелчки подкованных ботинок, ступающих по каменному полу. Затем надменно-насмешливый голос произнес:

— ...идеально, просто идеально! Он на это купился. Скоро я буду целиком держать его в своей рукавице. А тогда кто станет править Кранаханом? А?

Пузына застыл, прислушиваясь.

— Оччень проницательно, вессьма ххитроумный план! Сссссс-ссс! — злобно хихикнул второй голос, его вампирическая шепелявость врезалась Пузыне в самое сердце.

Приближающейся свет от идущей по боковому проходу парочки озарил устье менее широкой канализационной трубы, слегка поблескивая на покрытии из мха и лишайника.

— Скоро я буду свободен от этой сточной канавы. Скоро я встану высоко, и мне будут поклоняться! — прокудахтал первый голос.

— Ссс-ссс-ссс! — отозвался второй.

— Я больше не буду прятаться подобно паршивой крысе, не буду таиться, действовать украдкой... — разошелся владелец подкованных ботинок, пока свет от единственной свечи продвигался все дальше по канализационной трубе; внезапно он выхватил подростков из темноты, точно прожектор на восемьдесят тысяч люмен — группу беглецов из концлагеря.

Время замерло. Бесчисленные ружейные стволы нацелились в их сердца, курки взведены, предохранители давным-давно сняты. Одно движение — и... и...

Свеча двинулась дальше во мрак, отбрасывая за собой полукруг света. Бахвалившаяся парочка была слишком занята собой, чтобы заметить затаившуюся четверку.

— И власть эта будет у меня совсем скоро! — распространялся первый голос. — Я объявляю о заре новой эры!

— Ссс-ссс-ссс!

— Эры раболепия. Эры рабства и подобострастия...

— Подчинения и пресмыкательсства!..

— ...подхалимства и низкопоклонства...

— ...льсстивой покорноссти!

— ...мои ботинки будут полироваться языками кранаханских рабов!

Не слышимый никем в канализационной трубе, Тойфель убрал свое переднее копыто с решетки и протопал дальше, дождавшись своей очереди принять грязевую ванну.

— Взгляните на восток, люди добрые! — вскричал Спирохет. Его индиговая ряса раздувалась, пока он фанатично бахвалился перед солидной толпой, ранним утром гудящей и теснящейся на останках Кранаханской рыночной площади. — Развалины, которые вы вокруг себя видите, суть предупреждение — терапевтическая доза Армагеддона. Конец близок! Готовы ли вы его встретить?

С верха своей плетеной корзины он ткнул укоряющим перстом в замкнутые, деловитые лица людей и хрипло прокричал:

— Конец Света приближается! Что вы намерены по этому поводу делать?

— Слышишь, что говорят, Марина? Надо бы на этой неделе хорошенько запастись репой, — крикнула торопливая домохозяйка, что пробивала себе дорогу к немногим оставшим лоткам.

— Огни разрушения были поддержаны!.. — завывал Спирохет.

— Пожалуй, надо бы и кабанчика раздобыть. Люблю славное жаркое. А ты, Марина? Просто жалость была бы дать этим самым огням даром пропасть.

— Присоединяйтесь к Наивозвышенной церкви святого Жмота Неумытого, и славная загробная жизнь будет вам обеспечена! — завопил его преосвященство поверх того прилива невежества, что несся на рынок.

— Сегодня утром у него что-то не особо удачно выходит, — заметил Херсним, размахивая плакатом, где рекламировались элитные квартиры в аду.

— Да. И вид у него усталый, — согласился Клистир, складывая руки на груди и небрежно подпирая плечом диаграмму, наглядно демонстрировавшую все преимущества адского обмена валюты для

приверженцев Наивозвышенной церкви святого Жмота Неумытого по сравнению с неприсоединившимися покойниками.

Внезапно Спирохет спрыгнул с корзины и большими шагами двинулся прочь с рыночной площади. Физиономия его побагровела от ярости. Херсним и Клистир переглянулись, затем пустились вслед за своим собратом.

— Какое невежество! — бушевал Спирохет. — Они проявляют больше интереса к своей репе, чем к своей душе! Ничего, ничего! Только посмотрите, и вы увидите! Когда сам король будет на нашей стороне, они примкнут к нам всем стадом. Все как один!

— А ты уверена, что это хорошая мысль? — спросил Пузына, ступая по самую лодыжку в лужу не особенно аппетитного вида.

— Не-ет, — прошептала Кургетта, заглядывая за резкий поворот и покрепче сжимая Эксбенедикт. — А у тебя есть другие предложения?

— Нет.

— Идем же следом, или потеряем мы их!

— Я бы предпочел находиться от них подальше, — захныкал Пузына, тряся мокрой ногой, пока Фиск и Влад грохотали и шипели по гулкому подземному миру.

Кургетта резко повернулась к нему:

— Коли отступить мыслишь, делай это скорей!

Пузына жалобно посмотрел на Фиркина с Донной, пожал плечами и последовал за Кургеттой за поворот.

Впереди, по-прежнему неистово бахвалясь о ком-то по кличке Экспроприатор и о том, что он в самом ближайшем будущем сделает с Кранаханом, энергично топал хвастливый незнакомец со свечой. Его ботинки громко стучали по скользкой поверхности, а разглагольствования поддерживались холодным и невеселым шипением подобострастного смеха второго подземного путешественника. Больше всего Пузыну раздражало то, что оба негодяя, похоже, знали, где расположены все лужи, и он молча изрыгал проклятия, когда его нога находила очередную.

Внезапно, когда незнакомец завернул за очередной угол, голос его вдруг изменил тон, наполнился злобной радостью и стал переливаться неприятной остротой. Речь его вдруг стала более гулкой, как если бы он вышел из тоннеля в просторный зал.

Кургетта молча подняла руку, веля всем остановиться, заглянула за угол и затаила дыхание. Вид древнего трона, возвышающегося среди обширной коллекции затянутых паутиной сокровищ и странных картин, буквально ожег ее сетчатку. Она помотала головой, потерла глаза и посмотрела снова.

Незнакомец тем временем завернулся в кожаный плащ и с непринужденной фамильярностью устроился на троне.

Это был мир подземного хозяина! Они забрели в его владения!

— Думаю, пора узнать, что по этому поводу скажет «Вестник», — осклабился Фиск. Голос его плавал по переполненной сокровищами пещере. — Я хочу прочесть, что им придется сказать по поводу последних злых деяний Экспроприатора! Угрожать самому королю! Что за наглость! Ах, как же я подл! — Его слова стекали по стенам слизью великого наслаждения. — А ну-ка добудь!

Влад с готовностью рванулся прочь от трона, пока Фиск все громче и громче хохотал, скалясь от злобного предвкушения грядущих заголовков.

Было это воображение Кургетты — или быстрые шаги сгорбленной фигуры внезапно сменились хлопаньем кожистых крыльев?

Дубовый стол в центре Залы Совета гулко резонировал в ответ на непрерывное постукивание нетерпеливых пальцев короля Хардина — как будто боевой конь отрабатывал на нем стремительный галоп.

— Они опаздывают! — ревел король. — Для этого у них должна найтись чертовски славная причина! Или их головы тут же за все это безобразие полетят!

И он снова принялся раздраженно барабанить по столу. Звук отскакивал от голых каменных стен и строгих украшений из скрещенных пик и булав.

Внезапно он крепко треснул кулаком по столу и заорал:

— Меда мне! И миног! Миног и меда!

Большая дверь со скрипом отворилась, и до смерти перепуганный слуга исчез, страстно желая спастись из атмосферы напряженного раздумья в Зале Совета. Он знал, что терпение у короля короткое, но таким взвинченным он его еще никогда не видел.

— Где они? — еще раз проревел Хардин, мрачно поглядывая на командира Эбенита, в настоящее время единственную другую персону за столом.

— Такой информации, сир, у меня нет, — ответил командир в самой что ни на есть успокаивающей манере. Номер не прошел.

— И именуете вы себя главой Черной Стражи? Нет информации? Что я, по-вашему, идиот?

«Осторожно, — сказал себе Эбенит. — Сегодня можно потерять голову с такой же легкостью, как разбить сырое яйцо... Стоп! Ни слова про яйца!»

Командир Черной Стражи с трудом сглотнул.

— Никаких намеков касательно ваших недостатков, ваше королевское величество, в виду не имелось. Вина за случившееся целиком находится в пределах моей юрисдикции, и так скоро, как только будет возможно, я определю источник возникших проблем и лично все исправлю... Сир, — на всякий случай добавил Эбенит. — Сейчас не самое подходящее время, чтобы запрашивать дополнительные войска для патрулирования Фор-Варда.

— Хорошо, так где же они? — рявкнул Хардин.

— Могу лишь предположить, что в данный момент они находятся между этой залой и Рингилльским замком. Ибо, сир, сегодня ночью посредством голубиной почты я получил уведомление об их отбытии.

Дверь тихо растворилась, и слуга вернулся, неся с собой кувшин меда и блюдо свежих дымящихся миног. Позволяя себе лишь слегка подрагивать от презренного ужаса, слуга поставил лакомое блюдо перед королем, поклонился и был таков.

— Почему их так долго нет? — рявкнул Хардин. — Мы ведь ни с кем не воюем? Так?

— Так, сир! — ответил Эбенит и внезапно испугался того, что следующим вопросом Хардина может стать: «А почему?» Однако вместо этого король лишь ухмыльнулся и удовлетворенно потер руки, когда шаги тяжелых ботинок гулко загрохотали по коридору. Кончились эти шаги резким громогласным приказом и четким притопом в стойку «смирно» у двери. Затем в большую дубовую дверь постучали.

Хардин что-то гортанно прорычал, потянул меда и сожрал целую миногу, так и не сумев различить странного глянца от белого порошка по всей ее длине. Затем он волком глянул на солнечные часы и сделал еще один задумчивый глоток меда. Эбенит неловко заерзал, чувствуя, как внутри у Хардина копится гнев.

Снаружи чувство дискомфорта быстро нарастало. Они опоздали и знали, что опоздали. И еще они знали, что наказание за опоздание может снизить их шансы иметь отпрысков до нуля и гораздо ниже.

Внезапно дверь резко раскрылась, и король Хардин встал перед ними. Руки его были распростерты, сцепляя две дверные створки

подобно аммореттанской ящерице-убийце, готовой ударить. Физиономия короля постепенно проходила все оттенки красного цвета, которые принято связывать со словом «ярость».

В конце концов Хардин решил остановиться на особенно аппетитно-багровом — как говорится, кушайте меня с маслом. Такой оттенок говорил сам за себя. Говорил он о ярости, бешенстве и бурном гневе таким стильным способом, что словно бы предлагал: «Меня вам сейчас завернуть? Или попозже?»

Наконец король открыл рот и проревел:

— Сколько, по-вашему, сейчас времени? Где вас носило? Вы опоздали! — В процессе оглашения гневных вопросов усы Хардина в форме велосипедного руля немыслимым образом закрутились. — Вам лучше иметь чертовски славное оправдание! — Затем он повернулся и потопал назад к своему трону в Зале Совета, а коннетабль Лаппет, полковник Паукер и генерал Батталье застенчиво потянулись за ним гуськом. Колени у них при этом не сгибались.

— Ну? — проревел король, со смыслом глазея на солнечные часы.

Три военачальника переглянулись.

— Здесь не наша вина, — начал Паукер. Пока он говорил, его козлиная бородка работала точно сверлильный станок. — Мы отправились сразу же, как только проверили Рингилл...

— ...и задержались на Фор-Варде... — прохрипел Лаппет. — ...животных там столько, что всех и не углядишь... сотни...

— ...они парами выходят из какого-то странного корабля на самом верху горы Трарарат... — присоединился Батталье, чья густая черная шевелюра настойчиво отрицала его восемьдесят лет.

— ...там овцы, жирафы и... — добавил Лаппет.

— Никогда раньше таких не видел! — простонал Батталье.

— ...антилопы, бизоны...

— Не знаю, что они там делают! — добавил Батталье, качая головой.

— ...змеи, муравьи и...

— Хватит! — рявкнул Хардин.

— ...а рыб никаких не было...

— Хватит! Что вам известно насчет кораблей на горе Трарарат? — рявкнул Хардин, волком глядя на Эбенита.

— В том конкретном месте я никакого запроса на швартовку не получал, — ответил командир, стараясь поддерживать серьезный тон. — Я немедленно пошлю туда своих людей для тщательного

расследования. И, — добавил он, сочась той разновидностью корыстной вкрадчивости, которая обычно так грела Хардину сердце, — могу я предложить немедленное введение на горе Трарарат налога на швартовку, иммиграцию, а также карантинные выплаты за всех животных, насекомых и птиц, сир?

— Отлично, Эбенит! — отозвался король, прожевывая очередную миногу. — Именно так и сделайте! — Затем он повернулся к дрожащей троице, что расположилась перед ним: — Ваш рапорт из Рингилла? Давайте его сюда!

Лаппет кашлянул, пододвинул к себе торопливо составленную гору пергамента и начал читать.

— Независимое расследование на предмет состояния части Объединенного королевства Рингилла и Кранахана, доселе известной в своей целокупности как Рингилл...

— Короче, приятель! — крикнул Хардин, разбрасывая тонкую пленку рыбьих ошметков по столу, полу и трем военным. — Давайте мне общий итог!

— Пожар, сир! — пробормотал Лаппет, пытаясь не обращать внимания на ошметок миноги, пока тот сползал вниз по его левой щеке.

— Пожар?

— Так точно, сир, — подтвердил Лаппет, кивая чуть с большим энтузиазмом, нежели тот, с которым он пытался убрать со своей физиономии поблескивающую блямбу рыбьей чешуи.

— Вы что тут, шутки шутите? — прорычал Хардин.

— Никак нет, сир! — замотал головой военный, мотая головой и испуская вздох облегчения, когда ошметок миноги наконец покинул его щеку и приземлился на ботинок Батталье.

— Причина пожара? — спросил Хардин.

— Избыток органического тепла, обеспеченный несколькими языками горючей формы дыхания, произведенными крупным летучим ящером легендарного происхождения, сир! — отчеканил полковник Паукер и немедленно об этом пожалел.

Челюсть Хардина в ярости выдвинулась вперед, а усы в форме велосипедного руля бешено задрожали. Эбенит съежился.

— Что, во имя здравомыслия, сие означает?

— Э-э... дракона, сир! — залебезил Паукер. Его козлиная бородка энергично задергалась, когда он начал прощаться со своей шеей, плечами и всеми прочими частями тела, которых ему очень скоро так отчаянно будет недоставать.

Оттенок физиономии короля Хардина еще чуть-чуть сдвинулся в сторону багрового.

— Вы пытаетесь сказать мне, что добрались до самого Рингилла и вернулись обратно с заключением, что его сжег дракон?

— Так точно, сир!

— Я бы и сам мог вам об этом сказать. Не так уж сложно сложить языки пламени с гигантским золотистым ящером и выдать что-то подобное. Так?

Они покивали.

— А разве я не упоминал о чем-то вроде заключения? — прорычал король.

— Это сделал дракон! — выпалил Лаппет. — Сир... — вяло добавил он.

— Нет! Нет! НЕТ! — заорал Хардин, колотя по столу кулаком и вскакивая на ноги. — Взгляните на факты! Мое королевство уничтожается огнем, у меня тут по всей округе летает дракон — существо, про которое совсем до недавнего времени я мог бы поклясться, что оно вымышленное. Далее, пока дракон не появился, никаких сожжений не было — конечно, если не считать ведьм и паскудных деревушек, которые вовремя не платят десятину, но это совсем другое дело. Это профессиональный вопрос! Не надо быть гением, чтобы прикинуть, что все эти безобразия учинил дракон! Даже я могу об этом догадаться! — Хардин помедлил ровно насколько, чтобы откусить голову очередной миноге и сделать изрядный глоток из кувшина с медом.

— Когда я сказал «заключение», — продолжил Хардин, — я имел в виду прекращение драконьего бесчинства! Возвращайтесь на своих коней и выполните работу как следует!

Любые возражения троицы на корню перечеркивались злобно жующей физиономией короля, повелительно озирающего загаженную поверхность стола.

— И голову его с собой принесите! — заорал он вслед их удаляющимся спинам. — Я хочу попробовать суп из драконьих мозгов!

Угрожать королю! Угрожать королю? Разум Фиркина бурлил в тесном сумраке тоннеля у самого выхода в тронную залу Фиска, пока он все глазел прямо перед собой и пытался прикинуть, что этот

негодяй мог иметь в виду. Фиркин понимал, что это должно быть неприятным и даже, быть может, в высшей степени мучительным. Изобилие небрежно игнорируемых сокровищ, заполнявшее пещеру, служило тому подтверждением. Половина разума Фиркина хотела проникнуть в логово негодяя, собрать достаточный объем разоблачительной информации, сбежать оттуда и привести представителей власти — у которых было бы больше силы, чем у кита, сброшенного с высоты в полторы тысячи футов. Другая же половина была очень даже счастлива удовлетвориться имеющимся, то есть сидеть во тьме, трясясь от ужаса и смятения. Но что же все-таки готовил Фиск?

Внезапно рука буквально выстрелила из темноты, удушающе зажала Фиркину нос и рот, после чего запихнула его в крошечный альков. Глаза его расширились в панике, пока он наблюдал за пальцем, которым Кургетта лихорадочно грозила ему в полутьме. Затем, посредством хлопающих движений и пальцев, указывающих вниз, она привлекла внимание обалделого Фиркина к некому равномерному звуку. Сперва ему показалось, что кто-то хлопает по стене замшей, и только когда в поле его зрения появился нетопырь со скатанным в рулон экземпляром «Кранаханского вестника» в пасти, Фиркин разобрался, в чем дело.

Существо неожиданно замерло в воздухе, неловко приземлилось на пол тоннеля и принялось неистово корчиться, точно какой-то отчаянный цирковой артист, пытающийся высвободиться из чемодана в форме летучей мыши. Странным образом мех крылана изменился и приобрел блеклую элегантность смокинга, крылья претерпели метаморфозу и стали руками, а голова приняла в целом человекоподобные очертания.

Донну мгновенно и бесшумно вытошнило.

Не сознавая о присутствии посторонних, Влад отряхнул смокинг, подобрал пергаментную газету и метнулся в тронную залу Фиска.

— Сспещвыпусск!.. — вскричал он, энергично шагая по темному каменному полу.

— Давай сюда, немедленно! — заорал Фиск. Кожаные рукавицы сжимались и разжимались, хватая воздух, пока пергамент не оказался у него в руках.

— Что, опять летал? — рявкнул Фиск, когда его хватка соскользнула с обслюнявленного пергамента.

— Так быссстрее...

— Так грязнее! — прорычал Фиск, разворачивая «Кранаханский вестник» и глядя на первую страницу. Затем он поморгал, помотал головой и воззрился на газету снова. Верхняя губа Фиска подрагивала в кривой усмешке гнева и недоверия, пока он читал заголовок.

— НЕТ! — завопил он, швыряя газету на пол. — Я этому не верю! Он не может этого отрицать!

— Ссквернные новоссти? — осведомился Влад.

— Хуже, чем скверные! — донесся визгливый ответ, пока Фиск, обуреваемый захлестывающим его гневом, барабанил по подлокотнику трона. — Ничего хуже он сделать не мог! Но ладно, он об этом пожалеет. Никто не может встать на пути Экспроприатора и остаться целым и невредимым. Никто не может сделать из меня посмешище и остаться в живых! Никто, даже король!

Фиск, содрогаясь от страстного неистовства, вскочил и понесся прочь из залы, по пути раздраженно пнув комплект металлических доспехов на полу.

Влад повернулся к пергаментной газете и скорчился, прочитав ядовитый заголовок: «Выеденного яйца не стоит!»

— Охх, проклятье! Быть беде! — пробормотал он себе под нос, пока вой неистовой обиды сопровождал разнообразные металлические звуки. Было слышно, как пика пронзает нагрудник одного невинного комплекта доспехов, алебарда обезглавливает три других, а стальное копье зловредно протыкает забрало пятому. Дальше последовала недолгая тишина — это Фиск наслаждался свежими шашлыками из доспехов; а затем полетели искры, когда он применил к шашлыкам острый кетчуп своего нрава, пиная и топча в припадке грубой, багровой ярости.

На вершине увенчанной ковчегом горы Трарарат, а также в полосе вдоль всего Фор-Варда, так далеко, как только мог видеть глаз, было чрезвычайно трудно избежать свидетельств того, что несколько тысяч голодных животных внезапно оказались выпущены из насильственного плена. Следы перепуганных травоядных сбегали вниз по склону горы, пока они пытались спастись от когтей прожорливых хищников. Заляпанные пятнами крови следы отчаянной борьбы испещряли горный склон. Маленькие кустики вереска

дергались и рыдали в ботанической скорби, изучая ущерб, причиненный стадами безжалостно щиплющих коз, вытирали лиственными конечностями слезящиеся глаза, наблюдая за вещами, которые сеянец просто видеть не мог, — за кустами, потрепанными и вырванными с корнем ненасытными копытными; за хлипкими ростками, вырванными из каменистой почвы, дабы их нагло пожрали верблюды, трагически растоптали ламы, перемололи в кашу овцы или снесли бегущие антилопы. Что и говорить — налицо был массовый гербицид.

Но пока генерал Баттальe, полковник Паукер, коннетабль Лаппет и небольшой контингент Черной Стражи пробивали себе дорогу по склону горы к торчащему на вершине ковчегу, вовсе не это неистовство насыщения вызвало у них острый дискомфорт. Хуже всего было то облегчение, которое ощутили пассажиры ковчега при внезапном конце столь трудного морского вояжа, — и как компетентно они его выразили в самом широком разнообразии дымящихся груд, кучек и катышков.

— Отличная работа, папаша, — сказал Срам, хлопая старика по плечу, пока тот ковылял вниз по сходням на сушу. — Не думал, что у тебя получится!

— Да! Теперь и впрямь есть вера! — пробормотал Ноер, пытаясь привыкнуть к неподвижной земле. Втайне он недоумевал, как же ему все-таки удалось это проделать. Разве там не должно было быть чего-то насчет голубя и оливковой ветви? Разве не должны были иметься в наличии многие мили густых черных туч, растущих и клубящихся над ковчегом... а потом — р-раз и земля?

«А, ладно, пора начинать все сызнова, — подумал старик. — Теперь мир очищен от греха и только того и ожидает, чтобы его заселили вновь...»

— Ага! Так это ваш корабль, приятель? — завопил глас в пустыне. — Вы не можете парковать его здесь! Без разрешения на парковку ни в какую не можете! Есть у вас разрешение? Так есть или нет? — прокричала фигура.

Ноер посмотрел на Срама и в полном недоумении пожал плечами.

— Гм... нет... я... э-э... — начал он.

— Ловко, нечего сказать. То есть налицо противоречие с указом о корабельной транспортировке, принятом не далее как сегодня

утром! — воскликнул сержант Сплин из Черной Стражи Кранахана, шагая вперед, доставая небольшой пергаментный блокнот и окуная перо в набедренную чернильницу.

— Послушай, добрый человек! Тут, похоже, вышло какое-то недоразумение. Все это не то, чем кажется... — начал Ноер.

— Ну-ну, сэр. Никакого вам «доброго человека». Я офицер по дознанию.

— Раз так, не будешь ли ты так добр сообщить нам, где мы находимся? — попросил Ноер. — А то мне кажется, я невесть как заблудился!

— Должен ли я из данной ремарки заключить, что в этот маленький блокнот мне следует добавить пункт «Плавание без должной заботы и внимания»? — осведомился Сплин.

— Нет-нет, — запротестовал Ноер. — Я плыл в восточном направлении, дожидаясь, когда вернется мой маленький голубок, а тут налетели все эти черные тучи, и я, то есть мы... гм... Короче, вот мы и здесь.

— Ага! Так это ваши домашние животные загаживают всю округу и сеют повсюду разор?

— Я бы не стал употреблять термин «домашние животные». Я... гм-м... просто за ними присматривал.

— А есть ли у вас какое-либо письменное разрешение на осуществление массового присмотра за животными? — рявкнул Сплин, страстно желая заполучить как можно больше пунктов обвинений, включая кражу скота.

— Нет, я... гм... я просто почувствовал побуждение впустить всех этих животных на мой ковчег и... э-э... отплыть с ними. — Внезапно Ноер понял, как скверно все это звучит.

— Понимаю. Думаю, приятель, вам лучше пройти со мной куда следует. Вам предстоит дать очень много объяснений. — Сержант Сплин ухмыльнулся, надевая Ноеру на запястья кожаные наручники и направляя его прочь. Старик все еще пытался протестовать насчет своей невиновности.

— А тем временем, — крикнул Сплин через плечо, обращаясь к Сраму, — если не хотите предстать перед судом по обвинению в нелегальном и неуполномоченном нарушении указа о распространении биологических питательных веществ (страница 1324, подраздел «Животные») от 1014 года по КОТу, а также краже скота и целому набору других уголовных обвинений, которые я, несомненно, при

случае могу перечислить, я бы на вашем месте быстренько собрал всех этих зверюг и вернул их на корабль!

— Ну уж нет! — пробормотал Срам себе под нос, глазея на многие акры всевозможных следов. — Только не это! Еще раз мне с этим не справиться!

В настроении почти таком же черном, как его скрипящие кожаные рукавицы и наглазная повязка, Фиск молча сидел на древнем троне. Оба его костлявых локтя твердо покоились на подлокотниках, а ладони стояли домиком в глубоком и мрачно-презрительном раздумье.

— Я спокоен, — произнес он в несчетный раз со времени его приступа доспехоубийственной ярости. — Я совершенно спокоен.

Единственная венка пульсировала на его виске, выдавая раздражение так же верно, как если бы Фиск взад-вперед расхаживал по полу со сцепленными за спиной руками, а стальные колпачки на пальцах его ног вышибали бы искры из каменных плит.

В голове у него бушевал спор, и многие мысленные голоса пронзительно кричали.

— Так что же мы собираемся с этим поделать? — завопил Гнев с самого верха Амфитеатра Эмоций, подбирая свою алую мантию и шагая вниз по мраморной лестнице нервов.

— Убить Хардина! — завопило Бешенство, топая ногой по полу и поднимая клуб дыма.

— Нет-нет! — возразила Месть, подрагивая в своей толстой, голубой как лед мантии. Заявление Бешенства она отмела одним расчетливым взмахом костлявой кисти. — Слишком прямолинейно. Ребяческие эмоции.

— Предать его медленной смерти! — рявкнуло Бешенство, колотя дымящимся кулаком по раскрытой ладони.

— Старо как мир! — фыркнула Месть, выковыривая грязь из-под своих бритвенно-острых ногтей.

— Похитить все-все его богатство! — выкрикнула Алчность, потирая ладони от мелочной радости.

— Это будет больно, — откликнулась Месть, кивая. — Но этого недостаточно.

— Вывернуть его наизнанку, медленно-медленно! — прорычало Бешенство, жутко багровея и красочно иллюстрируя свое предложение серией экспрессивных жестов.

— Чудесная мысль. Но как-нибудь в другой раз. — Месть спокойно помахала ледяным указательным пальцем.

— Так что же мы собираемся с этим поделать? — опять выкрикнул Гнев, соревнуясь с Бешенством в багровом цвете лица.

— Вырвать ему руку и этой самой рукой исхлестать его до смерти! — завопило Бешенство, пытаясь наглядно продемонстрировать желаемое действие.

— Нет-нет! — настаивала Месть. — Какими бы восхитительно-изобретательными ни были ваши идеи, мое дорогое Бешенство, а они, несомненно, таковыми являются, боюсь, в данном случае они самую малость окончательны. На этом основываться нельзя.

— Но я его ненавижу! — холодно процедило Бешенство.

— Вы всех ненавидите, — холодно отозвалась Месть.

— Верно. Но я по-настоящему его ненавижу. И он так с ума меня сводит, что у меня просто раскалывается голова. Я прямо сейчас могла бы... могла бы...

— Только не сейчас!

— Я могла бы просто самую малость его убить!

— Нет! — твердо настаивала Месть.

Беря дело в свои злобно сжимающиеся кулаки, Гнев подкрался к голубой как лед фигуре Мести, костоломной хваткой взял ее за горло и оторвал от мраморного сиденья. От сильнейшего напряжения его бицепсы непомерно раздувались.

— Что же мы собираемся делать? — завопил он в ярости, пока ноги Мести болтались в воздухе, словно бы крутя педали велосипеда.

— Пусти-и! — задыхалась Месть.

— Да? И что тогда? — прорычал Гнев.

— Поставь ее на место! — заорала Злость с другой стороны Амфитеатра. Она стремительно сбежала по лестнице, ее юбки сбились. — Ей больно! Она уже посинела!

— Она всегда синяя!

— Но не такого оттенка!

Гнев громко выругался и выпустил Месть, которая тут же осела задыхающейся грудой. Потом он ринулся на другую сторону Амфитеатра, что-то бубня и бормоча.

— Ах, моя сладчайшая Месть! С тобой все хорошо? — закурлыкала Злость, гладя подруге лоб.

— Я его достану! — пробормотала та, кашляя и отплевываясь. Затем она встала, выглядя совсем больной. Все глаза были сосредоточены на ней.

— Какова единственная важнейшая вещь в жизни Хардина? — спросила Месть и еще немного покашляла, чтобы успокоить Злость.

— Деньги! — завопила Алчность.

— Еда! — едва слышно выкрикнуло Обжорство, не отрываясь от огромного свиного бока.

— Деньги и Еда! — завизжала Алчность, снова потирая ладони. — Вместе взятые! Многие сундуки прелестных денег, золота, сокровищ...

— Нет! — выкрикнула Месть. — Они важны. Но что еще более важно? Что останавливает всех от того, чтобы наложить лапы на его деньги? В будущем?

— Мечи, — рявкнуло Бешенство. — Копья, луки и...

— Клайт! — прошептала Злость в голове у Фиска.

— Клайт! — заорал Фиск, грохая кулаком в рукавице по подлокотнику трона. И без того взвинченный и ошарашенный Влад окончательно разнервничался.

— Где, где? — пронзительно вскрикнул вампир, тревожно озираясь.

— Почему я раньше об этом не подумал? — завизжал Фиск. Его единственный здоровый глаз теперь горел холодно-голубым цветом мантии Мести. — Смерть — слишком просто! Заколоть, зарезать, и все кончено!

— Кого? Ч-что?

— Пусть он страдает! Пусть начнет тревожиться! — Внезапно Фиск соскочил с трона и бросился бежать. Сердце его бешено колотилось от переизбытка энергии.

На сей раз все должно будет сработать. На сей раз никаких отречений не состоится.

Как можно будет отрицать исчезновение наследного принца?

Влад встал и пустился следом за безумно кудахтающей и орущей фигурой, пока она исчезала во мраке. Дикие и грубые вопли зловеще отскакивали от стен.

— Вы это слышали? — прохрипел Фиркин в темноте, стараясь буйствовать по-тихому.

— Вряд ли мы могли этого не слышать! — отозвался Пузына. — Все эти дикие вопли...

— Идем. Помешаем ему! — прорычал Фиркин.

— Как же ты его одолеешь? — резко спросила Кургетта. — Оружием ты не силен!

— Ну, я, то есть мы могли бы... — проворчал Фиркин, размахивая кулаками по воздуху, как будто он уже кого-то бил.

— Что? — рявкнул Пузына. — Укусить его за коленку? По заднице шлепнуть? Просто успокойся и немного подумай!

— Но он же уходит! — запротестовал корчащийся от ярости Фиркин.

— Мы не знаем, что он задумал, куда он идет, мы вообще ничего не знаем! — резонно заметил Пузына.

— Я знаю, знаю, но должны же мы что-то сделать! И сделать это прямо сейчас! — С силой протолкнувшись мимо Кургетты и вырвавшись из хватки Пузыны, Фиркин стремительно понесся по тоннелю. Мозг его бурлил яркими образами, пузырясь картинами того, как он, герой Фиркин, врывается в самый последний момент, чтобы спасти Клайта от злого Фиска, уже замахнувшегося мечом. Как он на веревке перелетает через разверстую пропасть, чтобы приземлиться на вершине высокой башни, как металл лязгает об острый металл. Как он бьет, рубит и колет, тесня Фиска к парапету, прижимая его спиной к каменному зубцу и заставляя его признать свое поражение.

— По-моему, он опять валяет дурака, — прошептала Донна, когда Фиркин исчез во тьме. Она уже научилась видеть мириады тонких различий между скрытностью и глупостью, а также приходила к тревожному осознанию того, что ее брат просто ничего не понимает. Пузына кивнул, словно бы оправдываясь.

— Ах ты боже мой, — произнес он шепотом, обычно припасаемым для отклика на заявления вроде: «Знаешь, на твоего любимого паука только что слон наступил».

Пузына почти ожидал, что Донна сейчас скажет: «Ничего страшного. Я всегда могу себе завести нового». И испытал невероятное облегчение, когда она ничего такого не сказала.

— Ведь мы не можем просто сидеть здесь, да? — спросила Донна. — То есть сам ведь он сюда не вернется?

Кургетта и Пузына помотали головами.

— Мыслю, не вернется он, — сказала Кургетта. — Эх, нет конца женской работе!

Троица переглянулась, дружно пожала плечами и бросилась в черноту, неведомый мрак отчаянного будущего, надеясь, что никакой особенной глупости Фиркин еще вытворить не успел.

Когда звук стремительных шагов затих в сыром подземелье, легкий треск и шипение прозвучали во тьме, как будто москит только что врезался в высоковольтный провод. Затем последовало еще шипение, и из тьмы появилась высокая фигура. Ее шляпа была примята потолком тоннеля, а одна нога стояла в темно-зеленой луже в высшей степени сомнительной чистоты.

— Полный порядок! — пробормотал волшебник, моргая во мраке. — Никакой паники! Я здесь, чтобы... Нет, все это уже по-настоящему досадным становится. До смешного доходит.

Без малейшей улыбки, но зато с острым отвращением на лице он стал отряхивать мокрую и вонючую ногу.

— Истинная правда! — рявкнула раздраженная фигура Арбутуса, когда он злобной лапкой хлопнул Мерлота по плечу. — Что, хватку теряешь? Признаки старости, не иначе!

— А, чепуха! — откликнулся тот, досадливо отряхивая помятую и посыпанную мхом шляпу. — Они снова переместились, только и всего! Двинемся дальше! В третий раз повезет!

— Это уже третий раз и был! — принялся настаивать Арбутус.

— Не будь таким занудой, мой пернатый аллерген. Это всего лишь детали! Ну что, вперед?

Мерлот с прищуром взглянул на ворчащую сову, расценил неразборчивое уханье как утвердительный ответ, вытянул правую руку, досчитал до трех, и оба они исчезли.

Отточенные годами рефлексы вели Фиска по лабиринту тоннелей с пугающей точностью. Он решительно сворачивал именно там, где это было надо, и даже не делал остановок на перекрестках, сворачивая из тоннеля в тоннель. Влад с трудом поспевал за ним. Фиск, не тратя ни мгновения на раздумье, резко свернул вправо, затем влево и еще раз влево, поднялся на три уровня, свернул в пятнадцатый коридор направо, затем резко взял влево и вниз — все это одним слепящим вихрем. Темп Фиска начал ослабевать, только когда он вплотную приблизился к королевскому Сектору. Здесь уже надо было скрывать звук шагов от чужих ушей, а движение — от посторонних глаз. Но именно здесь и таилась награда!

Прокрадываясь вперед и дыша лишь самую малость громче скрипа кожаных рукавиц, Фиск неуклонно приближался к палатам принца. Опасливо пробираясь под полом, он уже слышал постукивание каблуков скучающего наследника у себя над головой.

Клайт горбился у окна в своих покоях, убивая время перед очередным ежедневным занятием. За эти годы он выяснил, что приходить пораньше всегда невыгодно. Малейший признак излишнего рвения — и пожилой наставник наверняка разволнуется и по-настоящему загрузит его работой. Дополнительное фехтование, еще три часа стрельбы из лука в неделю... Даже, может статься, математика! Приходить позже тоже было не слишком хорошо — наставник считал, что с опозданием и острым отсутствием интереса следует бороться посредством быстрой затрещины и наряда в пятьдесят кругов по двору бегом. Отсюда следовало, что приходить надо вовремя. Или не приходить вовсе. Печально, зато верно. Недаром пожилой наставник куда больше привык надоедать людям до смерти, чем пробуждать в них интерес.

Под ногами у принца крошечная затычка в дырке между половиц исчезла и была заменена единственным глазом.

Клайт лениво взял еще один кусочек хлеба со своей тарелки, щедро посыпал его ядерной смесью черного перца и горчицы, после чего выкинул из окна чирикающей стайке жадно кружащих воробьев. Как он и ожидал, кусочек был пойман в полете одним из нырнувших за ним обжор и мгновенно проглочен. Три... два... один. Есть контакт! Клайт громко захихикал, когда крошечная бурая птичка недоуменно облизнула клюв, пронзительно пискнула, после чего стремительно метнулась к охлаждающей чаше с водой.

В то же самое время панель пола взметнулась вверх, и оттуда изверглась дикая черная тень, горящая голубым пламенем ледяной мести. Клайт повернулся слишком поздно, чтобы как-то предотвратить то, что последовало. А последовало вот что: ему на голову, а затем и на туловище натянули большой пыльный мешок, быстро его обвязали веревкой и затянули ее на поясе, за считанные секупды намертво спеленывая юного принца. Затем потрясенного, ошалелого и задыхающегося Клайта быстро поволокли по неведомому миру тайных проходов и тоннелей.

— Фиркин! Фиркин! А ну вылазь оттуда! — гаркнул Пузына, тщетно пытаясь кричать шепотом.

— Говорю вам — они сюда пошли! А теперь тихо и давайте двигать дальше! — донесся раздраженный ответ из узкого прохода, что вел налево.

— Ты уверен? — рявкнул Пузына.

— Да-да-да!

Кургетта недовольно сморщила носик.

— Насколько уверен ты?

— Уверен, черт возьми, — прохрипел Фиркин, проползая чуть дальше по проходу. — За мной!

— Мы не можем! У меня нога до сих пор болит после того, как ты минуту назад на нас налетел! — запротестовал Пузына.

— Слушай, я уже сказал, что извиняюсь, но вы грохотали совсем как эти двое! — донесся глухой ответ из угольно-черного мрака.

— Но нас было трое! — простонал Пузына.

— Может быть, это эхо виновато. И вообще, прекратите умничать! Мы попусту тратим драгоценное время. Ползите за мной сюда. Клянусь, я уже их вижу!

— Не нравится мне все это! — захныкала Донна.

— У кого-то имеются лучшие идеи? — еще раз прошептал голос из темного прохода.

Последовавшее молчание Фиркин принял за отрицательный ответ и червем пополз дальше, неохотно преследуемый Кургеттой, Пузыной и Донной.

Черный Эбенит с растущей тревогой посматривал на короля. Прошло уже четыре часа с тех пор, как военачальники были отпущены, каждый после отменной выволочки, а Хардин так и не двинулся с места.

Вернее, он двинулся, но только затем, чтобы заказать себе еще меда, еще миног. Теперь король без конца раскачивался, подергивался и время от времени пускал слюну. Из Залы Совета он так и не вышел.

И, не отпустив самого себя, Хардин не отпустил и Эбенита.

Командир знал, что король скверно воспринял утрату Рингилла, но в таком состоянии он его никогда не видел.

Внезапно Хардин резко выпрямился, пронзительно завопил и принялся отмахиваться от чего-то огромного и незримого. В диком

ужасе он махал перед собой руками, пока это нечто носилось и зависало у него над головой.

— Прочь! Прочь от меня! — вопил король. — Нет у меня никаких яиц! А твоего — в особенности! — Затем он дурашливо ухмыльнулся, захихикал и плюхнулся физиономией в чашу с медом.

Эбенит подбежал к нему в тот самый момент, когда в дверь настойчиво забарабанили. Это было либо беспрецедентным дурачеством, либо невероятной отвагой. Затем дверь распахнулась, и в покои ворвался пожилой наставник Клайта, в ужасе размахивая куском пергамента.

— Сир! Сир!

— Будь проклят этот дракон! Пусть прекратит палить! — пронзительно заверещал Хардин, снова принимая нормальное сидячее положение и неуверенно озираясь. — На что это ты глазеешь? И куда подевался этот чертов дракон? Где Баттальe?

— Желаете ли вы, сир, чтобы вам ответили по порядку? — осведомился Эбенит, отступая на несколько шагов.

— А? Ты о чем?

— Сир, сир! Это Клайт! — выпалил наставник.

— Нет-нет! Это Эбенит. Мой старый друган, Абонент Чудный! — Хардин ухмыльнулся дрожащему командиру. Что-то шло не так. Вернее, даже две вещи самым капитальным образом двигались не так, как надо, — но Эбенит не мог понять, в чем тут дело.

— Вы с моим старым корефаном Бегемотом Частным знакомы? — невнятно пробормотал Хардин, слегка раскачиваясь.

— Да, ваше величество! Но, сир!

— Он классный чувак! Добрый старина Гебанат...

— Сир! Ваш сын...

— Нет-нет! Он не мой сын. Он мой командир...

— Сир! Ваш сын пропал! — выкрикнул наставник.

— Пропал? Куда? — Хардин отчаянно помотал головой, словно стараясь выбраться из состояния глубокого наркотического отупения. В котором он, кстати, и находился.

— П-похищен, сир!

От этого сообщения Эбенит чуть не рухнул на пол.

А в стене слева от Залы Совета один из членов группы непрошеных гостей уже начинал испытывать острую клаустрофобию.

— Если этот проход станет еще уже, — запротестовал Пузына, — я либо застряну, либо заору. А скорее всего, и то и другое.

— Мы уже почти там! — прохрипел Фиркин. — Я слышу голоса!

— Ты нам все последние полчаса это твердишь! — пожаловался Пузына. — Не следовало нам тебя слушать. «Сюда за угол. Еще чуть-чуть дальше»! Тьфу!

— Я правда голоса слышу! — настаивал Фиркин. — Вот, сами послушайте!

Сквозь стену, приглушенные толстым камнем, и впрямь просачивались слова.

— Вот, сир, записка, которую я нашел, когда пошел за ним, потому что он опаздывал на занятия! — проблеял наставник, передавая пергамент.

— Что? — проревел король, туманным взором уставившись на записку. — Это шутка? — выкрикнул он, внезапно вставая, резко покачиваясь и снова садясь. — Я в это не верю!

— Это правда, ваше величество!

В угольной черноте четыре подростка остановились и прислушались к обрывкам неистового обмена репликами.

— Видите? Слышите? — рявкнул Фиркин. — Там сказали — «ваше величество». Клайт здесь! — прошептал он. — Я же вам говорил!

Надежда запустила множество обнадеживающих ракет в его отчаявшемся сердце, и ракеты эти взорвались громадными хризантемами сияющей уверенности. Фиркин пополз прямиком к Зале Совета, и его рука коснулась деревянной панели.

— Но, сир! Если бы я знал, где он находится, я бы вам сказал! — воскликнул наставник.

— Почему я? — вопросил Хардин. — Почему именно сейчас? — пожаловался он. — Как будто мне одних только проблем с яйцами не хватает!

Наставник почтительно кивнул, лишь недоумевая, почему о своих столь интимных проблемах король говорит публично.

— Эбенит! — приказал король, чудесным образом приходя в ясное сознание — несмотря на то, что несколько сот миллиграммов Месс Калины в данный момент смешивались с восемью-девятью кружками меда, циркулирующими по его телу. — Эбенит, я хочу, чтобы вы это дело расследовали.

— Да, ваше величество.

— Я хочу, чтобы вы выяснили...

— Клайт! — вскричал писклявый голосок, когда деревянная дверца в шести футах вверх по стене распахнулась, и оттуда выпало тело подростка, за которым последовали рыжеволосая девушка с большим мечом, невысокий толстый мальчишка с наружностью бочонка и совсем юная, пронзительно визжащая девочка.

Эбенит мгновенно развернулся и выхватил меч. Держа его наготове, он расставил ноги и приготовился охранять короля.

Фиркин силился выбраться из-под кучи-малы, по-прежнему отчаянно вопя:

— Клайт, вы в опасности! Я... ох, мамочка. — Он мигом умолк, заглянув в глаза предельно зловещему на вид командиру Эбениту и невозможно древнему королю.

— Взять их! — выкрикнул король Хардин, указывая на кучку корчащихся на полу подростков.

— Нет, только не это! — захныкал Пузына. — Опять в тюрьму?

ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ — ПОЛНЫЕ КРАНТЫ

— Но мы не имеем к этому никакого отношения! — протестовал Фиркин, хватаясь за прутья дверной решетки, пока камера закрывалась.

— Ага-ага. Это одна из двух вещей, которые все всегда говорят, — прохрипел здоровенный стражник. Затем он шмыгнул носом, запер дверь и повесил ключ обратно на ремень, обернутый вокруг его непомерно толстого брюха. — Конечно, вы ни в коем случае не хотели тревожить короля, ни-ни. Никогда не намеревались прокрадываться по целым милям тайных проходов, про которые никто, кроме вас, не знал. Вам даже в голову не приходило похищать принца и придерживать его ради выкупа!

— Вы совершенно правы! Мы не виновны! — согласился Фиркин.

— Вот-вот, — буркнул стражник. Неодобрительно поцокав языком, он смачно сплюнул и отвернулся от камеры. — Это как раз вторая вещь. Если бы мне давали пинту всякий раз, как я это слышу, у меня бы сейчас вообще печени не было!

— Не надо так говорить! Не надо! — рявкнул Фиркин, затылком ощущая на себе жгучие и неодобрительные взоры остальных.

— «Не надо, не надо!» — передразнила его Кургетта, чувствуя себя почти голой без Эксбенедикта и в этих дурацких лосинах.

Стремление приковать себя к какой-нибудь решетке почему-то стремительно испарилось. — «Вот в этот проход. Я уже его слышу!»

— Я не слышал, чтобы вы подавали какие-то лучшие идеи, — прорычал Фиркин, ломая руки в гневном разочаровании.

— Ты просто не слушал!

— Я слушал!

— Не слушал.

— Слушал!

— Ты просто поперся по первому же попавшемуся проходу, какой тебе показался подходящим!

— Нет, не поперся!

— Нет, поперся!

Внезапно треск, какой обычно получается, если бросить мокрую кошку в полный кипящего жира котел, наполнил камеру и остановил препирательства в самом разгаре.

Прямо на глазах у подростков пятно непонятного цвета материализовалось в углу камеры. Оно расширялось по вертикали, растягиваясь и словно бы наполняя воздух саксафраном, пока с финальным звуком смачного плевка, который секунды тому назад произвел стражник, не оказалось вдруг закончено — длинная борода, сова, высокая остроконечная шляпа и соответствующая мантия, усыпанная звездами, обрамленная воротником и рукавами цвета до-минор на пятом ладу.

— Полный порядок! — почти устало пробормотал волшебник, но тут же, увидев лица юнцов, приободрился. — Никакой паники! Я здесь, чтобы...

— Мерлот! — пронзительно вскрикнул Пузына.

— Вот видишь? — сказал волшебник, оборачиваясь к сидящей у него на плече сове. — На третий раз и впрямь повезло! Ну, что скажешь?

— На четвертый, — буркнул Арбутус, оглядывая камеру и демонстрируя при этом вращение головы чуть ли не на триста шестьдесят градусов. — И еще я бы не сказал, что нам так уж повезло!

— Мерлот! Это вы, правда? — воскликнул Пузына.

— Что? — проворчал волшебник, глядя на сову, пока та аккуратно складывала крылья у себя на загривке.

— Из сферы твоего внимания, судя по всему, ускользнул тот факт, что в настоящее время мы вместе с четырьмя остальными

персонажами заперты в камере высшей секретности в самых недрах Императорской Дворцовой Крепости Кранахана! — самодовольно произнес Арбутус.

— Детали! Просто детали! — проворчал Мерлот. — Ты, мой дорогой пернатый друг, становишься совсем уж занудой! Вот, возьми себе мышку! — Мерлот поднял шляпу, и Арбутус радостно схватил засушенного грызуна с белоснежной головы волшебника.

— Мерлот! Вы нас слышите? — взмолился Пузына, почти убежденный в том, что галлюцинирует.

— Да-да! И нечего так орать, молодой человек! Вы не дома! — ответил Мерлот, сгибаясь в поясе, чтобы посмотреть на подростка. — Ха! Пузына, не так ли? Славно, славно! Персики любишь? Мы ведь с вами уже встречались, не правда ли?[1]

— Гм, правда, — выдавил из себя Пузына и тут же ахнул, принимая целую пригоршню пушистых фруктов. — Встречались. Разве вы не помните?

— Помню ли я? Конечно, помню! Просто у меня в голове временами все путается, только и всего! — Арбутус радостно заухал, идиотично закатил глаза и принялся потихоньку крутить указательным маховым пером у виска.

— Что вы здесь делаете? — гаркнул Фиркин, недовольный тем, что его опять обошли по служебной лестнице.

— Ага! Это очень хороший вопрос, молодой человек, на который есть очень скверный ответ, — ответил Мерлот и сел по-турецки на холодный пол камеры. — Замечали вы в последнее время что-нибудь странное? — спросил он.

— Вроде волшебников, которые внезапно появляются в камере и даже не предлагают вызволить нас, чтобы спасти Клайта? — съязвил Фиркин.

---

[1] Жизнь волшебника Мерлота овеяна различными слухами и загадками. Такими, к примеру, загадками, как источник мыши под его шляпой. Такими головоломками, как его способность стоять прямо в своей мантии несмотря на совокупный вес разнообразного мусора и различных представителей дикой природы внутри его карманов — в разное время там обнаруживались гитарные струны, велосипедные цепи, электрические чайники, целая колония полевок и комнатный аквариум. Вес этого богатства оценивается как приблизительно равный весу средних размеров носорога. Существует также слух о том, что Мерлот живет, так сказать, в обратную сторону. Многие отчетливо припоминали, как он отрицал этот факт на пресс-конференции, состоявшейся через шесть столетий в будущем.

— Да, — просто ответил Мерлот.

— Так собираетесь ли вы все-таки нас отсюда вызволить? — напористо рявкнул Фиркин. — Ведь вам всякая там магия подвластна, правда? Только я непременно должен особо вас попросить. Хотя мы уже встречали нескольких колдунов, которые вообще ничего не могли.

— Все в свое время, юный Фиркин! Откуда у тебя такая одержимость тем, что тебя запирают в камеру?

— Я предпочитаю, чтобы меня никуда не запирали!

— Все в свое время, все в свое время, славный мальчик! — сказал Мерлот.

— А почему не сейчас?

— Да в общем-то ни почему. Если не считать того, что вам всем здесь безопасней.

— Безопасней? От кого? От чего?

— От кого, — уточнил Арбутус.

— Педант, — буркнул Мерлот, бросая сове еще одну мышь. Затем он сосредоточил очень твердый взгляд на подростках. — Так вы говорите, что ничего странного в последнее время не видели?

— Нет! — рявкнул Фиркин, нетерпеливо ерзая. — Можем мы теперь идти? Клайт в беде!

— Заткнись, — отрезала Кургетта, волчицей глядя на Фиркина и пытаясь сжать отсутствующую рукоять меча. — Вы имеете в виду разных кроликов с карманными часами?

— Да.

— И странных мечей?

— И драконов? — спросил Пузына.

— Вы все это видели? — спросил Мерлот.

Подростки кивнули.

— Кхе-кхе, — покашлял волшебник, задумчиво дергая себя за бороду.

— Так вы поэтому здесь? — нажал Пузына.

— Что происходит? — потребовала ответа Кургетта.

Мерлот с мрачным видом покачал головой, уставился на карман Пузыны и спросил:

— Как там Хитрин?

Лицо Пузыны побледнело. Во всем этом бешеном хаосе он совсем позабыл о зеленом книжном червячке. Опасливо вытащив из кармана «Чиновника леди Люттерлей», он открыл книгу на главе восемьдесят пятой. Челюсть Пузыны рухнула еще ниже, когда он

уставился на твердый коричневый комочек, пульсирующий в том уголке, где должен был находиться Хитрин.

— Ох ты боже мой! — просипела Донна. — Что случилось?

— Какая жалость, что он окукли́лся, — проворчал Мерлот. — Он мог бы дать нам все ответы!

— Что происходит? — в очередной раз спросил Пузына. — Откуда появляются все эти вымышленные существа?

— Отважься на догадку! — сказал Мерлот.

Пузына внимательно посмотрел на Хитрина, затем на Мерлота и Арбутуса.

— С той стороны Пространственно-Литературного Континуума... — произнес он. Благоговейный страх придал его голосу дополнительный пафос.

Мерлот кивнул.

— Там есть дыра. И она становится все больше. Раньше я думал, что существует лишь теоретическая возможность того, что книжный червь прогрызет дыру в пространстве-литературе. Но теперь мы ее получили!

— Как?

— Не знаю! — признался Мерлот. — Но мы должны как-то ее перекрыть. Если континуум прорвется, мы получим литературно-аэродинамическую трубу. Свободный взаимообмен реальности и фантазии приведет в итоге к полному хаосу. Вы уже видели, что в самом деле может происходить. Если этот процесс затянется, факт сольется с фикцией, реальность — с выдумкой. И еще не ясно, для кого эта труба наступит быстрее. Но и сейчас жизнь в Измерении Глав уже находится в опасности!

— А что мы можем с этим поделать? — воскликнул перепуганный Пузына.

— Ну что ж, вы можете начать с рассказа о том, где вы в последнее время побывали и что делали! — сказал Мерлот. — Начните с самого начала!

Выглядывая из окна в комнате Клайта, король Хардин трясся от ярости. Пальцы его злобно крошили подоконник, выцарапывали из него кусочки цемента. Черные Стражники обыскали здесь все в поисках улик, но не нашли ничего, что дало бы хоть малейший намек на то, что случилось, кроме записки.

Его сына украли буквально из-под носа. Похитили!

Взревев от досады, король стукнул кулаком по древесине оконной рамы, донельзя ошарашив стайку воробьев снаружи.

Ему непременно требовался сын и наследник. Хардин знал, что пройдет еще совсем немного лет, а потом старость подкрадется к нему и начнет забирать дары молодости, которые он так отчаянно силился удержать. Сила, подвижность и проворство злых мыслей предадут его, оставляя открытым для любой атаки. Даже его личный врач, Нар Коллог, пока не умел лечить старость. А королевство попросту выхватят из его слабеющих рук. Если только у Хардина не будет сына, чтобы править дальше.

Что за унижение! Король Хардин, правитель Объединенного королевства Рингилла и Кранахана, не смог уследить за собственным ребенком!

Впервые в жизни он почувствовал себя уязвимым. Как будто какой-то гад украл его любимое нижнее белье.

Хардин бурей вырвался из покоев Клайта, рявкнув по дороге, чтобы ему принесли мед и миног. Немедленно. Вернее, еще раньше!

Сквозь когтистые пальцы своих лапок сова скучающе наблюдала с заброшенной колокольни башни Мартелло за тем, как группа из трех крошечных человечков устанавливает далеко внизу, на булыжной площади, небольшой лоток. Люди корпели вовсю, воздвигая знамена и только что изготовленные дощатые вывески, что оповещали об их бизнесе.

На сей раз все трое были уверены, что верно выбрали время. Подземный поток общественного мнения пробивался сквозь водоносные пласты недоверия, и они уже могли чуять в воздухе запах спелых сплетен, ловить случайные обрывки слухов, даже читать обо всем этом в «Кранаханском вестнике». Отчеты о странных событиях заполняли пергаментную газету странными обрывками загадок, поддерживая горячий интерес публики ко всему причудливому. Газету буквально затопляли отчеты о наблюдении за вымышленными существами, запросто вышагивающими по окрестным горам. Ранние беженцы из выжженного Рингилла принесли ужасающие вести об атаке дракона. А первосвященники Наивозвышенной церкви святого Жмота Неумытого как никогда готовились заполучить звонкую монету, облачившись в доспехи решительного отвержения неизвестности.

В сотнях футов под пальцами лапок совы его преосвященство Спирохет Ревностно Восторженный немного отступил от лотка, любуясь своей работой, пока его мягчительство Клистир Самый Скользкий отчаянно потел, вбивая на место последний гвоздь.

Изучая подобный алтарю лоток, Спирохет ощущал у основания позвоночника приятную щекотку возбуждения. Ствол большого дерева стоял на возвышенной платформе, задрапированный старым темно-зеленым занавесом, разрисованным странно-витиеватыми узорами. Два больших шеста располагались по обе стороны, поддерживая вывеску, сбитую из специально «позаимствованных» для этой цели половиц, где во всеуслышанье объявлялось:

ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ — ЗАГАДКА ДЛЯ ТЕБЯ?
ТРЕВОЖИТ И ПУГАЕТ?
ПОЛНЫЕ ВАННЫ БЛАГОВОННЫХ БАЛЬЗАМОВ
ВЕРЫ ЖДУТ ТЕБЯ!
ТЫ ДОЛЖЕН НЕМЕДЛЕННО
ПРИСОЕДИНИТЬСЯ К НАМ!

Его лучезарность Херсним Самый Превозносимый встал рядом со Спирохетом, наблюдая за тем, как Клистир слезает с вывески, грязно ругаясь и потирая ногу.

— Брат Клистир! — произнес Спирохет. — Следи за языком!

Цепочка непристойных кряхтений, указывающая на предельно интимную связь Клистира с тяжелой работой, да еще на высоте, стала заметно громче.

— Будь благодарен, что я вон ту полку раньше не присмотрел. — Спирохет указал на каменную перемычку в трех четвертях пути вверх по башне Мартелло.

Клистир поднял взгляд и выдал новую серию отборного богохульства и сквернословия.

Через несколько кратких минут на столе было зажжено множество высоких свечей, благочестивые на вид книги были разбросаны с точно просчитанной небрежностью, а колоссальный запас Сертификатов Неоспоримой Веры заодно со свежезаточенными перьями — приготовлен неподалеку в ожидании желанных подписей.

Спирохет выглянул из-за ствола, раскрыл «Красный манускрипт святого Жмота для новообращенных», обратился к главе «Прибыль» и начал читать.

— Не полагайтесь на интересы финансовых институтов, ибо они налогами облагаются! — объявил он. — Я суть ваша духовная опора, говорит святой Жмот, ибо я предлагаю вам безопасность, уют и то место, под которым вы спрячете ваши страхи.

Несколько пар ушей навострилось, пока слова Спирохета резонировали и виляли за ближайший угол.

— Не растрачивайте попусту ваши жемчуга, разбрасывая их перед свиньями, ибо мочки у них не проколоты.

Группа любопытных появилась из-за угла, интересуясь, о чем тут шумиха.

— Ты, мой добрый народ! — крикнул Спирохет, чья индиговая ряса внезапно раздулась. — Я знаю, ты способен почувствовать, что Конец Света близок! Ты можешь ощутить, что Ткань Реальности рвется по краям, по швам расходится! Скажи мне, что ты видел! Может статься, еще не слишком поздно спастись!

В самой глубине внутренностей у наблюдателей что-то такое зашевелилось; посыл странным образом дошел. Они видели всякую всячину, чувствовали черт знает что и пытались не обращать на все это внимания — пытались приладить шоры и смотреть в другую сторону. Такой вариант не работал. Ненадежная вера в то, что стаи странных неряшливых птиц, что строили себе гнезда в их дымовых трубах, есть по сути галлюцинации, вызванные неумеренным употреблением алкоголя, разбилась на миллион сверкающих осколков, когда проклятые твари остались там на следующее утро, учинив характерную исключительно для зелюков рассветную какофонию. Как будто одного этого было недостаточно, чтобы окончательно уничтожить теорию галлюцинации, стадо мюмзиков оставило целую улицу без сна посредством исключительно серьезных занятий массовым ночным хрюкотанием в мове (где они ее нашли, осталось непонятным). Несомненно, что-то было не так. Причем с каждой минутой это «что-то» становилось все больше и больше не так.

— Я способен объяснить необъяснимое! — объявил Спирохет, подманивая к себе наблюдателей. Его уверенные жесты подтягивали стоящие на площади фигуры поближе с той же надежностью, как если бы они были марионетками, подвешенными к его пальцами. Каждый взмах кисти первосвященника, каждый якобы священный жест пододвигал людей все ближе и ближе к краю очень скользкого склона святого Жмота.

Внезапно призрачная фигура Голода, сама голодная на вид, галопом промчалась по площади, размахивая битой для игры в поло и оглушительно вопя.

Через считанные мгновения на площади попросту не осталось места, толпы паникующих людей плотно ее забили. Каждому страстно хотелось узнать смысл присутствия василиска в ванне, саламандры в раковине и тысячи других подобных событий. Нетерпеливый гул нарастал и шум усиливался. Вопросы вызывали выспрашивание, а ответы воспламеняли размышления вслух — и определенная аура над площадью разрасталась. Эта аура протягивала вопрошающие пальцы в аллеи и проулки, теребила частичку сомнения в сердце каждого, выявляла намеки на страх, размещенные в их мысленном оке от прочтения и слушания необъяснимого. Далее эта аура искрила фосфатами, нитратами и существенно важными аминокислотами, направляясь к зреющим зернам публичной паники, увлажняя их родниками тревоги, трепеща от восторга, пока хилые ростки зеленели и тянулись вверх. Чертополох массовой истерии начинал расцветать, причем буйным цветом.

В тот самый момент, когда король Хардин откусил голову очередной миноге и гнев ожесточенно принялся прожевывать ему кишки, ранняя сова-сипуха метнулась с высот башни Мартелло. О Клайте по-прежнему не было никаких известий, и это уже начинало по-настоящему раздражать короля. Рот его вовсю работал, пока он ворчал, рычал и последними словами проклинал неэффективность Черной Стражи. Шесть часов — и по-прежнему ничего. За это непременно полетят головы. Подобную нерасторопность никак нельзя было оставлять безнаказанной. На определенные вопросы следовало получить ответы. Например, на такой вопрос: чья голова будет первой?

Пока разум Хардина бурлил, зрение его пропадало, кружилось и то и дело раскалывалось напополам, как будто реальность вдруг сделалась самовоспроизводящейся амебой. Хардин поморгал, потер глаза и недоверчиво уставился сквозь двойную раму окна. Незнакомая и непрошеная, холодная длань ужаса вдруг твердо обняла его за плечи, пробегая костлявыми пальцами по коротким курчавым волосам на затылке. Король обернулся. Взор его, движимый страхом и яростью, заметался по комнате. Одно видение медленно попадало в фокус и тошнотворно кружилось возле другого, не столь отчетливо-

го. Ковыляя неуверенными кругами, Хардин попытался ухватиться за стену, промахнулся и распростерся на подоконнике. Половицы кружились в диких деревянных смерчах. Он вглядывался сквозь алкалоидные туманы Месс Калины, пытаясь сфокусироваться на чем-то, что хоть на какое-то время могло оставаться неподвижным. Всем, что король теперь мог видеть, было его будущее, и розовым оно не казалось.

Высоко над Имперским Дворцом сова наблюдала за движениями у подоконника в королевском секторе. Тальпийская горная мышь с трудом проделывала нелегкий путь вверх по стене. Глаза совы взяли мышь на прицел, мгновенно скорректировали курс, и птица устремилась к добыче.

Пол внезапно исчез пред глазами короля, обращаясь в черный кружащийся бассейн отчаянной неуверенности. Под поверхностью он разглядел движение — какая-то тварь поднималась сквозь маслянистую жидкость, глаза ее пылали выпуклыми сферами. Огромная пасть прорвала поверхность, пробулькивая перед собой большую темную дыру и выплевывая в бассейн события нескольких прошедших дней. Хардин завопил — или, по крайней мере, подумал, что завопил. Произошло ли это на самом деле — сложно сказать наверняка.

Драконы парили перед ним, тролли синхронно кружились, уничтожая рыночную площадь. Клайт появился за мгновение до того, как несколько дюжин рук в черных перчатках утащили его прочь. Облаченная в индиговую рясу фигура ворвалась в поле зрения.

«...непомерно обременены тяготами и заботами правления... — кричал ухмыляющийся образ Спирохета. — Столь много глав государств напугано тем, что может таить в себе будущее... они так трясутся перед судьбой, как будто это дракон, готовый к последнему удару...» Слова из часовни мутным потоком вернулись к Хардину.

Скрежет когтей и громкий писк у него за спиной просигналил о конце тальпийской горной мыши. Внимание короля попыталось резко переключиться на хлопанье крыльев у окна. Его зрение туманилось, воображение бурлило.

«...это потому, что вы веруете в загробную жизнь!..» — заорал образ Спирохета.

Крылья колотили по стеклу, пока сова силилась ухватиться сразу и за горную мышь, и за выступ. Закатное солнце сияло

оранжевым позади отчаянно борющейся совы, рождая ангельский сверкающий нимб.

«...веруете в загробную жизнь!» — проорал Спирохет в голове у короля.

Птица схватила все еще отбивающегося от нее грызуна в клюв, развернулась и воспарила прочь в забвение.

Король Хардин поморгал глазами и помотал головой, заметив, как ангел у него на подоконнике кланяется, а затем исчезает в оранжевом сиянии. Подскочив к окну, он резко его распахнул и закричал:

— Погоди, возьми меня с собой!..

Рискованно высовываясь из высокого окна — особенно после нескольких сотен нормальных доз Месс Калины, — Хардин в наркотическом тумане глядел на то, как ангел — его ангел! — улетает прочь, в сторону башни Мартелло.

Пока Мерлот сидел по-турецки в подземельях Императорского Дворца, неровные края разрыва в ткани Пространственно-Литературного Континуума хлопали, шлепали и росли. Расширяясь под непомерным давлением, они подкармливались и поддерживались бесчисленными рассказчиками, поэтами и сказителями, подталкивались дальше мощными пенящимися фонтанами чистой фантазии. Персонажи, которые несчетные века безопасно находились внутри границ своих конкретных сюжетов, оказались вырваны наружу, брошены в реальный мир, исчезая из окружающей среды выдумки. Вычеркнутые оттуда.

Фиркин постукивал пальцами по стене, хмуро и раздраженно посматривая в угол камеры, пока Пузына и Кургетта пытались подробно изложить Мерлоту, где они побывали. Или, что было важнее, *когда*.

Внезапно волшебник подскочил, встал прямо и изумленно на них воззрился. Арбутус тут же к нему припорхал и прилип к саксафранному плечу.

— Вот оно! — вскричал Мерлот.

— Что? — в полном недоумении буркнул Пузына. — Как то, что Миддин был сожжен, может служить ответом?

— Нет-нет! Это просто ключ к ответу. Понимаете? — спросил Мерлот.

— Если одним словом, то нет, — отозвался Пузына, почесывая в затылке.

— Вы же только что рассказали мне, что до прибытия в Миддин прошли через какое-то поле дежа хрю[1] во всей этой чепухе с лягушками и Двух-с-половиной-минутной войной, — попробовал объяснить Мерлот.

Пузына и Кургетта кивнули.

— Безусловно, вы просто должны понимать! — торжественно заявил Мерлот. — Ведь вы изменили историю!

— Ну да, — кивнул Пузына. — В этом как раз и была вся идея! Мы избежали катастрофы! Мы спасли мир! — самодовольно добавил он.

— Гм... — задумчиво хмыкнул Мерлот. — Катастрофы — возможно. Но мир?.. Тут я сильно сомневаюсь.

— Но почему? Почему нет? — спросил Пузына. Голова его заныла, пока в его голос начала прокрадываться паника. — Что же мы в таком случае сделали?

— Литературную Трубу! — простонал Мерлот, неодобрительно ахая и охая, а заодно постукивая костяшкой указательного пальца Пузыну по лбу. — Очнись, мальчик! Прояви внимание!

— Но... я не понимаю... — Пузына нахмурился.

Мерлот в отчаянии покачал головой и дернул себя за бороду.

— А вы в последнее время не видали Винца? — с бухты-барахты спросил он в той же небрежной манере, в какой недавно поинтересовался, любит ли Пузына персики.

Для Фиркина этого было уже слишком.

— Да при чем тут Винц? — рявкнул он. — Нам надо отсюда выбраться! Мерлот, вы же волшебник...

— Винца вы в последнее время не видели? — повторил Мерлот, сознательно игнорируя вопрос Фиркина. Колесики у него в голове еле слышно крутились, нити сахарной ваты понимания свистели на крутящейся палочке смысла.

Фиркин аж задымился.

---

[1] Дежа хрю — старшая сестра дежа вю. Вместо неуверенного чувства, подсказывающего, что некое явление уже происходило ранее, дежа хрю дает вам возможность убедиться во всем реально — вернувшись и навестив то место, где вы, как вам кажется, раньше уже бывали. Практикуется оно Девятью Аконными Мастерами Дежа Хрю, один из которых проживает в тайной деревне Лоса-Ламос.

— Нет, с самого Лоса-Ламоса! Тогда с ним все было хорошо. Выглядел здоровым, ел с аппетитом! Сплетен достаточно? Теперь мы можем идти? — Он указал на запертую дверь камеры.

Дергая себя за бороду, Мерлот повернулся к Пузыне. Нити сахарной ваты росли.

— И все это время у тебя в кармане был Хитрин?

— Да. Но почему?.. — начал Пузына, чувствуя, как внутри у него нарастает неловкость.

— А он как-то стра́нно себя не вел? — спросил волшебник.

— Нет, если не считать того, что он теперь превратился в какую-то гадость. Ничего такого не было...

— Давай вспоминай. Ты уверен? — рявкнул Мерлот. Этот ответ Пузыны никак не подходил под его идею.

— По-моему, он немного набирал вес. Хотя я не понимаю, каким образом, потому что в последнее время он был отлучен от своих книг. Еще у него немного болел живот, но...

— Ага! Это должно быть именно то самое! — объявил волшебник. — Слишком большая масса магии для такого маленького тельца должна была вызвать острое несварение в верхнем желудочке... — Мысленная рука выдернула розовую, покрытую пеной палочку из серебряной чаши рассудка, радостно ею размахивая. Наконец-то он все понял! Повышенная магическая доза, доставшаяся Хитрину в виде той части приложения к «Древнему альманаху магии, колдовства и тому подобнаго», была корнем всего. Разве не так?

Потирая подбородок в том месте, где он больше всего болел от слишком частого подергивания за бороду, Мерлот подошел к двери камеры и принялся барабанить своим жезлом по прутьям.

— Прекратите! — гаркнул Фиркин. — К чему весь этот шум?

— Сюда явится стража, — поддержал его Пузына.

— Очень хорошо, — отозвался Мерлот, помедлив секунду, прежде чем устроить еще более жуткий гам.

— Что вы делаете? — завопил Фиркин. — А я думал, вы нас хотите отсюда вызволить!

— Поспешные допущения, милый мальчик! — укорил его Мерлот. — Скверно. Стыдно и нехорошо!

— Ох как здорово! — закричал Фиркин. — Так вы пришли сюда всего лишь поболтать, а потом снова отсюда смотаться? Просто замечательно!

Далеко в глубине коридора раздался громкий вопросительный рев. Этот рев все тянулся и грохотал по их барабанным перепонкам, пока стражник шевелил конечностями.

— Что за грохот? — заорал он. — А ну прекратить!

— Идите сюда, мой дорогой! — скомандовал Мерлот. Его голос странным образом отражался от решетчатой двери. — Сию же секунду!

В ушах у Пузыны зазвенело, а о его зубы словно кто-то принялся точить палаш. Это означало только одно из двух — либо кто-то и впрямь точил о его зубы палаш, либо в воздухе витала магия.

Тяжелые шаги неторопливо дотопали почти до самой двери, и могучий стражник встал там, положив ладони на бедра и огненным взором глазея в камеру.

— Ну, чего вам там не сидится? — рявкнул он. Пузына вздрогнул от гулкого баса, Донна взвизгнула. Если Мерлот собирался прорваться наружу, то было неясно, как действия на нервы стражнику могли этому поспособствовать.

— Думаю, произошла ошибка! — объявил Мерлот и огладил свою бороду, выпуская краткую россыпь аметистовых искр. Они с Арбутусом сосредоточили взгляды на физиономии стражника, заглядывая в его глубокие бычьи глаза.

— Что вы здесь делаете? — спросил стражник, не сознавая о воющем звуке, который производил Арбутус. — Вас здесь быть не должно... ох-х! — Тут физиономия стражника, несмотря на и без того тупое выражение, под гипнотическим взглядом волшебника ясно продемонстрировала, как слуга закона лишился еще нескольких пунктов IQ.

— Вы совершенно правы, меня здесь быть не должно! — произнес волшебник, причем голос его как-то странно вибрировал. — Не будете ли вы так любезны открыть эту дверь? — Зрачки Мерлота слегка качнулись, пока он с усиленной интенсивностью бросал эту мысль.

— Эхма, не уверен, что мне следует... — начал было стражник.

— Ах, что вы, что вы! Давайте-давайте. Возможно, это единственный достойный поступок, который вам предстоит совершить! К тому же, как вы сами сказали, меня здесь быть не должно.

Стражник выдержал паузу, пока Арбутус подавался вперед, и попытался вспомнить, что же он на самом деле сказал.

— Левую руку чуть ниже, — приказал Мерлот, вытягивая из бороды еще один аметистовый фонтан и умудренно улыбаясь, пока тяжелая рука следовала его воле. — Поднять кольцо с ключами. — Послышалось звяканье металлических закорючек на петле. — Ключ в замок, — продолжил Мерлот, — ...и повернуть!

Со скрипом, скрежетом и лязгом дверь отворилась. Мерлот, твердо удерживая взор стражника своим гипнотическим заграждением, взмахом руки велел юнцам выходить мимо него в коридор.

— Ах, как это мило с вашей стороны! — вибрирующим голосом сообщил Мерлот стражнику. — Пожалуйста, входите и садитесь. Будьте как дома. У меня в последнее время так редко бывали гости...

Тяжело ковыляющий тюремщик повиновался. Сонно укладываясь на полу, он блаженно проигнорировал стремительно убегающего волшебника и звук захлопывающейся двери камеры.

— Ха! Никаких проблем! — объявил Мерлот и радостно присвистнул, потирая руки. Затем он оглядел темный коридор в обе стороны, почесал в макушке и пробормотал: — Пожалуй, сюда!

— Никогда! — вдруг завопила Кургетта, бросаясь в противоположном направлении.

Мерлот покачал головой и возвел глаза к потолку:

— Кто знает местную топографию? Куда она так понеслась?

Пузына пожал плечами, успевая уловить последний взмах обтянутой зеленым ноги, после чего девушка стремительно исчезла за поворотом. Секунду спустя жуткий грохот и звон разнесся по коридору, отражаясь от стен, точно стадо слабоумных децибелов вдруг вырвалось на свободу. Пузына бросился бежать раньше, чем сумел понять, что произошло. Сердце его отчаянно колотилось, пока он, готовый ко всему, несся в ту сторону, куда скрылась Кургетта.

Мигом завернув за угол, он лицом к лицу столкнулся со смерчем рубящего металла и крутящихся конечностей. Все помещение словно бы наполнилось миллионом мечей, кромсающих каждый дюйм воздуха, дико крутящихся и рубящих по убийственным дугам. Россыпь щепок полетела во все стороны, когда бешеный обладатель меча разрубил на кусочки древний дубовый стол. Колени Пузыны внезапно дали слабину, и он позорно осел на пол, наблюдая за безумно вращающейся особой женского пола. Он мог бы весь день на нее смотреть... всю неделю. Да что там — всю жизнь! Ох-х! Какие бедра!

Уголком глаза его заприметив, Кургетта, которая уже обеими руками занесла Эксбенедикт для очередного акта сокрушения, резко остановилась и слегка порозовела.

— В силах ли я была сие оружие бросить? — спросила она, выглядя выше ростом и куда более зверино-женственной, чем обычно. — О нет. Признаюсь, отрада моя от ощущения Эксбенедикта рукояти кожаной меж ладоней моих зело трепет у меня вызвала, — гордо призналась она.

— Ты хочешь сказать, тебя захватило? — выдохнул Пузына, вытирая рот.

— Разве не сие я прорекла? — спросила Кургетта, когда последние останки дубового стола рухнули на пол.

— Ну, типа того, — согласился Пузына, с трудом ухитряясь говорить внятно. — По-моему, нам лучше идти!

— Тактическое отступление? О да, с охотой великой! — воскликнула Кургетта. — Идем! — Она помогла Пузыне встать на ноги, и они поспешили присоединиться к остальным.

— Погоди! — заверещал Хардин вслед улетающей сове, подтягиваясь на крутую крышу королевского сектора Дворцовой Крепости. Там он неуверенно встал, силясь поддерживать вертикальное положение. Слева от него была отвесная стена в несколько сотен футов, кончавшаяся внизу зазубренной массой камней, за которой следовал еще один обрыв — скальный выступ, на котором примостился весь Кранахан. Будь король способен соображать здраво, это могло бы его напугать или хотя бы обеспокоить. Однако единственным, что в данный момент имело для него значение, был указующий в небо каменный перст — прибежище ангелов, башня Мартелло.

Хардин подтянулся дальше по крыше, плюя на всякую гравитацию, используя любую доступную зацепку включая несколько крошечных растений, которые невесть как сумели укорениться в этом голом вертикальном мире. Затем король побежал по красным акрам черепицы, поднявшись выше всякого воздушного змея. И в физическом смысле, и в наркотическом.

Далеко-далеко у него под ногами, у основания башни, толпа, что прислушивалась к первосвященникам Наивозвышенной церкви святого Жмота, уже выросла настолько, что далеко превзошла самые оптимистичные ожидания Спирохета. Святой отец орал во всю

глотку, превознося несравненную благость верования в Загробную Жизнь. Цитировались целые пассажи из «Красного манускрипта святого Жмота для новообращенных», а люди все собирались и собирались — включая даже одну персону по имени Стоу Гофф, пытливого репортера «Кранаханского вестника», который держал наготове блокнот, то и дело облизывал карандаш и дожидался развязки событий.

Как раз в тот самый момент, когда первые новообращенные стали подписывать Сертификаты Неоспоримой Веры, Хардин добрался до башни и заглянул туда. Твердый камень крошился и делился пополам, образы откалывались от него один от другого, затем снова сходились вместе, узлами затягиваясь друг вокруг друга, подобно злобным, плюющимся ядом кобрам, настроенным удушить воображаемого противника. Хардин поплелся вперед, прилип к грубой каменной поверхности, насладившись ненадолго ее жесткой прохладой, а затем снова начал карабкаться вверх.

— Станете ли вы одними из тех, кто будет брошен в сумятицу ада, — орал Спирохет поверх гула бурлящей толпы на площади, — или вы станете одними из тех очень немногих, что с кружечкой холодного пива в руке станет сидеть чуть повыше и наблюдать? Подписывайтесь здесь для получения полностью обставленных превосходной мебелью квартир с открытыми каминами вечного огня. Первые двадцать пять подписчиков получат бесплатную вилку для жаркого!

Пока солнце все ниже садилось у него за спиной, подгоняемый кружащимися облаками ангелов Хардин все карабкался и карабкался вверх по башне, точно страдающая подагрой ящерица. Сквозь струящуюся галлюцинаторную циркуляцию в его теле никакая боль к нему просто не пробивалась. Внезапно рука короля ухватилась за выступ, рассыпая во все стороны совиные катышки, скопившиеся там за многие столетия. Наконец Хардин добрался до вершины. Ухватив за горло горгулью, он подтянулся на выступ и влез в высокое стрельчатое окно. Его прибытие сопровождалось всплеском шокированного уханья.

Всюду вокруг себя король видел бледные фигуры с нимбами, кружащие в сизо-голубом тумане, восседающие на балках и стропилах, точно серьезные ученые на конференции. Именно такими Хардин всегда представлял себе ангелов — без всей этой бредятины про облака и арфы.

Изнуренный подъемом, с сильно кровоточащими пальцами, король рухнул на колени и воскликнул:

— Я пришел!

Башня вдруг словно бы взорвалась. Все совы разом снялись в воздух, отчаянно хлопая крыльями. Пыль и великое множество всевозможных перьев хаотически закружились в воздухе.

— Нет, погодите! — вскричал Хардин, отчаянно протягивая руку к одной из птиц. — Вернитесь!

Он бросился к окну — но, неверно оценив скорость и дистанцию, с диким проклятием вылетел наружу. Плащ короля раздулся как парашют, и монарх по дуге полетел к земле — как раз туда, куда ангелы обычно не отправляются.

— Послушай меня, мой народ! — заорал Спирохет на рыночной площади. Терпение его уже иссякало. Да, у него имелась невероятно увлеченная аудитория, но почти никто не подписывался. Что же еще требовалось, чтобы их убедить? — Вы уже видели, что может принести с собой Конец Света! Разрушение рыночной площади было знаком, предупреждением! Если вы сейчас же не уверуете, все королевство рухнет прямо вам на головы!

В этот самый момент, опережаемая легким свистом и несколькими вскриками из аудитории, бешено машущая конечностями фигура обрушилась на площадь. Судя по всему, она вовсю готовилась прибавить к своему титулу правителя Объединенного королевства Рингилла и Кранахана приставку «экс». Мгновение спустя король пробил дощатую вывеску, разрушил ее почти целиком, оставив болтаться лишь самый левый край. И лишь после этого он угомонился на возвышении, окруженный охваченными благоговейным страхом первосвященниками, старым зеленым занавесом, парой свечей и одним ошарашенным пауком.

Когда пыль осела, Спирохет первым взял себя в руки, одновременно подхватив теми же руками ситуацию и твердо намеренный обратить ее себе на благо. Ведь это было именно то, что ему требовалось, — монарх с небес.

— Гм... вот видите? Разве я не сказал, что короли начнут падать вам прямо на головы? А теперь поднимите руки те, кто все еще не уверовал!

Стоу Гофф лихорадочно корябал в своем пергаментном блокноте. Его зачаточный разум был настолько потрясен, что рука работала почти что по собственной воле. Слава небесам! Он и впрямь оказался на месте эпохальных событий!

Рокот и недовольства, и потрясения звучал из толпы, пока одна женщина в переднем ряду не указала пальцем и не завопила. Вопль ее почти сразу же стал истерическим:

— Вывеска! Это знак, знак!— Рука ее словно окаменела, указывая на оставшийся кусок дощатого транспаранта первосвященников. Читая послание, все как один затаили дыхание:

ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ — ...
ПРОСТО КРАН...
ТЫ...

Спирохет с трудом сглотнул.

— Вот видите? — крикнул он. — Даже королю там уже несладко!

Секунду спустя толпа устремилась вперед, взахлеб требуя у первосвященников Сертификаты Неоспоримой Веры, отчаянно стремясь присоединиться к Наивозвышенной церкви Жмота Неумытого, полностью убежденная последними словами короля с той стороны могилы.

Стоу Гофф ухмыльнулся и пробормотал себе под нос те самые сквернословия, которые все репортеры жаждут иметь повод выкрикнуть погромче. Добавив последние штрихи в свой пергаментный блокнот, он самодовольно ухмыльнулся и устремился прочь.

«Ну держись, первая страница! — радостно думал Стоу Гофф. — Держись, главный редактор! Теперь я стану настоящей звездой!»

— Послушайте, я предлагаю специальные цены для беженцев! — жалобно выкрикнул Винц, странствующий колдун, стоя у ворот Кранахана. — Безусловно, кому-то из вас снова нужно прибить каблуки! Путь от Рингилла долгий. Пожалуйста, я не прошу два шпрота за пару, я даже не прошу полтора... всего один шпрот и труппенс за пару. А теперь я скажу вам что-то еще более приятное!..

Увы, мрачная толпа продолжала плестись мимо него, одолевая последние несколько ярдов тропы по утесу, старательно игнорируя заляпанную сажей мантию и жалобную физиономию Винца.

— Гарантия как на новенькие. Полная чудотворная гарантия, срок три месяца. И никакой доплаты!

На земле, поблизости от обутленных шестов и почерневшей полки его переносного лотка, лежал небольшой потрепанный рюкзачок.

— А вы, мэм? Как насчет смягчающего бальзама из «Ножного салона» тетушки Урроди? Устройте вашим ногам славное облегчение! Всего один шпрот за дюжину!

Три глухих шороха за спиной у Винца сразу же привлекли его внимание. Он быстро повернулся, обозревая сцену, ожидая увидеть злобных грабителей. Однако позади ничто не двигалось, если не считать листочков на побегах вереска, раздуваемых тальпийским ветерком.

— Сэр? — воскликнул Винц, поворачиваясь обратно к реке возможностей, что пробегала перед ним. — Как насчет заклинания отдыха для ваших усталых плеч? — спросил он жалкого мужичонку, что напрягался и пускал газы под содержимым целой хижины, упакованным в одну связку. — Положите вашу ношу здесь, всего два труппенса за час.

Непристойное ругательство и особенно громко выпущенные газы показались определенно отрицательным ответом.

— Я просто спросил, — захныкал было Винц, но тут в поле его слуха раздались еще три шороха. Схватив палку с прилавка, он резко крутанулся, готовый к любым действиям хитроумного ворья. Вереск пожал плечами в ботанической невинности. Тогда Винц подозрительно глянул на небольшую грязную лужу между собой и твердой наружной стеной Кранахана. Справа была тропа; слева — обрыв утеса. Мешок по-прежнему был на месте — там, где он его оставил.

Или нет? Не стал ли он чуть ближе к вереску?

Винц недоверчиво покачал головой и опять сосредоточил свое внимание на попытках выхватить свою долю потенциальных прибылей, что проплывали мимо. Шорох. Знаки вопроса вспыхнули у него в голове точно позвонки аммореттанской ящерицы-убийцы. Шорох. Челюсть Винца отвисла, когда рюкзак остановился. А затем прыгнул снова. Винц совершенно машинально перешел к действию и бросился за явно направлявшимся вдоль утеса рюкзаком, ухватив его в тот самый момент, когда носильная принадлежность прыгнула снова. После нешуточной схватки Винцу все-таки удалось прижать ее лопатками к земле.

Под градом любопытных взоров Винц подтянул рюкзак к груди, сел прямо, а затем, крепко сжимая противнику горло, заглянул внутрь. Там наверняка было что-то живое — что-то, чего он туда не клал. Винц уставился в брезентовый сумрак, высматривая глаза какого-нибудь грызуна, поблескивающие над задыхающейся груд-

ной клеткой. Ничего. То есть ничего необычного. Просто самые повседневные книжки, запасные подштанники, которые он при себе держал (просто на всякий пожарный случай), запасной набор муфт, шестеренок, указателей для солнечных часов и несметное множество всевозможного хлама — который, впрочем, никоим образом и никогда не мог быть описан как живой (с сомнительным исключением для пары конкретных ароматических тапочек).

Внезапно «Древний альманах колдовства, магии и тому подобного» резко дернулся и попытался сделать быстрый бросок на свободу. Винц тревожно вскрикнул и крепко-накрепко зажал горловину рюкзака. Альманах отчаянно бился, злобно хлопая страницами и в бешеном усилии выгибая корешок.

Голова Винца шла кругом, пока он силился совладать с неистово бьющимся томом. Что-то определенно было не так. Сначала кружение над головой и удар током, затем инцидент с фениксом, а что дальше?

— Позвольте мне! Я знаю, что делаю!

Кургетта и Пузына глазели в недоверчивом молчании, пока Мерлот постукивал и прислушивался, прикладывая ухо к стене.

— Он здесь. Я уверен! — Арбутус хмурился, стараясь удержать хватку на подпрыгивающем плече волшебника.

— Разве обязательно так глубоко запускать когти? — огрызнулся Мерлот, гневно оглядываясь на сидящую у него на плече птицу.

— Нет! — гаркнул Арбутус. — Не обязательно. Но тогда я просто соскользну, хряснусь головой об пол и получу сотрясение мозга. Всегда, знаешь ли, мечтал о трещине в черепе. Не обращай на меня внимания!

— Веди себя разумно, — начал Мерлот.

— А ты стой спокойно! — ухнул Арбутус.

— Да скорее же! — рявкнул Фиркин.

— А тебе, парнишка, не случилось какого-то иметь представления о поверхностной зоне стен этого дворца? — огрызнулся Мерлот, пребывая в раздраженном состоянии. — Даже ошибка на один процент может означать, что ты можешь находиться от них во многих футах!

— От чего? — в полном недоумении спросила Донна.

— От проходов! — проворчал Мерлот. — Как думаете, почему они называются «тайными проходами»? Почему на них нет ярких мигающих вывесок? Скажем: «К потайному лабиринту — сюда!» Или: «Подземелье прямо по курсу!» — Он еще раз постучал по стене, выискивая многозначительный гулкий звук.

Внезапно Пузына тревожно вскрикнул. В недрах его камзола без всякого предупреждения что-то задергалось. Если бы нечто подобное могло прийти ему в голову, он бы подумал, что измочаленный экземпляр «Чиновника леди Люттерлей» отчаянно пытается вырваться из тесных ограничений его кармана.

— Это ты, Кургетта? — с надеждой прошептал он в темноте.

— Что? — отозвалась она.

— Это ты у меня в карманах шаришь?

— Блудница ли я, по-твоему? — горячо запротестовала Кургетта, покрепче хватаясь за Эксбенедикт.

— Я... гм... просто спросил. — Карман его снова дернулся, отпрыгивая от тела в безошибочном скачке к свободе.

— Ага! — объявил Мерлот, когда его стуки вдруг стали гулкими. — Вот он! — Волшебник нагнулся и уставился на участок стены, по виду неотличимый от всех окружающих участков. — По внешнему обличью и расположению я бы скорее предположил, что это «Скрытая система выхода» мага Турникета, — размышлял он. — И в таком случае... гм, как же там все идет? Одна рука на этом камне, другая на шестнадцать вниз и на пятом вдоль, еще на один сюда — и толкнуть! — вслух вспоминал он, одновременно распластываясь по стене.

Хрипы и скрипы заполнили коридор, пока стареющее тело Мерлота бессильно напрягалось. Ничего не происходило. Тогда он снова принял нормальную позу, оглаживая бороду, погруженный в глубокие раздумья.

— Быть может, на пять вниз и на шестнадцать вдоль?

«Чиновник леди Люттерлей» — или, если более точно, темно-коричневая куколка внутри него — еще несколько раз выгнулся и скакнул, точно его тыкали горячей кочергой. Пузына со стремительно растущей тревогой смотрел на свой вдруг оживший карман.

— Возможно, здесь нужно «Тайное выходное отверстие» мага Швейцара, — размышлял Мерлот. — Два пальца вот в эту дыру, одна нога там, нажать здесь и... вот те на! В таком случае это наверняка «Активируемый голосом выход» мага Оладина, — про-

бормотал волшебник, поглощенный разглядыванием каменной поверхности. — Итак, как же у него там... Мак, откройся! — крикнул он, обращаясь к стене.

— Мерлот!.. — так дико вдруг взвизгнул Пузына, как если бы гигантский мохнатый паук полэ по его штанине.

— Конопля, отворись! — нерешительно пробормотал волшебник.

— Мерлот? — вопросительно прошептала Донна, указывая на небольшую круглую кнопку в стене. — А это зачем?

— Э-э, мухомор, откройся! — Волшебник поскреб в затылке. — Нет, это определенно имеет какое-то отношение к приготовлению пищи.

Арбутус в отчаянии покачал головой.

— Мука... булочки... семечки... сезам, откройся!

Тут Донна протянула руку и нажала на небольшую красную кнопку, на которой виднелись буквы «откр.»

Послышалось слабое шипение, и целый участок стены исчез, складываясь назад, чтобы обнажить черный проход, тянущийся дальше в кромешный мрак.

— Мерлот! — захныкал Пузына, отчаянно пытаясь удержать бьющийся в кармане любовный роман. — Я... гм-м...

— Ха! Я так и знал, что в конце концов я все-таки найду нужное слово! — радостно произнес Мерлот. — Ничего не бывает проще, когда знаешь, что и как! Вперед, за мной! — Он ступил во тьму.

Пока Кургетта, крепко сцепив руки на рукояти Эксбенедикта, следовала за Мерлотом, Пузына продолжил бороться с ожившим книжным червем, противодействуя силам, которых он не понимал, и с трудом последовал в проход за Фиркином.

Донна посмотрела на небольшую красную кнопку, затем на свой палец, затем на дыру в стене.

«Сезам, значит?» — подумала она.

— Эй! Погодите минутку!.. — крикнула Донна несколько мгновений спустя — после того, как нажала еще на одну небольшую красную кнопку, помеченную как «закр.», уже внутри прохода. Дыра позади них неслышно закрылась.

Объемы вымысла, каждую секунду исчезавшие через Пространственно-Литературный Континуум, было почти невозможно

оценить количественно. Но по всему Измерению Глав уже начинали проявляться признаки потерь. Озера софистики заболачивались, поля сказок сохли и умирали, корабли воображения, что бороздили море Спокойствия, лежали в мертвом штиле, а их команды становились все более неугомонными и мятежными.

Однако так уж получилось, что по опасности для всех, основанных на фикции, форм жизни ничто не могло сравниться с новыми и ужасными событиями на грани двух измерений.

В крутящихся вихрях фантазии, что фонтанировали через разрыв в Пространственно-Литературном Континууме, факт смешивался с фикцией. Холодному и твердому Оплоту Истины подмигивал кружащийся танцпол нереальности; пальцы причуды с выкрашенными в красное ногтями манили его, жестикулируя медленными чувственными дугами; в его адрес надувались пухлые губки прихоти, влажные и готовые к наслаждению; и ему наливало обильную пьянящую выпивку затянутое в эротичное белье экзотическое видение соблазнительной красоты.

Видение это было одной из Дев той голи, что на выдумки хитра. Оплот Истины нервно пробежал пальцем по своему тугому воротничку, когда нежнейший обнаженный пальчик ноги Девы стал бесстыдно карабкаться по его икре.

Оплот Истины сделал машинальный глоток коктейля, содержавшего сильнейший афродизиак, пока Дева ворковала ему в ухо сладчайшие предложения и потягивала короткие кудряшки у него затылке опасно наманикюренным набором девятидюймовых ногтей. Золотистые глаза Девы вспыхивали распутной страстью, лишая Оплот Истины остатков самоконтроля, отхватывая все новые и новые кусочки его сопротивления с каждым подмигиванием, все больше возбуждая его с каждым поглаживанием, все сильнее совращая с каждым показом чувственного кончика похотливого язычка...

Наконец холодный и твердый Оплот сорвал с шеи галстук в серо-черную полосу и отбросил его за плечо. Затем он схватил себя за воротничок и рванул — пуговицы отскакивали веером крошечных дисков, пока обнажался его голый торс. Считанные мгновения спустя обнаженный Оплот Истины и полная страстного желания Дева совокупились. Конечности реальности обхватывали тело фантазии, факт смешивался с выдумкой.

Пока они совокуплялись, разумы их настраивались на одни и те же мысли, настойчивые и отчаянные. Сродство между ними росло.

Их тела сливались и растворялись позади дешевой занавески реальности.

И пока факт смешивался с фикцией, рождалось новое создание — столь же холодно вычисляющее, что и правда; столь же изобретательное, что и фантазия; голодное как сам голод.

Поблескивающая сфера прорвала занавеску и выкатилась оттуда в водоворот. Скалясь, она кругилась и прыгала в сторону Измерения Глав, истекая слюной и борясь с фонтанирующими давлениями, что растекались по Пространственно-Литературному Континууму.

Это была Факция, и она была голодна. Слишком голодна для одних лишь слов. Ей хотелось фикции и литераниума — и как можно скорее!

В высоких коридорах королевского сектора Дворцовой Крепости Черный Эбенит прикидывал, как бы ему получше представить самый худший отчет, какой ему когда-либо доводилось делать.

— Сир, — бормотал он себе под нос. — У меня есть последний отчет о прогрессе в области поисков вашего сына Клайта... Гм-м... После восемнадцати часов детальных поисков и поминутного расследования я с уверенностью могу сказать, что у нас... что у нас нет ни единой зацепки! И... гм-м... кстати говоря, пленники сбежали.

Но Эбениту почему-то не казалась, что такая смена галса сработает. Как насчет того, чтобы попробовать сосредоточиться на позитиве? Гм.

— Ваше королевское величество, сир, — прошептал Эбенит на гулком фоне собственных тяжелых шагов. — Мы всемерно усилили розыск сбежавших пленников и после долгих и доскональных расследований, включавших в себя сличение данных из нескольких тысяч источников, смогли без тени сомнения совершенно положительно исключить всякую возможность того, что одним из них является ваш сын... Нет!

Отчего-то Эбенит чувствовал, что есть только один выход.

Добравшись до королевских палат, он вытащил меч из ножен, схватил клинок рукавицами, постучал и вошел. Сразу же за дверью командир опустился на колени, склонив голову и протягивая меч в знак признания своего поражения.

— Сир, — начал Эбенит, глазея на половицы, — поскольку моя голова оказалась совершенно бесполезна при поиске каких-

либо улик относительно местонахождения вашего сына, то не могу ли я предложить, чтобы более выгодным ее использованием стала должность королевского часового? Сир, я увольняюсь с поста начальника стражи.

Последовало густое, холодное молчание.

— Сир?.. — повторил командир.

Никакого ответа.

— Сир, я по собственной воле пришел к столь тяжкому решению. Молю вас, не позвольте этому мучению затянуться.

Мертвая тишина.

— Сир? — Эбенит поднял глаза и увидел перед собой залу, полностью лишенную чего-либо, хотя бы отдаленно похожего на короля. Тогда он встал, торопливо убирая меч в ножны, и огляделся.

— Сир? Ку-ку, это я. Эбенит.

Затем он увидел тарелку, перевернутую над остатками миног, выше тарелки открытое окно, к которому был пододвинут стол, а также многозначительные следы подошв на подоконнике.

— Ох ты мать моя женщина! — пробормотал командир Черной Стражи себе под нос.

Этот день стремительно становился одним из тех самых, о которых потом так не хочется вспоминать.

Пока Мерлот прорывался через лабиринт запутанных проходов, время от времени поворачивая с поразительной уверенностью, Пузына сражался с нарастающей оживленностью содержимого своего кармана, точно мим с воздушным шариком в воображаемом урагане. С каждой переменой направления, с каждым поворотом ему приходилось тянуть или толкать борющегося книжного червя под несколько другим углом, с растущим раздражением пихая упрямую куколку. Прошло не так много времени, прежде чем юноша понял, что все время прилагает силу в одном и том же направлении — безотносительно к любой стене или другому препятствию на пути. Получалось так, словно Хитрин или что-то внутри Хитрина действовало как компас.

Или, скорее, как антикомпас. Пузына напрягался, противодействуя силе отталкивания. И ему становилось все труднее и труднее двигаться. Причем не в последнюю очередь потому, что карман становился вся тяжелее. А еще потому, что голубые искры разлета-

лись в сумраке, оседая на его пальцах, — чудотворный эквивалент удара указкой по тыльной стороне ладони.

— Мерлот! — заорал Пузына. — Что происходит?

В ответ он получил всего лишь недовольное ворчание:

— Прекрати ныть! У нас нет на это времени! Да, кстати, сразу же сообщи мне, как только ты уже не сможешь поднимать этих... гм... этого... гм... короче, эту книгу! Уже не так далеко!

— Что не так далеко? — рявкнул Фиркин, задыхаясь от стремительной пробежки. — Куда мы направляемся?

— Все вопросы, вопросы! — пожаловался Мерлот, внезапно поворачивая налево и начиная бежать вверх по каменной винтовой лестнице.

— Да, вопросы! — прорычал Фиркин. — А как насчет кое-каких ответов?

Пузына с трудом тащился по лестнице, подтягивая, поднимая или толкая в зависимости от того, на какой стороне лестницы он оказывался.

— А на что бы тебе хотелось получить кое-какие ответы? — спросил Мерлот, освещая своим жезлом дорогу наверх.

— Ну, например, зачем Клайт сжег Миддин?

— Да не будь же ты таким глупцом! — отозвался Мерлот, забирая вправо и оглядываясь назад, чтобы убедиться, что все остальные от него не отстают.

— Что? — завопил Фиркин. — Это не ответ!

— Тс-с! Не так громко! — театрально прошипел Мерлот. — Мы уже почти пришли!

— Где?

После пары поворотов направо и налево они появились в узком проходе и встали в сумраке невдалеке от той канализационной трубы, где они впервые встретили Фиска и Влада в их злорадно-самодовольном настроении. Пузына с таким трудом вытряхнулся из бокового прохода, словно пытался доставить к ветеринару отчаянно бьющегося детеныша носорога. Причем у себя в кармане.

— Вон там! — прошептал Мерлот, радостно указывая, сам откровенно удивленный тем, что все-таки нашел дорогу через невероятно запутанный лабиринт. Вряд ли это польстило бы его самолюбию, узнай вдруг волшебник, что его марш-бросок на три с половиной мили уложился бы всего лишь восемьсот пятьдесят ярдов, если бы он лучше знал дорогу.

Посылая Арбутуса вперед на разведку и предупреждая юнцов, что в подобных случаях необходима тишина, Мерлот начал прокрадываться к тронной зале Фиска. Подростки следовали за ним. Кургетта крепко сжимала Эксбенедикт и трепетала от восторга и тайного предвкушения подвига. На их стороне совершенно определенно были две вещи: 1) Фиск никак бы не стал ожидать, что кто-то отыщет путь по его лабиринту; и 2) он их и так не мог услышать. По крайней мере, в данный момент. Эхо от неистовых воплей соперничало со злорадными взвизгами и грохотало по проходу, пока Фиск бахвалился и куражился над своей последней добычей. К этому буйству добавлялось подобострастное шипение Влада, которым вампир выражал свой восторг.

Фиркин остановился, поднял руки и потянул Мерлота за саксафранную мантию.

— Что, во имя Рингилла, мы здесь делаем? — вопросил он так напористо, как только было возможно в том случае, когда орать категорически не дозволялось. — Я хочу видеть Клайта!

Раздались негромкие хлопки крыльев, и Арбутус уселся обратно волшебнику на плечо.

— Угу! Он все еще его держит. Ох и в скверном же Фиск настроении! — прошептал Арбутус. — А вампиру только что было приказано доставить вечернюю газету.

Мерлот продвинулся вперед, оказываясь в футе от сводчатого прохода, поманил к себе Фиркина и указал вперед.

Там, среди заваленных сокровищами просторов тронной залы Фиска; среди тысяч затянутых паутиной картин с желтыми цветами и плавающими на плотах змеями; перед потускневшими от пыли золотыми грудами и покрытыми черными пятнами серебряными подносами, ломящимися от уворованных сокровищ, неподвижно стояла новенькая сверкающая добыча. Впрочем, иного выбора, как стоять неподвижно, у нее не имелось.

Надежно привязанный к огромной каменной колонне, почти полностью скрытый под кольцами веревки, что спиралью шла от пальцев его ног до самых плеч, Клайт был абсолютно бессилен скрыть свое нынешнее расположение духа. Визжа и вопя в совершенно недостойной принца манере, он тщетно бушевал в отношении обращения с пленниками согласно конвенции Джина Тонника.

— У меня есть права! — вопил он. Тонкий голосок принца звучал в сумраке предельно визгливо. — Позвольте мне связаться с моим адвокатом!

— Валяй, — прошептал Фиск, радостно совмещая скрип рукавиц с треском костяшек. — Покричи. И как можно громче. Правда, он тебя не услышит. Отсюда никто тебя не услышит, — глумливо добавил он и выдал перестук костяшек другой руки.

— Вы за это заплатите! — выкрикнул Клайт, корчась как личинка, надежно приклеенная к сталагмиту.

— Ну-ну, — отозвался Фиск, так и сочась самодовольством. — Это что, была угроза?

— Обещание! — завопил принц, бессильно корчась под путами. — Вы заплатите! И заплачете! — Голубые глаза принца горели во тьме.

— Гм. Вообще-то все совсем наоборот, мое маленькое сокровище. Как раз я заплачу самым последним. Когда ты несколько дней побудешь здесь под моей опекой, твой отец даже слишком сильно захочет дать мне то, чего я хочу.

— Никогда!

— Ах, какая жалость. А я как раз твердо настроил свое сердце на победу, — просюсюкал Фиск. Кожа его одежд лишь слабо поскрипывала, пока он встал и вразвалку приблизился к плечу своего последнего предмета торговли, со зловещей ловкостью и небрежностью крутя лезвием длинного ножа для свежевания. — У тебя такие чудесные нежные ушки, — заметил Фиск, холодя своим бессердечным дыханием шею Клайта. — Знаешь, просто терпеть не могу разделять так идеально подходящие друг другу парные предметы...

Клайт сделал долгий вдох меж крепко сжатых от ужаса зубов и прижался затылком к колонне.

— ...однако...

Пленник замер в неподвижности.

— ...если потребуется дополнительная стимуляция, пожалуй, мне придется это сделать, — скалясь, закончил Фиск.

Восседавший на высоком стуле Влад шипяще хихикнул.

— Хотя, конечно, — начал затянутый в кожу похититель Клайта в более радостной манере, появляясь с другой стороны колонны, — есть альтернативные способы ведения переговоров, которые оставят твои деликатные мочки совершенно нетронутыми. Для упомянутых переговоров существуют и другие побудительные причины!

Понимая, что сейчас перед ним во всех красках кошмара предстанут не менее кровавые альтернативы, Клайт раскис до состояния просто позорного ужаса.

— Пальцы ног могут быть не менее эффективны! — выкрикнул Фиск, скалясь от восторга. Губы его уже просто не могли не подергиваться от злобного наслаждения.

— Особенно предварительно лишенные ногтей. Замечу, что всевозможные познания пытаемой жертвы могут серьезно оживить скучное обсуждение! — Фиск буквально взвыл от черного смеха, запрокидывая голову и наслаждаясь убийственной радостью. Бессердечный скрип его перчаток играл вторую скрипку к этому истерическому хохоту.

Клайт с трудом сглотнул и уставился на своего дикого черного похитителя, который исполнял какую-то дьявольскую пляску безумного кошмара.

«Можно ли вообще когда-нибудь привыкнуть к тому, что у тебя только *одно ухо?*» — *жалобно подумал принц.*

Слова звенели в голове у Винца, как колокольцы в туманный день: «...и помни. Когда двое или больше людей собираются вместе на время, которого вполне достаточно, чтобы птичка поймала червяка, это уже являет возможность для продажи товара, производства заклинания или колдовства».[1]

Именно по этой причине Винц следовал за толпами рингилльских беженцев, пока они бездумно и бесцельно блуждали по Кранахану, дрейфуя подобно частичкам газа в броуновском движении к центру городка и обратно. Он ждал еще одного шанса наладить чудотворную торговлю среди доверчивых простолюдинов, жадно выискивая место, где бы разложить свой товар. Или, по крайней мере, Винц бы это делал, если бы постоянно не отвлекался на то и дело подпрыгивающий у него на спине рюкзак, который дергался, корчился и сыпал голубыми сияющими искрами в каждого встречного. И наибольшее любопытство, а также самые главные проблемы у Винца вызывало то, что направление скачков, похоже, всегда

[1] Из книги «Колдовство — источник дохода», опубликованной Чудотворным Советом философов и психологов как часть вводного курса для колдунов низкого уровня «Миф, магия и деньги».

Данная книга также содержит в себе множество других полезных советов и афоризмов, таких как «позорный стул суть удобный случай публично проявить свое искусство», «правильный ход ноги будет длиннее руки закона» и «заклинание из-за решетки всегда брошено слишком поздно».

имело направленный вверх вектор. Он почти не сомневался, что угол подъема неуклонно увеличивается. Почти как если бы крупный том в кожаном переплете под названием «Древний альманах колдовства, магии и тому подобнаго» хотел оказаться как можно дальше от земли.

Выйдя из толпы для честно заработанного отдыха, Винц прислонился к стене и старательно попытался проигнорировать очередной шипящий выплеск голубых искр из рюкзака. Ему это не удалось.

Считанные мгновения спустя альманах уже колошматил по завязкам на верху рюкзака, сильно натягивая лямки в подмышках, поднимая Винца на цыпочки и сбивая с него шляпу.

А в темном проходе футах в пятнадцати под странствующим колдуном пухлая фигура боролась с карманом своего камзола, пока тот тянул ее вниз.

— Мерлот! — прошептал Пузына в отчаянной тревоге, пока швы его камзола трещали, выражая перенапряженный протест, а его колени резко начинали сдавать. — Мерлот! — захныкал он, уже лежа в ловушке под карманом своего камзола и чувствуя, как сверху силы отталкивания выделяют свою незримую тяжесть, вжимая его в сырую мшистую почву.

Волшебник оглянулся, увидел почти безмолвную борьбу и вскочил на ноги, хлопая Кургетту по плечу и указывая ей рукой. Затем он метнулся к Пузыне, ловко перепрыгнул через отчаянно корчащуюся бочкообразную фигуру и исчез на темной винтовой лестнице, преследуемый Кургеттой.

Стараясь стоять на земле и своим видом не привлекать подозрений, пока мимо струились толпы людей, Винц, задыхаясь от усилий, боролся со своим рюкзаком. Наконец пятки странствующего колдуна оторвались от пыльной почвы, и его утянуло к стене позади.

Среди тупых лиц беженцев, что цепочками проходили мимо, одно вдруг зажглось интересом и остановилось понаблюдать за борьбой. Увидев, что на нем сосредоточилось чье-то внимание, Винц придал своему лицу молящее выражение, пока воротник плаща все сильнее давил ему на горло, а земля все слабее давила ему на пятки. Зевака из толпы глазел на странную диковину, положив ладони на бедра и

качая головой в уважительной оценке. Затем он пошарил в кармане и бросил в перевернутую шляпу Винца целый шпрот.

— Ну вы, мимы, и артисты! — воскликнул он. — Мне всегда невдомек было, как у вас это получается. А по воде ты ходить можешь?

Еще трое прохожих швырнули монетки в шляпу совершенно ошарашенного странствующего колдуна. Винц помотал головой.

— Ничего-ничего! Ты наверняка долго такому учился! А людям это нравится! — сказал первый зевака и побрел прочь, через считанные секунды исчезая в толпе.

Скрытый в тени небольшой хижины, квадрат дерна вдруг зашевелился. Он немного подрожал, затем поднялся и откинулся к стене хижины. Секунду спустя высокий волшебник в саксафранной мантии выскочил из-под земли, немного поморгал, привыкая к яркому свету, после чего метнулся к борющейся фигуре Винца — который бешено размахивал руками, силясь удержаться на земле. Прежде чем летающий колдун смог возразить, Мерлот ухватил его за плащ, подтягивая его поближе к стоящей наготове Кургетте, которая энергично принялась затягивать Винца под землю.

Сражаясь с захлестывающей его паникой и нехваткой воздуха, Винц лишь захрипел, указывая на свою лежащую в пыли шляпу, и был немало удивлен, увидев, как толпа людей аплодирует, пока он, звезда этого импровизированного уличного спектакля, стремительно уходил под землю, точно кукла в шарманку.

Мерлот метнулся вперед, схватил обсыпанную шпротами и трупенсами шляпу Винца, поклонился и исчез в дыре, кладя на место крышку из дерна.

Когда Мерлот сверху стал давить на рюкзак Винца, а Кургетта — тянуть его за ноги, странствующий колдун мешком потянулся вниз по винтовой лестнице в угольную черноту запутанного лабиринта.

Потеющий Мерлот, волочащая свой меч Кургетта и перепуганный Винц с трудом пробивали себе дорогу в проход, пока вспышки голубой энергии вовсю трещали между рюкзаком и карманом Пузыны. Повинуясь жесту Кургетты, красочно подчеркнутому кончиком Эксбенедикта, Винц снял рюкзак и недоверчиво воззрился на то, как тот вылетел из его рук и намертво прилип к стене — противоположной той, у которой Пузына выпускал целые языки искристого голубого свечения.

— Послушайте, там нет ничего такого ценного! — запротестовал Винц, испытывая внезапную неуверенность. — Так что вы с

таким же успехом можете забрать деньги из шляпы, а меня отпустить. Больше у меня все равно ничего нет!

Мерлот высыпал девять шпротов и пригоршню труппенсов в шляпу, после чего вернул ее Винцу.

— Нет-нет! — захныкал странствующий колдун, активно отмахиваясь. — Вы все это возьмите! У меня больше ничего ценного нет!

Мерлот ухмыльнулся в полумраке.

— Ошибаетесь, — сказал он. — Есть.

— Ладно, возьмите все, только не надо меня пытать! — заскулил Винц. — Я всегда очень плохо переносил боль. Особенно свою собственную.

Голубые искры вновь затрещали между Пузыной и рюкзаком, разбрасывая в сумраке световые пятна.

— Ч-что это? — принялся брызгать слюной Винц, подергиваясь от шока.

— Резкий разряд чудотворной энергии, вызывающий локальное явление атмосферной ионизации, — самодовольно ответил Мерлот.

— Ась?

— Это искры, — перевел Арбутус.

— Чу... чудотворной? Вы сказали чудотворной? — запаниковал Винц. — То есть как в различном магическом товаре? — В голосе его чувствовались полутона недоверия.

Мерлот кивнул.

— Магия!.. но что она у меня в рюкзаке делает?

— Именно это мне бы и хотелось узнать, — сказал Мерлот, двигаясь к пришпиленному к стене рюкзаку. — Вы не против? — спросил он, развязывая верхнюю тесемку.

— Да как вы смеете? — возмутился Винц. — Это личная собственность! У меня права имеются! — Прозвучало резкое шипение, когда Кургетта в мгновение ока развернулась. Расставив ноги, она вскинула сияющее острие Эксбенедикта к адамову яблоку странствующего колдуна.

— Однако след тебе помнить, — прошипела она, усмехаясь, — что один ты здесь, тебя превосходят численно, а я сим мечом вооружена! Теперь скажи, сквернавец, не след ли тебе зело щедрость ныне испытывать?

Глаза Винца собрались в кучу, сосредоточиваясь на бритвенно-остром клинке.

— Ах, да-да, пожалуйста!

Позволяя рюкзаку упасть, Мерлот вытащил из него большую книгу в кожаном переплете — солидный том, который был бы непомерно тяжел, не будь он плотно прижат к стене прохода.

— Ага! — воскликнул волшебник, когда волна лазурных искр, пошипев на поверхности, побежала по его рукам. — Вот это уже кое-что!

— Нет, только не это! — запротестовал Винц. — Эту книгу мне мой дедушка подарил!

Длинные пальцы Мерлота раскрыли обложку, и он воззрился на древний затейливый шрифт и украшенные рисунками буквы «Древнего альманаха колдовства, магии и тому подобнаго», жалея, что у него слишком мало времени. Волшебник сразу же перелистнул книгу в самый конец, стремительно проносясь по ссылкам на источники, промахивая библиографию и останавливаясь у приложений. Мерлот чувствовал, что истина где-то совсем рядом.

Он пролистнул Приложение I — «Контролируемые наркотики: разведение и экстракция для начинающих». Затем пролистнул Приложение II — «Чудотворное устранение неисправностей: пятьдесят пять общих проблем с магией» и открыл Приложение III. С колотящимся от волнения сердцем волшебник перевернул пергаментный лист. Вспышка искр тут же вылетела со страницы, стоило только Мерлоту открыть Приложение IIIб, подлинное и полное.

— Есть контакт! — прошептал Мерлот, когда длинный язык голубого пламени вырвался из его шляпы.

С хищной целеустремленностью, силой прокладывая себе дорогу по потокам фантазии, заранее истекая слюной от перспективы пиршества литераниума, Факция мчалась вперед — к разрыву в Пространственно-Литературном Континууме. Все вокруг нее бурлило просторными китовыми спинами сказок; булькающей пеной болтливых книг; бегущими в панике белыми конями слов, что просыпались в растущий разрыв. Факция перескочила через водопады остроумия, пронырнула сквозь бассейны прозы, стремясь все дальше, точно юркая форель, приглашеная на редкостную вечеринку.

Однако чем ближе к дыре, тем тяжелей становилась борьба. Здесь, у самого разрыва, давления уже были просто колоссальны-

ми. Пока еще слишком колоссальными, чтобы туда могла прорваться даже Факция.

Впрочем, пусть только пройдет время, и разница давлений между двумя измерениями выровняется, постепенно достигая точки равновесия. Но факции прорвутся задолго до этого. Ибо пока давление от Измерения Глав ослабевало, противоток из реальности должен был нарастать, и рикошетирующей фактической отдаче предстояло направить течение в обратную сторону. Именно на этой волне косяки факций и проникнут, ловя своими досками для серфинга обращающийся прилив и катясь по нему, чтобы устроить пиршество на берегу.

А в данный момент факции ждали, собираясь и группируясь. Непримиримые факции, кровожадные, готовые к убийству.

Вряд ли им предстояло долго ждать.

Все лучшие магические книги должны быть напечатаны под строжайшим надзором с использованием специальных чудотворных красителей, вдавленных в самые фибры бумаги роликами заклинаний. Обретая законченность, слова действуют как волновые направляющие, позволяя волшебнику попадать на паракосмическую плоскость, захватывая чудотворную энергию обширными дрейфующими эфирными сетями, и направлять ее по каналу посредством заклинания. Каждое заклинание имеет рекомендованную спецификацию чудотворного потока для удобства оптимального его бросания, где верхние пределы контролируются специальными счетчиками заклинаний и встроенными прерывателями, предназначенными для предотвращения перегрузки. Раз установленные, они уже не могут быть изменены.

По крайней мере, никто в Чудотворном совете философов и психологов не думал, что они могут быть изменены.

Потребовалась дневная закуска одного книжного червя из некой магической книги, чтобы на корню подрубить эту теорию. Как только слова оказались свободны от страницы, как только они вырвались из смирительной рубашки двух измерений, они рекомбинировались еще глубже, сильнее, мощнее, чем раньше, а самое главное — без счетчиков заклинаний и без прерывателей.

— Так вы хотите сказать, что можете прочесть всю эту галиматью? — недоверчиво пробормотал Винц, пока Мерлот с нарастающим ужасом вглядывался в древний альманах.

Тот лишь хмыкнул, погруженный в глубокие раздумья, освещая своим жезлом пергамент.

— Лично у меня, как только я взгляну на эту книгу, тут же начинает болеть голова! — проворчал Винц. — А о чем там говорится?

— ...алтын бейбеги алоэ вера...

— Нет-нет! Только самую суть! — попросил Винц. — Почему вы так этой книгой заинтересовались? Зачем она нужна? И почему она так шипит?

— А может она развязать веревки? — спросил Фиркин, думая о Клайте. — Мы непременно должны вызволить его оттуда. Кто знает, что задумал Фиск!

Мерлот отвернулся от книги.

— Судя по всему, Приложение IIIб содержит в себе всю информацию и заклинания, необходимые для того, чтобы связаться с Измерением Глав. Чтобы переговорить с персонажами на другой стороне!

— Вроде медиума? — с энтузиазмом спросил Пузына.

— Нет, они просто читают между строк, — хмуро ответил Мерлот. В голове у него гудело, пока куски начинали складываться воедино. — Так это та самая часть, которую съел Хитрин!

— Съел? Никто ее не ел. Там по-прежнему все на месте! — в замешательстве запротестовал Винц.

— Можете вы найти заклинание, чтобы спасти Клайта? — прорычал Фиркин.

Вспышка голубых искр метнулась по проходу, разряжаясь в карман Пузыны. В воздухе резко запахло озоном. Корчившийся внутри «Чиновника леди Люттерлей» Хитрин выпустил ответный удар.

— Так что там насчет Хитрина? — рявкнул Пузына. — Что происходит, Мерлот?

Внезапно лицо волшебника прояснилось. Непрерывное жужжание мыслей дало свои плоды.

— Понял! — воскликнул он. — Приложение III-Б по-прежнему там!...

Винц простонал.

— Я только что вам об этом сказал!

— ...и там! — Мерлот указал на карман, в котором содержался Хитрин.

— Вы только что сказали, что Хитрин его съел! — захныкал Пузына.

Винц почесал в затылке, начиная понимать, почему он всегда был неспособен произнести хоть какое-то заклинание. Все это было сплошной бессмыслицей!

— Он действительно некогда его съел, — сказал Мерлот. — Во время случайной встречи с Винцем в лесу неподалеку отсюда. Во время той встречи, которой никогда не происходило, потому что вы изменили историю посредством дежа хрю!

— Так вы пытаетесь нас во всем обвинить? — огрызнулся Фиркин. — Мы были вынуждены это сделать.

— Но какое отношение это имеет к драконам, мечам и... — начал было Пузына.

— Слишком уж много магии! — хмуро перебил его Мерлот.

— У вас не может быть слишком много... — взвыл Пузына, который всегда приходил в отчаяние от магии любого рода. Винц покачал головой. Всего этого было слишком много. Не только магии.

— Слишком. Много. Магии! — раздельно произнес Мерлот, выразительно играя бровями. — Две разных версии одного и того же заклинания. В одном и том же измерении! Они пересекаются друг с другом. Этого времени для них обоих недостаточно!

Рот Пузыны молча раскрылся. Фиркин что-то прорычал. Винц захныкал.

— Разве вы не чувствуете? — спросил Мерлот.

— Вроде как кто-то точит меч на ваших зубах? — спросил Пузына.

— Да! Я должен был раньше это заметить. И это проявляется все отчетливей. Не думаю, что у нас много времени, — пробормотал Мерлот себе под нос.

Пока Фиркин решал взять дело в свои руки и настраивался что-нибудь такое провернуть, сапфировая вспышка взметнулась с поверхности книги и столкнулась с защитным выплеском от Хитрина.

Мерлот нахмурился.

— Одно из них должен уйти! И сегодня же! Еще до заката. Есть добровольцы?

— Уйти? Куда уйти? — спросил Пузына.

— В Измерение Глав, — ответил Мерлот.

Гробовая тишина окутала всю группу — считать стремительно усиливающихся магических вспышек, с треском освещавших темноту вокруг.

— Ну что? — рявкнул Фиск, пока Влад предлагал ему вечерний выпуск «Кранаханского вестника». — На сей раз они правильно все изложили? И на первой странице?

— Не ссовссем, — просвистел Влад.

— Что ты этим хочешь сказать? Нет ничего важнее похищения принца Объединенного королевства Рингилла и Кранахана! — Фиск врезал кулаком по одному из подлокотников своего краденого трона.

— Ессть! — отозвался Влад, и в его холодный голос прокралась толика самодовольства.

Фиск уставился на вампира, который держал заголовок у своей бледной груди и ухмылялся.

— Ну конечно! Это же «Кранаханский вестник»! Настоящие новости они не узнают до тех пор, пока сама история их им не расскажет! Какой там заголовок? Небось «Ростоман Копченый — лишен чемпионства по короводранию! Тест на допинг дал положительный результат»? — саркастически прорычал Фиск.

— Нет!

Фиск взревел от разочарования и вырвал пергамент из хватки Влада, быстро переворачивая его — чтобы с отвисшей челюстью уставиться на газету. Заголовок прожигал себе дорогу в его разум подобно раскаленному докрасна железному клейму в его сетчатке.

«ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ — ПОЛНЫЕ КРАНТЫ!»
Мнение короля Хардина о Другой Стороне!
Прибыль пророка воспаряет до заоблачных высот — когда король падает оттуда.

Глаза Фиска выкатывались наружу, пока он читал дальше.

ЧУДО МОНАРХА ЗАПУСКАЕТ ВСЕОБЩЕЕ ОБРАЩЕНИЕ!
Эксклюзив!

Через считанные секунды после того, как пыль осела на теле короля Хардина после его загадочного падения из башни Мар-

телло, ваш корреспондент стал свидетелем послания от мертвого монарха...

За всю свою, мягко говоря, не слишком легальную жизнь Фиск едва ли когда-то бывал чем-либо по-настоящему удивлен. Теперь же все это просто его ошеломило. Шок подкрался незаметно и похитил все остатки ветра из его парусов. Челюсть Экспроприатора вяло отвисла, голова поникла. На какие-то мгновения он совершенно растерялся.

Но лишь на какие-то мгновения...

Издав звук, который заставил бы стаю гиен стыдливо покраснеть, Фиск отбросил назад гриву своих черных волос, завопил от алчного наслаждения и метнулся к своему пленнику, потирая ладони в злорадно-скрипучем восторге.

Раскатывая губы в хорошо отработанный оскал, Фиск встал перед более чем надежно связанным веревками Клайтом и отвесил ему долгий издевательский поклон.

— Ах, сеньор, — закудахтал он, — мой в высшей степени приятный долг повелевает мне проинформировать вас о немедленном повышении вашего статуса. Похоже, ваш отец, так сказать, выпал из правящего класса! Ручаюсь, вы не знали, что он любитель прыжков без парашюта! Правда же не знали?..

В тенях снаружи тронной залы Фиркин кипел от неистового гнева. Он уже услышал достаточно. Настала пора действовать!

— Ну давайте же! — понукал Мерлот. — Мне просто нужен доброволец. Есть желающие? Подойдет любой!

Тишина была поистине гробовой.

— Послушайте, такого чудесного путешествия вам больше никогда в жизни не выпадет! Подобные возможности бывают лишь раз в столетие при голубой луне! Пузына, старый дружище... — ухмыльнулся Мерлот. — Как насчет такого славного приключения?

Пузына прикусил губу и уставился себе под ноги.

— А почему бы вам самому все это не проделать? — поинтересовалась Донна.

— Мне? — заволновался волшебник. — Провести одно из тех заклинаний сквозь разрыв в Пространственно-Литературном Континууме? О нет, нет!

— А почему нет? — спросила Донна, склонив голову набок.

— Почему нет? Почему нет? — забормотал Мерлот себе под нос, похлопывая себя по подбородку во всплеске панических мыслей. — Потому что... э-э...

— Ведь вы знаете, что именно надо сделать! — добавила Донна.

— ...потому что... гм...

— Вы наверняка все сделаете правильно! — продолжила она.

— Нет! Гм... то есть да. Ха, я понял! Я скажу вам, почему нет! Потому что я должен все координировать! — объявил волшебник. — Выбор времени поистине жизненно важен во всех делах изменения регулировки межизмеренческого паракосмического вектора, понимаете?

Арбутус кашлянул.

— Понимаем, — едва слышно ухнул он. — Трус!

— Ну давайте же! — умолял волшебник, старательно игнорируя сову у себя на плече. — Мне нужно предложение! Пусть кто-нибудь назовет хоть одно имя!

Внезапно Фиркин выскочил из-за угла и, задыхаясь, встал в проходе.

— Фиск! — прохрипел он.

— Что ж, возможно! — отозвался Мерлот.

— Что? — рявкнул Фиркин. — Нет, это точно он!

— Хорошо, если ты так настаиваешь. Ведь я сказал, что подойдет любой, — пробормотал Мерлот.

— Где тебя носило? — спросила Донна, нервно поглядывая на своего брата. — У нас тут состоялись важные дискуссии. А тебя на них не было!

— Я срочно бегал за угол!

Донна ухмыльнулась и тут же подавила смешок.

— Так что там насчет Фиска? — спросил Пузына.

— Что? — пробормотал Мерлот. — Ты возражаешь? Во благо Фиркина ты хочешь сказать «я»?

— Да это я, я! — загорячился Фиркин. — Я его слышал!

— Ну вот, уже трое, — пробормотал Мерлот.

— Он уже готов захватить все королевство! — принялся брызгать слюной Фиркин. — Говорю вам — я его слышал!

— Четверо! — объявил Мерлот. — Ура! Движение подхвачено! Воистину велика сила демократии!

— Придурок! — ухнул Арбутус, гневно глазея на волшебника.

— Ты это про него или про кого-то другого?

— Трус! — гаркнула сова.

Мерлот ухмыльнулся Арбутусу и повернулся к остальным:

— Тогда все в порядке...

— Захватить все королевство? — повторил Пузына, все еще не веря словам Фиркина.

— Все! И Рингилл, и Кранахан! — подтвердил Фиркин.

— Гм... уделите мне немного внимания! — раздраженно проворчал Мерлот. — У нас не так много времени!

— И Рингилл, и Кранахан? — забормотал Пузына. — Мы должны его остановить!

— Да, но у нас не так много времени! — сказал Фиркин.

— Ну вот, теперь, кажется, все с этим согласны, — сказал Мерлот, роясь в своих объемистых карманах в поисках пера, чернильницы и клочка пергамента. — Итак, вот что каждый из вас должен сделать...

— Что? — хором спросили Фиркин и Пузына, поворачиваясь и глазея на Мерлота с отчетливым ощущением того, что слабое представление, которое они имели о текущих событиях, развеялось окончательно.

— Взять его! — заорал генерал Батталье, чьи глаза искрились восторгом охоты, а крючковатый нос со свистом резал воздух, пока он преследовал парящего в воздухе золотистого дракона.

— Ату его, ату! — завопил полковник Паукер, размахивая абордажной саблей над головой и присоединяясь к броску на пылающие руины Рингилла.

— Схватим огнедышащего засранца! — выкрикнул коннетабль Лаппет, подмечая, как их противник взметается все выше и выше в восходящих потоках теплого воздуха.

Это казалось довольно странным, но с такого расстояния коннетабль мог бы поклясться, что дракон плывет на спине.

— Ну вот, порядок, — пробормотал Мерлот, когда они притаились у входа в тронную залу Фиска. — Все знают, что делать?

Подростки и примкнувший к ним Винц кивнули.

Пузына с великим трудом и неохотой стянул с себя камзол и отдал его Винцу.

— Воистину готовы и желанием горим! — с энтузиазмом воскликнула Кургетта, покрепче хватая Эксбенедикт и действительно горя желанием вступить в бой.

— Перо готово? — спросил Мерлот у Винца, когда странствующий колдун встал на корточки над камзолом Пузыны, надежно прижимая Хитрина к полу. В подтверждение Винц показал волшебнику кольцо из указательного и большого пальца и неуверенно ухмыльнулся. Вокруг него сплошь кипела магия, и он страшно по этому поводу нервничал. Вся его жизнь в качестве странствующего колдуна не подготовила Винца к такой переделке.

— Прошу прощения за рисунок на том стенном пергаменте, — буркнул Мерлот, ежась при виде розовых цветочков и омерзительных голубых колибри. — Ничего другого мне за такой короткий срок найти не удалось! Надо бы мне все-таки в этих карманах порядок навести!

Винц сделал несколько пробных взмахов пером.

— Отлично! Только каллиграфии от меня не ждите. — Змейка голубых искр, подобно кобре, поднялась из кармана камзола Пузыны и гневно плюнула в «Древний альманах колдовства, магии и тому подобнаго» в руке у Мерлота. — Да, и еще... поскорее. Пожалуйста! — взмолился Винц, в острой тревоге глазея на голубую фосфоресцирующую ленту.

— Раз у нас не так много времени, давайте начнем по счету. Пятьдесят пять, двадцать четыре, восемнадцать, ать-два-три! Поехали! — прошептал Мерлот, задумываясь, к какой же все-таки чертовщине он приступает.

По ту сторону двери Фиск скалился и рычал на Клайта, запугивая нового короля будущим, угрожая ему целым рядом пыток. За всем этим, почтительно хихикая, наблюдал Влад.

Во вспышке мелькающих пяток Фиркин и Пузына ворвались в тронную залу, точно зная свои мишени. Мгновение спустя за ними последовала Кургетта, неистово вращая остро отточенный Эксбенедикт.

Пузына бочонком выкатился на открытое пространство, устремляясь к бледной хихикающей фигуре в черном похоронном костюме — на встречном курсе и постепенно ускоряясь. Фиркин метнулся к грудам сокровищ, стараясь зайти Фиску сзади.

Воя как дикая барсучиха, прихваченная внезапной судорогой, и присовокупляя к этому целый ряд отборных средневековых руга-

тельств, Кургетта устремилась прямо к Фиску. Волосы ее превратились в гневную огненно-рыжую гриву.

Влад испустил пронзительный визг, когда паровой каток в виде Пузыны проехался по нему точно шизофреническая лавина с параноидной психопатией. Вампир повернулся и успел пробежать целых два шага, прежде чем Пузына врезал ему по затылку, распластывая Влада на полу и вышибая дух из его анемичных легких.

Глаза Фиска потрясенно выпучились, пока Кургетта неслась к нему. Взмахнув руками, Экспроприатор испуганно подался назад. В его тронную залу еще никто никогда не вторгался!

Но прежде чем Фиск понял, что происходит, было уже слишком поздно. Горизонт нырнул к его ногам, когда, пятясь, он споткнулся о предусмотрительно вытянутую ногу Фиркина, обрушиваясь на твердокаменный пол и суматошно махая обтянутыми черной кожей конечностями. В следующее мгновение ока к нему уже подлетела Кургетта. Победно ухмыляясь, она поднесла острие меча к горлу Фиска и поставила изящную зеленую ножку на его задыхающуюся грудь.

Внезапная атака увенчалась полным триумфом. Причем сюрпризом это стало абсолютно для всех!

Оставаясь в тени прохода, Мерлот перевел дыхание, покрепче ухватился за страницу с Приложением III-Б и вырвал ее из альманаха. Искры градом посыпались от рвущегося пергамента, с треском разлетаясь по сторонам. Волшебник съежился, невольно устыдившись своего вопиющего вандализма. Винц заверещал, когда фонтан голубого пламени пронесся в считанных дюймах от его перепуганной физиономии.

«Все, — подумал Мерлот, держа в руке пергаментный лист. — Теперь назад пути нет. Скотч-ленту не изобретут еще три столетия».

Пока Винц окунал перо в чернильницу и начинал писать на стенном пергаменте с голубыми колибри и розовыми цветочками, Мерлот бросился в тронную залу. Волосы у него встали дыбом от нарастающего буквенного давления. Совсем скоро должен был последовать решающий удар обратной отдачи. Им следовало к нему приготовиться! Выбор времени должен был быть просто идеальным!

«Жил-был один низкий и подлый человек...» — писал Винц.

Фиск вопил от острого страха, пока Мерлот приближался к нему.

— Убери от меня эту сумасшедшую девку! — орал он. — Таким нельзя позволять играться с мечами! Это не вязальная спица и не игла для вышивания!

— Заткнись! — рявкнул Пузына, пригвождая Влада к полу и при этом изо всех сил стараясь увернуться от его зубов. — Кто-то здесь разинул рот на чужой кусок, и он мне за это ответит!

— Как смеешь ты честь мою порочить? Или ты о борьбе за права женщин не ведаешь? — выкрикнула Кургетта, еще глубже погружая свой каблук в грудь Фиска и покачивая Эксбенедиктом.

— Борьба за права женщин? Ха! Только через мой труп!

— Сие можно быстро устроить...

— Погоди, погоди! — крикнул Мерлот. — Давай не слишком увлекаться, милочка. Общение с мертвецами у меня не очень хорошо получается!

— Зато у короля оно классно выходит! — завизжал Фиск, глазея на Клайта. — Или следует сказать — бывшего короля?

— Отвяжите меня отсюда! — орал Клайт, слабо извиваясь под целыми милями веревки. — Дайте я им займусь!

«...и звали его Фиск...» — продолжал Винц, разводя чернильные каракули по стенному пергаменту.

Мерлот уставился на дико скалящуюся физиономию Фиска.

— У меня такое чувство, что тебя вообще-то здесь не очень любят. Я прав?

— Зачем любовь, когда есть власть? — тут же вскипел безумец в черном одеянии, корчась на полу и стараясь игнорировать острие Эксбенедикта, зависшее у его горла.

Мерлот огладил подбородок.

— Мне ты не кажешься таким уж властным, — сказал он. — Если честно, сопоставление с крупной лепешкой пахучего коричневого вещества, которая попала в кондиционер, так и просится на язык. Хотя кондиционеров здесь еще не изобрели...

«...он всегда одевался во все черное, и никто по-настоящему его не любил...» — продолжало перо Винца.

— Оставьте его мне! — завопил Клайт.

— Это ты во всем виноват! — закричал хозяину Влад, а затем пискнул сидящему на нем Пузыне: — Прекрати прыгать! Больно же!

— Кроме того, ты, похоже, и в рейтинге общественной популярности особенно не котируешься, — заметил Мерлот, ощущая растущий вес обращающегося к ним прилива воображения. Оно уже находилось в считанных минутах отсюда.

— Какое тебе дело, старик? — рявкнул Фиск.

— Вообще-то довольно большое. Видишь ли, на самом деле я очень не люблю драки, насилие и тому подобное. По-моему, эта такая пустая трата усилий...

— Вполне с тобой согласен, — осклабился Фиск. Рука его слегка подергивалась, пока он пытался вытащить припрятанный у него в рукавице пружинный нож.

«...его доспехи были сплошь скроены из черной кожи...»

— Я некоторое время за тобой наблюдал, — сказал Мерлот. Волосы у него на загривки топорщились еще более буйно, пока обратный прилив приближался. — И, откровенно говоря, я думаю, ты попусту тратил здесь время.

— Что? Да как ты смеешь... — рявкнул Фиск, высвобождая нож из рукавицы.

— Ты тут много лет валял дурака. Возможно, даже десятилетия. И чего ты достиг?

«...и он очень любил власть...» — медленно, но верно продолжал Винц, аккуратно уклоняясь от пары-другой голубых искр, которые то и дело выскакивали из кармана камзола у него за спиной.

— Да у меня сокровищ больше, чем в самых твоих безумных мечтах... — начал было Фиск, поудобней хватаясь за пружинный нож.

— Сокровищ? — перебил Мерлот, неприязненно морщась при виде гор золота и серебра, а также картин, грудами наваленных вокруг.

— Все это бесценно! — пронзительно выкрикнул Фиск.

«...и еще он очень любил деньги...» — писал Винц.

— Ошибаешься, — возразил Мерлот, болтая фигуральной морковкой у самого носа Экспроприатора. — Это я знаю место, где сокровищ больше, чем в самых безумных твоих мечтах.

Фиркин с растущим недоумением смотрел на Фиска. Ему казалось, что доспехи безумного негодяя вроде как пропадали. Он помотал головой и протер глаза. Нет, это, должно быть, волнение ему в голову ударило. Ничто так просто не пропадает. По крайней мере, в реальности.

Глубоко внутри кармана Пузыны твердая коричневая куколка Хитрина извивалась и корчилась в своем кукольном страдании. Громкие голоса из Измерения Глав разносились по всему его телу, желудок выворачивало, пульс бешено колотился. Хитрин крайне болезненно ощущал рокочущее цунами фантазии, пока оно с белыми барашками накатывало на него.

Тем временем высоко над ними, на рыночной площади, отряд черных стражников по-прежнему выискивал любые намеки на местонахождение Клайта.

— Ты ничего не чуешь? — спросил один из стражников.

— Что? — отозвался другой.

— Рокот! Как будто у земли несварение желудка!

— Не болтай чепухи! — махнул рукой другой стражник и побрел дальше.

— Какие еще сокровища? — рявкнул Фиск, пока алчность резко обостряла его рассудок. — Покажи мне доказательство!

Мерлот ухмыльнулся и вытащил из кармана свернутый клочок пергамента. Клочок шипел и трещал, пока волшебник его раскатывал.

— Вот указания! — объявил он. — Здесь сказано, как туда попасть.

Фиркин следил в полном замешательстве. Чем таким занимался Мерлот? Подкупом?

Фиск уже услышал достаточно. Сокровищ больше, чем в самых безумных его мечтах! Каково? И еще указания! Нет, как бы они ни пытались, ничего у них не получится.

Внезапным движением Фиск сбил со своей груди ногу Кургетты, выхватил из перчатки пружинный нож, за долю секунды обнажил лезвие и выдернул пергамент из рук Мерлота, с отчаянным треском искр засовывая его себе во внутренний карман. Прежде чем кто-то успел что-либо предпринять, Экспроприатор уже устремился к груде доспехов и оружия.

Кургетта разочарованно вскрикнула и бросилась за ним, отчаянно вращая Эксбенедиктом. Брови ее гневно сошлись у переносицы. А позади нее все нарастал рокот струящегося воображения.

Фиск выхватил из груды доспехов двуручный меч, развернулся и вскинул его над головой, едва успевая отразить неистовый удар Кургетты. Звон металла о металл разнесся по всей тронной зале, точно там собрался целый съезд полоумных кузнецов — это Фиск парировал отчаянные удары яростно атакующей Кургетты.

Винц лихорадочно царапал по пергаменту, стараясь не обращать внимания на зловещий звон поединка, — но тут его чуть было не размазал по полу дико мерцающий всадник, что прорвался сквозь стену на полном галопе, размахивая молотком для игры в поло. Вышло это от страха или по какой-то другой причине — Винц так никогда и не узнал, но на долю секунды он вдруг почувствовал себя голоднее, чем когда-либо за всю свою жизнь.

На рыночной площади все тот же черный стражник приложил ухо к булыжной мостовой и прислушался.

— Похоже, там, внизу, идет нешуточный бой. Что-то там такое творится — точно тебе говорю! А теперь я и конский топот слышу!

Обратный поток фантазии несся дальше, пенясь у самых пяток Голода, стремительно приближаясь с каждым ударом меча. Вскоре туманная волна уже объяла лодыжки всех действующих лиц.

— Что происходит? — завопил Фиркин Мерлоту поверх глухого рокота. — Пергамент у Фиска! Теперь вы уже не сможете его подкупить!

— Подкупить? А кто здесь говорил что-то о подкупе? — крикнул в ответ Мерлот.

— «Сокровищ больше, чем в самых безумных твоих мечтах!» Это вы сказали. Я же все слышал!

— Никакой это не подкуп. Просто маленькая побудительная причина!

— Побудительная причина? А это еще что? — вскрикнул Фиркин, когда громадная каменная колонна лодыжки пронырнула сквозь дальнюю стену.

— Успех, надо думать! — выкрикнул Мерлот, резко вздрагивая, когда Арбутус острыми когтями вцепился ему в плечо.

Фиск парировал еще один удар, нацеленный ему в голову, повернулся и побежал прочь, перепрыгивая через стул и не обращая

никакого внимания на девяностофутовую каменную троллиху, что проходила через его тронную залу. Затем Фиск подпрыгнул и... завис в воздухе, дергаясь и изрыгая проклятия. Шипящие голубые искры тащили его вверх за полупрозрачные плечи. Вокруг икр Кургетты тоже клубился туман.

— И ты мне говоришь, что вот этот самый рокот не слышишь? — спросил первый стражник, когда они вдвоем приложили уши к булыжной мостовой на рыночной площади.

— И впрямь как-то странно рокочет, но никаких мечей я не слышу!

Кургетта завизжала, бессильно махнув Эксбенедиктом по растворяющимся в воздухе лодыжкам Фиска, донельзя озадаченная внезапным стремлением меча взлететь.

— Возвращайся, сквернавец! Иль не способен ты как муж биться? — заорала она, покрепче хватая Эксбенедикт и цепляясь ногами за большую каменную плиту. — Трус!

Фиск в ужасе озирался. Глаза его так выпучились, что чуть было не попрыгали на пол. Он чувствовал необыкновенную легкость в голове — и, кстати, во всем теле тоже. Колокольчики тревоги зазвенели на полную громкость, когда Экспроприатор взглянул на призрачный образ собственной руки. А потом посмотрел прямо в морду стофутовому золотистому дракону, который полупрозрачно вырвался из дальней стены.

Винц корябал дальше. Каждое добавленное им слово ослабляло хватку Фиска за Реальность, убирая его из этого измерения. А каждый взмах драконьих крыльев грозил его собственному душевному здоровью.

Пузына ногтями вцепился себе в загривок. Ему казалось, будто он вдруг очутился в самом центре бушующего тропического шторма. Слова колошматили по нему точно обезумевшие от малярии москиты в сезон дождей, предложения прошивали его насквозь, стремясь к разрыву в Пространственно-Литературном Континууме. Дикий вопль парня затерялся где-то в оглушительной неразберихе крыла дракона, что вдруг над ним воспарил.

«...носил наглазную повязку...» — Винц обнаруживал, что писать ему становится все труднее, поскольку пергамент начал хлопать от ветра. Камзол, на котором он пристроился, шел буграми, весь корчился и безумно искрил, пока Хитрин бился внутри кармана. Хитрин же ощущал весь грохот, чувствовал, как стены слов загибаются вверх к горизонту воображения, все ближе и ближе. Их уже ничем было не остановить.

— Определенно это рокот, — сказал первый стражник. Пятнадцать других стоящих на коленях стражей кивнули в знак подтверждения. — Что же нам с этим делать?

— Плюнуть и растереть. Пусть этим канализационный департамент займется.

— Вернись, трус! — пронзительно кричала Кургетта строящему ей рожи Фиску, отчаянно цепляясь за Эксбенедикт и стоя уже по бедра в бурлящей фантазии.

«...носил наглазную повязку, которая также была черной...» — продолжал Винц, коряво записывая события, обращая Фиска в выдумку, рычагом своего пера выталкивая его тело из реальности при содействии многих килочудес магии, обеспеченных экземпляром Приложения III-Б, покоившимся сейчас у Фиска в кармане.

Голод галопом уносился прочь. Молоток для игры в поло ветряной мельницей крутился у него над головой.

Гудящая, рокочущая какофония неслась к тронной зале. Пузына как раз оглянулся и посмотрел, когда критическая масса приливной волны потока противодавления проломилась сквозь стену у него за спиной. Дикие белые кони фантазии скакали по гребням волн воображения, галопом неслись на фоне заполняющего весь горизонт ливня слов и идей — следом за Голодом.

Фиск покрепче сжал меч и развернулся на щупальцах искр, запрокинув голову и испуская вызывающие вопли. Секунду спустя он завопил от ужаса, когда на него налетел дракон.

Кукольная оболочка Хитрина разошлась у него на спинке, пока он бился и напрягался в своей темноте. Хитрин был сильно озадачен, увидев у себя лапки. И крылышки.

Затем противоток ударил со всей силы. Давление, что скапливалось и усиливалось меж двух чудотворных экземпляров Приложения III-Б, все нарастало, с оглушительной силой струясь сквозь

тронную залу. Дракон лег на крыло, накренился, поджал свои рептильи колени и, точно опытный серфингист, опустился на отороченную буруном волну воображения, вытянув перед собой лапы и сосредоточив глаза на парящей перед ним мелкой черной фигурке с мечом.

Когда все персонажи всех книг, поэм и песен, какие он когда-либо читал, слушал или пел, устремились к нему сквозь стену, Пузына дико завопил. Лица, оружие, животные, сказочные двери проносились сквозь него. Единороги делали шашлык из его почек и исчезали, оставляя молодого человека пребывать в страхе и замешательстве. Ковер под бьющимся вампиром выгнулся и пошел волнами, по дуге швыряя Пузыну через всю разрывающуюся от жуткого грохота тронную залу. Влад устремился в противоположном направлении, ускользнул от кружащейся хаотической сумятицы и исчез за крошечной потайной дверцей.

Что-то непонятное, с красными зубами и когтями, пронзительно визжа, налетело на Пузыну... Волна ударила со всей силы и прошла дальше, срывая крышки с люков на потолке, в клочья разрывая картины и вдребезги разнося вазы.

— Бежим! — завопил стражник, когда настоящий вихрь из сорванных крышек канализационных люков полетел вверх и эти крышки закувыркались на колоннах мерцающей мглы.

— Проклятье! Похоже, канализация тут все-таки ни при чем! — заорал другой стражник, бросаясь в ближайшую подворотню — и вовремя, потому что сила тяжести начинала брать свое и притягивать крышки люков обратно, снегопадом обрушивая их на землю. Стражник отчаянно мотал головой в тщетной попытке выбросить из памяти увиденный им огромный деревянный корабль, плотно забитый арами животных, который буквально сидел на хвосте у стофутового золотистого дракона, несущего в громадных когтях корчащуюся черную фигуру.

Волна прорвалась сквозь тронную залу подобно ошалевшему от наркотиков урагану. И секунды спустя пропала.

Меч Фиска какое-то мгновение повисел в воздухе, после чего шумно обрушился на густо усеянный всевозможными обломками пол.

Когда последние из новообращенных членов Наивозвышенной церкви святого Жмота Неумытого подписали Сертификаты Неоспоримой Веры, подули на чернильные каракули и отвалили прочь с твердой уверенностью в том, что теперь их будущее не только застраховано, но и надежно притянуто цепями и прибито заклепками к стенам фортуны, Спирохет рухнул от изнеможения. Под северным концом рыночной площади прозвучал глухой взрыв.

— Блин, ну и подписная кампания! — воскликнул его лучезарность Херсним Самый Превозносимый. — Я совсем разбит!

— Я знал, что ты хотел привлечь короля на нашу сторону, — пробормотал Клистир, глядя на бывшего монарха, — но неужели у тебя это все еще на уме?

Над ними все гуще кружились темные облака.

— Что ж, брат Клистир, — начал Спирохет, самодовольно улыбаясь, — должен признаться, что личного участия короля в нашем деле я не предвидел. Но я весьма высоко ценю тот факт, что он со столь чистосердечным рвением бросился к нам на поддержку!

Херсним прыснул, блаженно не сознавая о растущей у него над головой загадочной массе кучевых облаков.

— Нет, такого содействия с его стороны я не ожидал, — добавил Спирохет. — Причем содействия и телесного, и духовного!

— Как мило с его стороны, что он так стремительно спустился к нам со своих высот! — воскликнул Клистир.

— Да-да, и впрямь очень мило, — захихикал Херсним, глазея на стопки Сертификатов.

Затем последовал единственный удар голубой молнии.

И пока все трое бурно обсуждали свой последний доход, странная фигура подошла и встала среди них.

— Алчность да пребудет с вами! — сказала фигура.

— Нет-нет, приходи завтра, приятель. Сегодня мы уже закрылись! — проворчал Клистир, пока Спирохет все размышлял о сегодняшнем успехе.

— А знаете, — сказал Ревностно Восторженный, сложив ладони у себя на затылке, — всегда приятно представить для подтверждения своих теорий некую телесную основу. Особенно телесную основу в виде короля! Воистину велика сила мимики и жестикуляции!

— Интересно, какой будет эпитафия, — вмешался Херсним. — Как насчет «Король ушел — но не своими миногами»?

Слегка посверкивающая фигура выступила вперед.

— День добрый, апостолы.

— Кого это ты тут опоссумом назвал?

— Тебя, дражайший Клистир, — ответила фигура. — Приятно видеть, как твоя преданность увеличивает твою талию!

— Ась? — Клистир уставился на смутно просвечивающую фигуру, затем посмотрел на собственное брюхо.

Это была истинная правда — с тех пор как они взялись поправлять свои финансовые дела в Кранахане, пальцы ног его мягчительства (а также кое-что еще) можно было увидеть лишь в воспоминаниях.

— И тебя, дражайший Херсним, — продолжила фигура. — Ведь это лучше, чем грабить банки. Разве нет?

— Понятия не имею, о чем ты! — заволновался его лучезарность. На его физиономии тут же промелькнула паника, а за ней последовала легкая тень вины.

— Ну-ну, — сказала фигура. — Пусть прошлое вас не тревожит. Обо всем вашем вшивом происхождении я вполне могу забыть. Пусть даже раньше вы были заурядными налетчиками. Зато теперь вы вознеслись куда выше. Какая там у вас теперь специальность? Ограбление с применение ненасилия? Но я и об этом забуду. Как только вы передадите мне кассу.

Спирохет внезапно застыл и уставился на фигуру:

— Да кто ты в натуре такой?

— Ну-ну, Спирохет! — погрозила ему пальцем фигура. — Следи за своей речью! Разве ты меня не узнаешь? Ведь это я, искренне ваш, тот самый, Неумытый... нужно продолжать?

— Ты что, встал тут и заявляешь, что ты святой Жмот Неумытый? — завопил Спирохет.

— Ага. Это я.

— Но тебя же не существует! — запротестовал Спирохет.

— А кто, по-твоему, написал «Красный манускрипт святого Жмота для новообращенных»?

— Ну... я думал, это просто псевдоним...

— Плохо ты думал, кретин! А теперь отдай мне то, что по праву мое! — с гнусным смешком потребовал Жмот. — Отдай мне тонны любовно награбленного, акры земли, поместья и королев-

ства, фермы по разведению креветок и все остальное, что вы так благородно для меня собрали!

— Если я только не увижу подмухлеванные расходные листы веры, священные петли налогообложения и теологически суммированные годовые итоги, я нипочем тебе не поверю!

— Ты всегда любил тыкать своими длинными пальцами туда, куда не следует, — нахмурился святой Жмот. — Ладно же! Я хотел по-хорошему! Теперь же держите, засранцы!

Он щелкнул пальцами, и дождь расходных листов обрушился с неба. Кувыркающиеся предсказания прибыли и убытка кружились, устремляясь к троим обалделым первосвященникам. Пурга четных и нечетных цифр, леса колонок — все это давило весом своей доказательности.

Пока Спирохет, Херсним и Клистир отчаянно боролись под тяжестью доказательств, загадочная фигура святого Жмота исчезла. Вместе с очень славно наполненной тарелкой для пожертвований.

Несомый когтями стофутового дракона на загибающемся переднем фронте волны воображения, Фиск (или, скорее, литературный двойник Фиска) подпрыгивал и мотался туда-сюда, пока его неудержимо увлекало к разрыву в Пространственно-Литературном Континууме.

Впереди него полчище серебристых сфер уже облизывало жадные губы и начинало двигаться вперед, набирая скорость, готовое столкнуться с волной фраз. Факции ожидали добычи.

А тем временем Голод (в данный момент скачущий бок о бок с несущимся вперед драконом) сильнейшим образом влиял на аппетит гигантского ящера. Громадный язык ерзал в чудовищной пасти, смакуя вкус еще не поджаренных факций.

Разрыв разошелся еще шире, когда факции заструились к изломанной серой дуге. Возбуждение их росло с каждым оставленным позади футом.

Внезапно разрыв оказался над ними. Волна закруглялась во всех направлениях, сворачиваясь, чтобы пробиться, громадной воронкой направляя всех и вся в обширную дыру. На ту сторону.

Единственными предупреждениями, какие получили факции на предмет того, что целыми и невредимыми им уже никуда не до-

браться, стал басовый рокот в брюхе ящера, что-то вроде икоты, и выплеск палящего огня.

Когда Голод, дракон, Фиск и ковчег ворвались в дыру и пересекли Пространственно-Литературный Континуум, чудовищные пласты темной материи сплавились, задраивая брешь.

Вышло почти так, как если бы Великий Киномеханик в Небе делал обратную перемотку замедленного повтора того, как магическая пуля в упор пробивает гигантский черный персик. Почти, но не совсем.

Кургетта ошарашенно махнула Эксбенедиктом, разрубая целое полчище столбов света, что сияли сквозь люки с сорванными крышками. Затем она ударила мечом по тому месту, где раньше был Фиск, но ни во что не попала, предельно озадаченная тем, что меч теперь оказался таким тяжелым и неповоротливым. Девушка вздрогнула в недоуменном недоверии, а затем — во вспышке острого гнева.

Негодяй все-таки ушел! Спасся.

— Ну давайте же! Вызволите меня отсюда! — снова заорал Клайт, отчаянно умоляя из-под извивов веревки. — Ведь для этого можно и меч использовать, разве нет?

Кургетта завопила, утоляя гневное разочарование резким и вздорным действием. Взметнув Эксбенедикт над головой, она опустила его размашистым ударом, при виде которого у стареющего монгольского воина наверняка от гордости расслабился бы сфинктер. Куски веревки разлетелись во всех возможных и невозможных направлениях, подобно связкам самоубийственных змей, отчаянно корчась и крутясь. Искры полетели от кончика Эксбенедикта, когда он ударил по камню — и дюймов на восемнадцать ушел в вулканическую скалу.

— Я ведь просто попросил! — заверещал Клайт, с трудом поднимаясь с пола.

Кургетта скорчила рожу, обеими руками силясь совладать с рукоятью. Расставив ноги пошире, она принялась гнуться и напрягаться — но вытащить меч из камня ей никак не удавалось.

— Насыть очи свои, олух, тем, на что ты меня сподобил! — заорала она. — Сей меч не выходит!

— Спокойно, спокойно! — пробормотал Клайт.

— Или тебе еще гланды не удалили, пащенок? — прорычала ему Кургетта.

— Он... он пропал! — брызгал слюной Фиркин, выползая из-под груды картин и отряхиваясь от пыли. Он не сводил глаз с той точки в восемнадцати футах от пола, где мгновением раньше был Фиск. — Он просто... просто исчез!

Мерлот стоял в середине альтернативной тронной залы и ухмылялся, потирая ладони, как будто только что закончил работу с каким-то особенно грязным и сложным алхимическим аппаратом. Затем он отряхнул плечи, а заодно и Арбутуса.

— Вот так-то, — сказал он сове. — Роскошь, иначе и не скажешь. Просто супер!

— Что? — завопил Фиркин. — Но ведь Фиск спасся!

— Не забивай себе голову лишними заботами, юный Фиркин, — отозвался Мерлот. — Вот тебе твой Клайт!

— Да, но Фиск... ведь он...

— Вот они, люди! — воскликнул Арбутус, закатывая глаза. — Никак им не угодишь!

— Вообще-то мы тут можем еще целый день стоять и точить лясы, — сказал Мерлот, напряженно озираясь. — Но я уже должен бежать. Мне еще много чего надо проделать. Целые измерения спасти!

— Повремените с сим! — взвизгнула Кургетта, поворачиваясь к Мерлоту. — И мое оружие чудотворной силой освободите!

— Ах да. Чуть не забыл, — пробормотал Мерлот, подходя к колонне. Ухватив рукоять Эксбенедикта, он прошептал несколько тихих слов и с легким всплеском искр вытащил меч из камня. — Ну вот, а теперь мне пора...

— Клинок мой мне верните! — потребовала Кургетта, протягивая руку. Она стояла, гордо расставив ноги, и грудь ее надменно вздымалась.

В этот самый момент Пузына с трудом выполз из-под груды доспехов и нескольких больших ящиков с золотыми кубками. Он встал, глазея на Кургетту. Колени его подгибались, сердце колотилось, язык едва-едва шевелился.

Мерлот тоже воззрился на Кургетту.

— А волшебное слово? — осведомился он.

Кургетта секунду подумала.

— В сей же миг.

Мерлот покачал головой.

— Пожалуйста! — прошептал за спиной у Кургетты Пузына.

— Клинок мой мне верните, пожалуйста! — потребовала Кургетта.

— Нет, — сказал Мерлот.

— Что? Почему?

— Он не твой, — объяснил волшебник. — Есть определенный камень и наковальня, которые только того и ожидают, чтобы его из них вытянули. Это имеет какое-то отношение к выбору монарха. По-моему, все это сказки, но тем не менее... В любом случае, я должен бежать. Не могу заставлять короля Гальву и дальше ждать... ох, ведь я же весь сюжет вам рассказываю! — Он небрежно зашел за колонну и исчез.

Визжа в рыжеволосой ярости, Кургетта принялась бегать вокруг колонны.

— Стой! Назад! Держи вора!

— Слишком поздно, — пробормотал Пузына. — Он вернулся туда, где... — Тут в его мозгу заметались нейроны, сложившись в изображение книжного червя. — Хитрин! — вспомнил он, бросаясь к Винцу и своему камзолу.

— Вернулся туда, где Хитрин? — недоуменно переспросила Донна.

Рот Винца сам собой распахнулся, когда он перевел взгляд от клочка стенного пергамента с голубыми колибри и розовыми цветочками в то место, где был Фиск, а затем к скомканной груде «Древнего альманаха колдовства, магии и тому подобнаго». Он не мог поверить в то, чему только что стал свидетелем. Он и впрямь присутствовал при определенных действиях некой реальной магии. Мало того, он даже играл в этом свою роль! По крайней мере, так ему казалось. «Я? — мысленно забрызгал слюной Винц. — Магию делал? Нет. Определенно нет».

Вытянув свой камзол из-под ошарашенного странствующего колдуна, Пузына выдернул из кармана экземпляр «Чиновника леди Люттерлей». И немедленно заметил в измочаленном любовном романе две странности. Во-первых, книга казалась гораздо легче, чем была раньше, а во-вторых, выглядела так, словно бы внутри нее был размещен небольшой заряд взрывчатки. Обложка сама отскочила ему в руку, а беспорядочная пурга отдельных страниц выплеснулась точно лимонад из вскрытой бутылки.

— Хитрин, — прошептал Пузына, когда что-то вроде куска крошечной лопнувшей велосипедной камеры упало на остатки выпотрошенной книги.

— Эй, Мерлот, — ухнул Арбутус, похлопывая по саксафранному плечу волшебника, когда они воспарили в сторону Измерения Глав. — Ты ведь не собираешься так просто их бросить, правда?

— Они в нас больше не нуждаются. Им теперь не потребуется много времени, чтобы во всем разобраться, — размышлял Мерлот. — Знаешь, могу поручиться, что если мы через несколько месяцев туда вернемся, ощущение будет такое, как будто там абсолютно новое королевство. Будет уже весна, и на склонах распустятся нарциссы...

— Кхе-кхе! Вот от этого, будь добр, меня избавь! — заухал Арбутус, многозначительно указывая указательным маховым пером себе на горло. — Я имел в виду, что ты не собираешься так просто взять и уйти!

— Что?

Арбутус недовольно заухал.

— Левая сторона твоего плаща, третий карман снизу, пятое отделение. Помнишь?

Пошарив там, где ему указали, Мерлот удивленно поднял брови, когда его пальцы нащупали небольшой твердый цилиндрик.

— Ты ведь не собираешься так просто его растратить, ага? — нажал Арбутус.

Мерлот ухмыльнулся, резко меняя курс и возвращаясь назад.

— А вы уверены, что он полетел именно сюда? — спросил генерал Батталье, пока они с полковником Паукером галопом скакали вокруг одной из дымящихся башен Рингилльского замка.

— Я точно его видел! — отозвался Паукер, выхватывая меч. — Он вот тут парил. Я уверен!

— Что-то я его тут не вижу! — рявкнул Батталье, чей указательный палец уже начинал чесаться.

— Должно быть, он где-нибудь гнездится.

— Гнездится! — вскричал Батталье. — Гнездится? Стофутовые огнедышащие драконы не гнездятся. Они вам не какие-нибудь чертовы воробушки!

— Падальщики, к примеру, гнездятся... — сказал Паукер в свою защиту.

— Короче, меня не волнует, что он делает. Я просто хочу знать, где он.

— Странно, не правда ли? — сказал Паукер, когда они обшарили все окрестности башни. — Ему здесь никак не спрятаться. Он слишком большой. Такое ощущение, словно он просто взял и испарился в воздухе!

— Не болтайте чепухи! Тварь такой величины не может так просто испариться в воздухе. Или может?

— Кто вы, люди? — спросил Клайт, оглядывая компанию подростков, стоящую в усеянной обломками тронной зале. — Что-то вроде тайной подпольной команды? Вроде Межкоролевской Службы Спасения?

— Нет-нет, — сказал Фиркин. — Мы твои друзья.

Высоко у них над головами из всех открытых люков начали спускаться веревки.

— Друзья? — спросил Клайт. — Но я вас никогда раньше не видел!

— Ты уверен? — спросил Фиркин и закатил глаза, стоило ему только кое о чем подумать.

— Да вспомни же ты! — рявкнула Донна, с досадой глазея на брата. — Тебя что, пыльным мешком по голове ударило?

Внезапно повсюду вокруг них закачались спущенные из люков веревки, а секунды спустя по этим веревкам спустилась целая орда черных стражников. Служители закона дико орали, решительно настроенные спасти Клайта, точно огромная стая переросших пауков. Лавиной тяжелых ботинок черные стражники приземлились, отцепились от веревок и рассыпались веером, через считанные секунды окружая всех и отрезая все выходы из помещения. Командир Черный Эбенит, не успев добраться до пола, уже вовсю по два раза рявкал приказы, с убийственной точностью тыча указательным пальцем:

— Арестовать этого... и этого... и эту...

Внезапно, издав звук, точно целая свора диких кошек в тесном мешке, Кургетта выпрыгнула из-за кипы картин, крутя над головой самой большой палкой, какую она за такое короткое время сумела

отыскать, и бросилась на Эбенита. Черные стражники расступились по сторонам, совершенно не уверенные в том, что им делать дальше. Не могли же они рубить беззащитную женщину...

— За права женщин! — заверещала Кургетта.

— Кургетта! Брось! Прекрати! — крикнул Пузына. — Они на нашей стороне. Тебя арестуют!

Черные стражники вытащили мечи и встали, готовые к мгновенному действию. Беззащитные женщины были одно дело, а эта... совсем другое!

— Плевать! — заорала Кургетта, крутя палкой над головой. В жилы ее по-прежнему бешено плескался адреналин. — Я уже это делала. И я в это верю. За права...

— Всех на свете! — выкрикнул Пузына, хватая Кургетту за зеленую лодыжку. — Они на нашей стороне! — взмолился он, подтягивая ее к себе.

— Но они мужчины!

— И страшно здоровенные!

— Вы, мужчины, все одинаковы... размер не важен! Важно то, что вы делаете!

Внезапно облаченный в саксафран волшебник выступил из-за каменной колонны.

— Ох, Кургетта, ты так и не угомонилась? Стыдно, очень стыдно.

— А, это вы! — завопила Кургетта, поворачиваясь к Мерлоту. Черные стражники, ненадолго позабытые, испустили вздох облегчения, когда гневная фурия обратилась со своими тирадами на волшебника. — Верните мне мой меч! — И Кургетта устремилась вперед, волоча за собой вцепившегося ей в лодыжку Пузыну.

— Клайт... гм... ваше высочество! — торопливо заговорил Мерлот, пятясь от озверевшей самки. — Могу я предложить, чтобы вашим первым решением... нет, Кургетта, прекрати... в качестве правителя Объединенного королевства Рингилла и Кранахана... слушай, не очень-то, я ведь пытаюсь тебе помочь... стало дать этой девушке...

— Женщине! «За права девушек!» звучит совсем не так!

— ...гм... женщине. Короче говоря, дайте ей какой-нибудь захудалый меч!

— Слышишь, Кургетта? — прохрипел Пузына от ее лодыжки. — Брось палку и получишь меч!

Кургетта остановилась и посмотрела на Клайта. В голове у нее жужжало.

— И топор? — спросила она.

— Да! А теперь брось палку!

— И такую шипастую штуковину на конце цепи, которая все жужжит вокруг твоей головы и...

— Да. А теперь заткнитесь, мисс, — твердо сказал Клайт.

— Никакая я вам не мисс! — зарычала Кургетта.

Эбенит и черные стражники, захваченные врасплох разбросанными повсюду сокровищами, а также тем фактом, что с Клайтом, похоже, все было в порядке, а ситуация находилась под контролем, начали топтаться, испытывая едва ли не смущение. Как будто они с ревущими сиренами ворвались на частную вечеринку.

— Ну давай же! — подстрекал Мерлота сидящий у него на плече Арбутус. — Сделай это сейчас, пока они еще не начали расходиться! Им очень понравится! Вот увидишь!

— Э-э... — начал Мерлот. — Не хотел бы мешать вам сейчас, когда все здесь в порядке, так что я просто тихо ускользну, если никто не против. Ладно?

Разнообразное хмыканье и одобрительные кивки последовали от стражников, пока они пристально и со вкусом оглядывали наконец-то обезоруженную Кургетту.

А под растерзанными останками «Чиновника леди Люттерлей» некое существо отчаянно силилось воспринять концепцию конечностей. «Тут просто какой-то розыгрыш, — думало оно. — Причем весьма дурного толка! Стоит только немного задремать, и тут же тебе кто-то присобачит шесть лапок и четыре крыла! Больно же, наконец!» Раздраженно шевеля жвалами, существо плевалось и изрыгало проклятия.

— Я должен только провести здесь кое-какую зачистку, понимаете? — продолжил волшебник. — Еще требуется пару-другую изловить факций! — добавил он, похлопывая по своему жезлу.

— Давай заканчивай, — уголком клюва прошипел Арбутус.

— Ну вот, надеюсь еще раз со всеми вами встретиться. Если когда-нибудь в Измерении Глав окажетесь, непременно меня поищите. Я есть в Указателе, под...

Тут Арбутус выхватил из руки Мерлота небольшой цилиндрик и запустил его в пол. Цилиндрик взорвался громовой вспышкой

серебристых искр, фонтаном голубого и багрового света. Заклубилось облако серого и желтого дыма.

— Мерлот? — спросил с пола Пузына.

— Ух ты! — воскликнул Клайт сквозь облако кордита и магния. — Вот это и впрямь ловкий трюк! Я думал, круто было зелюка на той неделе увидеть, но это...

— Ты видел зелюка? — спросил Фиркин.

— Да. Это было просто что-то ирреальное!

— И больше ничего?

Тем временем новорожденное существо прокачивало кровь сквозь свои смятые крылья, расправляя их в четыре почти изумрудных полетных поверхности.

— Да. А ты, надо полагать, видел что-то покруче? — проворчал Клайт.

— Как насчет восьмилапой лягушки с зубами что твои руки, которая тебе мигом башку отхватит? — самодовольно отозвался Фиркин.

— Ну, загибай... — буркнул Клайт, так и сочась недоверием. — Где ты такую видел?

— Не такую, а таких. Целую армию!

— Где?

— Прошу прощения, но любой информацией касательно подобного существа или существ я делиться не вправе. Государственная тайна!

Внезапно из мрака прохода неуверенно заковыляло ярко-зеленое существо, постепенно пытаясь совладать со всей сложностью полета. Затем оно споткнулось, плюхнулось на пол, снова поднялось на шести веретенообразных лапках и целеустремленно направилось к Пузыне.

— И еще драконы... — добавил Фиркин.

— Все это звучит как волшебная сказка, — сказал Клайт, пока они направлялись к выходу из лабиринта, сопровождаемые черными стражниками.

Винц не знал, куда ему смотреть или к какому разговору прислушиваться. Вокруг него вдруг оказалось слишком много магии. Неужели никому здесь не требовалось просто починить кран или прибить новый каблук?

— Отстань! — крикнул Пузына, силясь подняться с пола под яростное хлопанье роскошных изумрудных крыльев.

— Смотри меня не прихлопни! — прогудел до странности знакомый голос.

— Помогите! — захныкал Пузына, когда незрело мерцающие крылья обрушились ему на голову.

Кургетта и Донна стояли, наблюдая за ним. На лицах у них сияли улыбки.

— Прекрати, отстань!

— Я на пол плюхнусь, если отстану! — просвистел Хитрин, пристраиваясь на плече Пузыны и поднимая поблескивающие крылья.

— Хитрин? Что с тобой стряслось?

— Я изменился!

— Это я и сам вижу! Но кто ты теперь?

— Думаю, книжная стрекоза! Слушай, я голоден. У тебя случайно под рукой какого-нибудь любовного романа нет? Чем пошлее, тем лучше.

Пузына указал на правую руку Винца, все еще сжимавшую «Древний альманах колдовства, магии и тому подобнаго».

— Может, этим немного перекусишь? — спросил он, лукаво улыбаясь.

Книжная стрекоза тут же закатила глаза и отрицательно помотала головой.

— Нет! Нет! Слишком опасно! Мне, пожалуйста, любовный роман, и как можно пошлее!

— Не волнуйся, Хитрин! К той книге я тебя и близко не подпущу!

Пока книжная стрекоза балансировала у него на плече, Пузына прибавил хода, чтобы догнать остальных.

— Эй, ваше высочество! Привет, Клайт... У тебя случайно книг ненужных не завалялось?

Когда тронная зала опустела, два шепчущих голоса выплыли из-за колонны.

— Слишком скоро! — посетовал Мерлот.

— Ты бы тут всю ночь проторчал! «Если когда-нибудь окажетесь в Измерении Глав, непременно меня поищите»! Тьфу! — сплюнул Арбутус. — Я тебе уже что-нибудь про беззастенчивую эксплуатацию внимания публики говорил?

— Я был не готов! Ты должен знать, что требуется немалое время, чтобы приготовить заклинание!

— Это так очевидно! Полагаю, именно поэтому мы до сих пор здесь торчим! Прячемся за колоннами как какие-нибудь колдуны бездарные!

— Порой, мой пернатый друг, ты становишься слишком уж театрален! — Мерлот поднял правую руку и досчитал до трех. Двое друзей какое-то мгновение серебристо померцали, затем исчезли.

— Но я люблю со взрывом! — запротестовал бестелесный голос Арбутуса.

— Поджигатель! — проворчал Мерлот.

— Шарлатан!

Святой десант

СМЕРТЬ ДУШЕКУПЦА

Утренний геккон с прищуром взглянул на тень, крадущуюся по циферблату солнечных часов, мысленно пожал чешуйчатыми плечами и заторопился прочь, скрываясь из поля зрения и слуха. Многотрудные годы личного, полученного из первых лап опыта жизни в горном городе Аксолотле научили его тому, что надолго здесь ничто безмятежным не остается. Так никогда не бывало — особенно ранним утром в Гад-парке.

И сегодняшнее утро не стало исключением.

Раздался хруст энергичных шагов по выбеленным солнцем камешкам Дженской лужайки, и фигура в длинной черной сутане и соответствующей ермолке заспешила по извилистым тропам пятидесятифутовой площадки, сжимая в руке немалых размеров чемодан. Глаза вновь прибывшего то и дело метались влево-вправо на предмет какого-либо движения — признака чьей-то конкуренции. Нет, не затем он забрался в такую даль, чтобы в последний момент лишиться своего места. О нет. Только не после трех суток перетаскивания проклятого чемодана по дьявольски бесконечным горам. Никоим образом. Все это удовольствие стоило слишком дорого.

Внезапно краем глаза он все-таки заметил движение — качнулась ветка и мелькнула тога. Звучно заскрипев зубами, человек в сутане пригнулся и еще быстрее устремился вперед. А тот, что был в тоге, перепрыгнул через невысокую ограду из кактусов, заметил духовное лицо и с громкими криками бросился ему напе-

рез. Белые камешки летели у него из-под ног, пока он стремительно ускорялся на курсе перехвата, ведущем к сверкающей мраморной колонне.

Тогда человек в сутане отчаянно размахнулся своим объемистым чемоданом и, точно гигантскую тарелочку «фрисби», с замиранием сердца запустил его в сторону своего противника. Внезапно превратившаяся в метательный снаряд, ручная кладь приземлилась со всплеском гравия, после чего неудержимо заскользила вперед и угодила точно по паре несущихся навстречу лодыжек. Изрыгая бурный поток сквернословий, человек в тоге закувыркался прямиком к предельно неприветливой ограде из кактусов.

Его высокобесподобие Брехли Трепп победно вскинул руки, а затем быстро подхватил свой чемодан и запрыгнул на нижнюю ступеньку лестницы к трибуне в Уголке Проповедника. Итак, ему все-таки удалось застолбить за собой это место и получить возможность проповедовать здесь хоть целые сутки — до девяти часов завтрашнего утра, когда все начнется сначала.

Испустив могучий вздох облегчения, Трепп принялся лихорадочно распаковывать чемодан, готовясь воспользоваться всеми преимуществами наилучшей точки для проповеди в всем горном городе Аксолотле.

Геккон неодобрительно хмыкнул себе под нос, лениво задумываясь о том, чего ради эти люди прилагают так много усилий в такой ранний час. Почему они не могут просто найти себе подходящую скалу и капитально на ней поблаженствовать, как сделало бы всякое приличное существо? Мысленно покачивая головой и бормоча себе под нос всякие рептилианские соображения о глупости млекопитающих в целом и людей в частности, геккон ускользнул прочь в тот самый момент, когда человек в темно-сером костюме, чуть наклонив лысеющую голову и громко пыхтя, стал прокладывать себе дорогу по Дженской лужайке.

— Какого дьявола вы вдруг так срываетесь и несетесь невесть куда? — укоризненно выдохнул он его высокобесподобию Брехли Треппу из Речистой Миссии.— А что, если бы я заблудился или...

— Конкуренция, Таргаш, конкуренция, — ответствовал Трепп, хмуро указывая на человека в тоге, который тем временем вынимал несколько особенно длинных колючек кактуса из предельно деликатной части своей анатомии.

— Какая еще конкуренция? — воскликнул лысеющий мужчина, а затем добавил: — И, между прочим, для вас я *мистер* Таргаш!

Игнорируя последние слова клиента, Брехли Трепп развернул большой складной плакат, покрытый цветными глянцевыми иллюстрациями.

— Об этом я вам уже рассказывал по дороге, — пробормотал он.— Древняя аксолотлианская традиция. «Кто первым поспел, тот больше спас».

Таргаш вытер потный лоб и огляделся:

— Так вы говорите, это и есть Уголок Проповедника?

— А вы чего ожидали? Горящих свечей? Или, быть может, амфитеатра?

— Но он такой маленький.

Трепп хмыкнул.

— Как я не раз пытался втолковать некоторым моим дефективным друзьям, это не имеет никакого значения. Важно лишь то, что вы тут делаете. Поверьте мне, через каких-то несколько минут здесь плюнуть будет некуда.

— Лично я знаю, куда бы я сейчас плюнул, — рявкнул от ограды из кактусов человек в тоге, гневно глазея на Треппа.— Шарлатан! Ты тут каждую неделю трусишь по одной и той же натоптанной дорожке...

— А, заткнись. Только высунь нос, и я тебе опять полный рюкзак накидаю! Я первым сюда пришел. Теперь это место мое на все то время, что полагается согласно указу Священного управителя. — Трепп пренебрежительно мотнул головой и воззрился на солнечные часы. Оставалось меньше минуты.

Таргаш явно пребывал в недоумении.

— Полный рюкзак накидаете? — озадаченно спросил он.— Выходит, здесь получился двойной заказ? — Коммерсант снова вытер лоб, и его колени дали слабину. Неужели он только затем трое суток сюда карабкался, чтобы его теперь какая-то клерикальная ошибка остановила?

Его высокобесподобие Брехли Трепп запрокинул голову и громко расхохотался:

— Двойной заказ? Нет, что вы. Я же сказал — кто первым поспел...

Поблескивающий от влаги лоб Таргаша пересекли подозрительные морщинки.

— Помилуйте, но за что же я тогда отстегнул вам сотню мротов заказной оплаты? А? Прошу объяснить.

— А почему, собственно, это должно вас заботить? Политика Речистой Миссии, как вам хорошо известно, заключается в том, чтобы проповедовать в любое время, в любом месте, любое слово. «По любому!» — так это называется. И вот я здесь, ради вас, готовый, страстно желающий и более чем способный проповедовать ваше слово. К несчастью, однако, пока что это ваше слово зашло не слишком далеко. Я это знаю и вы это знаете, но мы должны позаботиться о том, чтобы аудитория тоже это узнала. Но она этого не узнает, если ее здесь не окажется. Видите, в чем загвоздка?

Таргаш, в состоянии полной озадаченности, просто обратил ладони к небу.

— Должен же я был позаботиться о том, чтобы народ здесь появился, не так ли? — Трепп потер большой палец об указательный, словно между ними была зажата монетка. Затем он отвернулся от коммерсанта и развернул еще один складной плакат, подравнивая его для максимального обзора и ухмыляясь при виде до неприличия эротичного нижнего белья, демонстрируемого в равной мере непристойными фигурами обоих полов.

— Вы... вы что, подкупили публику? — укоризненно выдавил из себя Таргаш.

— Нет-нет, что вы. Никаких подобных крайностей. Прошу вас, окажите мне хоть какое-то доверие.

— Где же тогда та сотня мротов?

— Истрачена, — буркнул Трепп, вытаскивая из чемодана демонстрационные образцы.

— Куда? На что? Вы получили расписку? — возмутился Таргаш, вдруг излишне остро вспоминая интересы своего бизнеса.

Взглянув на солнечные часы, Брехли Трепп решил, что это объяснение следует проделать в предельно быстром темпе.

— Слоновая улица, 55/57, квартира 28, полторы колонки в разделе Предсказаний. Такие дела. — И, отвернувшись от Таргаша, он продолжил возиться со своими демонстрационными материалами.

— Постойте, но я ровным счетом ничего не понимаю,— забрызгал слюной лысеющий коммерсант.

Речистый миссионер возвел глаза к небу и заскрипел зубами. Затем, уже трепеща от предвкушения скорой проповеди, он прон-

зил Таргаша диким взором и погрозил ему пальцем, подаваясь вперед над четырехфутовой мраморной колонной.

— Если бы вы уделяли хоть малейшее внимание тому, что я вам все эти последние дни втолковывал, истина открылась бы вам во всем сиянии наконец-то обретенной Чаши Грааля. И вы не мешали бы мне в последних важнейших приготовлениях. Вместо этого, судя по всему, ввиду предельного тугодумия некоторых персон я вынужден буду...

— Сарказм здесь ни к чему...

Трепп издал протяжный стон и задумался, будет ли в конечном итоге заключенный с Таргашем контракт стоить всех заморочек.

— Что любой житель Аксолотля ранее всего прочего делает по утрам? — спросил его высокобесподобие таким тоном, с каким педантичные учителя обычно обращаются к особенно тупоумным ученикам младших классов.

Таргаш рассеянно сунул палец в рот, а на его физиономии появилось отсутствующее выражение.

— Идет в туалет?

— Нет, нет и еще раз нет! Думайте! — Брехли Трепп жестом показал, как он раскрывает газету и читает.

— Решает кроссворд?

— Тьфу! А название «Угадайка» ничего вам не говорит?

— Ах да. Вы мне об этом рассказывали.

— Ура! Да благословит Моразмия, божество памяти, ваши столь быстрые нейрончики. Вы все-таки вспомнили! И к каком разделу они обращаются самым первым делом? — Взглянув на солнечные часы, Трепп понял, что для столь деликатного подхода у него уже, скорее всего, нет времени. — К разделу Предсказаний! — ответил он на собственный же вопрос.

— Да-да. Я как раз собирался об этом сказать,— забормотал Таргаш, внезапно отчетливо все припоминая. Две ночи тому назад Трепп ему все объяснил. То ли из-за избытка родственного спаривания, то ли из-за влияния солнца, то ли из-за каких-то примесей в воде, толком никто не знал, но по какой-то причине девяносто девять процентов жителей Аксолотля имели этот *дар*. Применялось ли ими бросание древних гадательных костей, рассматривание формы пены на кружке с элем или близорукое вглядывание в сверкающий кристалл — результат всегда был одним и тем же. Аксолотлианцы могли видеть будущее.

Так, здесь имелись люди со способностью видеть зарождающееся пламя вроде «Гасилы» Шланка и его верного осла Штуцера, которые работали в Службе Предотвращения Пожаров. Они приходили за пару минут до того, как та самая искра вылетала из-под копыта той конкретной ламы, обращая именно тот стог сена в безумно пылающее инферно, и предотвращали катастрофу проворно вылитым куда следует ведром воды. Другие, с преимущественно кулинарными склонностями, находили себе работу в мириадах предприятий быстрого питания, что испещряли весь Аксолотль и его окрестности. Их умы обращались к конкретным блюдам, которые доставлялись к конкретным дверям через считанные секунды после появления за этими дверями искорки голода. Были здесь и предсказатели появления мусора, которые, ощутив странную щекотку в носу, бросались на улицу и ставили бачок в том конкретном месте, куда вот-вот должна была упасть какая-то пакость.

А некоторые работали в еженедельном журнале «Угадайка», путем напряженного обдумывания различных знаков и знамений составляя очередной раздел Предсказаний. Раздел этот был весьма специфическим. Размещенные в нем сведения выходили далеко за пределы смутной расплывчатости классического гороскопа, устраняя из грядущего дня практически все возможные неожиданности. Особые надзиратели, чью заботу составляло предвидение зловещих существ, издавали предупреждения о черных мантрических гекконах невероятной зловредности, предоставляя точное время и место их появления и тем самым заботясь о том, чтобы ничей путь не оказался упомянутыми гекконами пересечен. Хромотерапевты объявляли, какие цвета будут максимально благоприятны для вашей личной ауры, идеально с ней гармонируя. Для сверхсуеверных жителей Аксолотля журнал «Угадайка» был жизненно важным чтением.

— Но какое отношение все это имеет к моей заказной оплате в сто мротов? — спросил Таргаш, по-прежнему пребывая в немалом замешательстве.

Трепп глухо зарычал, вытащил из кармана еженедельник и бросил его коммерсанту:

— Страница двенадцатая. А теперь отойдите в сторонку, если только не хотите, чтобы вас тут сейчас растоптали.

— Что?

— Они всегда страшно пунктуальны, слишком боятся опоздать.

До проповедника уже доносился шум собирающей со всех концов города толпы.

Его высокобесподобие Брехли Трепп из Речистой Миссии (Отдел контрактного обращения) возвел глаза к мерцающей золотистой черепице Главного Муниципального Храма, нахлобучил себе на голову митру и звучно откашлялся.

Когда он минутой позже опустил взгляд, все пространство Гадпарка представляло собой море нетерпеливо ожидающих лиц. Некоторые из опыта предыдущих недель были ему знакомы.

— Граждане Аксолотля, — объявил его высокобесподобие Трепп, воздевая руки в проповедническом пыле и рвении. — Я так рад, что вы смогли сюда прийти. — Внутренне он ухмыльнулся, купаясь в теплом красноватом свете близящегося массового обращения.

Таргаш разинул рот, начиная читать особым образом расположенное предсказание на странице двенадцатой. Теперь до него дошло, почему Трепп был так уверен в появлении огромной толпы. Как могли они здесь не появиться, столкнувшись с таким намеренно двусмысленным и устрашающим их суеверные души предсказанием?

Вы никогда не бывали счастливее.
Вы никогда не бывали восторженней.
И больше никогда не бывать вам такими свободными.
Если только...
Если только не прибудете вы в Уголок Проповедника
завтра в 9 утра.
Будьте же там... или рыдайте вечно.

Таргаш оглядел море нетерпеливых тел, каждое из которых жаждало узнать, какова причина нынешней кульминации их счастья, и каждое из которых страшилось грядущего. Коммерсанту пришлось признать, что это и впрямь был чрезвычайно ловкий прием. Несколькими минутами раньше у него имелись определенные сомнения, но теперь он был полностью удовлетворен. Сотня мротов была потрачена не зря.

— Мои дорогие граждане, надеюсь, все вы понимаете свою исключительную привилегированность, — засочился елеем Трепп,

подняв руки вертикально и приветственно помахивая толпе. — И вот теперь вы стоите на самой грани нового и ужасного откровения.

Все дружно ахнули.

— Да-да, ужасного. Но только для тех, кто здесь не присутствует. Это они задрожат, когда до них дойдет понимание об утраченной безопасности, о том душевном спокойствии, которого они лишились, не прибыв сюда сегодня утром.

Таргаш ухмыльнулся и ощутил, как смесь облегчения с радостным предвкушением теплым червячком пробирается по его кишечнику.

Брехли Трепп был по-настоящему хорош. Коммерсант слышал, что он самый лучший из Речистых Миссионеров, но до настоящего момента не был полностью в этом убежден. Солидная денежная сумма, врученная Треппу, с тем чтобы он поделился благими вестями о новейшем продукте Таргаша, судя по всему, должна была полностью окупиться. Коммерсант знал цену опыту, а у Треппа было его навалом. Двадцать лет обращения кочевников и язычников на путь истинной веры он провел только затем, чтобы тремя годами позже вернуться и обратить их в нечто новое, сияющее и еще более душеспасительное. Однако теперь все было иначе. Ушла в прошлое благородная награда за разжигание искорки первичной веры в полномасштабный пожар фанатичной приверженности. Ушла в прошлое скромная пара мротов благодарного пожертвования. Теперь приверженность имела более тонкий и меркантильный характер.

Два года тому назад Речистая Миссия отказалась от финансового самоубийства общения с божествами и перешла к куда более выгодным процедурам в рамках экономического сообщества. За одну ночь все ее члены стали миссионерами — или «милостионерами», как они сами предпочитали себя называть. Вскоре не осталось таких мест, куда они не могли бы ворваться, распространить на всех свою милость и сорвать превосходный куш.

И теперь его высокобесподобие Брехли Трепп пребывал в самом расцвете творческих сил. Он дергался и крутился, выплевывая цепочки слов, точно сумасшедший дервиш с острым вербально-кишечным расстройством.

— Только взгляните на эти картинки! — объявил Трепп, указывая на глянцевые изображения пышных полногрудых красоток

и загорелых мускулистых верзил в обтягивающем нижнем белье. — Я знаю, о чем вы сейчас думаете. Разве слова «плоть», «похоть» и «секс» не всплывают у вас в голове? А? Не всплывают?

С немалым удовлетворением проповедник приметил в толпе множество виноватых лиц.

— Разве не посещают вас плотские мысли о поблескивающих от пота телах, что катаются по пуховым ложам похоти и разврата? — продолжил он. — Да, вы правы, все это отвратительно! И вот что я вам скажу! Вы все — жертвы самых глубочайших и темных своих желаний! Всеми вами бессовестно манипулирует этот досадный и докучливый демон секса!

Все рты потрясенно раскрылись. Брехли Трепп немного расслабил свою позу пораженного ударом молнии и понизил голос до более доверительного тона. Сложив руки у груди, он подался вперед над верхом мраморной кафедры в Уголке Проповедника.

— А скажите, останавливались ли вы когда-нибудь, чтобы задуматься, насколько это опасно? Да-да, чрезвычайно опасно! Один краткий момент отвлечения на разглядывание роскошно сложенного тела, затянутого в кусочки атласа... и кто знает, где все это закончится. Один рассеянный поворот на улицу скверного предзнаменования, сталкивающий вас лицом к лицу с неведомой опасностью... Кто может сказать, нет ли там одного из дюжины разных зловещих существ, что таятся в тени, готовые внести гибельный ужас в вашу жизнь? Да, это правда. Нет у дьявола большей опасности, чем... Нижнее Белье!

Указательный палец проповедника неистово размахивал, указывая в сторону неба, пока он обрушивался на волнующееся море пораженных благоговейным ужасом граждан Аксолотля.

— Да! И риск еще больше возрастает, если это нижнее белье ненадежно закреплено. Подумайте о катастрофах, которые только и ждут, чтобы случиться, когда скверно закрепленная лямка в самый неподходящий момент сползает к чувствительному участку.

Несколько молодых мужчин в аудитории заметно содрогнулись. Трепп мысленно усмехнулся и испустил вздох облегчения. Его информация была верна. Мода на фетишистское нижнее белье по-прежнему набирала обороты. Увидев реакцию аудитории, проповедник понял, что она у него в руках.

— Но не бойтесь, граждане Аксолотля. Я могу спасти вас от зол нижнего белья. Долее не будет эта заблудшая похотливая мыслишка сбивать вас с толка, более не подвергнетесь вы риску предательски сползшей лямки. Обретите полный контроль над вашим будущим и окажитесь в уютных объятиях теплой ворсистой подкладки. За пожертвование всего-навсего в пять с половиной мротов за пару я смогу предоставить вам удовлетворительно-комфортабельную поддержку вот этой вещицы!

Натренированным взмахом руки его высокобесподобие расстегнул две защелки на паре демонстрационных плакатов, расположенных по обе стороны от кафедры. Плакаты театрально раскрылись, заслоняя первоначальные изображения нижнего белья, и обнажили широкий диапазон полноразмерных, готовых к носке нижних рубашек для обоих полов, голубых и розовых.

Брехли Трепп собрался с духом для последнего проповедни-ческого толчка, втыкая в толпу твердые взоры, а также закаленный во многих испытаниях кончик указательного пальца.

— Да! Освободитесь от опасностей шелковых трусов и атласных бюстгальтеров, избавьтесь от зол блудливых лямок и примкните к идущим единственно верным путем. Войдите в вечность свободными от вульгарных побуждений. — Голос проповедника воспарял, щеголяя распевными интонациями, пока он передавал свое последнее сообщение. — Да! Вы будете чувствовать себя такими счастливыми, не имея необходимости обнажаться. Будущее — это радость быть одетыми в Нужное Белье!

Таргаш готов был зааплодировать, а толпа уже раскошеливалась на пожертвования, но тут...

— Да зачем нам все эти шмотки? — вскричал мужчина в тоге у самого края толпы. Иголки кактуса все еще как попало торчали из его воротника.

— Что? Что? — переспросил Трепп.

— Почему мы должны верить в то, о чем ты нам тут толкуешь? — крикнул в ответ мужчина, обретая все больше уверенности.

Пальцы Треппа судорожно вцепились в край кафедры.

— Потому что... потому что это единственно верный путь... — Он явно заволновался. Еще никто и никогда не отвечал ему ударом на удар.

— Брось, Трепп. Ты знаешь, что это вранье. За последние два года ты краснобайствовал перед нами уже о доброй сотне

разных «единственно верных» путей. Будь мы такими идиотами, чтобы верить каждому твоему слову и всей той чешуе, которую ты еженедельно исторгаешь, мы бы уже пользовались при приготовлении пищи экстрадевственным оливковым маслом «Аллейна», при мытье — истинно-ангельской мыльной стружкой «Дом Эстес», а пили бы мы только бесконечные галлоны боговдохновенного эля «Старый Мальчик». Что же до надежных, как святой Георгий, презервативов...

— Ладно, ладно. Короче, гражданин. В чем суть? — прорычал Трепп из-за мраморного столпа.

— Суть в том, что каждую неделю ты сюда заявляешься, встаешь вон на ту ступеньку и заводишь очередной бред про единственно верный путь к спасению. Одну неделю трендишь про священнопищеварительный шоколадный батончик «Снюхерс», а на другую затягиваешь: «С утра и до ночи, трудящийся, пей / Только божественный кофе „Несклей"». Нельзя ли все же быть более последовательным?

В толпе стал нарастать одобрительный ропот.

— Вот, значит, в чем суть? Быть более последовательным? Я правильно понимаю? — Пытаясь принять вид морального превосходства, проповедник взглянул на кончик своего носа.

— Не совсем, — ухмыльнулся мужчина в манере, от которой у Треппа как-то особенно неприятно зачесалось вокруг шеи. — Суть в том, что ты... просто мошенник!

Толпа неодобрительно зашикала и приготовилась извергнуть поток презрительного улюлюканья.

— Я... я... пути богов порой загадочны, и есть много, очень много дорог, которыми можно пойти, — забормотал Брехли Трепп, бросая взгляд на Таргаша и с извиняющимся видом разводя руками. Ответом ему стал яростный взор без малейшего намека на дружелюбие.

Улюлюканье началось.

— Э-э... нет-нет, послушайте, я просто выполняю свою работу, указывая пути, которые вы вольны выбрать. А теперь я действительно могу предложить вам небольшую скидку на пожертвования в случае массового обращения в Нужное Белье...

Из толпы раздался гневный вскрик, и банка кофе «Несклей» полетела прямиком к высокому лбу проповедника. В последний момент Трепп успел пригнуться и выпрямиться. Вместо кофейных зерен лоб его обильно усеяли соленые капли паники.

— Ну-ну, погодите минутку, давайте не будем так торопиться...

Пузатая банка исчезла в дальнем ряду изгороди из кактусов, угодила в один, особенно сочный, — после чего была со страшной силой катапультирована обратно. Толпа аксолотлианцев буквально кипела, донельзя раздраженная тем, что ее лучшие суеверия были так нагло использованы для гнусной манипуляции.

— Послушайте, этот товар действительно первоклассный, тут все в порядке. Я сам с удовольствием его пью и... — Тут банка «Несклея» треснула Треппа по затылку, отправив митру проповедника лететь дальше в толпу. Его былая аудитория разразилась шумными криками восторга и, словно банка послужила чем-то вроде спускового крючка, начала нажимать вперед.

В этот самый момент его высокобесподобие Брехли Трепп от всей души пожалел о том, что в свое время отказался проходить курс «Избегание надвигающегося бунта», который ему настойчиво предлагала Миссия.

Дружные выкрики «Жулик! Мошенник!» зарождались в задней части толпы. Усики, щупики и корни этой заразы стремительно распространялись по всему Гад-парку.

Трепп нервно попятился. Ладони его вспотели.

— Ладно, ладно. Я вижу, что насчет Нужного Белья вам требуется крепко подумать. Вот что я вам скажу. Первым десяти из вас, кто захочет его носить, я предлагаю бесплатный испытательный срок. Нет-нет, пожалуйста, не все сразу. Такой энтузиазм излишен. Я... я...

Таргаш вздрогнул. А затем он понял, что теперь, может статься, на кону стоят не только объемы его прибыли.

Тревожно взвизгнув, Трепп резко развернулся и бросился бежать к ограде из кактусов. Отвлеченный диким ревом толпы, он едва ощутил уколы шипов, пока перепрыгивал на ту сторону.

Таргаш лишь какое-то мгновение стоял столбом от шока, наблюдая за тем, как буйное сборище устремляется к нему подобно дикой приливной волне гнева. Секунду спустя он уже плотно сидел у Треппа на пятках. Выпрыгнув через прореху в изгороди, коммерсант помчался во весь опор, спасая свою жизнь и надежду сорвать с проповедника семь шкур возмещения. А ведь предполагалось, что этот был самым лучшим!

Клубы пыли летели от пяток Треппа и Таргаша, пока они громыхали по Слоновой улице и нога в ногу заворачивали за угол

Заячьего переулка. Толпа струилась сквозь ширящийся пролом в ограде из кактусов и гудящим роем неслась следом за парочкой, гоня ее вперед точно могучий гребень волны — две легких яхточки.

Одна смутная улица за другой мелькали у них под ногами, виляя и поворачивая, пока Трепп и Таргаш неслись к окраине города. Завернув за последний угол, они оказались перед башней из песчаника. Ее массивные ворота из пальмовых бревен были распахнуты. Почти ничего не видя из-за обильных потоков пота с горящих лбов, Трепп и Таргаш проскочили туда. Выбор у них был небольшой — взбесившаяся толпа славно об этом позаботилась.

Со всплеском сутаны и промельком пиджака они пушечными ядрами промчались сквозь приземистую башню с воротами. Где-то в затылках у обоих сидел один и тот же вопрос: как далеко их погонят разгоряченные граждане Аксолотля?

В облаке дикого рева толпа устремилась к башне с воротами, вздымая за собой длинный хвост пыли. Все глаза впивались в убегающую парочку.

Внезапно двое мужчин быстро выкатили из бокового проулка телегу и резко затормозили перед воротами, надежно их перекрывая. Кучер надежно закрепил вожжи и спрыгнул на землю, размахивая руками и громко звоня в колокольчик. Толпа мгновенно узнала характерную фуражку и соответствующую белую форму. Это были сотрудники Службы предвидения несчастных случаев и аварийных ситуаций.

Толпа резко подала назад, отчаянно сбрасывая скорость и со скрежетом тормозя.

— Извините, что испортили вам... гм... забаву, — сказал мужчина в белой форме, — но если бы вы продолжали в том же духе, вышел бы очень скверный несчастный случай.

Все знали о сотрудниках Службы предвидения несчастных случаев и аварийных ситуаций и об их сверхъестественной способности появляться в нужное время, чтобы подложить матрац под упавшего мойщика окон или врубить ручной тормоз у бесхозной телеги, внезапно тронувшейся с места на самом верху крутого спуска. Но очень немногие реально их видели. Почти все, что широкие народные массы о них знали, был их девиз: «Быстрое предвидение лучше долгого лечения».

Толпа беспокойно шаркала ногами, пока два милостионера спасались бегством по узкому деревянному мостику.

— Еще раз прошу прощения, — извинился провидец.— Если бы я позволил вашей ораве прогрохотать по тому мосту, все вы в итоге составили бы весьма скверную кучу на дне расщелины. Древесина гнилая, видите? Подпорки ни*чем бы вас всех не выдержали.

Мужчина в тоге гневно протопал вперед, все еще топорщась шипами кактусов.

— Меня, — прорычал он, — хотя бы меня пропустите! Я должен этому мошеннику хорошенько накидать по рогам...

— Извини, приятель, никак нельзя. Слишком рискованно.

— Что-о?

— Твои костяшки. Они будут сущей кашей после того, как ты закончишь с этим парнем. Не говоря уж о том вывихе левого колена, который ты получишь, когда он тебя толкнет. Нет-нет, никак не могу тебя пропустить. Тебе потом на лечение потребуется больше моей месячной зарплаты. А теперь прошу расходиться. Мы должны поспеть к одной маленькой принцессе. Чтобы она свой пальчик некстати веретеном не уколола.

— А если вы вовремя туда не поспеете? — прорычал мужчина в тоге. Иглы кактуса дружно вибрировали, сочувствуя его нарастающему расстройству. — Она что, уснет на сотню лет, пока прекрасный принц ее не...

— Подрасти, приятель, — пренебрежительно отмахнулся провидец. — Она получит столбняк. Веретено ржавое, понимаешь? А теперь давайте, ребята, расходитесь. Быстрее. Я никому не хочу отдавить пальцы на ногах...— с этими словами он вскочил на телегу, его напарник щелкнул вожжами, и они понеслись прочь.

Толпа поохала, поахала и разошлась. Все раздраженно поклялись, что в следующий раз непременно наденут боксерские перчатки и жесткие наколенники.

Уже одолев приличный отрезок вниз по склону горы, Брехли Трепп первым заметил отсутствие погони, в ужасе оглянувшись через плечо. Считанные секунды спустя он задыхающейся грудой рухнул на землю, трогательно дрожа от облегчения.

Таргащ встал, упершись руками в колени, и попытался отдышаться, пока пот продолжал стекать по его лицу.

— Блестяще! — прохрипел он. — Просто блестяще! Весь товар — псу под хвост! И никаких денег!

— Я тут не виноват, — пролепетал Трепп.

— Почему вы не сказали, что каждую неделю туда ходите?

— Ох, лучше не спрашивайте, — откликнулся проповедник между двумя могучими глотками воздуха.

— Ну ладно, раз так, значит так. Конец контракту. Больше вы от меня работы не получите, а как только я вернусь обратно в контору, тут же возбужу против вас судебное дело.

— Нет-нет, вы не можете...

— Очень даже могу. Попробуйте только меня остановить. Я требую полного возмещения за утраченные товары. А теперь отдайте ваш кошелек! — прорычал Таргаш. Угрожающе багровая физиономия немало подкрепляла его слова. — Можете это считать частью возмещения.

Проповедник неподвижно лежал на земле.

— Ну давайте же! — Коммерсант нагнулся и схватил Треппа за сутану. Пальцы его побелели, когда он плотно затянул воротник.

— Прекратите! Вы меня душите...

— Кошелек!

Еле дыша, Брехли Трепп опорожнил свои карманы. Таргаш схватил небольшой мешочек с наличностью и взвесил его на ладони.

— Ладно, сгодится, — прохрипел он. Затем, отступив назад, коммерсант подобрал хорошую палку и со значением ею покачал. — Значит, так, — процедил он. — Я спускаюсь вниз по горе, а вы остаетесь здесь на тот случай, если толпа все-таки решит за нами последовать. Если я хоть краем глаза по дороге вниз вас замечу, вы у меня вот эту штуку испробуете, понятно?

Кончик палки закачался в дюйме от кончика носа Треппа.

Заведующий отделом сбыта Нужного Белья испустил еще один гневный рык, а затем с несчастным видом отправился вниз по склону горы, изрыгая проклятия всякий раз, когда он думал еще о трех сутках передвижения пешедралом и полной тщете всех этих усилий.

* * *

Как обычно, «Манна Амброзия» была упакована под завязку. Все места за всеми столами были заняты, и бокалы стремительно

опустошались. В шумной атмосфере небесной пиццерии предупредительно порхали официантки.

— Сюда, сюда, любезная, еще кружку моего любимого, уж будь ангелочком, — невнятно пробурчал Алкан, перегибаясь через спинку кресла и протягивая здоровенную кожаную кружку. Официантка недовольно фыркнула и пропорхала к нему по-над дощатым полом, сжимая в руках массивный кувшин.

— Почему ты так упорно употребляешь эту гадость? — опять принялся насмехаться Огдам с соседнего стола на козлах. У него за спиной с голой гипсовой стены на Алкана издевательски скалилась фреска с двумя херувимами.— Это вино куда лучше. И для твоей талии, между прочим.

— У тебя свои предубеждения, — ворчливо отозвался Алкан, когда ангельская официантка плюхнула в его кружку добрый галлон. — Куда тебе деваться? А мне нравится моя талия. Я уже многие годы ее культивирую. Она демонстрирует мою подлинную приверженность самому себе.— Он с довольным видом похлопал себя по обширному брюху и ухмыльнулся. Официантка огладила свой фартук и упорхнула к другому манящему ее едоку.

— Какая жалость, что ты куда меньше внимания уделяешь культивированию верных гуртов своих приверженцев, — усмехнулся Огдам, чей поистине выдающийся нос загибался прямо в кубок с вином.

Сделав длинный глоток, Алкан, божество, ответственное за эли, опять ухмыльнулся.

— А у тебя только эта мысль в мозгах и сидит, верно?

— Эта мысль, мой дорогой Алкан, и у тебя должна всегда сидеть в мозгах, причем на самом почетном месте. Как еще можно надеяться продвинуться по служебной лестнице, если не путем увеличения числа приверженцев? Разве ты не хочешь за Верхним Столом обосноваться? Где еще лучшая чесночная манна и пицца? А резные хрустальные графины? И где еще скатерть раз в месяц меняют? Не говоря уж о самых аппетитных во всем Аррае официанточках. — Огдам бросил испепеляюще-завистливый взгляд на семь божеств за Верхним Столом, отлично зная, что кое у кого из них дела в этом месяце идут неважнецки. Однако в голове у него гудел один-единственный вопрос. Обеспечил ли он достаточно обращенных в его алкогольную тематику, чтобы оказаться там — и уже сегодня есть и пить за Верхним Столом?

Огдам закинул ногу за ногу, когда фигуристая брюнеточка опять вспорхнула к Верхнему Столу и наполнила бокал Блудда лучшим вином. Мысленно Огдам проклял главное божество по прелюбодеяниям за его приемчики обращения с ангелицами. «Только посмотрите на них, боги добрые! — прорычал он в уединении собственного разума. — Пять самых аппетитных порхают вокруг него как мухи. Ничего, они быстро забудут Блудда, как только он под гору пойдет».

Да, так бывало всегда.

— Я бы не стал себе столь поспешно подбирать сиденье, — ухмыльнулся Алкан, словно читая мысли коллеги.— Никогда нельзя сказать, какими будут подушные цифры за прошедший месяц, пока их официально не объявят. В Индикаторах Веры может оказаться пара-другая сюрпризов.

Увидев, что Огдам опять над ним скалится, ответственный за напитки поскреб пятерней коротких ногтей по замшевой куртке и задумался о своем Индикаторе Веры. Алкан лишь раз бывал в том помещении, где они располагались, но воспоминание у него осталось предельно яркое, со всеми подробностями. Как он мог забыть многие полки отдельных колб, каждая с именной табличкой, которые отражали интенсивность веры, создаваемую приверженцами данного конкретного божества? Чем ярче колба сияла, тем было лучше.

И лишь первая семерка допускалась за Верхний Стол — сидеть там и править, пока не будут объявлены следующие подушные цифры. Такая система, судя по всему, работала превосходно. В свое время они уже пытались иметь над собой одного-единственного Верховного Бога — но после нескольких столетий выслушивания одних и тех же старых идей, вечно высказываемых одним и тем же тоном, некоторые из наиболее воинственных божеств устроили переворот, бесцеремонно изгнали Верховного и установили нынешнюю систему постоянной ротации. И уже несколько тысячелетий совсем неплохо продвигались вперед в рамках демократии.

Огдам запрокинул голову и снова рассмеялся.

— Пара-другая сюрпризов, говоришь? Может, и от тебя в том числе? Ха! В тот день, когда ты окажешься за Верхним Столом, Блудд прекратит лапать ангелиц.

— На твоем месте я не был бы так поспешен. У меня тут было несколько обращений к радостям янтарного нектара. Лучше подожди, пока цифры объявят.

— Ха! Так ты надеешься в итоге меня обскакать?

— Почему бы и нет?

— Ну-ну, мечтать не вредно, — прыснул Огдам, думая о своем рекрутском наборе, который в последнее время шел в высшей степени успешно. Папойка, богиня пьянок и гулянок, учинила в начале месяца настоящий бунт алкогольного и прочего разгула, а Огдам в итоге заарканил обширные потоки приверженцев крутого винно-водочного опьянения.

Сузив глаза, Огдам с прищуром взглянул на то, как Ли Вэнь нервно потягивает свое вино за Верхним Столом. Ходили слухи о том, что он потерял немало своих приверженцев из-за обрушивания в самое что ни на есть неподходящее время целого ряда поистине тропических дождей на своих традиционно верных почитателей. Ли Вэнь заявил, что произошла клерикальная ошибка, — но как бы то ни было, не стоило главному божеству по дождям и прочим осадкам так сурово обращаться со своей паствой. Двадцать три дня нешуточного опрыскивания капитально отвратили верующих. Даже самые гидрофильные из людей сочли, что это уже слишком, — и в последнее время всерьез посвятили себя выпивке.

Внезапно со стороны Верхнего Стола раздался буйный стук по большому блюду для пиццы, после чего массивная фигура с трудом привела себя в вертикальное положение и откашлялась.

— Боги, идолы, божества, — объявил Схрон, сорокапудовый верховный ответственный за аппетитные припасы. — Приветствую ваше возвращение в «Манну Амброзию» на процедуру объявления подушных цифр за прошедший месяц.

Последовала скудная рябь аплодисментов. На самом деле это введение вовсе не требовалось. Все присутствующие и так уже наслушались разглагольствований Схрона по различным оказиям, но в данный момент казалось просто-таки смехотворным приветствовать возвращение народа в то место, которое он больше, чем часов на восемь, вообще никогда не покидал. Быстрая ночевка или старое доброе благословение — только это обычно всех их вне «Манны Амброзии» и удерживало.

Разумеется, несколько столетий тому назад все было по-другому. Тогда существовал выбор. Аррайское царство буквально испещряло множество крошечных забегаловок, где подавали все разновидности сверхъестественных закусок — таких нирваниче-

ских лакомств, что только пальчики оближешь. Боги и богини сновали туда-сюда, пробуя новые рецепты, встречаясь в разных местах и в целом проводя поистине райское время. Столетие за столетием все шло как нельзя лучше. Примерно каждое десятилетие манну начинали готовить несколько иначе, нектар совмещали с мороженым, а амброзию подавали в виде меренг. Короче говоря, все были абсолютно счастливы, пока...

Пока в один судьбоносный день Схрон, верховный ответственный за аппетитные припасы, не получил вполне невинный запрос на то, чтобы заскочить в горный город Аксолотль и быстренько обеспечить новому ресторану благословение перед его торжественным открытием, ожидавшимся на следующий день.

Самая обычная процедура — немного вечного благословения для беспроблемного процветания и неизменного сопутствования удачи в обмен на солидную порцию главного ресторанного блюда в небольшом храме на городских задворках. Схрон дисциплинированно совершил все, что от него требовалось в новенькой старомодной закусочной, интерьер которой был декорирован старыми добрыми завесями паутины, растрескавшейся штукатуркой, голым дощатым полом и фресками с херувимами — и тут его божественные ноздри затрепетали от сильнейшего возбуждения. Никогда он еще ничего подобного не чуял. Кисло-сладкий аромат — смутно безвкусный и в то же самое время бесконечно нежный и привлекательный. Пухлый диск золотистого хлеба деликатно дымился под покровом из чеснока и растительного масла. Не успев толком ничего сообразить, Схрон уже взял на лопату целый вагон тертого сыра «драконсола», бросил его на хлеб и по-волчьи все это дело пожрал.

Ничего хуже манны тем же вечером в Аррае Схрон в жизни своей не едал. Каждая пригоршня вызывала жалобные стоны его языка, твердо усвоившего, что вся вечность не стоит ни гроша без Знаменитого Чесночного Хлеба с «драконсолой» Тони Фабрицци.

Верховный ответственный за аппетитные припасы понял, что необходимо срочно что-то делать.

В последние несколько часов перед торжественным открытием ресторана Фабрицци работал один, накладывая заключительные штрихи на тайный рецепт пиццы, включавший в себя осторожное использование редкого и в высшей степени горючего мурргловианского сыра «драконсола».

Как раз тогда крошечная искорка появилась из того места, о существовании которого ни один из смертных даже не подозревал, и подлетела на считанные дюймы к большому горшку с сыром «драконсола». Секунды спустя все вокруг запылало огнем, балки закувыркались с крыши, еще больше усиливая пожар, который за несколько инфернальных минут поглотил весь ресторан.

Той же ночью в Аррайском царстве появился необычно пухлый ангел, снаряженный шапочкой шеф-повара, странным акцентом и сверхъестественной способностью вытворять поразительные вещи с ломтем хлеба и несколькими зубчиками чеснока. Вкусовые луковицы по всему Арраю буквально трепетали от восторга, когда их обрабатывали закрученными треугольничками с чесночной манной. Менее чем через месяц была выстроена точная копия ресторана, а все прочие закусочные даже не стали пытаться конкурировать и позакрывались. В нынешние времена никто из «Манны Амброзии» в какое-либо другое заведение уже не выходил. Идти было попросту некуда.

Схрон рассеянно прожевал ломтик хлеба, взял со стола большой конверт и неспешно его вскрыл.

— Итак, боги, идолы и божества, весь последний месяц вы наблюдали за Верхним Столом с гремучей смесью славной, здоровой зависти и непреодолимого стремления занять наши места. Каждый из вас энергичнейшим образом трудился, чтобы обеспечить себе свежий приток преданных приверженцев. И каждый из вас всерьез надеется, что сегодня он, наконец, сможет присоединиться ко мне здесь, за Верхним Столом[1].

Последовал ощутимый всплеск интереса, пока Схрон доставал из конверта листок с подушными цифрами.

— Ого! — объявил Схрон с таким видом, как будто он весь прошедший день не разбирался с этими цифрами.— В этом месяце будут определенные перемещения. Открылись две вакансии. — Он оглядел Верхний Стол с удовольствием чуть более излишним, чем

[1] Хотя Схрон никогда с подробной откровенностью об этом не заявлял, каждый из присутствующих прекрасно знал, что верховный ответственный за аппетитные припасы будет сидеть за Верхним Столом столько, сколько ему захочется. Аррай превратился бы поистине в жалкое место, если бы Схрону пришлось уйти — вместе с его изумительным чесночно-хлебным херувимом Фабриции.

полагалось лицу столь показушно-теологичному. — Извини, Ли Вэнь. В последнее время даже самым стойким твоим приверженцам было слишком уж влажно, чтобы они подумали, будто ты хоть самую малость о них заботишься. Прошу на выход. И далее...

Остальные пятеро нервно сглотнули и постарались стянуть себе еще один ломтик хлеба, прежде чем станет слишком поздно.

— Итак, что было самым главным для смертных умов в этом месяце, а? Пожалуй, скажу вам, что было самым несущественным. Импо Тент. Встань, пожалуйста.

В дальнем углу ресторана маленькое и особенно хрупкое на вид божество с трудом поднялось на ноги и в ужасе огляделось.

— Ах, милейший Импо, — нараспев заговорил Схрон.— Какая жалость и какой стыд! Ни одного нового последователя на твоем пути. Да, я знаю, целомудрие в наши времена весьма непопулярно, и все же... Что ты можешь сказать в свою защиту?

Божество целомудрия посмотрело себе под ноги и испустило какое-то странное мяуканье, прежде чем поднять взгляд.

— Здесь не моя вина, — выпалил Импо Тент. — Одного приверженца я все-таки чуть было не получил.

По «Манне Амброзии» зазвучали сдавленные смешки.

— И у меня бы все вышло как надо, если бы... если бы только... — Внезапно Импо вскинул голову и вытянул указательный палец в сторону Блудда, главного божества по прелюбодеяниям, который, с наглой ухмылкой на физиономии, сидел в целом облаке порхающих официанток.— Вот он! — воскликнул Тент. — Он украл моего приверженца!

Блудд запрокинул голову и громко расхохотался:

— Что? Я его не крал. Он пришел по своей воле.

— Это неправда. После того, как обошлась с ним его подруга, он готов был отречься от женщин на всю оставшуюся жизнь.

— А, ну да, конечно. — Зевнув, Блудд игриво поглотил виноградину, предложенную ему одной из порхающих официанток. — А такого выражения, как «упорно добиваться своего», ты никогда не слышал?

— Да? Ты так это называешь? Это когда она заигрывала с ним со своего балкона, довела беднягу до того, что он имитировал свое самоубийство, а потом в притворном горе внезапно покончила с собой? Да уж, шести футов под землей и впрямь надо упорно добиваться! Говорю тебе, он бы никогда уже ни одной женщине не

поверил, не важно, из богатой семьи или из бедной, если бы ты не соблазнил его теми цветочницами. Несчастный Ромео...

Тут вся «Манна Амброзия» разразилась смехом, а Импо Тент с мяуканьем осел обратно на свой стул. Он отлично знал, что ему со своей задачей просто не за что ухватиться — разве что ему удалось бы превратить пояс целомудрия в модный предмет одежды. Тогда, может статься, что-нибудь бы и склеилось...

— Ну что ж, — произнес Схрон с Верхнего Стола.— Я уже слышу, как вы спрашиваете: кто еще существенно снизил свой рейтинг? — Глаза его сосредоточились на одном особенно волосатом божестве, которое делало последний глоток вина из хрустального бокала. Божество это уже сообразило, что надолго пауза не затянется. Один период дикой взбалмошности недодрессированных лам, как раз перед открытием «Лам-шоу» Шкурвинта,— и стада его верующих существенно разбухли. А потом, когда у тех новых рекрутов, что практиковали его способ достижения просветления посредством дрессировки лам, ничего путного не вышло, они отправились на поиски спасения куда-то еще. В основном — в пивные, к великому восторгу Алкана.

— Ага, вижу, ты уже догадался, что к чему! — объявил Схрон, сложив ладони на брюхе и уставившись на Сигана — божество, ответственное за контроль над копытными. — Но пока сиди, это будет тебе последним предупреждением. А теперь прошу штрафников на выход!

По мере того как нетерпение нарастало, рос и уровень шума. Два опальных божества встали и поплелись в заднюю часть ресторана, чтобы ожидать там, пока для них освободятся места.

— Напротив, трое наших коллег в этом месяце замечательно справились со своей работой, и каждый из них почти в равной мере достоин занять свое место здесь, среди нас...

Огдам сверкнул на Алкана улыбкой сверхуверенности и самодовольства. Алкан ухмыльнулся в ответ.

— Так кто же эти трое? Я уже почти слышу, как вы просите это объявить, — продолжил Схрон в своей традиционной попытке придать процедуре некую напряженность. — Итак, кандидатами на повышение, вне всякого конкретного порядка, являются... За столиком номер три — Аспирина... — Тощая и удивительно болезненная на вид богиня неуверенно встала на ноги, одновременно хватаясь за голову.

— За столиком номер пять мы также имеем перспективного кандидата на месячное сидение за Верхним Столом. Огдам...

С тошнотворным оскалом торжества Огдам повернулся к Алкану, а затем вскочил на ноги, радостно размахивая руками.

— ...Но за седьмым столиком есть еще один кандидат, который добился в этом месяце удивительного прогресса. Встань, Алкан!

Самодовольный оскал Огдама мигом сполз с его физиономии, как только божество, ответственное за пиво и эль, с трудом приняло вертикальное положение и от всей души показало ему нос. Судя по всему, три недели почти непрерывного дождя и тоска по несостоявшемуся шоу Шкурвинта совместными усилиями загнали народ в пивые, открывая ему все радости употребления эля. Токи адреналина и нервное возбуждение принялись курсировать по телу Алкана, когда он понял, что у него появился реальный шанс. Алкан знал, что его показатели обращения в этом месяце высоки, но все же не ожидал, что сумеет так здорово справиться. Теперь же он оказался нос в нос с Огдамом.

Лихорадочно обшаривая свой мозг, Алкан попытался припомнить, чем конкретно занималась Аспирина? Какая опасность могла исходить от неведомой аутсайдерши?

— Итак, — продолжил Схрон, прожевывая еще одну порцию чесночной манны, — кто из этих трех достойных кандидатов самый достойный? Кому предстоит выйти вперед и занять свое место за Верхним Столом, чтобы пить там, есть и все такое прочее весь следующий месяц? — Он указал на два пустых места, чувствуя, что ему в этот момент отчаянно недостает драматической барабанной дроби.

Вся «Манна Амброзия» затихла.

— Первый успешный кандидат, с итоговой месячной цифрой обращения на путь просветления посредством вина и крепких напитков в пятнадцать тысяч шестьсот восемь душ... да-да, Огдам, подойди сюда!

Неохотные аплодисменты прозвучали в задней части ресторана, пока все наблюдали, как архиспец по винам и крепким напиткам надменно вышагивает к Верхнему Столу, озираясь поверх своего выдающегося носа. Наконец Огдам взял салфетку и уселся за стол, лучась улыбкой.

— Порой ты слишком уж ревностен, Огдам, — укорил его Схрон. — Я вынужден был отклонить несколько сотен заявок

ввиду того, что их податели не достигли соответствующего возраста. Итак... — Он выдержал эффектную паузу. — У нас осталось два кандидата на одно место. Кто же это, кто?

Во рту у Алкана вдруг стала ощущаться неприятная сухость.

— Кто их них теперь к нам присоединится?

— Рожай же наконец! — прорычал чей-то голос из задней части ресторана. — Я уже давно пудинг хочу!

Схрон неодобрительно поцокал языком, пошуршал конвертом и вытянул оттуда новый листок.

— Прежде чем я объявлю второго успешного кандидата, я должен сказать, что проигравший, чей месячный улов составил лишь пятнадцать тысяч шестьсот пять обращенных, это Алкан, божество, ответственное за эли и пиво. Ему придется подождать, пока...

Конца речи Алкан уже не слышал. В голове у него бурлили потоки разочарования. Всего три души — он проиграл Огдаму всего три штуки! Как же это было несправедливо! Теперь весь следующий месяц ему придется сносить самодовольные улыбки, пока Огдам будет наслаждаться жизнью за Верхним Столом. И конца этому никогда не будет. Вечность вдруг показалась Алкану слишком уж долгим сроком.

Он с несчастным видом осел на стуле и уставился в темный омут своего эля.

А затем до него вдруг дошло. В ослепительной вспышке осознания Алкан понял, почему имя Аспирины показалось ему таким знакомым. Теперь стало ясно, почему она достигла благословенного места за Верхним Столом. Раз они с Огдамом обращали так много народа к радости опьянения, представлялось более-менее очевидным, что конкретная божественная деятельность Аспирины должна была переживать определенный подъем.

По-прежнему сжимая руками голову, Аспирина, божество похмелья, проковыляла вперед и заняла место за Верхним Столом под нестройные и апатичные аплодисменты.

И в это самое мгновение Алкан поклялся, что в следующий раз он обязательно преуспеет. Так или иначе, но он непременно найдет способ сместить Огдама. Все, что ему требовалось, — это новая волна жаждущих душ, отчаянно стремящихся испытать утешные восторги славного эля.

Мрачно глазея в свою кружку, Алкан начал составлять план.

* * *

Его высокобесподобие Брехли Трепп одиноко и заброшенно сидел на горном склоне вне поля зрения из Аксолотля и наполнял *большую кружку из своей дорожной фляги.* Невеселая улыбка гуляла по его лицу. По крайней мере, проповедник был рад, что Таргаш, этот долбаный завотделом сбыта Нужного Белья, не нашел его славный запасец эля. Едва лишь вынув пробку из фляги, Трепп в порядке утешения расстроенных нервов сделал длинный глоток. Язык его наслаждался, пока горько-сладкая жидкость оборачивала тело алкогольным одеялом покоя и безопасности. Проклятье, еще дюжина пинт этого дела — и он сможет снова почувствовать себя счастливым.

А пока что Трепп с жалким видом огляделся и тяжко вздохнул. Горная местность простиралась во всех направлениях, замусоренная невесть куда порхающими куропатками и бесцельно щиплющими траву козерогами. Во внутреннем кармане проповедника ощущалась тревожная пустота от прискорбного недостатка наличности. Тени становились все длиннее, а перспективы успешной и прибыльной работы все незначительнее — вплоть до полного исчезновения. Короче говоря, Брехли Треппа ударило в спину и растоптало тяжелейшее из времен.

Проповедник хорошенько глотнул эля, уставился в его бездонные торфяные глубины и вспомнил ту пору, когда одним словом мог воспламенить целые кочевые племена, сподвигнуть их на дикие выплески священного восторга. Разум его поплыл назад ко временам еще до заключения контракта на коммерческие проповеди, до создания милостионерий, к тем тихим и ясным дням Речистой Миссии. К чистой в своей незамысловатой красоте картине — человек с книгой, шагающий в поисках кочевников и скитальцев, созревших для обращения.

О да, тогда он бывал хорош. Грустная слезинка заискрилась в уголке его глаза, когда Трепп снова глотнул эля и вспомнил свой обет — принести слово святого Жмота Неумытого Д'мерским кочевникам в пустыне Гуппи. И пока глаза проповедника таращились в безмерную вечность дна его кружки, оттуда к нему плыли знакомые образы.

Стадо коз устало воззрилось на него в ответ, когда он одолел последние ярды пустыни Гуппи, направляясь к ярко раскрашен-

ным палаткам кочевников. В заплечном мешке у него имелось несколько дюжин новых переводов «Красного манускрипта для новообращенных» святого Жмота Неумытого. Их девственные корешки любовно терлись о древний помятый тамбурин. Эх, размышлял Брехли Трепп, если бы ему давали мрот за каждый религиозный танец, который этот инструмент вызвал к жизни, он был бы сейчас богачом.

Сквозь подкрашенный элем повтор своего воспоминания священник постепенно продвигался ко дну кружки.

Что ему было совершенно неведомо, так это то, что он это делал не один.

В то же самое время другая персона одиноко и потерянно глазела в свой эль, пока божество с весьма выдающимся носом безостановочно острило в своей вступительной речи за Верхним Столом. Алкан, ответственный за эли и пиво, удивленно заморгал, когда что-то такое зашевелилось в глубинах его кружки. Он протер глаза, воровато оглядел интерьер «Манны Амброзии», покачал головой и воззрился еще напряженней, когда стадо коз, померцав, обрело полноценный вид. Дальше вступительная речь Огдама продолжалась для него лишь как выхлоп горячего воздуха где-то на заднем плане.

Его высокобесподобие Брехли Трепп наблюдал за своим элем, пока его прежнее «я» хваталось за клапан палатки, отбрасывало его в сторону и торопливо ныряло внутрь...

— ...Как, вы еще не слышали слово? — воскликнул проповедник и принялся вынимать недавно отпечатанные книжки. — Вот, возьмите их и распространите. Если окажется недостаточно, поделите одну на двоих...

Эх, проклятье, вот как надо было это делать. Сунуться туда, завладеть их вниманием и обратить их раньше, чем они поймут, что же это такое их долбануло. Поднос с овечьими глазами застыл, так и не переданный, меж двух закутанных в покрывала туземцев.

— Но сперва краткий урок из «Книги апофегм»,— объявил торфянисто-мрачный образ Треппа, прежде чем начать зачитывать кочевникам цитаты из объемистого тома у себя в руках. В это время Алкан там, вверху, на непостижимом отдалении, с благоговейным ужасом наблюдал за тем, как разворачивались события. За считанные минуты этот человек в черной сутане сломил всякое

сопротивление, какое д'мерские кочевники могли ему оказать, и, не говоря худого слова, уже миг за мигом неотвратимо обращал их в состояние твердой и неколебимой веры в его слова.

Брехли Треппу предельно повезло в том, что д'мерцы не линчевали его в тот самый миг, как распознали в нем духовное лицо. Кочевников в пустыне Гуппи вечно бомбардировали всякими разными религиями — стоит только остаться в дикой местности дольше чем на сорок дней, и миссионеры начнут стаями слетаться, чтобы тебя спасти. Д'мерское племя желчью тошнило от всех этих миссионерских стад. Не то чтобы они не способны были воспринимать веру — вовсе нет. Просто им требовалась такая разновидность религиозной системы, которая позволяла бы временами оттягиваться на полную катушку со старым добрым развратом и дебоширством, а также на предельно долгое время уклоняться от уплаты долгов. Как только они находили подобную теологию, удержа их религиозному рвению уже не бывало.

Подкрашенный элем образ Треппа перевел дух и продолжил читать на ломаном д'мерском. Следовало сказать, что перевод был весьма точным. По сути он представлял собой буквальное воспроизведение оригинального текста. Но если бы Трепп свободно владел д'мерским, он бы заметил, что фразы, которые слетали с его языка, по смыслу вовсе не соответствовали первоначально написанным. Фразы эти проплывали через палатку и ловкими червями проползали во множество д'мерских ушей.

«Да, пусть брожу я в долине Долга и Прегрешений, мне это глубоко безразлично».

Д'мерские уши навострились.

«Благословен чистый дух, из зерна извлекаемый, ибо он суть вода живая».

Позывы к реформации звучали все громче, пока Брехли Трепп торжественно излагал последнее предложение, от которого д'мерцы просто не могли отказаться. В качестве гарантии надежности религии и обещания зубодробительного празднества, которое оставило бы далеко в кильватере такие слова, как «беспутство» и «разнузданность», прозвучала знаменитая ссылка на агнцев...

«Пусть же агнцы благочестия ясным пламенем горят».

Алкан в предельном благоговении наблюдал, как д'мерские кочевники жадно хватаются за эту новую религию, крепко прижимая ее к свои верующим сердцам. Для их непросвещенных ушей все это звучало чертовски заманчиво. Итак, плевать на все долги и прегрешения. Самогон надо гнать, пока он горяч. А затем в ход идут жертвенные агнцы — точнее, шашлыки из таковых. За считанные секунды соплеменники оказались на крючке.

И вместе с ними Алкан.

Он-то хорошо знал, как тяжело было убедить д'мерских кочевников хоть что-нибудь сделать, и уже бросил все попытки обратить этих обормотов в радости необоримой веры в восторги, предоставляемые божеством, ответственным за эли и пиво. Типа «Пей, пей, пей и будь весел».

Но этот миссионер в черной сутане... Алкан ухмыльнулся. Теперь он точно знал, что ровно через месяц он все-таки будет сидеть за Верхним Столом.

Алкан встал, нетвердо прошагал к божественному сортиру и заперся в кабинке. Там решительно некому было увидеть ослепительную вспышку света, когда он исчез.

...Его высокобесподобие Брехли Трепп снова уставился на свой эль, купаясь в теплом сиянии воспоминаний о лучших моментах стопроцентного обращения язычников, а затем скорбно пожал плечами. Взмахнув длинной рукой, он опорожнил свою кружку и бегло прошептал наикратчайший из псалмов.

Трепп понятия не имел, что ему делать дальше. Ну, если не считать обратного спуска по склону горы и мучительного поиска какой-то работы. Шансы на это как пить дать резко уменьшатся, лишь только возбуждение Таргашем судебного иска будет предано огласке. Трепп встал, сунул флягу обратно в карман — и пронзительно завопил, когда воздух перед ним внезапно взорвался и там появилась гигантская стена растрескавшейся кожи. Массивные складки испещряли ее поверхность, громоздясь над шестифутовым в вышину основанием из материала примерно того же цвета, что и кожа.

Послышался словно бы раскат грома, и если бы Трепп был по-настоящему перед собой честен, ему бы пришлось признать, что все это подозрительно напоминало катаклизм, который произвел бы трехсотфутовый гигант, если бы ему вздумалось появиться мгновенно.

Трепп взвизгнул и укоризненно уставился на дно своей кружки, но тут небо снова взорвалось, и перед ним появилась восьмифутового роста фигура в кожаных сандалиях и том типе просторной тоги, какой повсюду обожают носить божества.

— Весьма сожалею, — извинился незваный гость, потирая свой нос и стараясь выглядеть непринужденно, пока он сжимался еще на два фута. — Вечно у меня проблемы с масштабом. Никоим образом не хотел вас пугать. Э-э... вы лучше выпейте.

— Н-не могу, — отозвался Трепп. — Я только что допил. Ох-х. Вот те на! — воскликнул он, когда его кружка вдруг засветилась и наполнилась пенным элем. — К-как вам это удалось?

— А, ерунда, просто научился, — осторожно увильнул от ответа Алкан. — Хобби у меня такое.

— Что это? — поинтересовался Трепп после славного глотка небесного эля.

— А вы не поняли? — ухмыльнулся Алкан.

— Вы сами это сделали? Вы, наверное, пивовар. Или что-то вроде того.

— Более или менее, — отозвалось божество, и его собственная кружка сама собой слепилась из чистого горного воздуха.

— Маг, волшебник? — прошептал Трепп.

— Ваше здоровье, — загадочно отозвался Алкан и поднял свою пенную кружку. Оба выпили.

Брехли Трепп посмотрел на растрескавшийся большой палец ноги незнакомца, вполне нормального размера, и голова у него закружилась. Там активно закачались нереальные образы стен из кожи и еще какой-то ерунды. Тогда проповедник принял успокоительный глоток эля. За ним последовало еще с полдюжины. Вскоре Трепп уже начал сомневаться, действительно ли он узрел прибытие этого незнакомца в той предельно живописной манере, какая ему вначале привиделась. День был тяжелый, и мозг вполне мог играть с ним разные фокусы. А незнакомец не выглядел особенно опасным.

Целой серией быстрых глотков Трепп опорожнил свою кружку. Словно по волшебству она снова вспыхнула и наполнилась.

Удивленно поморгав, Брехли Трепп заключил, что этот незнакомец просто не может таить в себе никакой опасности. За всю богатую историю человечества еще ни одна опасная персона раздачей бесплатного эля не прославилась.

— Где вы так научились? — принялся выспрашивать проповедник. — В свое время я видел пару-другую волшебников, но ничего настолько полезного они никогда не делали. Вынуть кролика из шляпы или человека пополам распилить — это пожалуйста. А вот эль у них никогда из крана не шел. А вы еще что-нибудь в таком духе не изобразите? Скажем, славную капельку красного вина или бочонок виски?

Желваки Алкана так и заиграли, стоило ему только вообразить самодовольную усмешку Огдама, доведись тому услышать этот вопрос.

— А в чем дело? Вам что, мой эль не по вкусу?

— Нет-нет, я просто спросил. Эль действительно первоклассный. И это очень мило с вашей стороны. Но как вы это делаете?

— А, просто ловкость рук, ничего больше, — отбоярился Алкан и еще самую малость осел. Теперь ростом он был около пяти футов, а весил столько, что без паровой тяги его по всем этим горам было бы затруднительно транспортировать. — Однако уходят целые века, чтобы этот навык отточить по-настоящему.

— Ну, времени у меня навалом, — сказал Трепп и покачал своей кружкой. — Думаю, я вполне смогу этому научиться...

Пожалуй, это не обеспечило бы ему такого морального удовлетворения, как привлечение душ к новым, улучшенным образам жизни, но если бы он действительно научился доставать эль прямо из воздуха, его жизнь была бы устроена. Одних только приглашений на вечерники появилось бы столько, что лопатой не разгребешь.

— Тогда бы вы быстро нашли себе новый контракт, а, ваше высокобесподобие? — спросил Алкан все с той же ухмылкой.

Трепп невольно отшатнулся, а разум его перескочил к слишком уж недавним событиям, которые он уже окрестил «Разоблачением Нужного Белья».

— Эй, вы это бросьте. Знаете, там, в Гад-парке, была вовсе не моя вина. Я просто пытался заработать себе на жизнь. Я хочу сказать — такова се ля ви. У всех бывают неудачные дни!

— Да я и не сомневаюсь, что вы...

— Нет, не моя вина. Я ему говорил, что сложно будет заставить граждан Аксолотля поверить в такую ерунду, но он даже слушать не стал. Короче говоря, парень, который на самом деле вам нужен, — вон там, внизу. Если вы побежите то, может статься,

еще его догоните. Настучите ему по рогам. А пока будете этим заниматься, можете заодно мой кошелек вернуть. И самое главное — убедите его не возбуждать против меня судебного дела.

— Прошу прощения, ваше высокобесподобие Брехли Трепп, но такие вещи меня совершенно не интересуют. Я здесь, чтобы сделать вам предложение, от которого вы не сможете отказаться.

Трепп с подозрением воззрился на незнакомца:

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Я много что о вас знаю. — Алкан понимал, что подслушивание вымоченных в эле воспоминаний вряд ли сходило за «много что», но все-таки это было уже что-то. А кроме того, сама фраза звучала весьма убедительно.

— В самом деле? — с немалым скепсисом спросил Трепп и снова покачал пустой кружкой.

— Да-да, — ухмыльнулся Алкан, когда кружка Треппа в очередной раз вспыхнула и наполнилась. — Я гарантирую вам то, о чем вы всегда мечтали. Кое-что, чего вы вон там никогда не найдете. — Он указал большим пальцем примерно туда, где, как ему казалось, находился Аксолотль.

Трепп с любопытством поднял брови:

— И что же?

Алкан подался вперед и заговорщицки прошептал:

— Девственную территорию. Такую, где никто вас не знает. Место, полное народа, который только и жаждет того... ну, того, что вы ему для меня разрекламируете.

Голова у Треппа снова закружилась, опьяненная элем и фантастическим предложением незнакомца. Сердце его захолонуло, стоило ему только об этом подумать. Девственная территория, новые пастбища...

— Насколько полное?

— Да так, что плюнуть некуда. Э-э... можно сказать, масса в высшей степени благодарной аудитории. И число ее постоянно растет.

Глаза Брехли Треппа вспыхнули от возбуждения.

Алкан подался еще ближе, его дружелюбная рука скользнула по обтянутым сутаной плечам его высокобесподобия.

— Откровенно говоря, вам потребуется целая вечность, чтобы обратить там всех.

Трепп присвистнул, а глаза его еще ярче загорелись.

— Целая вечность? Их там так много? Что же это за место и почему я о нем ничего не знаю?

— О нет, вы о нем знаете, — ухмыльнулся Алкан.— Просто вы раньше не думали о нем в таком разрезе. Это, знаете ли... э-э... в некотором смысле запретная территория.

— Ха! Ну вот вы и проговорились. Сказали вполне достаточно. Теперь я точно знаю, о чем вы толкуете, — принялся злорадствовать Трепп. — Обширное место, трудно добраться, масса населения, трехглавые псы у ворот.

Алкан кивнул, несколько удивленный тем, что духовное лицо втайне лелеяло ту же мысль, что и он.

— Вы хотите, чтобы я отправился проповедовать в Мурроловианскую империю! — с преждевременной усмешкой объявил Трепп. Легенд об этом месте он уже наслушался немало...

Алкан разразился смехом:

— Ха-ха-ха! Да нет же, нет. У меня кое-что получше на уме. Куда обширней и самую малость горячее. — Он ткнул пальцем в землю.

Трепп почесал в затылке, извлекая оттуда все свои географические познания.

— Обширней и горячее... где-то на юге?

— Нет! — Алкан снова многозначительно указал на землю.

Челюсть Треппа отвалилась, когда до него дошло.

— Нет, вы это не всерьез...

— Нет? А почему нет? Как я уже сказал, аудитория в высшей степени благодарная, как раз созревшая для обращения. Еще эля, ваше высокобесподобие?

Трепп глотнул еще эля и покачал головой.

— Значит, вы действительно стоите здесь и предлагаете мне проповедовать благую весть плачущим душам в... в подземном царстве Уадда?

— Ага. Славно, правда?

— Славно? — завопил проповедник и глотнул еще эля.— Раз уж вам такое в голову пришло, есть очень большое препятствие к тому, чтобы там проповедовать.

Алкан небрежно глотнул из своей кружки.

— Да? И какое же?

— А то, что никто туда не попадает живым, — вот какое! — прорычал Трепп. — Ведь там преисподняя, дьявол ее побери!

— Ну вот. Я ждал, когда вы начнете выдвигать тривиальные возражения, — задумчиво отозвался Алкан.

— Тривиальные! Тривиальные? — не на шутку разбушевался Трепп.— Да ведь вы тут о моей жизни толкуете. А я, знаете ли, прямо сейчас копыта отбрасывать не намерен, премного благодарю. — Он буквально швырнул очередной глоток эля себе в глотку, отчаянно пытаясь удержать при себе хотя бы последние остатки здравомыслия.

Скрестив руки на груди, Алкан покачал головой:

— Это, знаете ли, очень узкий взгляд на вещи. Да, я вам скажу, весьма близорукий.

— Что?

— Вам никогда не приходилось останавливаться, чтобы задуматься о Большой Картине — о вашем месте в великой схеме вещей?

— Ясное дело, приходилось. Ведь я всю свою жизнь посвятил миссионерству...

— Ну вот вы опять за свое — распространяетесь насчет жизни, как будто важнее ее ничего нет...

— Ну, на вечеринке, к примеру, я бы без нее не особенно повеселился, разве нет?

— Не будьте так уверены. На прошлой неделе я весьма приятно провел время на сельской танцульке.

— Что?

— Ну да. Можно сказать, оказался душой этой самой танцульки... Эй, а в чем дело? Что это вы от меня пятитесь?

— Знаю я ваши делишки. Прочь от меня. — Брехли Трепп червем пополз вверх по склону, внезапно припомнив подробности появления незнакомца. Ладно, пусть черной чешуйчатой шкуры, кривых рогов и остроконечного хвоста у него не имелось, но он вполне мог принять другую личину. — Это отвратительно, просто тошнотворно — вот что я вам скажу. Пытаетесь соблазнить духовное лицо преисподней. Никогда вы меня не заставите с вами на сделку пойти...

— Я? На сделку? Нет, вы же не думаете, что я... Ха-ха-ха! Расслабьтесь, приятель, я совсем не оттуда.

— Я вам не верю.

— Да бросьте вы. Знаете вы хоть одного дьявола, который болтался бы тут по округе да еще раздавал бесплатное пиво?

Кружка Треппа снова наполнилась.

— А кроме того, — продолжил Алкан, — где моя черная чешуйчатая шкура, кривые рога и остроконечный хвост? А?

— Это все личина, — пробормотал Брехли Трепп.

— Да не будьте вы таким параноиком. Доверьтесь мне. Я как раз из хороших парней.

— Сами подумайте! — рявкнул Трепп, голова у которого уже совсем закружилась. — Вы сказали, что раньше были магом. — Внезапно озлившись, он решил упереться ладонями в бока и пролил эль себе на сутану. Это очень в малой степени улучшило его настроение. — Не знаю, в какие игры вы тут играете, но если вы думаете, что просто можете закатиться сюда и бесплатным пивом меня купить, то сильно...

— Простите, ваше высокобесподобие Брехли Трепп, но это вы, мой дорогой, сказали, что я был магом. Хотите, я вам опять кружку наполню?

— Вы этого не отрицали! — заорал Трепп, чей мозг зациклился на вопросе о магическом происхождении незнакомца.

— Прошу прощения, если я сбил вас с толку своим загадочным умолчанием, но средний человек обычно не слишком хорошо справляется с ситуацией, когда его приветствует невесть откуда взявшийся бог. Понятное дело, если только перед этим человек не пропустил несколько кружек пива. Честно говоря, не понимаю, почему так выходит. Уверяю вас, мы не такая уж скверная компания...

— Что... что это вы только что сказали? — спросил Трепп после того, как несколько раз энергично треснул себя ладонями по ушам.

— А что именно вы недослышали?

— Что человека приветствует бо... бо... — Трепп жалобно захныкал.

— Божество. Да, скажу вам, определенная публика справляется совсем плохо. Видели бы вы некоторые лица, и у вас бы мигом мурашки по коже поползли. Но это же полностью лишено всякого здравого смысла. Разве я так уж скверно выгляжу?

— Вы? Так вы пытаетесь сказать, что вы бо... Что вы из Ар... Ар... — Трепп патетически ткнул дрожащим пальцем в небо.

Алкан поднял взгляд.

— Да, полагаю, это где-то там. Хотя на самом деле надо бы мне выяснить поточнее.

— Так вы говорите, вы божество?

Алкан вполне божественно ухмыльнулся.

— Н-нет-нет-нет. Это не может быть правдой, — запинаясь, забормотал Трепп. — Никак не может. Что вы там болтали насчет того, что жизнь тривиальна? Нет, не могу себе представить, чтобы нормальные боги ходили по округе, распространяя подобные представления.

— Я просто пытаюсь быть вам полезным. Нет, не надо так на меня смотреть. Доверьтесь мне. Я просто пытаюсь позаботиться о том, чтобы вы полностью раскрыли свой богатый потенциал. Послушайте, выпейте еще эля, придите в себя, и я вам все объясню.

Загадочно теплое свечение гладило Треппа по бедру, пока пар поднимался от его вымокшей в эле сутаны. Пожав плечами, он снова поднял свою кружку, понимая, что на самом деле ему вовсе не требуется никуда бежать. Кроме того, несмотря на целую уйму всяких оговорок, проповедник был предельно заинтригован. Если этот малый и впрямь бог, а он от него сбежит... нет, никогда ему себе этого не простить. В конце концов, не будет никакого особого вреда, если он просто несколько минут его послушает.

Стараясь постоянно следить за тем, что происходит с легендарным котенком любопытства, крепко засевшим где-то в передней части его мозга, Брехли Трепп произнес, пытаясь излучать как можно больше здорового скепсиса:

— Ладно, валяйте. Я вас слушаю.

— Вот и хорошо, вот и славно. На самом деле весь вопрос тут в простой математике, — с энтузиазмом начал Алкан. — К примеру, прямо сейчас вы хорошо знаете, что далеки от бессмертия, так?

Трепп с сомнением кивнул.

— И как только вы вытряхиваетесь прочь из этого бренного мира, наступает время загробной жизни, верно? Вся остальная вечность представляется беспардонным бездельем и скукой смертной, правда?

Трепп снова кивнул.

— Неправда! — уверенно заявил Алкан. — Общее заблуждение — вот что это такое. Загробная жизнь — дьявольски заня-

тая штука. Никакого шанса передохнуть. Да и на самом деле это было бы совершенно неправильно, разве не так? Я хочу сказать, сам тот факт, что вы бессмертны, вовсе не означает, что у вас уже не осталось никаких потребностей. Ну, сходить там, знаете ли, в пивную или, на худой конец, в театр. Кто-то должен все это обеспечивать. Однако хорошей стороной Аррая является то, что вы сами можете выбирать, чего вы хотите. Пьянствовать там, к примеру, или с девочками то-се... гм... Но для вас, как я прикидываю, идеальная загробная жизнь заключалась бы в том, чтобы целую вечность проповедовать от всего сердца.

Глаза Брехли Треппа затуманились.

— Да-а... — прошептал он, и котенок осторожного любопытства мгновенно плюхнулся на горячую сковородку.

— Тут-то в дело и вступает математика, понимаете?

— Нет, не понимаю.

Алкан перевел дыхание и еще раз понадеялся, что все-таки сумеет все это провернуть.

— Речь здесь идет об эффективности. Вот скажите, сколько душ вы обратили за всю свою жизнь?

— Пару сотен, — радостно ответил Трепп, с гордостью вспоминая стада д'мерских кочевников.

— Что ж, не так плохо, — прикинул Алкан, потирая свой нос картошкой. — Но только подумайте, скольких вы сможете обратить начиная от этого момента и до самого конца вечности, если вам не придется без конца убивать время на сон и тому подобную ерунду. Сотни миллиардов — вот сколько!

Челюсть Треппа отпала ему на грудь.

Алкан приготовился к следующему, довольно заковыристому отрезку — выстраиванию мостика веры, который должен был обратить его хитроумную схему в сверкающую реальность.

— Чтобы еще конкретнее разобраться с ситуацией, придется проделать массу математических вычислений. У вас это хорошо выходит?

Трепп помотал головой.

Алкан мысленно ухмыльнулся. Все существенным образом упрощалось.

— Тогда, если разделить пару сотен на сто тысяч миллионов, у нас получится... чертовски мало получится. Если точнее — совсем ни хрена. Так что, если вкратце, вся ваша жизнь — пустая

трата времени. А значит, как мертвец вы будете несравнимо полезнее, понимаете? — Алкан ухмыльнулся. — Так куда эффективней.

Выглядя совсем огорошенным, Трепп одними губами произнес слово «мертвец». Еще три котенка подохли.

— Послушайте, тут абсолютно ничего личного. Просто толковый менеджмент, понимаете ли. Вот, выпейте еще эля.

Трепп глотнул эля, и вид у него сделался такой, словно он отчаянно пытался выполнить у себя в голове целый ряд сложных вычислений. Пальцы его подрагивали.

— Честно говоря, даже не стал бы об этом упоминать, если бы не знал, что это чистая правда, — охотно предложил свою помощь Алкан. — Чем раньше вы начнете работать с полной эффективностью, тем больше душ вы лично сумеете спасти. Осознаете ли вы тот факт, что за каждый день, в который вы по-прежнему упорно цепляетесь за ваш в высшей степени неэффективный образ жизни, еще три дюжины душ остаются необращенными?

— Я... я никогда раньше не думал об этом в таком аспекте.

— Вот так-то. Каждый день тридцать шесть первосортных душ оказываются потеряны для вечности. Да, шокирующая, ужасная реальность, но так все и есть. Опять же, если вы пожелаете продолжать в том же духе, тогда вы...

— Нет-нет. Вы абсолютно правы! — объявил Брехли Трепп, и где-то позади его глаз наконец-то вспыхнуло понимание. В его воображении уже радовались многие миллионы душ. — Совершенно верно. И как же я раньше этого не понимал? Какая эгоистичная неэффективность! Я не могу позволить им так просто остаться не спасенными. Не могу позволить, чтобы с ними такое случилось. Это мой долг! — с жаром изрек проповедник, вытаскивая из-под сутаны кинжал и дрожащей рукой направляя его к своему животу.

— Погодите! Погодите! — заорал Алкан, тревожно хлопая в ладоши. — Нет-нет, это не тот путь! Таким путем вы гарантированно угодите в Уадд! — Он знал правила насчет самоубийства. Прямиком в Уадд — и никаких апелляций.

— Но я должен. Подумайте только о душах, которые я должен спасти. Я никак не могу от них отречься...

— Нет, сами вы это сделать не вправе!

Трепп недовольно покачал головой, развел руками и протянул кинжал Алкану:

— Что ж, вполне справедливо. Тогда давайте вы.

— Нет-нет... — Щеки Алкана мгновенно побледнели.

— Все будет в порядке, я даже не стану отбиваться. Просто воткните его вот сюда, между ребер. Давайте же, не будьте так щепетильны.

— Но я...

— Если хотите, я отвернусь.

— Да не могу я! — в панике воскликнул Алкан, подумав о той вони, которая разнесется по всему Арраю, если когда-нибудь выйдет наружу правда о том, что он убил миссионера. Уже достаточно скверно было окаймлять правду такими уклончивыми извивами, чтобы его уломать, но реальное убийство...

— Тогда премного вам благодарен! — прорычал Трепп, гневно топнув ногой. — Я хочу сказать, это и есть истинная доброта и любовь к ближнему. Вы выскакиваете невесть откуда, говорите мне, что моя жизнь — пустая трата времени, а потом никак не желаете мне с этим помочь. Похоже, вы здорово навострились обламывать духовных лиц!

— Я не сказал, что не стану вам помогать.

— Тогда берите кинжал и валяйте. — Трепп лихорадочно распахнул свою сутану, указывая на грудь. — Вот сюда. Быстрый укол — и я уже в пути...

— Этого я делать не стану. Послушайте, у меня есть план. Если вы пообещаете мне не валять дурака с этим кинжалом, я позабочусь о том, чтобы завтра вы гарантированно загнулись, идет?

— Утром или днем? — недовольно проворчал Трепп.

— Самым что ни на есть ранним утром. Обезглавливание вам подходит?

— Вполне. — Тут Трепп решил, что за последние несколько часов неплохо будет воспользоваться всеми возможностями своей глотки. С ухмылкой он осушил эль, вытер рот рукавом сутаны и покачал кружкой, ожидая новой порции. — Итак, во что именно должны уверовать мучающиеся души?

— Вот в это самое. В то, что вы пьете, — самодовольно улыбнулся Алкан, четко осознавая, что отныне дни Огдама за Верхним Столом определенно сочтены.— А теперь прошу изви-

нить, но мне до завтра еще несколько вещей надо проделать. Всего лишь пара-другая мелких деталей, но о них тоже следует позаботиться. Никуда отсюда не уходите! — И со вспышкой света Алкан, божество эля и пива, внезапно исчез.

Одним из колоссальных преимуществ, которые Аксолотль предлагал персонам духовного ранга, являлось то, что им там никогда не приходилось таиться, отчаянно стараясь не привлечь к себе ничьего внимания. Поскольку все население горного города Аксолотля целиком и полностью было сверхсуеверным, никто из его жителей не удивлялся, когда перед ними неожиданно выскакивали всякие странные существа.

И Сиксика не была исключением. Сидя в своем гамаке, она просто глазела на то место, где секунду тому назад сверкнула весьма причудливая молния, после чего там невесть из какой материи соткалась большая и плотная на вид фигура.

— Привет, — сказала Сиксика божеству с пивным брюхом, стоящему в ее спальной комнате. Забросив за плечо прядь черных волос, она слегка качнулась в гамаке.

— Здравствуй, дорогуша, — отозвался Алкан, изо всех сил стараясь изобразить на физиономии ободряющую улыбку. — Ну как, готова для завтрашнего утра?

— Буду готова, когда сегодня ночью хорошенько высплюсь, — ответила Сиксика. — А что тебе, извини, нужно?

— Мне нужно позаботиться о том, чтобы ты хорошенько выспалась. — Стоя в темной комнате, Алкан ухмыльнулся. На самом деле это вовсе не была ложь. Ему действительно было желательно, чтобы девушка выспалась. Так выспалась, чтобы не пробудилась до послезавтра.

— Вот и славно. Ты собираешься меня укачать? Или почитаешь сказочки?

— О нет, дорогуша. У меня кое-что получше имеется. — Последовала крошечная вспышка света, и большая кружка эля появилась в руках у девушки. — Вот, выпей,— предложил Алкан. — Это поможет тебе заснуть.

— Это вроде какао?

— Более-менее.

— Но какао я уже пила, — озадаченно ответила Сиксика.

— Ну, это не совсем какао, это скорее эль... для юной девушки он нечто особенное, — настаивало божество.— А ведь ты сегодня и впрямь заслуживаешь чего-то особенного. Ты ведь не каждое утро приносишь себя в жертву?

— Нет, только раз в год. — Сиксика гордо улыбнулась. Считалось честью быть избранной в жертвы для Ежегодного фестиваля сотрудников похоронных бюро. Причем не только для самой девушки, но и для ее родителей. Даже вовсю храпя в соседней комнате и нежно покачиваясь в своих гамаках, они гордо ухмылялись. Завтра, на пиршестве, они будут сидеть во главе стола — а матушка Сиксики, что еще более важно, сможет свысока поглядывать на тех отвергнутых бесстыдниц, которым никогда не суждено будет занять место ее дочери. Жертвой могла стать только хорошая девочка, целомудренная и воспитанная, а не какая-нибудь распущенная и развратная шалава.

Сиксика быстро выпрыгнула из гамака, притопала к занавеске и, оттянув ее в сторону, указала на темный силуэт храма на другой стороне площади. Зубчатые бока величественного строения поднимались словно у пирамиды.

Алкан смог различить темные силуэты двух в равной мере здоровенных стражников, что с парой пылающих факелов патрулировали плоскую крышу. Согласно традиции, никому не позволялось быть рядом с жертвенным устройством, пока не настанет рассвет, и Сиксику приведут туда, чтобы сделать жертвой. В очередной раз.

Уже шесть раз она оказывалась лицом к лицу со сверкающим лезвием на вершине храма — и шесть раз уходила оттуда на вечеринку.

Это началось столетие тому назад, когда Великий союз сотрудников похоронных бюро счел в высшей степени несправедливым, что они вынуждены пропускать решительно все празднества в Аксолотле. У фермеров имелись свои жатвенные фестивали, когда они готовили блюда из своих посевов как приношения на следующий год. Как только церемония заканчивалась, начинались танцы и всевозможные увеселения. Схожим образом дело обстояло на Ежегодном празднике пивоваров, Традиционном конкурсе кондитеров... в общем список был бесконечным. Все отправлялись на праздники остальных, кроме сотрудников похоронных бюро, которых туда категорически не пускали. Тогда они учредили свой

собственный Ежегодный фестиваль с парадом и танцами. Все получили приглашения на Церемонию ритуального жертвоприношения и на танцы в храме. Никто не знал, что именно должно будет произойти.

Толпы собрались на площади, любопытно глазея вверх на странное бамбуковое устройство с подвешенным снизу лезвием. Затем загремела барабанная дробь, и сотрудники похоронных бюро втащили туда отчаянно визжащую юную девушку, распластав ее на каменной плите. Барабаны зашлись совсем дикой дробью, после чего главный сотрудник с криком восторга отпустил лезвие. Все жители Аксолотля с разинутыми ртами смотрели, как оно ныряет вниз по вертикальным рельсам, неудержимо стремясь к шелковой шейке невинной девы, страстно желая оборвать ее жизнь...

Прошло добрых три минуты после того, как лезвие врубилось в предусмотрительно вставленный клин и намертво там застряло, прежде чем толпа поняла, что девушка все еще дышит. Сотрудники похоронных бюро оттянули лезвие назад на самый верх рельсов и вытащили клин — держа его так, чтобы все смогли увидеть глубокую зарубку. Разве могли они принести девушку в жертву? О нет. Это непоправимо испортило бы весь праздник. Особенно для ее родителей. Последовавший парад и танцы Ежегодного фестиваля сотрудников похоронных бюро имели такой успех, что с тех пор стали одной из самых ярких отметок на праздничном календаре жителей Аксолотля.

— Просто дождаться не могу, когда закончится эта досадная процедура, — с блеском в глазах сказала Сиксика, глядя на храм. — Вечеринка потом бывает страшно забавная. В этом году я хочу два куска шоколадного пудинга. Я по праву их заслужила.

— Этот напиток ты тоже заслужила, — подстегнул ее Алкан, указывая на кружку. — Давай же, выпей.

Сиксика сделала большой глоток, собрала глаза в кучу и выплюнула. Эль, точно выброшенный из аэрозольного баллончика, тонким спреем расплескался по занавеске.

— Тьфу! Какая гадость! — пожаловалась девушка.— Ты что, отравить меня хочешь?

— Нет-нет, — запаниковал Алкан. — Просто к этому вкусу надо привыкнуть. — Взмахнув кистью, он подождал, пока кружка вспыхнет и наполнится, после чего сказал: — Ну-ка попробуй. Это, я думаю, тебе больше по вкусу придется.

Сиксика неуверенно понюхала пенную жидкость.

— Это самое то, — подстегивал ее Алкан, ухмыляясь в очень недостойной доверия манере.— Давай пей.

Девушка осторожно отхлебнула, покатала жидкость во рту и приняла задумчивый вид. Затем все-таки проглотила. И с облегчением выдохнула.

— Не так уж скверно, — заключила Сиксика. — А можно чуть-чуть больше имбиря?

Алкан снова взмахнул кистью, поднимая вкусовые качества на несколько пунктов. Он также добавил от себя пять лишних процентов спирта. Сиксика снова потянула из кружки и закашлялась, когда крепкий имбирный эль обжег ей горло.

— Ух ты! — выдохнула она. — Вот это и впрямь славно!

Божество, ответственное за эли, благодарно наклонило голову и засияло улыбкой, когда согревающий сердце голос быстро пьянеющей девушки дошел до его ушей.

— Еще? — спросил Алкан несколько мгновений спустя, когда Сиксика вытерла ладонью рот. Девушка слегка кривовато улыбнулась и кивнула.

Небрежным взмахом руки обеспечив ее еще одной кружкой восемнадцатиградусного имбирного коктейля, Алкан ощутимо расслабился. Еще пара таких же кружек в желудок девушки — и раньше завтрашнего вечера ее уже никто не разбудит.

Но смогут ли сотрудники похоронных бюро вовремя найти кого-то, пылающего энтузиазмом стать жертвой вместо Сиксики? Алкан ухмыльнулся себе под нос. Ответ на этот вопрос он прекрасно знал.

Фигура в черной тоге с длинными полами и в соответствующих размеров цилиндрической шляпе подняла свой жезл, ловко покрутила им между пальцев и вдребезги расколотила утреннюю тишину и покой горного города Аксолотля.

— Да-да, — донесся крик из хижины, когда верхушка жезла выбила на двери несколько ямок. — Уже иду.

Дверь резко распахнулась, и крепко озабоченный на вид мужчина пушечным ядром вылетел из хижины, захлопывая за собой дверь.

— Я пришел! — объявил сотрудник похоронного бюро, крутя своим жезлом.

— Да-да, хорошо, но не погуляете ли вы немного по округе, а то мы еще не готовы? — забормотал озабоченный на вид мужчина, до сих пор небритый и пребывающий в состоянии очевидного расстройства.

— Сейчас назначенное время, — нетерпеливо произнес сотрудник, взирая свысока на отца Сиксики.

— Да знаю я, знаю. Назначенное время, назначенное место. Вот только назначенной дочери нет как нет.

— Что? Но этого не может быть! Она... она нам нужна! Праздник! Она должна быть на месте.

— Скажите, насколько успешно вам удается воскрешать ваших мертвых клиентов?

— Сейчас не время для шуток. — Сотрудник нахмурился и потянул за воротник своей тоги, который вдруг показался ему слишком тугим. — Прочь с дороги, — рявкнул он и ворвался в хижину. Его сандалии шумно стучали по лестнице, пока он несся к спальной комнате Сиксики.

Пинком распахнув дверь, он охнул при виде открывшейся картины: занавески плотно задернуты; обволакивая комнату сумраком, мать девушки покачивается взад-вперед, что-то отрешенно бормоча, явно близкая к истерике. А в гамаке — неподвижное тело. Неподвижное и бесчувственное.

«Нет! — мысленно взвыл сотрудник похоронного бюро. — Только не сегодня. Это же мой праздник!»

Матушка Сиксики со слезами на глазах оглянулась. Инстинкт подсказывал ей, что теперь приглашения на вечеринку им не дождаться.

— Простите... — всхлипнула она.

Сотрудник прошагал по комнате к гамаку. Голова его бурлила безответными вопросами, кипела раздражением. Сорвав одеяла, он уставился на бледную фигуру.

— Вон пшли... — пробормотала Сиксика в подушку, натягивая одеяла обратно. — Отстаньте. Я умираю...— Сжимая руками голову, она глухо застонала.

Тут колени сотрудника похоронного агентства сдали от потрясения, и он мешком осел на пол. Голова его кружилась от злой иронии всей этой ситуации. Что же они теперь объявят гражданам Аксолотля? «Извините, сегодня без жертв! Жертва не очень хорошо себя чувствует!»

И почему никто не предвидел, что такое произойдет? Редактору «Угадайки» придется ответить кое на какие очень суровые вопросы.

Впрочем, в данный момент это было не важно. Прямо сейчас ему предстояло развлечь целый город охотников до вечеринок. Где же он за такое короткое время замену найдет?

Рыча, сотрудник вскочил и метнулся прочь из комнаты.

— Ну что? — спросил отец Сиксики, пока мужчина, хлопая полами тоги, проносился мимо него.

— Здесь никакой надежды. Совсем никакой, — прорычал сотрудник, исчезая на улице.

Его сандалии злобно выбивали клубы пыли из мостовой. А в этот самый момент одно совершенно конкретное духовное лицо в черной сутане, войдя по шаткому мостику в Аксолотль, плелось по главной улице, сдерживая тревожные зевки. Согласно образу мыслей духовного лица, было еще слишком ранее утро для каких-то серьезных дел.

Крупный мужчина с пивным брюхом сбоку от него настойчиво это отрицал.

И, что самое удивительное, жители Аксолотля целиком и полностью с ним соглашались. Брехли Трепп наблюдал, как целые стайки людей выскакивают из боковых проулков и с энтузиазмом устремляются в одном и том же направлении, гудя от волнения.

— Ну идем же, скорее, — подгонял проповедника Алкан, указывая вслед несущимся толпам.

— Так ты и впрямь думаешь, что это удачная мысль — чтобы я снова здесь объявился, почти сразу же после Разоблачения Нужного Белья? — нервно спросил Трепп.

— Доверься мне, — елейно прошептал Алкан. — Все улажено. Просто расслабься и сделай, как я скажу. — Он заговорщицки подмигнул Треппу.

— Да, конечно, — пробормотал его высокобесподобие, никакой убежденности не чувствуя. — Я только надеюсь, что меня здесь после вчерашнего никто не узнает. Иначе они меня просто у... — Тут вспышка понимания зажглась где-то позади его глаз. — А-а, ладно. Очень хорошо. Я понимаю.

— Да, хорошо. А теперь поспеши. Ты ведь не хочешь нужный момент пропустить. Выбор времени здесь жизненно важен.

Последовав за стремительно собирающейся толпой, Брехли Трепп втиснулся на битком забитую площадь в тот самый момент,

когда волны возбуждения буквально затопили все это место адреналином.

Алкан с ухмылкой указал в сторону массивного храма, что возвышался над площадью.

Единственная облаченная в черную тогу фигурка медленно карабкалась вверх по ступенчатой стороне строения, в отчаянии ломая руки. Наверху каменная плита лежала меж двух здоровенных стражников с факелами, глава ее была увенчана странным на вид устройством, собранным из бамбуковых жердей.

Толпа что-то неугомонно бубнила, и время от времени из разных ее участков вырывались спонтанные взрывы восторга и свиста.

«Для такого раннего часа, — размышлял Брехли Трепп,— они слишком уж оживлены. Должно быть, сегодня в Аксолотле состоялось немало славных завтраков».

Наконец облаченный в черную тогу мужчина добрался до вершины храма. Он слегка поправил свою цилиндрическую шляпу, затем приблизился к толпе. Все глаза переметнулись на него, фокус еще больше усиливала длинная перспектива ступенек. Все уши были готовы для объявления.

Сотрудник похоронного агентства с трудом сглотнул слюну, нервно заламывая ладони. Он по-прежнему понятия не имел о том, что же такое собирается сказать людям. Сотня различных вариантов уже была обдумана и категорически отвергнута. К примеру, он хотел было вовсе не появиться, прикинуться, что обо всем забыл, или распустить какой-нибудь слух, что сегодня, мол, не слишком благоприятный день для праздника и что надо будет попробовать завтра. Он даже подумал было выдвинуть добровольцем себя — но жертве полагалось быть девственной, а к ним в агентство как-то раз явилась убитая горем вдова-нимфоманка, которая просто попросила один разок славного утешения, ну и... дальше он эти «разки» уже не считал. От души глотнув воздуха, сотрудник похоронного агентства поднял руки и обратился к толпе, становясь простым передатчиком капризов собственного языка.

— Дамы и господа... э-э... — впечатляюще начал он. Густую тишину, которая внезапно окутала Аксолотль, нарушало только потрескивание факелов в руках у стражников.

— Э-э... хотя я ко всему этому непривычен, — принялся вилять сотрудник. Несколько человек из толпы нетерпеливо зашаркали ногами. Они уже поняли, что здесь что-то неладно.

— Э-э... в порядке изменения намеченного плана я... гм... хотел бы попробовать кое-какую новизну, хорошо? — Сотрудник отчаянно пытался впрыснуть во все происходящее какое-то ощущение жизненности. Но ему это удавалось плохо. — Все предыдущие шесть лет мы жертвовали одной и той же девушкой. Что ж, Сиксика была безупречной девственницей, отличной спортсменкой и просто красавицей, — тут он сунул одну руку за спину и скрестил пальцы, — но... гм... вам не кажется, что мы слишком уж часто слышали ее вопль?

Единственным ответом ему было неугомонное шуршание ног.

— Что происходит? — в замешательстве пробормотал Трепп.

— Заткнись и слушай внимательно, — отозвался Алкан.

— Итак, я полагаю, что нам самая пора получить какую-то совершенно новую жертву, — продолжил сотрудник похоронного агентства. — Есть ли среди вас добровольцы?

Гробовое молчание омывало храмовую площадь, пока скептические мысли поднимали свои уродливые головы. Что случилось с Сиксикой? Трагическая ошибка на репетиции? Не может ли то же самое случиться и с ними, если они вызовутся стать добровольцами?

— Ну давайте же, — умолял сотрудник. — Только подумайте о престиже. Какая честь отдать свою голову прямо здесь, сейчас...

Уши Брехли Треппа встали торчком.

— Сказал ли он именно то, что мне послышалось? — спросил проповедник у Алкана.

Божество, ответственное за эли, небрежно кивнуло в манере человека, чьи планы только что сделали громадный шаг вперед на пути к славному исполнению.

— Давайте же, — зудел сотрудник похоронного агентства. — Всего один доброволец из публики. Неужели никто не...

— Я, я, я, я, я!.. — заверещал Трепп, протискиваясь сквозь толпу и бегом устремляясь к храму. Он просто не мог поверить своей удаче. Это был его шанс полностью раскрыть свой спасательный потенциал. И выручить этого малого из той загвоздки, в которую он попал. Ах какая радость!

Алкан ухмыльнулся себе под нос. Через несколько минут все это дело начнется. Потребуется немного точного расчета времени, чтобы перехватить Треппа у Аррайских врат, а затем он сможет

утащить его по задней лестнице и быстро привлечь к работе. Просто идеально! А затем, когда увеличенные подушные цифры начнут поступать... что ж, тогда его уже ничто не остановит.

— Я... я... — задыхался Трепп, ковыляя к самой вершине храма. — Я доброволец!

Сотрудник похоронного агентства нахмурился:

— Вы? Но вы не аксолотлианец.

— Ну и что? Больше никто не вызвался. Давайте снимайте мне голову.

— Но я... я не могу. Вы не годитесь.

— Почему? Я не хуже любого другого. — Трепп повернулся лицом к толпе. — Голова моя, голова! Эх, лети, моя голова! — затянул он распев, энергично размахивая руками. Толпа неуверенно подхватила.

— Вы не в счет! — отбивался сотрудник. — Вы... вы не девственник!

— А вот тут простите, приятель, но вы наносите мне смертельное оскорбление, предполагая, что я не исполняю свои обеты! Да как вы смеете? Я лицо духовное! Голову мне с плеч, и сейчас же!

— Но все же... а, ладно. Раз вы так настаиваете.

Не успели эти слова слететь с его губ, как четыре здоровенных стражника схватили Треппа и шлепнули его на каменную плиту, чуть было не вышибив из него дух.

А затем чувство предельной тревоги затопило тело проповедника, когда он поднял взгляд к сияющему лезвию топора, подвешенному над ним. Позади его головы стояла корзина, для вящего реализма забрызганная темным клюквенным соком. Стражники крепко прижимали конечности Треппа к каменной плите, держа его в полной неподвижности. Толпа уже успела выйти из оцепенения и теперь ликовала.

Тревога еще больше выросла в сердце Брехли Треппа, когда его взор упал на деревянный клин, вставленный в рельс справа от него. «Что этот клин, блин, там делает? — спросил себя проповедник. — Если он так там и останется, лезвие остановится в дюйме от моей шеи». Паника охватила Треппа. Он принялся изо всех сил бороться, стараясь добраться до клина и выдернуть его, отчаянно стремясь к тому, чтобы первый день уготованной ему загробной жизни начался прямо здесь и сейчас.

Но стражники крепко прижимали Брехли Треппа к плите, красочно покачивая плюмажами. А затем один из них, здоровенный мужик с пивным брюхом по левую руку от проповедника, вдруг потянулся к рельсу и схватил клин. Секунду спустя клин был уже у Алкана в кармане.

А поблизости, за большой статуей, настоящий четвертый стражник глупо хихикнул, когда кружка эля в его руке вспыхнула и чудесным образом наполнилась. Очень мило со стороны того пузатого малого было предложить ему поменять униформу на этот магический сосуд.

Толпа на храмовой площади вовсю бурлила и дико ликовала, пока сотрудник похоронного агентства топал к бамбуковому держателю лезвия и хватал отпускную веревку. Отмотав ее от крепления, он тут же ощутил всю убийственную тяжесть топора. Веревка эта перекидывалась через примитивное колесо, дальше шла через дыру, а там были привязана к лезвию. Все, что от него теперь требовалось, — это отпустить веревку, а сила тяжести должна была позаботиться обо всем остальном.

— В ознаменование грядущего празднества, — выкрикнул сотрудник традиционные слова, — повелеваю веревку отпустить!

Его высокобесподобие Брехли Трепп собрался с духом, наблюдая за тем, как веревка мгновенно ослабевает над лезвием. Отблеск солнечного света отразился от острой грани, и топор неудержимо полетел к проповеднику, выбивая искры из направляющих, жадно стремясь вкусить плоть его шеи, погрузить свои смертоносные клыки в его горло. Лезвие стремительно мчалось вниз. Сердце Треппа колотилось от возбуждения при виде этого орудия смерти, отчаянно трепетало, пока пальцы его ног уже зависали над самым краем вечности.

Толпа пронзительно завопила, когда лезвие наконец ударило и, дрожа, резко остановилось.

— Проклятье! — возопил Трепп, глазея на застрявший в дюйме от его шеи топор. — Что случилось? В чем тут загвоздка? Почему я не... ох-х. — Он с отвращением уставился на здоровенный узел, втиснутый в дыру на верху рамы.

Сотрудник похоронного агентства в тревоге ломал руки:

— Я страшно перед вами извиняюсь. Этого не должно было случиться. Никоим образом. В рельсе должен был находиться клин. Блин, я... я просто не понимаю, куда он мог подеваться.

Я так рад, что хотя бы предохранительный узел оказался на месте. Я... я... — И тут он услышал восторги толпы. Едва заметно ухмыляясь, похоронных дел мастер подошел к передней части храма и низко поклонился.

Брехли Трепп в гневном разочаровании зарычал, когда стражники отпустили его и оттянули лезвие обратно на самый верх рамы, надежно его там привязывая.

— Как ты мог допустить, чтобы это случилось? — воскликнул проповедник, толкая Алкана в грудь и постепенно загоняя его в заднюю часть храмовой крыши. — Ты обещал, что я...

— Да-да. Послушай... — Алкан вздрогнул, когда его оттеснили к нескольким сотням футов отвесного склона.— Пусть такая ерундовая препона тебя не огорчает. Я сказал, что я это сделаю, а значит, так и будет, договорились?

— Сегодня утром! — рявкнул Трепп, энергично продвигаясь вперед по храмовой крыше. — Ты только подумай о всех тех душах, которые я уже должен был бы спасать!

— Да-да, конечно. Я прекрасно с этим справлюсь, все будет в полном порядке, дай мне только...

Внезапно нога Алкана ступила в воздух. Машинально рука его метнулась вперед и ухватила толкающую его в грудь руку Треппа. Секунду спустя и Трепп, и Алкан на практике выяснили, что этот храм не был выстроен по канонам классической симметрии, которую обычно связывают со зданиями подобного типа. По трем сторонам своей почти пирамидальной формы он имел крутые ступеньки, но в задней части ничего такого предусмотрено не было. Таким образом строители решили избежать лишних затрат. Поскольку ниоткуда, кроме как спереди, никто никогда на храм не смотрел, аксолотлианцы не стали делать никаких ступенек на стороне, обращенной в противоположную сторону от площади.

Там была просто вертикальная стена ста пятидесяти футов в вышину.

Брехли Трепп, падая вниз, пронзительно вскрикнул, а Алкан подумал, что ему стоило бы получше контролировать свои рефлексы. Если бы он на миллисекунду задержался и действительно обо всем этом подумал, то просто упал бы на несколько футов, а потом снова божественным образом взлетел по вертикали. Но теперь...

Трепп кувыркался вниз. Борода едва не отрывалась от его физиономии, а сутана хлопала, точно драный парус под ураганным

ветром. Однако, пока проповедник падал, он ухмылялся, разводя руки по сторонам подобно истосковавшемуся влюбленному, несущемуся навстречу своей давно потерянной суженой. Ур-ра, вечность, я наконец-то к тебе лечу!

На какой-то миг, пока земля свистела ему навстречу, Трепп рассеянно задумался о том, насколько это будет эстетично, когда он на предельной скорости ударит лицом в грязь.

И ему оставалось лишь несколько секунд для прояснения этого вопроса, когда из-за угла храма вдруг со скрипом выползла телега и, окутанная облаком пыли, резко затормозила.

Изрыгая дикую ругань, его высокобесподобие Брехли Трепп угодил точно на аварийную телегу Службы предвидения несчастных случаев и аварийных ситуаций. Кулаки его в остром негодовании забарабанили по губчатому матрасу. Его спасли! Спасли! Да как они только посмели?

— Ну что, порядок? — осведомился мужчина в белой форме, приставляя к телеге небольшую лесенку и поднимая взгляд.

— Нет, черт побери! — разочарованно рявкнул Трепп.

Провидец явно был огорошен.

— Ну что с вами? Лодыжку сломали? Или растянули кисть? — Среди провидцев данной конкретной службы предметом особой гордости служило вызволение своих клиентов в целости и сохранности. Спасение не считалось настоящим, если спасаемый получал хотя бы царапину.

— Нет! Проблема не в этом! Я в полном порядке, премного вам благодарен! — Брехли Трепп быстро подскочил к лесенке и начал спускаться. — Какое самолюбие! Какой эгоизм! Да как вы смеете считать, что, если кто-то находится в непосредственной смертельной опасности, его непременно нужно спасать?

— Раньше никто не жаловался! — буркнул провидец.

— Тьфу! — сплюнул Трепп. — Разве я просил вас меня спасать? Я что, вопил как резаный, пока летел вниз? Вопил, да?

— Ну, я вообще-то не слышал...

— Вот именно! Благодетели хреновы, — бросил Трепп, бурей уносясь прочь.

— Нет, это туристы хреновы, — откликнулся мужчина в форме, стягивая лесенку обратно. — Вот неблагодарный народ! Не очень-то себе думайте, что я так сильно хотел вас спасти. Не я, знаете ли, виноват в том, что такая у нас политика. Мы, жители

Аксолотля, делаем это просто потому... потому что можем это делать! Представьте, что в следующий раз, когда вы вдруг полетите к земле, меня рядом не окажется. Вот тогда вы по-настоящему пожалеете. Но меня там уже не будет!

Никакого ответа от глухо рычащего миссионера он не получил. Тот стремительно завернул за угол, избегая празднества, как будто оно было заражено чумой, и стараясь поскорее убраться из города. Кровь его буквально кипела.

Прошло целых десять минут, прежде чем Алкан решил, что теперь будет относительно безопасно приблизиться к проповеднику. Он спустился из облаков, пока Брехли Трепп топал по шаткому мостику у южных ворот Аксолотля.

— Послушай, — начало божество. — Я все устрою. Все будет в полном порядке, ага?

— Прочь от меня, — прорычал Трепп, ненадолго останавливаясь и вызывающе кладя ладони на бедра. Его физиономия жутко побагровела.

— Все будет просто тип-топ.

— Ты в прошлый раз то же самое говорил! — задымился Трепп, гневно топая ногой. — Я думал, богам полагается управлять тем, что происходит со смертными. Разделять там разные моря и бросать всякие съестные припасы голодающим племенам, заблудившимся в дикой местности. Ну, и типа того.

— Не следует верить всему, что рассказывают, — проворчал Алкан. — Но послушай — ведь я почти что тебя укокошил, разве не так? Если бы не эти аварийные провидцы, ты бы уже...

— Я знаю! — Трепп опять топнул ногой. От заскрипевшей у него под пяткой гнилой балки отломилось и закувыркалась вниз, в черную пропасть, несколько деревянных щепочек. — Нечего мне на больную мозоль наступать! Я уже сейчас мог бы приступить к своей миссии. Я мог бы закатать рукава и по локти погрузиться в работу всей моей загробной жизни! Но нет. Такой вариант слишком для меня хорош, верно? — Он снова топнул ногой. — Я потерпел неудачу! — еще раз топнул ногой проповедник.

— Пивка не желаешь? — предложил Алкан.

— Нет, не желаю я твоего пивка! — завопил Трепп и снова топнул ногой, сильно напоминая маленького мальчика на пороге истерического припадка. Не услышанная им гнилая балка опять заскрипела.

— Ты уверен? Это успокоит твои нервы, поможет тебе как следует поразмыслить.

— Нет, пива я сейчас не хочу. — Топ. — И через десять минут на захочу! — Топ. — А твою жирную ряху я вообще больше никогда в жизни не хочу видеть! — Топ.

Ветхий мост слегка затрещал и, похоже, стал немного прогибаться.

— Ну и ну, — пробормотал Трепп, разглядывая провалы у себя под ногами.

— Одну последнюю кружечку?

Трепп нервно помотал головой, а под ногами у него тем временем рвались последние волокна. Наконец доски сломались, и с протяжным воплем его высокобесподобие Брехли Трепп исчез в расщелине.

Фигура в белой форме и с соответствующей фуражкой на голове, глядя на все это с башни у южных ворот Аксолотля, неодобрительно покачала головой.

— А ведь я ему говорил, — пробормотал провидец себе под нос. — Я предупреждал.

Затем провидец повернулся и побрел прочь, направляясь обратно на празднество. Там, как он прекрасно знал, ему ровно через десять минут предстояло вытащить соломинку для коктейля из горла одной очень прилично подвыпившей мадам.

ГПУ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Характерный звук копыт, стучащих по обсидиановому кафелю, эхом разносился по коридорам Греховной службы. Снаружи этого здания все подземное царство Уадда продолжало существовать, не ведая о событиях, которые готовы были вот-вот развернуться. В таких масштабах никогда еще ничего подобного не проделывалось. И все уже не должно было остаться таким, как раньше.

Петли распахнутых пинком дверей болезненно заскрипели, когда туда под тяжестью целой пачки пергаментов ввалился девятифутовый дьявол. За ним, кутаясь в длинный черный плащ, проследовал меньший по размеру демон с высоким чешуйчатым лбом.

— Порядок, контора! Теперь сидите и слушайте! — проревел Асаддам, главный менеджер Мортрополиса, с театральным грохо-

том бросая пачку перфорированных пергаментов на ближайший стол. Целая канцелярия демонов нервно оглядела свои груды пергаментной работы и содрогнулась. Итак, Асаддам опять был в своем репертуаре. Судя по всему, ожидалась еще одна перемена рабочих процедур. Почти мгновенно все умы сосредоточились на двух вопросах: «Что же на сей раз?» и «Кто этот задохлик в шляпе?»

— У меня к вам вопрос, — радостно объявил Асаддам. Его кривые рога едва не задевали за низкий, грубо выкрашенный потолок. — И вопрос этот такой: какова разница между данным пергаментом и тем материалом, к которому вы привыкли?

Глухая тишина объяла контору, нарушаемая лишь периодическим треском багровых молний снаружи. Все чиновники узнали тон вопроса. С тех самых пор, как Асаддама избрали главным менеджером Мортрополиса, он врывался сюда, а также во множество других отделов Греховной службы с одним и тем же страстным трепетом в голосе. И теперь весь Иммиграционный отдел дружно пал духом. Такой тон всегда означал две вещи. Во-первых, введение некой новехонькой сверхэффективной системы управления. А во-вторых — массу дополнительной работы из-за этого.

— Ну же, давайте! — злобно проревел Асаддам. — Какова разница?

— Этот материал не покрыт текстом, — пробурчал демон в задней части конторы, который проходил под именем Ублейр. Сквозь багровые щелки глаз он хмурился на главного менеджера поверх солидного холма иммиграционных формуляров, сгруженных на его стол и требующих немедленного внимания.

— Неверно! — объявил Асаддам и перевернул груду пергаментов на другую сторону. Затем он с ловкой аккуратностью подцепил верхний лист загнутым когтем и потянул его вверх. За листом по цепочке последовали еще три таких же. — Вторая попытка! — саркастически ухмыльнулся Асаддам.

— Э-э... они скреплены вместе, — проворчал чиновник из переднего ряда.

— Это что, новый эксперимент по снижению затрат в пергаментной работе? — мрачно поинтересовался Ублейр.

— Нет! — выкрикнул Асаддам. — Это эффективность!

— А по-моему, просто стопка пергаментов. — Ублейр угрюмо покачал рогатой головой.

— Это само будущее! — дико проревел Асаддам. Ноздри его раздувались точно у жеребца на хорошем конном заводе.

— Почему? Они что, сами собой заполняются? — скептически вякнул Ублейр.

— А могут они и подшиваться сами собой? — с энтузиазмом спросил чиновник в переднем ряду. — Это было бы замечательно.

— Придурок, — буркнул Ублейр, опытным девятидюймовым когтем с пристрастием исследуя свою ноздрю.

— Ни то ни друго́е! — торжествующе прокричал Асаддам. — Нечто куда более сногсшибательное. Лолох, объясни им. — Взмахнув лапой, Асаддам ухватил демона в плаще за ворот и вытолкнул его вперед.

— Эт... это н-новинка, — нервно принялся заикаться тот. Целая жизнь, посвященная возне с разными интересными кристаллами в темных комнатах в любое время дня и ночи, совершенно не подготовила его к подобному выступлению. Сложив чешуйчатые лапы на груди, Лолох похлопывал себя ими по ребрам.

— Просто покажи. Объяснения они все равно не поймут. — Ловким копытом Асаддам дал Лолоху легкий пинок под зад. — Для чего, спрашивается, я весь этот пергамент по коридору тащил? Ну, валяй!

Лолох нервно задрожал и потер ноющие ягодицы.

— Ох-х... значит... просто п-путем утилизации способом протыкания чьего-то опознавательного числа м-можно...

— Я же сказал — покажи! — прорычал Асаддам. — Вот ты, Ублейр, — рявкнул он, тыкая когтем в заднюю часть конторы. — Как зовут твоего последнего иммигранта?

— Модитен де По, — прохрипел Ублейр, читая с последней анкеты. Услышав это, Лолох указательным когтем проделал целый ряд дырочек в верхнем листе пергамента.

— Причина смерти? — прогремел Асаддам, пытаясь скрыть свое возбуждение.

— Козел, — ответил Ублейр.

— Это ты кому? — возопил Асаддам.

— Прошу прощения, здесь, наверно, должно стоять не «козел», а «козлы». Ведь их требуется очень много, чтобы тащить трехтонный фургонный состав, разве не так?

Лолох пожал плечами и сделал единственную добавочную дырочку рядом со второй строчкой, которую он только что выколол.

Асаддам проревел целый ряд вопросов касательно прошлого Модитена де По, его недавней кончины и будущих вечных мук здесь, в Мортрополисе. Весь материал был вполне обычный. Целая жизнь, проведенная в изъятии драконовских доплат с клиентов его транспортной компании, каралась двадцатью часами катания камней вверх по бесконечному склону в сутки — и так всю вечность. Плюс четыре часа в день подвешенного наказания. Подвешенного не в том смысле, что отложенного, а в том, что заключалось оно в макании преступника головой вниз в ямы с экскрементами — за ложь. При каждом ответе Лолох проделывал в пергаменте ряд аккуратно выбранных дырочек.

Контора демонов озадаченно наблюдала.

— К-конечно, как только вы к этому п-привыкнете, все п-пойдет куда быстрее. — Лолох ухмыльнулся, поднимая перфорированный листок.

— А какой во всем этом смысл? — Ублейр почесал за своим остроконечным ухом. — Лично я эти дырки прочесть не смогу.

— Вот именно! — объявил Асаддам. — Ты, ясное дело, не сможешь. Следуйте за мной!

Пятнадцать демонов встали, дружно покачивая головами, и последовали за начальством.

— Ублейр, пергаменты захвати! — крикнул Асаддам, уже выходя в дверь.

— Пергаменты захвати, — проворчал Ублейр. — Тьфу!

Вечно бывало примерно одно и то же. «Почисти мне копыта» или «сваргань мне выпивку». Или что-нибудь того похуже. Вечно вся грязная работа доставалась именно ему. Вот дьявольщина! А чем он такое отношение заслужил? Ну, если не считать того, что проиграл Асаддаму на выборах главного менеджера.

Принимая неизбежную команду с очередной меловой галочкой на классной доске грядущего возмездия, Ублейр выволокся в дверь следом за удаляющейся толпой демонов. Копыта его громко щелкали по мраморным ступенькам лестницы, пока он озадаченно следовал за всеми. Пройдя целый ряд незнакомых коридоров, они в конечном итоге остановились перед совершенно не примечательной на вид дверью. К тому времени лапы Ублейра уже вовсю ныли от тяжести пачки пергаментов.

Асаддам радостным взмахом сияющего копыта распахнул дверь и поманил всех в темноту.

Воздух там, как и повсюду в Уадде, вонял примерно так же скверно, как трехмесячной давности майонез, и дымился на шестистах шестидесяти шести градусах по Фаренгейту.

— Лолох, свет! — приказал Асаддам, и после короткой заминки дюжина лавовых ламп ожила. — Вот оно...— прошептал главный менеджер с преувеличенным ужасом и благоговением, — смотрите, будущее!

— Где? — осведомился Ублейр.

— Вот тут! — Асаддам указал на то, что выглядело как большой и аккуратно обтесанный до правильной формы кусок скалы.

— Но это просто большой и аккуратно обтесанный кусок скалы, — прохрипел Ублейр, глазея на обширную обсидиановую плиту. И в дополнение к своим бедам тут же получил быстрый удар копытом в живот.

— Невежда. Вот почему ты теперь сидишь там, где сидишь. Покажи им, Лолох.

Демон в плаще протолкнулся сквозь кучку конторских служащих и уселся на подходящий кусок скалы. Издав согнутыми когтями неприятный щелчок, Лолох повернул маленький круглый клапан и улыбнулся, когда перегретый пар со знакомым шипением заструился в каменную плиту. Внутри сложный набор клапанов и разных переключателей тут же исправно зашипел и защелкал. Лолох открыл еще один клапан, и ток магмы равномерными пульсациями неслышно заскользил вверх. Считанные секунды спустя в обсидиановом окошке возникло багровое свечение, регулярно пульсируя на всем пространстве плиты. Если бы кто-то из демонов присмотрелся повнимательней, он смог бы разглядеть целый лес капилляров, вырезанных по ту сторону полупрозрачного черного стекла.

Демон в плаще потянул за рычаг, глубоко внутри плиты послышалось щелканье клапанов, и ток магмы был направлен к задней части экрана.

Конторские демоны ахнули, когда волна багровых букв вплыла в поле зрения на бесшовном черном экране.

ГОТОВО... — значилось там.

Лолох с ухмылкой обернулся:

— Пергамент, пожалуйста.

— Ублейр! — проревел Асаддам, заглушая непрерывное шипение обсидиановой плиты. — Шевелись!

Встряхнув головой, Ублейр подался вперед под тяжестью перфорированных пергаментов. Лолох указал на тонкую щель в боковой стенке черного устройства.

— Вставьте его сюда, — добавил он в порядке объяснения.

Сбитый с толку Ублейр повиновался, направляя лист в узкое отверстие. И тут же с визгом отскочил назад, неэлегантно растягиваясь на полу, когда пергамент сам собой всосался внутрь аппарата. Струи пара засвистели внутри, клапана и переключатели громко защелкали, а затем экран внезапно заполнился полчищем угловатых букв.

Челюсть Ублейра отвисла, когда он посмотрел на слова.

ИМЯ: МОДИТЕН ДЕ ПО
П.С.: КОЗЛЫ

И там был еще текст. По сути, все, что он зачитал Лолоху несколькими минутами раньше.

— Н-но к-как? — выдохнул один из демонов, охваченный благоговейным страхом.

— Расположение дырок в высшей степени специфично и используется для направления крошечных струек пара в блок высоко чувствительных... — начал Лолох.

— Оно его читает! Больше вашей шарашке и знать ничего не требуется, — перебил его Асаддам. — Вот оно, будущее. — Кривой коготь главного менеджера дрожал, пока он указывал на обширную черную плиту.

— Что? Разумные скалы? — осклабился Ублейр, с трудом поднимаясь с пола.

— Строго говоря, как таковые они не разумны, однако... — начал Лолох.

— Да заткнись, — прорычал Асаддам, после чего повернулся к Ублейру: — Будущее за автоматизацией. Эта штуковина может обрабатывать тысячи анкет вновь прибывших клиентов за малую долю того времени, которое требуется всей вашей ораве. Короче говоря... эффективность!

Ублейр нервно сглотнул, внезапно ощутив, что его запросто можно заменить блестящим куском черной скалы.

— Ну все, раздолбаи, марш обратно в контору, — приказал Асаддам. — Лолох покажет вам, как вводить всякую всячину в эту... в этот...

— Э-э... в Кристаллический Анализатор Лолоха, — предложил Лолох в приливе скромности, обычно не свойственной тем, кто обладает демонической природой. — Или... можете для краткости использовать аббревиатуру КАЛ.— Он трогательно улыбнулся.

Покачав головой, Ублейр направился к двери.

— А тебя, Ублейр, — прорычал Асаддам, крепко хватая его за горло, — я попрошу остаться. Я не желаю, чтобы моя новая технология, мои чудесные новенькие куски КАЛа были заляпаны вашими грязными когтями. По крайней мере, за неделю до ежегодной инспекции повелителя скверны д'Авадона.

— Вот так сюрприз, — еле слышно выдохнул демон.

— А потому для тебя, Ублейр, у меня есть кое-что куда более подходящее. Так сказать, работа с повышением.— Черные чешуйчатые губы Асаддама скривились в усмешке злобного торжества.

Пожав плечами, Ублейр мысленно начертал еще пару галочек на своей классной доске ненависти. Всякий раз, как Асаддам представлял очередную из своих «эффективных» систем, для кого-то она оборачивалась целым ворохом дополнительной работы. И этим кем-то неизменно оказывался Ублейр.

— В одном из подвалов есть пятьдесят три картотечных шкафа, которые нужно оттуда убрать. Так что приступай!

Получив набор дальнейших директив, Ублейр пулей вылетел из комнаты после крепкого пинка под зад от главного менеджера Мортрополиса.

Изрыгая проклятия, Ублейр привалился плечом к двери подвала и толкнул. Проклятая дверь опять отказалась поддаваться. Но ведь это было то самое место? Безусловно, Асаддам не стал бы посылать его сюда охотиться за дикими скалодонтами. Ублейр встал и задумался.

Существовал только один способ это выяснить.

Скрипя клыками, Ублейр отошел подальше от сланцевой плиты, сжал кулаки и бросился. Искры летели из-под его копыт, пока он разгонялся, разворачивался боком и врезался плечом в квадрат двери точно посередине. С грохотом землетрясения дверь распахнулась, и Ублейр кувыркнулся в угольно-черную сеть кремниевых

паутин, неловко приземляясь на дальний шкаф. Ноги его оказались на полпути вверх по стене. С того, что служило здесь потолком, удушливым штормом серых хлопьев заклубилась пыль, надежно забивая ему ноздри.

Какое-то время Ублейр просто лежал там, лелея глубоко внутри своего разума чувство ненависти и отвращения к Асаддаму, надежно сохраняя его до дня возмездия, когда он, Ублейр, наконец-то займет принадлежащее ему по праву место главного менеджера Мортрополиса.

Затем он захныкал, осторожно посасывая пульсирующий болью коготь. Дьявол его побери, если бы только все тогда повернулось иначе!

Ублейр до сих пор не мог поверить, что проиграл. Дело казалось полностью защищено от любого подвоха.

Все знали о том, как повелитель скверны д'Авадон ненавидит толпу, и о том, что Уадд был битком забит после многих столетий принятия душ для мучений. Все также знали о сомнительных методах работы уаддской избирательной системы — предельно взяточнической и абсолютно коррумпированной. Голос д'Авадона — собственно говоря, единственный голос — с готовностью отдавался тому, кто предлагал наивысшую цену. Столетия тому назад кивок одобрения мог быть обеспечен просто путем помахивания большим мешком с оболами перед рылом повелителя скверны. Однако в нынешние времена требовалась куда большая тонкость. Дело даже зашло гораздо дальше того, чтобы предоставить д'Авадону выбор из широкого ассортимента недавно умерших особ женского пола.

Теперь могло подойти только нечто совершенно сногсшибательное — вроде предложения целого мира, подогретого до уютных шестьсот шестидесяти шести градусов по Фаренгейту, — исключительно для приватного использования этого мира самим д'Авадоном.

И Ублейр мог ему этот мир предоставить. Будь у него только чуть-чуть больше времени. И целая охапка доказательств.

Красочно выругавшись, Ублейр в злобном разочаровании швырнул картотечный шкаф в другой конец помещения, припоминая оскал насмешливого недоверия, расползшийся тогда по широченной физиономии повелителя скверны. Без доказательств он никогда не смог бы заставить д'Авадона поверить в то, что именно он,

Ублейр, несет прямую ответственность за развязывание бушующей Священной войны. А теперь, когда его план поднятия температуры окружающей среды в Тальпийских горах на многие сотни градусов была капитально разрушен... все это оказывалось совершенно безнадежно. У Ублейра не оставалось иного выбора, кроме как провести всю вечность в качестве жалкого орудия в унизительных проектах Асаддама, питая отвращение к каждому мигу этого существования, презирая себя почти так же глубоко, как он презирал Асаддама.

Впрочем, невесть каким образом внутри кружащихся водоворотов отчаяния по-прежнему мерцала маленькая искорка надежды. Должен был найтись какой-то выход отсюда — какой-то способ поменяться ролями. Ублейру всего лишь требовалось найти этот способ, а тогда Асаддам...

— Уже закончил? — проревел Асаддам, скаля клыки, пока он пинком отшвыривал в сторону дверь и вставал силуэтом в дверном проходе. Его заостренный хвост метался из стороны в сторону, точно у злобного кота. — Ведь мы тут баклуши не бьем, верно? Не замедляем мой мотор эффективности?

Лежа на полу, Ублейр посмотрел на главного менеджера и заскрипел клыками. На какое-то мгновение вскипевшая внутри ярость одарила его сетчатку славной галлюцинацией. Он вскочил на ноги, крутанулся и с силой долбанул копытом по ухмыляющейся физиономии Асаддама. Черная кровь хлынула из расквашенного носа, пока Ублейр сжимал кулаки и выдавал целую серию сокрушительных ударов по жирному брюху врага. Асаддам скрючился и рухнул на пол, стеная и хныча, прямо под ноги победоносному Ублейру.

Затем дверь резко распахнулась, и целый рой демонов-охранников ворвался в помещение, размахивая огромными кулаками, готовый мгновенно встать на весьма прибыльную защиту своего шефа...

— Проклятье! — буркнул Ублейр, потерпев поражение даже в своих мечтах. И все-таки должен был найтись лучший выход.

— Работай, дьявол тебя подери! — заорал Асаддам, чьи кривые рога злобно подрагивали. — Живо очисти мне это помещение!

Ублейр с тоской уставился на пятьдесят три картотечных шкафа и изрыгнул проклятие. Тут за дверью послышалось шарканье

копыт, и массивный громила из демонского отродья заслонил тот малый свет, который еще сюда просачивался.

— Или тебе требуется небольшая стимуляция? — осклабился Асаддам.

В этот момент Ублейр понял, что у него есть только два варианта. Делать порученную работу. Или делать порученную работу в страшных мучениях.

Пожав плечами, он приплелся к первому шкафчику и рывком его раскрыл. Позади него по всему наружному коридору разнесся какой-то булькающий голодный рык. Ублейр резко развернулся и увидел, как в дверной проход с трудом протискивается пятифутовое невероятно жирное существо.

— Погодите. Я же обещал, что все сделаю! — запротестовал Ублейр. — Не нужно мне никакой стимуляции... ох-х!

С выворачивающим кишки звуком поскребывания кинжалом по краю тарелки жирное существо пошевелило своим сложным ротовым органом и вздохнуло как цепная пила. Ублейр с тревогой подметил, как что-то вроде слюны смачивает острые лезвия зубов внутри его пасти — глубокой, как пещера.

— Я же вам говорю — никакой такой стимуляции мне не требуется! — пронзительно закричал он, пятясь назад.

Злобно запрокинув голову, Асаддам разразился оглушительным смехом.

— Нет, это не для тебя. Хотя мысль очень заманчивая. Это для содержимого картотечных шкафов.

— Что? — брызгая слюной, переспросил Ублейр.

— Ну, ты, конечно, можешь сжечь весь этот пергамент, если пожелаешь. Но только не в рабочее время, понятно? Короче, корми эту зверюгу всем подряд. Я хочу, чтобы уже до завтра это помещение было очищено!

— Но что... что это такое?

— Последняя разработка экологического отдела. Все начиналось как скрещивание скалодонта с пергаментным жучком, но потом они еще с этим делом малость покумекали. Я его назвал пердонтом. Нравится?

— Весьма милое название... — настороженно пробормотал Ублейр. — Очень подходит.

— Его, между прочим, неделю не кормили, так что я на твоем месте взялся бы за дело как можно быстрее. Не уверен, хорошо

ли он понимает разницу между пергаментом и кое-какими частями твоей анатомии...

Злобно хихикнув, Асаддам резко развернулся на копытах и устремился прочь — вводить безумную политику в огненных ямах страдания.

Пердонт голодно забулькал, усики его тревожно подергивались, пока он пытался почуять в непосредственной близости что-то съедобное.

Ублейр в ужасе вскрикнул и попятился к картотечному шкафу. Кряхтя от напряжения, он вытащил оттуда ящичек и швырнул его в сторону истекающего слюной пердонта. Тот жадно чмокнул жвалами и поднял ждущий взгляд, со смертоносной точностью фокусируясь на плывущем к нему по воздуху угощении. Нечто вроде ухмылки мелькнуло на захлопнувшейся пасти, которая сходила у пердонта за физиономию. Пергамент столетней выдержки, вызревший в сланцевых бочках, идет прямо к нему навстречу... что за наслаждение!

Секунды спустя Ублейр опустошил еще один ящичек в разверстую пасть, ежась от страха, пока бритвенно-острые жвала резали и кромсали в неистовстве пожирания. Горло твари раздулось, глаза захлопнулись, и все содержимое ящичка было проглочено одним тошнотворным глотком. Затем пердонт ухмыльнулся, раскрыл массивную пасть и с энтузиазмом рыгнул. Послание читалось безошибочно. Он хотел еще. Еще. Еще! И немедленно.

Басовое бульканье эхом разносилось по подвалу, пока пердонт облизывал жвала и гротескной клешней выдергивал кусок обложки, застрявший между блестящих зубов. Пристально вглядываясь в него, Ублейр внезапно почувствовал беспокойство. Ему показалось, что, если он срочно не швырнет в эту глотку еще одну стопку пергамента, пердонт живо отхватит ему ногу.

Отчаянно сглотнув слюну, Ублейр резко развернулся и подскочил к следующему ящичку, вытягивая его на свободу и бросая в сторону пердонта. Неведомый Ублейру единственный конверт с пергаментными документами выскочил из-за ящичка и закувыркался на затянутый кремниевой паутиной пол. Обладай конверт глазами, он бы лежал там, моргая и отчаянно стараясь приспособиться к первому свету лавовой лампы, какой ему удалось узреть впервые за многие столетия.

Пердонт, в неистребимой тяге к новой порции древних документов, буквально выхватил ящичек из рук Ублейра и заглотил

всю массу за рекордное время, закончив акт кошмарным чмоканьем бритвенно-острой аппаратуры. Шокированный такими темпами прожевывания, Ублейр крутанулся на месте, а затем ринулся к очередному шкафу.

Заметив лежащий на полу конверт, демон схватил его, прицелился в пердонта и наверняка швырнул бы документы в разверстую пасть, не успей багровые щелки его глаз сфокусироваться на крупных красных буквах, что ухмылялись на передней стороне конверта.

Секретно! Совершенно секретно!
Даже не думай это читать!
Да-да. Именно ты!

Ублейр на секунду застыл, нервно огляделся и ухмыльнулся, собираясь открыть конверт.

Но тут он тревожно вскрикнул и уставился на свои когти. Ярко-синие ледяные искорки проскочили между кончиками его когтей в жгучем морозном тумане. Ублейр машинально отшвырнул конверт, с жалобным воплем засовывая лапу себе в пасть.

Сложные глаза пердонта сосредоточились на кувыркающемся документе, с жадной точностью отследили его скорость и траекторию. А затем, точно черная вспышка, язык твари выстрелил вперед, выхватил конверт из воздуха и хлестко отправил его в объемистое брюхо. Ублейр озадаченно перевел взгляд со своих когтей на существо. Лапы его дрожали от ледяного холода, голова раздраженно гудела. Что это было? Могло оно стать для него полезным? Теперь он уже никогда этого не узнает.

Тогда Ублейр зарычал, выдернул еще один ящичек из шкафа и собрался было швырнуть его в пердонта. Но ему этого сделать не удалось.

Только когда усики пердонта вдруг резко выпрямились, сам он наглухо захлопнул пасть, а его фасеточные глаза заморгали, Ублейр сообразил, что случилось что-то неладное. С отвисшей челюстью он наблюдал, как жвалы пердонта тревожно сжимаются от вспучивания у него в желудке — вернее, в том месте, где по идее должен был находиться его желудок. Фасеточные глаза пердонта обалдело собрались в кучу, затем последовала сдавленная отрыжка, щеки существа раздулись, и морозный дымок заклубился по краям того, что сходило за его губы. Пердонт прижал клешню к

пасти, и тут Ублейр сообразил, что ему пришла пора поискать надежного укрытия.

Самая пора. Сейчас же, и ни секундой позже.

С последней отрыжкой, которая прозвучала как досадливое кряхтение, весь подвал наполнился басовым рокотом внутренностей пердонта, а секунду спустя весь воздух там наводнился массой недавно прожеванных пергаментов. Фрагменты мокрых документов расплескались по стенам и картотечным шкафам. Куски вымоченных в слюне инвентарных описей сами собой расклеились по всему помещению.

Несколько минут Ублейр, подрагивая, лежал за шкафом. Когти его тряслись от жуткого холода, а единственным звуком во всем помещении оставались регулярные шлепки кусков влажного пергамента, что соскальзывали на пол.

Нервно выглянув в этот хаос, Ублейр затаил дыхание. В другом конце подвала, весь усеянный искромсанной документацией, одиноко сидел пердонт. Усики вяло распластались по его рылу. Чудище скулило как щенок, который съел что-то такое, что в корне не согласилось со своей судьбой.

Еще более удивительным, нежели предельно горестный и страдающий несварением желудка пердонт, оказался странный объект, слабо светящийся на полу перед тварью. Там, совершенно не поврежденный недавней попыткой его переваривания, лежал тонкий секретный конверт. Когда Ублейр его узнал, когти его внезапно задрожали, а селезенка взволнованно завибрировала.

Невесть отчего он почувствовал уверенность в том, что больше никто не знает об этом... об этом... о чем?

Ублейр перескочил через шкаф и зашагал к пергаменту, намеренно игнорируя трогательно-умоляющие глаза пердонта, который, судя по всему, винил в этом инциденте именно его. Подобрав доску из обломков шкафа, демон неуверенно потянулся вперед и коснулся конверта. Дикое облачко пара изверглось с поверхности документа, когда Ублейр поддепил его, резким толчком раскрыл и вгляделся в загадочное содержимое.

Багровые щелки его зрачков тревожно расширились, когда демон уставился на старомодные угловатые письмена, не имея ни малейшего понятия о важности сообщения, которое там содержалось.

Фигуры с длинными окладистыми бородами прятались за крупными кусками причудливых скал и украдкой оглядывались по

сторонам. На другой странице целая группа этих фигур ползла к большой дыре в земле. И еще дальше они выглядывали из-за других скал, взирая на тени с хвостами, рогами и зажатыми в когтях трезубцами.

То, что в находке Ублейра было что-то странное, казалось ослепительно очевидно, и хотя он не мог ее коснуться даже когтем (Ублейр аж вздрогнул от этой мысли), он знал, что должен выяснить о ней как можно больше.

Аккуратно завернув конверт вместе с его содержимым в кучку листов пергамента, демон запрятал его поглубже во внутренний карман куртки и продолжил уборку помещения, устраняя оттуда даже самые малейшие признаки того, что там находилось нечто необычное. Решительно ни при каких обстоятельствах Ублейр не собирался позволять Асадаму начать задавать всякие неловкие вопросы о его находке. По крайней мере, пока он сам не узнает, на что же такое ему посчастливилось наложить свои когти.

Ежась и изрыгая обильные проклятия в адрес блюющего пердонта, Ублейр принялся отколупывать с потолка мокрые клочки.

Багряная вспышка молнии изверглась во мрачной атмосфере и шумно прогрохотала по всему подземному царству Уадда. Ее мимолетный блеск вырвал из тьмы множество угольно-черных паромов, бороздящих гнусную жижу реки Флегетон, отрыгивая в воздух облака хтонических дымоуглеродов. Крики измученных душ, не привлекая к себе особого внимания, с трудом просачивались сквозь кипящую жару.

Короче говоря, был типичный хворничный день.

Вернее, это был бы типичный хворничный день, если бы не целая толпа девятифутовых чешуйчатых демонов, что толклись у самого берега. Обычно в это время они сидели в «Гоморре», смакуя лавовые коктейли с таким видом, как будто никакого будущего вообще в помине не ожидалось. Но сегодня было другое дело. Сегодня творилось что-то странное.

Число этих демонов постепенно увеличивалось, пока они наблюдали за деятельностью другой небольшой группы, которая деловито трудилась вдалеке на заброшенном участке речного берега. Одновременно и завороженные, и подозрительные, багро-

вые щелки их глаз подхватывали все подробности этой деятельности и пытались прикинуть, что же там такое творится.

— Ну как, разобрались, что там за ерунда? — прохрипел один из наблюдателей Иммиграционного отдела.

— Не-а, — отозвался капитан Нагльфар, делая могучую затяжку из своей курительной трубки. — Но мне это не нравится. Совсем не нравится. Должна была пройти информация о любых строительных работах. Особенно так близко к пристани. — Он нервно потер значок, который удостоверял его присутствие здесь как представителя Гильдии подземного мореплавания, уполномоченного по спорам, ругани и прочим разборкам. Нагльфар должен был получить законно причитавшуюся ему возможность отвергнуть любое предложение о развитии каждого начинания в самом его корне. С ним следовало проконсультироваться. Ему должны были предоставить время для созыва совещания, на котором было бы решено созвать совещание для обсуждение данного предложения, чтобы Нагльфар затем отменил это совещание по техническим и прочим неудобным причинам для последующего его созыва — через несколько десятилетий, когда вся шумиха уляжется.

Но то, что происходило сейчас, было просто неправильно. Это сильно попахивало эффективностью — а согласно пункту девяносто третьему свода законов Гильдии, «эффективность как теоретическая модель рабочей процедуры приветствуется лишь в том случае, если она не входит в противоречие с текущими рабочими операциями». Все это знали. По крайней мере, капитан Нагльфар полагал, что все это знают. Однако с тех пор, как был избран новый главный менеджер, далеко не все вещи подвергались обработке в надлежащей бюрократической манере.

Заинтересованные охи и ахи зарябили по всей группе, когда один из рабочих поволок к месту строительства большую клетку. За считанные секунды этот демон выложил небольшую тропку из камней к размеченной зоне, запрыгнул за клетку и, нервно скребя когтями, открыл дверцу.

Черный панцирь многоногого существа мелькнул в полутьме, животное налетело на скалы и принялось напропалую их рвать, энергично стремясь вперед, чтобы начать поглощение размягченного вещества. Мгновения спустя скалодонт уже вычерпывал фундамент для небольшой будки.

Внезапно для капитана Нагльфара всего этого стало уже слишком. Изрыгая себе под нос обильные проклятия и выдыхая мощные облака едкого трубочного дыма, он с грохотом понесся по скалам. Его копыта выбивали целые россыпи искр, а хвост подергивался.

— Кто здесь за главного? — вопросил он мгновения спустя, разворачивая к себе одного из работников и обдавая его смрадным дыханием. Выпрямившись, один из демонов указал на другого, меньшего по размеру, который в данный момент вытащил из кармана что-то ярко-красное и блестящее и начал торопливо туда говорить. Позади Нагльфара пара работников сгружала с плоской телеги что-то длинное и тяжелое.

— Вас не затруднит в точности рассказать мне, что здесь происходит? — прорычал Нагльфар, заглушая шум увлеченно глодающего скалодонта. Невысокий демон отмахнулся от него лапой и продолжил говорить. Спинные шипы Нагльфара тут же встали торчком в предельном раздражении.

— Да вы хоть знаете, кто я такой? — возмутился он.

Демон обернулся, приложил коготь к своим черным губам и продолжил говорить.

По своему обыкновению просьбу о молчании Нагльфар полностью проигнорировал.

— Последние двенадцать столетий я был законно избранным представителем Гильдии подземных паромщиков... — властно разбушевался он.

— Послушайте. Вы что, не видите, что я занят? — прохрипел дьявол. Быстро прошептав в свою ярко-красную штуковину несколько последних слов, он добавил Нагльфару: — Немедленно уходите. Высший приоритет! — Затем ловким взмахом лапы он запустил ярко-красный мудемм в воздух. На мгновение челюсть Нагльфара вяло отвисла, пока он наблюдал за там, как насекомоподобное существо выпускает четверку кремниевых крыльев и стремительно уносится в направлении центра Мортрополиса. Ничего подобного ему еще видеть не доводилось.

— Меня зовут Церетель. Я здесь прорабом, — непринужденным тоном сказал дьявол. — Чем могу служить?

Двенадцать столетий опыта резко вошли в работу внутри Нагльфара, когда он указал загнутым когтем на фундаменты, выгрызаемые из скалы:

— Что это такое?

— Только не говорите мне, что никогда раньше не видели подобных фундаментов, — начал Церетель. — Клянусь дьяволом, я думал, о таких вещах известно всем...

— Что вы собираетесь здесь поставить? — прорычал Нагльфар, стремительно теряя все остатки того, что сходило за его терпение. Струйка дыма поплыла от его ноздри, пока он выпрямлялся на все свои девять футов. — Что здесь должно быть воздвигнуто?

— Вы хотите сказать, что не знаете?

— Если бы знал, не спрашивал.

— Да, пожалуй, вы бы не спрашивали, — задумчиво произнес Церетель, после чего погрузился в молчание. Высоко наверху ярко-красный мудемм стремительно порхал в сторону страхоскребов Мортрополиса.

— Так что это такое? — прорычал Нагльфар.

— Не могу вам сказать, — ухмыльнулся Церетель. — Режим, знаете ли...

Спинные шипы Нагльфара злобно выгнулись.

— Режим? — проревел он. — Как законно избранный представитель Гильдии подземных паромщиков по спорам, ругани и прочим разборкам, я должен быть в полном согласии с правилами информирован о всяком развитии, которое имеет хоть какое-то отношение к нашим рабочим процедурам.

— Извините, приятель. Все заинтересованные стороны были проинформированы... ох-х! — Схваченный за горло, Церетель повис на конце лапы Нагльфара.

— Кроме меня! Покажите мне планы! — заорал Нагльфар.

Пока Церетель постепенно приобретал малиновый цвет лица и прикидывал, как долго ему еще удастся хранить молчание на предмет планов, далеко в Мортрополисе, в здании Греховной службы полный набор кривых ярко-красных когтей раздраженно застучал по усеянному пергаментами обсидиановому столу.

— Чтоб его черт подрал! — прорычал Асаддам, разглядывая недавно доставленное письмо. — Это не предложение, это форменное оскорбление! Интересно, сколько, по его мнению, в нынешнее времена стоят муки? Вот, посмотри!

Он толкнул письмо через стол своему главному финансисту Асмодеусу.

— Гм, — хмыкнул демон с хрустальным пенсне в форме полумесяца на носу. — Судя по всему, наш друг еще не вполне адекватно воспринимает концепцию свободного рынка мук.

— Шейтан? Друг? Геенский волк ему друг! — Асаддам выхватил из пачки пергаментов еще один лист и злобно воззрился на него. Перед щелками его зрачков поплыли цепочки цифр.

— Возможно, если проинформировать его обо всех последствиях неуплаты за использование наших бесподобных пыточных устройств, ему удастся прийти к более ответственной точке зрения, — залебезил Асмодеус.

— Например? — прорычал Асаддам.

— Ну, если бы, к примеру, небольшой анонимный мудемм во время грядущей инспекции прошептал в ухо нашего дражайшего повелителя скверны д'Авадона, что проклятые души в бассейне Аррениуса в последнее время не так уж и мучались. Э-э... по крайней мере, не столь тяжко, как им положено. Тогда, может статься, были бы предприняты определенные шаги. Сколькими пыточными агрегатами оперирует в данное время Шейтан?

— Ну, я...

— Способны ли они создавать постоянное заграждение из боли, страданий и мук, которое приличествует названию Уадда? Разве всем и каждому не известно, что во всем, что касается всеобщей профессиональной вечности проклятия, Мортрополис не может быть превзойден? Мы способны обеспечивать своим клиентам дополнительные бассейны с экскрементами, предлагающие прямое или извращенное использование, целый ряд наклонных плоскостей с пригодными для катания валунами, снабженными наилучшим устройством смещения перспективы «верх-низ», эксклюзивные болота с бурлящими ямами, лучшие котлы с кипящей смолой... И этот список растет почти ежедневно.

— Возможно, с более широким маркетингом... — задумчиво произнес Асаддам.

— Но разве не было экспериментально доказано, что недостаточный уровень упомянутых боли, страданий и мук имеет прямую причинно-следственную связь... — Асмодеус подался вперед через стол и прошептал прямо в остроконечное ухо Асаддама: — С легкомыслием?

— Тс-с! Не надо об этом упоминать. Это просто омерзительно!

— И я уверен, что его архивульгарность, наш дражайший повелитель скверны д'Авадон, испытывает в этой связи еще более сильные чувства.

Асаддам задрожал и бросил быстрый взгляд через плечо. «Это слово на букву „л" — подумал он. — Проклятый денежный мешок упомянул в моем кабинете слово на букву „л"».

Асмодеус откинулся на спинку вращающегося кресла и смущенно ухмыльнулся себе под нос, снова ощущая победу.

— Таким образом, когда Шейтану откроется, что его ведомство капитально недоукомплектовано в смысле вечных мук, за этим воспоследуют несколько столетий сосредоточенности на активном извлечении своих природных ресурсов. Уверен, он увидит ясный и долгосрочный смысл выплачивания небольшого гонорара за то, чтобы нужные ему муки проводились именно здесь.

— Об этом и речь, — прорычал Асаддам, швыряя еще один недавно полученный лист пергамента главному финансисту. — Об этих самых природных ресурсах, о которых ты тут болтал... Шейтан, этот паршивый ублюдок, недостойный славного имени дьявола, хочет, чтобы я за них заплатил!

— Но здесь только лава и сера. Без них, безусловно, можно обойтись...

— Да? И как? Тебе часто случалось холодной кочергой превращать нежные органы мучимых душ в гноящиеся раны страдания? И ты в самом деле думаешь, что чаны с кипящей смолой нежным летом будут по-настоящему эффективны? Не сомневаюсь, д'Авадон сильно изумится, если обнаружит, что Мортрополис предлагает исключительно оздоровительные сауны VIP-класса!

Нервным когтем Асмодеус постучал по своему пенсне.

— Я вижу здесь определенную дилемму... — осторожно пробормотал он.

— Да, в самом деле? Видишь? Ни хрена ты не видишь! Позволь, я кое-что еще тебе объясню...

К счастью для Асмодеуса, ему так и не удалось выяснить, чем было это «кое-что еще». Внезапно в небольшой трубке, что проходила сквозь листовое кварцевое стекло, раздался стук — и ярко-красное насекомоподобное существо с гудением пролетело мудеммный порт.

— Пергамент. Пергамент, живо! — заорал Асаддам, заприметив возбужденные движения существа с кремниевыми крыльями.

Асмодеус бросил пачку пергамента на обсидиановый стол и в изумлении стал наблюдать, как выращенный благодаря неустанным трудам сотрудников недавно учрежденного научно-исследовательского экологического отдела Греховной службы Мортрополиса мудемм подлетает и пристраивается в верхнем левом углу листа. Острый как игла хвост высунулся из брюшка насекомоподобного существа и принялся выкалывать ряд булавочных дырок на пергаменте. Когда очередная буква сформировывалась, мудемм отпрыгивал вбок и начинал заново, колотя хвостом пергамент с поистине разрушительной эффективностью. Физиономия Асаддама разошлась в широкой ухмылке, пока он наблюдал за фуикционированием существа, наслаждаясь поразительным прогрессом уаддских коммуникационных средств.

Впрочем, стоило только главному менеджеру прочесть все сообщение, как его физиономия тут же сделалась кислой.

— Чтоб этих долбаных паромщиков черт подрал! — завопил он и во вспышке гневных проклятий буквально вылетел из кабинета.

С трудом сглотнув, Асмодеус уставился на сообщение, настраивая свои глаза на чтение вверх ногами. Брови его заметно приподнялись, когда он все это прочел.

«Асаддаму, главному... ну, короче, он сам знает, а у меня нет времени напрягать мозги и вспоминать, как правильно к нему обращаться. Особенно сейчас, когда эта кодла уже здесь и вид у нее такой подозрительный. Ага, вот они уже и идут.

Так-так, спокойствие, только спокойствие. Асаддам алейкум. У нас тут... гм-м... небольшие проблемы. Нагльфар наседает. Я постараюсь удерживать его до тех пор, пока... Послушайте. Вы что, не видите, что я занят?.. Скорее сюда. Конец связи.

Немедленно уходите. Высший приоритет».

В недрах страхоскреба Греховной службы Ублейр вытер тыльной стороной лапы в равной мере чешуйчатый лоб и стал наблюдать за тем, как пердонт в муках пробивает себе дорогу сквозь последние остатки пятьдесят третьего картотечного шкафа.

Одной вещью, которую Ублейр очень скоро обнаружил, являлось то, что пердонт обладал способностью к запоминанию примерно такой же, как у средней золотой рыбки. Через шесть секунд

после перенесения самого тяжелого приступа рвоты во всей своей жизни пердонт поморгал, огляделся и явно призадумался, откуда вся эта пакость взялась. Подобным тварям на самом деле не полагалось испытывать кошмарную боль в животе. Кроме того, они на самом деле терпеть не могли вкус огнеупорного пергамента, а также не были способны прожевывать картотечные шкафы из лучшего сланца. В результате не потребовалось длинных уговоров, чтобы убедить жуткое существо в том, что оно на самом деле хочет сожрать все в помещении, исключая Ублейра.

Это отсутствие даже малейшей долговременной памяти было неудивительно — вся тварь оказалась сконструирована таким образом. Поскольку исследовательско-экологический отдел Мортрополиса безжалостно заострил ее голодные рефлексы и неколебимо урезал то, что сходило за ее мозг, теперь она была почти непрерывно голодна и практически ничего не помнила[1]. Последняя мера была предпринята из соображений безопасности, на которых настаивал Асаддам. Главный менеджер логично рассудил, что негоже будет пердонтам свободно расхаживать повсюду — цитируя, подобно непризнанным трагикам, целые пассажи из предельно секретных документов. Короче говоря, слишком уж это было рискованно.

Ублейр обшарил весь подвал на предмет любых свидетельств своего недавнего загадочного открытия, после чего ухмыльнулся

---

[1] Ранние попытки выкармливания пердонтов не обошлись без свой доли промашек. Так, был выращен целый помет, совершенно не способный вспомнить, что такое дрессировка в пещере. К счастью, было обнаружено, что листы с изображением демонов в различных непристойных позах самым что ни на есть замечательным образом воздействуют на пердонтов, которые после их пожирания обретали минимальную память, а также прекрасно удобряли своим калом целые клумбы обильно произрастающих в Уадде оградиолусов.

Весь тот помет был целиком направлен во дворец повелителя скверны д'Авадона у берегов Стикса, после чего тамошние живые изгороди стали завистью всего Уадда, а полы экологического отдела Мортрополиса по сей день являются наиболее защищенными от ударов копыт.

Позднейшие поколения пердонтов были к тому же оснащены инстинктом навещать бассейны смрадных экскрементов всякий раз, когда возникала соответствующая потребность,— обеспечивая таким образом возможность того, чтобы все в Уадде (не считая несчастных душ, приговоренных к вечному проклятию внутри упомянутых бассейнов) проводили время, не рискуя наступить в какую-нибудь липкую гадость на мостовой.

голым стенам и исчез за дверью. Пердонт наблюдал, как он уходит, слегка покачиваясь на своем обширно раздутом брюхе. Несколько секунд он отчаянно хватался клешнями за пол, стараясь последовать за хозяином и насытиться еще какой-нибудь вкуснятиной, но затем остановился, поморгал глазами и попытался прикинуть, за кем именно он собирается последовать. Лениво оглядев помещение, пердонт впервые в жизни не увидел ничего съедобного, а затем напрочь забыл, что ему вообще-то полагается быть голодным.

Прижимая заветный пергамент к груди, Ублейр во весь опор пронесся по коридору, на том же полном ходу прогрохотал по нескольким лестничным пролетам и вылетел во вращающиеся двери здания Греховной службы. Считанные секунды спустя он оказался в толпе удрученно шаркающих душ, что влеклись к следующему месту своих мучений. Злобно рыча, Ублейр когтями пробил себе дорогу сквозь толпящиеся тела и наконец оказался у особенно антисанитарных задворок «Гоморры», что располагалась в Шанкере — деловой части Мортрополиса. Обычно после работы Ублейр этого места избегал, но сегодня была другая история.

По самый пояс во всем этом деле, демон Бубуш отчаянно старался не думать о том, чем была вся эта масса, прежде чем прошла через желудки завсегдатаев «Гоморры». Казалось, тяжелая масса лавовых мартини и всей остальной дряни преодолела нечто еще более пакостное, чем кишки демонов. Бубуш поправил носовую прищепку, снова ухватил свою лопату и с покорным упорством принялся атаковать противоположный берег.

— Исправительные работы! — хрипло прорычал он себе под нос. — У-у, Асаддам! Ну погоди! Чтоб тебя черт подрал! — Его лопата заскребла по каменистому дну и отколола еще один крошечный кусочек. В таком темпе у Бубуша должно было уйти доброе десятилетие на то, чтобы перенаправить этот поток в тот, что обеспечивал дерьмом бассейны экскрементов вони и беспутства. Прошло уже три месяца с тех пор, как приговор вступил в силу, а он разве что на три дюйма продвинулся.

Заскрипев своими демоническими клыками, Бубуш изрыгнул очередное проклятие. Все сложилось бы совсем по-другому, если бы только не пошло вкривь и вкось. Если бы его только не

застукали с расстегнутой ширинкой на месте преступления. Если бы только д'Авадон вовремя появился на этих дьяволом проклятых выборах, а не тремя днями раньше, они бы предложили ему самую славную взятку, какую он когда-либо получал. За свой единственный и неповторимый голос он смог бы получить все Надземное царство. Все-все. Прямая связь уже была налажена и надежно работала. Тысячефутовая трещина вовсю изрыгала массивные объемы уаддской атмосферы над Тальпийскими горами. Температура поднималась стремительно; все в округе начинали дуреть. Все должно было сработать просто идеально и предельно безжалостно.

Если бы только безмозглая птеродактилица д'Авадона не поймала своими проклятыми крыльями восходящий поток газа и не обрушилась прямиком на пентхаус конторы ООО «Трансцендентальные круизы». Следовало ли упоминать о том, что она подчистую его разрушила! Теперь шансы Бубуша и Ублейра на избрание их главными менеджерами были куда меньше тех, что имелись у среднего пердонта на выигрыш главного приза Подземного царства за лучшую память.

Только одна-единственная вещь пришлась очень кстати. ООО «Трансцендентальные круизы» оказалось после упомянутого инцидента в такой глубокой потенциальной яме, что никто так и не сумел докопаться до правды о том, что же именно они с Ублейром готовили. Как ни удивительно, Асаддам поверил его лживой болтовне про использование изворотливых нелегальных иммигрантов для расширения конторы. Бубуш ожидал, что ему пришьют пару сотен лет за различные махинации с расширяющейся собственностью без разрешения на планирование, используя для приговора в виде нестандартной трудовой повинности как упомянутую причину, так и причинение избыточных травм личному транспорту д'Авадона. Однако вместо этого его взяли да и приговорили к исправительным работам. Три столетия одиночества казались почти роскошью в сравнении с подобным наказанием.

Оглядевшись вокруг себя, Бубуш еще раз зарычал. На сей раз Асаддам зашел слишком уж далеко. Исправительные работы? Да будь он проклят! И будь проклят Ублейр! Как крепко он держал свой вонючий рот на замке насчет их партнерства, потому что проиграл! Будь проклят этот склизкий сукин сын дьявола, по уши погрязший в иле и...

— Привет, Бубуш, — крикнул Ублейр с наигранной веселостью. — Славный денек, не правда ли? — Его коготь задел пергаментный пакет глубоко в кармане.

— Угу, конечно, — рявкнул в ответ Бубуш, втыкая свою лопату и складывая руки на рукояти. Змея жгучего гнева извивалась у него в нижнем кишечнике. «Спокойно, спокойно, — сказал он себе. — Нет смысла вгонять себя в ярость и немедленно пытаться осуществить возмездие». Это блюдо всегда было лучше подавать холодным. И еще Бубуш знал, что дольше всех наслаждается тот, кто последним обедает.

— Просто идеальный денек! — радостно произнес демон. — Самый лучший для того, кто вот так в дерьме по пояс стоит! — добавил он, как ему казалось, с самым минимумом сарказма.

— Э-э... я совсем не это имел в виду...

— Да? Чего же тебе тогда надо? Пришел позлорадствовать, верно? Пришел ощутить превосходство и самодовольство, потому что тебя к этим долбаным исправительным работам не приговорили? — Струйка гневного дыма потянулась из его ноздри, преодолевая преграду в виде носовой прищепки. Следовало сказать, Бубуш был не на шутку зол.

— Но я...

— Я здесь уже три месяца торчу, а ты даже ни разу не пришел меня навестить! Что ж, спасибо тебе большое.

— Я бы пришел, но я...

— Тебе следовало вместе со мной здесь париться! — прорычал Бубуш.

— Давай не будем так торопиться, ага? Я хочу тебя попросить об одной услуге.

— Об услуге? Вот это мило! — проревел Бубуш, вовсю истекая сарказмом и канализационными стоками.— Ты оставляешь меня здесь одного разгребать дерьмо, но как только тебе требуется услуга, тут же следует: «Привет, Бубуш».

Несмотря на бурлящую наружность, внутри у него оставался маленький фрагментик, который разрывался от острого любопытства. Услуга, значит? То есть Ублейр хочет сказать, что у него есть проблема, с которой он сам справиться не в состоянии? Если он просил об услуге Бубуша, рискуя, что его с ним увидят, тогда это должно было быть что-то очень серьезное. И даже волшебное. Ведь Бубуш был настоящим спецом по всему волшебному. А для

беспомощного демона, застрявшего в расщелине с дерьмом, «услуга» Ублейру была в высшей степени интересна.

Но прямо сейчас существовала более насущная, пусть даже ребячливая задача, с которой следовало разобраться. Самая пора была так пристыдить Ублейра, чтобы он никогда этого не забыл.

— Надеюсь, ты очень доволен тем, как все повернулось, — начал Бубуш, жалобно подвывая. — Или тебе все-таки стыдно, а? Я хочу сказать, ведь ты даже не попробовал как-то со мной связаться. Ни малейшего намека на соболезнование или сочувствие...

— А чего ради?

— Ты, тварь бездушная... Кстати, а Кременюга? Она пропала! — простонал Бубуш. — Я теперь любимой скалодонтки лишился!

— Ну, они обычно особенно долго не живут...

— Я с ней не расставался годами...

— Но в округе имеется и масса других, — настаивал Ублейр.

— Они не такие, как Кременюга. Чего стоил один тот кристально чистый бриллиантик на ее передней лапке! А как она поскрипывала своими жвалами от восторга, когда я ей наждачил брюшко! — Бубуш всхлипнул. Порой он даже задумывался, что для него было хуже. Эти исправительные работы — или то, что от него, отчаянно кричащую и отбивающуюся, уволокли Кременюгу.

— Я тебе вот что скажу, — ухмыльнулся Ублейр. Жалкие попытки Бубуша потянуть за какие-то его сердечные струны целиком и полностью провалились. Почти определенно это было связано с тем фактом, что в возрасте трех тысячелетий Ублейру их просто хирургическим путем удалили.

Среднему демону сердечные струны были так же полезны, как постоянно жалующийся на аппендицит пациент в классе анатомии.

— В общем, если ты мне окажешь эту услугу, я тебе подыщу другую скалодонтку.

— Я не хочу другую! Я хочу, чтобы ты мне вернул Кременюгу!

— Послушай, это очень тяжко — быть бессмертным. Сам подумай. Любимцы без конца издыхают...

— Что? — в шоке завопил Бубуш. Неужели у Ублейра были какие-то новости о его любимице? Внезапно три последних месяца одиночества тяжким грузом повисли на несчастном демоне. Не-

ужели Ублейр был прав? Неужели Кременюга и впрямь протянула свои милые лапки? — Так ты говоришь, она у... у?.. — И тут пришел прилив холодного гнева. — Почему же ты мне не сказал? Ты, тварь бессердечная...

Ублейр на несколько секунд пришел в замешательство.

— Тебе не сказал? — переспросил он, осторожно задумываясь, не могли ли исправительные работы иметь более серьезных и долгосрочных эффектов, чем он вначале себе представлял. Все это было еще хуже, чем ему казалось. Бубуш явно пребывал в отчаянии. И все из-за какой-то дурацкой скалодонтки. Способен ли был демон, находящийся в таком состоянии, разрешить загадку, что таилась у Ублейра в кармане? Не был ли его приход сюда крупной ошибкой? Если найдутся какие-нибудь любопытные глаза, которые засекут его вместе с Бубушем, тогда... ох-х! Ублейр содрогнулся, подумав о том, какие превосходные исправительные работы сможет измыслить для него Асаддам.

— Я знал, что в этих спецзагонах сущая антисанитария, — злобно хныкал Бубуш. — Но мне сказали, что с ней все будет хорошо...

— Погоди минутку. — Ублейр покачал головой, снова настраиваясь на завывания Бубуша. — Спецзагоны? О чем ты болтаешь?

— О Кременюге. Ее забрали. Сказали, что таких привилегий я не заслуживаю.

— А, тогда ничего, — со вздохом облегчения отозвался Ублейр.

Итак, Бубуш все-таки еще сохранил у себя в голове пару-другую мыслительных шестеренок. И по-прежнему мог быть полезен.

— Ничего? Как ты можешь такое говорить, когда ты только что сам сказал, что ее у... у... что ей нанесли непоправимый вред? Ну-ну, погоди, пусть только эти грязные убийцы ко мне в лапы попадутся!.. — Бубуш медленно побрел сквозь поток, крепко сжимая в лапах лопату. Черные чешуйчатые костяшки на его кулаках посерели.

И уверенность Ублейра в удовлетворительном душевном здоровье Бубуша снова ослабла. Сколько же именно мыслительных шестеренок у него все-таки осталось?

— Да нет же, этот как раз ты мне об этом сказал, разве нет? — неуверенно начал он, пытаясь вспомнить весь предыду-

щий разговор и приходя в полное недоумение касательно возможной кончины упомянутой скалодонтки. А пока Ублейр все это прикидывал, Бубуш, весь обтекая дерьмом, взбирался вверх по берегу.

— Нет-нет, погоди! — вскричал Ублейр, хватая Бубуша за руку. — Ведь это ты мне сказал, что ее нет. А я просто попытался утешить...

Бубуш развернулся, гнев его достиг точки кипения.

— Утешить? Так ты это называешь? Ну что ж, тогда в порядке утешения вот этого вот кушанья испробуй.— Мокрая лопата описала дугу в воздухе и вписалась Ублейру точно в ухо, отправляя его на землю. Свиток пергаментов вылетел у него из кармана, ударился об острую скалу и раскрылся. Остальные документы остались на месте, а загадочный пакет с пергаментами пролетел дальше вдоль берега, где остановился у небольшого холмика.

Там он и лежал, полностью приковывая внимание Бубуша и поджигая уровень его любопытства до адского пламени.

— Что это?.. — прохрипел демон, уже занеся лопату над головой для еще одного удара по Ублейру. Несколько мгновений он подрагивал, выбирая между вымещением трехмесячной злости на анатомии Ублейра и тем, чтобы просто на это плюнуть и выяснить больше об любопытном, странно дымящемся конверте.

Ухо Ублейра испытало великое облегчение, когда Бубуш выбрал последнее. Лопата с грохотом упала на землю, и Бубуш завороженно подошел к зловещему конверту. Когти его потянулись...

— Погоди! — прохрипел Ублейр, не обращая внимания на стремительно распухающую губу. — Не бери его без...

Вопль демонического страдания уведомил Ублейра, что его предостережение самую малость запоздало.

— ...перчаток, — закончил Ублейр, когда Бубуш уже и без него это выяснил. Пока демон тряс когтями в равной мере и от шока, и от боли, конверт по дуге взлетел в воздух, немного покувыркался и, дымясь, нырнул в нечистоты.

Челюсть Ублейра тревожно отвисла. Затем, недолго думая, он схватил лопату и метнулся вслед за булькающими клубами пара. Удачным гребком и резким изгибом лап он выволок на берег конверт вместе с целой лопатой первосортного дерьма.

Оба демона немного постояли, глазея на дымящуюся груду. Загадочный конверт одиноко лежал в нескольких дюймах справа и светился почище новехонького бестселлера в глянцевой суперобложке.

— И что это, по-твоему, такое? — очарованно залопотал Бубуш.

— Не знаю, — признался Ублейр. — Даже пердонт не смог с него хотя бы конверт прожевать.

— Что? Это попало внутрь пердонта?

— Угу. Но надолго там не задержалось.

— Ух ты! — прохрипел в высшей степени удивленный Бубуш.

Ублейр схватил остатки своей пергаментной упаковки и осторожно обернул ими конверт.

— Думаю, тебе следует дать кое-какие объяснения,— негромко пробормотал Бубуш. — И по-моему, лучше начать с самого начала. Кто такой пердонт?

Старательно игнорируя страдания прораба Церетеля, пока тот болтался в когтях капитана Нагльфара, работники продолжали заниматься своим делом. Все они совершенно четко сознавали, что шансов получить хоть малую долю обола из крепкого кулака Асаддама, если они не закончат работу вовремя, у них было не больше, чем шансов загнуться от удара пущенного ребенком снежка. А потому, по-прежнему не поднимая голов и думая исключительно о своей желанной зарплате, они вовсю корпели позади бурлящей толпы раздраженных демонов.

Вскоре работники торопливо воздвигли пару здоровенных будок, каждая из которых имела с одной стороны щель и горизонтальную рукоятку, по-прежнему обтянутую тонким пузырчатым материалом. По прямой линии к концу паромной пристани уже тянулся участок параллельной ограды.

Громадный демон забрался на крыши двух будок, прикрепляя туда то, что казалось большой доской. Доска эта была покрыта каким-то особенно пузырчатым материалом.

— Покажите мне планы! — настаивал капитан Нагльфар, обратившись спиной к усердно корпящим работникам и слегка покачивая Церетелем, которого он по-прежнему крепко держал за горло.

— Не могу, — едва слышно простонал дико побагровевший дьявол. — Таковы правила!

— Скажите мне, что это такое, — прорычал разгневанный капитан из густого облака едкого трубочного дыма.— Скажите немедленно — или я...

— Сами посмотрите, — подергивая всеми членами, отозвался Церетель. — Вы так и так опоздали. Все уже почти готово.

— Что? — Нагльфар резко развернулся и посмотрел на строительство, машинально бросая Церетеля на землю. В это самое мгновение с барьеров были стянуты все покровы.

Толпа злобных демонов невольно сделала шаг назад и дружно ахнула. Черно-желтые шевроны, что украшали забор на всем его протяжении, могли означать только одно. На берега Флегетона прибыла эффективность.

— Итак, слухи оказались верны! — прохрипел Нагльфар. — Душевые кабинки!

Он уже слышал в «Гоморре» шепотки об этих инфернальных штуковинах. Языки, развязанные слишком многими порциями чистой лавы, выдали страшную правду — получив свои паспорта, проклятые души уже не имели надобности сталкиваться ни с одним демоном, пока они не прошмыгнут за барьер. Иммиграционный отдел уже не являлся необходимостью. Его заменяла автоматизация.

В следующее мгновение пузырчатая обертка была стянута и с вывески над будками. Демоны с разинутыми ртами уставились на витиеватые буквы:

Главное Предприятие Уадда (для вас — просто ГПУ)
приветствует вас в Мортрополисе.
Отчаяние, падение, оскотинивание.
У нас все только самое лучшее!

Гневные крики Нагльфара утонули в аналогичных воплях толпы.

— Вы не можете этого сделать! — заорал он, хватая Церетеля за лодыжку, пока тот отчаянно старался унести копыта.

— Здесь не моя вина! — жалобно ныл прораб, дико извиваясь и пропахивая когтями длинные борозды в каменистом береге, пока Нагльфар тянул его назад.

— Таков приказ. Асаддам велел мне...

— Асаддам! Будь он трижды проклят! — прорычал Нагльфар. — Да как он посмел...

Остальные его слова утонули в яростном реве, когда остальная толпа услышала упоминание имени ненавистного главного менеджера. Без единого слова команды все они вдруг поняли, что им следует делать. Почти как один демоны застроились мимо Нагльфара, выхватили из земли инструменты и, вооруженные ими, бросились в атаку на новехонькие строения. Когти срывали барьеры с петель, копыта барабанили по стенам, выбивая сонмы голубых искр, и за малую долю того времени, которое понадобилось строителям, чтобы их возвести, душевые кабинки были сровнены с землей, а вся ограда порвана в клочья. Затем толпа вихрем пронеслась к плоской телеге, в безумном буйстве ее переворачивая. С телеги соскочила большая клетка, покувыркалась по каменистому грунту и с треском раскрылась. Незримая многоногая скалодонтка внутри нее поморгала, увидела свой шанс и в первый раз за три месяца засеменила оттуда на свободу.

— Ну что, теперь вы довольны? — надменно заорал монстр во главе вновь прибывшего отряда демонов в шлемах. Цепь главного менеджера официозно поблескивала не его чешуйчатой шее.

Нагльфар отшвырнул от себя Церетеля, который задыхающейся грудой рухнул на землю, и криво усмехнулся, когда дьявол лихорадочно засеменил прочь к Асаддаму и его отборной бригаде ментагонов. Было общеизвестно, что Асаддам считает себя более эффективно защищенным в сопровождении этих законно подкупленных молодцев, не желая полагаться на поддержку обычных мортрополитанских стражников.

Верно, это было малость дороговато, но что с того? Асмодеус уже изъял необходимые оболы с десятка законных счетов.

Асаддам сложил руки на груди, наклонил голову на пять градусов влево и вгляделся в оцепенело застывшую толпу, делая пока вид, что никаких развалин у него под ногами вовсе не существует.

— Я спросил: теперь вы довольны? — прорычал он.

— Нет, — начал Нагльфар. — И вы, думаю, тоже. Стандарты строительства, доложу вам, были весьма вшивыми. Ах, какая жалость! Все эти строения следовало снести. Мог произойти несчастный случай, если бы нас здесь не оказалось, чтобы, так сказать, испытать всю эту ерундовину на прочность.

Какую-то секунду Асаддам казался смущенным. Уловив это, Нагльфар погнал дальше.

— Никогда не следует возводить столь сомнительных сооружений. Кто-то явно не подготовил с должной эффективностью всю строительную документацию.

Позади Нагльфара несколько демонов с трудом подавили смешки, когда Асаддам обратил свой гнев на подползающего к нему Церетеля.

— Это правда? — прорычал он, ставя копыто на лапу местного прораба.

— Ах-х... т-так бо́льно...

— Не понял, что? — Асаддам подался вперед и еще сильнее нажал копытом на чешуйчатые пальцы Церетеля.

— Ах-х! Н-нет, не надо!

— Так это правда — то, что он говорит? — проревел Асаддам.

— Да нет же! Они просто взбесились и все тут раскурочили! — воскликнул Церетель.

— Так я и думал, — прорычал Асаддам себе под нос и снова повернулся к Нагльфару: — Ну что ж. Умышленная порча имущества Мортрополиса — так, что ли? — проревел он.

— Моя лапа, — захныкал Церетель, нежно похлопывая по пятке Асаддама. — Вы бы копыто убрали... пожалуйста.

Вытянувшись в полный свой рост, Нагльфар заорал:

— Поскольку я, как законно избранный представитель Гильдии подземных паромщиков...

— Моя лапа... — ныл Церетель, но никто его не слышал.

— ...не был проинформирован о каком-либо запланированном строительстве, — продолжил Нагльфар, — представлялось целиком в моем праве предположить, что данная постройка является незаконной, а следовательно...

— ...вся ваша кодла взяла на себя право ее снести? — закончил Асаддам.

— Что-то в таком роде, — отозвался Нагльфар из тумана едкого трубочного дыма.

— И это не имело никакой связи с тем фактом, что она лишила бы вас работы?

— Меня? Нет-нет, что вы, — с ухмылкой ответил Нагльфар. Как раз у него в данный момент все было в порядке. Как капитан трансфлегетонского парома он бы всегда потребовался для переправы вновь прибывших через реку. Если, конечно, слухи о суб-

флегетонском тоннеле, которые ходили тут и там, в конечном итоге не оказались бы верны. При этой мысли он нервно сглотнул.

— Таким образом, — театрально размышлял вслух Асаддам, — если бы я проинформировал вас и Гильдию о том, что данное строение действительно будет возведено, вы бы его допустили?

— Ну-у...

Багровые щелки зрачков Асаддама еще больше сузились от плохо скрываемого гнева.

— Итак, еще раз, и слушайте внимательно. Если бы я проинформировал вас и Гильдию о том, что данное строение действительно будет возведено, вы бы его допустили?

— Эй, полегче, я думал, у нас здесь демократия,— запротестовал Нагльфар. — Типа один демон — один голос!

— Так оно и есть! — объявил Асаддам с победной улыбкой своего превосходства. — А я — именно тот самый демон, у которого есть один голос. Единственный.

Вконец перемолов костяшки пальцев несчастного Церетеля, Асаддам резко развернулся и затопал прочь от бурлящей толпы демонов. Голова его была запрокинута во взрыве победного лающего смеха. Бывали времена, когда страшно приятно было ощущать себя главным менеджером. И сейчас было как раз такое время.

Церетель корчился за земле, сжимая свою искалеченную лапу и выжигая один из множества убийственных взоров на совершенно этого не сознающим затылке Асаддама.

— Значит, так оно и есть. Эта штука волшебная, да? — с жаром прошептал Ублейр, закончив свое объяснения Бубушу.

— И больше никто об этом не знает? — с дрожью в голосе выдохнул Бубуш. Последние полчаса он так и не сводил глаз с дымящегося документа.

— Тот подвал многие столетия был заперт. Это наша с тобой тайна. — Ублейр почти любовно похлопал по свертку с пергаментом. — Но скажи — что это означает? — энергично нажал он.

— А сколько это будет стоить?

— Как так? — заморгал глазами Ублейр.

— По-моему, ты сказал «окажи мне услугу», — прорычал Бубуш, донельзя изумленный тем, что он сейчас не прыгает на обоих копытах и не предлагает как можно скорее рассказать

Ублейру все о загадочных документах. Может статься, жизнь — вернее, смерть — уже начала его чему-то учить?

— Услуга имеет цену, — уточнил демон. — Так сколько это будет стоить?

— Ну, ты просто посмотри на первые несколько страниц, и я... гм... об этом подумаю.

— Ни хрена подобного, — прохрипел Бубуш, несмотря на то что кончики его кривых когтей буквально чесались от сильнейшего любопытства. Он дьявольски хорошо знал, что стоит ему только заглянуть внутрь, он тут же проиграет. В этой пачке пергаментов таилось что-то необыкновенно захватывающее. И не в последнюю очередь из-за того факта, что документы эти были совершенно секретными.

— Чего же ты хочешь? — нервно спросил Ублейр.

Бубуш впервые поднял взгляд, посмотрел прямо в глаза Ублейру, а затем демонстративно направил взор к другому берегу.

— Ох нет. Ни в какую. Я не могу этого сделать! — заныл Ублейр, поняв, что имеет в виду Бубуш.

— Пока это не будет проделано, я не смогу отсюда уйти. С уклоняющимися от исправительных работ Асаддам обходится чертовски круто. По крайней мере, так мне говорили.

— Да, но услуга услуге рознь, — жалобно захныкал Ублейр. — И потом... тьфу, это же просто негигиенично.

— Мне ты можешь об этом не говорить, — ухмыльнулся Бубуш, наблюдая за тем, как Ублейр буквально корчится от острого отвращения.

— Нет-нет. На это я пойти никак не могу...

— Я и не хочу, чтобы ты на это пошел. Так выйдет еще дольше, чем если бы я проделал это в одиночку.

— Да? Так чего же ты хочешь?

— Асаддам никогда не уточнял, как именно я должен дорыться до того берега, — заметил Бубуш с блеском в глазах. — Если бы я просто смог придумать что-то, что ускорило бы работу...

— Ага! Теперь я понял! — отозвался Ублейр, испытывая заметное облегчение. — Ты рассказываешь мне про это досье, а я добываю тебе кайло.

Приложив ладонь к чешуйчатому лбу, Бубуш простонал.

— Да нет же! Подумай хорошенько. Что сквозь весь этот камень за считанные секунды пробьется?

— Ну, если не считать скалодонта, мне ничего в голову не...

— Наконец-то! — вздохнул Бубуш.

— А что? Ведь это мысль.

— Верни мне Кременюгу.

— Но ты сказал, что ее...

— Не начинай все заново, — прорычал Бубуш. — Ее забрали в спецзагоны. И если мания эффективности у Асаддама так сильна, как мне рассказывали, Кременюге наверняка приходится зарабатывать себе на прокорм. Котлованы для фундаментов отрывать и тому подобное...

— Потребуется немалое время, чтобы ее найти, — предложил Ублейр со льстивыми нотками в голосе. — А тем временем как насчет того, чтобы самую малость сюда заглянуть...

— Ты мне ее вернешь, — настаивал Бубуш.

— Ага. Вот первая страница.

— Ты обещаешь?

— Провалиться мне на этом самом месте и надежду на реинкарнацию потерять! Кременюга очень скоро к тебе вернется, вот увидишь. Давай открывай обложку и рассказывай мне, что все это значит...

— Тс-с, — прошипел Бубуш, внезапно осознав, что к ним что-то стремительно приближается.

Уши Ублейра тут же встали торчком. Не ментагоны ли это за ним намылились? Не обнаружили ли они тот факт, что секретный документ пропал? Не мчатся ли они сюда, чтобы с максимально излишним принуждением его вернуть? Не устроил ли Асаддам ему ловушку, зная, что Ублейр обязательно заберет документ? Топот бегущих ног стал еще громче.

Багровые щелки глаз Бубуша расширились от внезапного страха.

— Если меня здесь застукают... я должен был быть там... это все ты виноват. — Секунду спустя он уже вскочил на копыта.

Ублейр в тревоге развернулся, ожидая увидеть дюжину ментагонов, резко выносящихся из-за утла с поднятыми трезубцами и дубинками. Он почти было испустил вопль, но в этом Бубуш его опередил.

— Кременюга! — заорал он, когда скалодонтка ворвалась в поле зрения и со всего налету бросилась к нему в объятия. Приветственно махая всеми двадцатью лапами, Кременюга ударила своего хозяина в чешуйчатую грудь и мигом сшибла его на землю. Отчаянно хватаясь за скалу, Бубуш выпрямился, схватил

острый камень и любовно заскреб по низу брюшка гротескного существа. Секунды спустя Кременюга уже в полном восторге скрежетала своими жвалами.

— Ну ты и свинья, — ухмыльнулся Бубуш дрожащему Ублейру. — Ведь ты меня вокруг пальца обвел. Ты все это время ее придерживал.

— Я... придерживал? — залопотал Ублейр, а затем, уже с куда большей уверенностью, добавил: — Конечно, придерживал. Я... гм... должен был проверить, можно ли тебе по-прежнему доверять. А теперь... гм... как насчет другой стороны нашей сделки? — Он указал на сверток.

— Да-да, конечно, — прохрипел Бубуш и принялся что-то гортанно каркать в адрес Кременюги. Послышалось утвердительное бульканье, и скалодонтка с неимоверным энтузиазмом устремилась к дальнему берегу.

И когда фонтаны каменных осколков, точно шрапнель, начали разлетаться в мрачный уаддский воздух, Бубуш принялся разворачивать загадочное досье.

Мутная мгла колыхалась над поверхностью документа, пока демон обломком скалы осторожно разворачивал конверт. Даже на таком расстоянии жгучий холод коснулся его когтей, а затем и памяти. Этот холод был до боли ему знаком. Бубуш уже один раз испытывал нечто подобное. Это было во время его в высшей степени нелегального визита в Тальпийские горы в тысяче футов у них над головами, когда он пробился туда сквозь твердые скалы.

— Ну как? Справишься? — настойчиво интересовался Ублейр. — Знаешь ты, что это значит?

Бубуш потер подбородок и что-то задумчиво проворчал.

— Это может занять много времени, — ответил он затем. Узкие щелки его зрачков не отрывались от угловатого текста, витиеватых колонтитулов и заставок. Особое удивление вызывали фигуры со странными венчиками над головами, которые непременно присутствовали на каждой странице.

НЕВТЕЛАПЫ

Его высокобесподобие Брехли Трепп скомканной грудой лежал на дне расщелины и удрученно качал головой. К его предельной досаде, несколько минут тому назад он пришел в сознание.

Проклиная свое нынешнее положение, Трепп поднял взгляд на пару сотен футов вверх — к тонкой трещинке дневного света и останкам гнилого моста, с которого он недавно сверзился.

Это было просто несправедливо. Как он сумел такое пережить? Да еще так безболезненно? Брехли Трепп снова покачал головой и сел, неодобрительно цокая языком, пока взгляд его шуровал между бугров и впадин расщелины стены, выискивая зацепки и возможные способы спасения. Он никак не мог остаться здесь, внизу. Он же подохнет здесь с голоду! Если только еще раньше не загнется от жестокого разочарования. Стоило только подумать о всех тех душах, которых он уже должен был спасать! Трепп жалобно захныкал, потом сел и уставился в небо.

Несколько кратких секунд проповедник сидел и прикидывал, не будет ли простое сидение здесь, безделье и смерть от отсутствия пищи равносильно самоубийству. И пришел к выводу, что не стоит нарываться на вечные муки в попытке это выяснить.

Ну уж нет, решил Брехли Трепп. Вверх, только вверх и прочь отсюда. Никакого выбора. Слишком много душ нуждаются в том, чтобы услышать от него Благие Вести. А потому никак нельзя ему просто сидеть здесь, купаясь в бесконечных озерах жалости к самому себе. Он должен был встать, выбраться отсюда, а затем найти другой, более успешный и подходящий способ получения нужного пропуска для прохода в соответствующие врата.

Брехли Трепп неуверенно поднялся, уперся одной ногой в один край расщелины, второй — в другой край, и приготовился две сотни футов подниматься вверх, упираясь в обе стенки одновременно, — так поднимается вор по дымовой трубе. Проповедник перевел дыхание, оттолкнулся — и дико заверещал, когда его ноги по самые лодыжки ушли в скалу. Ужас схватил Треппа за горло, немилосердно его душа. Ему вдруг показалось, будто стены сходятся, сжимая его.

Во всех местах, где Брехли Трепп распространял свои столь многочисленные и столь прибыльные варианты Благой Вести, ему еще никогда не приходилось оказываться в такой узкой дыре. Неудивительно, что его разум играл с ним злые шутки. Не слишком приятно было вдруг обнаружить себя на глубине в две сотни футов в предельно узкой расщелине без всякого выхода оттуда.

В тот самый момент, когда Трепп уже собирался было ослабить хватку за свой разум и с облегчением скользнуть в безумие,

над ним вдруг возникла вспышка слепящего света. Она окружала две пары машущих крыл, которые стремительно проносились по расщелине, словно бы что-то там выискивая.

Челюсть Брехли Треппа отпала, когда тысячесвечевой прожектор вспыхнул еще ярче, а затем к нему присоединился головокружительно-тонкий хор ангельских голосов, контрапунктом к которому звучали неистовые переборы арфы.

С соответствующим эфирным звуковым сопровождением две сотрудницы Парангелической службы вынеслись из светового круга, подхватили Треппа под руки и потянули его в небо с дюжиной сирен на прицепе.

— Ах как скверно, — принялась укорять проповедника Агнуса, ангельская перехватчица, расположившаяся у его левой руки, пока ее крылья мощно несли их вверх.— Как нехорошо! Вы пытались спастись, не так ли? Нет, вам ни в коем случае не следовало этого делать! Хорошо еще, что вы не успели уйти далеко, а то мы вообще могли бы вас не найти, правда, Флорри?

— Очень даже могли бы, — ответила другая ангелица, силясь быть услышанной поверх воющих позади сирен.

— Так легко заблудиться и куда-нибудь убрести. Знаете ли вы о том, что девяносто процентов всех потерянных душ теряются в первые же десять минут? — без умолку болтала Агнуса, пока ее белый фартук хлопал на ветерке.

— Девяносто пять, — уточнила Флорри, после чего повернула голову и проревела что-то сиренам. Те угомонились и полетели прочь — на поиски какого-нибудь другого несчастного случая.

Брехли Трепп испытывал нешуточное замешательство.

— При чем тут потерянные души? — пробормотал он.

— Очень даже при чем, — ответила Агнуса. — Еще несколько минут, и вы бы куда-нибудь убрели. Стали бы потерянной душой, понимаете?

— Как так? Ведь я пока еще жив...

— Ах, дорогуша, — ангельски улыбнулась Агнуса.— Будь вы живы, разве бы вы были здесь? Тогда бы мы вам, милый мой, не понадобились...

— Но... — Только когда у него оказалось немного времени на раздумья, Трепп попытался обдумать этот новый клочок информации. Несмотря на все поучения и проповеди, что безостановочно струились у него изо рта, ему никогда еще не доводилось

сесть и прикинуть, каким именно должен оказаться его переход в загробную жизнь. Для начала он не ожидал, что все это будет связано с такой клаустрофобией.

— Но я... я могу двигаться и... А как насчет моего тела? Я хочу видеть мое тело! — воскликнул проповедник, глядя вниз между растопыренных пальцев своих ног. К тому времени расщелина уже почти скрылась из вида. В животе у Треппа взбурлило. К этому добавилось дикое головокружение. — Где мое...

— Бросьте вы беспокоиться о вашем теле. С ним все в полном порядке. Оно отдано во власть полного биологического распада, — заверила его Агнуса. — Каких-то несколько лет, и вы даже не узнаете, что оно вообще когда-то там было.

— Что? — Осознание происшедшего не просто взошло в мозгу Треппа. Оно появилось из-за горизонта дико орущим, с воющими горнами и безумно размахивающими знаменами.

— Так вы говорите, что я действительно у?..— с возбужденной дрожью в голосе спросил проповедник.

— Мы предпочитаем термин «душевно призваны»,— поправила его Агнуса. — Для некоторых наших клиентов он звучит не так тревожно.

— Скажите некоторым нашим клиентам слово «мертвец», и они тут же вконец изрыдаются, — с укором в голосе добавила Флорри. — Все это так прискорбно. Посмотрели бы вы на состояние некоторых душ, если вы вдруг случайно слово оброните «труп». Ах, дорогуша, тут же потоки слез, жуткий вой, скрип зубами и все такое прочее. Просто возмутительное поведение. Возмутительное! Впрочем, я вижу, что вас подобные вульгарные эпитеты не так сильно волнуют. Правда?

Тут Флорри посмотрела на ухмылку Треппа, и великое множество разных вопросов пришло ей на ум. Считанные разы она встречала клиентов, которых бы так радовало пребывание здесь.

— Тяжелая жизнь? — спросила она и тут же быстро добавила: — Нет-нет, дорогуша, не рассказывайте. Позвольте мне самой догадаться. Гм... вы так счастливы, потому что ваш сын, никчемный обормот, не получил шанса изменить завещание в свою пользу и теперь не сможет прибрать к рукам вашу компанию... ах нет. У вас же совсем не та одежда, чтобы... гм...

— Ага, вот мы уже и прибыли, — перебила Агнуса, немало обрадованная тем, что у нее появился шанс прервать досадный

поток бессмысленной болтовни Флорри. Она указала вперед, как только они вынеслись из большой гряды облаков.

— Что? — возмутился Трепп. — Уже прибыли? — За все годы миссионерской работы ему никогда не приходило в голову, что Аррай может быть расположен так близко.— Но я еще не готов!

— Ну, дорогуша, нам, знаете ли, болтаться тут некогда, — с укоризной отозвалась Агнуса.

— Особенно теперь, когда ввели эту Хартию Нетерпения, — проворчала Флорри. — Это просто черт знает что. Согласно главной канцелярии, мы должны доставлять всех недавно усопших в течение трех минут, иначе, как там прикидывают, они начинают вести себя беспокойно и раздражительно. А подобные вещи в Аррае непозволительны. И все-таки мы с Агнусой классная команда!

Взмахнув крылами, они притормозили и пронеслись через массивные врата, которые словно бы плавали на своей собственной гряде облаков.

— Мило, не правда ли? — осведомилась у Треппа Агнуса, указывая на золотую филигрань декоративных накладных панелей.

— Агнусу это всегда так радует, — сказала Флорри.— Но раз уж на то пошло, к некоторому количеству двадцатичетырехкаратного нектара с целым амбаром сухого льда она тоже очень неравнодушна. А по-моему, следовало сохранить старый портикуллис — у него был определенный простоватый шарм. Но нет же. Опять эта Хартия Нетерпения постаралась...

— Силы, которые прикинули, что куда большим успокоением для вновь прибывших будет этот миленький знакомый вход. Так менее травмируется психика, — пояснила Агнуса.

— Дайте публике то, что ей знакомо. Пусть она будет счастлива, — проворчала Флорри. — А лично мне первым делом хотелось бы знать, кто решил, что врата сплошь из золота и жемчугов вообще поднимают настроение.

— Пророки, разве не так? И это очень мило с их стороны. По-моему, врата просто чудесные, — с энтузиазмом отозвалась Агнуса, приводя в порядок свои перышки и готовясь к идеальной посадке. Брехли Треппу было очевидно, что она проделывала это уже не раз.

— Тот, кто это придумал, не имел ни малейшего понятия о бюджете — вот что я вам скажу. Там что, думают, что мы тут деньги в огороде выращиваем? — пожаловалась Флорри. Повернувшись к Треппу, она добавила: — Из-за этого пришлось повременить с несколькими сотнями херувимов. Вся эта роскошь целое состояние стоит! — Проповеднику несложно было себе представить, как ангелица выбалтывает те же самые жалобы через какую-нибудь невысокую изгородь меж двух соседних гряд облаков.

С самым нежнейшим из касаний две сплетничающих ангелицы опустили Брехли Треппа и повели его к концу длинной очереди, что тянулась через большую посадочную площадку.

Флорри снова принялась изливать поток жалоб.

— Как все это характерно! — простонала она, оглядывая цепочку недавно прибывших. — Мы прямо-таки в лепешку расшибаемся, делаем все от нас зависящее, чтобы добраться сюда как можно быстрее, — и что происходит дальше? Нам приходится ждать поблизости, пока нас туда допустят! Тьфу! А знаете ли вы, что, согласно Хартии Нетерпения, эта процедура должна занимать не более двух минут, после чего...

— Добрый день, дамы, — раздался богато модулированный голос буквально за самыми крыльями двух ангелиц.

— Ну вот, ты своего добилась, — самым уголком рта прошипела Агнуса. — Это все твой язык. А ведь я тебя насчет критики уже предупреждала. Они, знаешь ли, не очень-то ее любят...

— Работенки сегодня хватает, не правда ли? — перебила Агнусу дородная бородатая фигура, почесывая большим пальцем ноздрю.

— Я тут как раз моей коллеге об этом и говорила...— начала было Флорри, но тут же осеклась, получив быстрый пинок по ангельской ножке от невинно улыбающейся Агнусы.

Бородатый остановился меж двух ангелиц, излишне любовно обнял их мускулистые плечи и широко ухмыльнулся.

— А малость подкрепиться вы не желаете? — поинтересовался он, приложенной куда надо сандалией отталкивая Треппа назад.

Прежде чем ангелицы успели ответить, шипучие кружки нектарного меда появились у них в руках, так и умоляя себя выпить.

Алкан широко ухмылялся, пока они неуверенно делали реверансы и за считанные секунды опорожняли кружки. Работниц

Парангелической службы вечно мучила жажда. Мгновение спустя появилась еще одна кружка для каждой и опять замяукала, требуя немедленного опорожнения.

На сей раз, пока внимание Агнусы и Флорри было целиком сосредоточено на содержимом их кружек, Алкан повернулся к Треппу и указал на отдаленную скалу в темном углу.

— Спрячься вон там, — прошептал он.

— Да. Вот это напиток, я вам скажу, — заявила Флорри и улыбнулась в манере, которую вполне можно было бы описать как ангельскую. — Нешуточная жажда начинает мучить, пока всю эту публику без конца сюда поднимаешь... Постойте. Куда же он делся? — Она принялась отчаянно крутить головой, ища Треппа. — Пропал, чтоб его! Я сразу поняла, что с ним будут проблемы, — как только его увидела.

— Убрел невесть куда! — подхватила ее мысль Агнуса. — Как характерно! Блестяще! Нет, просто здорово! Вот теперь наше среднее время и впрямь полетит к дьяволу, если нам придется искать по всей округе этого мелкого засранца...

— Ах, дамы, дамы, — принялся утешать их Алкан, нацепляя на физиономию отчетливо виноватое выражение.— Мне так жаль. Ведь это я виноват. Как мне теперь исправиться?

— Вы можете пойти и сами поискать эту вшивую мелочь... — начала Флорри.

— Нет, — отрезала Агнуса. — Это наша работа.

Крепко ухватив Агнусу за плечо, Флорри хрипло зашептала ей в самое ухо.

— Послушай, если бы он не пришел сюда и нас не отвлек...

— Она права, — вздохнул Алкан, изо всех сил прислушиваясь. — Это я виноват. Пожалуйста, предоставьте все это дело мне. Я непременно его найду.

— Честно говоря, я не думаю, что мы должны оставлять все на ваше... — начала Агнуса.

— А я не понимаю, почему мое вмешательство должно вызвать прискорбное падение столь выстраданной вами цифры среднего сбора... — заметил Алкан.

— Ты сама прекрасно знаешь, что он прав, — поддержала его Флорри. — Как я тебе и сказала. Идем. Нам надо души спасать!

— Да, но он... — начала было Агнуса.

— Все с ним будет в порядке, — разбушевалась Флорри. — Только подумай о той панике, которую могут испытать наши следующие клиенты, когда они очнутся мертвыми, а рядом не окажется никого, кто объяснит им, что произошло. Ты что, хочешь оставить их в панике и смятении?

Этого для Агнусы оказалось более чем достаточно.

— Найдите его, — взмолилась она к Алкану, отдавая ему свою кружку.

— Еще увидимся, чтобы эту емкость наполнить? А, приятель? — игриво спросила Флорри, тоже возвращая кружку.

— Может статься, — ухмыльнулся Алкан и стал наблюдать, как ангелицы из Парангелической службы, хлопая крыльями, взмывают в воздух и проносятся через Аррайские врата.

Жадно потирая ладони, пока кружки со звяканьем обращались в ничто, он резко развернулся и помчался к темной скале в самом углу.

— Сюда, — прохрипело божество, бесцеремонно утягивая Брехли Треппа через маленькую дверцу.

— А это далеко? Вообще-то мне бы хотелось начать уже сейчас... — залопотал Трепп, думая о том, что обращение с ним ангелиц было куда предпочтительнее.

— Да-да. Именно этим вы и займетесь. В конечном итоге вы все-таки приступили к исполнению своей величайшей миссии, — ухмыльнулся Алкан. — А теперь вниз,— добавил он, хлопая в ладоши, и со странным шипением его высокобесподобие Брехли Трепп из Речистой Миссии внезапно исчез.

Его визит, нанесенный в Аррай, оказался самым кратким за всю историю последнего.

В просторной пирамидальной пещере Главного муниципального храма Аксолотля воздух буквально звенел, наэлектризованный возбуждением. Все сиденья в крутом ступенчатом амфитеатре стонали под тяжестью беспрерывно ерзающих граждан Аксолотля, давно уже готовых и полных нервозности, пока поднятие занавеса на сегодняшнем шоу рокотало все ближе.

Погребенные глубоко в этом скрипе, звоне и гудении, три постукивания крошечной бамбуковой палочки по дереву оказались не услышанными почти никем. А вот внезапное извержение оркестра сразу же было замечено. Какофония казу и окарин смешалась в

мгновенно узнаваемый радостный мотив, и толпа дружно вскочила на ноги, крича и радуясь, швыряя ермолки аж к самому своду зала.

По ту сторону тяжелого занавеса помощник режиссера дал сигнал двум фигурам по краям. Обе фигуры тут же подскочили к соответствующим канатам и потянули. Тут же ярко-красный занавес стал подниматься, а высоко в крыше большое зеркало заскользило вбок. Уловив луч дневного света, оно отразило его от своей блестящей поверхности и каскадом послало по аккуратнейшим образом выстроенному ряду других зеркал и линз. И в тот самый миг, когда занавес обнажил сцену, там, словно бы из ниоткуда, вдруг вспыхнуло световое пятно.

От криков восторга загремела черепица на крыше, когда ухмыляющаяся фигура конферансье Блинни Плутта вступила в лужицу света, подняла руки и громогласно объявила:

— Будущее сейчас здесь...

И толпа дружно заорала в ответ:

— Будущее прекрасно!

Невесть как угомонив толпу до относительного спокойствия, Блинни Плутт снова радостно поднял руки и прокричал:

— Дамы и господа, добро пожаловать на сегодняшнее представление «Сам себе пророк!», сценически-игрового шоу, которое вкладывает ваше будущее в ваши руки!

Вряд ли следует добавлять, что толпа взорвалась на это какофонией аплодисментов.

Профессиональный конферансье, Блинни Плутт еще несколько минут ходил вокруг да около, излагая цветистое вступление, пока публика истощала свое возбуждение, точно колония тюленей. Блинни прекрасно знал, что может в любой момент снова довести их до бешено-неистового фанатизма одним щелчком броской фразы. Особенно сегодня, в день главного финала игрового шоу «Сам себе пророк!»

Как бы рассеянно конферансье порылся в кармане, когда мерцающая ассистентка в столь же мерцающей тунике втолкнула на сцену стол. Затем Блинни Плутт с кривой усмешкой и лукавым подмигиванием извлек из кармана пригоршню причудливо украшенных костяных кубиков.

— Пора узнать, что скажут кости! — заявил он, потряс кубики и рассыпал их по столу. Толпа в легком замешательстве наблюдала. Зачем Блинни это делал? Ему не требовалось кон-

сультироваться с костями, чтобы выяснить, кем будут сегодняшние соперницы, — он уже знал ответ. Ведь сегодня был финал. И соперницами являлись...

— И соперницами являются... — объявил конферансье, загадочно вглядываясь в рассыпанные кости. Затем он выпрямился, пожал плечами и еще раз ухмыльнулся. — Но ведь мы их уже знаем, не так ли, дамы и господа? Скажите: «Да, Блин»!

И публика послушно крикнула в ответ:

— Да, Блин!

— Верно, так оно и есть. Мы уже их видели, мы ими восторгались, мы просили судьбу проявить к ним благосклонность... Вот они, снова в игре, прелестная Взупна Гой и несравненная Нибель Меса. Наградите же их аплодисментами!

Мерцающая ассистентка вывела двух девушек и поставила их в центре сцены, по обе стороны от Блинни Плутта. Глаза конферансье заметно выпучились, когда перед ним прошагала пышная Нибель. А ладони у него аж вспотели.

— Итак, вначале о тебе, Взупна. Три месяца тому назад ты в жестком соперничестве победила в игре «Расставь свои знаки». Победила совершенно случайно, когда предсказала места в финале, а также объем ежемесячной бесплатной раздачи бакалейных товаров фирмой «Патиссон и компания», который ныне владеет всеми нами уважаемый Бак Лажан. Скажи: «Да, Блин!»

— Да, Блин! — жалобно протянула Взупна.

Тут взгляд Блинни Плутта развернулся, чтобы тоскующе задержаться на мисс Меса.

— А теперь... ослепительно прекрасная Нибель, — объявил конферансье. Девушка ловко помахала темными завитыми ресницами. — Ты... э-э... у тебя 38–24–32[1], роскошно светлые волосы, все натуральное, как здесь говорится,— Блинни помахал небольшим куском высушенного на солнце бамбукового листа и оскалился белозубой улыбкой в адрес толпы. Толпа послушно рассмеялась. — И ты с легкостью дошла до финала. Скажи: «Да, Блин!»

— О да, Блин! Я так рада быть здесь, — проворковала Нибель самым томным голоском и с притворной застенчивостью помахала ручкой аудитории.

---

[1] Безусловно, здесь имеются в виду дюймы. В сантиметрах это будет 96–62–82. (*Прим. ред.*)

Взупна Гой злобно оскалилась. А колени Блинни чуть не дали слабину. Однако в этот самый момент оркестр из казу и окарин взорвался четырехтактной вариацией главной темы, резко выдергивая Плутта из мысленного раздевания сочной и ногастой Нибели.

— А этот мотив означает, что настала пора для «Игры в предсказание»! — Конферансье повернулся, обнял Нибель за осиную талию и подвел ее к деревянным постаментам по пояс вышиной, украшенным их именами. Взупна, хмурясь, топала следом.

Без всякой задержки Блинни пустился в уже знакомое всем введение.

— Мы задали одной сотне разных пророков ряд вопросов и попросили их выбрать один верный ответ. Я должен буду задать прелестным противницам... прошу прощения, двум финалисткам те же самые вопросы, и вам потребуется выбрать тот ответ, который, по вашему мнению, является правильным. Итак, мы начинаем. Вопрос номер один... — Он взял с верха своей кафедры пачку пергаментных карточек, согнул ее и откашлялся. Нибель Меса опять впечатляюще помахала ресницами.

— Итак, вопрос первый. Мы опросили одну сотню пророков, задав им один-единственный вопрос: использовали ли они когда-либо свои предсказательные способности для соблазнения девушки. Их ответы были таковы:

а) Нет, конечно, это резко понизило бы репутацию всех пророческих прозрений в нашем обществе, да и вообще — как вы вообще смеете задавать столь грубый и унизительный вопрос?; б) Да, но только если мой лосьон после бритья вкупе с приношением недавно срезанных ароматных цветов не сумели растопить ее замерзшее сердце. Только моей жене ни в коем случае об этом не говорите! и, наконец, в) Конечно, всякий раз. Если у вас такой дар имеется, надо по максимуму им воспользоваться!

— Ну а теперь у вас есть тридцать секунд, чтобы решить, какой ответ был наиболее популярным. Итак, отсчет пошел, — завершил свою речь Блинни. Оркестр выдул еще один мотивчик с отчетливым привкусом клюквы, пока две соперницы напряженно думали под завороженными взглядами многочисленной аудитории.

Очень скоро музыка прекратилась, и густая тишина окутала храм.

— Итак, дамы, открывайте ваши листы, — с ухмылкой подстегнул соперниц Плутт. Нибель гордо подняла над головой бам-

буковый лист с буквой «Б», тогда как Взупна прижимала к груди лист с буквой «А». Толпа дружно ахнула.

— Что ж, дамы, имеется небольшое расхождение. Либо одна из вас права и она достигнет важного преимущества, делая еще один шаг к главному призу в игровом шоу «Сам себе пророк!», либо вы обе ошибаетесь! Кто может это знать? Разумеется, только карты!

Мерцающая ассистентка просеменила через сцену, гордо неся единственный золотистый конверт на бархатной подушечке. Она помедлила перед Блинни, сделала книксен и помахала ему ресницами. Однако внимание конферансье было в тот момент целиком сосредоточено на ложбинке между грудей прелестной Нибель, а потому он просто схватил конверт с подушечки и сразу же его открыл. Ухмылка на его физиономии еще лишь мгновение помедлила, прежде чем пропасть. С листка пергамента на него уставилась немигающая буква «А».

— Ах, дамы, дамы, лишь одна из вас ошибается. И я до смерти боюсь сказать, так меня это ранит, но это ты, дорогая моя Нибель Меса. — Плутт держал девушку за руку и заглядывал ей прямо в глаза, точно преданный кавалер, утешающий свою возлюбленную. — С тобой все хорошо? Скажи: «Да, Блин!»

— Да, Блин. Это ведь только первый раунд, — заметила Нибель. — Есть еще масса времени, чтобы наверстать упущенное.

Блинни лучился улыбкой, похлопывая девушку по плечу и разворачиваясь в другую сторону. «Как дерзко, как отважно!» — самозабвенно подумал он и снова подскочил к центру сцены.

Взупна помрачнела.

— Итак, дамы и господа, давайте посмотрим, сумеет ли Нибель наверстать упущенное. Вопрос второй. Мы спросили сто пятьдесят различных пророков, что они используют, чтобы сохранять свои магические кристаллы сияющими. Ответы были следующими: а) Просто плюю и полирую; б) Применяю патентованный, не оставляющий царапин Суперочиститель магических кристаллов с кондиционером для рук и в) Быстро-быстро тру подходящей замшей. Итак, дамы, выбор за вами. Начинайте думать. Время пошло!

Оркестр опять послушно загремел, а Блинни повернулся к аудитории:

— Нашей гостье Нибели явно не требуется давать никаких советов, как поддерживать свою сияющую чистоту. Вы только на нее посмотрите — прекрасно ухоженная, роскошно...

Внезапно музыка прекратилась, и мерцающая ассистентка засеменила с ответом на подушечке. Соперницы подняли свои ответы, чтобы все их увидели. Взупна демонстрировала безапелляционную букву «Б», а Нибель энергично размахивала буквой «А».

— Ого, у нас опять различие во взглядах, — заметил Блинни, внутренне корчась от возбуждения. — Теперь это уже становится интересно. Так наверстает Нибель упущенное или нет?

Немного повозившись с конвертом, конферансье вытянул оттуда ответ. И с колоссальным облегчением продемонстрировал публике отчетливую букву «А», держа ее повыше, чтобы все видели. Затем он издевательски помахал этой буквой перед носом у насупившей брови Взупны.

— Итак, вопрос третий, который должен решить, кто станет играть в «Расставь свои знаки» за звездный приз сегодняшнего вечера! Мы попросили пять дюжин аромафутуристов назвать эфирное масло, которое с наибольшей вероятностью должно принести успех на сегодняшнем шоу. Итак, а) Пачули; б) Гофер и в) Иланг-иланг. Дамы, выбирайте ваш запах!

Оркестр бросил свои инструменты, сжал кулаки и бешено забарабанил по краю сцены в импровизированной барабанной дроби. К несчастью, ударник перед финалом так переволновался, что начисто забыл упаковать барабаны.

Тридцатью секундами размышления позже Блинни Плутт вскинул руки в наэлектризованном воздухе, размахивая ими в знак того, чтобы соперницы прекратили думать и подняли буквы. Девушки повиновались. Взупна Гой злобно толкнула к нему под нос букву «А», тогда как Нибель Меса глупо заулыбалась, стоя под буквой «В».

Поверх басового квазибарабанного боя от оркестра и приглушенного шушуканья от взволнованной публики Блинни объявил:

— Ну вот, дамы и господа. Теперь только одна из наших финалисток пройдет дальше, чтобы бросить вызов звездам в кульминационной игре «Расставь свои знаки». Будет это бесподобно прекрасная Нибель Меса? Или Взупна Гой? Мы имеем два разных ответа — и только один верный. Который же? — Он вытянул руку, и мерцающая ассистентка послушно притопала с конвертом.

Театрально схватив конверт, крепко прижав его к груди и прошагав к передней части сцены, конферансье в приглушенно-мелодраматических тонах спросил:

— Кто же это будет?

Публика затаила дыхание.

Разумеется, настоящий ответ ровным счетом ничего не значил. Блинни уже знал результат. Он его неделями планировал. С тех самых пор, как положил свой похотливый глаз на ложбинку меж грудей роскошной мисс Меса.

Пока часть аудитории синела и багровела, конферансье открыл конверт, вынул ответ и прижал его к своей колотящейся груди. Затем он быстро оглянулся через плечо, уточняя для себя ответы девушек. Негоже было бы сейчас напортачить. После стольких трудов и усилий.

— Если на этой карточке значится буква «В», я присоединюсь к прекрасной Нибели, которая будет играть в «Расставь свои знаки». А если буква «А», это будет Взупна, — пренебрежительно добавил Плутт. — Итак, ответ...— Он оторвал карточку от груди, и ему в глаза укоризненно глянула буква «А».

— Ответ... ответ — «В»! — объявил Блинни Плутт, смял карточку, сунул ее поглубже во внутренний карман своей тоги и торжественно прошел по сцене, чтобы ухватить Нибель Месу за талию и провальсировать с ней под сопровождение главной темы всего шоу.

— Мои поздравления, Нибель Меса! — объявил конферансье несколькими минутами позже, когда он снова нашел светлую точку в центре сцены и довел публику до предельно лихорадочного гула. — Итак, ты прошла в финал игрового шоу «Сам себе пророк!» — Затем Плутт неохотно повернулся и обратился к проигравшей: — Впрочем, и ты, Взупна Гой, не уходишь с пустыми руками. Наше сегодняшнее шоу было спонсировано замечательными людьми из компании «Божественная чистка». И благодаря им ты уйдешь с годовым запасом патентованного, не оставляющего царапин Суперочистителя магических кристаллов с кондиционером для рук. Пожалуйста, удостойте ее аплодисментов, ведь она была... настоящей противницей!

Мгновение спустя Взупна Гой была утянута со сцены мерцающей ассистенткой — чтобы следующие несколько недель тщетно пытаться прикинуть, что именно ей делать с годовым запасом

патентованного, не оставляющего царапин Суперочистителя магических кристаллов с кондиционером для рук.

Сцена развернулась, зеркала и линзы приняли другой угол, и Блинни Плутт вместе с роскошной мисс Меса снова вошли туда на мощной волне беспорядочных аплодисментов. Нибель надувала губки и беспрерывно прихорашивалась, изображая пылкую любовь к аудитории. Следовало заметить, что на роль стыдливо-застенчивой девушки она годилась примерно так же, как средняя черепаха — на роль идеального аэронавта.

— Итак, дамы и господа Аксолотля, вот она, финалистка этого года и победительница игрового шоу «Сам себе пророк!» — ее соблазнительная пышность Нибель Меса. Аплодисменты, аплодисменты.

Только одна пара рук не присоединилась к энергичному хлопанью в ладоши, и принадлежала она Взупие Гой. Проигравшая девушка стояла за кулисами, глухо рыча.

Реакция публики была такой, что Блинни едва смог с ней управиться. Толпа просто взбесилась. Однако невесть как за следующие несколько минут, издавая успокоительные вопли, он постепенно угомонил аксолотлианцев до менее бурного неистовства зрительского наслаждения.

В конце концов, когда конферансье убедился, что все будут способны снова его слышать, он, похотливо истекая слюной, повернулся к Нибели и объявил:

— Еще раз мои поздравления! Ты победила. Каковы твои ощущения?

— Ах-х! Я в полном восторге!

— Итак, должны ли мы узнать, какой золотой приз тебя ожидает?

Нибель с энтузиазмом кивнула светлыми локонами, и Блинни ощутил определенное шевеление в некоторых своих органах.

— Ну что ж... тогда давай сыграем в «Расставь свои ноги... тьфу, то есть знаки». Подойди сюда, пожалуйста.— И, плотно обернув дрожащую руку вокруг ее двухфутовой талии[1], Плутт ловко проскользнул по сцене, оказываясь лицом к обширному набору карт, обращенных рубашкой вверх на разноцветной стене.

---

[1] В обхвате, мой дорогой читатель, конечно же в обхвате! (*Прим. ред.*)

— Итак, Нибель, я уверен, ты уже знаешь, как играть в «Расставь свои знаки». Однако для тех, из чьей памяти это выскользнуло...

Тут он повернулся к публике и взмахнул рукой.

— Стыд и срам! — заорала толпа в ответ, как она всегда это делала.

— ...я им это напомню. Нибель, дорогая моя, тебе позволено выбрать четыре карты и вынуть их из этих держателей. Далее ты должна так их расположить, чтобы из них явствовало самое лучшее и счастливейшее из будущих, будь то финансовое, туристское или даже супружеское! Ты понимаешь? Скажи: «Да, Блин!»

— Да, Блин, — снова кивнула Нибель. — Я это сделаю.

— Конечно! — выкрикнула в ответ прекрасно выдрессированная аудитория. — Она это сделает!

— Очень хорошо, тогда делай свой выбор, радость моя. Здесь твой шанс понежиться в объятиях роскоши. Желаю удачи!

— Я... я возьму третью из верхнего ряда, вторую из третьего, а две остальные из четвертого, — томно надувая губки, объявила Нибель. В короне вспыхивающих блесток мерцающая ассистентка выхватила указанные карты из держателей, резко развернулась и разложила их рубашками вверх на столе в центре сцены.

А затем, впервые за целый день, весь амфитеатр погрузился в тревожную тишину. Все присутствующие наблюдали, как Нибель Меса пробивала себе дорогу сквозь ряды полных надежд конкурсанток в игровом шоу «Сам себе пророк!», постепенно обретая уверенность и оказываясь при каждом новом своем появлении облаченной во все более красочную и короткую тунику. Теперь уже было сомнительно, имеет ли туника, которой Нибель в данный момент щеголяла, достаточно материи, чтобы остановить даже самое небольшое кровотечение. Мужчины обожали Нибель за ее еще более очевидные принадлежности, а женщины ценили за то, что у нее хватает духу так перед ними красоваться. Все хотели для Нибели только самого лучшего. И в том числе — Блинни Плутт.

Громко стуча каблуками, Нибель Меса прогрохотала к столику с четырьмя картами, которые она выбрала.

— Итак, давайте посмотрим, что у нас теперь на «Столе Блинни», — объявил конферансье и перевернул первую из четырехфутовых в вышину карт.

Там оказался изображен единственный необъятный букет цветов. Толпа еще пуще заерзала на сиденьях. На второй карте изображалась открытая повозка, которую тянули три пары могучих козерогов. Толпа понимающе охнула.

— А третья? — Блинни опытным жестом перевернул карту, где демонстрировалась единственная голубая подвязка. Мужчины в публике издали подобающе похотливые возгласы. — И наконец... — С четвертой карты в поле зрения публики впрыгнули две буквы: «Б» и «П». Рокотки слухов тут же разнеслись по храму.

— А теперь, мисс Нибель Меса, победительница игрового шоу «Сам себе пророк!», для тебя настала пора выбрать... — Оркестр снова забарабанил кулаками по краю сцены, а огни были притушены до единственного пятнышка, сосредоточенного на Нибели и Блинни. — Теперь, как тебе известно, у тебя будет десять секунд, чтобы отвергнуть одно из этих предсказаний и расположить остальные в том порядке, который, как тебе кажется, более предпочтителен для твоей судьбы. Ты понимаешь?

— Да... я понимаю, — прошептала девушка. Общее напряжение наконец-то проняло даже ее.

— Конечно, она понимает! — выкрикнул один из тех немногих стойких зрителей, которые не были захвачены всей остротой момента. Через десять секунд Нибель Меса должна будет выбрать свое будущее. Весь последний год бесчисленных появлений на игровом шоу вел к этим нескольким последним мгновениям.

— Ты готова? Скажи: «Да, Блин!»

— Да, Блин! — нервно кивнула Нибель.

— Очень хорошо, твое время пойдет, как только публика начнет считать. Желаю удачи. Десять! ...Девять...

Нибель подскочила к столу и встала там в полном смятении, лишенная даже малейшего намека на смысл символов.

— ...Восемь... Семь...

Девушка разом ухватила две карты, покачала ими и снова их уронила.

— ...Шесть... Пять...

Она схватила букет цветов и нахмурилась.

— ...Четыре... Три...

Нибель бросила цветы, схватила повозку.

— ...Два...

В последний момент она отбросила повозку и случайным образом расположила на столе три остальные карты.

— ...Один... Стоп! — Ухватив Нибель за изящные запястья, Блинни Плутт аж задрожал. Прежде чем его ладони вспотели, он почел за лучшее отпустить девушку.

— Итак, ты отвергла повозку с открытым верхом и упряжкой из козерогов. Туристический это знак или... брачный? Неужели ты только что отвергла наилучший из романтических транспортов Аксолотля, готовый умчать тебя на свадьбу года в качестве главной звезды? Нет! Ты отбросила полностью оплаченное трехдневное путешествие по всему ведомому миру! — Толпа застонала, соболезнуя. Нибель упустила шанс вплотную увидеть гору и взглянуть на темную сторону следующей. Ах какая жалость!

— Но что ты выбрала и в каком порядке? Как ты «Расставила свои знаки»? Итак, у нас здесь имеется огромный букет цветов, которые собраны так, чтобы их было удобно нести и... возможно, бросать? — Некоторые из более пожилых и романтически настроенных дам ахнули.— Подвязка, многозначительно голубая, одна из триады знаков, а другие, возможно, не менее старые и привычные?

Нибель прижала ладонь ко рту и негромко пискнула.

— Да, — с широким жестом объявил Блинни. — Некоторые из вас уже догадались. Так оно и есть. Итак, Нибель Меса, ты собираешься огласить имя человека, за которого ты намерена выйти замуж. А игровое шоу «Сам себе пророк!» все это оплатит. Ах, это так неожиданно. Что за сказочная концовка!

Плутт дрожал от страха и похоти. Пока что все шло как нельзя лучше. Теперь последний толчок.

— Но кто этот счастливчик? Вот эти две буквы содержат в себе ответ. Кто может скрываться под инициалами «БП»? — театрально размышлял Блинни. Затем он бросил страстный взор на Нибель и со значением ей подмигнул.

Девушка, уставившись перед собой, размышляла.

— «БП»? А это точно не «ПБ»?

— НЕТ! — возопил Блинни. — Гм... э-э... нет. Это явно кто-то, чье имя начинается на букву «Б». — Он вспыхнул радостной ухмылкой и опять подмигнул.

Тут глаза Нибели расширились, ее взгляд сфокусировался, а из горла вылетел какой-то сдавленный звук.

— Я знаю, что это означает, — прошептала она, глазея на Плутта в новом свете, подавленная нежданностью ситуации. Карты это сказали, и здесь, прямо перед публикой, все обнажилось.

Указательный палец девушки внезапно выпрямился и указал на конферансье.

— Блинни Плутт!

Именно эти два слова он отчаянно жаждал услышать.

— Я? — Виртуозный доильщик всевозможных аудиторий, Блинни отступил на шаг, повернулся к толпе и потянул ее за все доступные соски. — Я? — Изображая потрясение, конферансье схватил себя за грудки.

— Какой невероятный сюрприз! — драматически завопил он затем. — Но карты так сказали, — добавил Плутт, прежде чем кто-либо, а меньше всех внезапно пораженная страхом перед публикой Нибель смог ему возразить.— Так ты выйдешь за меня замуж? Скажи: «Да, Блин!»

— Да, Блин... — прошептала девушка, и весь амфитеатр буквально взорвался слезами и аплодисментами.

С похотливой ухмылкой Блинни Плутт подскочил к Нибели и ухватил ее за талию, увлекая девушку в левую часть сцены и направляясь к своей гримерке.

По праву причитавшуюся ему взятку помощник режиссера вполне мог получить немного позже.

Багровая молния промелькнула через небо над Мортрополисом в самом конце огненной бури, поджигая клубы хтонических дымоуглеродов, что поднимались от двигателей инфернального сгорания, установленных на паромах. Где-то переключился клапан, перегретый пар устремился по милям трубопроводов, и возвещавшая о конце очередной смены сирена заглушила все остальные звуки.

Мгновения спустя должен был начаться час пик. Улицам Мортрополиса снова предстояло ломиться от толп несчастных душ, вышвырнутых из одного места мучения и направляющихся для очередных восьми часов нестерпимого страдания куда-то еще.

Для обитателей подземного царства Уадда день был вполне обычный.

Точно таким же он был и для беспризорных сдельщиков.

— Итак, все знают, что нам предполагается делать? — задал вопрос высокий худой мужчина с козлиной бородкой. Из-под руки у него торчала небрежно засунутая туда скрипка.

— Да знаем, знаем, Бешмет. Ты уже и так нам все уши об этом прожужжал, — отозвалась предельно истощенная на вид фигура с кривоватой ухмылкой на физиономии.

— Послушай, Фауст, я просто хочу позаботиться о том, чтобы все вышло тип-топ, — рявкнул Бешмет. — Ведь именно мне предстоит всех отвлекать. Все глаза будут на мне сосредоточены. Если что-то пойдет не так...

— Да, мой милый, но ведь тебе все это нравится. Опасность, погоня, поклоняющаяся аудитория, — прохрипела Шпирс, помахивая ресницами. — Между прочим, часть тяжести я смогла бы снять с тебя небольшим вокальным сопровождением.

Глаза Бешмета тут же тревожно расширились. Вокальное сопровождение. Ну уж нет! С таким же успехом Шпирс могла бы назвать это пением. Потуги ее глотки на музицирование заставляли поскребывание ножом по краю тарелки казаться положительно благозвучным.

— Нет-нет, никакого пения, — выдохнул скрипач.

— Тогда вини только самого себя, радость моя, раз ты не позволяешь и мне немного отвлечь их внимание,— продолжила Шпирс. — А ведь я бы их по-настоящему отвлекла, знаешь это? Ладно, если ты не позволяешь мне петь, я могла бы... — Она покачала своей далекой от непривлекательности фигурой и надула губки. — Они бы от меня просто глаз отвести не смогли...

Рядом в тени жалкая фигура в рясе монаха Синнианского аббатства закатила глаза и что-то недовольно проворчала.

— Да они по-прежнему не могут, — прорычал Бешмет. — Ты только на них посмотри! — Вся группа сдельщиков стояла, трогательно высунув языки и пуская слюни.

К своему немалому негодованию, монах Синнианского аббатства зарделся и вынужден был быстро переключить свои мысли на дохлых псов и холодный душ.

— Ах, разве они не лапочки? — закулдыкала Шпирс.

— Очень трогательно, — неодобрительно проворчал Бешмет. — Ладно, ребята, давайте с этим заканчивать. Вперед! — Раздраженно вскинув скрипку под подбородок, он атаковал их уши быстрым всплеском глиссандического крещендо из «Эротической симфонии в ре-миноре» композитора Шнютке.

— Ох-х. Сделай хоть перерывчик! — рявкнул Фауст, нервно подергиваясь. — Проклятый зуд! Я от котенка в кипятке слышал куда лучшую мелодию!

— Поистине музыкальная поэзия! — восхищенно объявил еще один член компании. Он зарделся и опустил глаза, а затем вдруг сложил на груди руки. — Поиграй еще немного, дорогой Бешмет!

Фауст покачал головой.

— Проклятье, я и забыл, что ты написал эту лабуду. О чем ты думал, когда продал за нее свою душу?

— Эх, дикарь ты, Фауст. Эти четыре такта на девять восьмых — самая технически сложная аппликатура за всю историю игры на скрипке! Если бы ты хоть что-нибудь знал о постмодернистских неоклассических работах, ты бы оценил это по достоинству, — в хорошо отрепетированной манере отбился от критики скрипач.

— Будь уверен, я и так все это по достоинству оценил, — проворчал Фауст. — Да, скажу тебе, эти четыре такта могут всю серу из ушей вычистить. Какого дьявола ты не загнал свою душу за что-нибудь более достойное?

— То есть как ты? — парировал Шнютке?

— Я заключил куда лучшую сделку, чем ты, приятель. Если взять выбор между написанием визгливой лабудятины и проведением двадцати четырех лет в самых лучших наслаждениях, какие только может выдержать тело, я знаю, что бы я предпочел. — Фауст ухмыльнулся в своей обычной излишне сладострастной манере.

— Мое имя прославлено по всем Тальпийским горам. Причем прославлено как принадлежащее общепризнанному гению во всех окрестных королевствах. А ты так же широко известен?

— О да, — ухмыльнулся Фауст. — Мое имя встречается в большем числе регулярно читаемых книжек, чем когда-либо будет упоминаться твое.

— Что-что?

— Я был на первой странице всех черных записных книжечек у прекрасных дам. Когда им хотелось славно провести время, они первым делом всегда звали меня!

Глаза Шпирс вспыхнули.

— Я продал свою душу ради искусства! — заявил Шнютке.

— А я за свою получил кучу забавы, — парировал Фауст.

Каждый из так называемых сдельщиков оказался в Уадде в целом по одной и той же причине. Всем им так отчаянно чего-то недоставало или им так срочно требовался какой-то навык, какой-то талант, что они поддались финальному искушению. Они трижды прошептали свои величайшие желания, адресуясь к местному демону, — и оказались здесь. Проданные, бесприютные, мучимые. Они считались нелегальными уаддскими иммигрантами. Пострадавшими от собственных необоримых желаний.

Вернее, все, за исключением жалкого монаха в тени. Он был одурачен одной роковой ночью в безмолвной часовне святого Маразма Регулярно Забываемого — и теперь застрял здесь. Его обрабатывали той же просмоленной щеткой, что и всех остальных, постоянно преследовали девятифутовые ментагоны — за бродяжничество и недозволенную организацию представлений на улицах Мортрополиса. Хуже того, в любой момент бодрствования (то есть по сути в каждый момент загробной жизни) их сделки находились в самых передних частях их разумов. Бешмет лучший скрипач из всех когда-либо рожденных, благодаря протянутой лапе помощи от местного демона теперь постоянно был охвачен отчаянным желанием выйти на люди и исполнить лучшие свои работы — и одновременно поражен почти полной неспособностью сделать это из-за непрестанного, выворачивающего все кишки страха перед публикой.

— Послушайте, если вы оба прекратите препираться, мы сможем наконец заняться заданием, — рявкнул Бешмет. — Что касается рейда, то сегодня очередь Мудассо.

Ныне слепой к цветам художник с энтузиазмом кивнул.

— Я обещал Шпирс портрет, — ухмыльнулся он, пряча за спиной большой кусок холста. — В полный рост, спереди.

— Идет, приятель, мы добудем тебе все, что нужно,— осклабился Фауст. — Если только можно будет посмотреть на эту милую процедуру.

Мудассо буквально дрожал при мысли о своей первой обнаженной натуре за многие столетия. До сделки это оказывалось для него омерзительно-сложным — поскольку беднягу сплошь покрывала жуткая оспа, ни одна модель даже близко к нему не подходила из страха заразиться. Однако три маленьких просьбы в сторону местного демона — и проблема была решена. Вернее, как бы решена. Оспа чудесным образом испарилась, но в округе

оказалось не особенно много моделей. В итоге картиной, которую Мудассо приходилось повсюду с собой таскать, был едва узнаваемый автопортрет, погребенный под гноящейся грудой старых прыщей и болячек.

— Гм... зрители, — пробормотал художник. — Думаю, здесь решать Шпирс.

— Ах, Мудассо, какой ты джентльмен. — Шпирс ухмыльнулась и помахала ресницами. — Все это так мило, что мне по-настоящему хочется запеть...

— Нет-нет. Пора идти. Вперед! — в отчаянии вмешался Бешмет, прежде чем Шпирс смогла начать. Приобретя невероятную популярность на регулярных концертах постоянно идущего шоу «Фабрика талантов», она решила прорваться в серьезную культуру и стать поп-звездой. Единственной ошибкой Шпирс стал ее выбор демона. Хотя она трижды попросила придать ее голосу самое красивое звучание, какое он когда-либо слышал, проблема состояла в том, что певица не очень понимала, о чем именно просит. И вот теперь она пела как целый любительский хор пораженных любовной заразой росомах.

Крепко прижимая к себе скрипку, Бешмет вывел компанию сдельщиков из крошечного проулка напротив входа в Яму Горящих Угольев. Теперь в любую секунду громадные двери могли распахнуться, и волны измученных душ излились бы оттуда, направляясь к месту очередного страдания. Уже сейчас поток душ начинал шаркать по улицам, пока час пик подходил.

По сигналу от Бешмета, вожака этого рейда, Шнютке и Фауст червями проползли сквозь гущу тел и притаились по обе стороны от входа. Здесь были Бакс — бывший держатель единственного когда-либо напечатанного чека на миллион мротов, умерший безденежным, поскольку никто так и не нашел для него нужной сдачи, наша знакомая Шпирс, а также бывшее его высокопреподобие Елеус Третий в своей жалкой рясе. Они аккуратно организовали так называемую «атанду» — на предмет любых признаков приближающихся ментагонов.

А ментагоны точно должны были нагрянуть. Единственной переменной величиной было то, сколько времени им потребуется и с какого направления они появятся.

Внезапно с ревом дьяволов и щелканьем кнутов громадные двери Ямы Горящих Угольев со скрипом распахнулись, и задыха-

ющиеся, страдающие души высыпались оттуда. Жар аж опалил брови Фаусту. Невероятно, но там было еще жарче, чем в среднем инферно с его шестьюстами шестидесятью шестью градусами по Фаренгейту, к которым они все привыкли.

По этому сигналу, дрожа от ужаса на крыше небольшой хижины, Бешмет заскрипел смычком по струнам. В жутких звуках безошибочно узнавался вступительный диссонанс «Эротической симфонии» Шнютке. Секунды спустя скрипач уже яростно пилил свой инструмент, выбрасывая языки тревожной атональности в поток и без того измученных душ, что струился по улице внизу. Надтреснутые квинты и детонированные ноны бомбардировали их уши, и, как случалось на каждом публичном представлении этой работы, какое когда-либо давалось, все тут же остановились. Измученные души неподвижно застыли, до самых своих глубин потрясенные, пытаясь поверить в то, что доходящий до них кошмар — и в самом деле музыка. Секунды спустя вся улица представляла собой плотную массу жалких душ.

Не тратя времени даром, Фауст и Шнютке протиснулись в двери Ямы Горящих Угольев и, опустив головы, стали там рыскать. Подходящие угли испещряли весь пол, а неровная поверхность показывала, где в восьмичасовых промежутках погребались тела. Два налетчика стянули с плеч мешки, принялись хватать остывшие угли и забрасывать их в горловины с оттянутыми завязками. Десять, пятнадцать кусков — и снова наружу, опять протискиваться сквозь толпу.

Бешмет был в экстазе, его тело дико корчилось, пока музыка овладевала им. Фауст и Шнютке бросились дальше по тому же проулку, из которого они вышли на улицу, заливаясь радостным свистом в качестве сигнала наблюдателям. Наконец они сбросили на колени Мудассо добрых тридцать кусков превосходного угля.

— Ну вот, теперь тебе художественных припасов на месяц хватит, — ухмыльнулся Фауст. — И кстати, как там насчет того, чтобы Шпирс для тебя позировала?..

Ответа он так и не получил. В это самое мгновение последовала внезапная вспышка белого света, которую сопроводило странное завывание, и высокая фигура в черной сутане возникла на крыше рядом с Бешметом. Под боком у фигуры появилась большая коробка, набитая патентованными бумажными (то есть пергаментными) стаканчиками. Скрипач пронзительно вскрикнул и ос-

тановился в самой середине глиссандо. Смычок его трясся от шока.

— Кто вы, черт подери, такой?.. — начал Бешмет.

— Прошу прощения, всем привет, — объявил вновь прибывший, дрожа от возбуждения. Ах, все эти страстные лица, готовые к тому, чтобы их спасти. Туда, на эту одну-единственную площадь, было, вероятно, втиснуто еще больше народа, чем он в своей жизни видел. Менее способный миссионер разинул бы рот в остром приступе духовного страха перед публикой, но только не он. Это был его час. Настала пора действовать.

— Я его высокобесподобие Брехли Трепп из Речистой Миссии, и я очень хотел бы поболтать с вами кое о какой малости. Эта малость по-настоящему сделает жизнь... гм... точнее, смерть, куда более приятной для всех вас, кто здесь собрался.

Уши бывшего его высокопреподобия Елеуса Третьего тут же встали торчком от трепещущего возбуждения и почти мгновенно стали сомневаться в только что услышанном. Конечно, ведь не могло же здесь быть какого-то другого духовного лица! Или могло? Елеус резко развернулся, сердце его колотилось, отчаянно желая заполучить какую-то менее теологически-вызывающую компанию, готовя себя к разочарованию, которое несомненно вскоре должно было последовать.

Демоны у Ямы Горящих Угольев с рычанием устремились вперед. Трепп нервно переступил с ноги на ногу на крыше хижины. Демоны! Пожалуй, это и впрямь было чересчур круто.

— Э-э, даже вы сможете извлечь для себя выгоду,— добавил он, пожимая плечами. — Я... я так полагаю.

Челюсть Елеуса отвисла ему на грудь, пока он глазел на облаченную в сутану фигуру. Это духовное лицо выглядело как подобает, говорило вроде бы правильно... но как бывшему его высокопреподобию можно было поверить, что все это правда?

Брехли Трепп помахал себе ладонью на лицо в старом как мир жесте человека, которому на самом деле несколько жарче, чем бы ему хотелось.

— Однако душновато здесь, внизу, вам не кажется? Что ж, у меня для всех вас есть по-настоящему Благие Вести. Я стою перед вами с ответом на ваши мечтания.— Миссионер вытащил из кармана большую пенную кружку эля и сделал длинный глоток.

— Да, сегодня ваш счастливый день, ибо я посланник Алкана, божества, ответственного за все эли и пиво!..

Это заявление вызвало весьма смешанную реакцию. Демоны, заслышав слово «божество», завопили как резаные и принялись когтями пробивать себе дорогу к Треппу. Толпа, заслышав слово «эли», тоже завопила, причем с предельным интересом, и тоже начала прокладывать себе дорогу к проповеднику. А бывшее его высокопреподобие, заслышав слово «посланник», сделался просто парализованным от шока. Это была правда!

— Пожалуйста, пожалуйста, — радостно объявил Брехли Трепп, поднимая руки в евангелическом благочестии. — Нет никакой нужды торопиться. Благих Вестей у меня столько, что на всех хватит. Просто проявите терпение и послушайте, пока я вам все объясню...

И с этими словами Трепп завел речь, красочно расписывая добродетели истинной веры в Алкана. Толпа, совершенно завороженная кружкой в его правой руке, была просто им околдована.

— Ну так что это, по-твоему, означает? — снова гаркнул Ублейр, пока они с Бубушем пробивали себе дорогу сквозь толкотню тел на улицах.

— Не гони, — рявкнул в ответ Бубуш, тайком прижимая к себе под курткой пакет и меняя лапы, когда от пергамента начинал просачиваться лютый холод. Скалодонтка Кременюга радостно топала позади хозяина, словно бы не замечая потока душ, которые она безжалостно растаптывала множеством своих стремительно семенящих ног.

— Хоть какой-то намек ты уже должен был получить, — настаивал Ублейр, локтями пробивая себе дорогу среди окруживших его по подмышки душ.

— Ничего определенного, — уклончиво пробормотал Бубуш.

На самом деле это была неправда. Бубуш действительно получил нечто весьма определенное. Недоумение. Абсолютное и тотальное. Тот, кто написал это секретное досье, явно не хотел, чтобы его прочел кто попало. Если бы не щедрое включение в текст разных диаграмм и иллюстраций, Бубуш вообще лишился бы всяких ключей. Но так все эти вещи пока что просто не складывались в какой-то смысл. Впрочем, если бы даже и склады-

вались, Ублейру он бы так сразу в этом не признался. Бубуш не хотел, чтобы все выглядело так, будто очень уж просто перевести древние мистические тайны и загадки.

Однако способность перевести хотя бы самую малость очень бы помогла, размышлял Бубуш, вспоминая странный ряд из шести рисунков, на который он недавно в замешательстве таращился. Первый рисунок демонстрировал силуэт фигуры с бородой и в сутане, копающей небольшую ямку в земле. На втором рисунке та же самая фигура клала в ямку небольшое устройство в форме креста и аккуратно засыпала его грунтом. Третий рисунок демонстрировал любопытным образом знакомую демоническую фигуру, стремительно несущуюся над землей, выкрикивая непристойности и бешено размахивая трезубцем. На четвертом рисунке имелось крупное изображение копыта, бьющего по недавно разрытой земле. На пятом — взрыв облаков, вспышка света — и, возможно, пара-другая ангелов. А шестой, самый озадачивающий, рисунок демонстрировал демона стоящим на коленях — лапы его были радостно сцеплены у груди, а рыло представляло собой уродливую картину экстатического благочестия и явного внезапного обращения.

Для Бубуша все это было почти что полной бессмыслицей. Он понимал, что с демоном что-то такое произошло, но что?

Ворчание Ублейра резко вернуло его в настоящее.

— Долбаный час пик. Терпеть его не могу! Тебе что, обязательно было так долго в «Гоморре» торчать?

— Угу. Ясное дело, обязательно. Я это заслужил! — убежденно прорычал Бубуш.

— Заслужил? — вякнул Ублейр. — Ты?

— После того как я столько времени наблюдал за тем, что из этого места выходит, думаю, можно было и там немного поошиваться.

— Но ты выжрал пять лавовых мартини!

— А кто считал?

— Я! — воскликнул Ублейр. — Ведь именно мне пришлось за все расплачиваться.

— Тогда будь доволен, что я ничего на закусь на заказал.

Ублейр издал гортанное рычание, снова повернулся лицом вперед и вдруг понял, что за последние несколько минут они совсем никуда не продвинулись. С отчаянным ревом, страстно

желая выбраться из толпы и добраться до своей пещеры, где Бубуш смог бы толком взглянуть на секретное досье, он злобно начал пробираться вперед и вскоре пропахал себе путь за угол.

А там Ублейр увидел причину колоссальной пробки.

Брехли Трепп стоял на крыше маленькой хижины, аккурат напротив Ямы Горящих Угольев, и как раз находился в своем полном проповедническом рвении. Он знал, что уже обратил подавляющее большинство народа в радости поклонения божеству, ответственному за эли и пиво. Впрочем, это оказалось не так уже сложно, поскольку большинству эти радости уже были знакомы из опыта долгой предыдущей жизни.

Народ лихорадочно распространял патентованные пергаментные стаканчики с пенным напитком среди всех тех, кто говорил, что верит в Алкана. А в задних рядах толпы Елеус корчился на острых рогах жизненно важной дилеммы. Ровно половина его тела отчаянно желала броситься в толпу и силой пробить себе дорогу вперед, а затем вскочить на крышу и обнять новое духовное лицо у них в округе; другая же половина его тела совершенно точно была убеждена в том, что это ловушка. И Елеус топтался в тени, делая шаг вперед, затем шаг назад, точно какой-то шестилетка с полным мочевым пузырем, которого дико смущает само слово «туалет».

Охая, ахая и настороженно озираясь на предмет любых признаков появления сотрудников Ментагона, демоны из Ямы Горящих Угольев радостно сосали эль из бумажных стаканчиков. Разговор, который состоялся между ними за несколько мгновений до первого глотка, разворачивался примерно так:

— Что это он только что сказал? Поверь в Алкана, и бухалово тебе на халяву? — спросил первый демон.

— Угу, прикидываю, так, — прохрипел второй демон.

— Но это же богохульство, разве нет? Болтать о богах, божествах и тому подобной ерунде прямо здесь, в Уадде.

— Угу, прикидываю, так, — задумался второй демон.

— Но разве он только что не сказал чего-то насчет того, что увидеть значит уверовать? — спросил первый демон.

— Угу, прикидываю, так, — крякнул второй демон.

— Ну, тогда я там целое море пива вижу. И в упор не вижу кого-то, кто это пиво сюда доставил, если только вещи здесь капитально не переменились. Не могу себе представить, чтобы

старина Асаддам халявное бухалово раздавал, да еще проклятым душам. Итак, для ясности: я могу это увидеть. А раз увидеть значит уверовать, то я... гм... я... эй, приятель, передай-ка сюда емкость побольше, ага? — крикнул он. — Ну что, ты тоже берешь?

— Угу, прикидываю, так, — ухмыльнулся второй демон.

Это было три стаканчика тому назад. Теперь они были истинно верующими.

В нескольких ярдах оттуда пара демонов, которые проходили под именами Бубуш и Ублейр, с открытыми пастями глазели на развернувшуюся перед ними сцену. В это просто невозможно было поверить.

— Это немыслимо! — объявил Бубуш, испытывая неловкое волнение. В воздухе буквально витало неопределенное «нечто».

— Я правильно понимаю, чем он там занимается? — брызнул слюной Ублейр, почесывая зловредно изогнутым когтем макушку.

Бубуш кивнул. Много лет тому назад он слышал о чем-то подобном, происходящем в Верхнем Мире[1]. Но здесь, внизу? Это было ужасающе.

Однако Бубуш почему-то никак не мог просто обойти все это стороной.

Некий зрительский восторг делал разворачивающуюся перед ним сцену все более привлекательной. Бубуш знал, что категорически не должен все это слушать, знал также, что его демоническая обязанность — быстро оттуда убежать и доложить о происходящем первому же дежурному ментагону. Однако...

Его остроконечные уши подрагивали, пока Бубуш прислушивался к запретным речам, а щелки глаз, казалось, не способны

---

[1] Когда Бубуш работал в ООО «Трансцендентальные круизы», одним из самых популярных вариантов проведения отпусков среди наиболее извращенных демонов были двухнедельные «Туры одержимости», в процессе которых можно было посетить различные религиозные мероприятия. Недолго думая, вполне нормальные правоверные дьяволы запросто отстегивали сотни оболов, впрыгивали в тела невинных наблюдателей и смотрели, как живет другая половина мира.

Теперь эти демоны по-прежнему болтались в Мортрополисе, сильно затронутые увиденным, в глубинах чьих душ были посеяны семена обращения, ждущие лишь легкого нажима на некий спусковой крючок. Никто не знал, сколько их всего.

были оторваться от фигуры в черной сутане, которая с энтузиазмом разглагольствовала над головами неподвижной аудитории.

— Народ Уадда, — вещал его высокобесподобие Брехли Трепп, размахивая руками и тем самым распространяя новые волны духовной страсти. — Сердце мое наполняется искрами праведного восторга, когда я вижу, с какими открытыми глотками принимаете вы слово Алкана. Пейте, пейте и становитесь еще радостней, мои маленькие овечки!

Следовало сказать, что Трепп уже немного увлекся и стал хватать через край. Все, что обещал ему Алкан, по сути оказалось правдой. Бесчисленные обращения за считанные минуты, завороженное море верующих. Воистину это был Аррай в Уадде.

Однако было здесь одно крошечное облачко беспокойства, порхающее по прозрачно-голубому небу вечного блаженства. Теперь, когда Трепп достиг стопроцентного обращения толпы у *своих ног... что же ему теперь предполагалось с этим народом делать?* Не мог же он просто сложить руки на груди и воскликнуть: «С вами уже все ясно, давайте мне сюда другую толпу!» Не мог же он так бесцеремонно отделаться от полной рвения аудитории. Но что же еще он мог сказать им о поклонении Алкану и его элю?

И тут до миссионера дошло. К чему ограничиваться Алканом? У него была предельно увлеченная аудитория — раз ты их взял за соски, то дои!

— Народ Уадда, — продолжил Брехли Трепп и сжал руки у груди в экстатическом восторге, разглядывая жутко потрепанные одеяния, носимые измученными душами у его ног. — Сегодня вы по-настоящему избранны! Да, теперь вы стоите здесь, застыв на пороге нового и ужасающего понимания. — В толпе послышался вздох. — Я хочу сказать — ужасающего для тех, кто сегодня здесь не присутствует. *Вас изумит их реакция, когда они в следующий раз увидят вас преображенными во всей вашей славе и величии!* — Трепп подошел к краю крыши и указал на почти голого мужичонку, невероятно тощего, с опаленной бородой. Кожа несчастного была сплошь покрыта ожогами и черными пятнами сажи после восьмичасовой смены в Яме Горящих Угольев.

— Вот вы, сэр, — объявил проповедник. — Да, вы! Шаг вперед, присоединяйтесь ко мне здесь, на крыше. Да-да, присоединяйтесь ко мне! — Трепп протянул руку и затащил мужи-

чонку на крышу, прежде чем у того появился шанс отказаться. Ах, как же все-таки сладки были восторги истинно увлеченной аудитории!

Едва сознавая, что они делают, Бубуш и Ублейр с величайшим интересом подались вперед.

— Итак, сэр, — продолжил Брехли Трепп. — Надеюсь, вы не сочтете дерзостью с моей стороны, если я спрошу вас, очень ли вы довольны вашей невероятно убогой наружностью?

— Что? — прохрипела измученная душа.

— Носите ли вы эти омерзительные отрепья по вашей собственной воле?

— Ась?

— Хотите немного приодеться, приятель?

— Ну, если вы предлагаете, я бы не отказался. То есть не то чтобы здесь так уж холодно, однако...

— ...у человека есть своя гордость! — перебил Трепп, направляя разговор в нужное русло.

— Да, полагаю, это...

— ...истинная правда! Тело человека должно быть его тайной. Не каким-то куском общественной собственности, на который все глазеют, в который тычут пальцем и высмеивают. Народ Уадда! Если у кого-то торчат ребра, как у этого малого в самой что ни на есть отвратительной манере — э-э... не берите в голову, приятель, — то это его дело. Если чьи-то ноги опалены и изношены в результате излишних унижений, а здесь у меня под боком первоклассный пример подобного пренебрежительного обращения...

— Гм, вы не против? — вмешался мужичонка. — По-моему, главную мысль они уже ухватили. Я знаю, что меня вряд ли можно назвать сексуальным или чем-то в таком духе, но...

— По крайней мере, если ваше тело покрыто одеждой, будет оставаться определенное чувство загадки касательно вашего телосложения. Ощущение тайны, которое можно использовать в смысле увеличения вашей сексуальной привлекательности, если соответствующая ситуация возникнет...

Ублейр ощутил, как у него в глотке сам собой формируется восторг полного согласия с проповедником.

— В самом деле? Сексуально привлекательный? Я?..— залопотала потрепанная душа на крыше.

Толпа дружно охнула, обратив внимание на паскудное состояние собственной наружности. Даже Бубуш поймал себя на том, что смущенно приглаживает чешуйки у себя на лбу.

— Используя правильное покрытие своего тела, вы сможете воспользоваться соответствующими преимуществами! — объявил Брехли Трепп и с элегантным жестом вытащил из-под сутаны кусок цветного пергамента, одним взмахом кисти его разворачивая и особо не задерживаясь. Хотя ему следовало мысленно поблагодарить Алкана за то, что этот материал, как и сам Трепп, был неким образом обработан, чтобы выдерживать среднюю температуру окружающей среды в шестьсот шестьдесят шесть градусов по Фаренгейту.

Толпа заохала и заахала, пожирая глазами весь комплект готового к носке нижнего белья для обоих полов, голубого и розового.

— Да! Вы будете чувствовать себя такими счастливыми, не имея необходимости обнажаться! Уадд — сущая радость, когда вы одеты в Нужное Белье.

Бубуш был потрясен. Несколько мгновений он проталкивался сквозь толпу, отчаянно стремясь получить как можно больше информации о Нужном Белье, шумно требуя возможности ощутить его нежную текстуру на своих блестящих черных чешуйках.

А затем он заметил выражение лица Ублейра. В тот же миг, быстрее, чем молния мелькнет между пальцев, он это выражение узнал. Да, это была всего лишь бледная имитация шестого изображения из того ряда рисунков, над которыми он недавно размышлял, и тем не менее все там было на месте: сцепленные у груди лапы, физиономия как воплощение радостного благочестия и едва ли не полного обращения.

И в этот самый момент Бубуш с твердой уверенностью понял, что бесчинствующее на крыше хижины существо неким образом связано с тайной. Смог бы этот малый в сутане перевести досье? И не являлся ли он секретным оружием окончательного раскола?

Бубуш уставился на всю сцену с внезапно изменившейся точки зрения. Да, это была правда. Здесь и впрямь происходило что-то очень мощное. На этой площади пошли на слом все нормальные системы и процедуры. Демоны запросто пили эль вместе с мучимыми душами!

Бубуш понял, что просто должен заполучить этого человека. И устремился вперед, в сумятицу.

Ублейр, уже в нескольких ярдах вперед него, был спасен от немедленного обращения лишь взрывом свистков, стуком копыт несущихся во весь опор ментагонов и тем, что все вокруг него внезапно стали рассыпаться по сторонам.

И Бубуш, и Ублейр в благоговейном ужасе наблюдали, как восемь по-настоящему здоровенных монстров вторгаются в стремительно разбегающуюся толпу только что казавшихся парализованными душ, ловко орудуя веревками. За считанные мгновения и несмотря на оглушительные протесты наблюдающих за всем этим сдельщиков, ментагоны с легкостью, даруемой опытом, прихватили троих вандалов на крыше.

Секунды спустя его высокобесподобие Брехли Трепп, невинная модель из толпы и безостановочно мучающий свою скрипку Бешмет были сброшены на землю, связаны и уволочены прочь.

— Нет, вы не можете его забрать! — заверещал Елеус, снова устремляясь вперед против потока рассыпающихся по всем сторонам душ. Разум его уже принял решение, а кулаки размахивали, готовые отоварить любого ментагона. Или всех сразу, если потребуется.

Если бы Фауст не прыгнул на него сзади и не прижал к опаленной земле, Елеус определенно ввязался бы в дикую схватку — один против всех.

— Не сейчас, — рявкнул Фауст в ухо Елеусу. — Мы его вернем, не беспокойся. Долго без Бешмета мы не останемся.

И в это мгновение, пока зародыш миссии взращивался в его пылком уме, Елеус размяк и позволил себя увести, пока Трепп исчезал за дальним углом меж двух громадных демонов.

— Ах как скверно, — укорял демон Пудин, сжимая левое плечо Треппа. — Как нехорошо. Пытался малость народу спасти, ага? Ну нет, тебе нельзя! Скажи спасибо, что ты не успел слишком далеко зайти, иначе мы бы точно тебе башку, на хрен, расколотили. Правда, Грызло?

— Угу, — мрачно отозвался его напарник.

Брехли Трепп жалобно пожал плечами:

— Нет, вы не понимаете. У меня миссия от божества...

— Ого, а вот это уже классно, а, Грызло? Такого я еще ни разу в смерти не слышал. — Он обернулся через плечо и проревел паре демонов, сжимающей Бешмета: — Вот этот чувак говорит, что у него от божества миссия! Слыхали вы когда-нибудь что-то

более смехотворное? Лично я не слыхал. — Ментагоны позади разразились свирепым смехом.

— На твоем месте я бы держал себя потише, — громоподобно прорычал Пудин. — Ты уже и так в дерьме по уши. Возбуждение бунта, разная бредятина про богов и все в таком роде.

— Но это не был бунт, — запротестовал Трепп, чьи ноги беспомощно болтались меж двух гигантов. Эта ситуация отчего-то казалась ему тревожно знакомой. — Было просто тихое собрание...

— Заткнись, — прорычал Пудин и поволок его прочь. — Это был натуральный буит, ясно? И я скажу тебе почему. Мы Бунтовой отряд, усек? Нас зовут, чтобы с беспорядками разбираться, сечешь? Бунтовой отряд не зовут, чтобы масло на бутерброды намазывать. Короче, если не бунт, нас не зовут. Врубаешься, да?

За дальним углом Бубуш и Ублейр стремительно давали деру. У них не было ни малейшего желания дожидаться, пока им начнут задавать наводящие вопросы.

И пока Бубуш несся, а пятки его демонически стучали по задним улочкам Мортрополиса, голова его в панике гудела.

Только что произошло что-то предельно странное. На какой-то момент он полностью потерял контроль над своей волей. И это было еще не все. На какой-то момент вся властная структура Уадда со скрежетом остановилась. Всего лишь на какой-то момент Асаддам потерял контроль над небольшим участком Мортрополиса.

Хотя Бубуш понятия не имел, что все это означает, он знал, что это некая прореха. Крошечная брешь в сияющих доспехах Асаддама.

Зерно возмездия, размещенное в этой мысли, уютно там расположилось и начало пускать корни.

Когда дверь в его мастерскую пинком распахнул удар копыта, Лолох машинально вскинул голову и врезался затылком в тяжеловесный фильтр распознавания образов.

— Ну, вылезай! Где ты там? — прокричал тревожно знакомый голос. — Время не ждет!

Лолох негромко простонал себе под нос и с трудом выбрался из внутренностей своего последнего, наиболее совершенного кристаллического анализатора, или очередного КАЛа.

— Я жду! — прорычал голос.

Отряхивая когти о подол халата, Лолох быстренько пробежал к переду массивного обсидианового блока.

— Прятался от меня, да? — Асаддам гневно глазел на демона, пока тот появлялся из-за своего творения, потирая затылок. — Отчет о прогрессе до сих пор не готов?

Асмодеус, стоя под боком у Асаддама, ухмыльнулся, сжимая в руках большую абаку. Всегда приятно было наблюдать, как кого-то рвут на лоскуты. Да, быть в непосредственной близости от Асаддама, когда это происходило, было сущим наслаждением. А ему самому это не причиняло решительно никакого вреда. Частичка власти оказывалась у банкира, когда он просто парил в ауре главного менеджера Мортрополиса. Очень скоро, когда все нижестоящие окажутся под карающим кулаком Асаддама, они уже не будут доставлять ему никаких проблем.

— Ну... я там все еще налаживал... — начал Лолох.

— Молчать! — возмутился Асаддам, еще больше усиливая свой гневный взор. — Неверный ответ! — Кулак главного менеджера вылетел словно бы из ниоткуда и треснул Лолоха прямо в рыло. Судя по всему, недавняя встреча с бесчинствующей бандой паромщиков на берегах Флегетона мало поспособствовала обретению Асаддамом чувства спокойствия и благополучия. Слово «раздраженный» даже близко не соответствовало его теперешнему настроению.

Асмодеус радостно потер лапы. Это был еще один подходящий депозит в его рынок злых вариантов будущего.

Еще несколько подобных нападок, и Лолох будет дрожать всякий раз, как Асмодеус просто пройдет мимо двери в его мастерскую.

— Прямо сейчас может быть только один ответ,— прорычал Асаддам Лолоху. — И ответ этот таков: «КАЛ готов к работе». Понятно?

Губы Лолоха задрожали, когда он кивнул.

— Вот и хорошо. А теперь попробуем снова, ага? — Асаддам ухмыльнулся, нарочито демонстрируя клыки.— Отчет о прогрессе.

Лолох нервно шагнул назад и быстро взглянул на один из последних блоков КАЛа у себя за спиной. Ни лучика света не отражалось от монолитной поверхности кристаллического анали-

затора. Лишь за углом, вне поля зрения, повсюду были рассыпаны причудливо окрашенные внутренности.

Асаддам нетерпеливо топнул копытом:

— Ну?

Асмодеус по-акульи ухмыльнулся.

Опасливая капля пота силилась выступить у Лолоха на виске.

Самый негромкий из холодно-властных вздохов выскользнул из пасти Асаддама, когда его глаза на долю секунды взметнулись вверх.

— Отчет о прогрессе! — проревел он, одним хищным скачком покрывая двадцать футов между собой и ученым и крепко хватая того за горло.

— Ах-х... хорошо...

— Плохо! — заорал Асаддам, чей нос был в какой-то доле дюйма от носа Лолоха. — Ты знаешь ответ, который мне нужен!

Лолох предпринял отчаянное усилие и ответил:

— КАЛ к работе готов.

— Отлично! Славная работенка...

— Н-но только... я по-прежнему должен подстроить...

Было маленьким чудом, что барабанные перепонки Лолоха не лопнули от децибельного давления вопля Асаддама.

— По твоему скромному мнению, — холодно прошипел Асаддам после нескольких крепких ударов головой ученого о его собственную конструкцию, — когда же этот КАЛ будет готов для его использования на Флегетонской площадке допуска? Нет решительно никакого смысла заново выстраивать Душевые кабинки, пока не будет полностью закончена Система назначения мук. Я хочу, чтобы все это работало на полной скорости еще до визита д'Авадона. Понятно?

Глаза Лолоха закатились куда-то на самую его макушку, и он с печальным бульканьем сполз на пол.

— Будь он проклят! В наше время с этим персоналом просто невозможно работать. Я всего-то насколько раз его и хрястнул. Ладно, теперь ты, — Асаддам оставил в покое Лолоха и развернулся к Асмодеусу. — Какова будет цена этой задержки?

— Предполагая, что его память не окажется затронута этим прискорбным...

— Не валяй дурака, — принялся угрожать Асаддам, грозно нависая над меньшим по росту демоном.

— Я... я не знаю, как мне не валять дурака, сэр,— захныкал Асмодеус, глядя в пол. — Бухгалтерия подобным навыкам не учит.

— Так сколько это будет стоить?

— За каждый дополнительный рабочий день для полной строительной бригады это будет... — Когти Асмодеуса застучали по обсидиановым сферам абаки, двигаясь с ослепительной стремительностью фискального проворства. — Следует ли мне, — спросил финансист, — включить сюда зарплату, выплаченную чиновникам допуска, которые вскоре станут излишними, на ежедневной основе или на основе почасовой?

— На ежедневной, идиот! Так больше выйдет!

— Что ж, очень хорошо. — Последовал еще один всплеск когтей, и несколько мгновений спустя Асмодеус откашлялся. — За каждый день, пока кристаллические анализаторы Лолоха не были смонтированы и задействованы на Флегетонской площадке доступа, предотвращая таким образом полную автоматизацию в принятии вновь прибывших, а также не высвобождая труд для утилизации его в плане добычи с готовностью доступных альтернативных источников топлива, это будет стоить двадцать две тысячи триста пять оболов.

Эта цифра удивила даже Асаддама.

— Так ты говоришь, что каждый день, пока мы держим демонов в Иммиграционном отделе, а не на предложенных мной рудниках лавы и серы, стоит нам двадцать с чем-то кусков?

— Точно так, сэр, — ухмыльнулся Асмодеус.

Асаддам злобно фыркнул и пнул копытом стонущую фигуру Лолоха.

— Вычесть всю эту сумму из его зарплаты! — приказал он. — А затем немедленно закрыть Иммиграционный отдел и перебросить этих безмозглых придурковатых бюрократов в рудники Уэбаса!

— Но, сэр... Задержки на той стороне Флегетона будут просто чудовищными...

— Ну и что? У недавно подохших в запасе целая вечность, чтобы добраться сюда. Несколько недель в зале ожидания абсолютно никакого вреда им не причинят.

— Да, это верно, сэр... но не станут ли паромщики малость... э-э... возмущаться, когда к ним не будет поступать никаких душ?

— Это ты у меня спрашиваешь?

— Ах *н-нет, сэр. Э-э... бухгалтерия подобным вещам* не учит. — Под таким давлением любые возражения Асмодеуса могли потерять всю свою силу.

Верхняя губа Асаддама выгнулась, задрожала, а затем разошлась в самой что ни на есть дьявольской ухмылке.

— Но насчет паромщиков ты совершенно прав. Ах как это будет печально. Ведь им по-прежнему платят за число переправленных душ, не так ли?

Асмодеус кивнул, чувствуя, что Асаддам готов сделать некое признание.

— Тогда им, похоже, предстоит особенно скудный период.

Беспорядочный гомон голосов грохотал по внутренностям корпуса древнего заброшенного парома, пока группа сдельщиков, сгрудившись в своем убежище, отчаянно паниковала.

— Что же нам теперь делать? — рявкнул Фауст — кажется, уже в двадцать пятый раз.

— Куда они его забрали? — ныл Шнютке. — Только бы ему не повредили пальцы. Ах, неужели я больше никогда не услышу мой финал...

— Боюсь, что это будет чертовски скоро, — проворчал Фауст.

— Не говори так! Мы непременно должны его спасти. Я просто не смогу вынести всю остальную вечность без того, чтобы Бешмет утешал меня своей чудесной игрой,— отчаянно брызгал слюной Шнютке.

— Мы все это уже двести раз проходили. Может здесь кто-нибудь предложить что-нибудь полезное? — спросила Шпирс.

— Э-э... я могу обрисовать план, — предложил художник Мудассо.

Никто не обратил на него никакого внимания.

— А вы, ваше высокопреподобие? Вы что-то очень тихо себя вели, — поинтересовался Фауст.

Его высокопреподобие Елеус Третий покачал головой и поднял полные боли глаза.

— Я просто не могу в это поверить, — простонал он. — «Посланник», сказал он. «Посланник»! Никогда не думал, что смогу увидеть здесь еще одно духовное лицо. Мы должны ему

помочь. Он лишится всякой опоры, напуганный, потерянный, чувствующий себя преданным...

— А по-моему, он отлично справлялся, — пробормотал Фауст. — Я вообще-то больше беспокоился о Бешмете. А тот, другой парень, так ментагонам своими проповедями мозги запудрит, что они у него с руки есть начнут.

— А по-моему, все будет по-другому, когда он поймет, куда попал, — со значением произнес Елеус. Уж он-то это хорошо знал. Он сам через это прошел.

Потребовался всего лишь один момент неосторожного отчаяния в часовне святого Маразма Регулярно Забываемого. В тот злополучный день всего этого вдруг стало для Елеуса слишком много. На пятидесятый год работы вся конгрегация, яростно стучащая в дверь и готовая к страстной молитве, исчислялась нулем целых и нулем десятых.

Елеус тогда не понимал, что разговаривает сам с собой, — это просто вроде как вырвалось. Что ж, после пятидесятилетнего общения лишь с самим собой — ничего удивительного здесь не было.

— Ах, что бы я только ни отдал, лишь бы иметь дело с реальными людьми! — объявил он после того, как несколько крыс появились, высматривая сыр, — призванные, верил Елеус, одной лишь силой его мысли.

— А что именно вы бы отдали? — прогудел у него в голове чей-то голос.

— Все! — решительно ответил его высокопреподобие, не подумав.

— Совсем все? Абсолютно? — уточнил гудящий голос у него в голове.

— Да! Абсо...

Тут пол часовни вдруг взорвался, клубы перегретого пара вырвались наружу, а дюжины чешуйчатых лап крепко схватили Елеуса и потащили его вниз, в дыру.

Голос Фауста резко прорвался сквозь воспоминания, оттаскивая бывшее его высокопреподобие в настоящее время.

— Думаю, он уже наверняка знает, где он. Когда тебя, лягающегося и вопящего, уволакивает пара здоровенных монстров, это должно быть чем-то вроде намека. Уж духовное-то лицо за милю это заприметит. Как вы, например.

— Должно быть, для него это был ужасный шок. Он наверняка страшно напуган.

— А как насчет Бешмета? — напомнил Шнютке.— Давайте о нем не забывать.

— Я ему говорила, что ему следовало позволить мне помочь, — проворчала Шпирс.

— Ну да, а я тогда остался бы без модели, — запротестовал Мудассо, глядя на Шпирс сквозь кольцо из своих пальцев. — Тебя бы уволокли вместе с ним.

— Куда уволокли? — спросил Шнютке.

— В штаб-квартиру Ментагона, — простонал Елеус.— Пока мы тут с вами разговариваем, он уже, вероятно, прикован наручниками к стене.

— Черт, как же я ему завидую! — мечтательно проворчал Фауст. — Если его высекут кнутом, я навеки его возненавижу! А тиски для больших пальцев... ах какое блаженство!

Шнютке невольно засунул руки себе в рот, сожалея о, быть может, разрушенной для вечности руке Бешмета.

— Ах, эта аппликатура! Кошмар! Мы просто обязаны его спасти.

Внезапно глубоко в недрах мозга его высокопреподобия маленький участочек, который имел отношение к скрытному содействию, резко вошел в работу и с дикой импульсивностью принялся раздавать приказы его речевым центрам.

— Шнютке прав. Мы не можем оставить жертв на милость ментагонов, — объявил он. При этом его разум был четко сосредоточен на Треппе. — Иначе лично я уже никогда не смог бы с собой ужиться...

— Вы произнесли «ужиться»? — педантично осведомилась Шпирс.

— Ну, ты знаешь, что я имел в виду, — отмахнулся от нее его высокопреподобие. — Нельзя же сказать «я никогда не смог бы с собой умереться», разве не так?

— Да прекратите вы спорить! — заорал Шнютке.— Нам нужен план!

— Абсолютно согласен, — подтвердил Елеус с тайной самодовольной улыбкой. Было бы ужасным несчастьем, если бы этому плану совершенно случайно в то же самое время не удалось спасти определенного пленника в сутане.

Мудассо ухмыльнулся, разгладил листок патентованного пергамента, закатал рукава и лизнул комок недавно похищенного угля.

Подпольный подогрев шипел и булькал сквозь проложенные через фундамент дома Ублейра трубы, пока Бубуш наклонял лавовую лампу над пачкой загадочных документов.

Холодные пальцы конденсата облизывали поверхность пачки и стекали дальше вниз по ножкам обсидианового стола.

В дальнем углу Кременюга сосредоточенно глодала большой валун, с шумным хлюпаньем выкусывая аметистовые кристаллы из самой его середины.

Бубуш задумчиво фыркнул и, пользуясь щипцами, перевернул документ.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Ублейр у него над плечом.

Бубуш пренебрежительно отмахнулся от него когтистой лапой и еще внимательней уставился на запутанный текст, мерцающий под облаком пара.

Кременюга с хрустом отхватила еще один кусок валуна, от чего у Ублейра по позвоночнику поползли мурашки отвращения.

— Нашел ты что-то полезное или нет? — продолжил приставать он.

Бубуш повернулся к приятелю и открыл рот, словно собираясь выдать некий утешительный бальзам мудрости. Однако затем он зевнул, потер подбородок и многозначительно помахал хрустальной чашкой с широким ободком. Ублейр прорычал, понял намек и потопал к шкафчику с выпивкой.

— Ты уже часами его буравишь, — пожаловался он, раздраженно смешивая еще один лавовый мартини. — Хоть что-нибудь ты прикинул?

— Ну-у, — протянул Бубуш, садясь прямо и протирая глаза. — Кое-что у меня есть.

— И что? Может, все-таки скажешь? — продолжал клянчить Ублейр.

— Боль в шее. — Бубуш потер ноющие шейные позвонки.

— Эх ты неблагодарный. Я с самого начала знал, что нужно было оставить тебя на полный срок исправительных работ.

— Ты лучше с выпивкой поторапливайся. А потом я скажу тебе, что я узнал, — заявил Бубуш, разворачиваясь на вращающемся стуле.

— Послушай, ты все это время врал. На самом деле ты знаешь, что там такое.

Бубуш схватил кипящий лавовый мартини и сразу же отправил полчашки его себе в пасть. Затем он снова потер шею, встал и прошел к дальней стене — в манере, которую так любят бельгийские детективы, вот-вот собирающиеся сделать некое драматическое признание: руки сзади на пояснице, ну и все такое прочее.

— Итак, что же это такое? — простонал Ублейр после того, как Бубуш битых две минуты проходил взад-вперед.

— Дело темное.

Только эти два слова Бубуш и сказал. Ублейр хлопнул себя ладонью по лбу и взвыл.

— Это я и сам мог бы тебе сообщить! — рявкнул он. — Скажи мне что-то определенное. К примеру, почему он так дымится?

— Ага, вот это как раз то, что я знаю. Твоя находка, безотносительно к информации, которую она содержит, стоит, надо думать, целое состояние — для осведомленного коллекционера.

— Что?

— Эта штуковина очень древняя. Изготовлена задолго до изобретения патентованного пергамента[1], а также лавиковых ручек, чтобы на нем писать, приходилось использовать этот материал. — Бубуш указал на документы.— Нормальный горючий пергамент, который окружен особым рефрижераторным полем. Ему по меньшей мере два столетия.

Впервые за очень долгое время у Ублейра не нашлось никаких слов.

Впрочем, долго это его состояние не продлилось.

— Чудесно, — объявил он, хлопая себя лапой по горлу после хорошего глотка лавового мартини. — Итак, я просто подскакиваю к нужному торговцу и получаю славный куш. Честно говоря, я прямо сейчас предпочел бы поторговаться...

Глаза Бубуша расширились:

---

[1] То есть того, который не выгорает при нормальной температуре окружающей среды; не морщится, не обугливается и не кальцинируется.

— Если ты намерен сбагрить этот документ по цене пары-другой бутылок, тогда давай. Я тебе за него отстегну целых пятьдесят оболов.

— Пятьдесят? — ухмыльнулся Ублёйр, потирая лапы. — Что ж, тогда порядок. Сумма, по-моему, довольно приличная... Э-э, стоп. Ты? Ты мне за него деньги дашь? А в чем тут выгода?

Бубуш метнулся по комнате и встал до неловкости близко к Ублейру. Щелки его зрачком метались влево-вправо в поисках подслушивающих ушей.

— Выгода? Он, скорее всего, стоит больше, чем ты можешь себе представить, — но только в нужных лапах, вот как!

— Но в чьих лапах? И когда мы сможем этим лапам его загнать? Покажи мне способ, и я...

Бубуш замахал лапами:

— Ты что, не понимаешь? Это наш шанс! Мы ни за какую цену его не продадим!

— По-моему, ты уже слишком налимонился лавовыми мартини, — прохрипел Ублейр, указывая кривым когтем на пустую чашку Бубуша. — Ты несешь бред.

— А я тебе говорю — это наш шанс!

— Ладно. Шанс на что?

— Это именно то, что нам нужно, как ты не понимаешь? Но только, что это такое, я... я... я понятия не имею.

— Просто чудесно.

Бубуш внезапно стал приходить в отчаяние. Последние несколько часов взяли свое. На задворках его сознания терпение лежало кровоточащим, избитое злобными кулаками разочарования, — жертва даром потраченных часов. Бубуш уже потерял счет числу раз, когда мириады случайных бессвязных мыслей начинали кружиться у него в голове.

Фрагменты намеков на что-то полезное вспыхивали, затем исчезали. Крошечные частички ключей к чему-то большему выплывали наверх сквозь сумерки непонимания, раз-другой поблескивали и тонули бесследно. Лапы его понимания беспомощно ныряли в ил неведения и появлялись оттуда грязными и прискорбно пустыми, обтекая отбросами отчаяния. Короче говоря, Бубуш был просто уничтожен.

— Я кое-что из этого прикинул, но это такая малость...

— Скажи мне! — прорычал Ублейр.

— Никто не выводит на чем попало слова «Секретно! Совершенно секретно! Даже не думай это читать! Да-да. Именно ты!» — если это только... ну, если только это не впрямь что-то секретное, так? — Голос его нервно задрожал.

— Вот так откровение! — саркастически простонал Ублейр.

Бубуш одарил его гневным взором:

— Если ты тут дерзить собрался...

— Ладно, ладно! Давай дальше.

— И никто не оставляет секретные материалы валяться там, где их кто угодно прочтет, верно? Обычно предпринимают массу предосторожностей, чтобы не дать секретным материалам попасть не в те лапы и так далее, потому что будет беда, если так получится.

— А смысл? — устало простонал Ублейр, уже начиная жалеть о том, что дал тебе труд ввязать в это дело Бубуша. Он мог бы прямо сейчас заниматься чем-то по-настоящему восхитительным — например, квасить лавовые коктейли в приличном заведении.

— Смысл в том, что с точки зрения того, кто хотел сохранить тайну, наши лапы как раз и есть «не те».

Внезапно Ублейра достиг укол понимания.

— Да-да, мы должны быть «не теми», — продолжил Бубуш, слегка повышая голос. Возбужденная гортань обеспечивала ему писклявый оттенок. — Я хочу сказать, что это звучит разумно. Если мы не «те», а ими мы по определению быть не можем, ибо тогда мы сразу бы поняли, о чем этот материал... тогда мы просто должны быть «не теми»!

Ублейр энергично кивнул, по-прежнему лишенный даже намека на то, к чему все это может вести.

— И есть две вещи, которые мы можем проделать с этим материалом. Именно эти две вещи и делают его по-настоящему ценным...

— Ну, и что дальше?

— Во-первых, устроить шантаж...

— Да, да! — возопил Ублейр, с энтузиазмом размахивая лапами. — Ясно дело, мы запросто извлечем кучи оболов из того народа, который не хочет, чтобы этот материал получил огласку. А другая вещь?..

— Будь я проклят, если знаю.

— Ладно-ладно, нечего меня тут враньем кормить. Ты часами на эти картинки таращился. Ты должен что-то знать!

— Хорошо, я скажу, но учти — это только догадки! — Бубуш пренебрежительно махнул лапой, после чего ухватился за щипцы. — Смотри сюда... э-э... где же это... а, вот. Смотри внимательней. — Он указал на ряд странных контурных фигур. Некоторые были высокие, с остроконечными хвостами, копытами и рогами. Некоторые же — поменьше, с бородами и в длинных плащах, а также со странными плоскими колечками вокруг голов.

— Вот эти, — вслух размышлял Бубуш, указывая на высокие фигуры, — дьяволы.

— Почему ты так думаешь? — спросил Ублейр.

Бубуш хмыкнул и указал на остроконечные хвосты, копыта и рога.

— Как я уже сказал, это только догадки. — Тут он сделал свой взгляд решительно испепеляющим.

Телу Ублейра все-таки хватило приличия, чтобы извиниться за свой язык, и его рыло мгновенно покраснело.

— А вот эти, — продолжил Бубуш, указывая на меньшие фигуры в плащах и с головными кольцами, — как мне кажется, что-то вроде их врагов. Понимаешь, вот здесь те и другие стоят лицом друг к другу. — Он указал щипцами на верх одного листа пергамента, затем перелистнул отрезок невразумительного текста и помахал щипцами над другим листом. — А вот здесь они сражаются...

— Или танцуют, — предположил Ублейр. — Я видел, что такая хватка используется в некоторых пещерных танцах...

— Заткнись. — Бубуш перелистнул еще несколько страниц — к другой иллюстрации. Здесь было меньше стоящих фигур, зато вся земля была усеяна распростертыми телами существ обоих типов.

— Сражение продолжается? — предположил он.

— Или они протанцевали до рассвета и...

— Это предположение я проигнорирую с той надменной дерзостью, какой оно заслуживает, — проворчал Бубуш, переворачивая еще несколько листов. — Ага, вот как раз здесь у меня головная боль и возникла. До сих пор все это вроде бы имело смысл. Шло сражение. Но вот это... что ты извлечешь отсюда?

На сцене демонстрировались странные контурные фигуры. Причем они сидели, скрестив ноги, вокруг того, что выглядело как

большой костер. В каждой руке были видны кольца размером почти с голову, украшенные по всей окружности меньшими кольцами. Казалось, они этими странными кольцами размахивают. Настораживало то, что некоторые из ртов были широко раскрыты.

В небе над ними было начертано одно-единственное слово.

— Есть идеи, что это может означать? — спросил Ублейр, указывая на слово «Аллилуйя!», начертанное в небе.

— Я уже говорил, — прохрипел Бубуш. — Будь я проклят, если знаю!

В Главном муниципальном зале предсказаний шел самый обычный день. Группа стареющих пророков сидела в гулком помещении вокруг любопытной формы мраморного стола, задавая важные вопросы, а затем разбрасывая специальные кости, чтобы предсказать ответы. Обсуждались там в основном горячие темы — например, когда следует провести в Аксолотле Первенство среди начинающих пророков или будет ли более счастливым для грядущей демонстрации сериала «Три гада» продлиться три недели, две недели либо один день.

Так все и должно было идти, если бы внезапно пара ног не прогрохотала по коридору, на предельно высокой скорости запуская в зал отчаянного мужчину. Врезавшись в твердые бамбуковые двери, он с легкостью проскочил их, после чего в довольно недостойной позе застыл у дальней стены, проклиная в высшей степени отполированную поверхность пола.

Самый главный муниципальный пророк, капитан Мабыть, вгляделся за край стола и прохрипел:

— Войдите.

Мужчин быстро встал на ноги, потирая пару стремительно синеющих ягодиц и умоляюще глядя капитану в глаза.

— Мне нужно узнать время бракосочетания. Причем это время должно соответствовать периоду абсолютно максимальной благоприятности. И это время бракосочетания узнать мне нужно прямо сейчас. Надо все заранее спланировать, понимаете?

— А кто вы такой? — проворчал капитан Мабыть, не вполне воодушевленный тем, что его с такой поспешностью отвлекли.

Прорицание было величественной и до расслабленности спокойной профессией. На человека этой профессии вообще не следо-

вало набрасываться с такой дикостью. Особенно если у него был такой артрит, каким страдал сам капитан Мабыть.

— Корман Макинтош, продюсер игрового шоу «Сам себе пророк!» — радостно объявил незваный гость.

— Сам себе пророк? Что это еще за дилетантство? — проворчал Мабыть.

— Это просто астрологическое игровое шоу, когда ваша судьба оказывается в ваших руках. А ведет его Блинни Плутт. Оно очень популярно. Впрочем, не берите в голову. Полагаю, вы бываете очень заняты, когда оно проходит.

— Это что, одна из тех дневных театральных штучек?

— Да... но я...

— Ха, никогда его не смотрел. Я припоминаю времена, когда никто не осмелился бы устроить театральное представление, пока солнце не окажется далеко за фасадом Храма. У людей нынче слишком много свободного времени, а потому они его тратят на всякую ерунду. Вам так не кажется?

— Кажется. Уверен, так оно и есть. А теперь, будьте так добры, мне бы очень хотелось узнать время бракосочетания.

— Да-да, я помню. Расскажите мне поподробней.

— Гм... я не очень хорошо понимаю, как он это провернул, но Блинни Плутт сумел так все организовать, что победительница в шоу «Сам себе пророк!» в его финальной части «Расставь свои знаки» попросила его на ней жениться. Хотя на самом деле это он ее попросил, потому что он должен был... гм...

— Так вы собираетесь сообразить на троих раннюю свадьбу?

— Что?

— Должен был жениться на ней — вы же сами сказали. И нужно в темпе все устроить, пока все это дело наружу не вышло, так? Ха, ну и нравы у нынешней молодежи!

— Н-нет... вообще-то я так не думаю. — Корман задумчиво потер подбородок. — Вот старый дьявол, — пробурчал он себе под нос.

— Ну-с, давайте посмотрим, что же здесь можно сделать. — Мабыть с большим трудом поднялся на ноги, погремел своими подходяще разогретыми особыми костями, зажатыми в сморщенном кулаке, и зашаркал к дальней части стола. Стол этот был футов двадцать в длину, а в дальнем конце — странное дело! — имел восемнадцатидюймовую стенку.

Подув на костлявые ладони и опершись бедрами об стол, Мабыть, почти без всей той церемонности, которую Корман от него ожидал, резко швырнул три рунных кубика катиться по всей длине стола.

Они лишь раз подпрыгнули, ударились о заднюю стенку и остановились посреди выжидательной тишины, нарушаемой только непрестанным подсасыванием дряхлым капитаном своей вставной челюсти.

Мабыть прошаркал к дальнему концу и вгляделся в руны, особенно шумно подсасывая челюсть, пока обдумывал значение этих рун.

— Самое благоприятное, говорите?

Корман кивнул.

— Гм... и как можно скорее?

— Да, нам нужно как можно сильнее сохранить все это событие в общественном сознании и начать продавать билеты, как только...

— Счастливый исход для счастливой парочки?

— Да, гм-м... думаю, да?

Мабыть хмыкнул, схватил рунные кубики и сунул их обратно в карман.

— Вторник на следующей неделе, — пропыхтел он, шаркая назад к своему креслу.

— Что? — воскликнул Корман. — Так скоро?

— Вы же хотели скоро. Сами сказали. Вбежали сюда без всякого объявления, как будто вам кто-то перец в задницу вставил. Я помню времена, когда молодые люди всегда стучали в дверь. Вторник на следующей неделе — и точка!

Тут в голове у Кормана возникло целое полчище проблем. Одежда... подарки... списки гостей... гм-м... костюмы...

Список рос. Паника начала угрожающе нависать над плечами продюсера. Тогда он резко развернулся и во весь дух бросился бежать из Главного муниципального зала предсказаний, на лету промахивая добрых пять шагов, прежде чем ему снова удавалось достичь соприкосновения с землей.

— Вот в чем проблема с современной молодежью,— проворчал капитан Мабыть, буквально обтекая меланхолией. — Торопливость. Не могут дождаться, пока все толком не будет проделано. Я помню, в мои времена мы девушку добрых пару-другую раз

на люди выводили, прежде чем вся эта свадебная суматоха свою уродливую голову поднимала.

— Так не должно было быть. Он обещал мне увлеченную публику, а не то что меня самого привлекут, — скорбно пожаловался его высокобесподобие Брехли Трепп самому себе, свисая со стены тюрьмы Ментагон, прикованный к ней наручниками.

— Вам следовало дать деру, когда у вас еще был шанс, — проворчал Бешмет, болтаясь рядом с ним. Впрочем, слова его лишь наполовину были адресованы Треппу, наполовину же — самому себе.

— Никогда! — заявил Брехли Трепп. — Я никогда не стану давать деру. Это моя миссия, моя...

— Вы там все еще ноете и жалуетесь? — проворчал Пудин, демон ростом в девять с половиной футов. С предельно скучающим видом он заполнял реквизитные пергаментные бланки, обложившись целой грудой толстенных справочных руководств.

— Я не должен был здесь оказаться! — заорал Трепп. Голос его эхом отразился от голых стен.

— Не беспокойся. Как только я найду правильную муку, тебя здесь не будет. — Пудин снова обратил свой взор на «Свод мук». Коготь его скреб по левому краю тома, пока рот сам собой работал. — Педерастия. Проституция. Пустозвонство. Ха! Никакого проповедования. Какого дьявола здесь нет проповедования? Вот и весь толк от этих гор пергамента. Как мне теперь выяснить, к какой муке тебя приписать, если проповедования здесь и в помине нет?

— А вы сами догадайтесь, — предложил Трепп.

Бешмет восхищенно задрыгал ногами. Славно было, что Трепп оказался таким недотепой. Теперь должна была потребоваться масса времени, чтобы его приговорить, а болтаться на конце пары наручников казалось настоящим праздником по сравнению с тем, чем всей их троице предстояло закончить.

— Ну-у нет. Не могу догадаться. Мне за эту работу столько не платят. Нет и еще раз нет. Должна найтись надлежащая мука, чтобы соответствовать преступлению, понимаешь? Тьфу! Терпеть не могу вас, долбаных сдельщиков, приговаривать. Нелегальные иммигранты, дьявол вас подери!

— Это кем это вы меня только что обозвали? — завопил Брехли Трепп.

— Нелегальным иммигрантом. Ну ты же нелегальный иммигрант и есть, разве ты сам не знаешь? Вы все поступаете сюда не как порядочным людям полагается. Не ногами вперед!

Любые сомнения, которые интеллектуальная сторона Треппа имела по поводу «сдельщиков», были тут же развеяны грохочущим ревом надежды. Сам себе изумляясь, миссионер услышал собственные слова:

— Ну, раз я нелегальный иммигрант, тогда почему бы вам просто меня не депортировать?

Бешмет, несмотря на свои вывернутые кисти и дрожащие плечи, широко ухмыльнулся. Логика была просто безупречной. Теперь, если дьявол находился в разумном настроении...

Рев издевательского хохота мгновенно сообщил обоим о том, что Пудин вряд ли когда-либо находился в таком настроении.

— Вот это классно! — жутко оскалился ментагон.— Но это тебе не поможет. Ты здесь на всю вечность. А теперь насчет приговора. Так-так, посмотрим. Проповедование. А что такое, собственно, проповедование?

— Ну, попробуйте тогда «евангелизм» поискать,— прорычал Брехли Трепп. — Только поторопитесь, чтобы побыстрее меня отсюда выпустить. Мне надо работой заняться!

— Работы ты получишь более чем достаточно, как только я верную муку найду, — осклабился Пудин, скребя когтями обратно по «Своду мук». — Конечно, евангелизм, почему же я сам об этом не подумал? З... Ж... Е... Вот мы и на месте. Так-так. Ехидство. Ересь. Еврейство... вот так так! Ну и ну! Не-а, этого тоже нет.

— Послушайте, тогда просто выпустите меня! Меня здесь быть не должно!

— Ты что-нибудь пооригинательнее не придумаешь? Это я уже слышал.

— Но это правда, я точно вам говорю, — запротестовал Брехли Трепп. — Выпустите меня отсюда, у меня контракт имеется. — На краткое мгновение миссионер пожалел о том, что ему не пришло в голову вставить в соглашение с Алканом пункт о реинкарнации. Прямо сейчас переродиться, пусть даже в моллюска, казалось предпочтительнее всего этого безобразия. На моллюска, по крайней мере, наручников не наденешь.

— Вот забавно. Я обыскивал твои карманы, но ничего похожего на контракт не нашел.

Бешмет был озадачен. Ему, когда он заключал свою сделку, никакого контракта не предлагали. Неужели в нынешние времена даже дьяволы становились более организованными?

— Но мне обещали! — умолял Трепп.

— Да? И сколько раз? — ухмыльнулся Пудин. — Три?

— Ну, вообще-то...

Чешуйчатый ментагон запрокинул голову и громко расхохотался.

— Тебя поимели и высушили, приятель. Ха! Добро пожаловать в реальный Загробный Мир.

— А я вам говорю, меня здесь быть не должно.

— Да? Не должно? Тогда просто предположим, что ты скажешь мне, где ты должен быть. Будет еще один повод славно поржать, — прорычал Пудин, небрежно крутя своей лавиковой ручкой. — Это сильно упростит мне всю пергаментную работу. — Он раздраженно грохнул «Свод мук» на обсидиановый стол.

— Ну, я вроде как волен идти туда, куда мне захочется. Отыскивать толпы потерянных душ, большие толпы. Всегда лучше, если есть приличная масса навостренных ушей, чтобы выслушать мое сообщение. — Мысли Брехли Треппа неуклонно отплывали обратно к его миссии. — По-моему, это всегда самая трудная часть. Убеждаться в том, что достаточное количество людей готово выслушать Благие Вести, находить людей, которые больше всего в них нуждаются. Вот почему я здесь, понимаете? У вас здесь, внизу, просто изумительный материал. Всюду, куда ни глянь.

— Валяй, валяй дальше, — насмехался ментагон Пудин.

— Нет, правда. — Пламя проповедничества вспыхнуло в голове у Треппа. — Вот посмотреть, к примеру, на вас. Вы сильный и в то же время нежный — мои плечи замечательно заживают. А какой у вас очаровательный профиль! — Трепп вздрогнул, взглянув на полную жутких клыков пасть. Конечно, в его словах имелось некое отклонение от истины, зато оно могло обеспечить нужный результат. — Кроме того, у вас есть чувство ответственности. Однако, имея все это в плюсе, можете вы честно сказать, что вы счастливы?

Бешмет был поражен. Неужели этот парень никогда не сдавался?

— Счастлив? — задумался Пудин. — Ну, насчет счастья я, должен признаться, никогда особенно не задумывался. Всегда бывало слишком много работы.

— Не так много профессионального народа вроде вас действительно имеет время, чтобы хорошенько задуматься. А теперь, если бы вы прямо сейчас смогли отвлечься всего лишь на несколько минут, я прочел бы вам несколько пассажей, которые очень бы вам помогли. Будьте анге... э-э... дьяволом и передайте мне, пожалуйста, такую маленькую красную книжечку из моего мешка.

Пудин уже встал на копыта и проделал полпути по камере, когда вдруг понял, что происходит.

— Эй, ты что делаешь? А ну прекрати!

Рыча, демон схватил с обсидианового стола стопку пергаментов и «Свод мук», после чего, яростно грохнув дверью камеры, нашел себе покой и уединение снаружи.

— Как у тебя это получилось? — спросил Бешмет.

— По-моему, не очень-то и получилось, — посетовал Трепп. — Я должен отсюда выбраться. Я обещал Алкану обратить...

— Ну-ну, теперь можешь эту бредятину бросить. Он ушел.

— Какую бредятину?

— Да всю эту чешую с миссией от богов. А кто такой на самом деле этот Алкан? Откуда он взялся?

Брехли Трепп указал пальцем на потолок.

— Знаешь, тебе уже нет смысла на этом настаивать. Просто признайся — в конечном итоге так будет проще.

— О чем ты говоришь...

— Послушай, мы все испытываем адскую вину, когда впервые понимаем, что получили. И смущение тоже. Но клянусь, это, по крайней мере, лучше, чем быть вроде него. Мы меньше мук переносим. — Бешмет указал на третье тело, болтающееся рядом на стене, — бессознательное, сплошь покрытое ожогами и царапинами. — Да, нам таким образом приходится вину всю вечность нести, но чем раньше ты признаешься, что ты сдельщик, тем...

— Кто я, прошу прощения?

Качаясь, Бешмет попытался пододвинуться поближе к Треппу, горя любопытством.

— За что ты здесь, а? Какова твоя сделка? Валяй, можешь мне рассказать. Я ни в какую не смог этого прикинуть из той твоей чепухи про пиво и подштанники. Ты, наверно, был сбит с толку, дезориентирован, адски шокирован, можно сказать. Так что это было, а? Хотел жить вечно? Или быть самым классным любовником на свете? Или...

— Нет! Решительно нет! И я вовсе не был сбит с толку и дезориентирован. Я его высокобесподобие Брехли Трепп из Речистой Миссии! Я миссионер! Я здесь, чтобы распространять Благую Весть! — В голосе проповедника появились визгливые нотки. Но для его собеседника все это, похоже, было лишено смысла.

— Ладно, приятель, как скажешь, — снисходительно отозвался Бешмет. — Да, кстати, еще только одно. У тебя чуть-чуть того пивка не осталось?

Спал Бубуш не слишком хорошо.

Проведя несколько последних месяцев в ночевках рядом с определенным антисанитарным потоком под немигающим покровом скалы, что покрывала весь Уадд[1], теперь, слыша непривычный грохот подпольного подогрева пещеры Ублейра, Бубуш пребывал в состоянии беспрерывной неугомонности.

Бубуш часами ворочался, временами впадая в неглубокую дрему, выпуская на волю свои мечтания — а затем был грубо и бесцеремонно разбужен одной особенно шумной отрыжкой газообразной лавы, которой случилось раздаться прямо у него над ухом. Демон ощутил себя неким сонным эквивалентом летучей рыбы — в одну секунду ты без малейших усилий скользишь сквозь ясный простор океана снов, а в другую, хлопая плавниками и дико задыхаясь, уже бултыхаешься среди брызг на самом гребне волны полубодрствования. И Кременюга тоже мало способствовала здоровому сну, найдя себе уютное местечко рядом с хозяином. Ее дыхание жутко воняло железным колчеданом и серой.

Но как бы Бубуша ни мучили физические расстройства, умственные были еще хуже. Пожалуй, если бы его поместили в

[1] Известной в просторечии как «страхосфера». Однако это не является строгим географическим термином.

полную тишину самой удобной расщелины во всем Уадде, он бы все равно без конца метался и ворочался.

Разогнав шестеренки своего разума до максимальных оборотов и смазав их огромным количеством умственной энергии, Бубуш отчаянно пытался в точности прикинуть, на что намекало досье Ублейра, и уже никакими силами не мог упомянутые шестеренки замедлить.

Высокие, рогатые контурные фигуры, хлеща хвостами, плясали и боролись с фигурами низкорослыми и бородатыми. Они попеременно кружились в танго и душили друг дружку в смертоубийственных на вид хватках различных воинских искусств.

Узелки эфирных предположений крутились и мелькали в мрачных бассейнах бездонной смутности. Стаи дикого непонимания с лаем носились по прериям озарения, загоняя голые факты в скалистые углы и пытались их там прикончить.

И через всю эту сумятицу, не замечая всего окружающего, шагала единственная фигура, чья черная сутана раздувалась, а кожаные сандалии безжалостно давили вопящие тела корчащихся допущений. Крепко сжимая в правой руке красную книжку, эта фигура убийственными взмахами слов обезглавливала дикие предположения, наступая неудержимо, неумолимо, неустанно...

Бубуш пронзительно вскрикнул, и глаза его распахнулись, ничего перед собой не видя. Холодный пот ручьями лил с его лба, пока демон семенил задом наперед по пещере. Только когда его рога ударились о заднюю стену, он понял, что все это у него в голове.

Тогда Бубуш вскочил на копыта и хищно прыгнул через все помещение, хватая Ублейра и отчаянно его тряся, чтобы пробудить.

— Я это ухватил! — орал он. — Подцепил!

— Только мне не передавай, ладно? — заохал Ублейр, резко пробуждаясь и глазея на лихорадочный лоб Бубуша. — Не дыши на меня! Что это? Люцифероз? Сталагмелла? Сизифилис? Я знал, что еда в «Гоморре» еще та.

— Секреты!

— Нет, ты должен мне сказать. У меня в шкафчике есть кое-какие таблетки. Прими их поскорее — тогда легче будет вылечиться. Какая бы зараза это ни была.— Копыта Ублейра вовсю скребли по каменному полу, пока он силился попятиться и остаться за пределами радиуса заражения.

— Да нет! Те секреты! — Бубуш махнул кривым когтем в сторону дымящихся листов древнего пергамента.— Я теперь знаю, что они означают. Это очевидно! Сам иди и посмотри.

Протащив Ублейра по каменному полу, он швырнул его во вращающееся кресло и указал.

— Это как раз то, о чем я говорил. — Бубуш размахивал щипцами над контурными фигурами, глаза его выпучились от шипящих галлонов гиперактивного адреналина. — Это наш билет туда... туда, куда нам хотелось. Эти документы... они содержат ключ! Я знаю, кто эти мелкие и бородатые. Ох что будет, когда об этом узнает Асаддам! Ха-ха-ха!

— Что? Скажи же мне наконец.

— Нет времени. Мы должны действовать прямо сейчас, пока еще не слишком поздно! Кременюга! — Бубуш сунул в пасть лапу и свистнул. Скалодонтка подпрыгнула, проснулась и с готовностью пригрохотала к ноге.

С Ублейра было достаточно. Одним прыжком он одолел всю свою комнату и встал у двери, перекрывая поспешный выход Бубуша. На декоративной тарелке, что висела над дверью, было написано: «Чистите когти перед жратвой».

— Прочь с дороги, — прорычал Бубуш. — Уже может быть слишком поздно.

— Поздно для чего? Пока ты не откроешь мне ответа на эту тайну, я тебя отсюда не выпущу.

— Ты только время тратишь.

— Говори!

— А, ч-ч-черт, — нетерпеливо заскрипел зубами Бубуш. — Ладно, слушай, это сложно, хотя... — Он собрал все свои вихрящиеся мысли, силясь удержать их вместе, точно какой-то турист-любитель, сражающийся с палаткой на продуваемой всеми ветрами вершине утеса. — Помнишь то чувство, которое возникло у тебя вчера, когда тот малый в сутане пытался тебя в подштанники облачить...

Ублейр покраснел:

— Откуда ты знаешь?..

— Ладно, проехали. Видел ты стражников на той стороне площади? Они же совсем растерялись. Нечто странное буквально витало в воздухе. Нечто секретное!

— Ты же это не всерьез.

Глаза Бубуша буквально вспыхнули от всей его серьезности.

— Теперь представь себе это секретное *нечто*, но бесконечно более мощное. И под нашим контролем!

Ублейр почесал в затылке, пока щелки его зрачков кипели от шока, точно головастики на сковородке.

— Так откроешь ты дверь или нет? — спросил Бубуш.

Долю секунды спустя они с Ублейром уже так грохотали по улице, что их копыта выбивали искры из каменной мостовой. Кременюга неслась следом за ними.

Небольшая кучка из шести сдельщиков сгрудилась в тени крошечного проулка, озабоченно разглядывая впечатляющую наружность страхоскреба Ментагона — одного из самых высоких зданий в Мортрополисе. Странным образом тот факт, что немногие лавовые лампы по-прежнему сияли в дуговых окнах, делал внешность здания еще менее заманчивой — хотя этот же самый факт говорил и о том, что большинство ментагонов теперь находятся снаружи, неся дежурство.

— А вы уверены, что это сработает? — пробормотал Бакс, изголодавшийся до смерти владелец единственного чека на миллион мротов из когда-либо существовавших.

— Конечно, сработает, — хором ответили ему Елеус и Шнютке.

— А что такое, малыш, ты моим чарам не доверяешь? — сладким голосом прошептала Шпирс, слегка поправляя свою ложбинку между грудей, чтобы придать ей просто сногсшибательную привлекательность.

Фауст хлопнул Бакса по плечу и весьма нелюбезно осклабился.

— А ты вот как на это взгляни. Если нас поймают, это же будет целая вечность в кандалах, столетия жесткого подчинения. Ах как это круто!

— Извращенец! — буркнул Бакс.

— Вот уж никогда не думал, что тебе есть до этого дело.

— Заткнитесь, вы, двое, — рявкнул Шнютке. — Сможете вы на стреме стоять или нет?

Фауст фыркнул, а Бакс лишь что-то промычал.

— Я так понимаю, что ответ утвердительный, — прохрипел композитор, страстно желая вызволить своего бесценного скрипача из тюрьмы. — Ну что, все готовы? Тогда вперед.

Четверка метнулась из проулка, мигом пересекла улицу, направляясь прямиком к угрожающей пасти штаб-квартиры, но в последний момент вильнула вбок и понеслась кругом к задней части здания, сгибаясь пополам, чтобы укрыться от обзора из окон.

Четыре головы появились у угла страхоскреба, оглядели всю сцену и нырнули обратно — прочь из поля зрения. Взглянув на угольный набросок Мудассо, они одобрительно закивали. Рисунок был идеален во всех деталях, демонстрируя стражника, горбящегося возле небольшого круглого каменного строения. Перед стражником валялась груда больших томов. По сути, если бы кто-то присмотрелся к наброску Мудассо еще внимательнее, он вполне смог бы различить на корешках слова: «Свод мук».

Только один аспект творения Мудассо отличался от реальности — изгибающаяся стрелка ныряла из страхосферы и заканчивалась примерно в дюйме над каменным строением. Стрелка волокла за собой слово «Тюрьма»[1]. Художник подумал, что таким образом он сможет прояснить дело.

Елеус еще раз выглянул из-за угла в порядке последней проверки, затем нетерпеливо махнул рукой. Все шло тип-топ. И можно было начинать.

Шпирс нервно сглотнула, еще раз подрегулировала свою ложбинку, а затем с наигранной небрежностью завернула за угол штаб-квартиры Ментагона, покачивая небольшой сумочкой.

---

[1] Поскольку по самой природе карательной системы Уадда подавляющая часть его населения либо страдает от вечных мук, либо вовсю заботится о том, чтобы те, кто должен страдать, именно этим и занимались, у тамошних жителей оказывается очень мало времени и желания совершить даже наиболее распространенные преступления — такие, как воровство или хулиганство. Там попросту нечего стянуть, а драки и без того происходят каждый день. Убийство? Ну, для этого там на самом деле уже поздновато.

Преступления на почве страсти в Уадде неслыханны, поскольку потенциальные преступники либо слишком измотаны, чтобы на что-то такое сподобиться, либо начисто лишены возможности найти объект, достойный соответствующего внимания. Все это, вероятно, объясняется теми разрушительными эффектами, которые целая вечность в огне и страдании может оказать на различные сексуально привлекательные объекты.

По сути, существует лишь один класс граждан Уадда, которые могут быть связаны с чем-то преступным. Это сдельщики. Впрочем, и они, как правило, в буквальном смысле шатаются по округе, пока их не удается обеспечить более перманентными вечными муками.

Остальные трое с неохотой оторвали глаза от ее волнующихся ягодиц, резко развернулись и бросились бежать вокруг страхоскреба в обратную сторону, помедлив лишь на мгновение, чтобы подобрать здоровенную дубину, которую они предусмотрительно захватили с собой.

Пудин ахнул и оторвал глаза от своей пергаментной работы, пока Шпирс соблазнительно хихикала и томно шептала: «Приветик, здоровила». Она так ловко надула губки, что на какой-то момент и впрямь показалась той самой старлеткой, какой некогда была.

Когти Пудина взметнулись к его горлу и пошарили там какое-то время — типичная реакция всех самцов, когда перед ними предстает машущая ресницами блондинка, носящая на себе куда меньше того, что практично, и лишь самую малость больше того, что непристойно.

— Гм... привет. — Пудин улыбнулся в манере, которая, как он надеялся, была подходящей и приличествующей. Одновременно логические центры его мозга были начисто заглушены воющими как волки центрами похоти, так что ментагон не возымел наглость спросить себя: «Погоди-ка погоди. А она-то что здесь делает? Разве ей не следует быть вовлеченной в систему вечных му... мм?»

Шпирс еще раз махнула ресницами для вящего эффекта.

Довольно на долгое время это стало последним, что видел Пудин. Здоровенная дубина, занесенная сразу всеми тремя сообщниками Шпирс, по крутой дуге опустилась с неба и оглушительно рухнула на затылок ментагона.

Кучка крошечных розовых дракончиков еще несколько часов порхала и кувыркалась вокруг его головы.

Считанные секунды спустя Пудин тяжело грохнулся со своего стула, рассыпая по сторонам пергаменты и тома «Свода мук». Громадное облако пыли поднялось, когда он наконец рухнул на пол. Шнютке, в редкий для столь тонкой и художественной натуры момент предельной практичности, сорвал с пояса Пудина большую связку ключей, запрыгнул на плечи Елеусу, после чего они оба вломились в двери тюрьмы.

А там первым звуком, который до них дошел, стал скрип бритвенно-острых челюстей. За ним последовали пронзительные крики ужаса, когда Брехли Трепп, отчаянно дрыгая ногами, исчез сквозь пролом в дальней стене.

За всем этим быстро последовало звуковое заграждение в виде неистовых воплей Бешмета, который в беспомощном ужасе болтался на своих наручниках, вереща:

— Спасите! Помогите! Когти! Зубы! Только что прорвались сквозь стену и его заграбастали! Спасите же меня от них!

Его высокопреподобие Елеус Третий уставился на стремительно исчезающие спины двух дьяволов в проломе, обрамленном характерными отметинами зубов скалодонтки. Нижняя губа его задрожала.

Позади дьяволов семенило чудовище с черным панцирем.

А между ними болтался миссионер в черной сутане.

ПРОПАЖА БОЖЕСТВ

Сколько именно мер особой высокорастяжимой веревки было использовано, чтобы крепко и надежно притянуть его высокобесподобие Брехли Треппа к вращающемуся стулу Ублейра, сложно было сказать. Однако дико вопящему Бубушу потребовалось добрых десять минут, чтобы к полному своему удовлетворению привязать миссионера как следует. И сейчас Трепп сильно смахивал на нездоровый результат идеи некого безумца о генетической рекомбинации: голова его высокобесподобия казалась привитой к гигантской корчащейся личинке веревочного цвета.

— Мне нужны кое-какие ответы, и они нужны мне прямо сейчас! — прорычал Бубуш, щелочки зрачков которого вперивались прямо в перепуганные глаза Треппа.

Ответа не последовало.

— Зачем вы здесь?

Молчание.

— Мы ведь можем и по-крутому, понятно?

По-прежнему гробовое молчание безответного Треппа.

— Ну ладно же! Вы сами на это напросились! — Бубуш резко развернулся, прыгнул через всю пещеру Ублейра и схватил со стены лавовую лампу. С ужасающим грохотом он поставил лампу на обсидиановый стол и, повернув, направил ее оранжевый луч прямо в глаза Треппу. Теперь ему наверняка предстояло получить кое-какие ответы.

Было общеизвестно, что любой порядочный допрос начинается только в тот момент, когда лампа бывает направлена в глаза

жертве. У Бубуша не было ни малейшего представления, как именно эта конкретная часть инквизиторской алхимии реально должна была сработать, но... черт возьми, должна же она была как-то сработать. Теперь следовало ожидать результатов.

— Кто вас послал? — рявкнул он, приближая свою физиономию вплотную к лицу Треппа, для которого она представлялась черным силуэтом, увенчанным короной от лавовой лампы.

Ответа не было.

— Зачем вы здесь? — Жар от лампы уже начал накалять чешуйки у Бубуша на затылке.

Трепп упорно молчал.

Бубуш зарычал и подался еще ближе.

— Что вам здесь нужно?..

— Если мне будет позволено сделать предложение... — вмешался Ублейр, который горбился на мешке с галькой в дальнем конце пещеры.

— Нет! — заорал Бубуш. Щелки его зрачков по-прежнему не отрывались от сущих оптических лужиц ужаса, которыми представлялись теперь глаза Брехли Треппа.

— Я все же думаю, это было бы полезно, — устало сказал Ублейр. Допрос тянулся уже несколько часов, а от Треппа так никакого ответа получено и не было. Просто ни единого звука.

— Ну, что там еще?

— Честно говоря, не хочу показаться излишне щепетильным, но... гм... эта лампа...

— А что такое с лампой? Она работает нормально. Идеальный инструмент для любого допроса. Это общеизвестно! — пожалуй, слишком бурно запротестовал Бубуш.

— Да, но разве ей не предполагается светить прямо ему в глаза? Тебе не кажется, что твоя голова малость ее загораживает? Я хочу сказать, что если ты на самом деле хочешь допрашивать собственный затылок, то на здоровье, но...

Бубуш зарычал и потер горячее пятно у себя на загривке. Затем он злобно развернулся, треснул себя кулаком по затылку и принялся нервно расхаживать по пещере. У Ублейра создалось явственное впечатление того, что он слышит, как с коренных зубов Бубуша стирается эмаль, когда тот проходил мимо него.

— Ну ладно! — объявил Бубуш после нескольких мгновений основательного пережевывания собственных зубов. Затем он бук-

вально швырнул следующую фразу через пещеру в Треппа: — Итак, начнем с начала. Вы! Кто вас сюда послал?

Лучи от яркой лавовой лампы ударили в перепуганное лицо миссионера, словно бы пробуриваясь ему под кожу, обжаривая его глазные яблоки, опаляя волоски у него в носу. Брехли Трепп с трудом сглотнул слюну и...

Ответил молчанием.

Крошечный световой отблеск отразился от чешуек на виске Бубуша, мерцая в такт со злобной пульсацией его артерии. Получалось что-то вроде азбуки Морзе предельного остервенения.

— Зачем вы здесь? — проревел Бубуш.

Пот на лбу Треппа испарился шипящей струйкой.

— Э-э... — вмешался Ублейр.

— Ну что еще? Ты что, не видишь, что я занят?

— Я далек от критиканства, — тактично начал Ублейр. — Но ты не думаешь, что пора бы все-таки вынуть у него кляп?

Искры летели от задних коренных зубов Бубуша, пока он пытался справиться со своей поистине адской яростью. Одним скачком он перепрыгнул через стол и вырвал самодельный кляп изо рта Треппа, после чего с негодованием зашвырнул обслюнявленные подштанники Ублейра в другой конец пещеры.

Для Треппа все получилось так, как если бы трехнедельная порция словесного слабительного вдруг возымела свое разорительное действие. Струи слов устремились с его губ, замусоренные проповеди изливались неудержимо, гласные и согласные метались в пенном потоке словаря. После трех минут без перерыва миссионер совершенно выдохся.

— Прошу прощения, — сказал Ублейр. — Не вполне уловил. Вы бы не могли все это снова прогнать?

Брехли Трепп жалобно забулькал.

— Зачем вы здесь? — снова прорычал Бубуш.

— Дай же ты ему перерыв, — простонал Ублейр. — Не имеет значения, зачем он здесь или кто его послал. Все, что лично я хочу знать, так это что я могу извлечь из тех листов, что вон там на столе лежат. — Поднявшись с шуршанием гальки, он указал кривым когтем на покрытую конденсатом стопку секретных материалов.

— Я как раз к этому вопросу подходил, — прорычал Бубуш, нетерпеливо топая копытом. — Все должно делаться в правильном порядке. Нельзя начинать допрос с той самой вещи, про

которую ты больше всего хочешь узнать. Следует несколько часов к этому подбираться, добиваясь от жертвы самых разных ответов, вконец смутить ее противоречивыми вопросами...

— А потом вынуть кляп.

— А потом вынуть кл... — Бубуш нахмурился и попытался притвориться, что ничего такого не сказал. Затем он раздраженно разгладил чешуйки у себя на брюхе, взял щипцы и схватил один из листов древнего пергамента. Эффектным жестом он поднес его к самым глазам Треппа и спросил: — Вот это. Скажите мне, что это означает.

Коготь его завис над заглавием из странных букв.

Брехли Трепп воззрился на причудливо-каллиграфические слова и покачал головой. Это определенно не было тем, зачем он здесь оказался. Распространение Благих Вестей к этому отношения никак не имело.

— Что это означает? — напряженно прорычал Бубуш, помахивая пергаментом.

Разукрашенные начальные буквы четырех слов корчились перед глазами Треппа. Желтоватые ящерки и блестящие змейки забавно переплетались и играли друг с другом.

— А сколько будет стоить мой ответ? — почти небрежно поинтересовался Трепп.

Такого ответа Бубуш никак не ожидал. Отчаянно-жалобные мольбы о милосердии — очень может быть. Согревающее сердце низкое пресмыкательство — почти с уверенностью. Но такое? Нет, никогда.

— Сколько? — брызнул слюной Бубуш. — Ну, я... а сколько это, по-вашему, может стоить?

— Это будет стоить свободы, — улыбнулся Трепп и для вящего эффекта принялся корчиться под своими путами. — Я скажу вам все, что вы об этих документах хотите узнать, а вы отпустите меня исполнять мою миссию.

В задней части пещеры, восседая на мешке с галькой, Ублейр зашелся издевательским хохотом.

— Вы это серьезно? Вы что, хотите заключить с нами сделку? — весело спросил он. — Да вы хоть понимаете, что мы самые настоящие дьяволы, и что в настоящее время вы всецело у нас в руках? Вы просто не в том положении, чтобы заключать какие-то там сделки!

— Ну почему же? Именно в том, — ухмыльнулся Брехли Трепп с превосходно натренированным спокойствием. Внутри его желудок бурлил от острого ужаса в добрых пятнадцать денье. И лишь годы опыта в схожих ситуациях позволяли ему казаться невозмутимым.

Для Треппа постоянным источником изумления служило то, что реакция примитивных племен на миссионеров почти всегда заключалась в том, чтобы помещать их в большие котлы с овощами над ревущим костром. Число случаев, когда он языком проделывал себе путь из подобных котлов, было почти трехзначным.

Прямо сейчас незадачливый миссионер отчаянно пытался убедить себя в том, что веревки просто представляют собой смутную вариацию на тему котлов для приготовления пищи.

— Если вы не желаете торговаться, тогда я не смогу сказать вам, о чем это секретное досье действительно сообщает, — сказал он.

— Откуда вы узнали, что оно секретное? — прорычал Ублейр, внезапно напуганный.

— Об этом оно говорит так же ясно, как и обо всем остальном, — улыбнулся его высокобесподобие. — Конечно, мое знание древнетальянского малость подзаржавело, но...

— Вы можете его читать?

— Конечно. Языковая подготовка весьма важна, если вы собираетесь распространять Благие Вести среди стольких различных племен, сколько только возможно. Ну, так как насчет сделки?

Физиономия Ублейра гротескно сморщилась в презрительный оскал.

— Вы, должно быть, шутить изволите...

— ...если думаете, что мы не согласны, — внезапно закончил за него Бубуш.

Ублейр немигающим взором в тревоге на него уставился. Бубуш многозначительно подмигнул ему в ответ, словно бы говоря: «Сядь и смотри, как работает настоящий мастер!» Затем он подошел к Треппу.

— Что касается предложенной вами сделки, то она весьма разумна, — пробормотал он. — Мы оба стоим за достижение того, чего мы больше всего желаем. Просто идеально.

Бубуш улыбнулся. Внутренне же он лучился улыбкой с интенсивностью в миллион лавовых ламп. Почему бы не сказать плен-

нику, что в самом конце он свободно сможет уйти? Держи леденец у него перед носом, пока все документы не будут переведены. А после этого уже ни для кого не будет иметь значения, если дражайшее его высокобесподобие закончит тем, что всю вечность продымится в подходящей яме с серой.

— Итак, приступим. Что это означает? — прорычал Бубуш, размахивая пергаментом, где было написано:

Шченариус Нибесснай Пхиергрусски

Брехли Треппу это опять показалось сущей чепухой.

— Лично для меня это полная галиматья, — признался он. Если откровенно, Трепп не вполне солгал о том, что способен переводить с древнетальянского, но он также не вполне сказал правду. Его буквальный перевод был идеален, а вот истолкование оставляло желать много лучшего. Короче говоря, он знал, что значит каждое слово, но не мог извлечь из них общего смысла. То, что Трепп до сих пор увидел в документе, было выше его понимания — замусоренное странными техническими ссылками на какие-то объекты и стратегемы, о которых он никогда не слышал.

— Галиматья? — завопил Бубуш. — Нечего тут со мной в игрушки играть! — И он развернулся для могучей оплеухи Треппу. Его высокобесподобие до отказа раздул щеки, закрыл глаза и как мог приготовился. Когтистая лапа Бубуша со свистом понеслась по воздуху, устремляясь вниз, вниз... и вдруг остановилась. Оказавшись в каком-то дюйме от миссионерской щеки лапа Бубуша задрожала и отстранилась.

Волны смущения прокатывались по физиономии дьявола, пока он трясся от нерешительности.

— Гм... это было предупреждение, понимаете? В... в следующий раз вы у меня так заполучите, что всю вечность будете об этом сожалеть. — Бубуш неубедительно погрозил Треппу когтем, словно бы пытаясь восстановить свой авторитет.

Дьяволу показалось, будто что-то на задворках его сознания вдруг потянулась и удержало его от нанесения удара. Причем что-то до боли знакомое.

Ублейр вопросительно поднял бровь, хмыкнул и снова погрузился в раздумья о мыслительных способностях Бубуша.

Рыча, Бубуш помахал одной из картинок с контурными фигурами перед носом его высокобесподобия.

— Вот это! Объясните тогда вот это! — рявкнул он. Ублейр зашел за спину его высокобесподобию и воззрился на иллюстрацию.

Брехли Трепп неловко скорчился, поморгал и поглазел на картинку. Руки его уже покраснели от напряжения под жгучими веревками. Миссионер нервно заерзал. Объяснение! Заскрипев зубами, Трепп принялся отчаянно блефовать.

— Ну, для меня это выглядит, как будто кучка дьяволов... гм... танцует с...

— Они не танцуют! — отрезал Бубуш. — Они сражаются. Смотрите внимательней. У них в лапах трезубцы. Видите, вот трезубцы.

Ублейр подался вперед над плечом Треппа и получше вгляделся в картинку.

— А это точно не вилы? — спросил Трепп. — Это, знаете ли, вполне мог бы быть какой-то сельский танец. Я несколько раз видел, как там именно такая хватка используется. «Ивушка плакучая» — по-моему, это как раз он и есть. Хотя я могу и ошибаться...

— Вот видишь? — проворчал Ублейр из-за плеча Треппа. — Я же тебе говорил, разве нет? Пещерный танец.

Внезапно боль от веревок, что стягивали все тело Треппа, стала для него слишком сильной. Страдание отмело в сторону все воспоминания об уроках древнетальянского, делая вообще все на свете предельно невразумительным. Миссионер закряхтел и неловко заерзал в своем веревочном коконе.

— Что, веревки жмут? — разом спросили Ублейр и Бубуш с неожиданным участием.

А в следующую секунду они уже оказались в другом конце пещеры, дрожа от страха.

Лист пергамента, свободно покачиваясь, поплыл к полу. Ублейр кусал язык, пытаясь подавить в себе побуждение предложить Треппу еще какие-то слова утешения. Он боролся сам с собой, бился против почти непреодолимого желания прыгнуть через пещеру, срезать с миссионера все веревки и вдобавок предложить ему славную чашку серного спиртного.

— Ч-что происходит? — залопотал он, хватаясь когтями за свой мешок с галькой.

Видя страх и тревогу, которые расползлись по физиономии Ублейра, Бубуш почувствовал почти истерическое облегчение.

— Ну вот. Ты это чувствуешь, правда? — напряженно прошептал он, хватая Ублейра за плечи. — И не смей отрицать. Ты просто не можешь этого отрицать. Ты ведь хотел помочь ему, верно? Хотел срезать с него все веревки, осыпать его столькими удобствами, сколько тебе под лапы могло подвернуться, промариновать его в предельном уюте...

— Это было отвратительно, — признался Ублейр, мотая головой от стыда.

— Признай это. Ты хотел быть *добрым*! — обвиняюще произнес Бубуш. — И чувствовал себя из-за этого счастливым. Ты мог бы кружиться по комнате и петь. Ты хотел быть легкомысленным!

— Тс-с. Тише. Моя репутация! Я... я сам не знаю, что на меня нашло!

— Ты снова утратил контроль. Точно так же как и в тот раз на улице, когда он проповедовал, помнишь? — тараторил Бубуш со странной ноткой победного ужаса в голосе.

Примерно такая нотка могла бы прозвучать в голосе шестилетнего пацана, который, проносясь мимо своего расположившегося на пикник отца, держал бы за хвост ревущего тигра и самым что ни на есть победным голосом вопил: «Я поймал его, папа! Видишь? Поймал!»

— Как я мог забыть? — Вспомнив о своем желании обратиться посредством использования Нужного Белья, Ублейр сделался бледно-серого цвета.

— Но что это означает?

— Так ты еще ничего не понял? — брызгал слюной Бубуш, дрожа и словно готовясь взорваться не то восторгом, не то истерикой.

Ублейр неохотно покачал головой. Его по-настоящему начинало раздражать то, как это Бубушу удавалось просекать ситуацию, а ему нет. Получалось унизительно.

— Это... это секретное оружие!

Испытывая облегчение, Ублейр разразился смехом. На сей раз Бубуш все-таки сел в лужу. Как пить дать.

— Над чем это ты смеешься? Прекрати! — обидчиво прорычал Бубуш.

— Ах, какая забава. Ох-х, мои ребра. Секретное оружие? — вопил Ублейр в состоянии истерической насмешки. — Какое? Ти-

па «Кошелек или жизнь. Отдай мне все твои деньги, или я сделаю так, что ты захочешь мне предложить чай с пирожными»? Или... нет, теперь я точно знаю, что надо делать. Надо схватить Асаддама за горло, угрожающе держать его высокобесподобие у его головы и вопить: «Назначь меня главным менеджером, или я сделаю так, что весь остаток вечности ты захочешь помогать бездомным в Мортрополисе»! Так ты говоришь мне, что это именно такая разновидность секретного оружия?

— Да, — просто ответил Бубуш. — И я, честно говоря, думал, что это будет вполне очевидно. Даже для тебя! — С этими словами он подскочил обратно к столу, поддерживая максимально возможную дистанцию между собой и его высокобесподобием, и начал пролистывать стопку пергаментов. Наконец Бубуш с холодным удовлетворением схватил щипцами единственный лист.

— Вот, взгляни на эту картинку! — потребовал он, яростно размахивая листом перед Ублейром. Дьявол вгляделся в ряд странных инструктирующих сцен.

— Ну как, знакомо? — возликовал Бубуш.

— Что... что ты имеешь в виду? — настороженно принялся прощупывать почву Ублейр.

— Выражение на лице вон у того демона кажется не столь уж несхожим с тем, которое было у тебя несколько минут тому назад. Не смей это отрицать! А кое-что еще ты замечаешь? Определенное сходство между ним и вот этим? — Бубуш указал на Треппа, а затем на одну из контурных фигур на двух первых картинках. — Да он же вполне мог послужить здесь моделью!

— Ну, некоторое мимолетное сходство...

Уши Брехли Треппа горели от крепкого, токсичного коктейля тревоги и любопытства. О чем они там орали?

— Да какое там мимолетное! Идеальное сходство! — вопил Бубуш. — Лысина, борода, сутана!

— А как насчет этой странной штуковины, которая на картинке у него над головой висит?

— Протри глаза и скажи мне, что ее и здесь нет,— прорычал Бубуш, весь дрожа на рубеже открытия.

Ублейр протер глаза, посмотрел — и внезапно эта штуковина там появилась. Да, очень слабая, но она несомненно там была.

Бледное прозрачное кольцо пурпурного цвета. Точно такое же как на пергаменте.

— Ну ладно, ладно. Так что ты пытаешься мне сказать? В чем тут соль?

Бубуш буквально вибрировал от напряженного возбуждения. Осторожно вытянув руку, он помахал листом пергамента перед носом у Треппа.

— Что это за слово? — гаркнул он и дрожащим когтем указал.

— Э-э... «анти», — пробормотал Трепп, а затем уточнил: — Нет, скорее «против».

Вспышка перевозбужденного триумфа пробежала по лицу Бубуша.

— А вот это? — Он снова указал когтем.

— «Пехота», — непонимающе ответил Трепп.

— А это?

— Гм... а, ну, это просто. «Святыня».

Бубуш почти колесом прошелся по всей пещере, издавая восторженные вопли.

— Я так и знал! Теперь я знаю, что это значит,— напряженно прошептал он Ублейру. — Я еще раньше это подозревал из той малости древнетальянского, которая мне известна, но тогда не принял это во внимание. Я был не прав. Теперь я понимаю. Теперь я точно знаю! Теперь все для меня стало ясно!

— Эй, а ты не собираешься этой ясностью со мной поделиться? Или я сам догадаться должен?

— У тебя ведь нет ощущения важности всей этой оказии, верно? — проворчал Бубуш, качая головой. — Вот я собираюсь поведать тебе единственный самый полезный клочок инфор...

— Так давай же, поведай!

Бубуш пожал плечами:

— Ладно, будь по-твоему. Теперь слушай внимательно. Эти шесть рисунков демонстрируют правильную технику развертывания и полевую стратегию использования противопехотной святыни.

Ублейр, вопреки себе самому, издал какое-то шокированное бульканье.

— Только разок не туда копыто поставишь, — неудержимо болтал Бубуш, — устройство сработает, и — трах-тибидох! — все неверующие в зоне разрыва получают колоссальную дозу святых волн, падают на колени, пускаются в пляску под кантус-плянус и начинают испытывать непреодолимое побуждение бегать по округе в сутанах и рясах.

Ублейр новыми глазами уставился на полупрозрачный кусок пергамента. Мог ли он быть так ценен, как утверждал Бубуш? Не мог ли Бубуш ошибаться?

— Н-но это просто бессмысленно, — захныкал он.— Что делают здесь эти документы?

— Не знаю. Быть может, произошла канцелярская ошибка. Это не так важно...

— Но что это все-таки такое? — Щелки зрачков Ублейра расширились от нервной тревоги.

— Тайна, — произнес Бубуш, проклиная толщину черепа Ублейра. — Послушай. Что это в точности такое, я не знаю. Может быть, что-то вроде сценария. Просто чтобы убедиться, что народ готов для вторжения. Или еще что-нибудь.

— Что? Для вторжения? Оттуда?.. — Ублейр ткнул указательным пальцем в потолок.

— Мы ведь реально с гражданами Аррая глаза в глаза никогда не виделись, верно?

Лицо Ублейра окончательно запылало тревогой.

— Ты хочешь сказать, они идут нас захватить? Намерены вторгнуться?

— Расслабься. — Бубуш пренебрежительно махнул лапой. — Этому пергаменту много столетий. Так что ни в какой реальной опасности мы не находимся. Я даже думаю, что все это только гипотезы. Военные игры. Дьяволы, которые эти документы написали, наверняка уже все про них забыли. И в этом наше преимущество! — Физиономия его приняла зловредно планирующий оскал.

— Преимущество? О чем ты толкуешь?

— Ты только посмотри, на что способна всего лишь одна из этих противопехотных святынь! А другие листы указывают, что их там масса! Достаточно, чтобы отоварить целую армию!

— Ну и что? — спросил Ублейр после нескольких секунд под напряженным взором Бубуша.

— А, ч-черт! — разочарованно воскликнул тот. — Итак, мы их находим и начинаем получать от них непосредственную для себя выгоду! Мы вызываем огонь на себя! — Довольная усмешка Бубуша снова вспыхнула у него на физиономии.

— Вот так-то, — продолжил он повелительным тоном. — А теперь нам нужна еще информация. Идем на новый заход. Но

теперь нужно, чтобы ты вел наблюдение. Как только заметишь любые признаки того, что я становлюсь милым и любезным, мигом врывайся и вытаскивай меня к дьяволу. Понял?

Ублейр кивнул, но голова его по-прежнему была полна смятения и непонимания.

Путешествие по Флегетону на рыгающем дымом пароме не слишком подняло Асаддаму настроение. Особенно этому поспособствовало то, что капитаном парома был Нагльфар — глава Гильдии подземных паромщиков по спорам, ругани и прочим разборкам. Понятное дело, капитан за милю чуял скандал и не переставал доставать Асаддама градом вопросов.

— Ну что, славный денек для путешествия по реке. А в какое именно милое местечко мы направляемся?

— К Гаэнской пристани.

— Понятно. Не очень далеко от Пропускного депо, верно?

— А какое дело до этого тебе?

— Я должен знать. Я каждый день этот самый маршрут пропахиваю. А зачем вы к Пропускному депо направляетесь? По делу или так, забавы ради?

— Я разве сказал, что направляюсь к Пропускному депо? И прекрати мне пускать дым в лицо.

— А все эти ментагоны тоже туда направляются, так ведь? Все двенадцать?

— Они меня сопровождают.

— Тогда у вас, должно быть, важное дело. То есть вы ведь обычно просто смеха ради по Флегетону не носитесь? Да еще с двенадцатью здоровенными ментагонами на буксире, ага?

— Как я развлекаюсь, это моя забота.

— Тогда что же это будет — ужение пукпукасов с Гаэнской пристани? Или что-то еще более интересное?

— Может эта посудина ползти хоть немного быстрее?

— Смогла бы, знай я, зачем спешка. Не желаете ли позаимствовать у меня кое-какие рыбацкие снасти?..

Остальную часть путешествия капитан Нагльфар провел под бдительными взорами и тяжелым дыханием трех самых здоровенных ментагонов. К тому времени как они пришвартовались к Гаэнской пристани, его воротник и загривок были влажными от

конденсата. Как капитан и подозревал, весь запас рыбацких снастей был оставлен на палубе нетронутым.

Первым полученным демонами Пропускного депо намеком на грядущие перемены в их карьере было копыто тринадцатого размера, которое с грохотом распахнуло дверь и принесло за собой здоровенного ментагона.

— Молчать! Не двигаться! — проревел дьявол, явившись в здание депо под охраной хорошо оплачиваемой команды.

Некоторые из демонов засомневались, не следует ли им поклониться или сделать еще что-то в таком духе.

Неожиданный визит главного менеджера безусловно следовало отметить каким-то жестом почтения. Однако через считанные секунды на этот жест определенно последовал бы нежелательный и предельно болезненный отклик.

— Знакома ли кому-то из вас, жалких тварей, фраза «сокращение штатов»? — властно спросил Асаддам.

В конторе повисло молчание. Снаружи, разумеется, доносились обычные стоны и завывания, пока души, которым вскоре предстояло получить свои порции муки, в точности понимали, где они, и подмечали отчетливую скудость указателей на выход.

— А как насчет слова «эффективность»? Или «автоматизация»? — Молчание затягивалось. Асаддам шумно фыркнул. — «Увольнение», наконец?

Вверх выстрелила одна рука. Асаддам захихикал. Он рассчитывал, что все вопросы останутся чисто риторическими. Из-за присутствия ментагонов.

Демон с поднятой рукой выглядел слишком довольным собой, чтобы Асаддам его проигнорировал. В конце концов, у этого малого начинался очень скверный денек.

— Говори.

— Увольнение, сэр. Я знаю, что это значит, сэр.

— А-а, так ты тут самый умный? — медовым голосом произнес Асаддам, буквально истекая насмешкой. Однако вся насмешка прошла аккурат над пылающей энтузиазмом головой демона.

— Сэр, это когда дают свободное время, — выпалил демон.

— Почти верно, — с пренебрежительным жестом пропел Асаддам. — И увольнение — это то, что вы все скоро получите...

— Ура! Отпуск! — громко воскликнул демон, совершенно упуская из вида зловещий подтекст Асаддама.

— ...или, если более точно, то я, как главный менеджер, объявляю вам, что уже с настоящего момента вы все здесь совершенно излишни. В вас больше нет надобности. У меня есть машины! Так что вон отсюда!

— Спасибо вам огромное! — прокричал самый умный демон, хлопая в ладоши. — Нам давно уже толком передохнуть было некогда. А теперь отпуск! — Он огляделся, озадаченный недостатком энтузиазма у остальных. Тут до него дошло, что все это, может статься, не такие уж и славные новости.

— Ну давайте же, выметайтесь! Идите и займитесь какой-нибудь другой работой! — с радостным смешком выкрикнул Асаддам. Ментагоны сделали угрожающий шаг вперед.

— Ах да! Совсем забыл, — дьявольски ухмыльнулся Асаддам. — Вам же больше совсем нечего делать. Как я опростоволосился! Тогда вот что я вам скажу. Я знаю идеальное место, где вашим ленивым лапам найдется идеальное применение. Следуйте за мной. Разумеется, платить вам там и вполовину меньше не будут. Но, знаете ли, выбор у вас небогатый...

Голос его крепчал, обретая зловеще-командные тона, пока он указывал им дорогу к давным-давно заброшенным Узбасским рудникам лавы и серы. Уши главного менеджера были глухи к раздавшемуся нестройному ропоту.

Ублейр был разбужен целым каскадом грохочущих ударов и мигом соскользнул со своего мешка с галькой.

Подсвеченный сзади световой короной от лавовой лампы, кулак Бубуша, точно большой молоток, барабанил по листу тонкого металла, зверски его корежа и придавая ему какую-то невнятную применимость. Вокруг Бубуша были сплошь разбросаны странные структуры. Некоторые смотрелись для чего-то пригодными, другие же выглядели как откровенный мусор.

С озадаченно поднятыми бровями Ублейр наблюдал, как Бубуш лихорадочно молотит по куску металла, поворачивая его на импровизированной наковальне, в качестве которой использовался подлокотник любимого кресла Ублейра. Затем Бубуш встал, аккуратно изогнул предмет над листом пергамента и сравнил его с древним изображением.

— Что ты тут, дьявол тебя раздери, готовишь? — осведомился Ублейр, уставившись на обломки металла.

— Ага, все-таки решил мне на помощь прийти? — рявкнул Бубуш, отрывая взгляд от дымящегося пергамента.

— На помощь? В чем?

— Вот в этом! В изготовлении ключа к нашему успешному будущему! — Бубуш помахал полным энтузиазма когтем над беспорядочной массой того, что выглядело как паскудно сработанные рожки для обуви.

— Нет, это невыносимо, — проворчал Ублейр себе под нос. — Осмелюсь спросить. Что это еще за дьявольщина?

— Разве это не очевидно? — прорычал Бубуш. — Нам ведь нужны противопехотные святыни, так?

Ублейр кивнул в максимально непринужденной манере. Он знал, что когда Бубуш оказывается в своем поисковом настроении, один неверный кивок — и тебя мигом впутают в очередную дикую авантюру.

— Как же ты тогда собираешься найти тайник с противопехотными святынями, а? — радостно спросил Бубуш. — Проще пареной репы! При помощи святынеискателя!

Ублейру пришлось признать, что в этом соображении содержалась определенная логика. Однако все это было совершенно невероятно. И Ублейр сделал себе мысленную отметку позаботиться о том, чтобы Бубуш сходил повидаться с кем-то, кто разбирался в вещах, начинающихся с приставки «психо».

— Здесь только одна проблема, — пропыхтел его высокобесподобие Брехли Трепп с дальнего конца стола.

— Заткнитесь! — прорычал Бубуш. — Я вам уже сказал!

— Такой вещи, как противопехотные святыни, попросту нет...

— Молчать.

— ...а потому нет смысла и святынеискатель делать, разве не так? — закончил Трепп.

— Кто бы говорил! Вы просто всеми силами стараетесь удержать их в секрете. Это лишний раз доказывает, насколько они полезны. Противопехотные святыни — жизненно важное оружие! — бушевал Бубуш с диким блеском в глазах.

— Погоди маленько, — попросил Ублейр. — Ты серьезно? Святынеискатели? Да откуда у тебя взялась такая нелепая идея?..

Вместо ответа Бубуш сунул ему под нос лист морозного пергамента. Лист этот был покрыт сложными чертежами и диаграммами, показывающими точные размеры, принципы работы, инструкции по эксплуатации.

— Здесь есть все, что нужно, — заявил Бубуш. — Подробные инструкции производителя на предмет изготовления своего собственного святынеискателя, любезно переведенные нашим дорогим его высокобесподобием... Как там говорится?

Брехли Трепп покорно пожал плечами. Чем раньше он с этим переводом закончит, тем скорее сможет вернуться к исполнению своей миссии. Вовсе не его виной было то, что теперь они ввязались в лихорадочный поиск каких-то там вымышленных противопехотных святынь.

— «...установить шарнирные индикаторы святых волн (г) на шкворни (д), добавить теофобический реагент (е) (в комплект не входит), и без лишних хлопот ваш святынеискатель будет готов к полевым испытаниям». Хм-м... Я не стал бы тревожиться, поскольку все это совершенно пустая трата...

Бубуш с рычанием навис над Треппом.

— Что значит «теофобический»? — вопросил он.

— А это вроде вас! — с вызовом рявкнул Трепп. — До смерти напуганный религией.

— Я так и думал, — прохрипел Бубуш и вихрем пронесся по пещере, по дороге хватая разные куски металла неправильной формы. Секунды спустя он уже держал в лапах остатки того, что некогда было держателем лавовой лампы Ублейра. Затем Бубуш пронизал через ее основание два девятидюймовых гвоздя. Далее, установив основание так, чтобы гвозди торчали вертикально вверх, он аккуратнейшим образом расположил на их почти лишенных трения кончиках то, что до недавнего времени было двумя десертными ложками из хозяйства того же Ублейра. Ложки свободно закрутились, покачиваясь, точно стрелки компасов в магнитную бурю.

— А теперь завершающий штрих, — прохрипел Бубуш под уничтожающими взглядами как Треппа, так и Ублейра. — Теофобический реагент.

— Эта ерунда никогда не сработает, — заверил его Трепп. — Здесь просто нечего регистрировать.

Бубуш покатал языком внутри своей клыкастой пасти, смачно откашлялся и ухмыльнулся, полный зловещей уверенности. Затем

он с неприятным сдавленным звуком изверг два шарика слюны в ложки и отступил на шаг от своего творения.

— А что, это было так уж необходимо? — поинтересовался Ублейр, чья пасть скривилась от отвращения.

— Да, совершенно необходимо, — радостно ответил Бубуш, пока ложки, подрагивая, в конце концов замирали, чтобы указывать в одном и том же направлении.— Ха! Это работает! Я так и знал! Подобные детальные инструкции не могут быть неверны. Вот он, святынеискатель! Моя драгоценная теофобическая слюна старается держаться как можно дальше от всего по природе своей священного — вроде противопехотных святынь! Проще пареной репы!

Брехли Трепп в шоке и удивлении уставился на ложки святынеискателя, которые теперь указывали точно на него, пока дрожащие шарики слюны Бубуша старались держаться от него как можно подальше. Два металлических индикатора заняли свое четко обвиняющее положение. И важность этого медленно доходила до Треппа.

— Нет-нет, погодите. Погодите минутку. Если вы думаете, что у меня в кармане лежит противопехотная святыня, то вы глубоко заблуждаетесь. Еще раз вам говорю — противопехотных святынь не существует. Таких вещей просто нет. И никогда не было!

Ублейр с дикой ухмылкой на физиономии беспомощно переводил глаза с привязанного к стулу его высокобесподобия на дьявола-напарника, и его мозг решительно отказывался что-либо понимать.

Затем глаза Ублейра отплыли обратно к смонтированному святынеискателю. Он смотрел на устройство, которое явно регистрировало присутствие здесь, в его пещере, предмета или предметов, которых, согласно всей логике и здравому смыслу, не существовало в природе. Над Ублейром все серьезнее нависала потребность в хорошей чашке крепкого лавового мартини.

— Теперь я знаю! — завопил Бубуш, чей мозг несся безумным галопом вслед за спинами целой дюжины безумных теорий заговора. — Я это проделал! Это показывает, что на нем есть следы святынного заражения. Он наверняка держал в руках противопехотные святыни — вот что я тебе скажу! Вперед, настала пора действовать!

— Погоди хоть минутку... — взмолился Ублейр.

— Нельзя терять ни секунды. Если он с ними обращался, это значит, что они могут менять их местоположение. Если мы не начнем действовать прямо сейчас, мы можем их потерять. Навеки.

Метнувшись к отдаленному стенному шкафу, Бубуш принялся разбрасывать его содержимое по пещере.

— Где же они? Где? — Он захлопнул одну дверцу и вихрем подлетел к другой.

— Что тебе нужно? Прекрати!

Новая охапка пожитков Ублейра полетела с каменных полок и обрушилась на пол, став жертвой безумных поисков Бубуша.

— Эй, ты мой любимый тостер сломал!

— Ты вместо этого новый получишь! Даже три! Двенадцать! Ты сможешь получить все тостеры, какие тебе когда-либо потребуются. Только скажи мне, где они!

Ухватив Бубуша за плечи, Ублейр проворно оттащил его от шкафа.

— Что ты теперь ищешь? Ты что, до сих пор мало моего имущества изничтожил?

— Мне нужны одеяла! — дико заорал Бубуш, не обращая никакого внимания на обвинения Ублейра. — Где у тебя одеяла?

— Третья полка снизу по левую...

— Ага! Вот они! Я их нашел! А теперь вперед! Живо! — Бубуш схватил святынеискатель, вылетел за дверь и загрохотал по улице, свистнув Кременюге, чтобы та следовала за ним.

Ублейр на мгновение остановился, посмотрел на все еще надежно привязанное к стулу его высокобесподобие, пожал плечами в недоумении на добрых двадцать денье и помчался вслед за Бубушем.

Невесть как, но Бубуш, похоже, знал, что он делает. Да и, в конце концов, у Ублейра был только один-единственный способ выяснить, что у него на уме.

— Эй! Не так быстро! Меня подожди!

Высоко в горном городе Аксолотле единственная черная стрелка солнечных часов в Гад-парке доползла до десяти угловых градусов после рассвета и безмолвно продолжила двигаться дальше.

К северу отсюда бледно-серебристые отражения корчились на медленно покачивающейся глади озера Титипопа. Жалобный крик черпачного журавля отражался от далеких осыпающихся склонов, пока птица выгибала ленивые крылья и пристраивалась на одной ноге кормиться на мелководье. Озабоченный завтраком журавль намеренно проигнорировал немалую толпу граждан Аксолотля, сгрудившуюся у южной оконечности озера, и принялся обыскивать студеные воды объемистым клювом, работая как небольшая землечерпалка.

Внезапно, когда указатель солнечных часов достиг четырнадцати угловых градусов после рассвета, странное постукивание разбило тишину движущихся туманов. Для собравшейся толпы шум этот прозвучал как стук сушеной чечевицы внутри полого черепашьего панциря. Собственно говоря, так оно и было.

Одинокая мантра вплыла в поле слуха толпы поверх стука чечевицы, исходя от сгорбленной фигуры на усеянной галькой береговой полосе. Фигура эта прыгала и раскачивалась вокруг деревянных спусковых полозьев.

Пришло назначенное время[1] для того, чтобы заклинания были брошены к небесам и чтобы каждое заклинание униженно взмолилось о безопасном и успешном завершении некого капитального труда.

Абб Армот чуть ли не рыдал от плещущей за края гордости, оглядывая элегантные обводы своего корабля. Корабль этот стоял на самом верху спусковых полозьев, до поры до времени застопоренный и готовый к спуску, буквально излучая величественную грацию. Любой гражданин Аксолотля, обладавший вкусом к

[1] На самом деле это время уже прошло. Постукивание чечевицей и атональные стоны должны были начаться добрых десять минут тому назад, если верить пустопорожней болтовне в разделе Предсказаний. Однако, к несчастью, Партач, топающий по берегу излучатель стука и мантр, переносными солнечными часами не располагал и, путешествуя на перекладных далеко от Аксолотля, потерял точный счет времени. Впрочем, поскольку больше никто подсчета не вел, а также поскольку Партач воинственно распушил свои перья и загремел своей черепахой с невероятной силой убежденности, никто ровным счетом ничего не заметил.

И для него это было весьма кстати. Ибо, заметь кто-нибудь несоответствие во времени, Партача обвинили бы в воспоследовавшей катастрофе и подвергли ритуальному обезглавливанию. Как оно и подобало.

чему-нибудь хоть отдаленно мореходному мгновенно распознал бы в этом корабле нечто особенное. От радостно торчащего вперед бушприта мимо элегантно изгибающихся утлегарей к благородной рукояти руля — все в этом судне указывало на то, что оно было построено ради скорости. При полной парусности, как надеялся Армот, «Веселый Моллюск» должен был скакать по самым верхушкам волн, обгоняя легких белых коней, которые обычно неслись там галопом. Или, как менее возвышенно выразились местные жители, «эта штуковина полетит как дерьмо с палки».

Толпа воодушевленно собралась понаблюдать за спуском корабля на воду, а Армоту пришлось ждать многие месяцы, прежде чем его водное дитя сделает свой первый нырок. Он проконсультировался с мириадами местных провидцев, до предела достал примерно дюжину пророков и выжал бесчисленные капли жизненно важной информации из просто людей сведущих. В итоге все согласились на том, что лучшее время для спуска настанет через три недели в четверг. Очень может быть.

Одиако Абб Армот решил взять дело в надежные руки и стать первым, кто предложит свое публичное поздравление Блинни Плутту и его сочной невесте мисс Нибель Меса.

Существовала традиция, пусть даже невероятно древняя и почти полностью позабытая, что благословение в виде идущего по воде судна должно быть сделано, дабы символически понести славную судьбу и долгое счастье супружеской пары по не нанесенным на карты бурным водам, которые несомненно лежали впереди. То, что Абб решил возродить древнюю традицию, весь Аксолотль оценил как благородный жест. Однако, говоря откровенно, сам Абб Армот ввязался в это дело, увидев здесь шанс устроить бесплатную рекламу своей чахнущей верфи, но это было не суть важно.

Партач, разукрашенный перьями главный заклинатель по транспорту и общему обращению с товарами, крутился точно психованный дервиш, производя какое-то странное уханье в прижатую ко рту ладонь. Это была его первая по-настоящему крупная нубличная работа, и Партач собирался использовать ее по максимуму.

Если по правде, это вообще была первая полученная им публичная работа, которая хоть как-то касалась транспортной сторо-

ны его должности. Обычно Партачу приходилось просто рассыпать немного порошка или размазывать чуть-чуть мази, заботиться, к примеру, о том, чтобы ценную хрустальную вазу доставили посредством местной почтовой системы, не изуродовав ее до неузнаваемости в процессе засовывания в почтовый ящик получателя.

До сих пор (постучи по дереву и обернись три раза вокруг своей оси, если это неправда!) никаких катастроф у Партача не случалось. Такое положение дел, скорее всего, главным образом объяснялось тем фактом, что получатели дорогих ваз заранее узнавали об их доставке (посредством почтовой предсказательной странице в «Угадайке») и оставляли дверь открытой. Хотя многие аксолотлианцы об этом подозревали, пока что никто из них не набрался отваги, чтобы отправить по почте даже что-то не слишком ценное, не обеспечив себе заблаговременно почтового благословения Партача. А тому помимо всего прочего помогало еще и то, что он сам работал на почтовом отделении.

Однако прямо сейчас Партач, получив на все утро отгул, вовсю наслаждался дикими плясками перед радостно оценивающей эти пляски публикой. Что было сил он тряс своей черепахой и разбрызгивал ароматные масла на всю окрестную скалу и на ту часть публики, которой случилось оказаться поблизости.

Словно бы по подсказке (восемнадцать угловых градусов после рассвета) нежный южный ветерок пробудился, широко зевнул и взялся за работу. Толпа принялась указывать пальцами и благоговейно ахать и охать, когда паруса «Веселого Моллюска» задрожали и медленно наполнились.

Ободренный и в немалой степени удивленный, Партач тут же исполнил двойной ритбергер, сделал обратное сальто и удвоил свои усилия. Равномерный поток заклинаний с униженной мольбой отчаянно шипел и кружился, проносясь вдоль нитей атмосферного эфира, имея своей мишенью конкретное божество.

В Аррайском царстве раздалось раздраженное кряхтение, когда электрический столб мольбы просвистел в окно и бесцеремонно воткнулся точно в левую ноздрю Стапелю, божеству по водоплавающим корытам и тому подобному.

Стапель кашлянул, сонно треснул себя по защекотавшейся ноздре, после чего весьма неуклюже скатился со своего нестандартных габаритов облака с соответствующим набором пуховых одеял

и подушек. Пол в высшей степени бестактно треснул его по физиономии.

Дюжина символов веры и мириады просьб из черепашьего панциря просвистели вверх по левой ноздре божества. Она тут же задергалась, защекоталась так, как будто пара сотен муравьев решила вести там сражение с обильным использованием муравьиной кислоты. Неизбежным образом Стапель чихнул. Затем, шумно вытирая сопли о заднюю часть своей тыквенной пижамы, он закряхтел и попытался избежать роя приставаний.

— Ладно, ладно, уже иду. Я знаю, когда я нужен. Ну почему меня хоть ненадолго в покое не оставить? — проворчал Стапель и неуверенно поднялся. Тройка отчаянных прошений зависла у подоконника, прикидывая, будет ли хорошей идеей действовать прямо сейчас. Единогласно они решили посмотреть, как все пойдет.

Стапель, следует заметить, терпеть не мог ранних утренних визитов. Особенно после бурной ночи в «Манне Амброзии» и бесчисленных рюмочек на брудершафт с последними получателями мест за Верхним Столом. Потирая подбородок, Стапель попытался припомнить, сколько всего бутылок лучшего шимпанзкого он уговорил. Удалось припомнить двенадцать. После таких возлияний все в памяти малость замутнилось.

Прошения все же решили выполнить свою работу и в порядке напоминания фугасными снарядами нырнули к ноздрям божества.

— Тьфу! Никакого покоя! Ни на минуту! — проворчал Стапель. Затем он потянулся за своей фуражкой и вышел из передней двери, исчезая в показной вспышке цветистой экстравагантности, от которой еще больше заныла его до ужаса чуткая к боли голова.

А внизу, на берегах озера Титипопа, волнение толпы все росло. Южный ветерок набрал равномерные двенадцать узлов, и «Веселый Моллюск» вовсю напрягался в надежно сработанном спусковом снаряжении. Веревки скрипели, напряжение нарастало и Партач стремительно направился к смутному пятну сочной расцветки.

Физиономия Абба Армота являла собой образчик гордого отцовства, смешанного с предельной нервозностью первой брачной ночи. Все знаки, знамения и предвестия смотрелись в высшей степени многообещающе. Славное вино, славная толпа, славный

корабль. И скоро настанет тот час, когда, после нескольких лет мучительного строительства и нескольких месяцев еще более мучительного ожидания, славный корабль «Веселый Моллюск» наконец-то выйдет в открытые воды.

Внезапно последовала показная вспышка, и мужчина, габаритами чуть крупнее обычных, появился, щеголяя фуражкой и белой, коротко подстриженной бородкой, какую обычно предпочитают капитаны кораблей и прочий мореходный народ по всему ведомому миру. Странным образом и к немалому удивлению озадаченной толпы, он также носил тыквенного цвета пижаму.

— Привет, ребята. Короче, семь футов под килем... и так далее! — объявил мужчина после умопомрачительного зевка. Затем он разочарованно огляделся в поисках юнцов с их пронзительным свистом, которые по причинам, известным только тем, кто вовлечен в великие соленые просторы, всегда появляются и останавливают всяческую болтовню быстрым заградительным огнем из трех убийственных нот. Божество недовольно фыркнуло себе под нос, когда никакой подобной звуковой атаки не последовало.

«Никакого почтения к этикету», — жалобно подумал Стапель, прежде чем его омыла внезапная и замечательно утешная волна облегчения. После всего того шимпанзкого прошлой ночью вряд ли его пульсирующая болью голова перенесла бы столь резкую звукотерапию.

Наблюдая за сверхъестественным появлением Стапеля, Абб Армот принял положение, которое требовалось для успешного принятия благословения. Он быстро распластался на усыпанном галькой берегу, воя прошения и мольбы, плотно прижав ладони к ушам в традиционной аксолотлианской манере.

Столетия эмпирической аргументации ушли на принятие именно такого положения как традиционного. Распластывание на земле наглядно демонстрирует призванному божеству, насколько серьезно вызвавший все это воспринимает, а успешный результат был куда важнее чистой тоги. Плотное прижатие ладоней к ушам представляло собой необходимую меру самозащиты. Никто не хотел услышать, как представитель небесного племени смеется над его настоятельной просьбой.

Итак, уткнувшись носом в округлые камешки, с наглухо закрытыми ушами, Абб Армот грохнул как из пушки:

— ...благословите, пожалуйста, если вам, конечно, не трудно, сей незатейливый корабль и всех тех, кто получит скромную удачу на нем плыть, а в особенности символическое счастье Блин...

Совершенно внезапно из-под куста вереска по всему берегу прозвучал жуткий скрежет. Тревожные вздрагивания прокатились по толпе. Раздел Предсказаний ничего об этом не упоминал.

Неудивительно, если учесть его текущую позу, что Абб Армот ровным счетом ничего не заметил.

— ...и заставьте мой кроткий корабль легко лететь по верхушкам волн в манере ненавязчиво блестящей и непретенциозно головокружительной, отныне и навсегда... — продолжил тянуть он.

По-прежнему исполнявший свои фортели Партач внезапно замер и в диком изумлении зашатался, тоже различив звук, похожий на скрежет когтей громадного существа по той самой скале, на которой они стояли.

— ...снасти пусть будут скользкими как сальный угорь, кливер пусть никогда не обвиснет, а трюмные воды пусть остаются чистейшей из всех жидкостей...

Тут толпа дружно заорала.

В десяти футах под отчаянно зевающей фигурой Стапеля земля внезапно взорвалась россыпью камней, и в поле зрения ворвались целые джунгли бешено скребущих когтей. Существо с черным панцирем ловко отпрыгнуло вбок, с грохотом приземлилось на вереск и воззрилось на толпу множеством сложных глаз.

Секунду спустя в облаке вонючего дыма возникли две фигуры. Обе были почти десяти футов в вышину. Их руки, ноги, головы и хвосты были толстыми, округлыми и словно бы напрочь лишенными суставов. Одна из фигур внимательно глазела на странное металлическое устройство у себя в лапах. Два похожих на ложки указателя покрутились, после чего обвиняюще нацелились на облаченное в тыквенную пижаму божество.

— Это он! У него, видать, во всех карманах противопехотные святыни! — объявил Бубуш. Затем он скакнул вперед, схватил Стапеля в стальной зажим и поволок его, отчаянно лягающегося, в рыгающее сернистым дымом отверстие. По-военному четко существо с черным панцирем прыгнуло обратно в дыру, выпуская из дюжин асбестовых спиннетов высокорастяжимую паутину. Секунду спустя отрыгнутый дым рассеялся.

И там уже не оказалось никаких признаков божества по судам и тому подобному.

Безмолвное покрывало отчаянного шока целиком накрыло берега озера Титипопа.

Вернее, почти целиком. Абб Армот как ни в чем не бывало с трудом поднялся на ноги и прошел к спускным полозьям, уважительно опустив глаза. Честно потянув за рычаг, он отпустил спускной стопор.

При полном отсутствии энтузиазма хотя бы у кого-нибудь из всей толпы, которая как один человек глазела на слегка дымящийся кустик вереска, славный корабль «Веселый Моллюск» с негромким рокотом заскользил вперед. Паруса раздувались на ровном ветерке, кливер гордо смотрел в широкие просторы озера, и постепенно корабль ускорялся по спускным полозьям. Деревянные колесики отчаянно скрипели от напряжения. Клубы пыли начали вырываться в прозрачное небо, когда веревки стали цепляться за кипы цепей, подтягивая их к воде и тем самым замедляя судно, как было рассчитано. Абб Армот радостно подпрыгивал, размахивая парой флажков, которые он прихватил специально для такой оказии, и понемногу приводя себя в неистовство полного восторга.

Почти небрежно нос «Моллюска» пробил свою первую волну, проскользнул по самому концу спускных полозьев — и шестифутовый макет корабля с одним-единственным всплеском исчез под водой, когда цепи внезапно обнаружили, что плавать они не умеют.

А в тысяче футов внизу, на дне только что прорытого скалодонткой тоннеля, пара дьяволов торопливо избавлялась от облачения, состоявшего из целого шкафа одеял. Волоча ошарашенную фигуру в фуражке и тыквенной пижаме за угол, чтобы опорожнить ее карманы от противопехотных святынь, преследуемые грохочущей скалодонткой с черным панцирем, приятели блаженно не сознавали того, какая невероятная удача потребовалось им, чтобы провернуть всю эту операцию.

Пару столетий тому назад у них не было бы ни единого шанса когда-либо наложить свои когти на божество — не говоря уже о том, чтобы в стальном зажиме уволочь его в Уаддские недра. Ни единого, даже самого малейшего шанса.

На Стапеле был бы грехонепробиваемый костюм.

Несмотря на свою невероятную объемистость, непомерную тяжесть, а также необходимость пользоваться при надевании и снятии услугами двух ангелиц-помощниц, в то время грехонепробиваемые костюмы являлись важной частью гардероба любого божества.

Что ж, даже богам в ту пору следовало соблюдать осторожность в параноидной атмосфере ожидания Инфернального вторжения.

Все ощущали абсолютную реальность угрозы того, что в любое время из Уадда могут подняться демоны, чтобы неудержимым потоком прорваться в Аррайские врата. Обитатели Уадда просто дожидались нужного времени, только и всего, готовясь и разрабатывая различные варианты атак.

Многие столетия большинство божеств не отваживалось сделать даже шага за пределы Аррая, чтобы осыпать благословениями своих преданных поклонников. До изобретения грехонепробиваемых костюмов.

Но божество, заключенное же внутрь сакрально-армированных доспехов трехдюймовой толщины, оказывалось полностью защищено от малейшего прикосновения любого зловредного когтя. Поверхность костюма сплошь покрывали крошечные нити чистой веры, и каждая из этих нитей способна была ударить любого агрессора током высочайшей харизмы. Какое-то время грехонепробиваемые костюмы имели колоссальный успех.

Однако постепенно народ Аррая начал понимать, что Инфернальное вторжение уже не выглядит таким уж реальным, а ковылять и потеть внутри объемистого снаряжения становилось божествам по-настоящему в тягость. Словом, грехонепробиваемые костюмы вышли из моды. Теперь их не носили даже самые параноидные божества — ну, если не считать отдельных, приватных случаев и при наличии согласных на такой вариант партнеров, но это уже было их личное дело.

Тем временем на берегах озера Титипопа челюсти по-прежнему оставались отвисшими от шока.

— Ну вот, значит, как оно все получилось, — заключил Партач, разводя руками и при этом слегка постукивая чечевицей внутри черепашьего панциря.

Толпа повернулась и угрожающе на него уставилась.

— Нет-нет, погодите... да бросьте! Это не имело ко мне никакого отношения! Послушайте, я сейчас объясню... я...

Так вышло, что как раз в это самое мгновение Партач, главный заклинатель по транспорту и общему обращению с товарами, вдруг в точности выяснил, насколько быстро он может бегать.

И пока утренний покой снова оседал на берега озера Титипопа, там осталась стоять лишь одна-единственная фигура. Большой черепачный журавль задумчиво глазел на цепочку пузырей, что поднималась из темных глубин, знаменуя собой кончину славного корабля под названием «Веселый Моллюск».

Приглушенные голоса раздавались внутри корпуса заброшенного парома — убежища сдельщиков на берегах реки Флегетон.

— А ты абсолютно уверен, что случилось именно это? — спросил Шнютке. В голосе его, впрочем, особой заботы не звучало. Он глазел на руки Бешмета, внимательно изучая их в поисках любых недавних повреждений, которые хоть как-то могли уменьшить его способность к музицированию.

— Я тебе уже дюжину раз рассказывал, — простонал бывший скрипач. — Если бы что-то его не остановило, этот дьявол-стражник вручил бы Треппу его красную книжицу и... — Тут он осекся.

— И что? — нажал композитор Шнютке.

— Не знаю, — задумчиво пробормотал Бешмет. — У меня не было возможности это выяснить. Но это было бы классно.

— С чего ты взял?

— Ну, ты это брось! Видел бы ты, как ментагона все это огорчило.

— Как именно огорчило? — вмешался его высокопреподобие Елеус Третий. — Как если бы ты свою скрипку потерял?

— Пожалуй, да, — отозвался Бешмет.

— Вот в чем тут соль! — театрально объявил Елеус и треснул себя кулаком по раскрытой ладони. Последние несколько часов, пока он выслушивал Бешмета и пытался прикинуть, зачем здесь появился Трепп, наконец-то дали свои плоды.

— В чем? — хором спросили Шнютке и Бешмет.

— Вот зачем он здесь. Его сделка! Он здесь, чтобы спасти...

— Нет-нет, — перебил Бешмет, мотая головой. — Как раз это в нем самое странное. Я все пытался расспросить, что у него за сделка, а он все продолжал болтать о каком-то контракте.

Лицо Елеуса сделалось настоящим образчиком подлинного удивления.

— О контракте? — пробормотал он. И тут в отдаленных уголках его разума святого отца начал ткаться сложный гобелен понимания, готовясь наконец-то быть распознанным. Живописные картинки проповеди на крыше хижины вспыхнули в поле его зрения. Елеус припомнил тот эффект, какой Трепп оказал на толпу измученных душ, когда принялся толковать об Алкане, припомнил завороженных и радостно потягивающих пиво демонов... А теперь — контракт?

Во внезапной вспышке озарения его высокопреподобие все понял. Но это казалось слишком дико, слишком невероятно. Пусть даже он сам за всем этим наблюдал. Елеус покачал головой. Он, разумеется, слышал о Речистой Миссии. Ее лозунг «Любое время, любое место, любое слово» был широко известен среди лиц, занимавшихся проповедованием. Как-то раз, лет сорок тому назад, в свою бытность главой несуществующей конгрегации в часовне святого Маразма Регулярно Забываемого, Елеус сам чуть было не присоединился к этим миссионерам, но... Короче говоря, тогда ему показалось, что он просто не вправе бросить часовню. А кроме того, у него начисто отсутствовала практика реального проповедования. Хотя иметь деньги в качестве милостионера было крайне заманчиво.

Неужели настолько заманчиво, чтобы подписать контракт на распространение Благой Вести здесь, в Уадде?

Елеус аж содрогнулся, подметив почти извращенную логику такого варианта. Он не мог отрицать, что здесь содержалось немало потенциальной энергии. По сути, для любого миссионера с достаточно хорошо подвешенным языком здесь были настоящие золотые россыпи душ. Спасать проклятых. Обращать их души в загробной жизни.

А затем блестящая логика контракта вспыхнула у него в голове. Если Трепп действительно прибыл сюда, чтобы спасать души, тогда это был его шанс. Выход наружу.

Елеус аж задрожал, хорошенько обо всем этом поразмыслив. И в это самое мгновение его разум проголосовал, нейроны единогласно замахали хвостиками — и решение было принято. Он любой ценой должен был найти Треппа и спастись!

Оставались только две препоны (пусть даже достаточно крупные), что пятнали кристально чистый в иных отношениях горизонт.

Где был Трепп прямо сейчас? И почему два тревожно знакомых ему демона похитили миссионера из Мортрополитанской тюрьмы?

Почему-то последняя препона вызывала у Елеуса наибольшее расстройство.

Если тот злой и лживый монстр, что уговорил его пойти на сделку, был одним из той парочки, которая унеслась прочь от тюрьмы вместе с Треппом, тогда ничего хорошего из всего этого дела выйти не могло.

Чего мог дьявол хотеть от миссионера-контрактника в Уадде?

Нет, все это решительно ничего хорошего не сулило.

В уединении пещеры Ублейра в Шанкере, деловой части Мортрополиса, голос Бубуша вовсю отражался от стен.

— Так вы говорите — никогда о противопехотных святынях не слышали? — прорычал он облаченному в тыквенную пижаму божеству, привязанному к креслу. Затем демон многозначительно оскалился, направляя лавовую лампу прямо в глаза Стапелю. Он вел допрос всего две минуты и уже испытывал предельное нетерпение.

— Нет смысла попусту тратить время на отрицание. Мы все о них знаем, они уже не секрет, — блефовал Бубуш. — Нет смысла держать это при себе. Так вы только еще больше все усугубляете!

— Я же вам говорю, — настаивало божество в фуражке. — Ничего об этих противопехотных ерундовинах я не знаю...

— Ложь! — рявкнул Бубуш, хлопая лапой по обсидиановому столу. — Доказательство всюду вокруг вас. Вот, смотрите! — Он поднес свой самодельный святынеискатель к физиономии Стапеля. Ручки двух ложек буквально затрепетали, обвиняюще указывая на пленника. — Вы с ними обращались, не так ли? Куда вы их перемещаете?

— Не понимаю, о чем вы...

— Отлично! Отрицайте, если угодно. Но как только я найду ваш тайник, вы об этом пожалеете. Непременно пожалеете!

И Бубуш вихрем вылетел за дверь, утягивая за собой Ублейра.

— Вперед! — заорал он. — Они не могут быть очень далеко! Мы обязательно их найдем! И без его помощи!

Брехли Трепп, по-прежнему привязанный к стулу, попытался театрально пожать плечами. Ему это не удалось.

Когда теневой указатель аксолотлианских солнечных часов в Гад-парке медленно подполз по кругу к тридцати одному угловому градусу после рассвета, дверь крошечной хижины в предместьях города медленно распахнулась. Из хижины, протирая глаза и широко зевая, вышел мужчина. Солнце, абсолютно равнодушное к этому зрелищу, продолжало тащиться по бездорожному голубому простору безоблачного неба. Как оно обычно это делало.

Вышедший из хижины мужчина с хрустом потянулся, проковылял вниз по трем ступенькам своей веранды и воззрился на раскинувшиеся по склону холма заросли золотистого ячменя. Завитки ветра рябили по этому морю глухих ушей, удовлетворенно шелестя. Утро было вроде бы самое обычное — как любое другое. Леболоп всегда потягивался, зевал и топал по краю своего поля, высматривая первые заметные признаки того, что ячмень готов к жатве. Однако сегодня он был особенно исполнен надежды. Все признаки должны были быть налицо. По крайней мере, согласно «Угадайке».

Впрочем, как бы ни были хороши те провидцы, что работали в «Угадайке», годы непосредственного опыта научили Леболопа тому, что признаки признакам рознь. Очень мило и славно было для городских пророков глазеть в магические кристаллы или ковырять кофейную гущу в комфорте собственного храма, извлекая оттуда существенно важные знамения для более склонных к сельскохозяйственной работе жителей Аксолотля, но Леболоп знал, что существуют иные, более древние предсказательные процедуры.

Его спина со скрипом пожаловалась на остеохондроз, когда Леболоп нагнулся и выдернул с края поля пучок ячменных колосьев. Он пять раз их потряс, затем обдул. Далее он откашлялся и смачно харкнул на землю, после чего швырнул весь пучок в утреннее небо на юг. Желтовато-коричневые колосья закувыркались в воздухе, летя вдоль края ячменного поля. Затем слегка рассеявшийся пучок неслышно лег на землю в сложном узоре символов, дающем надежную информацию любому, кто знал темные правила истолкования.

Леболоп уставился на три колоска, которые изобразили первую букву слова «серп» в муррловианском языке, затейливый аммореттанский символ, означавший «Радуйся, ликуй, веселись!», а также грубо-угловатое начертание древнего хамогрубианского знака, передававшего сообщение: «Сегодня данное ячменное поле совершенно созрело для жатвы. Любая задержка несомненно будет иметь результатом недостачу общего продукта и соответственное сужение объемов чистой прибыли. Немедленно доставайте серпы и начинайте жать!»

Глаза Леболопа напряженно впивались в форму этих узоров, аналитическая жилка у него в голове со щелчком включилась, но несколько секунд спустя фермер недоуменно почесал в затылке и досадливо побрел прочь. Муррловианский, аммореттанский и хамогрубианский входили в число тех языков, о которых он даже никогда не слышал.

Пожимая плечами, Леболоп потопал дальше, а глаза его обшаривали покачивающуюся гладь ячменного поля. И внезапно его челюсть отвисла, когда он ясно увидел то, что искал. На полпути вверх по холму имелось пятно примятых колосьев. Выглядело все так, как если бы некий полностью управляемый вихрь был использован неким небесным вандалом, чтобы вдоволь порисовать по податливой поверхности поля. Там имелись и круги, и треугольники, и странные геометрические фигуры, и даже, что самое удивительное, рисунок дикобраза.

Леболоп издал пронзительный вопль, подпрыгнул от радости и пустился бежать назад к хижине. Это был он, признак! Сложный, следовало отметить, но совершенно безошибочный. Каждый аксолотлианский фермер знал, что, как только на поле появлялись круги, ячмень был готов.

И теперь настало время для жатвы. Почти.

Единственной вещью, которая стояла теперь между Леболопом и первым взмахом его серпа, было жизненно важное божественное благословение для доброй жатвы. Однако на сей раз оно должно было поступить не от традиционного божество жатв. О нет. Этот ячмень не будет направлен на обычные мельницы и не подвергнется нормальным процессам сельскохозяйственной обработки. Ни в коем случае! Этот ячмень был специально отмечен, как только Леболоп услышал о скором бракосочетании Блинни Плутта и Нибель Меса. Данному конкретному ячменю предсто-

яло составить особое неферментированное пиво, которое будет затем превращено в шампунь для использования его женихом и невестой в их радостный день. Это ячменное поле станет одним из тех предельно редких полей, которые получат благословение Нивейи, божества по правильному мытью и укладке волос.

Леболоп с довольным видом потер руки. Если этот ячмень будет таким образом благословлен, он сможет запросить за него в десять раз больше обычной рыночной цены. Такого шанса он дожидался давно. Так мило со стороны Блинни было этот вариант предложить.

Во вспышке возбуждения Леболоп заскочил на задворки своей хижины, сорвал с верха крошечного деревянного строения матерчатый футляр, после чего зажег свечи, ароматические палочки и причудливые наркотические сжигатели. Секунды спустя клубы ароматного дыма уже поднимались в утреннее небо, одновременно вторгаясь в ноздри фермеру.

Слегка покачиваясь и моргая от пьянящего воздействия на пустой желудок пятнадцати разных наркотических трав, Леболоп опустился перед своей превращенной в алтарь клеткой для кроликов и, как следует завывая, принялся возносить мольбы примерно в том направлении, где, как он предполагал, располагался Аррай.

Сдерживая зевок, фигура в сеточке для волос сдернула буханку плотного хлеба с ревущего огня, перекинула ее на блюдо и оглушительно чихнула, когда целое полчище унылых просьб ворвалось в окно и воткнулось точно ей в левую ноздрю. Нивейя изо всех сил постаралась не обращать внимание на безумно чихательную щекотку в ее носовых пазухах и протянула руку за очередной мармеладиной.

После приступа в пятнадцать диких чихов и дюжины отчаянных кашлей Нивейя наконец-то поняла, что ее завтрак, пожалуй, стал бы чуть более приятным, если бы она просто спустилась вниз, бросила там пару-другую благословений и оставила этих назойливых смертных счастливыми. Тогда она смогла бы снова вернуться к изобретению нового павлиньи-помпезного стиля прически — стиля, который своей креативностью окончательно затмил бы вышедший из моды пучок с начесом и уж тем более пресловутую «треуголку».

Облизывая пальцы, чтобы удалить все следы нарезанного толстыми кусками мармелада, Нивейя закрыла глаза, затаила дыхание и исчезла в ослепительной вспышке, при виде которой любой начинающий пироманьяк позеленел бы от зависти.

Леболоп тревожно вскрикнул, когда столп одушевленных ртутных капелек материализовался у него за спиной, потрясся немного, а потом слился и превратился в существо в шелковой пижаме. Существо щеголяло также сеточкой для волос и бумажными бигудями.

— Так-так, и чьи волосы здесь требуется обработать? Давай же приступим, а то мой завтрак остынет, — проворчала Нивейя. Затем она лениво вгляделась в лысую макушку Леболопа, потемневшую от многих лет в открытом поле. — Ах так это не ты, да, дорогуша? Тут даже я не смогла бы ничем помочь. Так где я требуюсь?

Леболоп указал на покачивающиеся ряды своего ячменного поля и ухмыльнулся.

— Ага, понятно. — Деликатно откашлявшись, Нивейя вгляделась в золотистые колосья. — Это что, вроде какой-то викторины, а, дорогуша? Поскольку, если только я в последние несколько столетий не сделала чего-то катастрофически неверного, это выглядит для меня как обычное ячменное поле. Я также знаю, что громадный стилистический потенциал действительно содержится в волокнах зрелого ячменя. В частности, можно упомянуть традиционных тканых животных. Однако, если честно, я все-таки никак не могу понять, что я вообще-то здесь делаю.

— П-пиво... пиво и шампунь, — залопотал Леболоп, совершенно очарованный. Божества в бигудях он еще ни разу не видел.

— Жуткое сочетание. Устроит тебе жутчайшее расстройство желудка, поверь мне, а пузыри будут просто...

Леболоп так и не смог выяснить, что же там такое будет с пузырями. Прежде чем у него появился шанс спросить, земля позади Невейи внезапно разверзлась, являя на свет царапающее полчище диких когтей. Затем утренний покой вдребезги раскололся пронзительным воплем:

— Это она! Хватай ее, тащи!

Со всплеском розово-голубых искр божество по правильному мытью и укладке волос было схвачено парой завернутых в одеяла

монстров и утянуто вниз — в рыгающую сернистым дымом дыру, по пути отчаянно жалуясь насчет отсутствия завтрака.

Леболоп уставился на стремительно заделанную дыру и почесал в затылке. Может, он что-то такое сказал? Не то заклинание?

Цепочка фермерских мыслей не слишком преуспела в своем развитии, ибо в это самое мгновение вопящая толпа аксолотлианцев появилась на горизонте и понеслась прямиком к его полю, направляясь от озера Титипопа.

Впереди толпы Леболоп по пернатому обличью узнал Партача и на несколько мгновений задумался: чего ради за заклинателем охотится дикая толпа, да еще в такое ранее утро? Фермер раздумывал над этим интересным вопросом ровно столько времени, сколько потребовалось Партачу, чтобы привести оглушительно вопящую толпу к краю ячменного поля.

Безумно мчась вперед и уклоняясь при этом от широкого диапазона обходных маневров, Партач провел толпу по доброй сотне разрушительных троп, пока Леболоп, в ужасе сжимая ладонями голову, наблюдал за всем этим бесчинством.

Чья именно обутая в сандалий пятка наступила на два кусочка кремня, так что они чиркнули друг о друга, высекая катастрофическую искру, никто так никогда и не узнал. Но пожар вышел что надо. Огонь с голодным неистовством пожирал сухие как зола побеги, истекающие слюной языки желто-багряного пламени жадно облизывали созревшие колосья.

Красочный фейерверк и треск коробочек с зернами за считанные минуты пробудили весь остальной Аксолотль.

А тысячью футов ниже два дьявола, злобно посмеиваясь, за руки за ноги тащили даму в шелковой пижаме в самые недра Шанкера, деловой части Мортрополиса.

Дюжина ментагонов злобно рычала и щелкала кнутами, то и дело подгоняя ставших теперь безработными чиновников Пропускного депо к их новому месту трудоустройства. Асаддам властно вышагивал, возглавляя процессию. Его копыта временами выбивали искры из каменистой почвы, а уши главного менеджера были самым капитальным образом заклеены к любым жалобам или просьбам о перемещении.

Он уже все решил. Рудники лавы и серы Узбасса придется снова открыть. Это будет сделано назло Шейтану, если даже не для чего-то другого.

— Это подлинный мазок гения, сэр, — лебезил Асмодеус, радостно семеня внутри сумрачно-злой ауры Асаддама. — Бросить вызов монополии Шейтана на топливные ресурсы, да еще без всякой потери в эффективности мук. Чистая гениальность!

— Ясное дело, — осклабился Асаддам, надменно шагая вперед.

— Это определенно покажет ему, кто здесь главный.— Асмодеус попытался осклабиться в манере, только что продемонстрированной Асаддамом. В итоге он лишь стал походить на дьявола, отчаянно старающегося выковырять что-то, крепко застрявшее у него между клыков.

— И, говоря о том, кто здесь главный, — Шейтан уже не сможет выкарабкаться из своих контрактных потребностей в муках. Он у меня в лапах! — усмехнулся Асаддам.— Ему никогда не следовало пытаться выцыганить у меня плату за топливо! Вот идиот!

— Определенно сэр! — сочился лестью Асмодеус.

— Ха! В этом капитально авантюрном сценарии есть по меньшей мере два идиота, — вслух размышлял Асаддам, почесывая когтем у себя за ухом, пока он шагал дальше.

— Два, сэр?

— Конечно. Первый идиот — тот, кто вообще приказал закрыть эти рудники. Кто, кстати говоря, этот шут гороховый? — Асаддам с любопытством поднял бровь, помедлил на полушаге и развернулся к Асмодеусу: — Ведь ты всю эту документацию видел. Ну, так какой кретин это был?

Асмодеус вспыхнул краской.

— Не думаю, что следует применять подобные слова к...

Брови Асаддама злобно изогнулись.

— К кому? — прорычал он, крепко хватая Асмодеуса за горло. — Кто объявил рудники экономически нецелесообразными, а?

Позади него многочисленные ряды бывших чиновников нервно сглотнули слюну. Они всего лишь несколько часов тому назад начали знакомиться с административными методами Асаддама в действии — знакомиться воочию. Демоны смущенно зашаркали в

черной пыли и с опаской почесали свои шеи, когда копыта Асмодеуса оторвались от земли. Если главный менеджер так обращается с непосредственными коллегами, думали чиновники, что же он тогда сделает с ними, если кому-то из них случится ему под горячую лапу попасть?

Болтаясь в когтях у Асаддама, Асмодеус беспомощно пускал пузыри.

— Так кто приказал закрыть рудники? Говори!

Банкир с трудом прошептал имя и тут же был выронен на землю, когда Асаддам запрокинул голову и дико расхохотался.

— Ты серьезно? — проревел он.

Асмодеус, стоя на коленях, кивнул.

— Я ведь могу проверить, — стал угрожать Асаддам.

Банкир так отчаянно замотал головой, что чуть не лишился своего пенсне.

Асаддам снова стал насмехаться.

— Прекрасно. Просто замечательно. Значит, сам повелитель скверны д'Авадон приказал закрыть эти рудники? — выл он. — Как же это дьявольски близоруко!

Голова главного менеджера возбужденно загудела, когда он снова зашагал вперед. Если он, Асаддам, мог видеть дальше решений, принятых самим повелителем скверны, тогда почему он не должен был быть повышен до этого положения? Всему Уадду от этого была бы только польза. О да, его диапазон простирался далеко за пределы должности главного менеджера. Истинная правда. Если только он аккуратно все спланирует, то лишь страхосфера будет ему пределом. Сделать Мортрополис самодостаточным — и можно будет начать предпринимать набеги на территорию д'Авадона.

В это мгновение походка Асаддама внезапно приобрела определенную важность, когда он увидел себя обитателем недавно отстроенного Главного дворца, а не той жуткой розовой хибары на берегах Стикса. Пусть она останется д'Авадону...

Впрочем, на данный момент следовало заняться заботами более приземленными и непосредственными. И Асаддам повел толпу перепуганных бывших чиновников в небольшой подъем, а затем немного под гору.

«Такие дела!» — подумал он, внезапно уставившись на давно заброшенный вход в рудники.

— Добро пожаловать на новое место работы! — объявил он и с длинным издевательским поклоном обвел лапой окрестности.

Бывшие чиновники в ужасе уставились на рыгающий дымом вход в рудник и на узенькие параллельные рельсы, исчезающие в его угольно-черной глотке. Повсюду лежал проржавевшие остатки древних на вид вагонеток, гротескно смятые и перекореженные. Струи сернистого воздуха вились из дыры, явно обладая губительной для любых легких токсичностью. Потеки кроваво-красной лавы болезненно пульсировали в трещинах, подобно крови из ран убитого в сражении боевого носорога.

Со вспышкой прозрения бывшие чиновники вдруг поняли, что их новая работа должна будет стать чуть более требовательной, чем, скажем, царапанье лавиковой ручкой по пергаменту.

А Асаддам радостно расхохотался.

Согласно солнечным часам в Гад-парке, было уже шестьдесят три угловых градуса после рассвета — то есть в это самое время главные муниципальные пророки как раз рассаживались в своих креслах, приступая к очередному рабочему дню. По-разному кряхтя и скрипя в зависимости от состояния дряхлости, пятеро самых древних пророков устроились за просторным, причудливо вырезанным мраморным столом и начали разогревать свои предсказательные кости. Некоторые просто трясли покрытые странными рунами кубики из бедренной кости ламы, другие складывали их в чашечках артритных ладоней и жарко на них дышали. Один лишь капитан Мабыть задрал свою тогу и надежно засунул три кубика между старческих ягодиц.

Он верил в то, что если ты не способен дать будущему почувствовать вкус того, что вот-вот может полететь тебе навстречу, то жизнь просто несправедлива. Следовало также заметить, что капитан Мабыть, несмотря на почти девять десятков лет своего пребывания самым главным муниципальным пророком (или, точнее, благодаря этим самым девяти десяткам лет), повидал все виды предсказаний, какие только бывают под солнцем, и теперь сделался чем-то вроде пессимиста. Ходили слухи, что в тот день, когда капитан Мабыть сделает определенно оптимистичное предсказание, катастрофа поразит Аксолотль. Насколько эти слухи были правдивы, никто понятия не имел. Мабыть никогда не

выдавал чего-то настолько оптимистичного, чтобы на этот счет следовало тревожиться. Максимумом того, что он выдавал, обычно оказывалось фактически точное.

— Итак, Пофик, давайте приступим, — раздраженно прохрипел капитан Мабыть и продолжил увлеченно подсасывать свою вставную челюсть. — Самое время выяснить, что судьба припасла для нашего дорогого города.

Относительно оживленный Пофик со скрипом поднялся на шестидесятилетние ноги, прошаркал вдоль длинного и узкого мраморного стола, после чего бросил тройку своих предсказательных костей.

Затем, что-то бормоча себе под нос, он приплелся к самому концу стола и с прищуром взглянул на руны. Вытирая нос, пророк раздумывал над их авгурическим значением.

— Ну что? — после десяти минут озадаченного молчания прохрипел капитан Мабыть. — Есть проблемы?

Плечи Пофика обвисли, и он поднял взгляд. Его цвета ливерной колбасы лицо пыталось скрыть румянец профессионального стыда.

— Я... я не знаю, что это значит, — едва слышно признался Пофик.

— Что? — рявкнул Мабыть, прикладывая к уху сложенную чашечкой ладонь. — Что вы сказали? Что он сказал?

Три других пророка за столом нервно переглядывались, не смея поверить в услышанное. Пророк с неистолковываемым знаком... об этом даже подумать было невыносимо. Это противоречило всему, на чем стояло аксолотлианское общество. Без взгляда в будущее они становились совершенно слепы. Все, что они считали истинным, тогда безусловно должно было рассыпаться прямо перед их воспаленными глазами.

Между прочим, была ли вон та трещина в потолке?

— Что он сказал? — снова прохрипел Мабыть.

Костяшки пальцев Пофика сделались белыми от отчаянной хватки за край стола, пока его взор переходил от обвиняющей тройки непостижимых рун к раздраженно-нахмуренной физиономии капитана.

— Это лишено значения... — выдохнул Пофик. — Совершенно непостижимо. У меня нет ни намека на смысл!

— Не может быть! — гаркнул Мабыть. — Прикиньте! И быстро. Скоро уже подадут утренние булочки.

— Не могу! — Пофик дрожал, чувствуя, что раньше чем подадут булочки, он уже предстанет перед концом своей долгой и вполне комфортной карьеры.

— Проклятье! Работа должна делаться, дьявол ее побери... — прорычал капитан Мабыть, отталкивая свое бамбуковое кресло и шаркая к концу стола. Каждый шаг был отмечен подсосом челюстей и свистящим вдохом и выдохом. Остальные пророки изумленно наблюдали. События определенно были беспрецедентные.

— А еще пророком называетесь! — проворчал Мабыть, подтягиваясь к самому концу стола и натужно кашляя. Повесив голову, Пофик бесприютно разглядывал носки своих шлепанцев.

Капитан прищурился сквозь свою катаракту и с усилием вобрал руны в довольно шаткий фокус. Воздух в зале словно бы загустел и обратился в некий густой сироп ожидания, пока неторопливые мысленные процессы капитана извлекали из памяти символы и выуживали их значение из геометрических фигур, изгибов и взаимного расположения всего вышеупомянутого. Все это, безусловно, было чрезвычайно сложно, однако Мабыть никогда бы этого не признал. Собрав весь свой почти что девяностолетний опыт, он сморщил и без того морщинистую физиономию и принялся бороться с предзнаменованиями, точно какая-то гигантская разумная чернослива. Постепенно свет понимания стыдливо вознаградил его трудный путь под пологом неведения, и истина что-то горячо зашептала ему в ухо.

Самой последней вещью, которую четверка главных муниципальных пророков ожидала услышать от капитана, было сдавленное лопотание. Все глаза обратились на него, пока Мабыть хрипел, набирал полные легкие воздуха и, сжимая себе руками грудь, начинал зловредно хихикать. Секунды спустя он уже валялся на полу, истерически хохоча.

Остальные пророки потрясенно переглянулись, совершенно не понимая, что же им теперь делать, пока хрипы дикого восторга разносились по всему залу, отражаясь от колонн.

— Э-э... не были бы вы так добры, чтобы... э-э... немного нас просветить? — заключил Пофик, чувствуя себя еще паскуднее оттого, что не сумел разглядеть в рунах чего-то, что произвело подобный эффект.

Капитан Мабыть катался по полу, беспомощно держась за торчащие ребра.

— Выкатите еще что-нибудь типа того, пожалуйста,— прокаркал он. — Тогда мне еще на сутки веселья хватит!

— Но что это? — взмолился Пофик, с прищуром глядя на руны. — Я не понимаю.

Мабыть скорчился на полу, после чего с трудом сел.

— Хорошие новости! — объявил он. — Абб Армот, этот докучный идиот-кораблестроитель. больше не будет донимать нас насчет предсказаний. Очень-очень долго.

Четыре других пророка в полном непонимании глазели на капитана.

— Похоже, ему четыре года потребуется, чтобы построить «Веселый Моллюск — два», — провыл Мабыть.— А потом еще года полтора, чтобы набраться отваги запустить и эту свою посудину. Ха-ха-ха, лучших новостей я уже много лет не получал!

И тут до них дошло. Как раз в тот самый момент, когда они поняли, что хихикающая на полу груда дряхлого пессимистического пророка выдает определенно оптимистичное предсказание, их перепуганные уши вдруг стали осознавать далекий грохот целого стада неистовых сандалий, а их ноздри подхватили безошибочный запах горящих ячменных полей.

Итак, слухи оказались верны. Мабыть выдал хорошие новости, и в коридорах уже кто-то бунтовал, а поля горели. Тем не менее пророки не ожидали, что все произойдет так быстро.

Грохот бегущих сандалий интенсивно нарастал, слишком стремительно приближаясь по мраморному коридору.

Пофик запаниковал. Итак, они приближались. Целая толпа. А в этом зале имелась только одна-единственная дверь, только один вход и выход. По мере нарастания страха Пофик стал быстро подбираться к сердечному приступу. Это было нечестно, что его должна была порвать на куски дикая толпа. Просто нечестно! Он всегда давал хорошие предсказания, направляя судьбу Аксолотля прямиком к... В эту секунду Пофик четко осознал, что все это было вранье. Инстинкт бегства стал побороля с боевым побуждением и секунду спустя победил. Но пути наружу не было. В таких случаях оставалось делать только одну вещь. Вопить и... две вещи. Вопить, паниковать и... три вещи.

Вопя и паникуя, пока сердце его отчаянно колотилось, Пофик во всплеске хлопающей тоги упал на пол, избирая третий вариант

как наиболее предпочтительный. Ударившись о мраморный пол, он тут же начал испускать потоки отчаянных заклинаний и продиктованных страхом уговоров, упрашивая тех, кто был выше, как-нибудь заступиться за них и спасти их пророческие задницы от бешено несущейся толпы. Мгновение спустя последовало еще три глухих удара, и к Пофику присоединились остальные трое пророков. Волны мольбы лихорадочно неслись в сторону Аррая из стареющих ртов главных муниципальных пророков Аксолотля.

В пятидесяти ярдах оттуда, по ту сторону крепких бамбуковых дверей Муниципального зала предсказаний потный и до смерти перепуганный мужчина в жутко потрепанном облачении с визгом завернул за угол и загрохотал дальше по коридору во всплеске сочных красок. Ровно через пять с половиной секунд вся толпа, которая так недавно стояла на берегу озера Титипопа, проследовала за ним в бешеной погоне.

Дальше Партач, главный заклинатель по транспорту и общему обращению с товарами, отчаянно метнулся к обширному арочному пространству бамбуковой двери, и лишь одно слово воплем вырвалось из его задыхающихся легких:

— Святилище!

Рокочущий грохот погони зловеще гремел в его ушах.

В десяти футах от Муниципального зала предсказаний Партач начал визжащее торможение.

Впилившись в дверь, он отскочил от нее и упал на спину. Но мгновение спустя заклинатель уже был на ногах, словно незримый эластичный шнур связывал его с ручкой двери. Его кулаки забарабанили по рифленой поверхности, а сам Партач испуганно оглянулся на безостановочно несущуюся толпу.

Гнев, перемешанный с потом, точно штукатурка, покрывал лица людей. Преследователи несчастного заклинателя грохотали дальше, твердо настроенные показать всем богам, что именно они о нем думают.

Слишком поздно до них дошло, что плиты сияющего мраморного пола серьезно снижают эффективность торможения.

Отчаянно крутя педали назад, толпа с чудовищным избытком инерции врезалась в твердые бамбуковые двери. Петли, панели и несколько десятков донельзя изумленных пауков влетели в интерьер Муниципального зала на волне потерявших управление граждан Аксолотля.

И в это самое мгновение на молитвенные воззвания четырех пророков были получены ответы. Четыре столпа слепящей аэрозольной ртути слились в четверку зевающих и жутко похмельных божеств. Пугающая тишина мигом одела аксолотлианцев в смирительные рубашки потрясенного удивления, стоило им только воззриться на небесных визитеров.

— Ну, кореша, вам тут чего? — прорычало голое по пояс божество, сжимая могучие кулаки в нескольких дюймах от своего носа, который, судя по его виду, вправляли уже несчетное число раз.

Все глаза переметнулись со шнурованных боксерских ботинок на тяжелые надбровные дуги Туммака, небесного покровителя потасовок и мордобоя. Сотня челюстей упала вниз.

Пофик ухмыльнулся. Его молитвы получили ответ. Пусть теперь эти неблагодарные аксолотлианцы посмеют прикоснуться к нему хоть пальцем!

Для всех незваных гостей стало вполне очевидно, что было на уме у Пофика, когда его панический призыв был послан.

Другие пророки, однако, оказались несколько менее прагматичны в своих предпочтениях.

Оторвав взор от пола, толпа подняла его на Драпака, божество спринта и стремительного сматывания удочек, затем на Бандажа — главного небесного специалиста по оказанию первой помощи и лечению ушибов. И, наконец, на еще более популярного Памперса — ответственного за необгаживание гражданами своих подштанников.

Судя по смущению на лицах дрожащих пророков, Памперс прибыл слишком поздно.

— Ну? Так чего вам тут надо, орлы? — прорычал Туммак, непрестанно изображая в воздухе хуки, апперкоты и джебы.

Но ни один из аксолотлианцев не получил шанса ответить ему.

С воплями «Сюда! Сюда! Хватай их, тащи!» два закутанных в одеяла дьявола бросили с потолка обширную сеть, потянули за стягивающие горловину веревки и оторвали четверку божеств от пола в одной корчащейся связке. Кряхтя от напряжения, они раскачали свой улов, выбросили пойманных сетью богов в большое окно, а затем с поразительной ловкостью и точностью отправили их по пологой дуге к рыгающему сернистым дымом отверстию.

Скалодонтка с энтузиазмом загрохотала и закрутилась, готовя свои асбестовые спиннеры.

Два закутанных в одеяла дьявола проскочили через стеклянную крышу на концах веревок, после чего почти с непринужденным проворством проскользнули в разбитое окно и отправились вниз. За ними последовало существо с черным панцирем и гораздо большим числом ног и когтей, чем ему было полезно для здоровья.

Только когда дыра́ оказалась заделана, а сернистый дым развеялся, в Муниципальном зале предсказаний Аксолотля разразилась безумная истерика.

Вспышка багряной молнии прорезала каменистый сумрак страхосферы и зашипела в сочащейся углеводородной жиже Флегетона. Незамеченное всем Уаддом, нечто округлое и ледяное скорчилось от рвущегося разряда и затихло навеки. Это случилось очень некстати. Найдись нужный переводчик, и это нечто округлое и ледяное вполне могло бы стать весьма полезным в качестве материального свидетеля.

Тем более что не более трех минут тому назад оно небрежно колыхало оптическим щупальцем в сторону береговой части Шанкера, судя по всему проявляя к происходящему там немалый головоногий интерес.

Неожиданно из мрачного бокового проулка выглянул самый обычный на вид дьявол, оглядел непосредственное окружение на предмет наблюдателей, удовлетворился тем, что на берегу было действительно чисто, и снова исчез в тенях.

Несколько мгновений спустя он снова появился там с чешуйчатым черным коллегой, и они на пару приступили к подтягиванию корчащейся сети в сторону закрытого люка на улице.

Сеть казалась до отказа набитой отчаянно борющимися телами четырех бледных и предельно раздосадованных на вид бородатых мужчин.

Еще несколько мгновений спустя первый дьявол потянул за люк, который представлял собой задний проход в его пещеру, и открыл его, после чего сеть была бесцеремонно сброшена по лестничному пролету. Один последний взгляд через плечо, и чешуйчатые коллеги последовали за сетью в сопровождении боль-

шой твари со множеством семенящих ног, крепко-накрепко закрыв за собой люк, о чем оповестил щелчок запорного механизма. Не замеченная никем пурпурная аура благочестия помедлила над люком, постепенно оседая вниз, точно чересчур тяжелый полночный смог.

Вся операция заняла считанные секунды. Продлись она чуть дольше, и партнеры были бы замечены не только тем существом, которое только что было поджарено молнией во Флегетоне. Заметил бы их если не Кирпич, темный обитатель глухих проулков Шанкера, то по крайней мере его последняя жертва.

Последние несколько минут Кирпич преследовал до омерзения благополучного на вид дьявола, пока тот шагал все дальше и дальше, неуклонно удаляясь от культурных кварталов города. Даже для самых недотепистых карманников было бы совершенно очевидно, что здесь таился превосходный куш. Еще бы — никто в здравом уме не расхаживает по Шанкеру, деловой части Мортрополиса. Здесь ты или бежишь, или крадешься, или прячешься. Никогда и ни при каких обстоятельствах ты не ходишь по Шанкеру мерным шагом, да еще по самому центру проулка, пока кончик твоей трости звучит контрапунктом к стуку копыт твоего преследователя. Ну, если ты, конечно, не имеешь всепожирающего желания оказаться жертвой быстрого и безжалостного удушения.

Кирпичу также было очевидно, что этот дьявол несет с собой денежную сумму, варьирующуюся между цифрами в шесть тысяч триста десять и шесть тысяч триста пятнадцать оболов.

Оболы эти покоились в небольшом кошельке, что лежал в левом нижнем кармане его костюма. Это Кирпич мог сказать определенно. Годы напряженных тренировок и непрерывной практики обострили его слуховую прикидку почти до совершенства. Он за пятьсот ярдов мог услышать, как падает обол. Причем в час пик, и при этом в огненную бурю.

Кирпич также подозревал, что тот же самый карман содержит в себе небольшой носовой платок и особую пергаментную карточку, представляющую собой пропуск на вечеринку в Верхнем Мортрополисе, где этот лох должен был теперь наслаждаться дармовыми бокалами лавового мартини.

Пока он крался по проулку в тайном преследовании, все, что Кирпичу оставалось делать, это дожидаться идеальной возможно-

сти для нанесения удара. Конечно, в буквальном смысле ударить и дать деру он мог бы в любое время, но это был неким образом не его метод. Подумаешь — треснуть дьявола по затылку подручным тупым предметом, после чего обшарить карманы бесчувственно обмякшей жертвы. Нет, такое сумел бы провернуть любой иднот. Кирпич же предпочитал более тонкий подход.

А эпизод с дьяволом в голубом костюме почти определенно должен был стать классикой жанра. Лох остановится и станет озадаченно озираться, недоуменно уставится на карточку, а затем призовет на помощь оказавшегося поблизости незнакомца, чтобы спросить дорогу. Теперь это могло случиться в любой момент. Кирпич явственно это чуял.

Охотно готовым помочь незнакомцем с необходимостью окажется Кирпич, и как только он откликнется на зов, ловушка захлопнется. Дьявол в голубом костюме окажется у Кирпича в долгу и нипочем не сможет уйти с карманами такими же полными, какими они были за считанные секунды до этого. Такой вариант всегда железно работал.

И если Кирпич вообще хоть как-то разбирался в характерах, нужный момент был у него почти в кармане. Лишь тут он небрежно швырнул большой булыжник в проулок позади себя, чтобы это прозвучало как можно более шумно и угрожающе.

Дьявол в голубом костюме вздрогнул, настороженно огляделся и остановился как раз перед хорошо замаскированным люком на улице.

Элегантная лапа почесала между рогов, полезла в карман и вытянула оттуда приглашение на вечеринку. Глаза Кирпича выпучились, пока щелки его зрачков наблюдали за тем, как ему подваливает невероятная удача. Небольшой кошелек с оболами выпал из кармана костюма и с глухим стуком приземлился прямо на люк.

«Ровно шесть тысяч триста тринадцать оболов!» — подтвердили уши Кирпича, невзирая на тот факт, что кошелек приземлился в лужу. Теперь он точно знал, что его время настало.

Разражаясь беззаботным свистом, Кирпич выскочил в середину проулка и зашагал к сбившемуся с пути незнакомцу.

— Ах, нижайше прошу прощения, любезный мой дьявол, — начал голубой костюм, — но меня живо интересует, не сможете ли вы указать мне дорогу к...

— Конечно, мой дорогой, смогу, — умело засочился ответной любезностью Кирпич и подобрался поближе к своей жертве. Не

опуская взгляда, он поставил копыто на кошелек и одарил голубой костюм милой улыбкой. Все получалось слишком легко. — А куда вы направляетесь? — Язык странного пурпурного тумана в какой-то немыслимо-благочестивой манере лизнул его копыто.

— В страхоскреб Вампайр-Стейт, что в Верхнем Мортрополисе. Я там должен посетить одно мероприятие.

— Не сомневаюсь, что вы его посетите, — прохрипел Кирпич и внезапно почувствовал у себя внутри что-то очень странное. Его копыто неловко подергивалось на кошельке с монетами. — Стратоскреб Вампайр-Стейт... э-э... да-да... Вы... э-э... вам нужно направиться обол... э-э... вон туда. — Капля пота выскочила на лбу у вора, когда пурпурный язычок благочестия стал пробираться вверх по его ноге. — Избегайте этого заднего кошелька... э-э... заднего проулка и сдачу оставьте себе... Э-э... то есть идите прямо до третьего поворота налево...

Голова Кирпича смущенно кружилась, пока он указывал дорогу. Он еще никогда себя так не чувствовал. Грязным внутри... скверным... нечистым.

Пятка его копыта на кошельке с оболами отчаянно чесалась, и Кирпичу приходилось бороться с собой, чтобы ничего такого не ляпнуть.

Вопросительно посмотрев на Кирпича, дьявол в голубом костюме спросил:

— Вы хорошо себя чувствуете? У меня есть славный запасец лавового мартини в небольшой фляжке, если желаете...

— Нет-нет... со мной все хорошо. Чувствую праведность... э-э... правильность своих указаний. Все в полном порядке. Просто немного устал в тюрьме... э-э... во тьме.

Оболы буквально жгли Кирпичу копыто, пока пурпурный язычок щекотал низ его брюха.

— Ну, в таком случае мне надо идти. Еще раз спасибо вам за ценные указания. Уверен, теперь я смогу найти дорогу. — И дьявол в голубом костюме зашагал прочь.

А Кирпич чуть было не завопил. Он не сомневался, что его копыто уже дымится. Осторожно принюхавшись, вор пожал плечами. А затем нагнулся, схватил небольшой кошелек и мимоходом набрал полные легкие пурпурного благочестия.

Прежде чем Кирпич это понял, его уже захлестнула приливная волна омерзительно честной щедрости. Пальцы демона дрожали

от тремора истины, сердце колотилось под ужасающей тяжестью высокой морали, голова кружилась от визгливых сонетов пугающих колебаний. Давно атрофированный орган совести вора резко вошел в работу, схватил его волю и подобрал ее под себя.

Секунду спустя Кирпич уже безостановочно несся за дьяволом в голубом костюме, легкомысленно размахивая кошельком с оболами и крича:

— Э-э, прошу прощения, но кажется, вы обронили этот кошелек! Э-ге-гей, остановитесь!..

ЭФФЕКТ ДОМИНУМА

Резкие раздраженные вопли эхом отражались от стен пещеры Ублейра, пока Бубуш орал на ряд из семи фигур, надежно привязанных к вращающимся креслам.

— В семьдесят пятый раз я вас спрашиваю! — вопил он. — Где вы прячете противопехотные святыни? Ну давайте же. Говорите. Ответьте же мне наконец!

В ответ вся семерка пленников лишь обменивалась озадаченно-недоуменными пожатиями плеч.

— Сейчас же отвечайте! — проревел Бубуш, разочарованно грохая кулаком по обсидиановому столу. Направленная прямо на пленников лавовая лампа угрожающе раскачивалась. — Оттого, что вы будете хранить молчание, никаких выгод вы не получите. В конечном итоге я все выясню. Ха! А вы уже никуда отсюда не денетесь. Вашей жизни в Аксолотле пришел конец. Хоть это вы понимаете? Я теперь главный! Так где же все-таки противопехотные...

— Прошу прощения, — перебила его ерзающая фигура в самом конце ряда. Красный крест поблескивал у фигуры на том месте, где был бы лацкан, если бы у тоги они имелись. — Вас не затруднит хотя бы немного ослабить эти веревки? Они задерживают приток крови к моим кистям, и я боюсь, что долговременное повреждение определенно...

— Молчать! — заорал Бубуш на Бандажа, главного небесного специалиста по оказанию первой помощи и лечению ушибов. — Ничего я вам не ослаблю. И я не понимаю, чего ради вы беспокоитесь о какой-то там крови. Здесь она вам уже не понадобится. Вы мертвы!

Брови Бандажа недоуменно изогнулись:

— Я совершенно определенно не чувствую себя мертвым. Я могу зафиксировать определенную пульсацию в кистях. Да, совершенно определенную.

— Молчать! — снова заорал Бубуш. — Просто вы в состоянии шока!

— О нет. Полагаю, вы ошибаетесь. Шок определенно больше похож на... гм-м... на реальное состояние шока и...

— Молчать! — заорал Бубуш.

— ...на очень дерьмовое состояние, — скорбно закончил Памперс.

Тут Бандаж покачал головой. О чем он вообще думал? Он же был божеством и определенно не мог умереть. Бессмертие было одним из атрибутов божественности.

— Где противопехотные святыни? — снова прорычал Бубуш, понемногу начиная приходить в отчаяние. Он совершенно не ожидал, что они будут держаться так стойко. Казалось почти извращением, что твердая настроенность пленников хранить молчание лишь толкала его все дальше. Если они обязаны были хранить противопехотные святыни в таком секрете, значит, это было по-настоящему эффективное оружие.

Все, что требовалось Бубушу, — это примерно дюжина этих штуковин, и тогда они с Ублейром смогли бы завладеть всем Мортрополисом. Два дьявола против всей системы... ух-х... какая власть! Из секретных материалов Бубуш в точности знал, где разместить святыни для максимального подрывного эффекта. В пергаментном досье, со злорадным удовлетворением признал он, имелись кое-какие очень полезные карты.

— Скажите мне, где они хранятся! — приказал Бубуш, гневно хмурясь на Нивейю. — Скажите мне сейчас же — или я перестану быть таким милым и любезным!..

Тут, не замеченный Бубушем, странный язычок пурпурного тумана выскользнул из-под едва заметного нимба над завитой головой Нивейи и коснулся его лба.

— Ах пожалуйста, не надо так на меня глазеть,— пробормотала Нивейя. — Я уже и без того в высшей степени смущена! Только посмотрите на состояние моих волос. Это сухое тепло — оно наверняка способно непоправимо их разрушить. В такой атмосфере волосы мгновенно секутся и становятся ломкими — прямо на глазах. Объем бальзама с кондиционером, который мне

придется использовать, когда я наконец позавтракаю... Ох, завтрак. Ах, дорогуша, вы бы не могли приготовить мне небольшую закуску? Здесь очень мило, но я ужасно голодна. Не успела позавтракать, понимаете?

Без малейших раздумий Бубуш резко развернулся и щелкнул когтями Ублейру, утомленно дремлющему на своем мешке с галькой.

— Добудь ей кремневое пирожное! — рявкнул он. Усики Кременюги внезапно встали торчком от усиленного внимания, и она начала пускать слюну.

— А мне можно? — спросил Бандаж.

— Да-да, и мне, и мне тоже, — заныл еще кто-то.

— И мне!

— Семь штук притарань, — прорычал Бубуш Ублейру, глодая собственные клыки. Все шло совсем не так эффективно, как он надеялся. Но они за эту пустую трату времени непременно заплатят. О да... он лично об этом позаботится.

— Не уверен, что смогу так много притащить...— забормотал Ублейр.

Бубуш резко развернулся и протопал в боковую пещеру, грубо хватая Ублейра за рог и волоча его за собой. С приглушенной серией проклятий на предмет отношения к работе и о том, насколько эффективнее проделывать ее самому, два демона исчезли.

— Н-да, коллеги, все это малость загадочно, — прохрипел Стапель, божество по судам и тому подобному.— Кто-нибудь разобрался в том, что происходит?

— Я даже не знаю, где мы, — пробормотал Драпак, божество по спринту и стремительному сматыванию удочек, который в данный момент был предельно смущен тем, что его поймали в сеть, брошенную с потолка. На самом деле он просто обязан был от нее увернуться, с легкостью ее избежать. Было совершенно неспортивным поведением не дать выстрел из стартового пистолета или еще какой-нибудь подобный сигнал.

Брехли Трепп, восседая на стуле в дальнем конце ряда связанных божеств, не смог удержаться. Он буквально взорвался ответом:

— Это Уадд! Вы в Уадде!

Лица шести божеств повернулись к нему, одновременно вопрошая и обвиняя.

— Кто он такой? — завизжала Нивейя. — Незнакомец! А у меня по-прежнему волосы не уложены! Какой позор!

— Понятия не имею, кто он такой, друзья сердечные, — заявил Стапель. Кончик его фуражки слегка покачивался. — Он уже был здесь, когда я прибыл.

— Я его высокобесподобие Брехли Трепп из Речистой Миссии, — сказал Трепп.

— Вот почему я его не узнал. Он не божество, — проворчал Туммак, небесный ответственный за потасовки и мордобой. — Я морд никогда не забываю, — добавил он.— Особенно тех, которые недавно набил. Покажите мне нос, который я сломал, и я сразу скажу вам, где и когда я это сделал!

Голова Брехли Треппа закружилась. Божества? Что делали здесь шесть божеств? Это не имело отношения к тем секретным материалам, которые он переводил. Или имело? Может, они здесь тоже работали на Алкана?

Драпак подозрительно глазел на Треппа.

— Если он не из нашей компании, тогда почему он здесь, наедине с нами, после всех этих дурацких вопросов? Мне это совсем не нравится. Я думаю, все мы должны просто отсюда смотать. В темпе ноги сделать, я бы сказал.

— Что? Ты что, думаешь, он шпион? — насмешливо прохрипел Туммак.

— Да. Он внедрен сюда, чтобы подслушивать наши разговоры.

— Чего ради? — возразил Туммак. — Какой смысл?

— Он похитит мои визажистские секреты! — взвыла Нивейя.

— Да нет же, — прошептал Драпак с отблеском паранойи в глазах. — Я кое-что об этом слышал. Помните обсуждение «Прочих вопросов» несколько дней тому назад? Помните новые чудесные идеи этого придурка Ромсдела? Это все его делишки, я вам скажу.

— Что? Ты про того малого за третьим столом? Про того, который отвечает за смертный менеджмент и кризисный контроль? — забормотал Туммак. — Никак его лица не припомню. Вот если бы я его тогда как следует приложил... Но ничего, если это и впрямь его проделки, я ему такой мордобой устрою, что у него вообще от лица мало что останется.

Драпак кивнул:

— Ага, это все он. Обычно он просто выбирает одно из божеств и — вжик! — забрасывает тебя куда-нибудь, прежде чем ты поймешь, что ты записан на эти его курсы. Я слышал, что некоторых ребят выбрасывали в самый центр неизвестности с компасом и двадцатью тремя футами шнура. А потом им приходилось либо путь обратно искать, либо палатку строить. Либо еще что-то придумывать. Предполагается, что это развивает командный дух. Но в основном это кончалось тем, что все просто начинали друг к другу заводиться и морды бить...

— Звучит заманчиво! — ухмыльнулся Туммак.

— Но зачем мы здесь? — отчаянно спросила Нивейя, бигуди которой уже начинали разворачиваться самым трагическим образом. — Безусловно, дорогуши, вся эта ерунда с командным духом и всем таким прочим не может быть важнее хорошей укладки, разве нет? И какую связь это имеет с противорвотными... как их там?

Никто из божеств не получил шанса ответить. В это самое мгновение копыто пинком распахнуло дверь, и из боковой пещеры появился Бубуш с большим подносом кремневых пирожных. С трудом подтащив поднос к столу, он нетерпеливо его туда грохнул.

— Ну что, теперь довольны?

Все глаза сосредоточились на узловатых темно-серых булочках. А затем божества заулыбались. В конце концов, эти курсы Ромсдела проходили не так уж и скверно.

Следовало признать, что качество пищи могло не соответствовать тем стандартам, к которым, благодаря старине Тони Фабрицци, они привыкли в «Манне Амброзии» — но черт возьми, ведь эту еду им доставил официант! Все было как за Верхним Столом. Почти.

— Так где все-таки противопехотные святыни? — снова разбушевался Бубуш, точно попугай на допросе, который знал только один вопрос и вдобавок обожал звук собственного голоса.

— Э-э... не уверен, спрашивал уже об этом кто-нибудь или нет... — начал Драпак, поднимая вопрос, который на самом деле следовало обсудить пять часов тому назад, когда Бубуш впервые завел свой бред про противопехотные святыни.

— Что такое? — нетерпеливо прорычал Бубуш, гневно глазея на Драпака сквозь плотные щелки зрачков. Струйки пара вились от его ноздрей.

— Э-э... вот именно, — отозвался Драпак. — Что это такое? *Я понятия не имею о том, что это еще за противопехотные...*

Тирада воплей и проклятий, которой вот-вот должен был разразиться Бубуш, была предотвращена только своевременным возвращением Ублейра с дымящимся горшком серы.

Волна одобрения покатилась от собравшихся божеств при долгожданном прибытии свежего подкрепления. Никем не зафиксированные пурпурные сигнальные огни, пристроившиеся над головами божеств, набухли и пустили настойчивые языки в сторону Бубуша и Ублейра.

Поставив горшок на стол, Ублейр удивил самого себя любезной улыбкой, обращенной к семи гостям... гм... пленникам. «Они же пленники!» — настойчиво твердил себе демон, делая неуклюжий реверанс и удаляясь.

Бубуш гневно посмотрел на захваченных божеств, бросил хмурый взгляд на кремневые пирожные и, неодобрительно покачав головой, прорычал:

— Вот, пожалуйста, угощайтесь.

Никто даже не шевельнулся.

— Ну? Чего вы еще дожидаетесь?

Бандаж с трудом подвигал кистями.

— К сожалению, прямо сейчас мы не можем подойти к столу. Мы... гм-м... связаны.

— Чего же вы от меня ждете? Чтобы я сам вас покормил? — выкрикнул Бубуш.

Трое из божеств от удовольствия аж закатили глаза. Даже за Верхним Столом никогда не оказывалось такого персонального внимания. Дела шли все лучше и лучше. Однако, к их разочарованию, Бубуш исчез за их спинами и принялся резать путы из особой высокопрочной веревки, недовольно при этом ворча.

— Принесите нам пирожные! — жаловался он. — Не можем к столу подойти. Тьфу! Вы все такие жалкие и трогательные, а что я получаю в ответ? Ничего! Но на самом деле мне очень скоро нужно будет начать получать кое-какие ответы, иначе я вынужден буду стать по-настоящему гадким. Вот увидите, каким я стану!

Вскоре половина божеств уже засовывала себе во рты грубую, но вполне поддающуюся текстуру уаддских кремневых пирожных. Ухмыляясь, они энергично жевали. Волны радости исходили от

божеств, распространяясь по всей пещере и гладя лихорадочный лоб Бубуша, смиряя его буйный нрав.

— Говорю вам, я могу быть очень гадким и подлым. Правда могу. Вы все очень пожалеете о том, что я вас захватил, если не будете так милы, что расскажете мне хоть самую малость о том, где, как вам кажется, эти противопехотные святыни могут прямо сейчас находиться.

Все шесть божеств почти с удовольствием глодали кремневые пирожные, не обращая ни малейшего внимания на бред Бубуша. Потом будет масса времени, чтобы уловить все подробности. Если в этих курсах есть что-то, чего они не понимают, они всегда смогут спросить. Должны иметься какие-то сопроводительные инструкции или что-то вроде памятки.

Продолжая ворчать и ни на секунду при этом не задумываясь, Бубуш принялся развязывать путы Брехли Треппа.

— Я хочу сказать, если вы не сообщите мне, где сейчас противопехотные святыни, — непрерывно болтал он, — я, пожалуй, самую малость расстроюсь и...

Трепп сделал глубокий вдох, соскользнул со стула, встал в полный рост и потер кисти рук. Затем он внимательно уставился в чешуйчатую грудь Бубуша.

— Ничего, если я теперь пойду? — спросил миссионер. — То есть свою часть сделки я выполнил, разве не так? Полностью перевел текст и...

— Да-да. Идите, пожалуйста! — пробормотал Бубуш, чей разум был отвлечен на остальных шестерых пленников.

Челюсть Ублейра отвисла, когда он услышал слова Бубуша. Он действительно держал свое слово. Это было неслыханно! Хорошо ли он себя чувствовал? Он вполне мог заболеть.

— Дверь вон там, — сказал Бубуш, указывая кривым когтем. Волны одобрения от божеств вовсю плескали на его злонравие.

— Пожалуйста, выходите! — настаивал Бубуш.

Брехли Трепп даром тратить времени не стал и в возбужденном восторге засеменил к двери. Ухватившись за ручку, он повернул ее и потянул на себя...

— Трепп! — вдруг воскликнул Бубуш.

Его высокобесподобие обернулся, ожидая, что злобно ухмыляющаяся физиономия оскалится на него в ответ, после чего демон снова привяжет его к стулу.

Бубуш смотрел на Треппа, и волна легкомыслия просачивалась удовлетворенно сквозь него точно теплый сироп сквозь недавно приготовленную слойку. Странное выражение натекло на лицо демона — почти мирное, почти счастливое, очень волнующее.

— Просто хотел сказать вам... э-э... насчет перевода и всего прочего... э-э... спа... спасибо...

Челюсть Ублейра отвисла ему на грудь, пока он наблюдал за Бубушем. Да что с ним такое стряслось? Может, он все-таки заболел? Съел что-нибудь не то? Ублейр с подозрением уставился на кремневые пирожные.

Брехли Трепп ухмыльнулся и исчез за дверью. Он не был полностью уверен в своем понимании происходящего, но решил воспользоваться возможностью, пока она еще оставалась. Дверь за ним захлопнулась.

— *Классные булочки!* — *объявил Бандаж, вытирая рот.* — Просто идеальный уровень сахара, необходимый для поднятия телесного тонуса. А больше нету?

— Э-э... есть, — сонно ответил Бубуш. — Сколько вы хотите? Я просто пойду и...

Развернувшись, он потопал в боковую пещеру, подгоняемый растущей пурпурной волной просветления, эманируемой божествами.

На самом деле Бубушу очень не помешало бы взглянуть на свой самопальный святынеискатель. Он бы сразу же предупредил его об опасности. Две девятидюймовых гвоздя, что поддерживали изготовленные из ложек указатели, гнулись, пока теофобические клетки силились спастись от нарастающего прилива святых волн.

Ублейр, весь дрожа, убежал следом за Бубушем на кухню и захлопнул за собой дверь.

Лягаясь и стеная в последние минуты своей дневной дремы, «Гасила» Шланк из аксолотлианской Службы предотвращения пожаров оказался захвачен слишком уж реальными картинами шокирующего кошмара. Отбросив пуховое одеяло в другой конец комнаты, он беспомощно бился в гамаке, пока в голове у него прокручивалось предельно рискованное спасение.

Еще один деревянный брус завизжал в агонии жертвоприношения и соскочил с крыши башни, с ревом несясь к Гасиле. Весь его кошмарный мир вдруг сделался одной охваченной пламенем балкой, которая погнала его вниз.

Шланк завопил, отскочил назад и почувствовал, как страшный жар опаляет его на одну умопомрачительную секунду, пока горящий брус проносится мимо — прямо по центру наполненного дымом лестничного колодца.

Как же он мог позволить такому случиться? Это было совершенно немыслимо, но невесть как в своем кошмарном сне Гасила Шланк оказался решительно не способен выполнить свой долг перед обществом Аксолотля. Почему его ноздря нестерпимо не зачесалась в предсказательном предупреждении скорого возгорания? Или он лишился силы безошибочного предвидения? Был ли это конец его необычайно успешной карьеры в аксолотлианской Службе предотвращения пожаров?

Кошмарное инферно безостановочно бушевало вокруг Гасилы, ревя как безумный дракон в острой досаде. А затем поверх шума огненного разрушения он снова это услышал. Сознание вины покорило панику и повело Шланка вверх по лестнице, когда он услышал перепуганный рев Штуцера, своего верного осла.

Десятилетиями они не разлучались, никогда не пропуская надвигающийся пожар, всегда непринужденно притопывая куда следует буквально в последнюю секунду, чтобы вылить ведро воды на дымящиеся желудевые искры возможного мощного дубового инферно, навеки гася их надежды в язычке пара.

Шланк просто должен был добраться до Штуцера, прежде чем станет слишком поздно.

Очередной истекающий адреналином рев прозвучал в голове у Гасилы, еще больше усиливая его решимость, подталкивая вверх по бесконечному лестничному пролету. Еще два бруса вылетели из ниоткуда на волнах ревущего пламени, пригвождая его к стене. Отскакивая от лестницы, пылающие балки неслись вниз по центральному колодцу, кувыркаясь и рассеивая семена пламени в своем диком полете.

Восемьдесят пять футов аварийной лестницы с ревом вспыхнули.

Гасила заскрипел зубами. Назад пути не было. Он должен был двигаться дальше, героически отгоняя от себя страх опасности, сражаясь с шансами на спасение своего верного осла. И тут,

словно бы в ободрение, еще один рев прозвучал впереди, приглушенный деревянной дверью.

Усилием воли Шланк привел ноги в движение, мощно выбрасывая их вверх по бесконечному пролету. А затем он наконец оказался на верхней площадке, отделенный от Штуцера единственной деревянной дверью. И еще — языком способного поджарить любого героя пламени. И еще — плотной пеленой заволакивающего весь обзор дыма.

Для любого, кроме Гасилы, это стало бы катастрофой. Но он лишь над всем этим посмеялся. Потребовалось бы нечто большее, нежели подобные физические барьеры, чтобы встать между ним и его лохматым любимцем. Особенно когда он уже зашел так далеко.

Фырча и пихая дверь точно подпаленный с хвоста носорог, Гасила собрался с силами и сделал решающий бросок.

Дверь подалась под его плечом, разбрасывая во все стороны всевозможные щепки. Одним прыжком Шланк одолел комнату и приземлился Штуцеру на спину. Восторженный рев извергся из пасти верного осла, когда он почувствовал знакомый обхват ног Гасилы на своей диафрагме. Штуцер галопом рванулся вперед, выпрыгнул в окно — и, обрамленные галактикой крутящихся стеклянных звезд, они вылетели прямо в ночное небо.

На высоте в одну сотню футов, если стремиться к полной точности.

Внизу со злорадным ожиданием скалились голодные скалы. И тут Гасила понял, насколько аэродинамичным вообще-то является средний осел.

Земля понеслась им навстречу с энтузиазмом жутко вымазанного в грязи лабрадора, отчаянно стремящегося прыгнуть на грудь своему хозяину.

Гасила дико завопил, беспомощно забился и выпал из гамака. Внезапное столкновение его мягкого носа с холодным мрамором стало чем-то сродни блаженному облегчению.

Все это оказался всего лишь кошмарный сон. Ни в какую пылающую башню Штуцер заключен не был. Не было и никакого пожара. Шланк не утратил своих предсказательных способностей.

Несколько мгновений Гасила просто лежал на холодном полу, с любовью по нему похлопывая, облегченно радуясь и глубоко

дыша. Затем он внезапно закашлялся и резко сел, ноздри его тревожно раздувались.

Если все это было просто кошмарным сном и никакого пожара не было, тогда почему у него в ноздрях явственно ощущалась щекотка от дыма? И почему он действительно слышал рев?

Метнувшись к окну, Шланк выглянул наружу. Штуцер тревожно прыгал и метался в своем загоне, красноречиво указывая мордой в сторону далекого горизонта. Взгляд Гасилы переместился туда. Он потрясенно ахнул, увидев клубы дыма, что беспрепятственно поднимались с горящего ячменного поля.

Секунду спустя Шланк уже выпрыгнул из окна и заскользил вниз по аварийному шесту, чтобы приземлиться прямо на спину грызущему удила Штуцеру. Затем, потянув за отпускной рычаг загона, он на полном ходу вынесся за ворота.

Только теперь, когда улицы Аксолотля стали стремительно проноситься мимо, у Гасилы появился шанс подивиться случившемуся. Он должен был это почуять, должен был ощутить щекотку в ноздрях, но... ничего этого не было. Не мог ли кошмарный сон быть предупреждением? Шланк в этом сильно сомневался. Он мог быть столь же суеверным, как и любой другой житель Аксолотля, но предостерегающие кошмарные сны, да еще днем? Нет, никоим образом! Мог ли в ряды Службы предотвращения пожаров заступить какой-то новый работник? Тот, чьим долгом было держать бдительную ноздрю на конкретный предмет потенциального возгорания посевов и сельскохозяйственных припасов? Если случай был именно таков, почему тогда Гасила ничего об этом работнике не узнал? Нет, в высшей степени невероятно!

Таким образом, оставался третий и самый ужасающий из вариантов. Каждый аксолотлианец, обладавший хоть унцией предвидения, четко знал, что существует только один класс событий, которые совершенно невозможно предсказать, одна группа событий, которой даже традиционно голодная до новых договоров Страховая компания Аксолотля не коснется своим легендарным шестом. Действия богов!

Однако на переднем фронте разума Гасилы Шланка, пока он на своем верном Штуцере трусил под окном Муниципального зала предсказаний, по-прежнему оставались два вопроса.

Первый: как он собирается потушить это поле?

И второй, самый зловещий: какую выгоду кто-либо из богов намеревался получить от поджога ячменного поля?

— Какую выгоду любой из богов намеревался получить от поджога ячменного поля? — недоверчиво бормотал самый главный муниципальный пророк капитан Мабыть, стоя в до отказа забитом толпой и предельно сквозняком Муниципальном зале предсказаний. Снаружи, сквозь недавно разбитое окно, отчетливо доносился стремительный топот копыт осла Штуцера.

Толпа граждан Аксолотля молча смотрела на главного муниципального пророка в ответ.

— А что заставляет вас думать, что тут замешаны боги? — наконец колючим тоном спросил один мужчина. Он, как и вся остальная банда, сверлил обвиняющим взором пернатую фигуру главного заклинателя по транспорту и общему обращению с товарами.

— Святилище, — снова захныкал Партач, сжимая лодыжку капитана.

— Это с неизбежностью должен быть Акт Богов,— настаивал Мабыть, похлопывая Партача по пернатой голове. — Кто из всей вашей компании все эти события предвидел? Затопление корабля Армота? Поджог ячменного поля? Этот предельно масштабный и отвратительный акт крайнего вандализма, — пророк властно указал на разбитую стеклянную крышу и высаженное окно, едва сдерживая дрожь при воспоминании о слишком уж недавнем вторжении громадных монстров, вооруженных сетью. — Ощущалось ли у вас по одному их этих поводов малейшее трепетание хотя бы одного из ваших органов, которые вообще способны трепетать? А, было?

Последовал общий шелест смущенного отрицания.

— Ась? — рявкнул Мабыть, глазея поверх дуги своего сморщенного носа. — Вот ты, — он ткнул пальцем в первого попавшегося члена толпы. — Ты хоть что-то из этого предсказал?

Внезапно выхваченный лучом прожектора провидец что-то пробормотал и смущенно уставился на свои сандалии.

— А? Что? Да говори же наконец! — рявкнул Мабыть. — Предвидел ты что-то из этого или нет?

— Нет, я... гм... я в последнее время был вроде как занят. Вроде как фокусировался только на... на... — Мужчина снова умолк.

— На чем, приятель? Давай рожай!

Тот покраснел и нервно огляделся.

— На... на свадьбе Блинни Плутта. Я... я хотел как следует удостовериться, что она хорошо пройдет. Я самый большой его поклонник, и я правда...

— Это я самый большой его поклонник, — возразил голос из задних рядов толпы. — Я видел все представления «Сам себе пророк!» Да, видел. И все коронные фразы Блинни знаю...

— Тьфу! Это ты себя его самым большим поклонником называешь? — заспорил еще один. — Да я знал Блинни еще до того, как он впервые на сцену вышел...

Еще один голос выдал очередное опровержение.

— Эх вы, я-то как раз и был тем, кто в свое время убедил его на сцену выйти...

Все это наверняка перешло бы в мордобой, если бы капитан Мабыть не взобрался на мраморный стол, не поднялся бы с трудом на ноги и со всего размаху не грохнул своей палкой по мраморной глади.

И в последовавшей тишине откуда-то сзади пропыхтел задыхающийся голос:

— Э-э, если это был Акт Богов, то акт этот, надо сказать, довольно чудной.

Все в зале повернулись и уставили гневные взоры на богохульника, требуя объяснений.

Вопрошаемый, которым был довольно несчастный на вид Абб Армот, смущенно ухмыльнулся и по крайней мере возымел приличие стыдливо покраснеть, прежде чем его подтолкнули к передней части толпы, следуя инструкции покачивающегося указательного пальца самого главного муниципального пророка.

— Ну, я хотел сказать, что это... гм... какой-то особенный акт. Сперва полезть во все тяжкие, реально здесь появиться, а потом — раз и нету!

— Раз и нету? — озадаченно переспросил капитан Мабыть.

— Ну да, — ответил Армот. Ему уже в подробностях пересказали все события на берегу озера Титипопа, которые он пропустил из-за того, что лежал на земле лицом вниз, плотно зажав ладонями уши. — Раз и нету! — Тут он замахал руками в манере, которая, как он надеялся, носила хоть отдаленное сходство с исчезновением Стапеля. — Исчез, и даже не попрощался.

— Ага, он даже никакого шанса не получил, — прохрипел другой голос. — Они просто прыгнули на него и потащили, лягающегося...

— Кто на него прыгнул? Как они выглядели? — сразу же спросил капитан Мабыть, чувствуя, как холодный озноб ужаса зарождается у основания его позвоночника и пробегает ледяными пальцами до самой шеи.

— Точно так же как те твари, что вон сквозь ту дыру проскочили, — раздался еще один полный энтузиазма голос, а рука указала на пролом в потолке.

— Ага, точно, — прорычал третий голос, басовито рокоча из могучего мускулистого тела, принадлежавшего лысому горожанину с руками как ноги всего остального народа. — Очень профессионально было проделано. Минимум возни. Просто пропихнули их через окно — и готово. Очень хотел бы этим парням руки пожать. Даже малейшего шанса отбиться не дали. Это самый лучший способ. Хотя было малость странновато.

— О чем речь? Конечно, все это было очень странно. Не каждый день видишь, как какие-то твари к тебе через крышу заскакивают. Так о чем вы хотели сказать? — продолжал бормотать Мабыть, тыча пальцем в вышибалу из местного ночного клуба.

— Я про тех парней, — прорычал вышибала, — которых в сетку поймали и через окно в дыру запихнули. Видели, какие у них были физиономии? Лично я такие выражения каждую ночь по несколько раз вижу. Так что мне они хорошо знакомы. Такой вид обычно говорит: «Нет-нет, я не хочу на выход. Я хочу еще здесь побыть. Пожалуйста. Ну пожалуйста!» Но обычно все наоборот выходит. Понимаете, о чем я?

— Нет, признаться, — отозвался капитан Мабыть. — Как так наоборот?

— Откуда вы знаете мою фамилию? — поинтересовался сильно озадаченный вышибала по фамилии Признащи. — Хотя да. Понимаю. Вы же пророк. А теория у меня такая... — тут он осекся.

— Что? Какая? — прохрипел Мабыть, хлопая в ладоши, словно он пытался сам воздух расшевелить. — Излагайте же наконец!

Тут глаза Признащи загорелись. За многие годы он привык к тому, что из-за его мышечной массы и сейсмически глубокого голоса

никто не верил, что он на самом деле способен выдать какую-то разумную мысль, а не только выбрасывать народ за двери. Над его теориями столько раз потешались и столько раз с налету их отвергали, что Признащи давно уже потерял этому счет. Теперь он уже не очень склонен был так запросто оглашать свои теории. Но здесь было совсем другое дело. Раз самый главный муниципальный пророк хотел услышать его мнение, то...

Вышибала перевел дыхание.

— Эти божества были похищены — вот в чем соль. По-моему, так оно все и вышло.

Народ в Муниципальном зале предсказаний дружно ахнул, и все глаза принялись сверлить Признащи.

— Что? — пророкотал вышибала. — Эй бросьте-ка, не смейтесь, так нечестно...

— Вы не потрудитесь объяснить? — попросил Мабыть.

— Гм... попробую. Но только не смейтесь, сэр. Ну, значит, моя работа — выбрасывать всякую публику за дверь, когда она не на шутку начинает к некоторым девушкам из обслуги приставать. Хватать этих приставал и — шурр за дверь. И они меня всегда награждают этим самым взглядом типа «я не хочу на выход»...

Последовало глухое молчание, пока все по-прежнему пытались прикинуть, о чем хочет сказать Признащи.

— Так вот, — после паузы продолжил вышибала.— У всех парней, которые в том окне исчезали, было на лицах точно такое же выражение. Ну, типа «я на выход не хочу». Отсюда выходит, что они нипочем не хотели уходить с теми тварями, которые ту дыру проделали, понимаете?

Тут все мгновенно сообразили, что имеющиеся факты действительно четко согласуются с теорией Признащи. Тревожный вид на лицах божеств, неортодоксальный способ отбытия — все пальцы обстоятельств указывали в одну и ту же сторону. Божества и впрямь были похищены.

— Ну, чего скажете? — осведомился вышибала. — Есть у вас лучшее объяснение?

Капитан Мабыть откровенно пожелал, чтобы такое объяснение у него было. Его разум схватил теорию Признащи, засунул ее под свою гипотетическую подмышку и побежал с ней вперед, рассыпая по сторонам сотни разных вопросов. Некоторые из них звучали так:

— Что будет, если он окажется прав?

— Меня ведь лично это не затронет, не так ли?

— Физического вреда ведь мне это не причинит?

— Не произойдет капитального подкопа под самые основы аксолотлианского общества, если все поймут, что будущего они видеть не могут, правда?

— Не будет внезапных взрывных бунтов и безумной паники, так?

— Не будет сотен убитых в неистовстве грабежей — которые безусловно последуют, когда страшная правда выйдет наружу?

— Или все-таки будут сотни убитых?

— Все дело в том, кто осуществил похищение божеств, верно?

Именно последний вопрос бросил целый ледник сосулек вдоль позвоночника капитана и до предела сжал его мочевой пузырь в шоке острого осознания.

На этот вопрос существовало всего два ответа: боги или дьяволы!

И если верно было последнее, то ответы на все предыдущие вопросы должно были стать совершенно определенными. Причем предельно пессимистичными.

— Ну, так чего скажете? — снова спросил вышибала Признащи, оттягивая до смерти напуганный разум капитана обратно в текущую грубую реальность. — Есть лучшее объяснение?

Капитан Мабыть задумчиво повозился со своими пальцами и хорошенько перевел дыхание.

— Гм... ну, видите ли... — начал он с очевидным недостатком уверенности. — Значит... вот как! Это же были боги, ясное дело. Я н-не думаю, что нам на самом деле следует о чем-либо б-беспокоиться. Ведь все мы знаем, сколь загадочны способы, коими боги порой действуют. Разве не так?

Ухмылка, которую Мабыть приклеил на свою дряхлую физиономию, определенно смотрелась бы куда лучше, если бы за ней стояла по меньшей мере тысяча галлонов уверенности.

— Что? — спросил голос из толпы. — Так вы говорите, это был символ или что-то в таком роде?

— Э-э... я полагаю... гм-м... — запинался капитан Мабыть, чья уверенность стремительно ему изменяла. Эта была как раз та территория, к которой он совсем не был привычен. Пророческие

предсказания — пожалуйста, никаких проблем. Но гипотетические экстраполяции, основанные на слухах и отчетах об увиденном, — шаткая почва, от нее лучше держаться подальше. Слишком много шансов быть пойманным за язык, если твой ответ окажется неверен.

— Это потому, что здесь, на вашем столе, сбоку есть резная картинка с теми самыми тварями, которые ворвались сюда через крышу? — спросил Абб Армот, указывая на группу фигур.

— ЧТО? — завопил капитан Мабыть, после чего, рискуя своими дряхлыми коленями в нехарактерном для него акте отчаянного рвения, спрыгнул со стола и уставился на украшение, в которое указывал кончик пальца Абба Армота. Сердце его бешено колотилось. Если это была правда, Мабыть почти наверняка знал, что его колени ему больше не понадобятся.

Старческая челюсть капитана отвалилась ему на грудь, когда он взглянул на резной фриз под названием «Несколько апокалипсических тварей, которых следует опасаться».

Вырезанное многие столетия назад, это изображение чудищ было, пожалуй, самым последним остатком от периода Эмпириков Времен до расцвета Пророчества, эпохи, когда о будущем можно было только догадываться, используя мучительно кропотливый сбор данных и неопределенное распознавание образов. Эмпирики изобрели представление о днях и ночах, теорию рекуррентных времен года, а также уверенно и определенно установили, что единственная причина, по которой никто просто не уплывает прочь, если подпрыгнет достаточно высоко, заключается в том, что все люди привязаны к земле парой незримых красных нитей, обвязанных вокруг каждой лодыжки.

Немалое число их учений с легкостью было впитано современной культурой Аксолотля. Что ж тут поделать — раз уж эти учения могли быть столь дьявольски очевидны? Так, все совершенно точно знали, что и впрямь прикреплены к земле парой незримых красных нитей. Иначе почему же еще они не уплывали к облакам?

Однако существовали вещи, которые не всем было позволено знать. Тайные вещи, не открытые неустанными наблюдениями Эмпириков. Вещи, которых следовало опасаться.

Разглядывая древнюю художественную резьбу, капитан Мабыть отчаянно хотел, чтобы рядом с ним по-прежнему была его мамочка.

Ибо все они были тут, высеченные из твердого мрамора в манере гротескно-небрежной, но идеально узнаваемой, являя собой жуткое предупреждение о неминуемой катастрофе, оставленное ему Эмпириками. Пара здоровенных тел с большими головами, длинными носами и руками словно бы без суставов, которая омерзительно плясала в самом центре крутящейся каменной метели.

Это были даже не плохие новости, а ПЛОХИЕ. И даже не ПЛОХИЕ, а ОТВРАТИТЕЛЬНЫЕ.

Мабыть невольно задрожал, узнав картинку с «Жуткими снежными тварями морозного Апокалипсиса», Если они вернулись, предвещая страшные катаклизмы, — тогда гражданам Аксолотля ему оставалось сказать только одно.

Купите себе все акции аксолотлианской компании «Бутылки горячей воды» — и как можно скорее.

Его высокобесподобие Брехли Трепп не стал останавливаться, чтобы поразмыслить о том, насколько необычным для Бубуша (или, раз уж на то пошло, для любого дьявола) являлось честное выполнение обещаний. На переднем фронте его разума имелись материи куда более неотложные. Свободный от бесчисленных витков особо прочной веревки, Трепп мог теперь вернуться к своей неотложной миссии. К спасению душ.

Страстное возбуждение бурлило в миссионере от одной лишь перспективы чертовски славного проповедования, ведя его по улицам и проулкам, где он, точно одержимый, резко заворачивал за углы. Одним прыжком перепрыгивая через лужи кипящей лавы, Брехли Трепп в конце концов вырвался на буквально бурлящую улицу, сплошь кишащую жалобно плетущимися душами. Еще один шаг — и он оказался бы втянут в нечистый поток измученных, пока они шаркали вперед к очередной восьмичасовой смене мук. Вместо этого Трепп запрыгнул на ближайший страхоскреб и принялся карабкаться вверх по бугристым, вырезанным скалодонтами стенам, подбираясь к крошечному подоконнику. Лишь оказавшись там, миссионер позволил своему голосу спасения разразиться над шаркающими под ним угнетенными душами Уадда. С избыточной радостью проповедничества, мощно вздымающейся в нем, Трепп настроился разговорить их, во-первых, в осознание,

во-вторых, во внимание, а уж в-третьих, в объятия ангельского восторга.

После получаса трогательных проповедей, расписывающих восторги поглощения эля, и соответственного приобретения нескольких сотен приверженцев Алкана, покровителя эля и пива, Брехли Трепп переключил свой милостионерский опыт на другие темы. Вскоре уже насчитывалось несколько сотен обращенных в несгибаемую веру в то, что спасения можно достичь посредством правильного использовании «Чистящей щетки и тюбикового бальзама с кондиционером» сестры Офелии. Несколько дюжин душ поклонялись земле, по которой можно было бы ходить обутыми в особые молитвенные ботинки и облаченными в специальные монашеские одеяния дьякона Мудашкина.

Кроме того, Трепп уже прекрасно продвинулся с двузначными цифрами по обращенным, верующим в выгоды, которых можно достичь в смысле обеспечения своего райского проживания, если выплаты по закладным делать исключительно через казну его преподобия Цента Рабанка. И истовый милостионер вовсе не был намерен на этом останавливаться...

— Разве можете вы не почувствовать некую настойчивую щекотку на кончиках ваших пальцев и... гм... когтей? — добавил Брехли Трепп, заметив несколько более крупных и чешуйчатых обитателей Уадда, которые втайне навострили уши к его речам, пока эти аборигены Уадда, погруженные до плеч в плотную мешанину тел, постепенно прокладывали себе путь сквозь толпу. — Ощутите голую неполноту указательного пальца и большого! Чего-то там определенно не хватает! Разве можете вы этого не почувствовать?

Брехли Трепп поднял руки перед собой, согнул указательные пальцы, соединяя их с большими и образуя пару колец, а остальные растопырил, точно пучки перьев. Затем он молча ударил ладонями друг о друга. Для некоторых неверующих в толпе все это сильно напомнило жалкую попытку кукольника из театра теней показать, как целуются два деформированных попугая, зато для тех, кто был охвачен рвением, воспламенен спасительными словами Треппа, это был совсем другой вид и звук. Верующие уже могли слышать нежное позвякивание воображаемых пальцевых бубенцов веры, мерцающих при каждом соударении, могли видеть вибрацию сияющих металлических дисков. Со внезапной тоской

они мучительно пожелали позвенеть собственной парой «Цимбалических душеспасителей» Блинтона Клинта (доступных в аварийном, дорожном и улучшенном вариантах).

— Или вы чувствуете, что ритмы спасения должны быть более мощными и впечатляющими? — спросил Брехли Трепп, сгибая свои ладони так, как будто он хватал ими два деревянных шара. Одну руку он оставил перед грудью, другую поднял над головой и принялся топать пятками по подоконнику, одновременно выполняя неистовый пируэт. — Аррай может стать вашим с «Чудесным миссионерским маракасом» папы Робертокарлоса. Да, фламенко — ваш путь от огней боли и мук к изобильно-прибыльным равнинам небес!

Трепп не на шутку увлекался. Слова текли безостановочно, необдуманно, но толпа словно бы этого не замечала. Стук дьявольских копыт служил тому подтверждением, пока девятифутовые монстры принимали позы мачо, отчаянно топали по земле и с диким энтузиазмом хлопали лапами над своими рогами!

Обводя взглядом очарованную толпу, Брехли Трепп широко ухмылялся. Вот зачем он был здесь. Именно за этим!

Когда Бубуш достал из контейнера последние уаддские кремневые пирожные Ублейра, располагая их на подносе с капитально не характерной для него аккуратностью, когтистая лапа вдруг схватила его за плечо и злобно развернула.

— Ты что, совсем спятил? — прорычал Ублейр сквозь плотно сжатые клыки. Нос его торчал в дюйме от носа Бубуша. — Если кто-то об этом услышит...

— С дороги, пожалуйста! Я должен отдать эти пирожные... — начал Бубуш, настойчиво, но не слишком энергично пытаясь проложить себе путь в главную часть пещеры.

— Забудь про них! — гаркнул Ублейр, хлопая лапой по подносу с пирожными и вздрагивая, когда одно из них отскочило от его копыта.

— Но я обещал им, что...

Ублейр колебался, закрыть ли ему уши от столь омерзительных речей — или вколотить в голову Бубуша немного здравого смысла. Вместо этого он просто влепил ему пощечину.

— Это было совсем не так мило, как ты думаешь,— надулся Бубуш, не проявляя ни малейших признаков желания отомстить. — Сомневаюсь, что я это заслужил.

— Ну, тогда ты и вот это не заслужил, — прорычал Ублейр и хлестнул Бубуша по другой чешуйчатой щеке, еще крепче.

— Ты совершенно прав. Я это не заслужил. Удержись, пожалуйста...

Ублейр пронзительно завопил, прижал ладони к ушам и плотно зажмурил глаза. Итак, он снова это произнес. Это слово. Слово на букву «п».

Существовала масса слов на букву «п», которые можно было использовать, — подлость, пакость, потрошение, паскудство, предательство и т. д. и т. п. Все это были хорошие, славные слова, которые прекрасно ладили со всем беспричинно безжалостным. Но «пожалуйста»?

Ублейр содрогнулся. Никогда в жизни он еще не слышал речей столь отвратительных. И, словно одного этого было еще недостаточно, Бубуш произносил эти речи таким тоном. Таким безвредным! Таким рассудительным! Таким пугающим!

Ублейр распахнул глаза, когда что-то вдруг коснулось его копыта. И в ужасе уставился на то, как Бубуш ползает по полу, подбирая разбросанные пирожные и аккуратно их вытирая.

Внезапно все это сделалось для Ублейра совсем невыносимым.

Его лапа метнулась сверху, крепко схватила Бубуша за горло и вытянула его в вертикальное положение.

— Прекрати! — завопил Ублейр в дюйме от лица Бубуша.

— Но я...

— Да что такое с тобой стряслось? — бушевал Ублейр, бешено тряся Бубуша за плечи и создавая любопытную мелодию из звучных пощечин. — Снова до моего лавового мартини добрался, да? Или хитромудрый шлак курил? Какого дьявола ты его отпустил? Просто не могу поверить, что ты и впрямь сдержал свое слово. Это так на тебя непохоже...

— Кого отпустил? Какое слово? — отплевывался Бубуш, пока его пульсирующие красной краской щеки начинали оказывать действие на туманную неразбериху его мозга.

— Треппа! — гаркнул Ублейр.

— Но он по-прежнему там, к стулу привязан...

— В самом деле? А тебя не затруднит поставить на это пару-другую оболов? — Ублейр пинком распахнул дверь, сунул в нее Бубуша и направил его озадаченный взор к связке особой высокорастяжимой веревки, что окольцовывала подозрительно пустой

вращающийся стул. Тот самый стул, к которому должен был быть надежно привязан его высокобесподобие Брехли Трепп.

Ряд из шести фигур радостно замахал Бубушу, и в этот самый миг кремень жуткого осознания наконец-то ударил по нему. Что-то здесь совершенно определенно пошло не так.

— Какая дьявольщина?..

— ...тебе тогда в голову пришла? — прорычал Ублейр, перебивая бубнящего Бубуша и в презрительном отвращении бросая его на пол.

Бубуш сел на полу и уставился на приятеля, раскачиваясь взад-вперед точно какой-то обкуренный кришнаит, пытающийся передавать свои мантры на десятифутовой волне.

— В то время мне это показалось хорошей идеей,— захныкал он.

— Но сдержать свое слово? — Набоб буквально бурлил недоверчивым презрением. — И ведь ты его еще за помощь поблагодарил!

— Я? Я это сделал? — Глаза Бубуша в ужасе расширились, когда он пополз по полу, ухватил Ублейра за лодыжки и начал трогательно пресмыкаться. — А кто еще это видел? Ты ведь об этой маленькой промашке никому не расскажешь, правда? Клянусь, начиная с этого момента я стану по-настоящему безжалостным, сам увидишь. Вернусь в свое обычное жуткое состояние, начну гнусные планы строить...

— Планы? Ты так это называешь? — осклабился Ублейр, пинком отшвыривая от себя Бубуша. — На тот случай, если ты не заметил, — вон там, в моей личной пещере, сидят шесть нелегальных иммигрантов. Они расположились в моих вращающихся креслах и лопают мои кремневые пирожные. Тебе не трудно было бы просветить меня на тот счет, каким именно образом с их помощью мы собираемся вставить фитиль Асаддаму? Он разве что вдоволь посмеется, когда арестует нас за иммиграционные преступления и соорудит свой собственный расчудесный план исправительных работ для нас обоих. Эх ты бестолочь!

Поднявшись с пола, Бубуш помотал головой, отчаянно хлопая себя ладонью по одному уху, словно он пытался вытряхнуть какие-то застрявшие кусочки из другого. Частички внятности закувыркались в спутанной памяти демона, приземляясь на дымящийся кремень понимания. Итак, он битых шесть часов до-

прашивал жителей Аксолотля, требуя ответа, где хранятся противопехотные святыни. Он точно знал, что им известно, где хранятся эти штуковины. Они совершенно определенно с ними обращались. Следы были повсюду. Святынеискатель ясно это показывал.

Капелька сомнения все же просочилась сквозь его уверенность. «Святынеискатель? — подумал Бубуш. — А не могло ли мое самопальное устройство просто напортачить?»

— Ты ведь этот матч просадил, верно? — с немалым злорадством оскалился Ублейр. — Этот Трепп тебя вокруг пальца обвел. Он тебя за кретина держал. Кретин ты и есть! И что ты собираешься теперь с ними делать? — Он дернул когтистым большим пальцем в сторону двери и шести пленников в главной части пещеры.

Поражение и Ублейр обвиняюще смотрели Бубушу в лицо. Тогда он снова помотал головой.

— Этого просто не может быть, — пробормотал затем демон, уставив щелки багровых зрачков в никуда. — Он работал. Я сам видел...

— Нашу дверь в любую секунду могут ментагоны копытом лягнуть! Что ты собираешься делать?

— Он точно должен был работать.

— Кто?

— Святынеискатель, — пожаловался Бубуш.

— В самом деле? — насмехался Ублейр, истекая сарказмом. — Так где же тогда все-таки тайник с противопехотными святынями находится, а? При помощи той ерундовины ты не зарегистрировал ничего, кроме шести нелегальных иммигрантов!

— Но святынеискатель действительно работал! Он регистрировал святые волны, как ему и полагалось! Иначе почему же он тогда так четко указал на Треппа и шесть других?..

Голос Бубуша оборвался, когда до него вдруг дошло. Как он мог быть так слеп? Так горяч, чтобы доплестись до узловатых корней не того инфернального древа и с энтузиазмом рявкать какую-то дурость?

Существовала одна-единственная причина, почему устройство, рассчитанное на регистрацию святых волн, стало бы указывать на что-либо излучающее эти фундаментальные частицы чистого теизма. Существовала только одна-единственная причина, почему

святынеискатель указал на шестерку пленников и на Треппа. Сердце Бубуша почти замерло, когда понимание взорвалось у него в голове венком жгучих хризантем.

Все они излучали святые волны.

Внезапно все обрело смысл. Эффект проповеди Брехли Треппа, который побуждал всех облачиться в подштанники; внезапное желание ослабить путы Треппа; и, наконец, самое невероятное — верность своему слову и позволение Треппу уйти.

Бубуша аж затрясло. Ни одно из этих событий не могло бы произойти без продолжительного воздействия излучения высоких доз теической радиации.

Бессознательно Бубуш принялся скрести свои лапы, словно пытаясь содрать оттуда чистоту заразного верования, пока его разум пытался вспомнить одну чудовищную мысль.

Он уже задумывался, пусть даже совсем ненадолго, почему шесть пленников были зарегистрированы святынеискателем сквозь тысячи футов твердой скалы, а Брехли Трепп всего лишь едва-едва заставлял указатели шевелиться. Однако у Бубуша не получалось остановиться, чтобы хорошенько об этом задуматься.

До сих пор не получалось.

Зато теперь он точно знал.

Эти шесть пленников выдавали в тысячи раз больше святых волн, чем захваченный ими первым Брехли Трепп. Они сияли подобно теическим маякам в пустыне неверия и насмешки. А что выдает святые волны в тысячи раз более мощные, чем просто какое-то его высокобесподобие?... Да боги же! Боги!

Бубуш жутко побледнел, закашлялся, после чего, все еще находясь под воздействием высоких доз теической радиации, взглянул на Ублейра и открыл рот.

— Э-э... насчет этих нелегальных иммигрантов... Есть одна вещь, которую я действительно должен тебе сообщить...

Если бы какой-то демон стоял за дверью пещеры демона Кирпича и прислушивался, он услышал бы звон от почти непрерывного грохота молотком по металлу. Возможно, он был бы сильно озадачен этими доселе неслыханными здесь звуками честной тяжелой работы и промышленного производства. А возможно, и нет. Если бы этот демон не присутствовал на последней

спонтанной проповеди его высокобесподобия Брехли Треппа, он бы наверняка не понял, что двигало Кирпичом, когда тот вел себя в столь лихорадочной и увлеченной манере.

Сказать по правде, сам Кирпич тоже не имел даже самого туманного представления, что именно его в эту работу втянуло. Никакой перемены он не заметил. Для любого психологического самоанализа бывший вор был слишком занят. Самоанализ мог подождать. А прямо сейчас он был отчаянно занят... просто отчаянно.

С тех самых пор, как Кирпич оказался втянут в конкретную обширную толпу, позвякивая там содержимым карманов и кошельков обитателей Уадда как самый первоклассный вор, каким он до той поры и являлся, все пошло как-то совсем не так. Едва лишь Кирпич успел с успехом избавить с полдюжины дьяволов от тягости транспортировки ими туго набитых кошельков, как его внимание, словно от удара багряной молнии перед огненной бурей, было целиком захвачено словами того хмыря в сутане на балконе страхоскреба. Мгновения спустя когти Кирпича неудержимо защекотало, и он оказался на крючке, охваченный неудержимым стремлением поучаствовать в небольшой работе по металлу.

В уединении своей пещеры в самых недрах Шанкера, деловой части Мортрополиса, Кирпич возбужденно хихикал себе под нос, выхватывая из небольшого мешочка крошечный диск и кладя его на выпуклый камень. Мгновение спустя бывший вор уже схватил свой верный молоток и принялся лихорадочно колошматить по монетке достоинством в один обол, аккуратно ее расширяя, распространяя ее мягкую податливость по выпуклому камню. Заветный план был у Кирпича перед глазами. Каждую секунду он сравнивал непосредственно наблюдаемое с тем, что он отчаянно жаждал увидеть, очерчивая и подправляя. В ушах у Кирпича звенел до боли желанный тон, и каждый удар молотка утешал страдания, пока лязг ударов сглаживался, приближаясь к единственно верной звенящей ноте изящного совершенства.

И когда через три часа работа по металлу была закончена, Кирпич дополнил крошечный металлический колпачок отрезком особо прочной нитки с узлом на конце, пропущенным через дырку на самом верху колпачка.

В предвкушении ухмыляясь, Кирпич сжал нитку между большим и указательным когтями, а остальные растопырил в манере

кукольника из театра теней, неумело изображающего какаду. То же самое он проделал с другой своей лапой. Дрожа на грани просветления, Кирпич ударил друг о дружку две идеальные копии «Цимбалических душеспасителей» Блинтона Клинта и порадовался чистой, переливчатой ноте, которую он из них извлек.

И в этот самый момент Кирпич забросил все мысли о воровстве и начисто забыл свою страсть к грабежу, пока его дьявольское сердце переполнялось безграничным счастьем просветления. Затем он встал и направился к двери.

Только в самый последний момент Кирпич остановился и обернул свои рога ярко-оранжевой наволочкой. Он понятия не имел, зачем это сделал. Просто так казалось правильнее.

И наконец, радостно ударяя в свои бубенцы, Кирпич вышел на улицы Шанкера, готовый распространять звонкую истину среди всех, кто стал бы к ней прислушиваться.

В «Манне Амброзии» настало время ленча, уровень шума, число занятых мест, а также содержание нектара в крови большинства божеств неуклонно росли. Неуклонно и стремительно.

Ангельские официантки уже лихорадочно сновали туда-сюда, подавая кушанья — выхватывали их со священной тележки с подогревом и подносили к истекающим слюной ртам низших божеств.

Каждый день происходило одно и то же. Компании богов стекались к «Манне Амброзии», со случайно-хаотической небрежностью подкатывая на подушках своих серебристых облаков. И как ни странно, каждый день все прибывали в одно и то же место. Как именно им это удавалось, никто из божеств не знал. И, откровенно говоря, никого это не заботило.

Все, что по-настоящему имело значение во время ленча, так это наполнение своих желудков и радостное поглощение лучшего спиртного, какое Огдам или Алкан имели им предложить, а также заблаговременная подготовка к славной дневной закуске. Во всем этом имелся только один недостаток. Все должны были дожидаться, пока весь Верхний Стол рассядется, прежде чем реально начинали поглощаться какие-либо блюда.

Утверждалось, что такова традиция. Однако многие божества за низшими столами втайне подозревали, что это всего лишь довольно позорный способ «Священной семерки» покрасоваться,

пока эти избранные самодовольно вышагивали к своим местам за накрытым свежей скатертью столом.

К тому же Семерку обслуживали после всех остальных. Опять же якобы в рамках традиции. На самом же деле это имело какое-то отношение к подаче самого лучшего последним.

И точно так же все происходило в этот ничем не примечательный день, после того как все ненавязчиво были разведены по своим столам Мэтром д'Отелем — божеством, ответственным за организацию рассаживания. «Священная семерка» подобрала свои тоги, благосклонно ухмыльнулась низшим коллегам и аккуратно засунула в кресла божественные задницы.

Секунды спустя священная тележка с подогревом уже была выкачена куда следует парой задыхающихся ангельских официанток, и благословенный аррайский хлеб начали раскладывать по тарелкам в излюбленном божествами виде. Естественно, в виде пиццы.

«Но что-то здесь сегодня не так, — думал Мэтр д'Отель, сидя за задним столиком и украдкой пересчитывая головы. — Что-то не складывается».

Схрон, верховный ответственный за аппетитные припасы, безоблачно улыбнулся, закатал рукава и приготовился произнести древнюю традиционную мантру благословения: «Бери ложку, бери хлеб, принимайся за обед!»

Именно так он бы и сделал, но как только он уже собрался произнести последнее слово и взять первый кусочек хлеба, уголок его глаза вдруг заприметил шесть нерозданных пицц, оставшихся на священной тележке с подогревом.

— Что они там делают? — тут же проревел Схрон.— Кто не получил своей пиццы?

Общеизвестный факт состоял в том, что каждый день выпекалось точное число отдельных порций, таким образом снижая до минимума объем отходов и предоставляя повару больше свободного времени.

Это была собственноручно изобретенная система, которой Люкс, божество, ответственное за то, чтобы все, что раздражало и досаждало, этого не делало, вполне справедливо гордился.

— Кто не получил своей пиццы? — сердито повторил Схрон.

Отказ от трапезы без веской на то причины воспринимался как великое оскорбление теми, кто решал по поводу меню, а

поскольку это в первую очередь делал именно Схрон, оскорбление соответственно адресовалось ему.

— Ну так кто?

Ангельские официантки пожали плечами, шурша своими крыльями в пернатом смущении. Все остальные просто нервно ерзали в креслах и с тоской смотрели на стол перед собой.

Точнее — все, кроме Мэтра д'Отеля. Последний упирался взглядом в голое деревянное сиденье невдалеке от себя, где должна была находиться чья-то божественная задница, и ежился. Внезапно он понял, почему у него создалось ощущение, как будто что-то сегодня не так. Кое-что и впрямь не складывалось. Имела место недостача божеств.

Паника охватила Мэтра д'Отеля, когда он увидел, как именно последствия подобных событий простираются дальше в вечность. Одна лишняя пицца! Несколько бокалов вина или кружек эля, оставшиеся в бутылках невыпитыми! Невостребованный пудинг! Проблемы с отходами становились просто бесконечными. И даже хуже того... Данный стол теперь был разбалансирован, лишен нужного равновесия. Разговор не мог потечь гладко. Этому разговору пришлось бы перепрыгивать через провал, а два разделенных этим провалом божества почувствовали бы себя голыми, незащищенными... ах, это была откровенная катастрофа! И все это подпадало под его, Мэтра д'Отеля, ответственность.

— Ну же, назовитесь! — взвыл Схрон.

В задней части «Манны Амброзии» медленно поднялась нервная рука.

Схрон мигом ее заметил.

— Ну? Итак? Что вы хотите сказать в свое оправдание? Эта закуска уже для вас недостаточно хороша? Да? Я правильно вас понял?

— Нет, я не... я просто... — запинался Мэтр д'Отель.

— Что, устали от одних и тех же блюд? Не нравится, что каждый день одно и то же?

— Нет-нет...

— Думаете, что справитесь лучше? Да? Думаете? Верно? Ведь вам именно так кажется? Ну же, скажите. Говорите, что думаете. Объясните мне, почему вы решили не принимать лучшей пищи, какая только доступна в Аррае. Я готов выслушать любую

разумную, пусть даже спорную точку зрения по поводу выбора, которые вы сделали, не присоединившись к остальным божествам в нашей регулярной общей трапезе. Только лучше этой точке зрения быть очень веской, ибо вы, судя по всему, в одиночку решили подкапываться под самые основы благотворного... — Тут Схрон наконец лишился дыхания и побагровел.

— Здесь есть пустое кресло, — быстро объяснил Мэтр д'Отель, обладая несколькими десятилетиями опыта выслушивания бредятины Схрона. Дыхание у верховного ответственного за аппетитные припасы всегда кончалось именно в тот момент, когда он собирался перейти к тому предмету, по поводу которого испытывал особенно сильные чувства.

— Что? — едва сумел выдохнуть Схрон. Рот его так и остался раскрытым в безмолвном удивлении.

Мэтр д'Отель услужливо приподнял кресло, чтобы все увидели.

— И здесь тоже, — объявила некая прозрачно-переливчатая богиня. К ее реплике вскоре присоединились еще четыре божества.

Челюсть Мэтра д'Отеля отвалилась. Все оказалось еще хуже, чем он думал!

Теперь Схрон был определенно шокирован. Шесть божеств не появились за ленчем. Это было ужасно. Никогда раньше никто из обитателей Аррая не пропускал ни одной из трех трапез в день. Это было просто неслыханным событием!

— И где же они? — прорычал Схрон, буравя взглядом Мэтра д'Отеля. Он понятия не имел, кого ему еще здесь буравить. — Что мы теперь будем делать?

По всему залу дрожащие от нерешительности голоса что-то тревожно забормотали.

Внезапно тощее низшее божество резко вскочило из своего кресла. Божество это щеголяло тонкими очками и короткой стрижкой. Оно вовсю размахивало мелком и грифельной доской.

— Я бы х-хотел предложить предложение о том, чтобы было предложено с-собрать с-собрание, — объявил Херокс, ответственный за календарное планирование, собрания и важнейшие встречи.

Его слова были встречены гробовым молчанием.

— М-мы сможем утилизировать возможность данного с-собрания, с тем чтобы представить текущие вопросы в форме, г-готовой

для обсуждения и с г-готовностью утилизируемой, — продолжал распинаться Херокс.

Тишина буквально капала с потолка.

— Я м-могу назначить с-собрание на следующий маннедельник, и я с-считаю, что в календарном планировании с-существует возможность представления для м-максимальной утилизации в тех же самых в-временных рамках п-подавляющего большинства всех вас, з-здесь присутствующих. Э-э... не с-считая, разумеется, текущей нехватки в лице ш-шести наших коллег...

— Моя пицца стынет, — проворчал чей-то голос.

— Мое пиво теплеет, — отозвался другой.

Чье-то божественное брюхо зарокотало в знак полного согласия.

— Я так п-понимаю, что существует минимальный п-позитивный фактор принятия в большинстве ваших...— начал было Херокс.

— Да заткнитесь вы! — рявкнул Схрон, ныряя к своей пицце.

Ангельские официантки нежно потянули священную тележку с подогревом обратно на кухню.

— Э-э, дорогуши, вы это оставьте, — залопотал Схрон, быстро прожевывая. — Мне может потребоваться добавка, — ухмыльнулся он затем.

Официантки упорхали прочь.

— Р-разумеется, мы могли бы назначить и организовать п-потенциальное дискуссионное с-собрание в течение последнего...

— Молчать! — завопил Схрон поверх какофонии активного прожевывания и заглатывания.

Херокс плюхнулся обратно в свое кресло, недовольно качая головой и ворча.

— Организация и п-планирование всего п-процесса — вот что здесь действительно т-требуется, это совершенно определенно.

После чего Херокс отбросил эту мимолетную мысль на задворки своего разума и жадно схватил с тарелки ломтик пиццы.

А в другой стороне «Манны Амброзии» некое божество машинально жевало пиццу, однако мысли его были весьма далеки от содержимого его рта.

Алкан размышлял вовсю. Могло это и впрямь быть совпадением, что шесть божеств не появились за ленчем в тот самый день, когда он подписал контракт с его высокобесподобием Брехли Треппом?

Согласно этому контракту, он предоставил Треппу чертовски большую свободу на предмет того, как именно ему рекрутировать новых верующих. Не дал ли он ему слишком много этой самой свободы? Не были ли эти два события на самом деле связаны? И не было ли тут неким образом его вины?

С нервным содроганием Алкан закинул себе в рот здоровенный кусок пиццы.

Смутные тени. Лужи красноватого света. Периодические вспышки молнии. Постоянный поток переносящих сообщения мудеммов, с гудением влетающих в блок коммуникационных портов и вылетающих оттуда. Типичный день в тенях страхоскреба Греховной службы. Если не считать того, что в этих тенях тайком кралась группа сдельщиков.

— Спешите же, спешите, а то я все потеряю, — умолял композитор Шнютке, дергая за рукав сутаны бывшее его высокопреподобие Елеуса Третьего.

— Терпение, — предостерег самого себя Елеус. Глаза его внимательно обшаривали лежащий впереди проулок, безнадежно выискивая там любые признаки его высокобесподобия Брехли Треппа.

— Нам не нужно терпение, — сквозь сжатые зубы прорычал Шнютке. — Нам нужен пергамент. И пергамент этот обязательно должен найтись до того, как я все потеряю! — Его правая рука ритмично раскачивалась, ноги слегка притопывали, а из закрытого рта червем выползало басовое гудение.

— Ладно, ладно, — примирительно поднял ладони Елеус.

Последние несколько часов Шнютке был просто невыносим, постоянно клянча еще и еще пергамент. Он уже истратил весь свой запас и отобрал все, что было у Мудассо. Теперь он стал окончательно невозможен.

Испытав невероятное облегчение оттого, что недавнее заключение и освобождение Бешмета не повредило пальцы скрипача, Шнютке обрел вдохновение сочинять. Это вдохновение прихватило его, словно жестокая лихорадка, вторгаясь в тело с поистине тревожащим напором. Шнютке вдруг неистово задрожал, вскочил на ноги, возбужденно вскрикнул, после чего схватил комок угля и листок пергамента. Затем его правая рука самым буквальным

образом превратилась в смутное пятно. Полоски из пяти параллельных линий в мгновение ока были проведены по пергаментной глади и населены целыми колониями крошечных дрессированных головастиков. Некоторые из этих головастиков были сцеплены с другими, а некоторые дополнены вьющимися хвостиками.

Для всех сдельщиков, кроме двух, все это была полная бессмыслица.

Они запросто смогли бы проигнорировать этот временный выплеск вдохновенных шумов, пока Шнютке пытался прогудеть восходящую атональную гамму пониженных на полтона аккордов или просвистеть вибрирующее глиссандо. Однако сдельщики никак не смогли проигнорировать композитора, когда наступил кризис. В самой середине третьей части его Девятой симфонии для скрипки, расчески и заднего прохода, как раз когда Шнютке собрался подчеркнуть идущую контрапунктом главную тему и посеять тональные семена для зарождающейся финальной части, у него кончился пергамент.

Удивительно было, как композитор навеки себя не оглушил, когда дико завопил, стукнул себя кулаками в грудь и принялся лихорадочно перебирать кипу листов пергамента, выискивая там новые пустые пространства и отчаянно паникуя, пока ноты и гармонии давали у него в голове задний ход.

Потребовалось всего лишь несколько часов его стонов и причитаний, чтобы остальные сдельщики убедились в том, что новые запасы пергамента действительно требуются. Причем незамедлительно.

Так они оказались здесь, в тени страхоскреба Греховной службы, готовые провернуть свою операцию.

Елеус выглянул на улицу, что бежала перед просторным вырезанным скалодонтами фасадом страхоскреба, — и чуть было не выпрыгнул из складок своей мертвой кожи, когда со всех сторон заверещала сирена очередной восьмичасовой смены мук. Хотя бывшее его высокопреподобие этого ожидал, рев на весь Мортрополис все же застал его врасплох.

Теперь наступила его очередь нервно топтаться. Елеус должен был очень точно выбрать момент. Как только улицы окажутся полностью забиты шаркающими мучимыми душами, план должен был быть приведен в действие. Елеус приглядеся из теней и еще немного выждал, оценивая точную плотность душ на улице. Про-

блема заключалась в том, что он в этот момент не поднял взгляд на отдаленный балкон страхоскреба, где невысокий мужчина в черной сутане готовился к очередной долгожданной проповеди.

И в это же самое мгновение в другом конце Мортрополиса пара суженных в щелки зрачков внимательно вгляделась вперед и прикинула расстояние. Рыгающая громада парома с двигателем инфернального сгорания, ведомого капитаном Нагльфаром, проскользнула последние несколько футов реки Флегетон под бдительным взором радостно скалящегося пассажира.

Как только пристань оказалась в пределах досягаемости, Асаддам тут же перескочил через пропасть гнусной слизи и с грохотом копыт приземлился на деревянный настил. Затем он заторопился прочь, плотно преследуемый отрядом ментагонов и банкиром Асмодеусом.

У Асаддама не было ни малейшего настроения попусту тратить время на берегу реки. Он хотел как можно скорее вернуться в страхоскреб Греховной службы и вознаградить своих лизоблюдов славными новостями о том, что Узбасские рудники лавы и серы снова открыты и готовы для новой разработки. Главный менеджер чувствовал уверенность в том, что, разбросав среди этих лентяев незавуалированные угрозы насчет возможности новых рабочих мест, он добился бы чудесного увеличения эффективности. Двадцать пять процентов — это было бы отлично... для начала. А потому, с отрадными звуками тяжелой работы и страдания, все еще мысленно звенящими у него в ушах, Асаддам обратился спиной к Флегетону и быстро набрал нужную скорость.

Улица перед страхоскребом Греховной службы наконец оказалась битком забита народом. Его высокобесподобие Брехли Трепп поглубже вдохнул, поднял руки... и заметил в текущей внизу толпе странно вороватое передвижение.

Ловкими взмахами кисти Елеус просигналил остальным сдельщикам: три пальца, два пальца, один. Вперед!

Трепп удивленно заморгал с далекого балкона, когда со всплеском изящных нот скрипач Бешмет запрыгнул на крышу небольшой хижины и принялся безумно пилить свою скрипку. Шокированные мучимые души замотали головами от целого ряда диссонансов, безжалостно вторгающихся в их уши. Лишь один вопрос прожигал себе дорогу на передний фронт их отчаявшихся умов. Что это еще за новая, ужасная и изощренная, мука?

Челюсти душ отвалились, они остановились и уставились на бесчинствующего скрипача, который раскачивался в диком восторге. Движение по улице со скрежетом остановилось вовсе. Дьяволы, демоны и вопящие души оказались пойманы в тугой пробке, как шмель в патоке. А Бешмет пилил себе дальше.

Елеус ухмыльнулся в тени. Все шло как по маслу. Теперь ему требовалось не спускать глаз с дверей страхоскреба Греховной службы. Как только демон-охранник выйдет, чтобы выяснить, что тут такое творится, он, Фауст и Бакс быстро проникнут внутрь, точно намазанные жиром хорьки. Елеус был готов, полон энтузиазма и...

И вдруг что-то переменилось. Скрипка Бешмета стала звучать как-то иначе. К ней словно бы добавилось некое позвякивание. Внимание Елеуса оторвалось от двери. Он в диком изумлении наблюдал, как еще один демон вытащил из кармана пару «Цимбалических душеспасителей» Блинтона Клинта и присоединился к музыканту. Когти негромко постукивали, задавая мистический ритм, аккомпанируя тому, что сходило за мелодию. Затем краткий, несколько деревянный переливчатый звук стал извергаться на передний план септимы каждого такта, когда пара «Чудесных миссионерских маракасов» папы Робертокарлоса присоединилась к ансамблю.

Высоко на своем балконе Брехли Трепп хихикнул себе под нос.

И побуждение, погребенное глубоко внутри вестибюля страхоскреба Греховной службы, примерно в трех дюймах от селезенки демона-охранника, тоже пустило свои ростки. Оно распускалось в ответ на питательные ритмы, что проплывали сквозь щели во вращающейся двери страхоскреба. Побуждение это гордо набухало, расширялось и распускалось в тысячи радостных цветков восторга, пока демон-охранник тянулся к себе под стол, совал обтянутый пергаментом бубен под свою обширную подмышку и выскакивал за дверь, чтобы внести свою лепту в общий гомон.

Брови Елеуса едва ли смогли бы заползти еще выше по его изумленному лбу, когда он увидел, как громадный демон-охранник выпрыгивает в истово покачивающуюся толпу, гремя в свой совсем недавно раскрашенный мантрический бубен. По сути, Елеус уже почти забыл о том, где он находится.

Но только почти.

Быстро раздав пощечины Фаусту и Баксу, чтобы гарантированно привлечь их внимание, Елеус выскочил из тенистого проулка и проскользнул во вращающуюся дверь. Как и планировалось, в вестибюле не было ни души. Едва сдерживая возбуждение и лишь каким-то чудом не пустившись в радостную пляску, трое сдельщиков за считанные секунды добежали до стола, легко под него скользнули и скорчились в полумраке.

Именно там лежала их добыча. Стопы девственно чистого пергамента. Целый вагон и маленькая тележка этих стоп.

С радостью сдельщики набрали полные руки пергамента, быстро обогнули стол и мгновения спустя снова оказались на улице. Вокруг них вовсю гремела какофония. На ударное чистилище накладывалось кошачье верещание скрипичных нот. Бешмет гнулся и корчился под грифом своего инструмента, восторгаясь рвением добровольных аккомпаниаторов, наслаждаясь их вдохновенной синергией. Именно за это он умер все эти годы тому назад. Скрипач мог бы часами продолжать в том же духе, перерабатывая темы в широкий репертуар джиг и рилов, а также как попало вставляя туда случайные обрывки ужасающих диссонансов. По сути, как раз когда Бешмет уже собрался было снарядить и отправить по назначению подобный мусор, он вдруг заметил стремительно приближающуюся со стороны Флегетона группу дьяволов. В дьяволах он безошибочно узнал ментагонов.

А затем, совершенно внезапно и до боли досадно, Бешмет узнал зловредный оскал главного менеджера Мортрополиса. Выдавая специально отрепетированную гамму тревоги, скрипач пропилил последние несколько нот и четыре раза махнул смычком по воздуху, чтобы поддержать продолжение ритмической какофонии. Скрипка тем временем торчала из-под его подбородка точно добавочная конечность. Наконец Бешмет уважительно поклонился толпе, после чего, исполнив идеальное обратное сальто, спрыгнул с крыши хижины и исчез в тенях.

Брехли Трепп, внутри у которого вовсю звенели тревожные колокольцы, просеменил вдоль балкона, перепрыгнул на ближайшую крышу и скрылся во всплеске раздувшейся сутаны.

Однако на сей раз это его перемещение оказалось не вполне тайным. Елеус, оглянувшись, чтобы посмотреть, почему Бешмет поднял тревогу, заприметил легко узнаваемую сутану и был тут же

охвачен непреодолимым стремлением принять долгожданное спасение в свои страстные объятия.

Бросив кипу пергамента, он резко развернулся и с поднятыми руками пустился вслед за Треппом, крича:

— Эй, простите, я бы очень хотел молвить вам слово!

Асаддам не заметил ни прощального поклона Бешмета, ни бегства Треппа. Все его внимание было приковано к нирванически-счастливым выражениям, размазанным по лицам буйной толпы. Желудок его от омерзения чуть было не дал задний ход.

— Это еще что? Вы что, совсем тут разума лишились? — завопил он, в ужасе глазея на ухмыляющихся и звенящих цимбалами демонов, что кувыркались на улице. Голос главного менеджера странным образом начисто стер весь лишившийся звуков скрипки шум. Асаддам встал, положив руки на бедра и самым что ни на есть мрачным образом хмурясь. — Кто все это затеял? — проревел он и щелкнул когтями, давая знак двум самым здоровенным ментагонам. Те знали, что делать. Немедленно они привели себя в полную боевую готовность, на кончиках копыт нависая над плечами Асаддама. При появлении зачинщика они готовы были тут же его схватить.

— Ну? Я жду! — рявкнул Асаддам, роя землю гневным копытом.

В замешательстве пожимая плечами, толпа повернулась и указала на крышу небольшой хижины, где до самого недавнего момента находился... ах, он уже исчез. Затем торопливо и предельно нервозно все припрятали свои музыкально-культовые принадлежности и, опустив головы, чтобы не быть узнанными, стремительно рассыпались по сторонам. Так стремительно, что одно это уже вполне могло возбудить громадную массу подозрений.

— Эй! А ну назад! — заорал Асаддам, тщетно пытаясь остановить паническое бегство.

Никто не уделил ему никакого внимания. Через считанные секунды перед фасадом страхоскреба Греховной службы осталось только большое облако клубящейся пыли. А еще — сломанная молитвенная мельница, оранжевая наволочка и предельно смущенный на вид дьявол-охранник, отчаянно пытающийся спрятать за спиной обтянутый пергаментом бубен.

— Это было выше моих сил, — взмолился он к Асаддаму, пока тот злобно хмурился на него. — В один момент я просто

сидел у себя за столом, а в следующий уже вынужден был... гм... присоединиться.

Губы Асаддама скривились.

— «Просто сидел»? — Он перевел шипящее дыхание.— Сидел, значит? — проревел он и щелкнул когтями. Пара ментагонов в диком всплеске чешуек схватила дьявола-охранника и подтащила его на расстояние дюйма от ноздрей Асаддама.

— Почему же ты не работал? — прорычал главный менеджер.

— Ну, я... да в общем-то там ничего такого не было...

— Значит, ты заскучал и тебе просто захотелось малость сплясать конгу? Так ведь? — зверски оскалился Асаддам.

— Э-э... можно и так сказать, хотя...

Главный менеджер снова щелкнул когтями, и два монстра-ментагона бесцеремонно бросили дьявола-охранника на землю, возя его носом в пыли.

Асаддам крепко схватил Асмодеуса за загривок, после чего быстро провел его вверх по ступенькам и через вращающуюся дверь.

— Вот видишь, что происходит, когда кто-то пробует ввести эффективность? — прорычал Асаддам. — Вот, значит, та благодарность, которую я получаю за все свои усилия? Проклятые твари своими грязными лапами добираются до лишнего времени и решают, что его следует использовать, чтобы вдоволь поразвлечься. А теперь я тебе вот что скажу. Можешь считать меня старомодным, если желаешь, даже прямолинейным, но только я не допущу, чтобы в моем царстве происходило что-то подобное! ПОНЯТНО?

Асмодеус кивнул — по крайней мере, насколько это позволяло его положение. В данный момент он завис на полпути вверх по стене, плотно прижатый к ней дрожащими лапами Асаддама.

— Удвоить рабочую нагрузку! — приказал главный менеджер, роняя банкира. — Нет, утроить! Пусть никто не сможет назвать Мортрополис счастливым, пока я им руковожу! Одна улыбка на физиономии — и этот весельчак тут же отправляется на рудники! Ясно?

Не поднимаясь с пола, банкир кивнул.

Асаддам резко развернулся и стремительно понесся вверх по лестнице. При каждом шаге из-под его копыт летели яркие искры.

Асмодеус с трудом выпрямился, не на шутку хмурясь. Прямо сейчас он, пожалуй, был самым последним из тех, кто мог, со-

гласно инструкциям Асаддама, оказаться на серных рудниках Узбасса. Но даже это не радовало банкира. Что-то с выражениями лиц тех кувыркавшихся дьяволов было не так. Асмодеус не сомневался, что это была не просто обычная радость. О нет. Это было нечто похуже. Куда похуже. Банкир отчаянно надеялся, что события, которым он стал свидетелем, не были тем самым, о чем еще столетия тому назад предупреждал набор древних документов.

Ускоряя шаг, Асмодеус прогрохотал копытами по главному коридору, одолел малоизвестный боковой проход и направился в уединение собственной пещеры.

Во многих проулках от страхоскреба Греховной службы бегущие сдельщики минус Елеус были страшно довольны проведенной операцией, хотя игра Бешмета на сей раз не послужила особенно эффективным отвлекающим маневром. Тем не менее задача была выполнена. Три больших стопки лучшего пергамента теперь у них имелись. Шнютке должен был быть просто счастлив.

Однако, как ни печально, счастлив он не был.

Композитор тащился позади всей группы сдельщиков, и лицо его являло собой образцовую картинку предельного уныния и скорби по утраченному. Втихомолку рыдая, он мял и рвал пятьдесят листов первых двух третей своей Девятой симфонии для скрипки, расчески и заднего прохода. Ничего в ней хорошего не было. И это казалось страшной несправедливостью.

Втайне Шнютке знал, что его симфония нуждается в чем-то еще, но убеждал себя, что это просто дело надлежащей оркестровки. Но теперь он знал, чего там недоставало. Он это услышал — и словно какое-то откровение изверглось у него в голове.

Шнютке понял, что должен был написать свою симфонию для скрипки, расчески, заднего прохода, а также полного ансамбля разных звенящих штуковин и всякой гремящей ерунды.

Тогда это был бы настоящий шедевр. Вне всяких сомнений.

Задыхаясь от быстрого хода, Асмодеус ворвался в свою пещеру, ухватил тяжелый мраморный стул и припер им закрытую дверь. Теперь ему требовалось полное уединение. Чтобы ничто его не отвлекало.

Затем охваченный ужасом банкир пробежал в другой конец пещеры, отодвинул массивный платяной шкаф на три фута влево, упал на колени и принялся рыться в открывшемся тайнике. Когти Асмодеуса обстучали и пропустили целое полчище коробочек, где содержалось несколько тысяч стооболовых монет, презрительно проигнорировали около дюжины упаковок с чистейшей, лишенной малейших изъянов восьмисотлетней лавой, а затем он наконец-то нашел то, что искал. Коготь банкира червем прополз к нужной упаковке и сразу же стал ее открывать. Тут же Асмодеус вскрикнул и выругался, выдергивая коготь и спешно отогревая его у себя под мышкой. Он уже и забыл, что эта штука холодная.

Хныча от боли, Асмодеус обернул лапу полотенцем и попробовал снова. Несколько мгновений спустя ему все-таки удалось вытащить трубчатую упаковку и положить ее на стол в центре своей пещеры. Струйки конденсата стекали со скатанного в рулон пергаментного буклета, проливаясь за край стола подобно какому-то призрачно-замедленному водопаду.

Нервно уставившись на секретный указатель, Асмодеус задумался, следует ли раскрыть его и посмотреть. Что, если предсказанное и впрямь началось? Действительно ли ему хотелось об этом узнать? Или ему просто следовало все это отложить и вместе с остальными просто попытать удачи?

Однако сидящий внутри Асмодеуса прирожденный банкир потянулся к щипцам и открыл первую страницу. Он непременно должен был знать, происходит ли то, что было предсказано.

В конце концов, все это был вопрос инвестиций!

Иначе зачем ему вообще было покупать все пять томов совершенно секретного «Malleus Nugae» — «Смертоносного Молота Легкомыслия»? Асмодеус должен был защищать свои деловые интересы. Какой смысл был несколько столетий выстраивать фабрики по производству оболов, чтобы они потом в одно мгновение были уничтожены? О нет, кто предостережен, тот вооружен. Потому-то у Асмодеуса и было это справочное руководство. «Malleus Nugae».

О тех красочно представленных угрозах и опасностях, которые там имелись, не стоило и беспокоиться. Каждый из пяти томов этого исчерпывающего досье содержал свой собственный пугающий сценарий. Все сценарии были устрашающе возможны, все раздражающе реальны. Причем каждый сопровождал-

ся убийственно детальными перечнями непредвиденных обстоятельств.

Все в Уадде знали, что Аррай представляет собой ужасную угрозу, нависая неизбывным ужасом над местными обитателями. Там только того и ждали, чтобы вторгнуться, подкопать и уничтожить легкомыслием подземный мир. Однако прежде чем «Malleus Nugae» был написан, любые обсуждения на эту тему ограничивались вопросами, ответов на которые не существовало. Например: как именно будет осуществлено вторжение? Где начнется атака? Какое оружие будет использовано? Как оно будет развернуто?

Вскоре после того, как ужасное понимание просочилось в простонародье Уадда и начались отдельные неконтролируемые пожары паники, было решено, что со всем этим следует реально что-то сделать. На самом гребне паранойи, когда ужас перед роями вторгающихся Религионеров, что готовились пробиться сквозь страхосферу и начать распространение Благих Вестей среди невинных младенцев и малых детишек, кипел горячее всего, определенное ведомство получило указание составить соответствующее руководство.

Через пару десятилетий, пять лет из которых было потрачено просто на споры о том, как все это следует назвать, «Смертоносный Молот Легкомыслия» был наконец-то опубликован, причем на тайном древнетальянском языке. Издание представлялось столь же роскошным на вид, сколь и устрашающим. Грациозно загнутые и щедро украшенные буквы очерчивали ряд из пяти поминутно расписанных, детальных сценариев атак. С ужасным изяществом было подробнейшим образом изложено, как именно силы Аррая попытаются склонить граждан Уадда перед Волей Легкомыслия.

И если они действительно преуспели бы в этом захвате? Если у Аррая и впрямь имелся свой способ? Какие кошмары это могло в себе содержать?

Думать об этом было просто невыносимо.

Каждый дьявол вынужден был бы заняться игрой в крокет, каждый демон — вязанием, и всем им пришлось бы по утрам практиковать поедание небольших бисквитиков с черным кофе. Причем ни в коем случае не просыпая крошек. Обязательной станет игра в лото, тогда как ежедневное чтение... Ну, потом... Потом пойдут тараканьи бега и дешевые распродажи. Все будут толпиться на каждой очередной такой распродаже, возвращая поднос для пушистого помета любимого скалодонта, который они

купили в прошлый раз. Причем ни один дьявол не осмелится пропустить ни одной распродажи — никто не захочет страдать от мук ужасной лотереи.

Думая обо всем этом, Асмодеус содрогнулся и затрясся от страха. Однако все это были лишь гипотезы. Простая экстраполяция текущих мыслей и клочков информации. Реально такого никогда не случится.

Или случится?

Столетия тому назад повелитель скверны д'Авадон, обнаружив, что руководство написано на древнетальянском, пренебрежительным взмахом лапы его отбросил и приказал отправить в архив. Там оно и лежало, пока один знакомый собрат-антилегкомыслец не предложил Асмодеусу его купить.

Теперь всякий раз, как банкир обдумывал новую инвестицию, неизменно бдительный в отношении вечно присутствующей опасности свыше, он заботился о том, чтобы эта инвестиция не была размещена в зоне упомянутого в руководстве стратегического объекта. Таким образом, случись вдруг переворот, без оболов он не останется.

Так не приближалось ли теперь время, когда этим схемам предстояло подвергнуться реальному испытанию? Асмодеус знал, что один из томов «Malleus Nugae» содержал в себе определенную информацию об очевидных спонтанных проявлениях массового легкомыслия. Именно таких, какую он наблюдал на улице перед фасадом страхоскреба Греховной службы. Но где же был этот том?

С трудом раскрыв пергаментный документ, банкир уставился на древнетальянский текст, отчаянно щурясь и пытаясь приспособиться к странным словам.

Шадершанниэ.
Туомм Пхеррфвый... Кхлеррикаллныэ Ваэнныэ
Десстфия.
Ввхиденниэ.

Нет, это была не та часть. Асмодеус был уверен.

Туомм Фтаррхой...
Апирратхиввнай Зоббрхос Паппы.

Нет, это был сценарий полного уничтожения. Типа «пленных не брать». Предельно мрачный сценарий. Тотальный холокост

бомбами легкомыслия. Дьяволы, засмеивающиеся до смерти. Демоны, щекочущие друг друга, рассказывающие анекдоты и волей-неволей устраивающие благотворительные базары. Тома третий, да и четвертый тоже содержали в себе совсем не то.

А затем Асмодеус увидел это, и в голове у него щелкнуло.

Туомм Пхяттхый... Шченариус Нибесснай Пхиергрусски.

Вот это было именно то самое. Асмодеус вспомнил. Конструирование и развертывание противопехотных святынь. Стратегическое размещение. Линии атаки. Силы противобеззакония. Симптомы «затронутых».

По сути этот сценарий представлял собой подветвь «Клерикальных военных действий», но более тонкую, более пагубную. Здесь, к примеру, начисто отсутствовали откровенно-брутальные атаки монастырскими бомбами. О нет. Это была тактика идеологической войны. Все здесь основывалось на эффекте Доминума — «Освяти и покоряй». Посредством обработки специфически выбранных властных фигур и основных бизнесдьяволов противопехотными святынями все уаддское общество могло быть полностью подорвано — причем совершенно безболезненно, без всякой кровавой бойни.

Все было очень просто. Как только верховные десять процентов узрят свет противопехотной святыни, они тут же пожелают сделать все на благо Аррая. И тогда все рассыпается как карточный домик, весь Уадд идет под откос.

Теперь Асмодеус знал, что ему требовался именно этот том. Номер пять. Так, и где он был у него спрятан?

Подобно всем хорошим банкирам, Асмодеус не намеревался рисковать, оставляя все пять томов в одном месте. Нет, он рассеял их по всему Мортрополису, спрятал в темных, малодоступных метах, подальше от ищущих глаз.

С прищуром взглянув на клочок пергамента, покрытый накорябанными от лапы письменами, Асмодеус покряхтел и наконец понял, куда ему надо идти. В бешеном всплеске щипцов, полотенец и мебельных перемещений все в его пещере снова пришло в норму. Тогда, оттащив от двери мраморный стул, банкир метнулся на улицу, направляясь обратно к высоченному страхоскребу Греховной службы.

* * *

Мотая головой в неистовом отрицании, Ублейр беспомощно замахал лапами на Бубуша.

— Но ты же это не всерьез? Скажи мне, что ты опять все просто выдумываешь! — умолял он.

— Такую ошибку легко было допустить...

— Ошибку? — задохнулся Ублейр. — Ты похищаешь шесть божеств, думая, что они грузчики на складе оружия, и называешь это ошибкой? Да, такое ведь каждый день случается, правда? Что может быть более естественно?

У Бубуша даже не появилось шанса ответить. Ублейр паровым катком покатил дальше.

— Ты должен с ними что-то сделать. Они не могут здесь оставаться. Нет, только не в моей пещере. Они опасны, слишком опасны, а кроме того... кроме того, они тут торчат прямо как тополя на берегу Флегетона. Настоящей ошибкой было то, что я вообще с тобой связался. Мне следовало просто оставаться там, где я был, страдать в угнетении, быть осмеянным и униженным. Пусть бы меня лучше Асаддам оплевывал! По крайней мере, тогда я знал, как и что... — Глаза демона почти затуманились.

— Ты уже совсем закончил наслаждаться в затхлом бассейне самосожаления или еще нет? — осклабился Бубуш. Ублейр поднял взгляд, удивленный внезапно пренебрежительным тоном приятеля. — Ты просто собираешься сидеть здесь, жалобно ноя в адрес печального будущего, — или ты готов протянуть мне лапу помощи, чтобы мы вместе одолели Асаддама?

— Как ты вообще можешь об этом думать, когда ОНИ там? — Ублейр ткнул когтистым пальцем в сторону двери и шести божеств по ту ее сторону.

— Именно потому, что они там, я об этом и думаю,— ухмыльнулся Бубуш. — Ты ведь дальше этого ничего не видишь, так? Дальше этой небольшой ошибочки...

— Шести небольших ошибочек... — уточнил Ублейр.

— Ладно, ладно, давай не будем такими щепетильными, — раздраженно гаркнул Бубуш. — Перестань думать об ошибках и подумай лучше о непочатых бочках непредвиденного потенциала, таящихся здесь в готовности и полностью нам доступных!

— Как... где?

Бубуш дернул большим когтем в сторону двери.

— Что... они? — выдохнул Ублейр.

Бубуш с немыслимо самодовольным видом кивнул. Примерно такой вид всегда бывает у демона за мгновения до того, как он открывает нечто ослепительно очевидное тому, кто настолько туп, чтобы этого не заметить.

— Эффект Доминума! — ухмыльнулся Бубуш, выволакивая этот термин на передний фронт своего разума. Термин и его определение, переведенные славным его высокобесподобием Брехли Треппом.

— Что?

— Ты сам это ощущал, — Бубуш глазел на Ублейра, дрожа в приступе возбуждения. — Это тошнотворное желание оказать кому-то услугу, странное побуждение выделывать кренделя на улице или стремление развязать страдающее божество.

— Или отпустить пойманное его высокобесподобие.

Бубуш смущенно закашлялся.

— Да, и это тоже. Видишь, какая мощь? Совсем как сказано в документе: «Освяти и покоряй». Мы по-прежнему можем это провернуть. Мы все-таки одолеем Асаддама!

— Но как? Нам нужны противопехотные святыни. Ты же сам так сказал, — заныл Ублейр, совсем запутавшись.

— Так я сначала подумал, но теперь я прикинул получше. Мы сможем провернуть все это с теми ребятами, которые там сидят, — и Бубуш выдавил Ублейру улыбку типа «доверься мне, я знаю, что делаю».

Ублейр опасливо поежился и, почти наверняка зная, что он тут же об этом пожалеет, спросил:

— Как?

Победный проблеск пробежал по чешуйчатой физиономии Бубуша.

— Представь себе, что будет, если начнутся внезапные вспышки легкомыслия по всему Мортрополису. Только подумай о том хаосе, который бы это вызвало, если бы дьяволы расселись кружком завтракать, потягивая кофе и болтая вместо того, чтобы носиться по округе, бить и мордовать всех?..

Ублейр вздрогнул.

— Отвратительно, — пробормотал он в холодной тревоге. И снова вспомнил о том, как награждал Бубуша пощечинами, пока тот стоял с подносом в лапах.

— Подумай, какая паника распространится, когда дьяволы начнут подставлять кому попало другие щеки? Воцарится настоящий ад! И все обратятся к Асаддаму, чтобы он все это исправил, а он окажется совершенно беспомощен. Его правлению будет вынесен вотум недоверия, раз он такое дозволил, и его пинками вышвырнут с насиженного места! Мортрополис лишится вождя!

Ублейр охнул.

— И вот тогда два верных мортрополитанских гражданина, отчаянно рискуя собой, выступят вперед и быстро устранят весь этот беспорядок. Тогда эти герои запросто могут быть избраны совместными главными менеджерами, — щелки зрачков Бубуша еще больше побагровели от возбуждения. — Ну как, славно звучит?

— Какие герои? Кто это будет?

Бубуш фыркнул, выпрямил спину и проорал:

— А ты как думаешь? Идиот! Мы с тобой, вот кто!

Понимание медленно поднималось по физиономии Ублейра, точно особенно неохотный рассвет.

— Провернуть все как следует — и Асаддама уже к чертвергу можно будет отсюда пинками гнать! — с энтузиазмом продолжил Бубуш. — Ну как, согласен?

Ублейр кивнул.

— Тогда хватай одеяла и следуй за мной, — Бубуш скакнул к двери.

— Что? Одеяла? Зачем? — забормотал Ублейр.

— Нам нужно еще немного амуниции, — ухмыльнулся Бубуш и повернул ручку двери.

«Ох дьявол, — сокрушенно подумал Ублейр. — Опять эти гонки!»

Прогрохотав по глубочайшим коридорам страхоскреба Греховной службы, Асмодеус резко завернул за угол и метнулся к месту своего тайника. Ему просто требовалось добраться до того картотечного шкафа и выяснить, верны ли его подозрения.

Мозг банкира гудел от ужаса, пока перед его мысленным взором вспыхивали слова «Сценарий Небесной Перегрузки», написанные теми причудливо завитыми буквами древнетальянского.

Могло это быть правдой? Был ли «Сценарий Небесной Перегрузки» введен в действие? Быть может, они уже сейчас находились под тайной атакой переодетых Религионеров?

Асмодеус задрожал, заворачивая за последний угол, резко тормозя перед большой сланцевой дверью и плечом прокладывая себе дорогу внутрь.

Проделывая последние три шага к тому месту, где должен был стоять нужный картотечный шкаф, банкир пытался припомнить, за третьим или четвертым ящичком снизу он многие годы тому назад спрятал документ. На четвертом шаге он отчаянно завопил, резко развернулся и вылетел обратно в коридор, чтобы снова проверить координаты.

Ужас и паника смешались в его голове, когда Асмодеус понял, что это та самая каменная пещера, которую он тогда специально выбрал ввиду крайне редкого ее использования — по сути, туда вообще никто никогда не заходил. Чувствуя, что сердце его уже бьется где-то во рту, банкир метнулся назад и уставился на три монолитных обсидиановых блока, которые теперь заполняли пещеру вместо картотечных шкафов. Пятна лавовой подсветки регулярно мигали, пока расплавленный камень пульсировал под стеклистой поверхностью.

— Нет, нет! — вскричал он и упал на колени.

— Могу я вам чем-то помочь? — раздался голос, когда в боковой части одного из Кристаллических Анализаторов Лолоха открылся люк.

Узнав ученого, Асмодеус поежился.

— Нет-нет! — повторил он голосом более твердым и менее истеричным. — Вот этот КАЛ должен стоять на три дюйма дальше. Подвиньте его, прежде чем Асаддам об этом узнает, иначе быть вам в беде, — резко развернувшись, банкир выскочил из полной кусков КАЛа пещеры в коридор. Мозг его лихорадочно работал.

Итак, картотечные шкафы пропали! Были устранены в неистовой тяге Асаддама к эффективности. Из всех пещер в страхоскребе Греховной службы главному менеджеру потребовалось выбрать именно эту! А Асмодеусу он даже ничего не сказал.

И теперь документ пропал, а на его месте оказался тупой, неотвязный ужас. Сможет ли он вспомнить точные схемы и симптомы «Сценария Небесной Перегрузки»? Сумеет ли восста-

новить в памяти расположение противопехотных святынь, которое было детально там очерчено? Асмодеусу казалось слишком невероятным совпадением, что вспышки легкомыслия произошли как раз когда документ пропал.

Как банкир, в подобные совпадения он не верил. Бухгалтерия таким вещам не учила.

Теперь Асмодеус не сомневался, что вторжение началось.

Но что теперь было делать? Поверит ли ему Асаддам без доказательств? Или еще до ночи все закончится? Причем самым прискорбным образом.

Только время могло об этом сказать.

Время и «Смертоносный Молот Легкомыслия».

РЕШЕНИЯ, РЕШЕНИЯ

Раздраженное фырканье вплыло в гримерку Блинни Плутта, а за фырканьем последовало краткое шуршание упрямого кринолина. Конферансье оторвался от затейливого процесса закрепления у себя на голове розового головного платка с астрономическими узорами и навострил заинтересованное ухо. Еще одно досадливое фырканье донеслось из-за двери, раздраженно запорхало по гримерке и рассеялось в облачке мрачного гнева, пока дражайшая будущая супруга Блинни тщетно силилась управиться со сложной застежкой своей свадебной туники.

Хитроумный узел головного платка развязался у Блинни под подбородком, стоило ему только потянуть не за ту тесемку. Краснолицый и напряженный, он встал, внезапно почувствовав себя голым, несмотря на свадебную тогу цвета древесного угля и соответствующую мягкую шляпу с продольной впадиной. Настоящий кустик нарочито пышной бромелии распускался как раз под его правым ухом.

Сдавленное гневное восклицание, которое уже просто невозможно было проигнорировать, пробило себе путь в гримерку Блинни и расколотило последние остатки налета спокойствия на его лице.

— Да что там такое? — рявкнул он, пинком распахивая дверь и врываясь в переполненную цветами комнату.

Женщина, сидящая перед освещенным свечой зеркалом, завизжала, скромно прикрывая незакрепленным кринолином сва-

дебной тоги роскошную ложбинку между грудей, а затем заорала на своего будущего супруга:

— Вон отсюда! Вон! Прочь пошел!

За рекордно короткое время она в порыве суеверной паники соскочила со стула и ответным пинком наглухо захлопнула дверь.

Последним, что увидел Блинни Плутт, прежде чем дверь расквасила ему нос, была чарующая вспышка васильковой подвязки и аналогичного цвета чулки.

К счастью для Мотримона, координатора брачного хаоса и эксперта по надвигающимся катастрофам, дверь промахнулась по нему на полтора дня. Однако, несмотря на многие годы опыта глазения в магический кристалл, голова его машинально отдернулась от полированного шара, и образы грядущих возможностей исчезли во всплеске мишуры.

Тогда правая рука Мотримона схватила павлинье перо, макнула его в чернильницу и лихорадочно заскребла, добавляя еще один пункт к уже и без того обширному перечню опасностей, которых следовало любой ценой избежать. «Жених раньше времени видит невесту в свадебном платье... Ни в коем случае на допустить! Серьезное повреждение носа и добавочные счета от прачечной. Рекомендуется прикрыть жениху глаза».

Быстро набросав на полях подходящее приспособление с двумя окулярами, Мотримон решил проскользнуть минут на пятнадцать назад от этой сцены, чтобы определить, сумела ли мисс Нибель Меса надеть свое васильковое нижнее белье в манере, наиболее удовлетворительной в плане знамений.

Когда ее нагое тело замерцало в поле зрения внутри кристалла, координатор тяжко вздохнул. «Эх, — подумал он, — и неблагодарная же это работа. Но ведь кто-то должен ее проделывать!» Отсвет теплого света свечи играл на изгибе спины девушки, пока она тянулась вперед и сдергивала с кровати чулки.

В этот конкретный момент вуайеристской оценки безопасности объем воздуха над головой Мотримона составлял, пожалуй, всего лишь несколько литров из всей атмосферы горного города Аксолотля, которые не были заряжены интенсивным нервным возбуждением.

Час женитьбы Блинни Плутта на роскошной мисс Меса неизбежно надвигался все ближе и ближе подобно дельфинам безумия, что неслись на приливной волне подлинной истерии.

С тех пор как самый знатный холостяк Аксолотля положил свой блудный глаз на конкретные тридцать восемь дюймов анатомии одной прекрасной особы, после чего поразил свою верную (и в основном дамскую) публику внезапным объявлением, все население оказалось втянуто в бурлящий всплеск непрерывных предсказаний и предначертаний.

Дамы, которые за десятилетия помахивания ресницами и страстного поклонения уже настроили на Блинни нечто большее, нежели свои глазки, теперь штормом врывались во все конторы брачных предсказателей с требованиями немедленных консультаций. Неудивительно, что главные интересы униженных особ вращались вокруг предсказания длительности грядущего союза, а также личностей возможных следующих жен.

В вечернее время дамами, которые так долго считали себя будущими миссис Плутт, было пролито множество слез. Лучшие брачные пророки в городе предсказывали железные тридцать лет нескончаемой радости для новой пары, счастье которой оказывалось разбито лишь рождением тройни сыновей.

Повсюду, забившись в крошечные темные комнатенки или сгрудившись над дымящимися углями умирающего костра, полуослепшие от многих часов, проведенных за вглядыванием в магические кристаллы, усиленно растирающие кисти, вконец онемевшие от многократного бросания предсказательных костей к далеким стенам, пророки, провидцы и нумерологи лихорадочно предсказывали, предвидели и вычисляли.

Выдавая миллионы всевозможных результатов вмешательства руки судьбы, они непрестанно извлекали судьбоносных мух из вазелина идеального дня.

Несчастья в форме раньше времени увиденного свадебного платья и скверно расквашенного носа, что обрушилось на знаменитую парочку ввиду попытки Блинни раньше времени взглянуть на мисс Меса, следовало избежать благодаря бдительной заботе самого Мотримона. А команда его тем временем перерабатывала маршрут свадебной процессии, чтобы не допустить пересечения его черным мантрическим гекконом особой зловредности, который как раз завтра должен был там сновать. Они предугадали погоду и так пересмотрели расписание, чтобы воспользоваться всеми преимуществами удачного трехчасового разрыва в облаках. Все должно было пройти просто тип-топ. Теперь им оставалось лишь проверить список свадебных подарков.

Мотримон подул в церемониальный свисток, развернулся во вращающемся кресле и уткнулся носом прямиком в диафрагму всей предсказательной мощи своей команды оценки брачного хаоса. Почти радостно было сознавать, насколько его ребята оказались пунктуальны. Они как будто бы знали, когда он собирается подуть в свой свисток.

— Порядок, парни, теперь переходим к... — Почти в идеальный унисон предсказатели резко развернулись во всплеске тог и промаршировали ровно на три пролета вниз по лестнице. Дальше второй поворот по коридору направо, затем резко налево — и вот они уже в просторном зале, изрядно наполненном цветисто обернутыми подарками для счастливой парочки.

Здесь были самые обычные вещи: аутентичные полотенца для сушки волос, бамбуковые подушечки в цветных чехлах, терракотовые бритвенные кружки жениха и невесты с соответствующими подставками, пара альпаговых купальных халатов с соответствующими нарядами для купания и подогревателями баков... короче говоря, все, что недавно поженившейся парочке могло потребоваться, чтобы сделать любую лачугу настоящим домом. По слухам, там даже имелась кое-какая малость для того совершенно особенного, сверхторжественного обеда. Полный набор столовых приборов на шестнадцать персон, изготовленный из настоящих персон. Впрочем, это были всего лишь слухи.

Подойдя к груде подарков, Мотримон внимательно на нее уставился. Он знал, что Блинни Плутт был популярен... но чтобы настолько! Быстро прикинув объем работы, координатор объявил:

— Итак, вам предстоит разбиться на две равные группы, и пусть каждая будет готова обработать половину подарков...

Мотримон умолк, оглянувшись и увидев, что две группы, на которые разбилась его команда, уже сидят, готовые начинать.

— Хорошо. Тогда приступайте. Что делать, вы знаете, — равнодушно приказал он. Порой Мотримон всерьез задумывался, зачем он вообще там нужен.

А вот вся остальная команда точно знала, зачем она там нужна. Следовало устранить эффект поступаковочного стресса. Любой гражданин Аксолотля, который вообще что-то знал, знал об этом эффекте все.

Было общеизвестно, что подарок, завернутый персоной с не слишком радостным нравом, создает тайную бомбу замедленного

действия, приносящую в итоге горе и несчастье. В некий момент будущего вся загнанная в бутылку ненависть непременно выскочит наружу во внезапном взрыве злоупотребления.

Раздраженно завернутая вязальная ступица может дать задний ход и кольнуть в глаз. Скамеечка для ног, упакованная десятилетия тому назад буйным поставщиком, способна внезапно сдвинуться на три фута вбок и вызвать скверное растяжение лодыжки.

Занятием команды оценки брачного хаоса как раз и являлось выискивать подобные упаковки и их обезвреживать. А сегодня у них был просто завал работы. Ибо большинство дам в Аксолотле питали более чем мимолетную ненависть к конкретной мисс Меса.

Мотримон с энтузиазмом бросился вперед, заполняя брешь меж двух половин своей команды, и принялся раздавать обеим половинам подарки, рассыпая в этом процессе равнодушные слова ободрения и поддержки.

Ликвидаторы опасных упаковок все как один прижали пакеты ко лбам и принялись сосредоточенно распевать заклинания, отправляя своих ментальных сыщиков выискивать и выпускать наружу любые следы гнева, содержащиеся внутри.

Только когда просторное помещение для подарков наполнилось сонными распевами, до Мотримона вдруг дошла ужасная правда.

Он совсем позабыл сделать нечто жизненно важное. Забыл получить благословение Эндезида, небесного покровителя бытовых приспособлений.

С жалобным хныканьем Мотримон упал на колени, сцепил руки у груди и опустился лицом вниз, покорно принимая позу личного унижения номер пятьдесят девять (вариант Д). В этой позе он вовсю начал распевать, после чего распростерся ничком, моля великого Эндезида появиться и осыпать изобильными благословениями из кранов доброй удачи их и счастливую парочку, которой были адресованы все эти подарки.

В воздухе что-то завихрилось, загудело, атмосфера наполнилась запахом озона, а затем последовала внезапная вспышка яркого света.

— Привет, — сказал Эндезид распростертому на полу и нервно вздрагивающему Мотримону. — Я пришел... мм... мм-мм!

Пара завернутых в одеяла демонов, которая внезапно выпрыгнула из груды подарков, схватила божество за шею и быстро

утянула его в дымящуюся дыру в полу, так и не дав ему шанса особо поразглагольствовать.

Секунду спустя вся команда оценки брачного хаоса уже собралась в коридоре, отчаянно дрожа и грызя ногти. В их коллективном разуме преобладала одна-единственная мысль.

Кто-то, судя по всему, имел на счастливую парочку очень длинный и острый зуб — раз им пришлось столкнуться с таким неслыханным бесчинством.

Его бывшее высокопреподобие Елеус Третий сломя голову несся по сложной сети улиц, проулков и пробуренных скалодонтами проходов, каковую представлял собой Мортрополис, отчаянно гонясь за проповедником из Речистой Миссии. Сердце его бешено колотилось, пока он резко заворачивал за углы, бросался через перекрестки и слепо нырял вперед. Елеус знал, что ему позарез требуется догнать его высокобесподобие Брехли Треппа. Этот человек в сутане был его выходом наружу, его ключом к освобождению из этой сернисто-жгучей ямы отчаяния, его путем к перерождению.

Будь Елеус настоящим сделыщиком, тогда, возможно, ему не было бы в Уадде так скверно. Если бы он и впрямь продал душу за одно свое желание, может статься, он бы тут прижился. Однако Елеус по-прежнему оставался полностью лишенным всего, что хотя бы отдаленно приближалось к его заветной мечте — конгрегации.

Поистине это был скорбный обвинительный приговор состоянию религиозной веры в Объединенном королевстве Рингилла и Кранахана, из которого Елеуса так бесцеремонно выдернули, что никто даже ни разу не заскочил в часовню святого Маразма Регулярно Забываемого. Десятилетиями его высокопреподобие ждал хотя бы одного-единственного поклоняющегося, но безуспешно.

Все, чего ему теперь хотелось — это получить там еще один шанс. На сей раз все будет по-другому. Теперь Елеус уже не будет дожидаться, пока люди придут и постучат в двери его часовни. Нет, он выйдет наружу и сам их раздобудет. Да, именно так, его высокопреподобие пригонит их туда всем гуртом и лично затолкнет Благие Вести им в глотки, захотят они того или нет. В его

второе пришествие Елеуса будет очень сложно проигнорировать. Если ему теперь только удастся догнать этого Треппа...

Завернув за угол в узком проулке, Елеус пронзительно вскрикнул и резко остановился, когда черная сутана вдруг изверглась из тени и крепко схватила его за горло.

— Ты что, меня преследуешь? — злобно прорычал Трепп, прижимая Елеуса к дальней стене проулка.

— Нет-нет... э-э... вернее, да... но мне бы хотелось... — лопотал Елеус, чьи мысли совсем смешались от внезапного пережимания Треппом его дыхательного пути.

— Чего тебе хочется? — рявкнул Трепп.

— Э-э... хочется с вами, ваше преподобие, — с надеждой отважился на ответ Елеус. Ответ оказался не тот.

Трепп еще сильнее схватил бывшее его высокопреподобие за горло и нахмурился. За многие годы своего милостионерства он твердо усвоил тот факт, что в темных проулках всегда таится опасность. Да, он не был уверен, что эти темно-багровые проулки так же опасны, как те традиционные тени сумерек, к которым он привык, но лучше безопасность, чем запоздалое сожаление.

— Так зачем ты меня преследовал? — прорычал проповедник.

— Э-э... я хотел последовать за вами... вы понимаете, в каком смысле? — попробовал улыбнуться Елеус. Это тоже не особенно помогло.

Взглянув на рясу Елеуса, Трепп еще больше помрачнел.

— А что, тебя бросил предыдущий вожак? — осклабился он.

— Н-нет. Нехватка конгрегации... гм... послушайте, это длинная история, а мое горло немного болит. Вы бы не были так добры... — С тоской посмотрев на землю, Елеус поболтал ногами в манере, которая, как он надеялся, будет столь же многозначительной, сколь и внушающей симпатию.

Брехли Трепп хмыкнул и отпустил бывшее его высокопреподобие.

— Ф-фу, вы всегда так круто с новобранцами? — прохрипел Елеус, задумываясь о том, не будет ли для него уместен серьезный пересмотр собственных технологий обращения.

— Только с теми, которые преследуют меня в темных переулках. Так чего тебе все-таки надо?

— Я уже вам сказал, — обиженно надулся Елеус.— Я хочу последовать за вами. Видите ли, я уловил одно из ваших послед-

них хм-м... обращений... и почувствовал себя вполне вдохновленным, чтобы...

Несмотря на свои подозрения, Трепп внутренне улыбнулся.

— Насколько вдохновленным?

— О, в высшей степени!

— Настолько, чтобы пойти и купить себе полный комплект голубого Нужного Белья?

— Да-да-да, определенно, — залебезил Елеус.

— Тогда где он?

— Э-э... кто?

— Полный комплект голубого Нужного Белья, который ты так вдохновился пойти и купить?

— Ах, — уставившись себе под ноги, Елеус принялся ломать руки. — Ну, я поискал, но не смог ничего найти. Такие дела...

Лоб Брехли Треппа наморщился, точно у тяжеловесного борца-сумоиста, пока он угрожающе наклонялся вперед.

— Н-но я бы непременно его купил. Честное слово... — Елеус снова испробовал свою внушающую доверие улыбку.

— А как насчет пары «Цимбалических душеспасителей» Блинтона Клинта?

Елеус развел руками:

— Боюсь, эту часть обращения я пропустил, но ни секунды не сомневаюсь, что они чудо как хороши.

Брехли Трепп плюнул, развернулся и понесся дальше по переулку. Не было ни малейшего смысла тратить драгоценное время проповедования на этого шута горохового. Большие толпы — вот что ему требовалось. Трепп чертовски хорошо знал, что с удобного наблюдательного пункта высоко над увлеченной аудиторией, прикладывая куда меньше усилий, чем сейчас, он сможет обратить *сотни душ за одно мерцающее мгновение славы*.

На краткую секунду Елеус застыл в озадаченности, наблюдая за тем, как черная сутана властно уносится прочь, поднимая за собой клубы пыли. Что он такого сказал? Что сделал не так?

Затем его высокопреподобие внезапно опомнился и снова понесся за Треппом.

— Эй, погодите, я вам вот что скажу. Почему бы вам не рассказать мне про эти символические душители блин... этого самого. Уверен, я по-настоящему уверую, как только вы мне все-

все про них объясните. А? Пожалуйста, не могли бы вы хоть чуть-чуть помедленней?..

Стояло утро шмонедельника, когда жалкое шуршание пергаментной работы, которое то и дело сопровождали недовольные вздохи чиновников иммиграционного отдела Греховной службы, было вдребезги разбито грохотом копыт и пинком в дверь.

Словно только что принесенный каким-то ураганом скверны, Асаддам ворвался в дверь, высоко подбрасывая копыта от радости. Широкая восторженная улыбка, будто бы приклеенная к его физиономии, служила самым что ни на есть черным знамением.

— Бросьте все ваши дела. Немедленно! — проревел главный менеджер на всю инфернальную контору, наслаждаясь властными нотками в своем голосе. — Я сказал немедленно! — прорычал он, внезапно выбивая лавиковую ручку из лапы ближайшего чиновника убийственным взмахом когтей. Стопка пергамента, точно мертвая осенняя листва, каскадом посыпалась на пол. — Бросить все это! — рявкнул Асаддам, плотно размещая лапы у себя на бедрах. На его физиономии, точно маска хирурга, теперь надежно застыло недовольное выражение. — У меня для вас есть объявление. Сегодня пергамент умер! Следуйте за мной!

В задней части конторы Ублейр покачал головой и нервно сглотнул слюну. Звучало все достаточно скверно.

Асаддам резко развернулся и потопал к двери.

— Ну, вперед! — Кривой коготь главного менеджера заскреб по воздуху у дверного косяка, когда он поманил к себе чиновников. — Не бойтесь. Бросьте ваши лавиковые ручки и следуйте за мной! Немедленно! — Прикрыв пасть лапой, он тайком хихикнул, когда озадаченные чиновники встали и поплелись за ним, пожимая чешуйчатыми плечами.

Единственными звуками оставалось периодическое недоуменное бормотание, стук раздвоенных копыт и громкое шипение подпольного подогрева, пока Асаддам вел чиновников по лабиринту проходов вслед за стремительным спуском по лестничному колодцу — все глубже и глубже в недра страхоскреба Греховной службы. И все это время любопытство чиновников росло, подкармливаемое несгибаемой верой в то, что на повестке дня определенно стоит скорое знакомство с еще одним шедевром эффективности Асаддама.

В этом чиновники были совершенно правы, но что касалось того, насколько этот новый шедевр повлияет на их рабочие условия, то тут они катастрофически ошибались. Только Ублейр начал подозревать, что им предстоит увидеть, когда начал узнавать маршрут, которым их всех вели.

Побуждая иммиграционных чиновников резвее двигаться вперед и сильно смахивая при этом на какого-то дикого угольно-черного дудочника перед стаей рогатых крыс, Асаддам в конце концов остановился у надежно запертой сланцевой двери, злобно ухмыльнулся и повернул ключ. Тут Ублейр в тревоге аж содрогнулся.

Секунду спустя Асаддам исчез в темном интерьере помещения, с энтузиазмом маня чиновников за собой. Те послушались и стали гуськом проходить внутрь, не замечая двенадцати массивных ментагонов, которые в полном согласии с полученными инструкциями появились в коридоре и встали там в злобной готовности.

Ублейр не был в точности уверен, почему он это сделал, но тем не менее внезапно он упал на колени и на карачках устремился вперед, к еще более темному пятну меж двух обсидиановых блоков.

— Итак, джентльдемоны, — объявил Асаддам под покровом темноты, — у меня есть для вас маленький сюрприз, — он взмахнул лапой, потянул за рычаг, и помещение немедленно озарилось красноватым свечением лавовых ламп. Иммиграционные чиновники ахнули от удивления, когда перед ними вдруг оказались три массивных обсидиановых блока с гладкими боками.

Ублейр еще плотнее вжался в проем, утягивая свои копыта из поля зрения.

— А теперь крепитесь! — проорал главный менеджер Мортрополиса. — Вот оно, будущее! Конец работы, какой вы ее знаете! — Холодная жестокая усмешка скользнула по лицу Асаддама, когда он повернулся и крикнул: — Лолох! Врубай!

Откуда-то далеко сзади последовало хриплое подтверждающее кряхтение, и незримый для чиновников ученый врубил другие рычаги, перенаправляя потоки перегретой лавы в сторону внутренностей Кристаллических Анализаторов Лолоха.

Считанные секунды спустя сигнальная пульсация крошечных красноватых световых точек показала, что недавно смонтирован-

ные КАЛы готовы к работе и ожидают объектов для анализа. Пока лава струилась по замкнутым циклам внутри блоков, температура между ними стремительно нарастала. Вскоре Ублейр начал поджариваться.

— Добро пожаловать в новый Иммиграционный отдел! — усмехнулся Асаддам. — Вы стали свидетелями багряного рассвета новой эры эффективности. Отныне все соответствующие проблемы вечных мук новых клиентов будут решаться здесь. Мириады их самых различных подлостей и отвратительных преступлений будут оцениваться, соотноситься со вновь составленным перечнем злодеяний и с колоссальной эффективностью и идеальной безошибочностью переводиться в коктейль личностно определенных режимов мук. Никаких больше демонических ошибок! Ну как, нравится?

Последовало нервное шарканье копыт.

— Так нравится или нет? — осклабился Асаддам поверх шуршания лавы по трубопроводам.

— Это вызовет зависть всего Уадда, — залебезил один из более проницательных чиновников, пытаясь червем пролезть в то, что сходило у Асаддама за список хороших парней. — А все, что усиливает зависть и возбуждает ревность, должно встречаться с восторгом. Гип-гип...

В других, менее напряженных обстоятельствах Асаддам бы презрительно сплюнул от столь подобострастных комментариев. А прямо сейчас он жутко потел от жары и нервозности.

— Я так рад, что вы испытываете именно такие чувства, — ухмыльнулся главный менеджер, похлопывая по блестящей поверхности ближайшего КАЛа. — Я хочу сказать, было бы определенным несчастьем, если бы кто-то из вас лелеял сомнения касательно тех преимуществ, которые КАЛ принесет Мортрополису. Эти анализаторы уже сейчас могут принимать и обрабатывать в десять раз больше проклятых душ, чем вся ваша компания, вместе взятая, твердо определяя Мортрополис как подлинную уаддскую столицу мук. С таким скачком в эффективности Шейтану нас нипочем не догнать!

— Ур-ра! — выкрикнул более проницательный из чиновников голосом куда более уверенным, чем он сам.

Ублейр от всего сердца пожелал, чтобы у него была свобода лично воткнуть пару-другую когтей в эту подхалимскую глотку. Однако прямо сейчас мозг его грохотал от целого ряда тревожно-неловких

вычислений. С таким увеличением в транспорте душ не будет ли выявлен сопутствующий рост потребности в топливных ресурсах, чтобы обеспечивать должные уровни боли и страдания, которыми Мортрополис по справедливости был знаменит? Гнусно и самодовольно ухмыляющийся вопрос сам собой выплыл над горизонтом. Откуда поступит это дополнительное горючее? Почва под копытами у Ублейра вдруг показалась куда более шаткой, чем ему бы хотелось.

— Разумеется, — с почти мучительной небрежностью продолжил Асаддам, — ни одно из этих достижений не стало бы столь необходимым, если бы не ваши текущие уровни рабочей... гм... эффективности. А потому именно с этими соображениями в голове я рад объявить вам о ваших новых постах. Отныне вы будете использоваться в качестве постоянных поставщиков вещества.

«В качестве кого?» — мысленно запаниковал Ублейр.

— На эти посты вы заступите незамедлительно! — объявил главный менеджер с отчетливой ноткой наслаждения, которая, как давно уже уяснил для себя Ублейр, непременно предвещала беду. — Стража! — яростно заорал Асаддам.

И тут Ублейр мгновенно понял, что он был прав. По зову начальника двенадцать массивных ментагонов роем ворвались в помещение и огненными взорами уставились на бывших чиновников Иммиграционного отдела.

— Если вас не затруднит отправиться за этими джентльдемонами, они сопроводят вас к вашему новому месту работы, — произнес Асаддам в манере, которая неким образом делала невозможным любой отказ.

— Э-э... только один вопрос, — заикнулся единственный разговорчивый чиновник. — Какое именно вещество мы будем поставлять?

Ублейр на секунду испытал к гнусному лизоблюду благодарность. Достаточно скверным было известие о том, что Иммиграционного отдела больше не существует, — но незнание того, что такое «местные поставщики вещества», сводило его с ума от жгучего любопытства.

Ублейр почти расслышал, как Асаддам буквально затрясся от злобного восторга, когда ему задали тот самый вопрос, на который ему так хотелось ответить.

— Ну, это будет зависеть от того, в какой именно части рудников вы в конечном счете окажетесь.

— Рудников? — одними губами прошептал чиновник в приступе дикой паники, а Ублейр — отчаянного облегчения.

— Да, рудников. Если еще точнее — Узбасских рудников лавы и серы. Вам это может показаться странным, но лава и сера поступают именно оттуда, — осклабился Асаддам, сочась педантичным сарказмом и наслаждаясь каждым мгновением этого массового перевода по службе.— Меня, говоря откровенно, не очень интересует, что именно вам выпадет поставлять.

— Подождите минутку! Не можете же вы просто так переправить нас в Узбасс... — запротестовал чиновник.

— Да? В самом деле? Не могу? — Асаддам подался вперед, словно бы живо заинтересовавшись. — Это еще почему?

— У меня... э-э... у нас есть контракты на работу в Иммиграционном отделе и...

— Ах ну да, конечно, прямо сейчас это создает определенное препятствие. Но видите ли, какое дело. Иммиграционного отдела больше не существуют — так что все ваши контракты не стоят ломаного обола.

— Но нас ни о чем таком не предупредили!

— Обо всем этом было объявлено еще в прошлом месяце по инфернальной почте. Я послал вот это уведомление, очерчивая в нем все детали... — Главный менеджер вытащил из кармана клочок пергамента и победно помахал им перед толпой бывших чиновников. — Все, что вам нужно знать, здесь ясно сказано и... Ах проклятье, как же это неловко с моей стороны. Кажется, я все-таки забыл послать его по почте. Но ничего-ничего, не волнуйтесь. Не теряйте присутствия духа. Узбас в это время года — чудесное местечко, просто курорт. Вы непременно его оцените, как только привыкнете к вони и жаре, а также предельно мучительным условиям труда. Короче говоря, наслаждайтесь там как можете! — Тут Асаддам щелкнул своим заостренным как стрела хвостом, давая команду, и двенадцать ментагонов, оскалив клыки, двинулись вперед, угрожая бывшим чиновникам здоровенными дубинками. Буквально обтекая эффективностью, ментагоны согнали своих клиентов в плотную кучку и в удвоенном темпе погнали их прочь из вычислительного зала.

Якобы вдруг оставшись в одиночестве, в относительной тишине рабочего помещения, Асаддам запрокинул голову и оглушительно расхохотался. Вот она, эффективность! Причем именно

такая, какой он ее обожал! Идеальное оправдание предельной жестокости!

А теперь настала пора отправляться на берега реки Флегетон для введения второй очереди его блестяще интегрированной автоматической системы обработки проклятых душ.

Последовал краткий стук копыт, и Асаддам убрался из зала с аппаратурой, не оставляя позади себя ничего, кроме инверсионного следа победного гогота, а также до смерти перепуганного Ублейра.

Все божества за Верхним Столом в «Манне Амброзии» дружно глазели на тяжело перегруженную священную тележку с подогревом и считали число оставшихся там тарелок. Ангельская официантка припорхала к тележке и нервно распушила крылья. Итак, опять произошло то же самое. Снова оказались невостребованные порции. Быстро и предельно скрытно официантка оглянулась через крыло на остальные столы и испустила вздох облегчения. По крайней мере, это было не ее виной — перед каждым божеством, нежно дымясь, стояла славно нагруженная тарелка.

А с одного из нижних столов не на шутку перепуганное божество наблюдало за разворачивавшейся сценой, охваченное отчаянным признанием своей вины. «Станут ли меня винить за пустые сиденья?» — нервно размышлял Мэтр д'Отель. В его обязанности входило провожать вновь прибывших на их места, но было ли его упущение в том, что кто-то не объявился?

— Семь? — пробормотал Схрон за Верхним Столом.— Все еще хуже становится! Где они, очень хотелось бы мне знать?

— Где-то еще, — с готовностью откликнулся Огдам.

— Что? Где-то еще? Но они просто не могут питаться где-то еще. Нет никакого «где-то еще».

Уши Мэтра д'Отеля силились услышать, о чем идет разговор. Не винили ли они его?

— Возможно, они вообще не питаются, — предположил Огдам.

— Что? — оскорбленно рявкнул Схрон. — Не питаются? Что вы имеете в виду?

— Э-э... возможно, они на диете.

Схватившись за голову, Схрон пронзительно завопил:

— Не смейте об этом говорить! Даже думать не смейте!

Если было что-то, что по-настоящему пугало его и раздражало, так это сидение на диете. Для Схрона это была подлинная пощечина. Умышленно отказываться от еды? Да это же просто извращение!

«И все же, — подумал Схрон, глазея на семь тарелок с дымящимися кушаньями, — одно божество на диете — это добавочная порция для другого». Сегодня, на второй день событий, он опять получит желанную добавку. Ухмыляясь, Схрон поднял вилку и уже собрался было воткнуть ее куда надо.

Но тут предобеденная тишина оказалась вдребезги разбитой одним меньшим божеством, которое вдруг вскочило на ноги и высоко вскинуло руку.

— Я в этом не виноват! — в неистовой панике выкрикнул Мэтр д'Отель. — Если они не объявляются, нельзя ожидать от меня, чтобы я их препроводил к нужным местам, ведь так?

Вилка Схрона задрожала на полпути.

— На самом деле, — писклявым голосом продолжил Мэтр д'Отель, — меня следовало бы поблагодарить за то, что все соответствующие места как полагается заполнены теми, кто объявился. Непросто, знаете ли, день за днем прилаживать задницы к креслам...

Схрон уставился на свой стынущий ленч, и его желудок угрожающе зарычал.

— Сейчас не время обсуждать отсутствие определенных членов нашего... гм-м... коллектива. Поднимите этот вопрос позже, хорошо? Скажем, во время обсуждения «Прочих вопросов».

Тут еще одно божество вскочило на ноги.

— Это следует п-проделать по другой оказии, поскольку т-текущая сессия уже расписана п-по столам и п-по минутам, — выпалил Херокс, ответственный за календарное планирование, собрание и наиважнейшие встречи. — Х-хотя, если поднять это как н-неотложный вопрос, требующий н-немедленного внимания, такой вопрос м-можно будет обсудить уже на следующей н-неделе. Р-разумеется, должны будут быть задействованы с-соответствующие каналы...

Схрон буквально истекал предвкушением своего ленча, а его вилка по-прежнему парила в воздухе.

— Давайте потом с этим разберемся, — уныло пробормотал он.

— Р-разумеется, мы могли бы поднять этот в-вопрос на «Внеочередном с-собрании» после ленча, но это б-будет означать изменение в р-расписании обсуждения «Прочих дел». П-подоб-

ное изменение должно п-подвергнуться обсуждению на открытом с-собрании в первоочередное время, чтобы его затем м-можно было осуществить на следующем с-собрании по «Расписанию повестки дня», — упорно закончил Херокс.

Голод и гравитация сделали с вилкой Схрона свое дело. В одном плавном движении она по дуге понеслась к его политой нектаром пицце, а затем рванулась назад, к истекающему слюной рту.

Прямо сейчас Схрону было глубоко плевать, где находятся семь других божеств, оказавшиеся в самовольной отлучке. Рано или поздно они снова объявятся. По сути, если к их нестройным рядам присоединится еще пара-другая, это только пойдет на пользу пищеварению всех оставшихся.

Херокс тем временем продолжал толкать бюрократическую речугу, адресуясь к внезапно лишившимся слуха ушам жадно пожирающих свой ленч богов.

Алкан нервно потер подбородок и стал с надеждой прикидывать, что там происходит с его Индикатором Веры. Горел ли он в данное время ярко-лучистым рвением тысяч обращенных душ?

Затем Алкан неловко заерзал в кресле. Но не была ли его схема разгадана? Не проболталась ли пара охочих до пива ангелиц из Парангельской службы насчет исчезновения недавно усопшего Брехли Треппа? И не могли ли эти самые семь божеств все это дело расследовать?

Прожевывая свою пиццу, Алкан отчаянно надеялся, что он ошибается.

Вихри плотного дыма кружились вслед за хлопающей полой сутаны Брехли Треппа, пока он безостановочно шагал по бесконечным проулкам Шанкера, деловой части Мортрополиса. Елеус скользил у него в кильватере, семеня вдвое чаще, чтобы поспеть за властно-широкими шагами Треппа.

— Послушайте, я ведь и правда могу поверить вам как любая другая душа, клянусь, — ныл бывшее его высокопреподобие. — По сути, я даже могу еще лучше поверить.

— Прочь от меня!

— Нет-нет, продолжайте. Велите мне поверить в то, что черное — это белое. Уверен, я смогу. Просто испытайте меня.

— Пр-рочь!

— Э-э... какая сейчас на вас чудесная белая сутана. Что за роскошный наряд! Необыкновенно стильный! Просто белоснежный, но никакая грязь на нем совершенно не проявляется...

— Пр-рочь!

— И разве вы на самом деле не обожаете всех тех белых демонов, которые вон там роют копытами землю?..

Тут Елеус проворно юркнул за резкий поворот, энергично семеня в двух футах позади раздувающейся сутаны Брехли Треппа.

Эндезид с трудом вырвался из-под большого одеяла, откашлялся и в полном смущении огляделся. Волосы его были дико взъерошены. Впереди, на грубо высеченных стенах пещеры виднелись лавовые лампы. Шесть смутно знакомых лиц одарили нового гостя Уадда напряженным вниманием. Одно из них, с застывшим на нем смешанным выражением ужаса и восторга, вовсю глазело на беспорядок прически Эндезида и прикидывало, сколь мощный стилистический потенциал там содержался. Наконец, не в силах совладать с собой, Нивейя метнулась через пещеру, изящным жестом прихватывая со стола древнюю костяную расческу.

— Что это еще за?.. Где я? Что происходит? — возопил Эндезид и попытался сесть прямо. — Прочь от меня! — рявкнул он на Нивейю.

— Это курс менеджмента, друг сердечный. Добро пожаловать на борт, — авторитетно прохрипел Стапель, по-прежнему в своей тыквенной пижаме.

— Что? Какой еще курс? Оставьте мою челку в покое!

— Курс менеджмента, кореш, — подтвердил Туммак.

Эндезид помотал головой к великому неудовольствию Нивейи, которая раздраженно нахмурилась и отвесила ему подзатыльник.

— Отвалите. Нет, этого просто не может быть. Меня призвали благословить подарки на какую-то свадьбе в Аксолотле...

— Нет смысла рассказывать, что было дальше, коллега. К вам, подобно шквальному шторму, подкрались сзади, связали и утащили вниз по дыре. Следующее, что вы узнали, — это что вы уже здесь.

— Откуда вы это знаете? — залопотал Эндезид, глядя на увенчанное фуражкой божество из-под непрестанно елозящих рук его добровольной парикмахерши.

— Если не считать нескольких смутных деталей, курс каждого из нас проходил по тому же маршруту.

— Что? — воскликнул Эндезид, и на его божественной физиономии мелькнуло выражение паники.

— Ах, дорогуша, все это совсем не так скверно,— заверила его Нивейя, отступая на шаг и наслаждаясь зрелищем своей работы. — По сути, обслуживание здесь некоторым образом даже лучше. Конечно, еда не так хороша — но нельзя же требовать всего сразу. Так-так, еще немного завить на макушке, я полагаю. Вам кто-то когда-нибудь говорил, какое несравненное наслаждение заплетать ваши волосы в косички?

— Э-э... нет... прекратите, пожалуйста, ерундой заниматься, — равнодушно отозвался Эндезид и снова повернулся к Стапелю: — Но почему именно мы? Что мы такого сделали? Чем заслужили?

— Ничего особенного. Мы просто оказались в ненужном углу в ненужное время. Я так прикидываю, мы еще только первые счастливчики, — с довольно жалким видом проворчал Тумак.

— Но за что? Что мы такого сделали? — брызгал слюной Эндезид. Смущение все нарастало, ответы вызывали еще больше вопросов.

— А вы не обратили никакого внимания на недавнюю речугу Ромсдела? — осведомился Стапель, который, раз уж он был здесь дольше всех остальных (за очевидным исключением сгинувшего невесть куда Брехли Треппа), набросил на себя мантию вожака. А кроме того, как он уже указал другим захваченным божествам, только у него одного имелась фуражка. Вождь непременно должен был носить фуражку. Иначе по мореходным понятиям все выходило неправильно.

Эндезид снова покачал головой и получил очередной резкий подзатыльник от вовсю шурующей божественной парикмахерши.

— Какую речугу? Я... э-э... наверно, меня тогда призвали на очередную работу. В последнее время свадьбы, знаете ли, просто рекой текут. И между прочим, так всегда бывает. Целые века почти ничего, а потом вдруг — шурр, бурр, одновременно целые дюжины. Странное дело, но это как-то связано с весной. Не понимаю, что в весне такого особенного...

— Гормоны, — охотно предложил объяснение Бандаж.

— Что? Так здесь, значит, о гормонах весь разговор? — забормотал Эндезид, снова полностью теряя нить и решая, что ему с самого начала следовало делать заметки в своей божественной стираемой записной книжке.

— Да нет же, — прорычал Стапель. — У этого самого Ромсдела возникли кое-какие замечательные идеи на предмет того, как лучше научить нас работе...

— И вы прикидываете, это одна из них?

— Ну конечно же, дорогуша, — вмешалась Нивейя. — И это так славно! Иначе разве получила бы я наслаждение пробегать своим гребнем по вашим чудесным кудряшкам? Вы, между прочим, знали о том, что у вас тут несколько волосков секутся? Не думаю, чтобы за последние тридцать столетий я вам хоть раз делала укладку. Ведь не делала же?

— Нет, не делали, — ворчливо подтвердил Эндезид.— Итак, с нами здесь все в порядке. Но что нам предполагается делать, а?

— Ах, дорогуша, тут-то вся и загвоздка, понимаете? Головку немного вперед. Вот-вот, так лучше, — ответила Нивейя с полным ртом шпилек.

— Какая загвоздка? — прохрипел Эндезид, чей подбородок оказался неловко вжат в грудную клетку.

— А вот об этом мы понятия не имеем, — признался Стапель. Ветер, похоже, испарился из его парусов.— И никто, судя по всему, не собирается что-то нам об этом сказать.

— Вот и приплыли, — прохрипел Эндезид. — В этом-то вся и соль, — вконец раздосадованный, он откинул руки Нивейи в сторону, и сложная косичка трагическим образом расплелась.

Шесть физиономий с разной степенью волосатости вопросительно на него уставились.

— В чем? — хором спросили божества.

— В том, чтобы научить нас принимать решения. Вот зачем мы здесь. Разве это не очевидно?

Озадаченное молчание ясно сказало Эндезиду, что это вовсе не очевидно.

— Гм... решения. Решения. А знаете, может, оно и так, — размышлял Стапель, задумчиво потирая подбородок. — Мы могли бы поднять эту мысль на мачту и посмотреть, как она там развевается, хотя...

— По-моему... что ж, возможно... — прохрипел Бандаж, сосредоточенно возясь со своими большими пальцами.— Звучит малость поспешно, не правда ли? Зато радикально.

— А вот я не уверен...

— Это вроде как не очень-то и...

— Разве нас надо этому учить?

Нерешительные и неэффективные замечания божеств одно за другим наполняли пещеру.

— По-моему, это как раз и есть ответ на мой вопрос, — укорил их Эндезид.

— А по-моему... — начал было Стапель, но тут его перебило грубое копыто, пинком распахнувшее дверь. Вслед за этим два дьявола затащили в пещеру еще одну завернутую в одеяла фигуру.

Почти небрежно Бубуш и Ублейр швырнули свою последнюю добычу в другую сторону помещения, и Бубуш исчез на кухне, чтобы по-быстрому треснуть еще одну чашку с лавой.

— Говорю же тебе — у нас времени нет, — жалобно заныл Ублейр, когда дверь захлопнулась, и он театрально растянулся на своем мешке с галькой. — Я слышал, что слышал! Если Асаддам продолжит в таком же темпе, Мортрополис к концу недели совсем опустеет. У нас нет времени раздобывать еще две-три штуки или сколько тебе там нужно. А кроме того, я уже вроде как от всего этого устал. Тяжелая это работа. Не так легко богов похищать...

— Заткнись, прыщ, — прорычал Бубуш с кухни, пока их последняя жертва выпутывалась из одеял и потрясенно озиралась, разглаживая свои капитально измятые одежды.

— Ах, дорогие мои, — простонал вновь прибывший Шармани, уполномоченный по заявлениям о моде, стилю одежды и декора. — Не смотрите на меня. Прошу вас, не смотрите! Я просто в ужасном состоянии!

Действительно, пушинки древнего одеяла прилипли к его индивидуально пошитой тоге. И Шармани отчаянно пытался все эти пушинки с себя снять.

— На этот счет не волнуйтесь, — утешил его Эндезид. — Лучше воспользуйтесь вот этим! — Он достал из-под складок тоги небольшую щеточку и передал ее Шармани. — Просто стряхните все эти неприглядные пушинки за считанные секунды. Вот,

пожалуйста! Эта щеточка, между прочим, также удаляет нежелательные носовые волоски, собирая их в удобное, легко очищаемое отделение.

Шармани вздрогнул, заприметив Стапеля, облаченного в тыквенную пижаму и с фуражкой на голове. Неужели у него совсем не осталось никакого чувства прекрасного? Тыквы уже четыре столетия тому назад вышли из моды. Сейчас на всех пижамах должны быть изображены плоды авокадо.

Пижама с авокадо — или совсем ничего! Впрочем, Шармани искренне порадовался тому, что это не был последний вариант.

Совершенно внезапно, прежде чем Шармани получил возможность изложить свои соображения касательно последних тенденций моды, дверь кухни резко распахнулась, и оттуда с двумя пенящимися чашками лавы вывалился Бубуш.

— Давай, тресни, — прорычал он и протянул одну чашку Ублейру. За один глоток чашка опустела.

— Надо начинать поскорее, иначе мы тут совсем одни останемся, — снова завел свое Ублейр, вытирая пасть тыльной стороной чешуйчатой лапы. — Восьми штук хватит, разве нет?

Бубуш раздраженно фыркнул, вытянул из ящичка секретный пергаментный документ и быстро пролистал его щипцами.

Озадаченные божества подняли взгляды, задумываясь, не могло ли это на самом деле быть частью их курса по принятию решений. Не могла ли это быть наглядная демонстрация того, как это следует делать?

Бубуш внимательно просмотрел каждый из дымящихся листов пергамента, сверяясь и прикидывая. А затем он наконец вытащил единственный довольно приблизительный набросок карты Мортрополиса.

— Ну что? — приставал Ублейр. — Мы уже достаточно их собрали? Мои копыта просто меня убивают. Там такая холодрыга и к тому же...

— Заткнись, я думаю, — рявкнул Бубуш. — Если допустить, что каждое из божеств выдает по меньшей мере тот же объем святых волн, что и средний полевой вариант противопехотной святыни, тогда... тогда, согласно этой карте, нам нужно еще четыре штуки. Видишь, вот здесь? Карта указывает двенадцать конкретных мест, где следует развернуть противопехотные святы-

ни. Таким образом, чтобы запустить эффект Доминума, нам нужна стратегически размещенная дюжина божеств.

— Еще четверо? — взвизгнул Ублейр. — Да нам целые века потребуются, чтобы их добыть! У нас нет времени. Послушай, эти твои планы предполагают, что Мортрополис полон демонов. Но если мы еще какое-то время тут проторчим, то весь местный народ окажется в Узбасе на рудниках!

— То, что ты сам едва там не оказался, вовсе не означает, что...

— Мы должны торопиться, я точно тебе говорю. Время сейчас...

— Здесь говорится, что для максимального эффекта нам нужна дюжина. Стало быть, дюжину мы и раздобываем. Усек?

— А тем временем Асаддам отправит всех на рудники! Какой смысл будет пытаться запустить процедуру вынесения вотума недоверия, когда не останется никого, кто смог бы это самое недоверие оказать? — брызгал слюной Ублейр, пытаясь прикинуть, не отменяют ли друг друга все эти двойные отрицания.

— Да, но здесь есть мы. И еще повелителя скверны д'Авадона не забывай! — Бубуш щипцами схватил со стола пергаментную карту и энергично ею помахал. — Здесь ясно сказано — развернуть двенадцать противопехотных святынь и дать им сработать! А потом — трах-тибидох, все узрят Свет, и тут как раз вступаем мы!

Лицо Ублейра упало, когда тревожное понимание все-таки до него дошло.

— Так мы развернем двенадцать противопехотных святынь?

Бубуш кивнул и с энтузиазмом указал на карту развертывания, очерчивая лапой самый быстрый маршрут.

Ублейр очень медленно покачал головой:

— Терпеть не могу мочиться в чей-то костер, особенно в наш собственный и столь грандиозный, — но на случай, если это ускользнуло из твоего поля зрения: ни одной противопехотной святыни мы так до сих пор и не получили.

— Дьявол, я ведь уже все тебе объяснил. Ты что, хвостом слушал? — Бубуш махнул лапой в сторону группы божеств позади себя. — Тут все дело в святых волнах. Эти наши приятели так же хороши для производства достаточного объема святых волн, чтобы получить желаемый...

— Да, но в том случае, если ты не заметил, — у них ноги имеются, — пробормотал Ублейр, дивясь тому, почему он раньше об этом не подумал.

— Ну и что? — пожал плечами Бубуш.

— А то! Ты что, правда собрался довериться им в том, что они станут стоять в тех местах, которые ты им укажешь? Да они просто оттуда смотают, клык даю! — воскликнул Ублейр, с дрожью видя, как весь план начинает рушиться прямо перед его мысленным взором.

— Ну... гм... значит, мы их там просто привяжем,— отмахнулся Бубуш, внезапно начиная испытывать сильнейшую неловкость.

— Да-да, конечно, очень хорошо. И ты всерьез думаешь, что никто не заметит дюжину божеств, которые вдруг ни с того ни с сего оказываются привязанными на уличных углах? А тебе не кажется, что у кого-то в Ментагоне появится самая капелька подозрения?

— Э-э... мы можем их замаскировать, — неубедительно предложил Бубуш.

— Ты что, совсем спятил? Просто не знаю, как ты меня на это подбил.

— Я тебя на это подбил? Ты сам ко мне пришел, разве не помнишь? — прорычал Бубуш, гневно щетинясь.

— Я оказал тебе услугу. Не говори мне, что ты там своими исправительными работами наслаждался. Если бы не я, ты бы по-прежнему дерьмо носом рыл, — Ублейр вскочил на копыта и встал в каком-то дюйме от Бубуша, громко рыча.

— Лучше бы мне эта проклятая карта вообще на глаза не попадалась! — сквозь сжатые клыки процедил Бубуш, чувствуя прилив разочарования. — До этого жизнь складывалась куда проще! — В приступе раздражения он швырнул пергамент в другой конец пещеры.

Документ дико закрутился, совершил петлю, после чего заскользил прямо под ноги восьми захваченным божествам.

Тут же из-под озадаченно приподнятых бровей на него уставились четырнадцать глаз. Нивейя с прищуром разглядывала бороду Шармани и прикидывала, как бы ей получше расположить несколько специально выделенных клочков.

— Это что, нам? — прошептал Стапель, указывая на карту.

— Полагаю, да, — отозвался Эндезид, с подозрением глазея на пергамент сквозь специальный театральный бинокль, который ему как раз случилось достать из-под складок тоги.

— Вы уверены? — смущенно спросил Драпак. — Я хочу сказать, никто ведь не предлагал нам на это смотреть, разве не так? Они могут обидеться, если мы станем слишком уж пристально эту штуку разглядывать. Я с ними в драку ввязываться не хочу.

— Я тоже, — поддержал его Шармани. — У этих парней такие когти, что они мне запросто тогу порвут.

— Ничего-ничего, посмотрим, — прорычал Туммак.— Мне бы лично небольшая потасовка не помешала. Мне уже слишком давно не доводилось хорошенько разминать кулаки.

— Они не стали бы так просто бросать эту штуковину сюда, если бы на самом деле не хотели нам ее показать, разве не так? — резонно спросил Стапель.

— Это точно. Кроме того, никто не говорил, что нам нельзя на нее смотреть, — согласился Эндезид.

— Но разве именно этот вопрос здесь самый главный? — спросил Шармани, внезапно проникаясь духом предполагаемого курса менеджмента. — Является разглядывание этого документа само по себе неким уроком или речь здесь идет о коллективном процессе принятия решения о том, разглядывать нам его или нет? Взирать иль не взирать — вот в чем воп...

— Да заткнитесь вы, — прохрипел Стапель, прежде чем сделать шаг вперед, нагнуться и внимательно вглядеться в карту развертывания противопехотных святынь. Секунды спустя Эндезид и Туммак присоединились к нему. В коллективном замешательстве божества задумчиво потирали подбородки.

— Что это может означать? — спросил Стапель, пока любопытство понемногу начинало пересиливать и остальных пять божеств.

Туммак пожал плечами, озадаченно хмыкнул, и внезапно все остальные тоже не выдержали. Все восемь божеств с энтузиазмом склонились над листом шипящего пергамента, тесно вокруг него сгрудившись.

И тут стали происходить странные, совершенно неожиданные вещи.

Пурпурные языки святых волн, что парили у них над головами, переплелись и отскочили друг от друга, после чего принялись

сталкиваться со все новыми и новыми. И по мере того как все больше святых волн туда нагнеталось, в воздухе над восемью божествами ярко засияли нимбы пурпурного благочестия.

Святынеискатель бешено задергался, шумно гремя, пока он скользил по столу прочь от синергически усиливающейся ауры святых волн.

Бубуш удивленно вскрикнул, когда святынеискатель упал на пол и резко скользнул к стене, словно его туда отшвырнули. Затем глаза демона переметнулись в то место, откуда святынеискатель оказался отброшен. И щелки его зрачков потрясенно расширились.

Пурпурное облако, что парило над восемью божествами, ярко светилось и зловеще потрескивало. Загадочным образом в воздухе запахло ладаном и недавно потушенными свечами. А затем, как раз когда Стапель нагнулся, чтобы повнимательнее взглянуть на пергамент, облако еще больше расширилось, задрожало и выплюнуло на пол язык пурпурного пламени.

Шокированные божества отпрыгнули в разные стороны, и облако мгновенно исчезло.

Бубушу потребовалось добрых пятнадцать минут, чтобы закрыть рот. После этого он, серый как мышь, повернулся к Ублейру и хрипло прошептал:

— По-моему, у меня есть план.

А незримые в дымящейся яме в полу пять тысяч крошечных шлаковых жучков тем временем обнаружили религию и уже строили планы на предмет построения монументального гнезда, посвященного исключительно недавно увиденной ими пурпурной вспышке света, которую они посчитали воплощением божества Ихора, иначе известного как Шлаковый Шахтер. Разумеется, было в высшей степени вероятно, что они глубоко заблуждались. Но что с того — жучки были счастливы. На данный момент.

Река Флегетон с хлюпаньем несла свои булькающие воды сквозь недра Мортрополиса, блаженно не сознавая важного значения странной пары специальных желтых кабинок, которые загадочным образом появились на ее берегу. Река также не обращала ни малейшего внимания на подозрительно наблюдающую за кабинками толпу паромщиков, которые подвели свои паромы к тому же самому

берегу. За последние два дня эти паромы не перевезли ни одного законного пассажира, отправившегося в свой последний вояж.

Однако все это вот-вот должно было перемениться.

Первым намеком на это стал стук грохочущих копыт, когда первоклассная команда могучих ментагонов гуртом погнала кучку очень-очень бывших иммиграционных чиновников прямиком к реке.

Драгодил, вожак ментагонов, быстро прошагал по речному берегу к собравшимся паромщикам.

— Запускайте ваши двигатели инфернального сгорания! — угрожающе приказал он.

Капитан Нагльфар скучающе поднял взгляд.

— А чего ради? — проворчал он, не вынимая из пасти рыгающей дымом трубки. — Никаких достойных клиентов все равно нет.

— Запускайте моторы, говорю!

Нагльфар вынул трубку из пасти, в самой что ни на есть раздражающей манере поковырял в одном из сотен своих разнообразных клыков и спросил:

— Зачем?

Драгодил фыркнул.

— А затем, что вашими паромами командую я, — властно оскалился он.

— Что? — возмутился Нагльфар, наконец-то вскакивая на копыта. — Ты не вправе...

— Вправе, — с чувством зловредного удовлетворения осклабился Драгодил. — Я меня есть приказ Асаддама.

Тогда Нагльфар снова махнул скучающей лапой:

— Ха! Так это все Асаддам! Тогда позволь мне просто тебе напомнить, что мне и этим ребятам надо здесь заниматься делом, — на тот случай, если ты не заметил. Почему твой Асаддам решил, что он может запросто кататься по Флегетону, не платя по текущему тарифу?

Драгодил подался поближе к Нагльфару и угрожающе на него уставился.

— А у тебя нет никаких предположений на тот счет, куда отправляются эти пассажиры? — прорычал он.

— Нет. Зато у меня есть странное чувство, что ты хочешь мне об этом рассказать, — ухмыльнулся Нагльфар сквозь облако воинственно выдохнутого дыма. Похоже, все это дело должно было перейти в славный спор, а как законно избранному предста-

вителю Гильдии подземных паромщиков по спорам, ругани и прочим разборкам Нагльфару полагалось уметь раскатывать подобные споры на их максимальную длину — за полный дискуссионный гонорар плюс дополнительные издержки.

Вожак ментагонов с отвращением фыркнул и продолжил.

— Они отправляются в Узбас, — со значением прорычал он.

— А чего ради им туда отправляться? Что, у Иммиграционного отдела сегодня выходной? Там, кроме старого заброшенного рудника, ничего интересного...

— Ошибаешься. Он уже не заброшенный, — что-то во взгляде Драгодила ничего хорошего никому не предвещало. — И это поездка в один конец, — с раздражающе радостной ноткой в голосе добавил ментагон.

Ужасное понимание мелькнуло по сморщенной физиономии Нагльфара.

— Ты хочешь сказать, их туда шахтерами определили?

Драгодил оскалился, очень медленно кивая.

— Думаю, ты бы обнаружил, что паромный бизнес вести очень тяжело, если бы тебе случайно пришлось к ним присоединиться. Так, нет?

Нагльфар неохотно кивнул и выдал целую серию сложных жестов остальным паромщикам. Споры были одно дело — они представляли собой просто профессиональную забаву. А вот с готовностью подкрепляемые угрозы от вожака ментагонов были дело совсем другое. Это требовало совершенно конкретной тяги за рога и немедленных действий.

Минуту спустя клубы грязного черного дыма уже извергались к страхосфере, пока паромы выхаркивали хтонические дымоуглероды из своих переполненных грязью легких.

Как раз когда двигатели инфернального сгорания были запущены, невысокая фигура в развевающейся сутане появилась из крошечного бокового проулка, мгновенно остановилась и резко осадила назад. Не ожидавший этого Елеус врезался Брехли Треппу в спину и, споткнувшись о его сутану, упал.

— Зачем же вы так делаете? — заныл он, поднимаясь. — Могли бы предупредить меня, что собираетесь так внезапно остановиться...

— Тихо! — хриплым шепотом рявкнул Трепп, пригибаясь пониже и оглядывая берег реки. Ноздри его дрожали, пока он лихорадочно нюхал воздух — точно вампир с подветренной стороны от непорочной девственницы лунной ночью. В сумраке проулка зубы миссионера блеснули, когда он ухмыльнулся, почуяв в собранных гуртом демонах колоссальный потенциал обращения.

Трепп понял, что просто должен туда добраться. Куда бы эти демоны ни пошли, он намеревался последовать за ними. Миссионер выпрямился, быстро огляделся, спланировал идеальную цепочку смутных теней между проулком и своей целью, после чего без всякого предупреждения рванул вперед.

— Эй! — воскликнул Елеус, пускаясь было за Треппом. Но затем заметил на берегу массу ментагонов, запаниковал и заторопился назад в тень проулка. — Вернитесь,— громким перепуганным шепотом позвал он. — Вам туда нельзя. Там опасно!

Заметный только для Елеуса, его высокобесподобие Брехли Трепп скользил вдоль берега реки, то и дело ныряя в тень и появляясь оттуда, ведомый неудержимым стремлением распространить самую малость Благих Вестей среди этих угнетенных демонов. Богатый опыт подсказывал ему, что чем более угнетенной была аудитория, тем большее рвение проявляла она к тому, чтобы уверовать во что-то лучшее. Глядя на всю эту массу, Трепп не сомневался, что получил бы стопроцентное обращение всего лишь за несколько минут избранной речевой обработки. Алкан был бы доволен.

А кроме того, тут имелось дополнительное преимущество в виде сбрасывания с хвоста этого кретина Елеуса. Какое облегчение!

Охваченный внутренней дрожью предвкушения и восторга, Брехли Трепп ловким взмахом кисти отцепил от ближайшего крюка подходящую веревку и оглянулся через плечо. Затем, закрыв глаза, метнулся через узкую полоску бурлящей черной реки и приземлился прямиком на палубу ближайшего парома.

Секунды спустя он спрятался под объемистым запасным парусом и лег там, прислушиваясь к тому, как копыта маршируют по сходням, подгоняемые криками ментагонов и ударами их подобных кнутам хвостов.

Как раз когда первый из командированных паромов с рыганием вышел в вязкий поток Флегетона и приступил к депортации

головной партии бывших иммиграционных чиновников, пара демонов притопала на берег и быстро прошагала к двум желтым кабинкам. Кучка предельно угрюмых на вид дьяволов, которая явно их поджидала, взяла наизготовку заранее заготовленные плакаты.

Со всплеском страха понимая, что Асаддам пришел слишком рано, Драгодил резко развернулся и потопал по курсу перехвата. У него за спиной еще три парома скользнули в реку и начали пропахивать свой путь к Узбасу.

— Все паромы загружены, как было приказано, — четко отдав честь, доложил Драгодил. — Мои заместители мгновенно откроют рудники и введут их в работу.

— Пусть они откроют их еще быстрее, — прорычал Асаддам. — Каждый день, когда нам приходится платить Шейтану, — это загубленный день. И я вообще ненавижу тратить оболы! — Прошагав еще несколько футов к желтым кабинкам, главный менеджер гордо оскалился. За каждым его шагом бдительно наблюдала группа чиновников Ориентировочного отдела. Все последнее время, наблюдая за тем, как под соответственно усиленной охраной строились специально укрепленные уродливые кабинки, эти демоны только и делали, что бессильно дымились.

С другой стороны, последние пару дней им просто больше нечего было делать. С тех самых пор, как поток проклятых душ в Мортрополис совсем иссяк, им уже некого было ориентировать. Работа ориентировочных чиновников заключалась в том, чтобы хватать мучимые души после того, как их вышвыривали с паромов, произвольное время их колошматить — пока те не признают незыблемую справедливость прописанных им вечных мук,— после чего стадом гнать до прославленной арены страдания. Каждый из чиновников по праву гордился своей работой. Они знали, что их действия фундаментальным образом влияют на взгляд проклятой души на Уадд. Самые первые впечатления имели сильнейшее воздействие.

Однако прямо сейчас у ориентировочных чиновников было жуткое чувство, что вскоре им предстояло стать очередными транспортируемыми в Узбас жертвами неистового порыва Асаддама к эффективности.

Они не ошибались.

С ухмылкой предвкушения, надежно приклеенной к его диктаторской физиономии, Асаддам прошагал к паре автоматиче-

ских Душевых кабинок и щелкнул переключателем. Секунды спустя потоки лавы заструились по замкнутым циклам, а на крыше каждой из кабинок ожила мигающая желтая лампа — и пятьдесят три демона из Ориентировочного отдела лишились своей работы.

— Асмодеус! — зловредно прорычал Асаддам. — Продемонстрируй!

Банкир от удивления сделал шаг назад.

— Э-э... я полагал, эта честь по праву должна принадлежать вам, сэр!

— Ты неправильно думал! Давай демонстрируй,— и Асаддам протолкнул Асмодеуса через проход в боку кабинки. Ориентировочные чиновники с тревогой наблюдали за разворачивающимися событиями.

Ярко-красные лампы сверкнули на Асмодеуса внутри Душевой кабинки, а обсидиановый экран тут же ярко вспыхнул.

— Имя?

Асмодеус нервно набрал на клавиатуре ряд букв.

— Мука?

Асмодеус пожал плечами.

— У меня ее нет, — с мольбой обратился он к Асаддаму. — Я здесь работаю.

— Просто притворись, что ты проклятая душа, и все получится. Придумай что-нибудь! Это же просто демонстрация.

— Я... гм... — заикался Асмодеус.

— А, дьявол! Дай мне! — Асаддам подался вперед и с резким стуком когтей напечатал: «Баки с экскрементами скверны и унижения». Кабинка тут же неистово завибрировала, крошечный люк открылся, и оттуда выпорхнуло гудящее ярко-красное существо. Зависнув в дюйме от носа Асмодеуса, существо назойливо поманило его и помахало длинным жалом.

Мгновение спустя демоны из Ориентировочного отдела узнали правду. Неистово рыча, они подняли свои плакаты и роем устремились к кабинкам.

Ярко-красный мудемм нетерпеливо гудел перед носом у Асмодеуса, предельно раздосадованный тем, что его подопечный не следует за ним к бакам с экскрементами. Мгновение спустя мудемм выполнил аккуратную петлю и вколол в самый нежный участок ягодиц дьявола несколько миллиграммов четырехмолярной муравьиной кислоты.

Асмодеус взвизгнул и замахал руками на подлую тварь. И тут же получил еще одну дозу муравьиной кислоты в другую ягодицу.

— Уберите его от меня! — жалобно вскрикнул банкир. — Больно же!

Кучка ориентировочных чиновников принеслась к кабинкам, размахивая своими плакатами. Асаддам повернулся и стал наблюдать за ними, а его хвост тем временем выстукивал тайные команды Драгодилу.

— Мы требуем, чтобы это устройство было немедленно выключено и... — начал избранный представитель демонов из Ориентировочного отдела.

— Требуем, значит? — принялся насмехаться Асаддам. — А почему, собственно?

— Потому что мы... э-э... мы подозреваем, что оно может полностью отстранить нас от работы и...

— О нет. Эти автоматические Душевые кабинки не отстранят вас от работы, — убийственно шелковым голосом произнес Асаддам, делая любезный взмах лапой в сторону Драгодила. — Но если вы будете соблюдать субординацию и последуете за этим джентльдемоном вон туда, к ожидающим вас паромам, я буду исключительно счастлив обсудить с вами новые условия вашей работы в чудесной обстановке дневного круиза по реке...

Поскольку эта просьба была изложена столь вежливо, чиновники пожали плечами и повиновались.

Выхватив у демонов плакаты, Асаддам швырнул их на землю.

— Прямо сейчас вся эта ерунда вам не понадобится.

И пока бывшие ориентировочные чиновники начинали свою последнюю прогулку к вечной трудовой занятости на Узбасских рудниках лавы и серы, Асаддам ухмыльнулся себе под нос. А Асмодеус сломя голову понесся прочь от зловредно жалящего его сторожевого мудемма. Ягодицы банкира так и светились краснотой, пока мудемм неотвратимо гнал его к бакам с экскрементами скверны и унижения.

— Встаньте поближе, — рявкнул Бубуш восьмому божеству. — Так, чтобы вы все были вместе.

— А мы действительно обязаны это сделать? Я должен возразить. Его тыквенная пижама катастрофически не гармониру-

ет с моей стильной тогой. Тыква! Мыслимое ли дело? Это я вас спрашиваю, — протестовал Шармани, с надменным отвращением взирая на Стапеля. — Пижама должна быть с авокадо!

— На вашем месте я бы ему морду набил, — охотно предложил свою рекомендацию Туммак. — Резкий апперкот, старая добрая двоечка левой-правой, и он вас больше никогда в немодные мещане не зачислит.

— Пожалуйста, не надо, я вас прошу, — возразил Бандаж. — Я вовсе не хочу быть вынужден лечить ненужные травмы.

— Ничего себе ненужные! Ненужные — это если ему вдобавок тяжелым ботинком по ребрам заехать!

— А лично я при первом же признаке неприятностей быстро ноги бы сделал, — вмешался Драпак.

Тут Бубуш гневно зарычал и заревел на недисциплинированных божеств.

— Послушайте, просто сгрудьтесь в кучу, — скомандовал он. — И поплотнее. Это важно!

— Так мы именно за этим здесь? — поинтересовался Эндезид.

— Да, именно за этим, — подтвердил Бубуш, готовый врать что угодно, лишь бы они повиновались. — Давайте сдвигайтесь. Ближе! Прижмитесь друг к другу! — Пока божества пожимали плечами и шаркали ногами, выполняя указания, сам Бубуш бросился в укрытие за предусмотрительно перевернутым обсидиановым столом.

Секунды спустя пурпурное поле предельного благочестия оказалось на месте, ярко сияя над головами божеств.

— Я был прав, — прошептал Бубуш. — Вон, смотри! — Он возбужденно ткнул Ублейра кулаком под ребра. Вспышка закоротившихся святых волн мелькнула внутри облака, и Бубуш прижал лапу к пасти, сдерживая крик. — Еще ближе, — тявкнул он в ладонь, пока запах ладана уже заползал к нему в ноздри. Божества сгрудились еще плотнее, и пурпурное мерцание стало заметно интенсивнее, искажаясь и вибрируя, точно бархатный мешок с дюжиной хорьков внутри, растягиваясь, как если бы оно пыталось оторваться.

Узенькие щелки зрачков Бубуша предельно расширились, в благоговейном ужасе наблюдая за разворачивающимся зрелищем.

Совершенно внезапно последовала слепящая вспышка, раздался треск священного озона, после чего одна-единственная округлая

частичка пурпурного благочестия оторвалась от облака, немного покачалась в воздухе и проплыла сквозь стену.

Божества отодвинулись друг от друга. В ушах у них звенело.

— Ты это видел? — вне себя воскликнул Бубуш, крепко тряся Ублейра за плечи. — Видел? Все было именно так, как я сказал. Священный шаровер! Или верошар. Ха! Демон, которого долбанет такая штуковина, окажется в крутом шоке. Это как если бы тебя жахнуло с полдюжины противопехотных святынь. После такого они во что угодно поверят!

— Ага. Ну и что? — Ублейр с явным недостатком энтузиазма хмыкнул. — Все равно никакой разницы это не внесет, разве нет?

— У тебя что, совсем воображение отсутствует? — простонал Бубуш.

— Вообще-то у меня с ним не очень, — признался Ублейр.

Бубуш возвел глаза к потолку.

— Послушай, это случилось только когда восемь божеств оказались по-настоящему близко друг к другу. Ведь верно?

— Верно.

— Стало быть, чем ближе они друг к другу, тем выше концентрация святых волн. Верно?

— Верно.

— С концентрированными святыми волнами от восьми божеств мы получили четырехдюймовый шаровер — скорее всего, он весьма нестабилен. Верно?

— Верно, — пожал плечами Ублейр, по-прежнему недоумевая, куда все это ведет.

— Итак, что получится, если мы соберем вместе еще больше божеств?

— Верно... гм-м... э-э...

— Понятное дело, у нас получится больший по размеру шаровер. Откровенно говоря, я подозреваю, что, если мы соберем вместе достаточное число божеств на одном диком празднестве критической массы, мы сможем добиться того, что весь Мортрополис будет охвачен неколебимой верой в то, что Асаддам должен уйти! Верно?

— Э-э... А сколько еще божеств нам потребуется, прежде чем мы получим эту самую критическую массу?

— Тьфу, тебе бы все детали, детали, — рявкнул Бубуш. — А ну вперед, хватай одеяла!

— У меня было чувство, что именно этим ты и закончишь, — простонал Ублейр.

Бубуш схватил святынеискатель, свистнул Кременюгу и скрылся за дверью.

«Ну почему именно я?» — скорбно думал Ублейр, стремительно пускаясь следом. В голове у него по-прежнему крутился священный пурпурный шаровер чистого благочестия.

Схрон, знатно отполировав две большие тарелки с пищей, удовлетворенно вытер ладонью рот, откинулся на спинку своего кресла за Верхним Столом в «Манне Амброзии» и сделал солидный глоток эля. Почти с неохотой он объявил:

— Ладно, трапезе конец. «Прочие вопросы».

Едва успело затихнуть эхо, как Херокс уже вскочил на свое кресло, размахивая свитками:

— Б-было напечатано предложение касательно обсуждения т-текущего непредусмотренного отсутствия н-некоторых наших коллег. Данный в-вопрос, как уже было заявлено мной самим в п-процессе оказии, п-предшествовавшей текущей оказии, является чересчур н-неотложным и потребует н-немедленной перемены в расписании обсуждения других н-неотложных вопросов...

— Ну и что? — прохрипел Схрон.

— Н-не могли бы вы, д-действуя на благо тем, кто имеет более п-пунктуальную природу, п-прояснить конкретное значение д-данного расследования? П-пожалуйста.

— Мне вообще-то казалось, что оно просто ослепительно в своей ясности. Впрочем, для тех, кто имеет более педантичную натуру, я кое-что проясню. Намереваемся ли мы рассуждать про них прямо сейчас, как-то объясняя их отсутствие?

— Я так п-понимаю, что термин «них» относится к нашим отсутствующим к-коллегам, а употребляя термин «прямо сейчас», вы с-ссы... с-ссы... ссылаетесь на данное к-конкретное обсуждение «Прочих в-вопросов».

Схрон тяжко вздохнул.

— Да, — ответил он, поднял свою кружку и внезапно перенаправил следующий вопрос Херокса на темную лингвистическую тропу. — За них, прямо сейчас, — и Схрон сделал отчаянно требующийся ему глоток эля.

Херокс назойливо оглядел всю «Манну Амброзию»:

— Кто-либо еще п-поддерживает данное чрезвычайное п-предложение?

Огдам с готовностью поднял руку за Верхним Столом и самодовольно ухмыльнулся Алкану.

— Все з-за? — пропищал Херокс.

Индифферентно поднятые руки нестройно замахали ему в ответ.

— Очень х-хорошо, — засиял улыбкой Херокс, наслаждаясь своей назойливостью. — П-предложение п-принято. Вышеупомянутое чрезвычайное п-предложение об изменении расписания б-будет обсуждено в п-процессе обсуждения «Прочих в-вопросов» на следующей неделе, в т-течение которого любые в-возражения и иные линии обсуждения смогут быть п-представлены, что позволит реальному обсуждению п-пройти настолько эффективно и гладко, насколько это п-представляется п-практичным.

Схрон изумленно покачал головой. Все прошло замечательно гладко. Теперь этот вопрос должен был стать по-настоящему неотложным.

Нервно постукивая пальцами по столу, Алкан от всей души пожелал узнать, что сейчас происходит в Уадде. Втайне он уже начал задумываться, в самом ли деле сидение за Верхним Столом стоило всех этих забот и тревог. А ведь в свое время это казалось такой хорошей идеей.

Можно было почти ощутить, как в воздухе витает нервное напряжение, пока команда консультантов по удовлетворительному рассаживанию безнадежно вглядывалась в магические кристаллы и шуршала крошечными клочками пергамента.

На каждом фрагменте пергамента имелось неопрятно нацарапанное имя.

Курвер, глава совета директоров Комитета по удовлетворительному рассаживанию, вытянул шесть имен из своей церемониальной шляпы и расположил их перед собой. Затем он устало махнул ладонями над магическим кристаллом, нараспев произнес несколько равнодушных заклинаний и подождал, пока развеется катарактный туман. Туман сменило четкое изображение шести лиц на торжественном приеме во время свадьбы Блинни Плутта и мисс Меса.

Две подружки невесты, пожилая тетушка жениха, два чиновника из «Агентства предсказания замусоривания» и Гасила Шланк сидели молча, безнадежно глазея на розовые салфетки и ожидая первого блюда.

— Итак... гм... это вы поймали свадебный букет? — спросил Гасила у ближайшей подружки невесты.

— Нет, — с несчастным видом отозвалась невзрачная на вид девушка и возмущенно зашуршала своим розовым платьем.

— Ах, гм... значит, это были вы? — спросил он у другой.

— Нет! — рявкнула та и бросила гневный взор через стол.

— Но мне казалось, есть всего две подружки невесты.

— Да! — хором подтвердили они.

— Тогда кто же?..

Сморщенный палец гневного обвинения вдруг вытянулся от пожилой тетушки и указал на одного из чиновников из «Агентства предсказания замусоривания».

— Он! — только и сказала престарелая дама. Ее кинжальный взор чуть было не сшиб чиновника со стула.

— Послушайте, моя работа именно в том и состоит, чтобы не позволять неразрешенным предметам, лишенным всяких перспектив будущего использования, загрязнять тротуары Аксолотля... — начал было агент предсказания замусоривания.

— Но мы как раз собирались его использовать, — простонала первая подружка невесты. — Этот букет должен был подсказать, кому из нас первой выходить замуж. Это традиция!

— Данный букет ясно увидели умышленно выброшенным в манере, которая, вероятнее всего, должна была вызвать нечистоту мостовой и увеличить хаотический потенциал рассеяния...

— Если бы вы тогда не выскочили со своим бачком, я бы его поймала! — прорычала вторая подружка невесты.

— Нет, я бы его поймала!

— Нет, я!

— Не могу поверить, что вы препираетесь из-за того, кто первой схватил бы отбросы с простой церемонии,— проворчал агент предсказания замусоривания. — А проявили бы вы такую же ловкость, чтобы поймать вилочную косточку жареной курицы, будь она выброшена в столь же небрежной манере?

— Да! — хором ответили подружки невесты. — На ней могло бы остаться еще немного мяса!

— Таким образом, вы одобряете швыряние бесполезных материалов на улицы в манере, которая, вероятнее всего, вызовет замусоривание?

— Нет.

— Но вы только что сами об этом сказали.

— Нет, это не я сказала. Это она сказала, — обвиняюще указали друг на друга подружки невесты.

— Нет, не сказала!

— Нет, сказала!

— Да нет же, это все он. Это его вина! — Первая подружка невесты волчицей взглянула на агента предсказания замусоривания. — Бей его, негодяя!

Раздался грохот падающих на пол стульев, когда две облаченные в розовое воительницы перескочили через стол и вцепились агенту предсказания замусоривания в широкую физиономию.

Курвер прикрыл ладонью глаза, отстраняясь от магического кристалла, и чуть было не зарыдал. Он уже перепробовал девяносто семь различных сочетаний, и все они неизменно кончались мордобоем. Единственное различие, похоже, состояло в том, сколь быстро начинался этот мордобой.

В таком темпе с организацией удовлетворительного рассаживания ему было не справиться. Все это представлялось дьявольски сложным. Лучшим, что Курвер смог придумать, оказалась семерка полностью незнакомых людей, трое из которых дали бы обет молчания. Для них торжественный прием стал бы дьявольски скучной процедурой — зато они, по крайней мере, пережили бы его целыми и невредимыми.

Курвер оглядел свою команду и неловко поежился, заметив, как другие пророки вздрагивают, сталкиваясь с очередным мордобоем. Выбора просто не оставалось. Глава комитета должен был прибегнуть к божественному вмешательству. И существовала только одна персона, способная разобраться со всем этим беспорядком и перевести его во что-то меньшее, нежели потенциальный бунт, — Мэтр д'Отель, божество, ответственное за организацию рассаживания.

Втайне Курвер пожалел, что не подумал об этом раньше. Но с другой стороны, всегда неприятно было признавать свое полное поражение.

— Ладно, ребята, — объявил он с уколом стыда. — Кристаллы в сторону. Настала пора призвать сюда главного босса.

Последовал всплеск резких охов и ахов. Главный босс! Должно быть, дело было совсем табак.

Курвер зажег пару церемониальных палочек ладана, неохотно прошаркал к сиденью у алтаря Мэтра д'Отеля и аккуратно разместился на нем с требуемыми искажениями ножных суставов. Колени главы комитета самым зловещим образом скрипели, пока он укладывал каждую лодыжку на полпути от противоположного бедра.

Закрыв глаза, Курвер завел церемониальный распев — к немалому восторгу двух дьяволов в тысяче футов внизу.

Указатели святынеискателя снова взбесились, подрожали и четко указали на конкретный участок потолка уже порядком изрытого бокового тоннеля. Бубуш возбужденно ухмыльнулся и указал когтем на этот самый участок, отпуская Кременюгу в подлинное неистовство камнеглодания. Секунду спустя скалодонтка засеменила вверх по стене и атаковала гранит во всплеске разлетающихся во все стороны осколков. Тварь хорошо соображала. Навык был уже ей знаком.

Бубуш с Ублейром завернулись во многие слои одеял и последовали за скалодонткой. Одного переполняло чистое рвение, другой что-то бормотал про ноющие колени.

Прошло не так много времени, прежде чем в Уадде оказалось уже девять божеств.

Его высокобесподобие Брехли Трепп оставался в полной неподвижности под запасным парусом на палубе парома, пока все звуки громогласных приказов и стука копыт не затихли, а затем, чувствуя, как проповедническое рвение курсирует по его жилам, выглянул наружу, проверяя окрестности Флегетона на предмет притаившихся там демонов, и выскользнул на берег. Не слишком сложно оказалось выследить удаляющееся жалкое стадо бывших иммиграционных чиновников и их конвоиров. Оттуда слышались крики и периодические взвизги страдания, а в пыли, разумеется, имелась широченная полоса следов от копыт, чтобы даже самый неумелый из охотников отправился в нужном направлении.

Минуты спустя Трепп уже осторожно таился за огромным валуном, тайком разглядывая зияющий вход в кошмарные рудники лавы и серы Узбаса.

Две параллельные линии темного металла скользили к похожему на глотку мрачному проходу, исчезая в багровом сумраке дурно пахнущих теней. Ржавеющие громады разбитых вагонеток как попало валялись повсюду, подобно давно позабытым жертвам какой-то чересчур неистовой атаки.

Пожалуй, из всего, что на данный момент успел увидеть здесь Брехли Трепп, это зрелище наиболее соответствовало традиционным представлениям об Уадде.

Охранники-ментагоны агрессивно прорычали команды, подчеркивая каждую их них быстрыми сериями сопровождаемых радостным ржанием пинков, и Трепп почувствовал, как потенциал веры возрастает с каждой минутой.

При этом он блаженно не знал об игривом приближении пурпурного шаровера концентрированного благочестия, который вовсю несся к нему на прозрачных крылышках нежного ветерка.

Трепп усиленно наблюдал за тем, как разворачиваются события у рудника, пока охранники-ментагоны швыряли бывшим чиновникам здоровенные киркомотыги. С несчастным видом демоны подобрали подручный инструмент. Жуткие мозоли радостно поджидали их на крыльях страдания, готовясь к тому, чтобы впрыгнуть в ладони, размягченные столетиями сортировки пергаментов и корябанья лавиковыми ручками. И пока ментагоны обтесывали новых рекрутов и угрожающе на них скалились, Брехли Трепп увидел свой шанс. Сердце его отчаянно заколотилось, селезенка сжалась, и он тут же понял, что ему прямо сейчас следует проповедовать. На уме у него оказалось идеальное поучение.

Трепп быстро обшарил свой мозг, пытаясь припомнить детали контракта, который он заключил с компанией по производству рудничных и печных рукавиц марки «Тяпки-ляпки, или Идеальная пальцевая защита для трудящихся масс».

Выполнил он условия того контракта или еще нет? Преуспел ли с двадцатью тысячами обращенных, за которых ему заплатили? Почему-то Трепп чувствовал, что не преуспел. Однако здесь и сейчас у него появилась идеальная возможность исправить этот недостойный баланс. Не задерживаясь на раздумьях о том, где именно бывшие чиновники получат реальный шанс приобрести рудничные рукавицы «Тяпки-ляпки», да и вообще не тревожась об этом, ибо то была проблема отдела снабжения самой компании,

миссионер понял, что настала пора действовать. Как говорится, «моменто лови». Бей, пока трезубец горяч. Разведя руки по сторонам и повыше вскинув голову, Трепп забрался на огромный валун, перевел дух и объявил:

— Друзья мои, демоны! Граждане Уадда, услышьте меня!

Вступление было не самое оригинальное, но внимание оно привлекло. Все резко развернулись. Глаза демонов сосредоточились на фигуре в сутане, невесть откуда взявшейся на валуне. Позади проповедника пульсировало и набирало интенсивность пурпурное свечение.

— Во всякое время перемен всем нам нужен небольшой комфорт, — заорал Брехли Трепп. — Минимальное опрыскивание влагой восторга иссохшей почвы горестный пустыни невзгод. Согласны?

Последовали нервные, осторожные кивки нескольких дьявольских голов под бдительным взором ментагонов.

— Не представляет ли собой страдание что-то такое, чему лучше происходить с другими? — спросил Трепп.— Разве боль и мучения не являют собой роскошь, позволительную лишь тем, кто на самом деле ее заслужил? Почему должны вы переносить муки сломанных когтей и покрытых ужасными мозолями лап?

Как раз когда Брехли Трепп закрыл глаза в пароксизме колотящейся внутри у него веры, пурпурный шаровер чистого благочестия проплыл у него над плечом. Затем шаровер медленно проследовал в естественный амфитеатр устья рудника. А Трепп тем временем приготовился к нескольким последним ударам евангелистски-возбуждающих вопросов, высвечивая потребность, которая, как аудитория прекрасно понимала, у нее реально имелась, загоняя демонов в тупик. А затем, когда выхода у бывших чиновников уже бы просто не оставалось, он предложил бы им решение, единственно верный вариант... Рудничные рукавицы «Тяпки-ляпки»!

— Почему именно ваш идеальный маникюр должен быть безнадежно испорчен суровостью ежедневной тяжелой работы? Можно ли сохранять лак на когтях и одновременно работать шахтером?

Внезапно (и совершенно неожиданно) пурпурный шаровер благочестия врезался в стоящий на его пути валун. Пусть даже данный шаровер был столь хрупок и столь переполнен килопсал-

мами святых волн, все равно вызывало удивление, сколь колоссальная вспышка света из него изверглась. Вся зона у рудника оказалась выжжена слепящим небесным светом — словно кто-то по ошибке поджег там голубой запальный фитиль небольшой сверхновой и забыл всех об этом предупредить.

Крошечные пончики веры сформировались в сверкающем пурпурном болиде, после чего закувыркались прямо с неба в спонтанном шторме нимбов. И секунды спустя вся толпа узрела свет истины, купила себе по футболке с религиозной эмблемой и ухватилась за последние слова незнакомца на валуне со всем рвением вертлявого терьера у ноги любимого хозяина.

Действительно, почему их маникюр должен быть безнадежно испорчен? Почему они вообще должны горбатиться на рудниках? Чего ради?

На все насущные вопросы должны были быть получены ответы! Несправедливости следовало исправить! А во всем Мортрополисе был только один-единственный дьявол, который смог бы ответить хоть на один из упомянутых вопросов.

Главный менеджер. Сам его деспотичность Асаддам!

Прежде чем его высокобесподобие Брехли Трепп получил шанс подробно описать толпе демонов восторги рудничных перчаток марки «Тяпки-ляпки», они заструились по берегу к валуну, схватили оттуда проповедника и понесли его к Флегетону, вконец осатанев от твердого понимания того, что именно он указал им путь. Единственно верный путь. Путь бунта!

СВЯТОЙ ДЕСАНТ

Первые трогательные лучики утреннего рассвета скользнули через горизонт и сонно потянулись к Аксолотлю. Там эти лучики поджидало очень грубое пробуждение.

— Что? Что с ним? — завопил Правиант, первосвященник по поставке свадебных продуктов. Его воспаленные глаза горели на высокооктановой смеси нервного напряжения и предельного недосыпа.

С тех пор как было объявлено о скором бракосочетании Блинни Плутта и мисс Меса, Правианту удалось поспать всего лишь три часика, да и то на прошлой неделе. И теперь это зримо проявлялось. Кончики нервов первосвященника были самым ка-

питальным образом растрепаны, а мегатонная ярость его легендарно взрывчатого нрава уже подергивалась на предельно чувствительном спусковом крючке.

— Что ты сказал? Про этот торт? — продолжил он уже на самой грани извержения.

— Он... он испорчен, — пролепетал прибежавший с кухни подручный.

Правиант возвел глаза к Арраю и угрожающе прошелестел:

— Объясни.

Подручный по имени Фило с трудом сглотнул слюну и вытер ладони о свой передник (небольшая лавина муки осыпалась оттуда на пол). Почти уверенный в том, что это его последний день на кухне, Фило перевел дыхание и начал:

— Я тут не виноват. Они были совсем рядом. Ну, вообще-то они всегда рядом, но... я тут не виноват, — еще раз проблеял он на тот случай, если Правиант имел несчастье уже об этом забыть. Зловещее молчание и подергивание мышцы на щеке первосвященника ничего хорошего не предвещали.

— Но ведь на вид они совсем одинаковые, разве не так? — захныкал Фило. — Я хочу сказать, что в переполненной всякой всячиной кухне... Ведь в самый разгар безумной лихорадки один белый кристаллический порошок так похож на другой. Словом, подобную ошибку может любой допустить... Они даже на одну и ту же букву начинаются...

Хриплый шепот Правианта, когда он наконец раздался, переполняло натужное спокойствие. Иначе его голосовые связки получили бы непоправимое повреждение от полностью оперившейся богатырской тирады:

— Ты хочешь сказать, что тот самый торт, который менее чем через восемь часов потребуется для наиважнейшей свадьбы десятилетия, был... подсолен?

Фило выглянул из-под своей белой остроконечной шапочки точно перепуганный грызун. Он кивнул и стал ломать руки.

— ...а не подслащен???

Фило рискнул выдать еще один кивок виноватого подтверждения.

На виске у Правианта вдруг запульсировала венка, и все вокруг него, кроме несчастного Фило, мигом рассыпались по сторонам.

— Ты положил с-с... соль вместо с-с... сахара?

— Это была самая наилучшая, высушенная на солнце каменная соль, — захныкал подручный первосвященника, хватаясь за что угодно, лишь бы смягчить наказание — которое, без всякого сомнения, его ожидало.

Правиант закрыл глаза и поднял убийственно молчаливый палец.

— Что ж, потрудись все-таки рассказать, какая судьба в итоге поджидала три фунта пять унций первоклассного сахарного тростника.

— Да-да, я как раз собирался к этому подойти, — с дрожью в голосе признался Фило. — Булочки с сосисками будут просто превосходны, если подать их с особенно острым горчичным соусом. Тогда сладость будет не так заметна... э-э... вам не кажется, что это очень хорошая мысль?

Жаркое дыхание Правианта вырвалось из его раздувающихся ноздрей, опалив краску стен на расстоянии в сотню ярдов.

Фило закрыл глаза и отдал свое бренное тело на волю первосвященника по поставке свадебных продуктов. Этот способ был довольно трагичным, зато так он по крайней мере получал твердую уверенность в том, что его с исключительной точностью не построгают на мелкие кубики.

Фило слышал шелест мантии Правианта, пока тот бросался вперед; слышал стук крови в жилке у него на виске; ощущал глухие хрипы мечущего громы и молнии дыхания на своей шее...

А потом он вдруг услышал, как дверь захлопывается за парой с грохотом несущихся вперед сандалий.

Глаза Фило распахнулись и тут же сосредоточились на пушистой шапочке Правианта, нежно оседающей на полу. Вскрик облегчения преждевременно слетел с его губ, пока его глаза обшаривали помещение на предмет каких-либо признаков первосвященника. Колени Фило превратились в заварной крем. За миллисекунды до того, как он соскользнул на пол, образуя там меренгу бормочущего облегчения, дверь редко используемой кладовки распахнул мощный пинок, и Правиант вихрем вырвался оттуда.

Глаза Фило превратились в темно-оливковые воланы тревоги, когда буквально дымящийся гневом первосвященник безостановочно затопал к нему — приближаясь, нависая, высоко поднимая руки.

— Вот, держи! — рявкнул Правиант, швыряя мешок с редкими и драгоценными травами Фило в диафрагму и стремительно проносясь дальше.

Прихваченный первосвященником, точно побег шафрана песчаной бурей, Фило был приподнят за шкирку, развернут и быстро выволочен наружу.

Дыхание он восстановил только двадцать минут спустя, когда Правиант швырнул его прямо на голый кустик низкорослого вереска, торчащий на высоком утесе к востоку от города. Сам первосвященник упал на колени в считанных дюймах от края трехсотфутовой пропасти и смел веточки и листики с любопытно ровного участка скалы, которые там лежали.

— Растопку. Растопку! — отчаянно рявкнул Правиант.— Живо!

Фило чуть было не выпрыгнул из собственной кожи, бросил мешок и принялся лихорадочно скрести в подлеске, собирая горючие веточки вереска.

Несколько мгновений спустя Правиант сгреб эти веточки в неказистый комок и присел на корточки перед небольшой, грубо высеченной впадиной в скале, крутя зажигательной палочкой в ладонях. Фило разинул рот на превратившиеся в смутное пятно ладони Правианта и удивленно заморгал, когда секунды спустя из впадины на хворост выскочила яркая искра. Струйка голубоватого дыма лизнула рассветный воздух, послышался треск, и внезапно костерок занялся.

Правиант резко развернулся, схватил с земли мешок, раскрыл его стянутую веревкой горловину и запустил обе руки в самую его глубь, хорошенько прихватывая две пригоршни редких и драгоценных трав.

А затем Фило вдруг стало казаться, что, быть может, Правиант слишком поздно все это проделывает. Впрочем, первосвященник действительно являл собой впечатляющую фигуру. Широко разведя руки, сжав кулаки и стоя на самом краю трехсотфутового обрыва, Правиант запрокинул голову и с мольбой уставился с сторону бирюзового с оранжевыми полосками рассветного неба. У его ног пылал костерок.

Наблюдая за всем этим, Фило втайне забеспокоился насчет душевного здоровья Правианта.

Он знал кое-что о том, как разные люди справлялись с острым стрессом. Некоторые обращались к бутылке, некоторые — к ку-

рению травяных наркотиков, а некоторые с воплями носились по городу на спинах диких козерогов. Но Фило никогда не слышал, чтобы кто-нибудь делал что-то подобное тому, что в данный момент проделывал Правиант.

Особенно с жутким воем.

Прислушавшись к отчаянным словам Правианта, пока они выплывали в небо, Фило покачал головой. «Как печально, — подумал он. — Столько беспокойств из-за одного торта и нескольких булочек с сосисками. Некоторые люди из-за еды просто с ума сходят!»

Тут внезапное движение привлекло внимание Фило. Правая рука Правианта швырнула редкие и драгоценные травы в крошечный вересковый костерок. Последовал треск, вспышка алого и голубого, а затем столбик дыма зазмеился в неподвижный утренний воздух подобно хорошо выдрессированной кобре факира на Сенном базаре.

Фило немного расслабился. Все было в порядке. Правиант справлялся со стрессом вполне традиционным способом, сжигая немного высушенных экстрактов растений. Правда, он добавил к процедуре несколько личностных черточек, но это не имело особого значения. Теперь Фило с радостью ускользнул бы назад в Аксолотль и предоставил первосвященника самому себе, если бы знал дорогу. Вышел такой безумный марш-бросок, что он не получил никакого шанса засечь ориентиры.

А кроме того, здесь было совсем не так скверно. По крайней мере, прохладней, чем на кухне. Да и панорама куда лучше. Как чудесно лучики едва поднявшегося над горизонтом солнца мерцали на крыльях того мужчины, который там парил...

Фило резко прижал к глазам кулаки, отчаянно поморгал и снова туда уставился. Ухмыляющийся мужчина небрежно порхал над трехсотфутовой пропастью, задумчиво поглаживая свои роскошные завитые усы.

Дрожа и задумываясь о том, кто из них двоих оказался под более сильным стрессом, Фило стал прислушиваться к разговору.

— Соль, говоришь? — вслух размышляла порхающая фигура.

— Три с половиной фунта этого самого дела! — странно умоляющим тоном прорычал Правиант. — Давай, Тони, выручай!

— Гм, а как насчет двойного слоя сверхсладкой сахарной глазури?

— Нет-нет, от сахарной глазури останутся пятна. Это же бледно-зеленый свадебный торт. Вернись ты к реальности наконец!

— А как насчет вымачивания в сверхсладком авокадовом вине?

— Ох-х, — тяжко вздохнул Правиант. — Ты хоть понимаешь, насколько важна эта свадьба?

— Могу лишь предполагать.

Правиант одарил его испепеляющим взором.

— Ну, эти знаменитости порой черт-те что вытворяют. Ты просто назови это новой модой.

— Послушай, Тони, я серьезно. Что мне на самом деле нужно, так это рецепт торта, который готовится всего за один час. Можешь ты такое провернуть?

— Н-да, весьма затейливый номер, — размышлял крылатый мужчина, оглаживая рукой подбородок. — Давай-ка лучше посмотрим, что у тебя на кухне имеется, — по-прежнему ухмыляясь, он пропорхнул мимо Правианта в сторону Аксолотля. — Да, скажу тебе, мне теперь о чем-то, помимо пиццы, задумываться — задача нешуточная. Знаешь, Правиант, на самом деле ты должен почаще меня призывать.

Когда Фило разглядел на кухонной тоге ангела вышитые инициалы «Т. Ф.», в голове у него вдруг что-то щелкнуло.

Тони Фабрицци. Ныне легендарный изобретатель Знаменитого Чесночного Хлеба с «драконсолой», погибший в результате трагического взрыва в день перед открытием его нового ресторана в Аксолотле. Поговаривали, что невесть откуда взявшаяся искра подожгла тогда чашу в высшей степени горючего сыра «драконсола». Однако по-прежнему оставалось загадкой, почему ни один из сотрудников Службы предотвращения пожаров или Службы предвидения несчастных случаев и аварийных ситуаций заранее не предугадал, что это должно случиться. Исчезновение Тони Фабрицци было еще гуще окутано тайной, чем улица дымом тем роковым вечером много лет тому назад.

«Боги! — нервно подумал Фило, кухонный подручный с пухлой как сдобное тесто физиономией. — Должно быть, Правиант по-настоящему отчаянно хочет произвести впечатление на Блинни

Плутта и мисс Меса, раз он призывает мертвецов ради рецепта быстровыпекаемого свадебного торта».

Девятидюймовый коготь чешуйчатого большого пальца загнулся вокруг лоснящегося черным указательного когтя и с легким поскребыванием встал в положение для щелчка.

Небольшой округлый камешек был опущен на место и аккуратно развернут, после чего со свистом запущен в другой конец пещеры. Пулей влетев в целую кучку других таких же камешков, он отправил часть из них разлетаться по сторонам.

— Да прекрати наконец! — рявкнул Бубуш, когда метательный снаряд Ублейра просвистел между его рогов.

— Мне скучно, — пожаловался Ублейр, вынимая из мешка очередной камешек.

— Как тебе может быть скучно в такое время?

— Очень даже может. Я уже несколько часов на этом мешке с галькой просидел, ни дьявола не делая, а только ожидая, пока вон та твоя штуковина задергается, — Ублейр пренебрежительным жестом указал на святынеискатель. — По-моему, в таких случаях скука приходит сама собой.

— Послушай, я не виноват в том, что в настоящее время в округе не оказывается никаких божеств, — прорычал Бубуш, в отчаянии сверля взором дымящийся пергамент карты развертывания противопехотных святынь.

— Вообще-то им лучше поспешить и где-нибудь поблизости оказаться, — Ублейр запустил еще один камешек в кучку у стены, еще больше замусоривая галькой пол.

Бубуш глодал собственные клыки. Он дьявольски хорошо знал, что девяти божеств было недостаточно. Но что он мог сделать? Где ему было добыть сегодня днем еще трех?

Сегодня днем! Приступ гневного бессилия буквально завязал узлом его инфернальные кишки. Слишком мало времени! Повелитель скверны д'Авадон как раз сегодня собирался нанести визит в Мортрополис. Идеальное время, чтобы привести в действие их грандиозный план, — и вот это оказывалось невозможно. Еще всего лишь три самых завалящих божества — и Бубуш смог бы посеять хаос во всех наилучших схемах Асаддама, капитально подкопавшись под сверхэффективное администрирование главного ме-

неджера. Причем все это — перед глазами самого д'Авадона. Тогда из-под копыт Асаддама окончательно бы вылетела вся почва.

Но какие шансы были у Бубуша провести всю эту операцию всего лишь с девятью божествами? В мыслях он жалобно взвыл. Победа была так близко — и все же главный менеджер от него ускользал. Все-таки должен был существовать какой-то способ провернуть все это дело.

Бубуш с прищуром уставился на секретный пергамент, внимательно вглядываясь в него сквозь туманные испарения, пока струйка конденсата проливалась с края стола. Должен же был существовать вариант развертывания божеств, который сработал бы в ситуации их аварийной недостачи.

Ублейр шумно поерзал на мешке с галькой, прищурил один глаз и запустил очередной метательный камешек в центр кучки. На сей раз снаряд точно попал в цель. Угодив в самый-самый центр, один-единственный камешек картечью отправил все остальные в разные стороны. Три снаряда с громким стуком отскочили от дальней стены и треснули Бубуша по черепу.

— Ну хорошо же! Так, значит? Ну раз ты уже откровенно ими в меня швыряешься, то я... — проревел Бубуш, вскакивая на копыта.

— Ничего я в тебя не швырял. Просто щелкнул один в кучку...

Бубуш замер на полушаге, глядя в то пустое место, где несколько секунд тому назад была целая кучка гальки. Затем он начал медленно оглядывать пещеру, прикидывая, как далеко рассыпались камешки, и идея вползла ему в голову. Если твердые предметы могли так разлетаться в результате управляемой реакции, тогда следовало задуматься о том, что могло случиться в аналогичной ситуации с эфемерностью святых волн...

В последний момент размышления Бубуш задумчиво потер подбородок, а затем с широкой ухмылкой на физиономии резко развернулся и бросился в главное помещение пещеры Ублейра, с энтузиазмом рявкая приказы божествам.

Все и впрямь могло сработать. Причем в лучшем виде.

Клубы тонкой мглы завихрялись на кончиках крыльев Флорри, пока она неслась почти вертикально вниз, набирая скорость

так стремительно, словно никакого завтра для нее уже не ожидалось. Грудь ее раздувалась, пока мышцы напряженно работали, толкая ангелицу еще быстрее, добавляя к ускорению свободного падения силу ее маховых перьев.

Поток разреженного воздуха бил Флорри в лицо, выжимая слезы из ее глаз, пуская их струями стекать по горящим щекам.

Вот что значило быть ангелицей и заниматься аэробатикой.

Здесь, на самом краю Аррая, где бледно-голубое пространство, казалось, целую вечность висело у кончиков ее крыл, — вот где была настоящая загробная жизнь!

Флорри отвела назад раскинутые крылья и выжала почти четыре «жэ» в самом опасном и волнующем из маневров — наружной петле. Грудь ее колотилась, суставы крыльев скрипели, пока Флорри превращала инерцию в подъемную силу, делая «горку» и с дрожью возносясь на завихряющемся хвосте мглы. Ангелица стремительно взлетала к самому верху петли, щеки ее раздувались, волосы струились позади. С каждым набранным футом она теряла инерцию, сила тяжести неуклонно тянула ее назад, замедляя скорость. Вершина близилась, сравнимая со славным моментом нырка ласточкой в свободном падении, когда твое сердце борется с твоим же кишечником в эйфории нулевого «жэ», — все ближе, все выше...

И тут, с самым что ни на есть неангельским из проклятий, Флорри зависла в верхней точке траектории, совсем потеряв скорость.

В следующую секунду крылья ангелицы выгнулись, она скользнула вбок и закувыркалась смятым комком перьев, волос и шипения. Грязно ругаясь себе под нос, Флорри позволила себе несколько сотен футов беспорядочно падать, точно какая-то артистка на трапеции, которой не удалось вовремя ухватиться за перекладину. Затем она со вздохом перевела себя в нырок головой вперед, дважды хлопнула крыльями и снова обрела полный контроль над своими движениями, после чего выровнялась, перевернулась на спину и небрежно понеслась вдоль отдельной облачной гряды, негромко насвистывая. Ладно, пусть на сей раз ее занесло не туда — всегда оставалась новая попытка. В следующий раз у нее непременно получится. Таково было одно из преимуществ бессмертия — времени для упражнений хватало всегда.

Непринужденно бросив себя в тройною бочку — просто забавы ради, — Флорри запорхала дальше, нырнула вокруг особенно плотного на вид облака и резко насторожилась, услышав странное гудение.

Без малейших усилий зависнув в воздухе, ангелица навострила уши и прислушалась, убежденная в том, что шум доносился изнутри этого облака. Хотя этого просто быть не могло. Шумы никогда не доносились изнутри облаков...

Гудение прозвучало снова, и на сей раз никаких сомнений в источнике его происхождения у Флорри не осталось. Подлетев к облаку, она протянула руку, чтобы туда протолкнуться, — и испустила изумленный вопль, когда рука наткнулась на что-то твердое.

Сильно озадаченная, Флорри перелетела на другую сторону облака и была вконец ошарашена, когда перед ней оказалась причудливая дверная ручка, что торчала из мглистого тумана.

Гудение прозвучало снова.

Любопытство так и бурлило в ангелице. Она повернула ручку и толкнула дверь. Та распахнулась, после чего периодическое гудение сразу же сделалось громче и резче. Заинтригованная, Флорри впорхнула в темное нутро облака — и там на нее загудел единственный светящийся трезубец, сплошь испещренной схожими, но неосвещенными символами. Под каждым из символом имелась табличка с именем.

К стене была также прикноплена написанная от руки записка. Там говорилось:

Мне все это наскучило.
Сказал всем: раз они не являются, я отбываю.
Всего хорошего. Фе Ликс.

P. S. Если кто-то это прочтет, а одна из этих штуковин будет гудеть, свяжитесь со мной.
Срочно.

Флорри почесала в затылке. Фе Ликс? Где-то она слышала это имя. «Фе Ликс... ах да, это же главное божество, ответственное... — тут ангелица сглотнула слюну, — ответственное за шпионаж, дезинформацию и слежку».

Н-да. Мигающие лампочки, зуммеры и шпионаж. Выглядело все это не слишком радостно.

Вылетев из двери облака, Флорри тут же понеслась на поиски Фе Ликса. Правда, скорее из жгучего желания узнать, что же тут такое творится, чем из какого-то реального чувства долга.

Крошечный ярко-красный сторожевой мудемм на мгновение застыл в воздухе, прикидывая маршрут новой атаки. Затем он злобно загудел, пригнул усики, привел жалящий муравьиной кислотой хоботок в полную боевую готовность и выполнил аккуратную полубочку. Дальше он стремительно нырнул мимо мутно-черных чешуек, едва-едва избегнув здоровенного хлещущего хвоста, и нанес еще один укол в левую ягодицу Асмодеуса.

Банкир опять взвизгнул, подпрыгнул на несколько футов и схватился лапой за задницу. Сторожевой мудемм с удовлетворением покачал усиками и приготовился к очередной атаке.

В каком-то смысле будет даже печально, когда его жертва наконец-то найдет дорогу к бакам с экскрементами скверны и унижения, к которым она была приговорена. Тогда атаки придется прекратить. Надо сказать, что мудемм уже начинал в зловредно-садистской манере наслаждаться процессом.

Он с легкостью уклонился от взмаха когтей Асмодеуса, пока тот пытался отмахнуться от назойливого ярко-красного мучителя и забиться в какой-нибудь темный угол. Мудемм дисциплинированно загудел следом, настраиваясь еще на один колющий контакт. Уже изнывая от первых шевелений садизма, мудемм нацелил свой хоботок, налетел, ударил по цели — и тут же оказался размазан по чешуйчатой правой ягодице Асмодеуса резким ударом тяжелой лапы.

— И не говори потом, что я тебе ни разу не оказал крупной услуги! — прорычал Асаддам, вытирая со своей ладони останки насекомоподобного существа.

Асмодеус взглянул на главного менеджера Мортрополиса новыми, полными восхищения глазами. Что за герой! Спас его от такой муки, отчаянно рискуя получить болезненный укол!

Разумеется, Асмодеус понятия не имел о том, что сторожевой мудемм был запрограммирован на преследование только одной-единственной жертвы. А потому, размазывая тварь по банкирской заднице, Асаддам рисковал разве что растянуть кисть. Однако поскольку здесь имелась выгода от лишней возможности выдать

Асмодеусу внеплановое телесное наказание, то Асаддам отважно выполнил свой долг.

Обезмудеммленный банкир облегченно вздохнул.

— Но почему? — пробормотал он.

— Ты мне нужен, — раздраженно рявкнул Асаддам.— Ты что, забыл, какой сегодня день?

— Э-э... — Асмодеус до самого последнего времени был озабочен куда более насущными проблемами, касавшимися жалящих насекомых.

— Великий день, идиот! Д'Авадон! Помнишь? Давай за мной!

И Асмодеус бешеным галопом помчался вслед за Асаддамом, пока тот направлялся по узенькому проулку, ведущему к страхоскребу Греховной службы, для встречи с тысячами членов актерского состава.

Пара демонов ныряла и виляла по высвеченным багровыми огнями улицам Мортрополиса. Асаддам несся впереди, и сердце его бешено колотилось от нервного возбуждения.

У него оставался последний шанс позаботиться о том, чтобы все было подготовлено как надо к инспекционному визиту повелителя скверны д'Авадона — первому инспекционному визиту, которому он как главный менеджер должен был подвергнуться. И если все пройдет к полному удовлетворению д'Авадона, это также будет его последний визит.

Вся оставшаяся часть вечности ненадежно качалась на весах работы данного конкретного дня.

— Все готово? — рявкнул Асаддам Драгодилу, врываясь на Греховную площадь. Асмодеус держался вплотную за ним.

Почти десятифутовый вожак ментагонов встал по стойке «смирно» и едва заметным взмахом лапы четко отдал начальнику честь.

— Готово! — рявкнул Драгодил в ответ и хмурым взором обвел свою команду из одиннадцати ментагонов, пока они тоже принимали стойку «смирно», с шуршанием чешуек пристраивая трезубцы на левом плече.

— Тогда приступайте, — сквозь сжатые клыки прорычал Асаддам и метнулся к дверям страхоскреба Греховной службы. На полпути туда он вдруг поднял голову и резко остановился. Асмодеус налетел на него сзади, тут же выдавая всплеск подобострастных извинений.

— Где они? — проревел Асаддам, хватая Асмодеуса за рога и обращая физиономию хнычущего банкира к голому балкону на тринадцатом этаже. — Знамена! Где они? Говори!

— Я... э-э... я был тут немного занят с... — Асмодеус с извиняющимся видом потер ноющую задницу.

— Никаких оправданий! Я хочу, чтобы они там были! Прямо сейчас! — завопил Асаддам, отшвыривая Асмодеуса в сторону. Его мысленное око увлажнилось от гордости, когда он представил себе всю величественную сцену. Когда он увидел самого себя, Асаддама, законно избранного главного менеджера Мортрополиса, стоящим на украшенным знаменами балконе. Вот он машет когтями над багряными полотнищами, каждое из которых украшало раздвоенное копыто, скрещенное с трезубцем, символ Нового Порядка Мортрополиса.

— Давайте же! — выкрикнул Асаддам, ни к кому конкретно не обращаясь, и пинком проделал себе путь через дверь. Его копыто аж вышибло искры из ручки. Ментагоны Асаддама рассыпались по всем входам в страхоскреб Греховной службы, радостно размахивая трезубцами и выполняя по несколько разминочных ударов. Мгновения спустя вся Греховная площадь полностью опустела.

Оказавшись на тринадцатом этаже, Асаддам властно прошагал по пустому помещению бывшего Иммиграционного отдела и раскрыл одно из больших окон в дальнем его конце. Выступив на балкон и нетерпеливо постукивая копытами, он стал оглядывать свои владения.

Грубо высеченные гранитные башни корчились вверх в багровом сумраке, словно пытаясь дотянуться до каменного покрова далекой страхосферы. Асаддам оскалился, сцепив когти и шумно пощелкивая костяшками.

— Пусть представление начинается, — сказал он сам себе и представил, что у него под боком стоит д'Авадон. Повелитель скверны не будет разочарован.

— Ну, приступайте же! — проревел Асаддам с балкона. Голос его гулко резонировал в просторной пещере Греховной площади.

И, лишь с немногими едва слышными шепотками команд, а также несколькими щелчками кнутов для их подкрепления, представление началось.

Заслышав массовое шарканье и лязг цепей, злое сердце Асаддама подпрыгнуло от радости. Зрачки его расширились, когда лучи лавовых прожекторов вспыхнули темно-красным на верхушках окружающих башен, протянув свои зловещие лучи через всю площадь. «Превосходная деталь, — подумал Асаддам, с наслаждением делая глубокий вдох. — Должно быть, это Драгодил придумал».

В крутящихся кроваво-красных столбах появилась убогая толпа синхронных шаркальщиков из Огненных Ям, подгоняемых уколами поблескивающих трезубцев в лапах демонических тамбурмажоров из числа ментагонов. Шаркальщики двигались с идеальной синхронностью в считанных дюймах друг от друга подобно какой-то кошмарной хтонической многоножке — левой-правой, левой-правой...

Даже отлично зная, что их лодыжки стянуты кандалами, Асаддам все равно не мог отказаться от радостной мысли о том, что подобная точность является прямым результатом идеального диктаторства. Каждая из этих проклятых душ четко понимала, что если она сделает хоть один неверный шажок, ее тут же безжалостно проткнут трезубцами с дюжины разных сторон. Разумеется, Асаддам знал, что ужас перед трезубцем преобладал в каждом навеки проклятом разуме местного обитателя. Они будут двигаться как полагается. Даже без кандалов. Кандалы были всего лишь предосторожностью.

Лучи лавовых прожекторов повернулись и сосредоточились на устье широкой аллеи, когда оттуда послышались удары кнутов и басовое рокотание. Асаддам подался вперед, страстно желая увидеть, что же могло производить такой шум.

Четверка мучимых душ втащилась на Греховную площадь. Их голые торсы поблескивали от пота, пока они напряженно трудились позади массивных шаров твердого гранита. Вокруг них вопили и щелкали кнутами дикие демоны. Последовал краткий промежуток, а затем еще четыре гранитных шара были выкачены на площадь, и каждый отчаянно толкало потеющее тело.

Одновременно с противоположной стороны Греховной площади появился отряд давно скончавшихся футбольных фанатов, причем каждый болельщик сжимал в скованных наручниками ладонях факел вечного огня. Глаза Асаддама аж затуманились от эмоций. Ах какая эффективность, какое страдание! Просто роскошь!

Слеза гордости замерцала в уголке глаза главного менеджера, стоило ему только представить себе все это зрелище на фоне знамен и тысяч радостно размахивающих флажками демонов. Асаддам мог видеть, как каждый демон, заранее принужденный испытывать неистовое вдохновение, размахивает своей собственной эмблемой из раздвоенного копыта, скрещенного с трезубцем, — символом Нового Порядка Мортрополиса.

Безусловно, д'Авадону все это страшно понравится.

В Главном муниципальном храме Аксолотля воздух буквально шипел от наэлектризованности страхом и тревогой. Люди рявкали приказы группам своих подчиненных, которые затем резко разворачивались и спешили прочь, чтобы рявкнуть те же самые приказы тем, кто стоял на следующей ступеньке служебной лестницы. Монтеры рискованно болтались на веревочных лестницах, крепя свисающие корзины с розовыми и белыми цветами в тех местах, куда они обычно прилаживалии кривые зеркала или гелевые светофильтры. Оркестр из казу и окарин временами неожиданно вступал в действие, выхаркивал несколько случайных тактов марша в полный неистовства воздух, после чего самым что ни на есть жалким образом умолкал. Дирижер целыми клочьями терял волосы.

А пески времени все сыпались и сыпались с тектонической неизбежностью, безостановочно скользя к тому моменту, когда Блинни Плутт, любимец широких народных масс, единственный профессиональный конферансье Аксолотля и изобретатель бесчисленных коронных фраз возьмет в свои вечные избранницы фигуристую красотку по имени Нибель Меса, 38—24—36, особу доселе совершенно не известную. В этот момент глаза и мысли всего Аксолотля сосредоточатся на счастливой парочке, пока Блинни Плутт и Нибель Меса будут погружать чувствительные пальцы своих ног в теплое молоко супружества и молиться о том, чтобы оно не свернулось.

И все это преподносилось горному городу Аксолотлю вживую, в полном цвете, благодаря любезности Кормана Макинтоша, изобретателя и продюсера игрового шоу «Сам себе пророк!» Вышеупомянутый Макинтош нипочем не собирался позволить кому-либо об этом забыть.

— Обеспечьте мне абсолютную уверенность в том, что счастливая пара будет освещена самым лестным образом! — прокричал Корман монтеру, рискованно раскачивающемуся на конце веревочной лестницы. — Я должен ни секунды не сомневаться, что решительно все смогут увидеть их в наилучшем виде. Пожалуйста, милейший, никаких там уродливых теней или назойливых высвечиваний!

Монтер в ответ что-то невразумительно прокряхтел, пинком сдвинул вогнутое зеркало на несколько градусов влево и втолкнул перед ним фильтр из мелкой металлической сетки.

Оркестр выдул несколько тактов на три четверти. Все это закончилось диким воплем дирижера.

— Прелестно, просто прелестно, милейший, — принялся утешать его Корман, лишь еле заметно хмуря бровь.— Впрочем, еще только одно. Вы уверены, что все они смогут начать в одном и том же ключе? Да, незначительный пунктик, я знаю, но подобные мелкие детали порой имеют немалое значение. Чао!

Дирижерская палочка заскрипела в опасной близости от точки раздома, согнувшись в плотно сжатых кулаках с побелевшими костяшками.

К счастью для Кормана, он уже оказался вне пределов слышимости и вовсю бушевал на сцене, когда дирижер решил сбросить на кого-нибудь свой желчный гнев. Корману как раз случилось засечь одну из ткачих в тот самый момент, когда она тайком прокралась из заднего помещения и направилась к тщательно припрятанной бутылке авокадового джина. Всего лишь несколько часов тому назад это была вполне девственная бутылка, теперь же она почти опустела.

Дела шли не самым лучшим образом — с тех пор, как Шармани, покровитель моды, стиля одежды и декора, не сумел обеспечить достойное благословение всем соответствующим процедурам. Льняное полотно для специального покроя плаща Блинни совершенно необъяснимым образом потеряло форму и было отвергнуто в пользу мешочной ткани. Публично оглашенные жизненно важные параметры невесты за время, прошедшее между примерками и текущим моментом, непонятно как успели измениться. Несмотря на то что Нибель Меса по-прежнему выдавала свои 38—24—36, леопардовой расцветки платье из козерожьей шерсти, пошитое в точном соответствии с указанными пропорция-

ми, категорически отказывалось давать возможность для его натягивания. Вдобавок имелся еще и прискорбнейший случай отчаянной аллергии, которую одна из подружек невесты испытывала к козерожьей шерсти. В результате она капитально испоганила первое завершенное платье диким приступом кашля. Как только все заметили липкие сопли, тут же стало понятно, что эта гадость уже не отмоется. А кроме того...

— Э-э, милейшая, милейшая, — поманил ткачиху Корман. — Как же там все-таки дело с этими костюмами... гм... платьями? Все тип-топ?

Ужасная правда бурлила у женщины внутри. Она чуть было ее не расплескала, чуть было не выболтала, однако в самый последний момент сумела придержать язык. Ее ткачих не должны были обвинить в том, что хотя бы одна из них испоганила Блинни его великий день. Нет-нет, никоим образом.

— Тип-топ? — на мгновение взъярилась дама, но затем сжала зубы и принялась разыгрывать дурочку: — Да-да, конечно, все тип-топ. Все просто роскошно. Вам абсолютно не о чем беспокоиться, — она почувствовала уверенность, что Корман уловит писклявые тона паники в ее голосе.

— Безумно рад это слышать, милейшая. Продолжайте заниматься славной работой, чао! — И Макинтош отбыл, чтобы заняться очередным ничего худого не ожидающим работником.

Секунду спустя бутылка авокадового джина была опустошена.

— Ах, дорогой, милейший, — выдал трель Корман, вовсю размахивая ресницами в примерном направлении мужчины, который в данный конкретный момент особенно не хотел быть пойман продюсером. — Любезнейший, — с придыханием обратился Макинтош к главному флористу.— Как все идет? Как поживают ленты с бантами чисто аррайского блаженства?

Главный флорист мысленно пробежал по полям разнообразных бестактностей и расцветающих катастроф, как попало их перебирая. Следует ли ему говорить продюсеру, что розовое в воздушных композициях и свисающих корзинах кошмарным образом не гармонирует с отделкой платьев подружек невесты? Или что вне зависимости от усилий, затраченных им на поиски хризантемы, которая бы во всем подошла к леопардовой расцветке, самое лучшее, что ему удалось найти, привело специалиста по декору на самую грань буйного помешательства? Или что какой-то раздол-

бай собрал сто девяносто семь голубых анютиных глазок для гостей мужского пола со стороны жениха и триста восемь тигровых лилий для гостей женского пола со стороны невесты — тогда как все должно было быть наоборот?

Нет, ни в коем случае. Главный флорист категорически не хотел, чтобы все запомнили его как того самого монстра, который испоганил Блинни его великий день.

Тогда, нацепив на растерянное лицо слабую улыбку, он похлопал Кормана по плечу.

— Не о чем беспокоиться, — прошептал флорист.— Р-решительно не о чем.

— Грандиозно, милейший. Чао! — И Макинтош снова отбыл, направляясь к главному входу, чтобы проверить там еще какую-нибудь деталь, имеющую жизненно важное значение.

Позади него оркестр проплевался и ожил — однако, проскользнув через три такта жуткой какофонии, тут же скончался снова.

— Нет, нет и нет! — заверещал дирижер. — Окарины, это в ре-миноре! В миноре!!!

Пока Корман тянул за массивное кольцо ручки главного входа, с той стороны послышался безумный топот, и Блинни Плутт ворвался в Главный муниципальный храм, распластывая Макинтоша по полу. С виду жених сильно смахивал на полоумного страуса.

— Корман! Корман!

— Да здесь я, — пробормотал продюсер, с трудом отлепляясь от пола и в диком ужасе глазея на голову Блинни. Там вместо аккуратных завитков мальчишеских локонов и мгновенно узнаваемой фирменной челки конферансье находилась поблескивающая гладкая масса волос, намертво приклеенная к его черепу. Корман никогда раньше не замечал, какой Блинни лопоухий.

— Ну-ну, дражайший мой, в чем дело? Нервишки пошаливают, да? Сердце трепещет? — профессионально залебезил продюсер, прекрасно зная, какими чувствительными бывают эти конферансье и что им всегда требуется моральная поддержка.

— Вот! — паниковал Блинни, лихорадочно указывая на свои волосы. — Это все укладка!

Судя по всему, обгорелый, да еще не благословленный ячмень не особенно годился для производства идеального церемониального шампуня. Впрочем, насколько ему недоставало способности к кондиционированию, настолько же ему хватало железной хватки.

— Ах-х, — только и сумел выдавить из себя Корман. Тем не менее не стоило тревожить главную звезду дня, сообщая ему, что вид у него такой, как будто он целую ночь простоял вниз головой в тазу с патокой. О нет, тогда он будет страшно озабочен своим имиджем и может даже забыть свой текст.

День будет непоправимо загублен, а Блинни за всю свою оставшуюся жизнь больше не проведет ни одного шоу в Аксолотле!

Корман внезапно понял, что ему надо делать. Изобразив на физиономии самую лучшую свою лживо-восторженную улыбку, он сцепил руки у груди и подскользнул к конферансье.

— Какой классный новый имидж, дражайший мой! Совершенно изумительный! Полюби его, полюби его, полюби! И как это удачно совпало во времени! Новый имидж в тот самый день, когда ты становишься абсолютно новым человеком. Долой плейбоя, на сцену выходит... Ох-х! А ты и впрямь гений и задира. Так скажем, славно хранить под шляпой такую идею! — И продюсер игриво ткнул Блинни кулаком в плечо.

— В-вам нравится? — пролепетал Плутт, ничего не понимая.

— Да, Блинни! А теперь иди. Нам тут еще массу всего надо сделать! — И как минимум минуту на всякий случай проклиная свой лживый язык, Корман повел звезду прочь. Все в Главном муниципальном храме испустили вздох острого облегчения.

Если точнее, то не испустил этот вздох только капитан Мабыть, который стоял на крыше, осматривая горизонт на предмет любых признаков катаклизмических метелей, которые были предсказаны видениями «Жутких снежных тварей морозного Апокалипсиса».

— Нет-нет. Одна группа из четырех и одна из пяти! — раздраженно проревел Бубуш божествам в становящихся все более тесными жилищных условиях пещеры Ублейра.

— Э-э... прошу прощения, но ранее вы сказали про равные группы, — заметил Мэтр д'Отель, божество, ответственное за организацию рассаживания. Последний новичок в растущей группе похищенных божеств, он радостно ухмыльнулся себе под нос. Мэтр д'Отель был просто счастлив узнать, что его навыки с таким же успехом могли применяться не только к стоячим группам, но и к имеющим мирно сидячий характер.

Нетерпеливо постукивая когтями по столу, Бубуш хмуро взглянул на возразившее ему божество.

— Я знаю, — угрожающе прошептал демон. — Я передумал, понятно?

Остальные восемь богов, не на шутку озадаченные этой новой игрой, явно рассчитанной на улучшение их навыков менеджмента, шаркали вокруг и ожидали дальнейших инструкций. Странное дело, но они были загадочным образом взволнованы этим своим первым интерактивным уроком.

Получение приказов от того, кто знал, что они здесь делают, оказалось для них прямо-таки глотком свежего воздуха. Это было несравненно приятней неловкого просиживания на надоевших бесконечных обсуждениях так называемых «прочих вопросов». Там любое божество, у которого вдруг оказывался хотя бы мимолетный интерес к обсуждаемому вопросу, обрывалось, осыпалось доводами и контрдоводами, обшикивалось, осмеивалось — и в конечном итоге приходило к решению, которое несколькими часами раньше было ослепительно очевидно для всех остальных.

— Мне нужны две группы, одна из четырех персон и одна из пяти. Мне наплевать, как именно вы разделитесь. Просто сделайте это! Ясно? — властно рявкнул Бубуш.— Одна группа — в один конец пещеры, другая — в другой, усекли?

Все присутствующие прекрасно это усекли. Однако непосредственное будущее представлялось им куда более смутным. Не один только Ублейр недоумевал, что же такое задумал Бубуш. Особенно когда тот взялся за обсидиановый стол, подтащил его к одной стене, перевернул и спрятался за ним.

После еще нескольких более истерично выкрикнутых приказов божества все-таки сумели занять положение, которое, судя по всему, привело Бубуша в умеренное удовлетворение.

— А теперь слушайте! — заорал он, поочередно указывая загнутым когтем на каждую из групп. — Необходимо, чтобы вы как можно быстрее подбежали друг к другу. И что бы ни случилось, даже не думайте останавливаться. Ясно?

Мэтр д'Отель недоуменно заморгал и осведомился:

— Просто бежать?

Бубуш кивнул.

— К ним?

— Да! А что, с этим проблема?

— Гм, вообще-то да. Зачем?

— На этот счет не тревожьтесь. Все равно не поймете. Просто сделайте это — и дело с концом!

Ублейр стал наблюдать, как Бубуш делает последние регулировки на святынеискателе, а Мэтр д'Отель пожал плечами.

— Ну, вперед! — проревел Бубуш и снова нырнул за стол.

Божества смущенно покачали головами, пожали плечами, развели руками — а потом все-таки затопали по полу пещеры, постепенно набирая скорость и обзаводясь инерцией.

Тут-то Ублейр это и заметил. Над головами членов каждой из групп почти невинно парила слабая пурпурная аура, едва различимая в красноватом сумраке лавовых ламп. Изумленный, Ублейр внимательно наблюдал за ней. Глаза убеждали его в том, что по мере сближения двух групп происходило нарастание интенсивности благочестия.

Трепет опасности бился в теле Бубуша подобно буйному зайцу в силке.

Топот ног нарастал, расстояние между божествами стремительно уменьшалось — и внезапно они с глухим стуком столкнулись.

В это самое мгновение девять порций святых волн оказались выплюнуты друг в друга. Пурпурные ауры над головами божеств расширились, переходя в фиолетовое мерцание, искажая воздух кривящимися вихрями чистой веры. Безошибочно узнаваемый запах ладана и недавно потушенных свечей разнесся по всей пещере.

Пока Ублейр и Бубуш с разинутыми пастями вглядывались из-за края обсидианового стола, рев праздничных хоров зазвучал на самом пределе слышимости, а пещера словно бы взорвалась мишурным восторгом. Металлический взвизг диссонантно прорезался сквозь комфортный слуховой ковер, когда святынеискатель, проскрежетав по полу, врезался в стену.

И тут Ублейр завопил.

Глаза его выпучились, когда пурпурный шаровер благочестия восьми футов в поперечнике набух в пещере, потрескивая, словно небольшая гроза, запертая внутри ошарашенной медузы и пытающаяся оттуда вырваться. А когда хрупко подрагивающий шаровер оторвался от божеств, Бубуш запрыгал от радости.

— Да, да, да! — забулькал он сквозь сжатые клыки.— Это просто идеально!

— Ты что, совсем спятил? — залепетал Ублейр, хватая Бубуша за шею. — Что ты такое сделал?

— Получил ответ! — ухмыльнулся в ответ Бубуш, пока восьмифутовый мерцающий сгусток благочестия медленно плыл к потолку. — Видишь, какой размер?

— А что за ответ?

Бубуш с энтузиазмом вгляделся в озадаченные глаза Ублейра.

— На сегодняшней инспекции д'Авадона Асаддам получит все, что ему причитается! — Желтое безумие поблескивало вокруг зрачков демона. — Еще до ужина у нас будет новый главный менеджер. Я это сердцем чую!

— Но как?

— Нам потребуются две самые быстроходные телеги, какие мы только сможем раздобыть, и все получится! Вперед, вперед!

Недоуменно покачивая головой, Ублейр направился к дверям.

В другой стороне подземного царства Уадда на относительно мирном участке берега реки Стикс примостился просторный розовый дворец, дополненный витой оградой, раскидистыми садами и площадкой для приземления крупных летающих существ. Бордюры из раскаленных докрасна убилий, оградиолусов и целого полчища жутко-шипастых тютюльпанов шипели под целым рядом охлаждающих вентиляторов или набрасывали свои задыхающиеся покровы на обширные участки местных валунов. И среди всего этого нарочито инфернального великолепия топал один-единственный недовольно ворчащий дьявол.

Копыта его злобно хрустели по мраморной крошке извилистых тропок, пока он проделывал свой путь к стойлам птеродактилей. Впереди дьявола неслась мощная волна его репутации.

За добрых десять секунд до того, как он ворвался в дверь стойла, громадное чешуйчатое существо понюхало воздух, подергало рогатыми ноздрями и радостно помахало парой хвостов в своем стойле. Птеродактилица Гарпи пошевелила тридцатифутовыми крыльями, предвкушая появление повелителя скверны д'Авадона, своего дорогого демонического хозяина. Три, два, один...

Ручка двери заверещала в знак протеста, когда ее чуть было не вырвала с мясом здоровенная лапа д'Авадона. Волны лишайниковой попоны вырвались в сернистый воздух, стоило только Гарпи

возбужденно захлопать крыльями, радостно отмечая тот факт, что ее хозяин уже был облачен в летную мантию.

Видеть д'Авадона всегда было радостью для верного чешуйчатого зверя, особенно в этой маитии и защитных очках. Такое облачение всегда означало стремительный полет по иссиня-черному небу. Или по крайней мере несколько славных лопат лучшего угольного угощения.

Гарпи принялась радостно пускать слюну и резвиться в стойле, пусть даже и не была до конца уверена в том, что ее ждут аппетитные хрустящие кусочки или чувство приятного прикосновения лямок, пряжек и мириад прочих креплений ее упряжи.

Пока повелитель скверны д'Авадон шагал по булыжникам пещеры, лицо его морщилось в смутной улыбке. Пусть даже сегодня был один из тех дней, которых он бы с радостью избежал.

Что заставило повелителя скверны согласиться на эту инспекционную поездку, так и должно было остаться для него полной загадкой.

Если бы тот выскочка, главный менеджер Мортрополиса, не предложил эту дьявольщину, д'Авадон смог бы провести весь день, ухаживая за раскаленными докрасна убилиями. Будь проклята эта грязная тварь. Вот паразит! Как там его зовут? Начинается с буквы «а»... Аспид?.. нет... Авзазел?.. тоже нет... Асаддам?.. Да! Точно! Вот ведь мелкий бюрократический мудозвон...

Гарпи любовно потерлась ноздревыми рогами о наждачную гладь лапы д'Авадона и вытянула его из мрачной задумчивости.

Сунув лапу в карман летной мантии, повелитель скверны вытащил оттуда целую пригоршню угощения. Гарпи оглушительно завыла, вытолкнула наружу багровый язык и была вознаграждена славной порцией серных хрустяшек.

Шумно прожевывая хрустяшки, дактилица с нарастающим восторгом наблюдала за тем, как д'Авадон направляется к кладовке с упряжью. Это означало только одно. Они полетят! Ах, какая радость! Прошло уже слишком много времени с тех пор, как они последний раз пролетали по небесам.

Сказать правду, это было не далее как позавчера, но для верной птеродактилицы Гарпи промежутки между полетами всегда были слишком долгими.

Напрягаясь под целой охапкой уиряжи, д'Авадон вернулся в стойло и принялся снаряжать шумно мурлычущего монстра, едва

успевая уклониться от пары радостно машущих хвостов и хлещущего языка. Повелителю скверны приходилось признать, что порой Гарпи бывала слишком уж рада его видеть.

Через десять минут все было закончено. Стремена, седло, поводья, мешок с серными хрустяшками — все оказалось на месте. Единственное, что д'Авадон упустил, так это пару греховных флагов Уадда на каждом из ноздревых рогов. Почему-то сегодня у него не было настроения их туда водружать.

Крепко сжимая в лапе поводья, д'Авадон потянул за большой рычаг и дождался, пока дверцы на крыше со скрежетом распахнутся.

Гарпи с энтузиазмом смотрела на ширящийся простор клубящегося миазмического воздуха и нетерпеливо подергивала крыльями, стремясь поскорее снова оказаться там, привольно и радостно резвясь среди вихрей и восходящих тепловых потоков.

Опустив защитные очки, д'Авадон дважды щелкнул языком, и Гарпи скакнула вверх. Тридцатифутовые крылья ударили по воздуху, устраивая в дактилюшне настоящее торнадо из лишайниковой попоны.

Пять махов спустя они уже вылетели из крыши и стали подниматься. Гарпи вовсю старалась, ощущая восторг инфернального воздуха под своими крыльями.

Все последние полчаса они гуськом входили туда. Наконец последнего аксолотлианца спросили «жених или невеста?», вручили ему голубые анютины глазки или тигровую лилию (в зависимости от ответа) и препроводили на соответствующую сторону Главного муниципального храма. Напряжение уже было высоким, спонтанные всплески восторженных криков и аплодисментов вспыхивали точно неуправляемые пожары в иссохшей прерии. Если бы кто-то сумел замерить средний уровень восторга среди членов аудитории, этот восторг наверняка смог бы сравниться с тем, который был испытан во время недавнего финала игрового шоу «Сам себе пророк!»

И за все это следовало благодарить одного совершенно конкретного продюсера. Этот день граждане Аксолотля должны были запомнить на всю свою оставшуюся жизнь. Мысль эта внедрялась в их скучное, суеверное существование непосредственно, вживую, в полном цвете, именно так оно и происходило благодаря любезности Кормана Макинтоша.

Глянцевые сувенирные программки с восторженными оценками и разными закулисными секретами уже были полностью распроданы. Торговцы конфетти лишились всех своих ресурсов, а к концу дня в каждом платяном шкафу Аксолотля должна была гордо висеть специальная тога с надписью «Великий день Блинни и Нибель». Торговля заблаговременно разлитым по бутылкам авокадовым джином «Льдинка» тоже шла бойко, пока народ готовился к традиционному глотку благословения, чтобы алкогольным способом вытолкнуть счастливую парочку плавать в морях супружеского блаженства.

Внезапно главный вход наглухо закрылся, погружая всю аудиторию в угольно-черный мрак и поднимая одобрительный гул среди тех, кто оказался внутри.

Снаружи единственный субъект смущенно плелся по Слоновой улице, чувствуя себя очень неловко во вдруг опустевшем городе. Решительно все остальные уже отправились в Главный муниципальный храм в самых лучших своих тогах. Даже те исключительно редкие граждане, что презирали Блинни Плутта как бездарного фигляра, тоже там присутствовали — скорее просто ради самозащиты, чем еще с какой-либо целью. Если бы кто-то впоследствии завел бредятину о том, каким роскошным получился весь тот день, как классно выглядел Блинни или какая же все-таки счастливица Нибель Меса, что сумела подцепить такого мужчину, они просто смогли бы поднять ладонь и остановить тошнотворную тираду простым: «Знаю, я сам там был». Это, в частности, могло бы избавить их от многих лет боли в ушах.

Едва слышный поверх гула нетерпеливого ожидания, громким шепотом был выдан целый ряд команд, и массивный свадебный поезд оказался толчком приведен в движение. Казу и окарины оркестра Главного муниципального храма завели свою мелодию, чудесным образом оказываясь в ладу друг с другом. Затем одним рывком было распахнуто окно на крыше. Мерцающие лучи солнечного света с кружащими в них пылинками попали на зеркала высоко на стропилах и пошли дальше, отражаясь от сложной системы разнообразной оптики. Круглое пятно света вспыхнуло на плотных портьерах за несколько секунд до того, как их развели по сторонам.

И, к несказанному восторгу Кормана Макинтоша, толпа дружно ахнула и затихла, глядя на сцену, когда роскошное зрелище отпечаталось на сетчатках глаз всех присутствующих.

Букеты гладиолусов, люпинов и хризантем топорщились в цветочном высокомерии, пытаясь затмить гирлянды златоцветов, тигровых лилий и амброзий, что драпировали каждое доступное отверстие и трещину. Это был не просто бунт красок, а полномасштабная их война.

Впрочем, тишина в аудитории долго не продлилась. Радостно прошагав на сцену и выпрыгнув в луч прожектора, Корман оказался последним кристалликом в перенасыщенном растворе до предела возбужденной публики. Его внезапное появление кристаллизовало безмолвные восторги в бурные аплодисменты, какофоническую радость и заградительный огонь насквозь пронзающего уши свиста.

Корману потребовалось выждать добрых десять минут, прежде чем он понял, что его смогут услышать.

— Дамы и господа Аксолотля, от лица своего предприятия и от себя лично я хотел бы поприветствовать вас на брачном спектакле года! Пожалуйста, отдайте ваши аплодисменты сегодняшнему церемониймейстеру, человеку, который, как вы все, несомненно, знаете, является самым уважаемым и опытным главным муниципальным пророком... итак, поприветствуем! Вот он, единственный и неповторимый, капитан Мабыть!

Грозовые бури бешеного одобрения шумно разрядились, когда до странности пухлая фигура сгорбленно прошаркала в расширяющееся световое пятно. *Из всего собравшегося в храме народа* Мабыть, пожалуй, менее всего рад был здесь находиться.

Казалось почти абсурдным ввязываться в подобную избыточную фривольность, когда в любой момент с любой стороны могли принестись катаклизмические метели. Что ж, по крайней мере, капитан не склонен был рисковать. И в данный момент он был закутан в большее число слоев самой разнообразной одежды, в чем отважился бы признаться.

Безусловно, Мабыть горько сожалел о том, что его подбили на всю эту церемонимейстерскую ерунду. Но его так мило упросил этот столь торопливый мистер Макинтош, так сладко при этом ему улыбаясь, разглагольствуя о том, какой честью для них будет заполучить главного глашатая по предвидению, как это поможет им в будущем, а также как одно присутствие достойного капитана обеспечит всей процедуре атмосферу наибольшего благоприятствования... короче говоря, Мабыть просто не смог отказаться.

А Корман при этом испытал безумное облегчение. До того момента он не мог найти никого, кто захотел бы выполнить эту роль. Никто не хотел принимать участия — слишком много требовалось усилий. Кроме того, невозможно получить все выгоды от атмосферы великого события, если ты не находился в аудитории, не видел, как разворачивается весь спектакль. К счастью для Кормана, о существовании игрового шоу «Сам себе пророк!» капитан Мабыть услышал всего лишь несколько дней тому назад, и поэтому не был слишком озабочен тем, что, пребывая на сцене, лишится своего законного места в публике и пропустит всю эту хренотень.

Корман впрыгнул обратно в луч прожектора.

— И вот те два человека, которых вы все пришли увидеть. Вот они идут, Блин... — Голос продюсера оказался погребен в подлинном цунами восторга, когда парочка, которой вскорости предстояло стать счастливой, рука об руку вошла.

В недрах публики определенные модельеры, флористы, визажисты, стилисты и просто парикмахеры хлопали с энтузиазмом, но держали ушки на макушке на предмет любых случайных замечаний. Они за многие мили могли видеть свои огрехи. Эта поспешно подшитая кромка и недостающая сумочка с леопардовым узором, эти вянущие анютины глазки и вопиющая бутоньерка, эта фирменная набриолиненная челка, что вызывала подозрения одним своим отсутствием... Все хлопали, затаив дыхание и страшась последствий.

Поразительным образом никаких последствий не было. Почти все население Аксолотля стянулось сюда, желая увидеть, как гениальный конферансье Блинни Плутт соединится с мисс Меса в смерче тошнотворно-сладкой любви из волшебной сказки. И в тот момент упомянутому населению было совершенно не важно, как они выглядят, что носят и сколько цветков там завяло.

Все это безжалостное убийство действующих лиц могло подождать до тех пор, когда начнется движение разных слухов и сплетен. Вот тогда люди смогут обнажить острые зубы своей неистовй зависти. Но это будет несколько позже. А теперь происходили вещи куда более важные.

Капитан Мабыть, стоя под палящим лучом сфокусированного прожектора, начал отчаянно потеть. Хотя это вполне могли быть просто нервы. К большим толпам главный муниципальный пророк обращаться не привык.

Без лишнего мельтешения Мабыть решил завести свою церемониальную речь, которую он зубрил всю ночь и которая отняла у него почти столько же времени бодрствования, что и «Жуткие снежные твари морозного Апокалипсиса».

Капитан откашлялся, и всю аудиторию окутала неловкая тишина. Тишина, которая буквально гудела напряженным предпраздничным настроением и сдерживаемыми радостными воплями.

Капитан Мабыть повернулся с Нибель Меса, облаченной в обтягивающую леопардовую тунику из козерожьей шерсти, и с трудом удержался от того, чтобы разинуть рот при виде ее щедро украшенной цветочными гирляндами ложбинки меж грудей. Струйка пота потекла по лбу капитана, исчезая в подходяще кустистой брови.

— Желаешь ли ты его? — произнес он традиционный вопрос. — Скажи: «Да, Блин».

Ответ девушки утонул в дружном вопле толпы, которая просто не смогла удержаться от того, чтобы тоже крикнуть: «Да, Блин!» Однако все увидели, как ее губы томно шевельнулись, так что все было в порядке.

Мабыть, чей истекающий потом лоб отражал луч прожектора почти с той же эффективностью, что и лучшие зеркала, повернулся к Блинни Плутту с его радикально новым стилем прически, а также предельно чесучей на вид фрачной мантии из мешочной ткани, и спросил:

— Желаешь ли ты ее? Скажи: «Да, Блин».

— Да, Блин! — завопила толпа, тогда как Блинни просто с энтузиазмом кивнул. Итак, его аудитория ответила, его публика откликнулась безоговорочным подтверждением. И если люди так этого хотели, как он мог хотя бы помыслить об отказе? Если бы Блинни Плутт и впрямь посмел бы отказаться, его карьере тут же пришел бы конец.

Вымоченный в поту капитан Мабыть должен был закончить всю процедуру.

— Она твоя, — вяло объявил он в древней традиционной манере.

В звуке открывающихся бутылок с авокадовым джином «Льдинка» утонуло решительно все. А следом прокатилась волна неистового булькания, когда тысячи граждан Аксолотля с радостью бросали себе в глотки алкогольную дань.

Корман понимал, что целая вечность уйдет на то, чтобы подобрать все пробки, но в тот конкретный момент ему было все равно. Ему просто было решительно на это плевать.

В конце концов, дальше должны были последовать метели из конфетти, а затем — торжественный прием.

В крошечном проулке на задворках Огненных Ям Мортрополиса неустанно скребла лопата. Этот звук гулко отражался в темном нутре грузового фургона. Последние десять минут Бубуш наблюдал за всем этим из теней. Сердце его буквально порхало от нервного возбуждения.

Наконец демон-доставщик серы опорожнил последнюю лопату в широкое жерло засыпной воронки бункера и выпрямился, вытирая поблескивающий от пота лоб, с рыком распрямляя отчаянно ноющую спину и скрипучий инфернальный позвоночник. Утерев тыльной стороной чешуйчатой ладони сопливый нос, он протянул руку за доставочным пергаментом и со стуком копыт ловко спрыгнул на землю.

— Закончил? — прорычал Бубуш, появляясь из теней и заступая демону дорогу.

— Угу. Все пятнадцать тонн в бункере. Подпишите вот здесь, — протянув доставочный лист, он указал на корявый крестик. Бубуш ухмыльнулся, нацарапал там беглый росчерк и вернул пергамент. — На той неделе увидимся,— прохрипел демон и отвернулся.

Он и понятия не имел о летящей к его затылку лопате, пока не услышал стук — и не очнулся шестью часами позже с жуткой головной болью.

Бубуш бросил лопату и запрыгнул на сиденье кучера фургона. Секунду спустя он громко хлестнул вожжами по панцирю скалодонта, который увлеченно грыз несколько кусков гранита, и привел мощного зверя в движение.

Затем, дико ухмыляясь, Бубуш принялся безостановочно щелкать кнутом над грохочущим вперед скалодонтом, быстро направляя его прямиком в Шанкер, деловую часть Мортрополиса. Несколько минут спустя он резко затормозил возле пещеры Ублейра, останавливая грузовой фургон рядом с другим таким же, тоже недавно угнанным.

— Давай, давай! Нельзя терять ни секупды! — заорал он Ублейру, пинком прокладывая себе путь через дверь.— Загружай их. Пятеро со мной, четверо с тобой.

Ублейр соскочил со своего мешка с галькой и гуртом погнал четверку богов к своему фургону, отчаянно стараясь не обращать внимания на назойливые сомнения, которые упорно копошились где-то у него в затылке.

Угон пары фургонов был весьма малым преступлением по сравнению с похищением и незаконным ввозом в Уадд девяти аррайских божеств с целью сбросить законно избранного главного менеджера Мортрополиса путем авантюрного мятежа.

— Только моего сигнала дождись, ага? Без него никуда не двигайся. Выбор времени критически важен! — сжато прорычал Бубуш. — Что делать, ты знаешь. Кнут взял?

Ублейр просто кивнул. Ни на что большее у него уже шансов не оставалось.

Бубуш, судя по всему, совершенно не заботясь о риске близкого контакта со святыми волнами, затолкал пять божеств в фургон, наглухо захлопнул задние воротца и загрохотал по переулку в облаке красноватой пыли. Мозг его бурлил от инфернального предвкушения совершенно определенной победы. Как сможет Асаддам выстоять против критической массы святых волн, которые совсем скоро будут выпущены? Несомненно, сразу же вслед за этим должен будет последовать очень бурный конец весьма короткой карьеры.

Кнут Бубуша принялся бешено хлестать правый бок разгоняющегося скалодонта, когда стал приближаться резкий левый поворот. Секунды спустя телега завернула за угол, на считанные дюймы миновав потерянно бредущую фигуру — да и то лишь потому, что фигура эта отчаянно метнулась в сторону.

Бывший его высокопреподобие Елеус Третий скомканной грудой лежал в придорожной канаве и жалобно стонал, пока вокруг него оседала пыль. Это было просто несправедливо. По-настоящему несправедливо. Единственная надежда Елеуса на избавление из Уадда исчезла по ту сторону реки Флегетон, зайцем проскользнув на паром, который дьявол знает куда следовал. Если бы только он получил шанс уверовать и тем самым спастись! Или если бы у него только нашлась отвага уплыть вместе с Брехли Треппом...

Елеус жалобно качал головой. Жизнь его оказалась пустой тратой времени, а оставшаяся часть вечности особой надежды на улучшение явно ему не предлагала.

Несчастный Елеус отчаянно желал знать, где его высокобесподобие Брехли Трепп мог находиться прямо сейчас. Он обратился с безмолвной мольбой ко всем, кто мог его слышать и дать ему подсказку на предмет того, где этого самого Треппа можно было найти. Отвергнутый и подавленный, Елеус с трудом поднялся на ноги и наугад выбрал дальнейший маршрут — брести дальше по проулку справа от себя.

Прямо сейчас он понятия не имел, где находится. Впрочем, Елеуса это и не волновало. Скорее всего, еще задолго до конца вечности он сумеет найти дорогу к какому-то знакомому месту.

Тяжко вздыхая, бывшее его высокопреподобие поплелся дальше.

Уже удалившись на тридцать футов в густой сумрак, он вдруг остановился, наклонил голову и прислушался.

На миг Елеус почувствовал уверенность, что расслышал гомон полных энтузиазма голосов и буйный топот несущихся копыт, нарастающий с каждой секундой. Еще на один миг он ощутил убежденность, что голоса эти выкрикивают «Трепп, Трепп!», но отбросил это как скорбную иллюзию горестно расстроенной души, оставшейся наедине с нескончаемыми уаддскими муками.

Елеус сильно ошибался.

Протяжные выкрики и стук копыт сделались еще громче, оглушительно вторгаясь в его уши, когда дикая толпа очень-очень бывших иммиграционных чиновников вывернула из-за угла и с безостановочной неустанностью устремилась дальше по улице. А высоко на приливной волне бесчинствующих демонов корчилась отчаянно вопящая фигура в черной сутане, несомая словно священный талисман на крыльях истинной веры. Веры в рудничные рукавицы «Тяпки-ляпки», запрос на которые главный менеджер Мортрополиса просто обязан был обеспечить.

В очередной раз выбравшись из канавы, Елеус отчаянно замахал руками и, задыхаясь, устремился следом за толпой.

— Эй, подождите! — жалобно кричал он. — Вернитесь, я правда очень хочу вам что-то сказать. Эй, Трепп, да погодите же маленько!

* * *

Серебристое облачко Схрона пролетело с небес над «Манной Амброзией», резко затормозило и остановилось в своей специально забронированной ячейке. Негромко гудя себе под нос, верховный ответственный за аппетитные припасы выбрался оттуда и направился к выходу. Радостный мотивчик дрожал у него на губах. Сегодня Схрон был в превосходном настроении.

Он только что закончил подбивать подушные цифры двухмесячного баланса, и впервые за добрые несколько столетий ему показалось, что аррайский народ стал по-настоящему уделять внимание своим обязанностям. Откуда именно поступали новообращенные, Схрон не был до конца уверен, однако цифры вдруг резко подскочили буквально у всех. Причем это не был просто небольшой подъем, какой обычно случается за несколько дней до крупных религиозных праздников. Нет, все выходило почти так, как если бы некие сверхревностные миссионеры внезапно открыли абсолютно новый континент, где о самой идее религиозной веры никто еще даже не слышал. Зал, где размещались Индикаторы Веры, просто гудел от неистовой интенсивности, пока все новые и новые искорки добавлялись к сиянию внутри.

Удивительное дело, но слабое попыхивание виднелось даже в Индикаторе Веры Импо Тента, божества целомудрия. Н-да. Откуда бы эти его новые последователи ни выскакивали, это определенно было очень странное место. Так или иначе, совсем скоро Схрон должен был все об этом узнать. А тем временем он был просто очарован тем, как славно божества трудились на фронте обращения. В глубине души верховный ответственный за аппетитные припасы даже испытывал ко всем своим коллегам некую признательность.

Радостно насвистывая, Схрон пробрел мимо припаркованных бок о бок серебристых облаков, пожалуй впервые за всю вечность совершенно не торопясь занять свое место за Верхним Столом.

А затем он увидел, как фигура, явно страдающая избыточным весом, шаркает к выходу из своей посадочной ячейки, и просто не смог удержаться:

— Эй, Алкан! Славный денек, не правда ли?

Алкан резко остановился и застыл в полной неподвижности от шока. Он не мог поверить своим ушам. «Славный денек?» Конечно, денек был славный. Ведь здесь был Аррай.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — ухмыльнулся Схрон, догоняя Алкана и слегка от этого запыхавшись.

— Я... вам сказать? — не без некоторой опаски переспросил Алкан. Прошло по меньшей мере четыреста лет с тех пор, как Схрон последний раз обратился непосредственно к нему. Да и то он тогда просто попросил передать ему черный перец. Алкан озадаченно почесал в затылке. Что Схрон вообще-то мог иметь в виду? О каком конкретно событии всех этих лет он хотел, чтобы ему рассказали? На уме у Алкана в тот момент имелось только одно, но это был его личный секрет.

— Ну, Алкан, так что там у тебя за секрет, а? — странным заговорщицким шепотом поинтересовался Схрон. Глаза его сияли блеском интриги.

— С-секрет? — выдавил из себя Алкан. Неужели Схрон знал о Треппе?

— Ага. Валяй, можешь мне все рассказать. Мне ведь лишние приверженцы не нужны, верно? Пока здесь на кухне орудует Тони Фабриции, у меня есть вся поддержка, какая мне только нужна от вашей шараги. Ну давай, расскажи — откуда ты всех этих новых верующих получаешь?

Алкан внезапно задохнулся. Все и впрямь сработало! Его питомец из Речистых Миссионеров исправно поставлял товар.

— Верующих? — Алкан умышленно сделал вид, что не понял. Не будет ничего хорошего, если он позволит своим методам выйти на свет. Мошенничество в Аррае почетом не пользовалось.

— Нечего со мной разыгрывать дурачка, — проворчал Схрон, хмуря кустистые брови. — Что ты теперь делаешь такого, чего раньше не делал, а? Твой Индикатор Веры только что не лопается от новых горячих поклонников.

Внутренне Алкан подпрыгнул от радости, увлеченно молотя кулаками по воздуху и дико вереща. Все сработало на славу! Команда его верных приверженцев все разрасталась, и Схрон это заметил. Услышанная новость мгновенно подвела его вплотную к Верхнему Столу. Схрон сказал ему чистую правду — сегодня действительно был славный денек!

Однако один этот ответ раскручивал целую сотню разных отчаянных вопросов. Как он продвигался в сравнении с Огдамом, своим давнишним соперником? Было бы в высшей степени непрофессионально со стороны Алкана спросить напрямую, но он должен был знать. Две недели ожидания стали бы сущим мучением.

Закрывая дверцу бухточки, Алкан спросил:

— А мой прирост в цифрах, он... э-э... уникален — или есть и другие, кто демонстрирует схожую тенденцию?

— А какая тебе... — это было единственным ответом, какой Алкан успел получить, когда Схрон врезался в самый конец змеящейся очереди из равнодушно шаркающих божеств. — Что здесь происходит? — проревел верховный ответственный за аппетитные припасы, локтями пробивая себе дорогу сквозь очередь и направляясь прямиком ко входу в «Манну Амброзию».

Алкан попытался уверить себя в том, что все идет славно и замечательно. Не стал бы Схрон спрашивать его о недавнем увеличении числа поклонников прямо на облачной парковке, если бы его цифры не были бы уникальны, разве не так?

Схрон тем временем с ревом пробивал себе дорогу в переднюю часть очереди.

— Что здесь происходит? Почему все тут стоят?

— Такова п-процедура, — официальным тоном ответил Херокс, ответственный за календарное планирование, собрания и важнейшие встречи.

— Что? — прохрипел Схрон, тут же заключая, что сегодняшний денек стремительно становится все менее славным.

Херокс вытянулся в полный рост и, едва пряча самодовольную улыбку, приготовился доложить о капитальном небрежении своими обязанностями одним божеством, его коллегой по организации.

— Мэтр д'Отель не объявился! — объявил он. — Было бы в высшей степени н-непозволительно с нашей стороны п-просто п-предположить, что мы в т-точности знаем, где находятся наши п-посадочные места. Без руководящего и н-направляющего присутствия б-божества, ответственного за организацию рассаживания, чтобы н-нас н-направлять, мы просто не можем войти.

— И Мэтр д'Отель тоже? Где он? — рявкнул Схрон.

Беспомощно разведя руками, Херокс равнодушной лопатой бросил еще несколько фунтов осуждающей почвы в могилу вины.

Схрон заскрипел зубами, а живот его в самой что ни на есть небожественной манере зарокотал.

— Ну ладно, вы можете болтаться тут и искать его. А лично я точно знаю, где сижу! — Он плечом отворил дверь, протопал внутрь и резко остановился.

Ноздри Схрона раздулись, вдохнули — и все его настроение самым жалким образом нырнуло куда-то в его носки. Чего-то здесь определенно недоставало.

Подобно заброшенной обнаженности дома, в котором бесцеремонно сорвали все рождественские украшения, обонятельный пейзаж «Манны Амброзии» был катастрофически лишен уютного аромата Знаменитого Чесночного Хлеба с «драконсолой» Тони Фабрицци.

Весь Аррай услышал жалобный вой и горестные вопли Схрона, когда он упал на пол и зарыдал, то и дело клянясь, что больше никогда не будет делать поспешных заключений о том, насколько славный сегодня денек, пока перед ним исправно не задымится его ленч.

Внезапно некая ангелица воспарила из голубого простора, распростерла свои крылья и опустилась вниз, сопровождаемая одним из младших божеств — облаченным в длинную бледно-серую шинель и аналогичного цвета фуражку.

Алкан с растущим чувством виноватой нервозности наблюдал за тем, как ангелица что-то шепчет на ухо божеству, бросая взгляд в его сторону. Фе Ликс, главное божество, ответственное за шпионаж, дезинформацию и слежку, еще глубже засунул кулаки в карманы своей шинели и обратил непроницаемый взор на Алкана. Секунды спустя он повыше подтянул воротник и стремительно вышел наружу, на облачную парковку. Флорри оживленно порхала у него над головой.

Наблюдая за их лихорадочным отбытием, Алкан вдруг понял, что у него совершенно пропал аппетит.

Атмосфера на Греховной площади и вокруг нее буквально гудела резонансными волнами сильнейшего напряжения. Эпицентром этого напряжения был Асаддам. Он понимал, что его будущее как главного менеджера Мортрополиса всецело зависело от максимального одобрения одного-единственного дьявола, самого

повелителя скверны д'Авадона. Одна унция резкого недовольства д'Авадона — и Асаддама вышвырнут из города, подвергнут остракизму.

И все же глубоко в злом нутре своих кишок Асаддам точно знал, что этого не случится. Нет, только не с той идеальной демонстрацией чистой эффективности и тем колоссальным спектаклем, который он подготовил. Каждая деталь была им лично проинспектирована, каждый демон под его командой бился в пределах дюйма от непрерывного и продолжительного обдирания его предельно личным асаддамовским драконом о девяти хвостах. Теперь все было готово, отрепетировано, отточено, причем с идеальным вкусом к мучениям и страданиям, которыми предстояло подкрасить и без того впечатляющий образ дьявольской эффективности.

Отсутствовала только одна чертовски мелкая и ничтожная деталь. Сам повелитель скверны д'Авадон.

— Ну где же он? — прорычал Асаддам, расхаживая взад-вперед. Напряжение уже начинало его раздражать, точно муравьи в штанах. — Он опаздывает. Почему он опаздывает? Что его задерживает? Он должен быть здесь!

Асмодеус держал голову пониже, прибивая последнее знамя к балкону тринадцатого этажа. Теперь четыре больших прямоугольника властно оттуда махали, и на каждом в качестве центра имелся большой белый круг — чистый перл невинности, перечеркнутый раздвоенным копытом, скрещенным с трезубцем. Это был символ Нового Порядка Мортрополиса.

По всем краям Греховной площади эхо этого мотива ревело в безмолвном почтении, пока специальные расставленные там плотные отряды демонов махали аналогичными флажками. Впрочем, по своевременно данному сигналу эти демоны должны были повести себя в манере, предельно далекой от безмолвия.

Асаддам раздраженно барабанил по краю балкона, глодая собственные клыки. Д'Авадон уже должен был прибыть и стоять здесь, по левую руку от него, бурля гордостью за избранного им идеального диктатора.

В голове у Асаддама назревал управленческий кризис. Назначенное время уже наступило. Следует ли ему отложить начало своего спектакля до прибытия д'Авадона... и подвергнуться риску показаться неэффективным? Или ему следует победно щелкнуть

когтями в сернистом воздухе, обрезать нужную ленточку... и подвергнуться риску, что д'Авадон все это пропустит? Мог ли он быть полностью уверен в том, что д'Авадон попросту не проскользнул на Греховную площадь незамеченным, обрушивая это ужасное решение на плечи Асаддама, а сам все проверяя и проверяя? Выбора у него не оставалось. Главный менеджер просто должен был начать — так было безопасней. Если д'Авадон объявится позже, тогда он просто сможет начать все это проклятое мероприятие заново. Для Асаддама вовсе не было в тягость еще разок властно оскалиться на своих подручных, усиливая свое превосходство, укрепляя свою власть над всем Мортрополисом.

С финальным оскалом главный менеджер поднял лапу в классическом салюте с двумя расставленными когтями и с легкостью перерезал ленточку. Поспешно собранная кучка демонов, именуемая Мортрополитанским грехофоническим пыткестром, шумно грохнула в кипящие литавры, мрачно заскребла по меди и принялась как попало дергать струны расстроенных скрипок. Дюжина высокооплачиваемых демонов по контролю над толпой (временно избавленных от своих ментагонских обязанностей) угрожающе защелкала кнутами и тем самым перевела аудиторию в состояние восторженного неистовства. Знамена замахали, глотки восторженно заорали. Сфокусированные копья лавовых прожекторов проткнули площадь. Слева потащилось массовое убожество синхронных шаркальщиков из Огненных Ям. Кандалы мерно лязгали у них между лодыжек.

И тут, незримые во внезапном хаотически-хтоническом оживлении, два влекомых скалодонтами фургона тайком прогрохотали вперед, остановившись на противоположных сторонах площади. Если кто-то выбрал бы подходящий момент, чтобы бросить косой взгляд на подозрительно чистые на вид бородатые фигуры внутри фургонов, он увидел бы нешуточные пурпурные языки благочестия, парившие у всех фигур над головами. Однако никто такого момента не выбрал. Никто не осмелился единственным косым взглядом навлечь на себя гнев Асаддама. Нет, только не сегодня. И не при теперешнем его настроении.

Булыжник Греховной площади, казалось, прогнулся и искорежился, когда демонстрационная команда «Большой Череп» выкатила на него свои многотонные снаряды под сопровождение жуткого музицирования от грехофонического пыткестра. Вокруг них

щелкали и резали воздух драконы о девяти хвостах. Трезубцы вовсю крутились в угрожающих вихрях. А Асаддам подпрыгивал вверх-вниз, громко стуча копытами и трепеща в мрачном восторге.

Бубуш и Ублейр, задыхаясь от благоговения, наблюдали за происходящим с нагруженных божествами фургонов. Крошечные гавани сомнения начали наполняться судами колебания и флотилиями безверия. Прямо у них на глазах разворачивался столь изумительный спектакль, что ковры самоуверенности вскоре оказались выдернуты у них из-под копыт. Внезапно оба демона сильно засомневались в том, что смогли бы сами устроить что-то насколько зловеще-красочное. Было очень кстати, что они находились слишком далеко один от другого, чтобы признаться в этом друг другу.

Молча сглотнув слюну в клубящемся хаосе митинга Нового Порядка, они подшили свои сомнения в папку под названием «нервы» и приготовились действовать.

Тем временем несомый нежным сернистым ветерком высоко над большинством грызущих верхушки крыш скалодонтов любопытный пурпурный шаровер чистого благочестия вовсю шипел и трещал, плывя к многочисленной толпе на Греховной площади. Вполне вероятно, что он проплыл бы мимо, бесцельно порхая по подземному царству Уадда, и красочно врезался бы в какую-нибудь заброшенную пещеру на задворках этого самого царства, принеся убежище веры и легкомыслия лишь местной колонии хтонических гоферов. Короче говоря, не нашел бы истинной цели — если бы не магнетическое присутствие девяти божеств, сокрытых в пределах Греховной площади. А также — еще более сильная тяга от бесчисленных демонов, которых тронула нежная ладонь восторженной посвященности.

Несмотря на доблестные усилия воздушного потока, пурпурный шаровер благочестия начал спускаться, и по мере его спуска крошечные роднички спонтанного хихиканья стали извергаться из плотно спрессованной подневольной толпы.

Ручейки возбуждения с бульканьем устремлялись вверх, сливались воедино и формировали маленькие бассейны легкомыслия. Демонов охватило неудержимое стремление заводить протяжные распевы и звонить в малюсенькие бубенцы — чья форма и мелодичный звон не были так уж несхожи с теми звуками, что издавались «Цимбалическими душеспасителями» Блинтона Клинта.

Потребовалась лишь самая малость. Стоило только одному из наиболее подверженных благочестивому влиянию демонов выхватить из кармана свои крошечные бубенцы, со звоном их соединить — и секунды спустя спонтанные взрывы легкомыслия изверглись по всей площади, объединяясь с инфернальной какофонией Мортрополитанского грехофонического пыткестра. Копыта принялись бесконтрольно стучать. Тут из карманов были вытянуты чудесные маракасы, и Асаддам дико завопил, когда подневольная аудитория нарушила построение.

Перегибаясь через балкон, главный менеджер в бешенстве рвал когтями воздух, рявкая приказы главному ментагону. Очень скоро он уже докричался до хрипоты — но все было тщетно.

И в то самое мгновение, когда Бубуш встал на облучке и узрел в поведении дьяволов железную хватку настроений, детально описанных в «Смертоносном Молоте Легкомыслия», он понял, что настала пора действовать. Отчаянно размахивая руками, он привлек внимание Ублейра на другой стороне площади. Секунду спустя оба демона хлестнули кнутами своих скалодонтов и привели их в движение.

Облака пыли заклубились от стремительно семенящих ног существ в черных панцирях, пока они бились за сцепление с почвой. Через какой-то миг скалодонты уже неслись вперед, выволакивая фургоны в корчащуюся сумятицу инфернального хаоса.

— Прочь с дороги! — бешено завопил Бубуш, громко щелкая кнутом над своими рогами. — Фургон без тормозов! Берегись!

Демоны пронзительно завопили, отпрыгивая с дороги якобы потерявшего управление грузового фургона. Как планировалось, оба фургона понеслись навстречу друг другу по идеальному встречному курсу. И каждый нес свой убийственный груз.

Только Бубуш и Ублейр понимали, что произойдет, когда две эти субкритические массы столкнутся. Только они могли предвидеть внезапное извержение огромных доз святых волн. И только они знали об эффекте, который все это окажет на не подозревающих ничего худого дьяволов Мортрополиса.

Бубуш сомкнул свой разум на двух убеждениях, крепко сжимая их всеми нейронами своей воли. Он не сомневался, что если он удержит в себе твердую веру в то, что Асаддам будет смещен и что именно он его заменит, тогда и все остальные в это уверуют.

— Прочь с дороги! — снова завопил Бубуш, когда кучка кувыркающихся демонов в экстазе закрутилась из хаоса и едва-едва не оказалась распластана стремительно несущимся вперед скалодонтом.

А потом уже было слишком поздно. Из-за массы багряных флажков вылетел фургон Ублейра, дико подпрыгивая и грохоча, безостановочно мчась вперед. Два фургона вильнули так, что искры брызнули у них из-под колес, — и ударились борт о борт, после чего дали резкий крен и развернулись на месте. А девять божеств оказались выброшены навстречу друг другу.

Языки пурпурного пламени веры рванулись ввысь, синергически вытягиваясь. А через несколько секунд случилось *это*. Пурпурные молнии зашипели из-под столкнувшихся фургонов, облака священного дыма заклубились, сочась безошибочно узнаваемым запахом ладана и недавно потушенных свечей. Воздух наполнился ревом праздничных хоров, и плоская ладонь благочестия разом отвесила тысячам дьяволов увесистую пощечину показного восторга.

На балконе тринадцатого этажа Асаддам дико завопил, когда дым слегка рассеялся и ненавистные фигуры Бубуша и Ублейра стали видны на самом верху обломков потерпевших крушение фургонов. Оба демона широко ухмылялись. Позади к ним прикатило заблудшее колесо.

Божества, оказавшиеся пойманными в ловушку под обломками, вовсю проявляли недовольство и недоумевали, какое отношения все это безобразие должно было иметь к курсам менеджмента.

— Друзья, демоны, граждане Уадда! Поверьте мне ваши страхи! — победно выкрикнул Бубуш. Проделай демон то же самое в любое другое время, он тут же оказался бы втоптан в землю дюжиной рычащих ментагонов, после чего был бы обвинен согласно Новому мортрополитанскому акту о свободе слова, принятому на прошлой неделе[1].

---

[1] Все знали, что Мортрополис являлся демократическим городом. А раз так, то все его граждане были совершенно свободны отправлять свое право на свободу слова согласно принципу «один демон — один голос». Теперь, однако, упомянутый принцип содержал в себе одно дополнительное слово. Теперь это был принцип «один главный демон — один голос», и всякое отклонение от этого голоса, неприятие или повторение его любым демоном, кроме самого Асаддама, каралось жестокой поркой и исправительными работами.

К счастью для Бубуша, ухмыляющиеся ментагоны начисто обо всем этом забыли и просто стояли с развешанными по сторонам ушами и пустыми головами. Каждый из них застыл с парой «Цимбалических душеспасителей» Блинтона Клинта между указательных когтей, качаясь на самом краю истинной веры.

Бубуш попытался обвести всех собравшихся на площади, многозначительным взором, пока он переводил дух и готовился произнести, надо думать, самую важную речь за все свое инфернальное существование. Он был в считанных минутах от того, чтобы подобрать под себя должность главного менеджера. И Бубуш это знал. В его кишечнике ощущался отчетливый дискомфорт.

— Граждане Мортрополиса! Остановитесь на мгновение и оглянитесь вокруг! — проорал Бубуш сквозь густые облака теического смога. В его взоре все четко увидели, что инфернальный правопорядок унизительно проиграл тур армрестлинга и увлечен под холодный душ поражения.

— Это что, эффективность? Это то, чего вы хотите? Мы все наслушались планов Асаддама насчет Нового Порядка Мортрополиса. И я спрашиваю вас — это именно то, что вам нужно? Вам нужны помпезные уличные празднества, имеющие своей целью лишь показать его превосходство над вами? Вам охота, чтобы он добился от вас подчинения и пресмыкательства с одной лишь целью снискать благоволение повелителя скверны д'Авадона? — прокричал Бубуш, переходя прямиком к самому уязвимому месту всего менеджерства Асаддама.

Далекое мучительное эхо загрохотало с балкона тринадцатого этажа. Бубуш намеренно его проигнорировал.

— Так что же он сделал для вас, братва? Зачем вы так напрягались и страдали? Что в этом состоянии полного хаоса можно было произвести? Разве до избрания Асаддама не было лучше? — Внутренне Бубуш возбужденно бурлил, чуя пробуждение первых сомнений и эмбриональных шевелений гражданского беспокойства. — Будь подопечные Шейтана способны сейчас вас увидеть, какое впечатление они бы от этого зрелища получили?

Асаддам ревел с балкона что-то невразумительное, перегибаясь через его край. По его жестам легко было понять, что развитие ситуации его, мягко говоря, не радует. Наконец, выбив копытом искру, он развернулся и с злобным рыком выбежал с

балкона. Пока главный менеджер грохотал вниз по лестнице, все мысли о д'Авадоне бесцеремонно отталкивались на задворки его разума.

Самым что ни на есть любопытными образом, в странном извиве иронической справедливости, повелитель скверны д'Авадон в этот же самый момент старательно отталкивал на задворки своего разума все мысли об Асаддаме и грядущей мортрополитанской инспекции. Тридцатифутовые крылья Гарпи мощно махали в уаддском воздухе, с кажущейся легкостью пробиваясь сквозь перекрестные потоки и багровые облачные гряды. Щуря глаза под защитными очками, д'Авадон оглядывал свое подземное царство. Отсюда, сверху, почти от самой страхосферы, все выглядело таким манящим и привлекательным. Повелитель скверны не видел ни одной из плотно спрессованных грязных толп, что всю вечность слонялись от муки к муке. Эти толпы страдающих душ попросту оскверняли славу Уадда. И д'Авадону вдруг захотелось вечно оставаться здесь. Здесь, где были только он и его любимая птеродактилица, что привольно ныряла и парила, трепеща на прозрачных крыльях восторга. Но он знал, что вечно оставаться здесь ему, к сожалению, нельзя. Инспекция призывала. Повелитель скверны должен был спуститься туда.

А на Греховной площади Бубуш тем временем доводил полную энтузиазма толпу до неистовства веры.

— Почему все вы должны повиноваться любому капризу Асаддама? Действительно ли вы верите в то, что он защищает интересы Мортрополиса? Только взгляните на все это суматошное безобразие. Сегодня самый важный день за все его правление — и вот, вы только посмотрите! А знаете, кого во всем этом обвинят? Догадываетесь? — Бубуш с прищуром глянул на перевернутые фургоны. В глазах у него пылало дикое рвение. — Вас! — выкрикнул он, тыча демоническим когтем в толпу. — На ваши плечи ляжет весь позор нашего некомпетентного вождя!

Толпа откликнулась одобрительными воплями. Аргументы этого неизвестного демона стали яркими огнями в их воспаленных умах. Пылающими факелами, за которыми можно было следовать по

лишенным любых троп пустыням. И все, кто слышал слова Бубуша, все, кто был погружен в зловещее пурпурное свечение святых волн, постепенно начинали верить. Правильно! Ничего худшего, чем Асаддам, с Мортрополисом никогда не случалось! Что? Главный менеджер? Тьфу! Да он даже собственный поход в сортир толком предпринять не способен!

— Намерены ли вы за это ответить? — выкрикнул Бубуш.

— Конечно, готовы! — заорал Асаддам, вырываясь из дверей страхоскреба Греховной службы. — Я главный менеджер! Что я говорю, то и катит!

— Правильно! — парировал Бубуш. — Пусть главный менеджер отсюда катит! Долой Асаддама!

Нервозно шаркая копытами, толпа демонов задумалась, что ей делать. Ворчать, стонать и жаловаться о тяготах диктатуры было одно. А вот реально что-то предпринимать — совсем другое.

— Долой Асаддама! — снова выкрикнул Бубуш, гневно топая копытом по перевернутому фургону.

— Долой Асаддама! — донеслось эхо из бокового проулка. Все головы повернулись и удивленно туда уставились, когда в поле слуха бесцеремонно вторгся рокочущий топот копыт стремительно несущейся толпы.

И с еще одним криком «Долой Асаддама!» многочисленная толпа из бывших иммиграционных чиновников, бывших сотрудников Пропускного депо и полчища разозленных паромщиков изверглась на площадь, неся на своих лапах его высокобесподобие Брехли Треппа из Речистой Миссии, точно маленький священный талисман. С тех пор как эти демоны услышали его речь у рудников Узбаса, они поняли, что от них требуется только одно. Избавить Мортрополис от страшилы Асаддама. И теперь их время пришло.

— Правильно! — с энтузиазмом проорал Бубуш, пусть даже несколько озадаченный внезапным появлением толпы. — Долой Асаддама!

— Драгодил! — заорал Асаддам, пока толпа с рудников лавы и серы струилась на площадь. — Драгодил! Спаси меня! Арестуй эту толпу!

— Гм... я... ведь мне теперь предполагается только контролировать толпу, помните? Вы как раз сегодня сами это сказали. И я... — начал было могучий вожак ментагонов.

— Так это как раз та самая толпа! Давай контролируй! — завизжал Асаддам, отчетливо начиная понимать, что общественное мнение с тревожной стремительностью уходит прямо у него из-под когтей.

Демоны с рудников беспрепятственно пронеслись сквозь толпу, собравшуюся на митинг, разбрасывая туда-сюда давно умерших футбольных фанатов, пинками раскидывая по сторонам шаркающие души, пробиваясь вперед с неотвратимостью кита на роликовых коньках.

Асаддам снова завопил, резко развернулся и пустился бежать прочь, пиная подворачивавшихся ему под копыта демонов, пробивая себе путь сквозь черную чешуйчатую массу подневольной аудитории.

Четыре самых шустрых демона вырвались вперед из рудничной толпы, стремительно ускоряясь. Кнуты изгибались и щелкали у них над головами, точно змеиные языки. Асаддам несся все дальше. Глаза его покраснели от паники, пока он когтями и копытами прокладывал себе дорогу сквозь толпу. А затем откуда-то сзади внезапно хлестнул кнут, обернулся вокруг убегающего копыта и резко потянул. Несчетный тоннаж каменного покрытия Греховной площади со всего размаха треснул Асаддама прямиком в нос.

Зловредно ухмыляясь, демон с кнутом потянул главного менеджера к себе. Асаддам беспомощно блеял, пока его тащили назад. Лапы его бессильно скребли по камням, ноги дрыгались.

Бубуш и Ублейр восторженно скакали на верху останков фургонов, распевая на все лады «Долой Асаддама!» Несмотря на угрожающую передозировку священной эйфории, они все никак не могли поверить в произошедшее.

Их план сработал! Все шансы на то, что Асаддам останется главным менеджером Мортрополиса, испарились бесследно. Никто не стал бы снова воспринимать от него приказы.

Впрочем, это была только первая часть плана Бубуша и Ублейра.

Ухмыляясь как трехкратный чемпион в тяжелом весе по короводранию, Бубуш повыше поднял свои лапы над бунтующими мортрополитанцами.

— С главным менеджером покончено! Да здравствует новый менеджер!

Не слишком понимая причины своего веселья, демоны радовались, хлопали в ладоши и неистово трясли цимбалами.

— Но у меня есть вопрос! — хрипло проорал Бубуш.— Нам нужен новый вождь! Новый менеджер. Тот, кто сможет объединить весь Мортрополис и действовать как его глава. Тот, кто сможет собрать всех в единое целое! — Все это время он тыкал парой указательных когтей себе в грудь, раздувая ее в самой исполненной гордости и вождизма манере, какая только была ему доступна.

— Друзья, демоны, граждане Уадда! — крикнул Бубуш, выталкивая подбородок вперед и принимая самый, как ему казалось, волевой вид. — Так кого вы хотите видеть новым главным менеджером?

На площадь опустилась нервозная тишина, когда все опустили глаза на свои копыта и с жалким видом пожали плечами. Толпа с рудников окончательно смутилась, когда демоны вдруг поняли, что так далеко их мысли еще не заходили. С куда большим энтузиазмом, чем эффективностью, связанный и обеспеченный кляпом Асаддам беспомощно корчился под несколькими сотнями мер особой высокорастяжимой веревки. Никто уже не обращал на него никакого внимания.

— Кто же это будет? — прокричал Бубуш, болезненно тыча когтями себя в грудь. — Давайте, скажите!

Единственным ответным звуком оказалось шлепанье пары сандалий и отчаянные вдохи и выдохи, пока на Греховной площади появилась маленькая пухлая фигурка. Совершенно игнорируя тот факт, что вся округа буквально кишела демонами, фигурка пробежала мимо толпы с рудников, просеменила в самую переднюю ее часть и с надеждой воззрилась на Брехли Треппа.

— Ну, так кто же это будет? — заорал Бубуш. Голос его уже отчаянно дрожал.

— Трепп, я пришел! — выкрикнул Елеус, умоляюще глядя на чудесный талисман рудничных демонов. И тут, по-прежнему находясь под колоссальным воздействием святых волн, все в пределах Греховной площади внезапно увидели в этом чудесное знамение. Демонам стало совершенно ясно, кто станет их новым настоящим вождем. Все они ощущали его прикосновение, слышали его слова, глотали его дармовой эль и даже чудесным образом знали его полное имя.

— Трепп! — дружно завопили демоны, тут же становясь под его знамена. — Брехли Трепп!

Челюсть Бубуша отвисла ему на грудь.

— Нет-нет. Погодите. Я имел в виду себя! — шумно запротестовал он.

— А как насчет меня? — заорал Ублейр. — Ты обещал, что я тоже...

— Послушайте, я самый лучший кандидат! — заверещал Бубуш в регистре, обычно характерном для перепуганных поросят недельного возраста. — Эй, внимание! Послушайте, я блестящий кандидат! Я... эй, отвалите! Нет-нет, погодите, поставьте меня на землю!

Без какого-либо приказа двое неверующих, единственные диссиденты во всей огромной толпе, были схвачены четырьмя самыми здоровенными ментагонами и с воплями уволочены по боковому проулку. За ними вплотную следовала еще одна четверка, которая волокла отчаянно корчащегося Асаддама.

Из проулка обратно на площадь доносились слабые отголоски унижения.

— Это большая ошибка, — выл Бубуш, по-прежнему пытаясь держать себя так, будто он тут самый главный.— Послушайте, если вы поставите меня на землю и прямо сейчас отпустите, я забуду этот инцидент. Я стану идеальным главным менедже... ай! Ой! — Безошибочно узнаваемый стук ментагонского кулака по нежным носовым тканям мучительно метнулся меж дружных воплей «Трепп! Трепп!» и затих меж домов

Бывшее его высокопреподобие Елеус Третий не мог поверить своим ушам.

— Нет, послушайте, вы не так меня поняли! — закричал он. — Я только хотел, чтобы он показал мне путь отсюда... ах-х!

Громадный демон опустил на Елеуса огненный взор, в предельно конкретной манере оскалился и протянул к нему здоровенную лапу. Елеус отчаянно завопил, когда длинные когти сомкнулись у него на горле, сжали его и потянули вверх.

— Он уже показал нам путь! — проревел демон, который, судя по всему, не на шутку нахватался святых волн.— И теперь должен быть вознагражден, — подняв Елеуса высоко над своими рогами, демон усадил его к себе на плечи.

— Нет-нет. Послушайте. Я только хотел, чтобы Брехли Трепп... э-э... погодите. Вознагражден, вы говорите? А чем именно вознагражден? — лопотал Елеус.

— Должностью главного менеджера! — ответил демон.

Все дружно проревели в знак одобрения и отправились в широкий круг почета по улицами Мортрополиса. Трепп и Елеус держались высоко у них над головами, а объединенная конгрегация радостно следовала позади.

Высоко под сводом страхосферы, восседая на вовсю машущей крылами дактилице по имени Гарпи, повелитель скверны д'Авадон внимательно пригляделся к Греховной площади и улыбнулся.

— А у них там, похоже, все очень славно идет. А, Гарпи? Я... гм... честно говоря, мне не кажется, что нам обязательно нужно туда залетать. Как думаешь, а? Давай просто немножко полетаем тут по округе, а потом поглядим, как там дела у Шейтана. Как тебе, Гарпи, а?

Гарпи радостно заревела и устремилась в глубокий восторженный нырок. Д'Авадон принял это за определенный знак согласия.

Флорри проследовала за Фе Ликсом, главным божеством, ответственным за шпионаж, дезинформацию и слежку, — прямо в интерьер гудящего облака, где уставилась на пылающий трезубец.

— Вот, я же говорю, — сказала ангелица. — Гудит и пылает. Как будто что-то вроде тревоги. Что это такое?

— Что-то вроде тревоги... — прошептал Фе Ликс. В голосе его прозвучало удивление божества, глядящего на что-то, чего оно решительно никогда не ожидало увидеть.

— Да? В самом деле? А какая именно это тревога? — взволнованно спросила Флорри.

— Худшая, самая худшая, — пробормотал Фе Ликс. Лоб его сморщился, а плечи приподнялись к самым ушам.— Мы должны взять его под прикрытие и перевести на безопасное облако, подальше от них! — Он резко развернулся, закручивая на себе шинель, и стремительно вырвался из облака.

— От них? От кого от них? — продолжала нажимать Флорри. — Что происходит?

За бесчисленные столетия, что прошли с тех пор, как угроза Инфернального вторжения рассеялась, словно клуб скучного дыма, ангелица успела все это позабыть. Хотя следует отметить, что большинство сложных и в высшей степени священных систем слежения, за которые Фе Ликс был ответственным, держались в предельном секрете. Не было никакого смысла рассказывать всем

и каждому, что он изобрел новый тайный способ держать руку на пульсе демонического образа мыслей. Иначе этот самый способ уже не был бы таким тайным, разве не так?

На пике угрозы Инфернального вторжения Фе Ликс много недель безвылазно провел в этом облаке, глазея на трезубцы и ожидая, когда же они наконец зарегистрируют злые мысли, направленные на конкретные мишени. Каждый из трезубцев был точно настроен на резонанс специфической демонической целеустремленности. Если ваш трезубец загорался, это показывало, что вы находитесь на уме у демонов. А для в высшей степени чувствительного к заговорам разума Фе Ликса это означало только одно...

Они планируют вас захватить!

Он должен был убрать Алкана из поля зрения, обеспечив ему глубокое облачное прикрытие. Причем прямо сейчас!

Разбитый фургон на опустевшей Греховной площади натужно заскрипел, несколько раз покачнулся и наконец со всплеском хриплого пыхтения повалился на бок. Стапель и Туммак отбросили с дороги другой, раскидали по сторонам сланцевые плиты и встали.

Шармани вовсю негодовал.

— Загублена! Именно загублена! Мне уже никогда ее не восстановить! — жаловался он, пытаясь стряхнуть грязные пятна со своей тоги.

Эндезид пошарил у себя в сумке и вытащил оттуда небольшой пакетик.

— Вот, удобные дорожные салфетки! — ухмыльнулся он. — Идеально подходят для приведения в порядок изношенных в поездке одеяний и освежения усталых ног.

— А вот для этого у вас ничего нет? — прохныкала Нивейя, потягивая себя за челку. — Она уже никогда не ляжет как надо, я в этом определенно уверена!

Пока Эндезид снова принялся рыться в своей объемистой сумке, Стапель пожал плечами, выбил пыль из своей фуражки и спросил:

— Итак, мои сердечные, что мы теперь будем делать?

— Делать ноги, — пробормотал Драпак. — Дуем отсюда! Вот так!

— Что? — буркнул Туммак. — Ведь мы же пропустим первосортный мордобой, когда они сюда вернутся!

— Бежим, — упирался Драпак, направляясь в сторону темного проулка.

— Вы куда? — крикнул Мэтр д'Отель.

— Я отсюда сваливаю. Вот сюда, смотрите, — Драпак поднял уже знакомую всем божествам карту Мортрополиса и указал на крошечную дверку, помеченную как «Выход».

— Знать маршрут отхода никогда не мешает, — добавил он, и восьмерка усталых божеств тут же с ним согласилась.

— Послушайте, а ведь это работает, — в конце концов сообразил Мэтр д'Отель, пока они тащились по мрачным боковым проходам и редко посещаемым проулкам.

— Что работает?

— Ну, курсы эти несчастные. Вы заметили, как быстро мы приняли решение? — И остальные восемь божеств поняли, что он прав. Все они это почувствовали.

— Сюда, — прохрипел Драпак, сверяясь с картой и указывая на давно не использовавшуюся дверь в глубокой луже теней.

— Сюда? — усомнился было Шармани, разглядывая паутину. Затем он осмотрел свой стильный наряд и пожал плечами. Хуже уже стать не могло.

— Ага, — Драпак с энтузиазмом толкнул дверь — и досадливо сплюнул, когда она не сдвинулась с места.

Тогда Туммак ухмыльнулся, подошел к двери и легким пинком распахнул ее, после чего сразу же прошел дальше, не остановившись, чтобы взглянуть на выцветшую и неразборчивую табличку на стене, надпись на которой гласила:

СО ЛЮДАЙТЕ СТОРОЖ ОСТЬ!
П ОТИВО ХОТНЫЕ ВЯТЫНИ!

Блаженно не замечая целых ящиков с рисуиками в форме креста, что хранились под винтовой лестницей, божества начали длинное восхождение.

Ангельские официантки в «Манне Амброзии» лихорадочно порхали между столов, несмотря на полное отсутствие какой-либо закуски. Кувшины эля и вина безостановочно текли в кружки, после чего отправлялись вниз по стремительно пьянеющим глоткам.

Схрон с несчастным видом смотрел в свой эль и отчаянно тосковал по самому ничтожнейшему из кусочков Знаменитого Чесночного Хлеба с «драконсолой» Тони Фабрицци.

В эле было что-то предельно жидкое. Совсем нечем похрустеть. Куда мог подеваться Тони? Разве он так скверно с ним обращался, чтобы повар вот так просто взял и исчез? Но нет, такого просто не могло быть. Так могли делать только божества, разве нет? Схрон воззрился в будущее, лишенное кулинарных благ Тони Фабрицци, и пьяная слеза несчастья заискрилась в уголке его глаза.

Внезапно некое официозное божество вскочило на ноги и резко вытолкнуло руку в воздух.

— Разве уже н-не время для обсуждения «Прочих в-вопросов»? — осведомился Херокс у тут же наполнившейся стонами аудитории.

Схрон заглотил весь свой эль, и ангельская официантка добавила ему еще галлон.

— С-сэр! Разве уже н-не время для?.. — снова начал было Херокс.

— Да слышу я, не глухой, — рявкнул Схрон. Голос его как-то деревянно отражался от внутренностей кружки.

— Итак? — настаивало божество с поднятой рукой.— Время или н-не время?

— Я как раз думаю, — пробормотал Схрон. — И не могу понять. «Прочие вопросы» всегда бывали у нас после пудинга, а я этого самого пудинга и в помине не видел... — Вереница его мыслей нерешительно стекала в кружку.

— Но р-разве уже н-не время? — занудил свое Херокс, пытаясь убрать с лица недовольную мрачность.

— Ну тогда ладно, — проворчал Схрон поверх гомона пьяных божеств. — Хотя для всей компании это особого смысла иметь не будет. И, говоря откровенно, я вообще сомневаюсь, что это имеет какой-то смысл.

Херокс опустил руку, ухмыльнулся, перевел дыхание и официальным тоном осведомился:

— «Прочие вопросы» имеются?

— Да, мои сердечные, — объявило облаченное в тыквенную пижаму божество, с фуражкой на голове и капитанской бородкой на физиономии, только что вытряхнувшееся из «Божеского сортира» и слегка запыхавшееся.

Глаза всех присутствующих удивленно обратились на этого столь внезапно появившегося персонажа, причем некоторые сфокусировались куда быстрее прочих.

— Весь вопрос в том, как мы все-таки нашли этот чертов способ принятия решений!

— Стапель? Где ты был? — заорал ему в ответ Схрон. И лишь развел руками, когда из двери «Божеского сортира» появились и другие. Позади всех, отчаянно краснея, следовала Нивейя. Ей еще ни разу не доводилось бывать в «Божеском сортире» — тем более в мужском.

— На самом деле все прошло просто блестяще, — с энтузиазмом продолжил Стапель. — Требуются два ответственных, один вроде как отцовская фигура для другого, а еще компания священного народа вроде нас. Типа Отец, Сын и Святой Десант.

— Где Фабрицци? — взвыл Схрон.

В дальнем углу Ромсдел вдруг сел прямо и задумался о словах Стапеля. Все это казалось малость угловатым и, пожалуй, слегка тяжеловесным, — однако, размышлял ответственный за смертный менеджмент и кризисный контроль, оно и впрямь могло сработать.

— Вы не м-можете так п-просто сюда врываться и объявлять тему для обсуждения в числе «Прочих в-вопросов»! — воскликнул Херокс, размахивая своими карточками с предложениями. — С-сюда ничего т-такого не введено. Незарегистрированные п-предложения должны должным образом в п-порядке долженствования п-представляться для дебатов, утилизируя п-правильную п-процедурную утилизацию.

Блудные божества пожали плечами и были препровождены к их законным местам испытавшим чувство глубокого удовлетворения Мэтр д'Отелем. «Кому нужны решения, — размышлял он, — когда кругом столько пива и божеств, чтобы водить их куда надо?»

В темном углу Алкан испустил огромный вздох облегчения. Не прозвучало никакого упоминания о каких-либо гнусных схемах и его к ним причастности. Итак, он был чист.

И в конечном итоге он все-таки заберется за Верхний Стол. С ухмылкой облегчения Алкан плеснул себе в кружку галлон самого лучшего эля.

Однако шанса выпить этот эль он не получил.

Сзади к Алкану подкралась тень в бледно-серой шинели и аналогичного цвета фуражке, ладонью прихлопнула ему рот и утянула прочь от стола.

— Ни слова! — рявкнул Фе Ликс, выволакивая отчаянно лягающегося Алкана из «Манны Амброзии», пока все глаза по-прежнему были сосредоточены на недавно вернувшихся божествах. — Тебе нужно держаться тихо, иначе тебя найдут! Это ради твоего же блага. Доверься мне. Я знаю, что делаю!

Глубоко в пещерной тьме, освещенной лишь сумрачным багрянцем лавы и серы, массивная особь из породы ментагонов вручила громадные киркомотыги трем хилым фигурам. Затем демон указал на покрытую серой стену, что-то невнятное прорычал и ткнул когтистым пальцем в обширный набор пустых ведер, разверстых в сумраке точно пасти голодных детенышей амморетанских ящериц-убийц.

— Копайте здесь, — красноречиво прохрипел ментагон и ловким копытом резко пнул по заднице ближайшего из троих.

Кандалы на лодыжках Ублейра гремели, пока он шаркал к стене и пытался занести над чешуйчатым плечом гигантскую киркомотыгу.

— Копайте? — переспросил он. — Да мне эту заразу вообще не поднять.

— Ничего, научишься, — прорычал ментагон, радостно скалясь в багровой тьме. — Иначе... — загадочно добавил он и повернулся, вроде бы собираясь уходить.

— Эй! — запротестовал Бубуш. — Ты куда? Ты что, нас здесь одних бросишь?

— Да заткнись! — громким шепотом прошипел Асаддам. — У тебя хоть какие-то мозги остались? — Он радостно махнул ментагону. — Все в порядке, — крикнул бывший главный менеджер. — Нам здесь будет просто чудесно. А ты возвращайся к своей дыре. Желаю тебе провести чудный вечерок!

Голова Асаддама гудела от сознания того, что очень скоро он будет способен в совершенстве обращаться с киркомотыгой. Когда рядом не будет стражи, между ним и свободой останется лишь пара кандалов. А с ними он уж сумеет как следует разобраться — и в предельно короткие сроки.

— Да, очень мило, — прохрипел ментагон. — Доброй ночи. Ах, погодите. Чуть было не забыл.

Озадаченные, Ублейр, Бубуш и Асаддам навострили уши и услышали, как раскрывается троица крошечных клеток. Затем последовало внезапное жужжание малюсеньких крылышек.

— Ох нет, только не это... — простонал Асаддам, мгновенно узнавая звук.

— Что? Что «только не это»? — спросил Бубуш, от всего сердца наслаждаясь тревогой в голосе Асаддама.

— Нет! Пожалуйста, не надо! НЕ-ЕТ! — пронзительно завопил Асаддам, когда крошечный сторожевой мудемм нежно опустился ему на плечо, угрожающе помахивая хоботком.

Ментагон ухмыльнулся, заслышав отголоски воплей, что надлежащим образом вылетали из горловины Узбасских рудников лавы и серы.

Капитан Мабыть оглядел интерьер Главного муниципального храма и удивленно покачал головой. Но не от того факта, что интерьер этот за каких-нибудь десять минут удалось идеально переподготовить для свадебной церемонии.

И не оттого, что Корман Макинтош порылся в своей мошне и расплатился за спиртное и закуску для всех гостей.

И даже не потому, что он все-таки запомнил свой текст и сумел более-менее внятно изложить его перед лицом такой огромной аудитории.

Нет. Капитан Мабыть был предельно удивлен тем, что ничто не пошло наперекосяк. После всех этих панических треволнений по поводу цветов, одежды, кресел, волос и массы других мелочей, о которых он даже никогда не слышал, все прошло просто замечательно. Ладно, пусть цветы над ухом у жениха ни в какую не гармонировали с его тогой, пусть пятеро гостей хлопнулись в обморок от волнения, пусть случилось целых пятьдесят три случая нехватки авокадового джина «Льдинка»... Тем не менее все прошло как надо.

Блинни и Нибель отныне и навсегда стали мистером и миссис Плутт, и все в Аксолотле пребывали в полном восторге.

Мабыть сделал глоток дынного ликера и выплелся на высокий застекленный балкон, пока оркестр казу и окарин диссонантно

выделывался на предмет какого-то популярного мотивчика тридцатилетней давности. Капитан вздохнул и выглянул из окна, уже с грустью вспоминая о прошедшем дне и готовясь прорваться сквозь всю ночь. Пожалуй, еще двенадцать часов, и на нем можно будет зашивать саван...

Но тут снаружи что-то такое двинулось. Уголок капитанского глаза засек тревогу, когда целое облако белых хлопьев радостно закувыркалось на ветерке. За ними последовали более светлые крапинки, и по позвоночнику капитана пробежал холодок ужаса.

Неужели страшное предсказание сбылось так скоро?

Были это снежные хлопья... или конфетти?

Капитан Мабыть содрогнулся и сделал отчаянный глоток дынного ликера.

В малопосещаемом углу в предместьях Аррая не на шутку раздраженная фигура барабанила по стенам совершенно пустой полости во внутренностях просторной облачной гряды.

Алкан понял ошибку Фе Ликса только через десять минут после того, как облаченное в фуражку и шинель божество заперло дверь и устремилось прочь. Судя по всему, Брехли Трепп проявил куда большую активность, чем ему полагалось. Он обращал еще и дьяволов! Какая преданность долгу! Будь он трижды проклят!!!

— Это не то, о чем ты подумал! — вопил Алкан, в кровь разбивая свои божественные кулаки о пушистую, но абсолютно неподатливую внутренность облака. — Они за мной не явятся. Я в полной безопасности. Они в меня верят. Вернись и выпусти меня. Они мои друзья! Фанаты! Поклонники! Да выпусти же меня!

Менее чем в двадцати ярдах оттуда отчаянно визжащая ангелица наконец-то как следует выполнила наружную петлю, блаженно не зная о содержимом звуконепроницаемой облачной гряды глубокого прикрытия, вокруг которой она только что совершила свой маневр.

СОДЕРЖАНИЕ

Дело «Труба» 5

Святой десант 291

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ Буква

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 17б, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытищи, Мытищи, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru http://www.ast.ru

МЫ ИЗДАЕМ НАСТОЯЩИЕ КНИГИ

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Харман Эндрю

Дело «Труба»
Святой десант

Фантастические романы

Ответственные за выпуск *И. Петрушкин, А. Тишинин*
Ведущий редактор *В. Гончаров*
Редактор *В. Леонидов*
Художественный редактор *О. Адаскина*
Компьютерная верстка: *А. Яблонская*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Нет ничего хуже демона-яппи, выбившегося в адское начальство и незамедлительно принявшегося наводить в администрации города Мортрополиса «новые порядки».

Его любимые слова — «эффективность» и «автоматизация» — стали поистине КОШМАРОМ для бедных обитателей преисподней!

Иммиграция «автоматизирована для пущей эффективности».

Перевозчики через адские реки вот-вот будут заменены... тоннелями.

А компьютеризация? А эта... как ее... модернизация?

Жизнь в аду стала для демонов... гм... адом.

За помощью — ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ! — пришлось обращаться к ОППОЗИЦИИ!..

Произведения Эндрю Хармана — это УНИКАЛЬНЫЕ ПАРОДИИ практически на всех великих мастеров фэнтези РАЗОМ!

Толкин и Говард, Мэри Стюарт, Теренс Уайт и многие, многие другие «золотые классики» жанра — в СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКОМ и ФАНТАСТИЧЕСКИ СМЕШНОМ «гремучем коктейле».

Каков результат?

Это НЕОПИСУЕМО!

ISBN 5-17-024751-6

ЭНДРЮ ХАРМАН

Дело «Труба»

Святой десант